

ЭКСМО

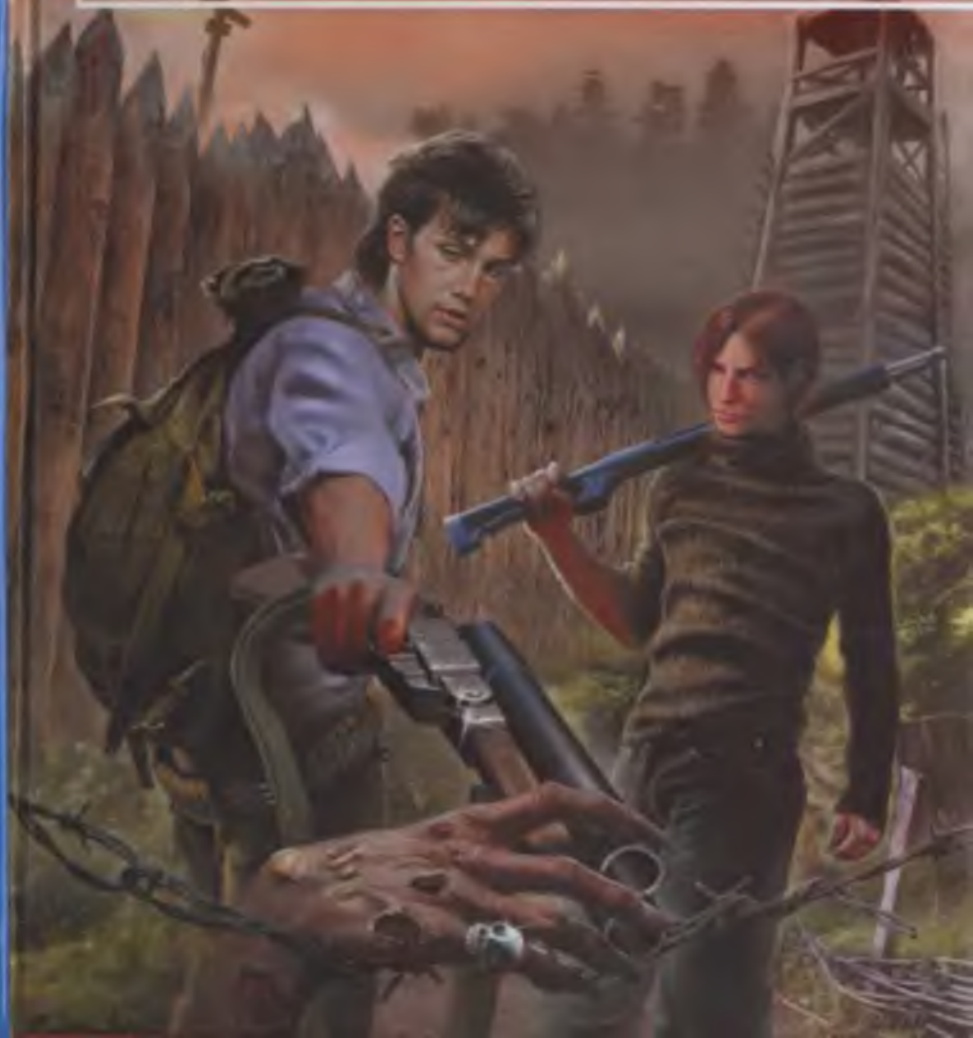
А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

АНИСИМОВ • ВАСИЛЬЕВ • ВОЛКОВ • ГЕЛПРИН • ГИНЗБУРГ • ЗАРУБИНА •
ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ • КАЛИНИЧЕНКО • КУДРЯВЦЕВ • ХОРСУН •

А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

АНИСИМОВ • ВАСИЛЬЕВ •
ВОЛКОВ • ГЕЛПРИН • ГИНЗБУРГ •
ЗАРУБИНА • ЗОЛОТЬКО • КАЗАКОВ •
КАЛИНИЧЕНКО • КУДРЯВЦЕВ • ХОРСУН •

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ
СЕРГЕЙ АНИСИМОВ
ДМИТРИЙ КАЗАКОВ
ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ
СЕРГЕЙ ВОЛКОВ
ИГОРЬ МИНАКОВ
МАКСИМ ХОРСУН
АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО
НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО
МАЙК ГЕЛПРИН
МАРИЯ ГИНЗБУРГ
ДАРЬЯ ЗАРУБИНА
ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН
И ДРУГИЕ

А ЗОМБИ
ЗДЕСЬ ТИХИЕ

ЭКМО
МОСКВА
2013

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
А 11

Составитель сборника *И. Минаков*

Серийное оформление художника *Е. Савченко*

Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Серия основана в 2003 году

А 11 **А зомби здесь тихие** : фантастические повести и рассказы. — М. : Эксмо, 2013. — 864 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-65090-3

Цивилизация людей рухнула под собственной тяжестью...

Небольшие человеческие общины борются за выживание, окруженные полчищами живых мертвецов. Правда, неизвестно, кто хуже — обыкновенные бандиты, беспощадные как зомби, или малоподвижные зомби, промышляющие разбоем. Но общинник Пашка не спрашивает, кто лезет через ограду. Ведь ружье его заряжено картечью...

Теперь, Обглоданный, ты не просто зомбак, теперь ты матрос второй степени разложения. Хочешь служить Мертвечеству? Ступай на камбуз дредноута «Уроборос», готовь жратву на всю команду, но помни: зомби не люди, они человечину не едят...

Молодой зоотехник Леша Жарков приезжает в богатый колхоз. Юноша готов засучив рукава строить светлое будущее, но есть одна проблема — процветание колхоза зависит от труда живых мертвецов...

Война миров — зомби против людей — началась!

Владимир Васильев, Леонид Кудрявцев, Дмитрий Казаков, Сергей Волков, Максим Хорсун и другие в уникальном проекте издательства «Эксмо»!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

- © С. Анисимов, В. Аренев, В. Бакулин, Н. Батхен, В. Васильев, В. Венгловский, И. Вереснев, С. Волков, М. Гелприн, М. Гинзбург, А. Давыдова, Д. Зарубина, А. Золотко, С. Игнатъев, Д. Казаков, Н. Калининченко, Н. Караванова, К. Каримова, Е. Константинов, Л. Кудрявцев, В. Лазурин, Ю. Мальт, И. Минаков, И. Скидневская, А. Скоробогатов, М. Тихомиров, М. Хорсун, Ю. Черных, Ю. Южная, В. Яценко, 2013.
- © Состав и оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-65090-3

ВЛАДИМИР ВАСИЛЬЕВ

А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

Ночь была темная, глаз коли. Пашка первое время всматривался в стылую темень за оградой, но потом бросил — все равно ничего не разглядишь. Положился на слух. И правильно сделал. В целом было тихо, только звякал цепью Барбос, возился в будке своей, даже вздыхал, словно человек. Ну, в лесу еще периодически орала какая-то неутомонная птица, наверное сова. Это были знакомые звуки, привычные и естественные, поэтому Пашка откинулся на кучу тряпья, служащую на вышке и креслом, и топчанчиком, и, прикрыв глаза, слушал. Заснуть он не боялся — перед ночным дежурством отменно выпался и на вышку влез с совершенно ясной головой.

Сразу после полуночи звезды заволокло тучами, а луны сегодня и так не видать было — новолуние. Вышка, собранная из цельных стволов, венчалась дощатым настилом и четырехскатной островерхой крышей над ним. Борта по периметру настила были плетеные, из лозы в палец толщиной. Почему — бог весть, наверное, общинники экономили доски. Ограду вокруг посада они изладили двойную — первый ряд из заостренных сверху бревен, второй, почти вплотную к бревнам — из жердей, тоже заостренных. Жерди вкапывали так, что если кто и умудрится взобраться на ограду, то прыгнуть внутрь не сможет — непременно наколется. Наверное, дед Федя придумал, больше некому. Но чтобы мертвяк взобрался на ограду — ни единого случая пока не было. Пашка вообще сомневался, что они в состоя-

нии это сделать. Они и ходят-то так, что без слез не взглянешь, как будто хромают сразу на обе ноги. Теоретически, даже ребенок от мертвяка должен убежать, но экспериментов таких никто, конечно же, не ставил, потому что мертвяки появлялись только ночью, а кто ж выпустит детей за ограду ночью?

Дураков нет.

Пашка много размышлял над этим — почему люди так боятся мертвяков?

Вид у них, конечно, тот еще: ни дать ни взять — покойник, внезапно оживший, выкопавшийся из могилы и отправившийся бродить без особой цели и смысла по округе. Костей, правда, не видно, да и плоть не гниющая на них, а скорее ссохшаяся, как у мумий из исторического музея — если вы, конечно, помните, что такое музей.

Пашка-то еще помнил; дед Федя по возрасту тоже должен был помнить, но он всю жизнь прожил в деревне, где никаких музеев, понятное дело, не водилось. А вот нынешняя пацанва, уже жадно заглядывающаяся на Пашкино ружье, ничего такого помнить не могла, потому что все они выросли уже тут, в общине.

Так вот о мертвяках: они нередко бродили ночами около человеческого жилья и, если оно не охранялось, — вполне могли и внутрь вломиться. Но жилье обычно охранялось, и мертвяков просто расстреливали на подступах. Тем не менее они каждую ночь ковыляли к обитаемым местам, будто ночные бабочки на свет. Что-то их притягивало. И отогнать их никогда не удавалось, только расстрелять.

Впрочем, никто особо не размышлял о причинах, влекущих мертвяков к живым людям. Люди теперь вообще мало размышляли. Мертвяков — расстреливали, землю — возделывали, за жизнь — боролись... Некогда размышлять при таком раскладе.

Иное дело — Пашка. Во-первых, осколок прежней формации, сохранивший память, сообразительность и интерес к окружающему миру, даром что тот стал ну

оч-чень негостеприимным. Во-вторых, ходок, то есть не общинник, всю жизнь проводящий за оградой и на окрестных полях, а бродяга, который и в ближние городки способен наведаться, и в Город, и даже в Столицу, куда Пашка добирался уже трижды. У него есть время для размышлений — на переходах, к примеру. Это общинники пашут от восхода до заката, голову некогда поднять, не то что о мертвяках размышлять.

Даже эта дружественная община Пашку не приняла — кормили (не даром, разумеется), позволяли переночевать (что, впрочем, не спасало от ночных дежурств на вышке), да и вообще относились в меру приветливо. Но своим так и не признали, хотя именно к ним первым Пашка вышел вскоре после смуты.

Община была необычная даже по нынешним временам. Тут было мало, катастрофически мало взрослых мужчин, да и те сплошь рохли или тихони безрукие. Генератор, во всяком случае, пока Пашка не оживил, так и стоял у них в сарае мертвый. Почти месяц после смуты обходились без света, а тогда ведь ночами самый атас происходил. Как выжили — бог весть...

Зато было много женщин одного возраста, примерно ровесниц Пашки, и практически отсутствовали женщины старше или моложе (не считая родившихся уже после смуты и успевших сильно подрасти девчонок). Пашка поначалу удивлялся, а потом выяснилось, что почти вся община — это бывшие пэтэушницы, из училища при ткацкой фабрике, если вы, конечно, помните, что такое училища и фабрики. Как вывезли весь курс той злосчастной осенью то ли на картошку, то ли еще на какие овощи, так и пересидели они смуту в глуши. Общинная маман, пани Лидия, работала тогда директрисой и, естественно, в конце концов все возглавила. Баба Марта была поварихой, Иванна — медсестрой, дед Федя — шофером, возившим в глушь продукты и почту, еще три женщины постарше были мастерами. Мужичок-тихоня по имени Викентий в училище преподавал эстетику, потому, видимо, и в генераторах разби-

рался не лучше девок. Остальной народ прибился позже, по пальцам можно пересчитать. В целом плюс от такого контингента имелся — несостоявшиеся ткачихи учиться в Город приехали в основном из областных деревень, а стало быть, на земле работать умели и подобной работы не чурались. Пашку, вон, при мысли о какой-нибудь прополке в дрожь до сих пор бросало, а эти были привычны, поэтому община с самого начала не голодала. Однако имелся у пани Лидии какой-то феминистический бзик в мозговых извилинах, и мужчин в общину она упорно не допускала, за редчайшими исключениями. Девочек своих, что ли, она до сих пор блюла да берегла? Так все равно половина уже сподобилась родить, и многие даже не единожды.

Вот еще, кстати, вопрос: как все они умудрились выжить практически без мужиков и оружия? Пашка пока не находил этому разумного ответа. Но факт оставался фактом, редкие по нынешним временам бандиты обходили общину стороной, а излишек продуктов подопечным пани Лидии меняли на необходимую мануфактуру незлобивые ходоки вроде Пашки.

В общем, община была островком спокойствия и относительной безопасности, находилась в далекой глуши, лихие люди ее пока не трогали, а мертвяков наводстрились отстреливать даже эстеты. И даже девчонки, давно уже превратившиеся в женщин под сорок.

Четыре дня назад Пашка привез давние заказы — в основном тряпки и посуду, но еще, к примеру, запасные ремни к генератору, который давным-давно приспособили к восьмиметровому ветряку, поскольку вкопанная на задах цистерна с соляркой еще в первый год опустела, а таскать топливо на себе в такую даль — та еще работенка. С ветряком Пашка удачно придумал, да и оказия тогда случилась, до развилки на в ту пору еще сравнительно проезжем тракте довели дальномеры, а от развилки забрал дед Федя на лошади с телегой. Помнится, аккумуляторную сборку тогда и лошадь еле до-

ташила, зато теперь красота: община со светом, даже если неделю нет ветра.

Хотя тут и один-два безветренных дня редкость, не то что неделя. А ночи в основном тихие, да.

Как сегодняшняя.

В лесу снова заорала сова и вдруг на половине вопля осеклась, словно ее пристукнули.

Пашка невольно подобрался.

Мертвяков даже звери и птицы сторонятся, это всякий знает.

И точно, явились, правда, ждать пришлось долго, минут двадцать. Но Пашка был готов, только гадал, откуда покажутся — со стороны практически заросшей дороги к развилке или прямо из леса.

Показались из леса. Надо понимать, напугали сову, и напрямик к забору. Трое. Ковыляют, словно испортившиеся заводные игрушки-роботы, если вы, конечно, помните, что такое роботы и что такое заводные игрушки...

Ковыляют, кстати, не абы куда — точнехонько к обитым жестью воротам. Пашка до сих пор не мог понять, что это? Соображалка? Нет, разума мертвяки точно лишались, иначе не перли бы дуrom прямо на стволы, как они это всегда делают. Первое время находились сумасшедшие, которые пытались с мертвяками заговорить. Бесполезно, разумеется. Но почему потерявшие разум и жизнь человеческие тела, тем не менее, передвигаются осмысленно — по дорогам, тропам? Вот сейчас они, к бабке не ходи, не через бурелом перли, хоть сову и напугали. Наверняка по какой-нибудь тропке доковыляли. Гуськом. И цель у них всегда одна: человеческое жилье. Причем не долбятса они в стены или глухие заборы. Всегда находят калитки и двери и стремятся именно туда. Может, разум у них засыпает, но память остается? Память, инстинкты?

Дьявол их разберет!

Барбос, зараза трусливая, затаился у себя в будке, даже цепью бряцать перестал. Хоть бы гавкнул, дармо-

ед! Только и горазд, что бегающих по двору ребятишек за щиколотки хватать.

Пашка не спеша потянулся к ружью, переломил его, убедился, что заряжено (хотя и так знал: заряжено, сам же перед тем, как влезть на вышку, и зарядил), поправил пояс-патронташ, уместил ствол поверх плетеного борта и принялся ждать.

Заряжено было картечью.

* * *

Когда солнце нехотя выползло из-за щетинистой кромки леса, Пашка позволил себе задремать. В этом не было ничего постыдного или крамольного: фактически вахта заканчивалась с рассветом, а рассвело уже давным-давно, наверное с час назад. В посадке, на задах, кто-то уже гремел ведрами. Повизгивали оголодавшие свинки, лошадь деда Феди тоже всхрапывала. В общем, община просыпалась.

Подремать удалось с полчаса, не больше. Очнулся Пашка от деликатного стука по опоре вышки.

— Эй, ходок! — вибрирующим тенорком окликнул снизу дед Федя. — Слазь уже! Пойдем глянем, в кого ты там ночью пулял.

— Известно в кого, — сонно буркнул Пашка, потянулся, поднял крышку люка и привычно нашарил подошвой сапога верхнюю ступеньку.

Внизу он перевесил ружье поудобнее, на одно плечо, чтобы в случае чего ловчее было изготавиться к стрельбе. А то когда оно за спиной по-походному — пока ремень через голову стащишь, какой-нибудь особо прыткий волчара уже полноги отъест.

— Много приперлоси? — поинтересовался дед, зевнул и почесал заросшую редкой бородашкой щеку.

— Трое, — вздохнул Пашка. — Лесом шли, там еще сова орала, а потом заткнулась, будто пристукнули ее. Я и насторожился. Во-он оттуда!

— Знаю я ту сову, — вздохнул дед Федя горестно. — Четырех курят уже утащила, зараза. Вечерами охотится, когда еще светло. Может, и правда пристукнули ее? Хорошо тогда. Хоть какая от мертвяков польза, кроме вреда.

Тем временем на крылечко, поеживаясь от утренней прохлады, выскользнул Викентий — тот самый очкастый эстет. Очки у него были как у киношного революционера — махонькие, круглые, в тонкой желтоватой оправе. Если вы, конечно, помните, что такое кино, и соображаете, какая революция имеется в виду. Конкретно эту революцию Пашка помнить никак не мог, поскольку состоялась она за пятьдесят с лишком лет до его рождения, но фильмов о ней в детстве успел посмотреть много. Зато помнил четыре других, одна другой гаже и омерзительнее.

— Ну че встал, давай сюда, ворота запрешь! — гаркнул на Викентия дед.

Эстет торопливо ссыпался с крыльца и поспешил к воротам, перед которыми уже с полминуты переминались Пашка с дедом Федей. У деда в руке, словно по волшебству, материализовался обрез — практически из такого же ружья, как у Пашки, только без приклада. Совсем. Длинноствол у деда тоже имелся, но его дед обычно возил на телеге, а под руками чаще предпочитал держать именно обрез. С характерным звуком сдвинулся тяжеленный засов. Потом залязгали запоры-фиксаторы — такие ворота, пожалуй, и танком не вдруг своротишь. Помните, что такое танк? То-то же, танк один раз увидишь — вовек не забудешь, особенно если сам в окопе, в руке граната ходуном ходит, а оно, железное и несокрушимое, прет прямо на тебя. И пушкой еще целится... Обгадиться недолго.

С трудом сдвинув с места одну из створок, дед выглянул в образовавшуюся щель, повертел головой, сплюнул на землю и протиснулся наружу весь целиком. Пашка — за ним.

Снаружи они первым делом налегли на створку и вернули ее в исходное положение — мало ли что, ворота на то и справлены, чтобы отделять общину и посад от недоброго мира.

— Закрывай, — велел дед Викентию, и тот послушно грюкнул засовом.

Остальное трогать пока не имело смысла — если засов закрыт и кто-то начнет ломиться, запоры сто раз успеешь накинуть и зафиксировать. А Пашка с дедом Федей теоретически ненадолго вышли, чего клацать туда-сюда?

— Говоришь, там? — деловито справился дед, вглядываясь в неширокий луг между забором и лесом, где обычно косили траву на зиму скотине.

— Там, там, — подтвердил Пашка. — Да вон первый валяется, видно же. Чего издалека пулять, я их поближе подпустил.

Оно и верно: картечью чем ближе (до разумных, конечно же, пределов), тем надежнее.

Первому мертвяку начисто оторвало левую руку вместе с ключицей и снесло голову. Плюс колено было переломлено чуть не в обратную сторону. Таких поврежденных даже мертвяки не выдерживают, скисают.

Если считать по порядку стрельбы, этот был третьим, последним. Пока Пашка с двумя другими разбирался, третий успел проковылять метров на двадцать дальше остальных.

Двоим другим тоже изрядно досталось, одного даже пополам разорвало в области талии.

Дед брезгливо поглядел на останки, на ползающих по ним мух, потом с отвращением харкнул на траву:

— Тьфу ты, погань какая! Никогда не привыкну!

А вот Пашка, напротив, заинтересовался. Подошел поближе, сапогом перевернул оторванный торс спиной вниз, грудью вверх. Вгляделся в сморщенное, иссохшее лицо.

И озадаченно присвистнул.

— Что такое? — моментально насторожился дед Федя, даже обрез поднял.

Пашка зачем-то вытер подошву сапога о траву, хотя все, что с мертвяками происходило, от гниения совершенно точно было очень далеко, а потому вряд ли сапог мог испачкаться. Но вот захотелось почему-то очиститься от прикосновения к останкам.

— Да понимаешь ли... — пояснил Пашка. — Кажется, я его знаю. Вернее, знал.

— Иди ты! — изумился дед. — Знал? И че это за фрукт?

— Это Селиван, — вздохнул Пашка. — Вон, шрам через всю щеку. И перстень на пальце, не спутаешь.

— Ёшкин кот! — Дед Федя дернул было рукой, словно хотел перекреститься, но в последний момент передумал.

Селиван несколько месяцев назад сколотил и возглавил шайку таких же отморозков, каким был сам, и намеревался хорошо погулять по ближайшим окрестностям Города. Для начала. А финишировать, как многие, собирался в Столице, богатым и уважаемым человеком. Явился он откуда-то издалека, где, по слухам, и смуты-то особой не случилось, потому бандитам было не разгуляться. Окрестные общины жили как на иголках.

Кого-то люди Селивана вроде бы даже успели грабнуть, какую-то случайную группу палаточников. У Сенькина озера. Но достоверно об этом случае Пашка ничего не знал, только слухи слышал. А слухи обычно такое живописуют, мертвяк в гробу перевернется от ужаса, еще до того, как восстать.

— Нас Гришка Сущик предупреждал, — вздохнул дед. — Мол, могут лихие люди пожаловать, Селивановы. Теперь, стало быть, не пожалуют...

— Ну, почему? — без особой радости возразил Пашка. — Омертвели Селиван да еще двое. А было их восемь, говорят.

— Раз эти омертвели, небось и остальные тож, — беспечно отмахнулся дед Федя. — Всегда так. Не бывает, чтобы кто-то один. Или все, или никто.

В словах деда имелся известный резон, однако никакой гарантии, что бандиты всегда держались вместе, конечно же, не было. Мало ли, разошлись, чтобы потом встретиться. И одна группа омертвела. Не обязательно же и другая тоже омертвеет?

То-то и оно.

Деду Феде, видимо, надоело тарашиться на останки, и он неожиданно предложил:

— Пойдем, может, в лес, а? Сову ту сволочную подстрелим? А?

— Да где ты ее найдешь, — поморщился Пашка. — Ну ее в пень, сову твою, дед! Хочешь — сам ищи, сам стреляй. А мне уходить сегодня. Ща до обеда посплю и пойду.

Дед Федя протяжно вздохнул, но перечить не стал. Поглядел напоследок на все, что осталось от мертвяков, плюнул в сердцах еще разок и направился за Пашкой. К воротам.

* * *

Ушел Пашка, как и рассчитывал, после полудня. Даже с Вероникой попрощался. На сеновале. Сердобольный дед Федя покараулил, чтоб мегера Лидия не застукала. Вероника потом разревелась, как обычно.

Дед Федя порывался провести Пашку до тракта, но Пашка отговорил: возвращаться-то ему в одиночку, а годы у деда уже не те. И видеть стал хуже, и реакция притупилась. Дед грустно вздохнул, но согласился. И Пашка пошел один.

Обнялся с дедом у ворот, церемонно поклонился вышедшей на крылечко Лидии, пожал руки Викентию и Сереже и выскользнул за ограду.

Заросшая дорога уводила в лес. Пашка с торбой за плечами и ружьем на груди экономно вышагивал по правой колее, изредка перепрыгивая через лужи в рытви-

нах. Дорога с каждым годом зарастала все сильнее и сильнее, даже периодические выезды деда Феди с топором дела не слишком меняли — настырная зелень перла из земли после каждого дождя, и казалось, что чем тщательнее вырубаете молодые побеги, тем активнее они восстанавливаются на этом же месте. На самом глухом участке, где и лес был погуще, и к дороге прижимался вплотную, да и сама дорога делала крутой зигзаг, так, что видимость сокращалась метров до двадцати, Пашка почувствовал легкую тревогу.

Подобные уколы-предчувствия периодически случались с ним, правда, обычно не так близко к обжитым местам. Объяснения предчувствиям Пашка не видел, но был уверен, что оно есть и что оно вполне рациональное, обусловленное материальными причинами без малейших намеков на мистику или потусторонность. То ли звуки какие-то, почти неслышные, доносятся и подсознание их впитывает, то ли через почву какие-то неощутимые дрожания организм воспринимает... Что-то вроде этого. В походах все чувства обостряются, в том числе и пресловутое шестое.

Пашка взял ружье поудобнее и переместился на левую колею, чтобы в зигзаг войти по большому закруглению, а не по малому — хоть немного, да обзор больше. И ствол в ту сторону направил, ненавязчиво эдак.

Однако никого Пашка не разглядел, ни за первым поворотом, ни за вторым. И среди деревьев, насколько хватало обзора, никто не прятался. А вскоре дорога вынырнула из леска в чистое поле, засеянное какими-то турнепсами. Пашка знал, что ими только скотину кормят, сами обшинники их не едят.

Вдалеке уже и тракт просматривался. Тревога практически отпустила; по крайней мере притупилась. На открытом пространстве всегда чувствуешь себя спокойнее — если, конечно, ничего плохого на горизонте не видеть.

Но все-таки не зря шестое чувство кольнуло Пашку: когда развилка была уже хорошо видна, он понял, что

у покосившегося ржавого указателя кто-то сидит. Отдыхает, наверное.

Человек был один, так что особо беспокоиться не следовало, хотя несколько его приятелей могли залечь в засаду по ту сторону тракта.

Там небольшой кювет, Пашка прекрасно помнил, при желании спрятаться можно. Но тут уж как повезет. Да и не представлял Пашка такой уж лакомой цели: ценностей у него нет (ружье разве что), в плен для выкупа его не возьмешь, поскольку не общинник, никто и не подумает платить.

Вскоре человек на развилке заметил Пашку и приветственно взмахнул рукой. Пашка успокоился, но не до конца. Жизнь приучила его к разнообразным сюрпризам, далеко не всегда приятным, поэтому он никогда не расслаблялся. Даже ночуя в общинах.

Однако на этот раз можно было и расслабиться: подойдя ближе, Пашка сидящего узнал. Витька Шелест, тоже ходок. Можно даже сказать — приятель.

— Привет, Пафнутий! — осклабился Витька, когда он подошел.

Пашку вообще-то звали Павлом, а не Пафнутием, но Витька любил называть его именно так. Почему — фиг его знает. С давних пор как-то так повелось.

— Здорово! — Пашка пожал протянутую снизу вверх руку и уселся рядом с Витькой. — Куда, откуда?

— Тебя ищу, — сообщил Витька. — Сказали, ты к Лидии в общину подался, товар понес.

— Таки да, две ночи у них отдышал. Правда, во вторую Лидия дежурить заставила. Потому сегодня только после обеда двинул.

— Хорошо, что я тебя перехватил, — вздохнул Витька. — Не люблю я эту ведьму. Вечно так на тебя смотри, словно ты сюда явился всех девок ее перетрахать — и только. Шизанутая она.

— Шизанутая, — согласился Витька. — Но платит честно. А зачем ищешь-то?

Витька нахмурился.

— Говорят, Селиван со своими уродами куда-то в эти края лыжи навострил.

— Ага, донавострился, — хмыкнул Пашка не без злорадства. — Больше не навострил.

— Что такое? — насторожился Шелест.

— Омертвел Селиван. Я его нынешней ночью и отоварил из обеих стволов. Пополом разорвало! Ну, и еще двоих с ним.

— Иди ты? — прошептал Витька с непонятым восхищением. — Гляди, как быстро!!! Я даже не ожидал.

— Чего не ожидал?

— Что так быстро омертвеют.

Пашка озадаченно воззрился на Шелеста.

— В смысле?

— В смысле — не думал, что так быстро омертвеют, — непонятно объяснил Витька теми же словами, словно их повторение могло чем-нибудь помочь.

— Думал, это дольше происходит, хотел как раз понаблюдать. Не успел, значит...

— Ничего не понимаю, — пробормотал Пашка. — Ты знал, что ли, что они должны омертветь?

— Ну, не то чтобы знал... — вздохнул Шелест хитро. — Догадывался только.

— Но откуда, черти тебя побери? — изумился Пашка совершенно искренно.

Рожа Витькина стала еще хитрее.

— Да есть у меня одна теория... Последний год из головы не идет. Проверяю.

— Сгораю от нетерпения, — буркнул Пашка. — Колись давай.

Вообще-то, Пашка покривил душой: любопытство к затее Шелеста он действительно испытывал, но чтобы сгорать от нетерпения — этого не было. Он знал еще слишком мало, чтобы сгорать.

— Расскажу, — пообещал Шелест, вставая. — Как только Селивана покажешь, так сразу и расскажу.

— Да что там показывать? — удивился Пашка в очередной раз. — Мертвяк как мертвяк... пополам разорванный.

— Руки целы? — деловито уточнил Витька. — Мне перстень нужен. Без перстня никак.

— Перстень на месте, — заверил Пашка. — Я видел. Слушай, Шелест, если мы к общине вернемся, я сегодня никуда уже не успею. Что мне, еще сутки там куковать?

— Ничего, покукуешь, — хмыкнул Витька. — Пошли, пошли, это, между прочим, и в твоих интересах тоже.

— А почему я об этом ничего не знаю? — спросил Пашка с иронией.

— Тупой потому что. — Шелест ухмыльнулся и легонько пнул все еще сидящего спиной к указателю Пашку. — Вставай давай!

Пашка нехотя поднялся на ноги. Он прекрасно знал: если приятель что-либо втемяшил себе в голову, переубедить его невозможно и перечить ему не рекомендуется.

«Хрен с ним, — подумал Пашка обреченно. — Вернемся. Зато Вероника обрадуется».

* * *

Стащив перстень с отрубленного пальца Селивана, Шелест тут же потерял всякий интерес к останкам. Больше всего Пашку поразил тот факт, что усекновение мертвяцкого мизинца Шелест проделал только после того, как сам натянул тонкие лабораторные перчатки, если вы, конечно, помните, что такое лаборатории. Перчатки были упакованы в запаянный вакуумный пакет, Пашка таких лет пятнадцать, наверное, не видел. Мало того, перстень Витька тоже снимал не руками, а пинцетом, вынутым из точно такого же вакуумного пакета, только поменьше размерами. И перстень упаковал опять же в пакет с пластиковой застежкой, надо

понимать, не менее стерильный. От всего этого Пашка натурально офонарел, поскольку не подозревал, что приятель-ходок все еще занимается подобными вещами. Когда-то он работал лаборантом в питерском институте особо чистых веществ и препаратов — за дословность Пашка сейчас уже не поручился бы, но назывался институт как-то похоже. С учетом сегодняшнего дня, когда даже образованные люди изрядно одичали, Шелест тянул уже не на лаборанта, а на крупного ученого, не иначе, о чем Пашка не преминул с ехидцей сообщить. Витька в ответ состроил рожу. Это могло означать только одно: он действительно занимается чем-то научным, что само по себе уже было бомбой. Казалось, люди давно смирились с новым средневековьем и окончательно потеряли веру в возврат к цивилизации.

Получается — не так все?

Витька поднял пакет с добычей на уровень глаз и некоторое время внимательно рассматривал перстень сквозь прозрачный пластик упаковки.

— Не хочешь взглянуть? — произнес он, не оборачиваясь.

Пашка подошел и навис над его плечом.

— Ну и на что тут глядеть? — поинтересовался он сварливо.

— На надпись. Внутри ободка — надпись. Почти как на колечке царя Соломона.

— На колечке царя Соломона внутри было написано «...и это пройдет», — проворчал Пашка. — А тут хрень какая-то.

— Ты внимательней приглядишься.

Пашка прищурился — годы брали свое, и вблизи он стал видеть существенно хуже, чем в молодости. Тем не менее он нашел позицию, при которой сумел прочесть буквы на внутреннем ободке перстня. Их было пять.

«СМУТА».

— Что за черт? — озадаченно протянул он.

— Там еще точки между буквами, — невинно подсказал Шелест.

«С.М.У.Т.А.»

Ну и что это может значить?

Потом Пашку осенило:

— Это сокращение? Аббревиатура?

— Разумеется. — Шелест кривовато усмехнулся. — Сыворотка модального управления торможением агрессии.

— Ни хера не понял, — признался Пашка грустно.

— Долго рассказывать. Собственно, я сделал, что хотел. Сейчас двину в сторону Города, у шишкаррей заночую. Если хочешь, айда вместе, по дороге и расскажу, в чем тут дело.

Пашка невольно оглянулся в сторону посада за бревенчатой оградой. На вышке маячил Сережа и кто-то с ним еще, не разглядеть кто.

«Нет уж, — подумал он решительно. — Ушел так ушел!»

— К шишкарям, говоришь? — вздохнул он пару секунд спустя. — Опять ведь упоят до полусмерти бормотухой своей вонючей...

— А ты прям так сопротивляешься всегда, так сопротивляешься! — ехидно поддел Шелест.

— Ладно, пошли, — махнул рукой Пашка. — Чего не совершишь из научного любопытства...

Его очень подмывало еще разок обернуться к вышке и, может быть, даже помахать рукой, но прощаться дважды он как-то не привык.

— Может, через лес пойдем? — задумчиво предложил Шелест. — Чего петлять?

— В лесу сова, — усмехнулся Пашка. — Страшно!

— Какая сова? — озадаченно переспросил приятель.

— Деда Феда любимая сова. — Тут Пашка уже в голос заржал. — Я бы даже сказал, именная!

— Да ну тебя...

— Ладно, не сердчай. Если честно, неохота мне через лес. Оттуда мертвяки к посаду вышли. Ну его... Лучше людскими тропами, чем мертвяцкими.

— Тоже верно, — кивнул Шелест. — Хотя я недавно мертвячками ходил, и как видишь — ничего, цел.

— Ты лучше про смуту колись, — проворчал Пашка. — А то все намеками да экивоками. Чего, в городе кто-то умудрился мозги не растерять?

Организоваться?

— Не совсем в городе, — поправил Шелест. — В Столице. Оттуда не так давно гонцы пожаловали. Дядю Гришу искали. И нашли. Ну и меня тоже мобилизовали, когда узнали, где до смуты трудился.

— Неудивительно, что мобилизовали... — Пашка никак не мог остановиться, ворчал и ворчал. — Я когда увидел, как ты самогон из пробирки пьешь, сразу понял — чокнутый яйцеголовый. Все из стаканов, а он из пробирки!

— Привычка! — хохотнул Витька. — Да и удобнее, просто не все понимают.

— Слушай, но вообще я поражен, — признался Пашка. — Двадцать лет! Двадцать лет в говне и дикости — и вдруг перчатки, пакетики вакуумные... Я уже и забыл, как это все выглядит!

— Ничего, руки все помнят, как оказалось. — Шелест на ходу пожал плечами. — Мне эта дикость уже во где. — Он выразительно рубанул ребром ладони по кадыку. — В цивилизацию хочу. Под горячий душ с хлорированной водой. Чтоб телевизор и в нем футбол. Я даже на отраву из «Макдоналдса» согласен, но не дольше трех дней! Задолбало уже все доморощенное. Жрать невозможно, соли мало, перца вообще нет. Лекарств хрен достанешь, люди от чихадохнут. У шишкаррей, вон, недавно парня двадцатилетнего похоронили — аппендицит схватил. То есть это уже потом поняли, что аппендицит, когда кузьминский доктор приехал. Раньше его за три дня на ноги поставили бы. А теперь? Ай...

Витька выразительно взмахнул рукой, отчего помпуха у него на груди резко дернулась туда-сюда.

— Я когда узнал, что в Столице не все одичали и что умные люди сумели организовать, веришь, аж подпрыгнул от радости.

— Можно я тоже подпрыгну? — сказал Пашка и действительно подскочил, заодно удачно форсировав лужу в колее. — Слушай, — спросил он Шелеста. — А зачем ты мне все это рассказываешь? Я так понимаю, ребята из Столицы вряд ли одобряют лишнюю рекламу своей деятельности.

— Мне прямым текстом сказано подтягивать внятных людей, — объяснил Витька. — Ты хоть формально и неуч, но ведь и не дурень дремучий. Да и ходок неплохой. Такие нам нужны. Я вообще хочу тебя в напарники сосватать — поодиночке шляться по диким местам не совсем правильно. Пойдешь?

Пашка передернул плечами:

— Ты хоть подробнее расскажи... Что за люди, чего добиваются. Должен же я знать, кому служу?

— Люди как люди... Я даже некоторых заочно знал в старые времена, много публиковались. Теперь вот и лично познакомился. Короче, незадолго до смуты разрабатывался в России один проектик любопытный. Как водится, в погоне за счастьем человеческим. Да только власти наши разлюбезные, ясен перец, решили воспользоваться им по-своему. Ну и внедрили кое-где. И тут же грянуло. Дали бы лет пять-семь на доводку — может, и обошлось бы. А так — сам видишь, в каком мире живем.

— А попонятней нельзя? — утрюмо спросил Пашка. — Что за проектик?

— Управление агрессией. Снижение напряженности в социуме. Пытались на это влиять, начали с футбольных фанатов. И в итоге что-то пошло не так. Вместо того чтобы лупцевать друг друга, фанаты внезапно договорились, подтянули еще много кого и пошли громить власть да ментов. Ну, ты сам должен помнить. Штатными методами, на которые так надеялись, управлять толпой не получилось, а джинн тем временем из бутылки

выскочил и отправился гулять. Польшнуло по всей Евразии. Результат налицо: цивилизации больше нет, Европа в руинах, Россия, как обычно, в жопе, и даже китайцы до сих пор не могут справиться со своей китайской смутой. А все оттого, что какому-то чинуше захотелось набрать политического весу и была отдана команда ученым. Преждевременная команда.

— А перстни тут при чем? — поинтересовался Пашка.

— Перстни — это приборы-эффекторы. Они всегда оказываются у разнообразных вожakov-пассионариев. По идее, они должны анализировать ферментную картину в организме такого вожака и регулировать его стремление бить, крушить и разрушать. И еще — подчиняться определенным командам, неосознанно, на уровне инстинктов и подсознания. Жалко, что ты не биохимик, я бы попытался объяснить механизм. Получается, что перстень — это как бы эпицентр инфекции и постепенно эта инфекция должна была распространиться на тысячи и тысячи людей. И она действительно распространилась, только эти тысячи людей и не подумали подчиняться каким-либо командам. Они просто разгромили все, до чего дотянулись, а потом ушли туда, где еще оставалось хоть что-нибудь неразгромленное. Неинфицированные — в том числе и мы с тобой — остались выживать на руинах. Вот и вся история.

— А теперь-то они чего хотят? Ученые эти?

— Собрать перстни и понять, что же на самом деле произошло. А потом, когда поймут, искать выход. Тем более что в наших краях ситуация вообще обернулась непредсказуемо.

— Ты о чем?

— О мертвяках. В пределах нашей области и нескольких соседних инфицированные люди мертвеют. Такого нигде больше нет, только у нас. Заметил, что в последние года два-три бандитов практически не стало? То есть, по слухам, они где-то всегда есть. Но как-то на дорогах перестали встречаться. И на общины нападать тоже перестали.

— Кстати, да, — оживился Пашка. — Я действительно уже и не помню, когда стрелял в кого-нибудь, помимо мертвяков.

— То-то и оно! Живых бандитов — нету, а мертвяков полно. Какой напрашивается вывод?

— Ты хочешь сказать, что все бандиты в наших краях неизбежно мертвеют? — недоверчиво протянул Пашка. — Но с чего?

— Все, не все, — не знаю. И с чего — тоже не знаю, хотя и догадываюсь. Вот перстень донесем, изучим, тогда и поймем. По крайней мере, я на это надеюсь.

Пашка некоторое время размышлял.

— В принципе, что-то в твоих словах есть, — протянул он задумчиво. — Я не слышал, чтобы кто-нибудь из общинников омертвел. И потом, среди мертвяков женщин тоже нет, хотя болтают, будто позапрошлой зимой к вольницким одна такая вышла. Но, с другой стороны, и некая бандитская атаманша в тех местах какое-то время проявлялась...

— Вот видишь, — отозвался Шелест. — Укладывается!

— Ладно, допустим. Но если в наши края забредут бандиты, у которых нет жоака с перстнем? Неинфицированные, как ты говоришь?

— А поздно, перстни по большому счету уже не при делах. Чужие бандиты инфицируются у нас, где-то на местности. Может, от мертвяков, кстати. Просто с перстнем это происходит практически моментально, за сутки-двое, если только случай с Селиваном не какая-нибудь странная аномалия.

— Но почему не инфицируемся, к примеру, мы с тобой? Чем мы отличаемся от бандитов, если разобраться? Стволы есть. И в дело мы их пускаем без малейших колебаний.

— На это есть несколько теорий, — кивнул Витька, явно готовый к подобному вопросу. — Самая очевидная состоит вот в чем: у нас с тобой нет намерений кого-нибудь ограбить и чего-нибудь отнять. Ходоки по большей части торговцы, а не грабители. В этом-то вся и при-

чина. Как только в человеке зреет готовность к худому делу, он начинает мертветь.

Шелест покосился на Пашку и ухмыльнулся:

— Что, страшно?

— А ты не свистишь? — недоверчиво протянул тот. — Как могут мысли влиять на заражение?

— Еще как могут, — уверенно заявил Витька. — Эмоциональное состояние человека сводится, в общем-то, ко все той же биохимии. Да хоть про адреналин вспомни, про него в свое время даже школьники знали. Готовность убивать и грабить — из той же оперы, из биохимической.

— Но у нас тоже есть готовность убивать, — заметил Пашка веско.

— Значит, это другая готовность, — нимало не смутившись, парировал Шелест. — Готовность убивать без готовности грабить. Готовность обороняться, а не нападать. Как-то так.

Некоторое время Пашка молчал, обдумывая его слова.

— Сложно все, — вздохнул он наконец.

— Гораздо сложнее, чем ты думаешь. — Витька поправил на груди ружье. — Даже сложнее, чем ожидали те, кто все это придумал.

* * *

У шишкарей ограда была похлипче, чем у пэтэушниц пани Лидии, но тоже о-го-го. Но зато они в случае чего легко могли выставить два десятка прекрасно вооруженных бойцов в оборону. Скорее всего, именно поэтому шишкарки и не слишком заморачивались неприступностью своей крепости. Кто заметно сильнее, все равно эту крепость возьмет, хоть ты изобороняйся весь. А от остальных отобьются и без внушительного забора.

Сейчас крепость выглядела безжизненной. Ни звука не доносилось из-за ограды. Не брехали собаки, не мычала скотина. Не стучали топоры, не визжали пилы,

а ведь мастерская у шишкарей была одна из лучших в округе. Не видно было часового на вышке.

А самое главное — ворота были распахнуты настежь. И никого.

— Не нравится мне это, — мрачно заявил Пашка.

— Думаешь, мне нравится? — поморщился Шелест. — Ну что, пойдём? Или не стоит?

— А вдруг им помощь нужна?

— А вдруг там засада?

Пашка насупился. Да, он понимал, что лезть в посад, у которого настежь распахнуты ворота, это безумие. Но иногда ради друзей приходится совершать безумные поступки. Иначе — кому такая дружба нужна?

— Вдвоем туда лезть не стоит, — рассудительно произнес Шелест. — Потянем палочку.

Пашка без слов обломал ближайший кустик.

— Длинная — идет. Короткая — остается, — объявил он и зажал палочки между пальцев.

— Угу, — кивнул Витька.

— Тяни.

Шелест вытащил короткую.

— Значит, так, — Пашка переломил ружье, проверил, заряжено ли. Конечно, заряжено. — Я захожу. Если через пять минут не выйду из ворот и не дам отмашку, значит, засада. Там уж сам решай, уходить или как. Если уйдешь, обиды держать не стану.

— Да чего тут решать. — Шелест поморщился. — Никуда я не уйду. Но к воротам не сунусь, не дождутся. Придумаю чего-нибудь, не бойсь.

Пашка коротко, с придыханием, хекнул, покинул кусты и, не кроясь, пошел к воротам посада.

Он не прошагал еще и половины пути, когда наблюдающему из зарослей Витьке между лопаток уперся вороненый ствол.

— Тихо, — посоветовали ему. — Тихо!

И отобрали помповуху.

Пашка этого, естественно, не увидел. Он, бесшумно ступая, крался к воротам, готовый в любой момент вы-

стрелить и отступить. Но все было на первый взгляд спокойно, и к распахнутой створке он приблизился беспрепятственно. Заглянул.

Некоторый беспорядок на подворье наблюдался — валялось ведро, из которого рассыпалась и раскатилась картошка, кто-то сшиб небольшую поленницу рядом с крылечком. Но убитых, по крайней мере, видно не было, и это Пашку несколько приободрило.

Он прокрался впритирку к створке внутрь, перебежал к стене посада и, перепрыгнув через порушенную поленницу, взбежал на крыльцо.

Дверь посада поддалась без сопротивления, но оглушительно закрипела, так что Пашка от неожиданности вздрогнул. За дверью было сумеречно, он шагнул внутрь и влево, чтобы не маячить на проходе. Хотел постоять в полумраке, чтобы глаза привыкли к темноте.

Не успели привыкнуть.

Пашку хватили по голове чем-то тяжелым и твердым, и он тут же выключился.

На пол осесть ему не позволили, но сам Пашка этого, естественно, не почувствовал.

Очнулся он от страшной ломоты в затылке. Шевельнулся, застонал.

— Наконец-то! — прошептали рядом голосом Витьки Шелеста. — Жив?

— Местами, — пробормотал Пашка.

Он лежал на деревянном полу; под головой обнаружилась какая-то тряпка, при ближайшем ощупывании оказавшаяся курткой Шелеста.

— Как башка? — поинтересовался приятель.

— Будто дубиной отоварили, — поморщился Пашка.

— Да так оно и было, стопудово — сообщил Шелест. — Меня в кустах взяли, едва ты отошел. По башке не били, сразу ствол в спину и привет...

— Проспал?

— Как пацан. — Шелест виновато шмыгнул. — Расслабился...

— Где это мы? В подполе?

— В чулане за кухней.

— А долго я валялся? Сейчас что? День, вечер?

— Сейчас ночь, Пафнутий. Даже, наверное, уже ближе к утру. Точнее не скажу, извини, часы у меня отобрали.

Пашка пошарил вокруг себя. Найти оружие он, конечно же, не надеялся, но вдруг хотя бы торбу заплечную оставили?

Не оставили...

В чулане было темно, глаз коли, ни единого лучика света ниоткуда не пробивалось.

Витька истолковал его шевеление по-своему:

— Вон там, у стены, в полу между досками щель. Если чего, отлить можно. А вот когда по-крупному припечет... Жрать нам в ближайшие дни не светит, хоть в этом смысле хорошо.

— Думаешь, долго нам тут сидеть? — мрачно осведомился Пашка.

— Уверен.

— Значит, покормят... Не идиоты же они. Если сразу не шлепнули, значит, мы им зачем-то нужны. А раз нужны — будут кормить.

— Увы, дружище, — вздохнул Шелест. — Не покормят. У меня отобрали перстень.

Пашка не сразу понял, что это означает. Но потом до него дошло.

— Погоди, погоди... Ты считаешь, что все они омертвеют?

— Думаю, уже начали, — произнес Витька очень уверенно. — Они днем еще шумели и топали, а потом все затихло. Скорее всего, лежат, сохнут. Через пару суток дойдут до кондиции и в ночь бродить станут. А ближайшие люди — это мы. Только на это и надежда.

— Так мы ж без оружия, — свистящим шепотом произнес Пашка. — Как же ж мы?

— Не знаю. Если дверь отпрут — сбивать с ног, пинаться, лягаться, что угодно, но мы должны отсюда вы-

рваться. Мертвяки медлительны, авось прорвемся наружу.

— Так снаружи другие мертвяки...

— Я, пока ты валялся, поразмыслил на этот счет. Надо на вышку влезть. Если влезем — от мертвяков даже без оружия отбиться можно, уверен.

— А если омертвели не все? Тогда что?

— Тогда до вышки нам не добраться. Хотя, хер его знает, мертвяков даже уцелевшие бандиты вряд ли станут обнимать-привечать. Не знаю, в общем, пока будем ждать да прислушиваться. И спать только по очереди. Я, кстати, уже прикорнул бы. Ты как, в норме? Не тошнит?

— Вроде нет, — Пашка прислушался к себе. — Башка раскалывается, не без этого, но вроде не тошнит.

— Это хорошо, — вздохнул Шелест. — Лучше без сотрясений. А шишка — фигня, рассосется.

«Тебе бы такую фигню на темя», — подумал Пашка сердито, но в целом без излишнего негатива. Понятно было, что приятель сам по себе ни в чем не виноват. Правда, это он уговорил Пашку идти к шишкарям. Но кто ж знал, что тут гости...

— Ну, чего, — вздохнул Шелест, устраиваясь головой на куртке. — Бди. Спокойной вахты...

* * *

Первая вахта и впрямь выдалась спокойная. В посаде было тихо, как в могиле, а темнота, которая царила в чулане, лишь усиливала впечатление. Бандиты ничем себя не проявляли, ни единым звуком. Пашка успел отлежать себе один бок, потом второй; когда головная боль притупилась и стала привычной — медленно, на ощупь добрался до ближайшей стены и обошел их с Шелестом тюрьму по периметру. Это оказалась непростая задача, потому что в темноте Пашка то и дело наткался на какие-то бочки, покрытые рогожами, полати с кадками и банками (хорошо, если консервация,

подумал Пашка) и всякие разные иные препятствия, которые тактично было очень трудно идентифицировать. Он трижды будил Шелеста, на что-нибудь наткнувшись, но, к счастью, ничего не обрушив.

Еды никто им не принес, но раньше, чем голод, начала донимать жажда, и они с отославшимся Витькой предприняли «щупательную экспедицию».

Довольно быстро они обнаружили бочку, от которой соблазнительно пахло квашеной капустой. Она оказалась не закатана, а гнет — здоровенный тяжелый валун — они без особого труда вдвоем вынули. Под мокрой деревянной крышкой и впрямь нашлась капуста, еще не вполне дошедшая, но тем не менее съедобная и, что важно, хорошо вымокшая в рассоле, а потому прекрасно утоляющая жажду. Да и голод частично тоже. В животах сразу забурчало, но выбирать не приходилось.

Когда объелись капустой, принялись щупать дальше и нашли четыре закатанные бочки, две побольше, по пояс примерно и в обхват, две поменьше, бочонки литров, наверное, на восемь-десять, высотой примерно по колено. Пашка нащупал слесарную корзину для инструментов, но она, увы, была пуста, хотя отчетливо пахла смазкой и железом.

Скорее всего, инструмент забрали предусмотрительные тюремщики.

Потом Витька нащупал на стене электропроводку, а несколькими секундами спустя — выключатель.

— Ух ты! — выдохнул он с восторгом. — Пафнутий, жмурься! Вдруг работает?

Выключатель тихо щелкнул. Перед глазами возникла тусклая оранжевая пелена, но узникам она показалась ослепительной.

Потом, когда глаза привыкли, выяснилось, что тлеющая едва в четверть накала лампочка питается от ветхого автомобильного аккумулятора, еле-еле живого, но и этого было достаточно, чтобы осмотреться.

Еще недавно казавшийся огромным чулан съежился до размеров тесной квадратной комнатухи, примерно пять на пять метров. Потолок нависал над самыми головами — руку протяни, достанешь, но до сих пор ни Пашке, ни Шелесту не приходило в голову тянуться к потолку. Кроме уже нащупанных бочек и консервации на полках, под грязным брезентом у одной из стен обнаружили короткие металлические прутья со следами старой сварки. Лежали они не у самой стены, а чуть в глубь помещения, в полуметре примерно, потому, видно, узники на них до сих пор и не натыкались, а тюремщики почему-то не обратили внимания. Со стальной арматуриной в руках уже не чувствуешь себя совершенно безоружным.

Потом осмотрели дверь. Петли ее оказались старыми и ржавыми, а о запорах сказать ничего было невозможно: они располагались либо снаружи, либо в толще дерева. Скорее снаружи, потому что ничего похожего на замочную скважину дверь не содержала. Сплошное дерево, даже без ручки.

Узники молча переглянулись. Потом Витька без слов положил облюбленный прут на пол, а взял другой, самый тонкий из имеющихся, да еще вдобавок слегка сплюснутый с краев, на манер ломика. Да уж, крупно лопухнулись бандиты, сажая плененных ходоков в чулан с подобным содержимым...

Верхняя петля с громким звоном лопнула, едва Витька с силой налег на импровизированную фомку.

Узники застыли, вслушиваясь в гулкую тишину посада. Но никто не прибежал, не принялся потрясать оружием и сыпать матерными угрозами.

Посад был мертв и, по всей видимости, пуст.

В том смысле, что людей в нем не было.

Нижняя петля выдержала, не лопнула, но ее Витька с мясом и щепами попросту выдрал из косяка.

Вслушались еще раз.

— Надо свет погасить, — шепотом предложил Пашка. — Пусть глаза к темноте привыкнут. В сенях тоже небось темно.

Смысл в этом определенно имелся, поэтому так они и сделали. Минут через десять вновь воцарившаяся в чулане тьма прошептала голосом Витьки:

— Ну что? Начали?

— Давай, — согласился Пашка, сжимая в руках оба прута, свой и приятеля.

С тихим стуком сдвинулась дверь. Образовавшаяся щель стала отчетливо видна — в сенях хозяйничала не полная темень, а всего лишь полумрак.

Шелест взял у Пашка прут и первым выскользнул из чулана.

Перед выходом на крыльцо, на вбитых в стену гвоздях они нашли свои ружья. Свои и еще чьи-то, то ли шишкаррей, то ли бандитов. Пашка привычно переломил верную двухстволку — заряжена, патроны знакомые.

Картечь.

Прутья они оставили под «вешалкой» и уже куда более уверенные в собственных силах принялись обшаривать посад.

Бандитов, вернее то, во что они успели превратиться к этому часу, Шелест с Пашкой нашли уже через несколько минут, в горенке. Оказалось их шестеро, и все уже перестали быть людьми, но еще не стали мушкетерами. Мертвяками. По-видимому, они находились примерно на полпути, потому что кожа сморщилась и пожелтела, но еще не до такой степени, как у полностью омертвевших. У одного, без сомнений, у бывшего главаря, на мизинце левой руки красовался знакомый перстень.

Витька скользнул к столу, заваленному чем попало, в том числе вытряхнутыми из походных торб вещами. Сами торбы валялись тут же, у стола, рядом с пустыми бутылками и жбанам из-под бормотухи.

Запаянные пакеты с перчатками, пинцетами и еще какими-то незнакомыми Пашке инструментами и приспособами никуда не делись, нашлись в общей куче. Витька торопливо натянул перчатки, вооружился пинцетом и принялся стаскивать перстень с полуиссохшего пальца будущего мертвяка. Минуты ему вполне хватило.

Потом они торопливо набили торбы уцелевшими пожитками и найденной снедью, снарядились и покинули горенку. Посад они решили на всякий случай обыскать, и правильно сделали: на пустом скотном дворе в дальнем загоне они нашли запертых шишкаррей. К сожалению, не всех. В их узилище не нашлось ничего, что помогло бы самостоятельно освободиться, а запоры и двери были куда надежнее, чем в чулане, поскольку в дальнем загоне шишкари нередко держали молодых бычков, а это на редкость могучие животные — наляжет как следует, мало не покажется.

Шишкари быстро воспряли духом и разбрелись наводить порядки; Пашку и Шелеста сначала не хотели отпускать, но Шелест оказался непреклонен: сказал, что настолько важную информацию необходимо доставить куда следует как можно скорее. Тот факт, что важную информацию вообще есть куда доставить, сам по себе приободрял не хуже, чем чудесное освобождение из бандитского плена — шишкари после потери нескольких своих в хороший исход уже не верили.

И Пашка с Шелестом ушли, пообещав вскоре вернуться на щедрую и законную шишкарскую проставу.

По дороге они наспех перекусили у ручья. Пашкина голова все еще болела, но уже не так катастрофически, как сначала. Шелест явно пребывал в хорошем расположении духа, поскольку и из плена вырвались, и шишкарям помогли, и теория его блестяще подтвердилась. С такой добычей можно было показываться к головастым хозяевам, которые давно публиковались, когда сам Витька еще трудился простым лаборантом. А вот Пашка был мрачен и к репликам спутника должного

внимания не проявлял, пока тот не остановился, не дернул его за рукав и возмущенно не спросил:

— Да что с тобой, Пафнутий? Спишь на ходу? Или все-таки сотрясение? Радоваться надо — а он мрачный!

— Чему радоваться? — буркнул Пашка.

— Мы живы! Жизнь продолжается! Бандитам кирдык! Мало?

Пашка только вздохнул.

— Если так тупить — долго точно не проживем.

— Ты о чем?

— Да взяли нас как детей, — пояснил Пашка с неохотой. — Скажешь, нет?

— Если б нам не нужно было лезть в посад — хрен бы нас кто взял, — сказал Шелест убежденно. — Знали, на что шли, потому и рискнули. Зато шишкарям помогли.

— А если бы нас всех вместе посадили? — резонно возразил Пашка. — Из загона хрена бы мы выбрались, а ломиков там не держат.

— Да выбрались бы как-нибудь, — легкомысленно отмахнулся Шелест. — Шишкарари в собственном доме от голода не умрут и взаперти навечно не останутся, это я тебе точно говорю.

— Ага, то-то мы их освободили, а не они нас, — саркастически напомнил Пашка.

— Ты пораженец! — заявил Шелест с гневом, больше показным, чем реальным. — Пораженец и пессимист! Так нельзя!

— Я не пессимист. — Пашка пожал плечами. — Я просто не верю в счастливые исходы на пустом месте. Да и вообще... вся твоя теория слишком красива, чтобы быть правдой.

— Это почему еще? — искренне изумился Витька.

— Да потому, что в жизни так не бывает. Никогда. Чтобы хорошим людям было хорошо, а плохим — плохо. Всегда бывает наоборот. Раньше правительство на нашей шее сидело, каталось в свои Куршевели и поку-

пало «Роллс-Ройсы», а мы молча пахали за грошик. Потом урки всякие что хотели, то и творили, а нам оставалось, как крысам, по углам жаться да крохи припрятывать, чтоб с голоду не сдохнуть. И вдруг оказывается, что гады начинают мертветь просто потому, что они гады, а хорошие люди могут не беспокоиться и жить себе по уму, по совести. Бред. Не верю.

— Но почему? Почему не веришь?

— Потому что человек по сути своей жадная и тупая скотина. Хуже шакала. Он никогда не станет жить по совести, если можно прижать и обобрать ближнего, который слабее.

— Мы же живем?

— Мы не в счет, — пробурчал Пашка мрачно. — Мы идеалисты.

— Значит, настало время идеалистам пожить. Извини, Куршевеля и «Роллс-Ройс» не обещаю, но, может быть, через некоторое время при ходьбе через лес ружье нужно будет таскать только потому, что волки. От людей ружье станет ненужным.

— Не, — покачал головой Пашка. — В это — точно не верю.

— Да что ты заладил: «не верю, не верю», — Шелест начал злиться всерьез. — Мы не о религии говорим, в конце концов, а о науке. Может, с ее помощью именно сейчас будет достигнута вселенская справедливость и люди обретут потерянный рай?

— Какой рай, мы же не о религии, — напомнил Пашка ехидно.

— Я образно. — Шелест отмахнулся. — Представь: жить останутся только те, кто желает окружающим добра. А мертвякам... мертвяково. Разве плохо?

— Слишком хорошо, чтобы быть правдой, — убежденно сказал Пашка.

— А давай поспорим? — неожиданно предложил Шелест. — Если через три года я тебя где-нибудь встречу и мы оба будем без ружей, значит, я выиграл. И тогда... и тогда ты должен будешь влезть на самую высо-

кую сосну и трижды прокричать оттуда: «Да здравствует потерянный рай!»

Пашка опасливо покосился на приятеля.

— Ну, ты... загнул!

— Что, боишься?

— Нет. Просто помню, что из двух спорщиков один всегда дурак, а второй подлец. А я не хочу быть подлецом — еще омертвею ненароком...

— Ничего, от такой мелочи не мертвают! Тем более что ты на самом деле желаешь такой правды, просто не веришь в нее, а этим биохимию не подпортишь! Ну так что, спорим?

— А если я выиграю?

— Тогда я что-нибудь сделаю. По твоему желанию.

— Придешь к пани Лидии, — мстительно произнес Пашка, — и назовешь ее старой стервой!

— Согласен! — Шелест с готовностью протянул руку и ворчливо добавил, когда спор был заключен: — Жаль, разбить некому, но мы же люди честные, правда?

Несколько минут они шли молча, перешагивая через лужи и обходя разросшиеся на дороге кусты.

— А еще знаешь, что я тебе скажу? — заметил Шелест, и вид у него был при этом задумчивый. — Путь к любому раю всегда начинается в аду. В нашем аду мы что-то засиделись. Пора бы наверх.

НИКОЛАЙ КАЛИНИЧЕНКО

★ ДОЖДЬ НАД ЕЛЬЦОМ

Эта история случилась со мной давно, еще при Советах. Я учился тогда во втором классе, а точнее, готовился перейти в третий. Летние каникулы мне довелось провести в старинном городе Ельце — бабушка хотела показать внука родне.

Скорый поезд отправился из Москвы в полночь, чтобы достичь ранним утром пустынного елецкого перрона. Мы неторопливо спустились на платформу, рас-

прощавшись с веселым пожилым проводником. Тот отвернулся было к другим пассажирам, но вдруг схватил меня за плечо.

— Ну-ка, держи. — И сунул мне в ладошку надорванный оранжевый билет.

— Это зачем? — удивился я.

— На счастье, — подмигнул проводник. — Храни его и не выбрасывай, пока не сядешь в обратный поезд.

Я сунул билет в карман шортиков и поспешил навстречу бабушке, которая с недовольным видом шла ко мне по платформе. Ребенком я был тих и мечтателен, постоянно витал в облаках и часто терялся, за что был неоднократно наказан старшими. В этот раз тоже не обошлось без нравоучений. Я был схвачен за руку и препровожден в здание вокзала. Посреди гулкой мраморной залы нас ожидала тетя Клава. Маленькая, плотненькая, облаченная в строгое черное платье и белую сорочку, она походила на престарелую школьницу. Из скромного туалета выделялась только массивная брошь, скрепляющая ворот теткиной рубашки. В оправе потемневшего серебра покоился крупный овальный камень цвета грозового неба, рассеченный сверху вниз ослепительно-белой прожилкой, ветвящейся у основания, точно самая настоящая молния.

Лицо Клавдии напоминало плакат «дары пекарни»: между сдобными булочками щек прикорнул маленький калачик носа, поляницу большого лба венчала короткая шевелюра седых волос, торчащих как попало, точно рожь после дождя — и все это было обильно посыпано толстым слоем пудры. Из центра хлебного великолетия доброжелательно поблескивали глазурованные конфетки блекловатых голубых глаз. Губы тетка все время держала поджатыми, и это сильно портило ее образ, внося фальшивую нотку в положительный экстерьер.

Родственницы обнялись и расцеловались. После этого Клавдия переключилась на меня и, так как от лобзаний я категорически отказался, сразу принялась охать

и ахать: «Как подрост! Как подрост! И глаза мамыны, а нос-то, Люба, нос-то твой!» Как видно, ритуал встречи был отработан годами и жестко протоколирован, потому что, обсудив с поддакивающей в нужных местах бабушкой мой внешний вид, Клава совершенно успокоилась, «выключила» улыбку и вполне будничным, даже суховатым тоном пригласила нас в машину.

Обшарпанная желтая «Волга» стояла на парковочном «пятачке» прямо перед зданием вокзала. Смуглый водитель в темно-коричневых брюках и светлой клетчатой рубашке с коротким рукавом стоял, прислонившись к капоту, и обстругивал перочинным ножом деревянную дощечку. Его глаза скрывались за стрекозиными окулярами старомодных темных очков. Большая клетчатая кепка бросала тень на прямой нос и пухлые губы. Завидев нас, он с недовольством отбросил палочку и открыл дверь машины.

— Доброе утро, прошу. — Его голос был тихим и странно воркующим, без громких московских гласных или нарочитого вологодского оканья, словно каждое слово завернули в мягкую рогожу.

Тетя Клава с бабушкой забрались на заднее сиденье, а я, как большой, устроился впереди. Водитель опустился рядом. От него исходил резкий запах табака, смешанный с чем-то еще, едва уловимым и очень знакомым. Мужчина опустил правую руку на рычаг переключения передач, и тут я заметил, что на правой руке у него не хватает безымянного пальца.

— Можешь опустить стекло. А то у меня тут как на складе, — милостиво разрешил он. — Крути эту ручку на себя. Сильнее! Вот молодец.

— До конца не открывай — простудишься, — всполошилась бабушка. Она, как видно, еще переживала, что не уследила за мной на перроне. Мы тронулись неожиданно плавно и устремились по пустынной в этот час дороге в направлении города.

— Извините, пожалуйста... — обратился я к водителю, не решаясь сразу задать беспокоящий меня вопрос.

— Про палец спросить хочешь? — улыбнулся тот краешком рта и, не дожидаясь ответа, сунул мне под нос искалеченную руку. — Это фашист меня пометил.

— Вы воевали! — удивился я, пытаюсь сопоставить бодрый вид водителя с отдаленными событиями Великой Отечественной.

— А то, — ухмыльнулся водитель. — Всю оккупацию в подвале с крысами провоевал. Да только любопытство замучило. Страсть как хотелось на немца живого поглядеть. Вот и поплатился. Схватили меня, значит, ладонь к столу прижали и палец — чик.

— Яша, — в голосе тети Клавы слышалась легкая укоризна, — ты зачем мальчика пугаешь? На заводе он руку повредил. Лет пять уже прошло.

* * *

За окнами машины тянулись однообразные панельные дома, точно такие же, как и на окраинах столицы. Я даже слегка заскучал. На заднем сиденье бабушка с теткой громко обсуждали последние новости — телевидение сблизило центр и провинцию.

Наконец типовая застройка осталась позади, мы выбрались на открытое пространство. Впереди показалась акватория широкой спокойной реки. Ее блестящее зеленое тело было рассечено сразу двумя мостами. Дальний берег, высокий и обрывистый, пестрел разноцветными треугольниками двускатных крыш, над которыми царил белый утес большого собора. Пять глав, увенчанных куполами цвета январской ночи, четыре малых по краям и одна большая в центре, представились мне неусыпной стражей, хранящей заповедную землю от посягательств внешнего мира.

— Сосна, — проворковала тетка. Я принялся оглядываться в поисках упомянутого дерева.

— Река, — водитель закашлялся, — так называется.

«Волга» прибавила скорость и резво влетела на мост, стремительно пронеслась по нему, подпрыгивая на оби-

ных металлом балочных швах, преодолела крутой подъем и ворвалась в город. Я прилип к окну, разглядывая старинные дома с высокими оштукатуренными цоколями и ветхими деревянными поверхами.

Время словно застыло здесь и даже как будто потекло вспять, медленно поглощая редкие современные постройки.

«Волга» миновала центральную площадь, окруженную приземистыми коробками общественных зданий с неизменным каменным «Ильичом» в центре. Дальше потянулись узкие проулки, угрюмые фасады за глухими заборами. Вскоре я уже не мог точно сказать, с какой стороны мы приехали. Наконец, сопровождаемые громогласными напутствиями братии цепных псов, мы покинули этот лабиринт и оказались на относительно широкой улице. Машина, скрипя подвеской, неловко подпрыгивала на неровной щебеночной дороге.

— Обещались положить асфальт еще весной, а воз и ныне там. Бесхозяйственность! Сталина на них нет! — пожаловалась тетка и тут же, почти без перехода: — Ну, вот и приехали. Слава богу!

Дом, в котором выросло не одно поколение моих предков, выглядел надежным и основательным, точно зажиточный пожилой крестьянин. Ровно оштукатуренные стены цвета яичного желтка были отделены от крыши узким резным карнизом. Единственный ряд окон располагался на высоте человеческого роста и был снабжен внушительными ставнями из толстых крашеных досок, укрепленных железными полосами. Ставни по большей части оказались открыты, за мутноватыми стеклами виднелись горшки с геранью. Исключение составляли только три окна небольшой ротонды, выступающей из плоскости фасада.

Неизгладимое впечатление произвели на меня ворота. Выкрашенные в темно-зеленый цвет еловой чащи глухие створки, слегка провисшие на массивных кирпичных столбах, имели не менее трех метров в высоту

и создавали ощущение нерушимой твердыни. Калитка была под стать воротам. Поперечная щель почтового ящика наводила на мысль о крепостных бойницах.

Тетка извлекла из потрепанного ридикюля огромную связку ключей и принялась выискивать нужный. Наконец ключ от калитки был обнаружен.

— Вот, возьми, открой. — Клава протянула связку бабушке. — Я пока с водителем закончу.

Старинный замок оказался механизмом своеобразным. С характером. Прежде чем открыть путь в родовое гнездо, он заставил нас изрядно попотеть. Я пропустил бабушку вперед и оглянулся. В светлом прямоугольнике дверного проема был виден желтый багажник «Волги» и тетя Клава, стоящая перед долговязым шофером. Слов я расслышать не мог, но, похоже, тетка была чем-то недовольна и сейчас отчитывала водителя. Одной рукой она нервно теребила ворот рубашки, а другой беспрестанно жестикулировала, словно регулировщик на перекрестке. Мужчина стоял перед ней, ссутулившись и опустив голову. Смуглые руки безвольно висели вдоль тела. В дорожной пыли дымилась недокуренная папироса.

За воротами обнаружился просторный двор, выстланный квадратами сероватого песчаника. Щели между камнями давно заполнила трава. В местах, где редко бывало солнце, плиты покрывал изумрудный мох. Ступени крыльца также были сделаны из камня, будто я и в самом деле оказался в какой-нибудь старинной крепости. Напротив жилого дома возвышался мрачный оwin. Почерневший от времени сруб густо зарос крапивой. Одной стеной сооружение упиралось в соседский забор, с другой стороны оwin обнимала большая груша. Узловатые руки дерева-старожила были настолько велики и протяжны, что давно обломались бы под собственным весом, не поддерживай их упертые в землю рогатки.

Сине-зеленая тень древесной кроны бесплотным фронтиром отделяла внутренний двор от освещенного солнцем участка земли в глубине теткиных владений. Там, нежась в лучах летнего солнца, топорщились зеленым холмом листы какого-то бахчевого растения, не то тыквы, не то кабачка. В огородное царство от дома вела прямая стежка, выложенная блестящим булыжником. На границе тьмы и света, устроившись прямо на дорожке, невозмутимо вылизывал промежность толстый белый кот.

— Какой пушистый! — восхитился я.

— Это не мой — соседский. — Тетя Клава наконец присоединилась к нам. — Я животину не держу. Хлопотно.

* * *

И тяжкие «крепостные» ворота, и мшистый каменный двор, и черный овин, несмотря на свою внешнюю чуждость, оказались всего лишь привратниками на пороге иной реальности. Переступив избитый ногами порог старого дома, пройдя темные сени, загроможденные садовым инвентарем, ветхими плащами и обувью, я оказался в мире удивительных вещей и запахов. Ничего из привычных моему обонянию ароматов не было здесь и в помине. Все иное, все незнакомое и какое-то пугающе самобытное. А что за архитектура? Что за странная неравномерность размеров и форм, где каждый угол наособицу, каждая половица со своим неповторимым скрипом? Музей? Кунсткамера, где собраны ветхие химеры прошлого? Нет, это было что-то другое. Все еще живое, дышащее. Городское дитя, я оробел, впервые встретившись с домом предков. Медленно, будто погруженный в странную грезу, ходил я по комнатам, едва прикасаясь к пыльным предметам, назначение которых мне было известно лишь отчасти. И они отвечали мне: может, бранились на чужака, а может, пытались подбодрить. Но, увы, я не знал их наречия.

Ведь на выщербленных пыльных боках не было заводских пометок и отгиснутых ценников.

Дом имел форму буквы Г. В районе крыльца располагалось несколько подсобных помещений и большая темноватая кухня, посреди которой возвышалась железная колонна АГВ. Сейчас этот алтарь огня мирно спал, но когда нужно было принимать душ или мыть посуду, в глубине его с ревом поднималась волна синего пламени. Направо от кухни располагалась продолговатая трапезная с длинным массивным столом, накрытым ослепительно-белой скатертью: на тонкой, полупрозрачной основе были вышиты небывалые цветы и райские птицы. Из столовой я попал в большую пустоватую комнату. Из мебели здесь имелись две старинные кровати с мощными металлическими спинками, темный от времени стул и небольшой комод. На стенах не было ни картин, ни фотографий. Сквозь открытые окна лился солнечный свет. А вот и горшки с геранью! Значит, за стеклом улица! Я подошел поближе. Действительно. Вот кусты сирени у ворот, а вот грунтовая дорога — еще дымится Яшина папироса.

— Спать будете здесь, в горнице. Светло, просторно, очень хорошо, — безапелляционно заявила тетя Клава. — Горница, столовая, кухня. В другие комнаты ходить не надо. Там не прибрано.

В большую комнату выходила еще одна дверь. Она была плотно закрыта. И конечно же, я не утерпел, ведь ключ торчал в замке. За дверью клубилась темнота, из которой медленно, словно нехотя, выступали контуры предметов. Вот письменный стол, чернильница, стул с высокой спинкой. Поблескивают стеклами огромные шкафы.

Когда я перешагнул порог, то почувствовал странное сопротивление. словно кто-то незримый мягко, но настойчиво выталкивал меня из темной комнаты.

Рядом со столом располагался старинный секретер, на обитой зеленым сукном столешнице полукругом

стояли забавные резные фигурки. Я подошел, чтобы рассмотреть их поближе.

— Что ты здесь делаешь? — Я вздрогнул. На пороге, поджав губы и уперев руки в бока, стояла рассерженная тетя Клава. — Я же сказала, не ходить в другие комнаты! Здесь пыльно, не прибрано, еще, чего доброго, подхватишь какую-нибудь инфекцию.

— Но чья это комната?

— Это комната Вари, моей сестры. — Клавдия как будто смягчилась. — Она умерла три года назад. Раньше дом принадлежал ей. А теперь марш мыть руки и завтракать!

День прошел незаметно. В небе над городом еще горели отблески вечерней зари, а уединенный каменный двор перед домом уже заполнил густой зрелый сумрак. На фоне нежно-голубых вечерних небес темная громада овина казалась мрачным вестником грядущей ночи. Над коньком острой крыши игриво выгибался тонкий серебряный зубчик молодого месяца. Из темного сада явился прохладный сквознячок, заставляя листву старой груши отозваться чуть слышным шуршащим вздохом.

— Ну что засмотрелся? — Желтый прямоугольник дверного проема заслонила плотная фигура тети Клавы. Обтекая ее округлые бока, из кухни стремился на волю аромат свежей сдобы. — Заходи в дом и дверь на щекотку закрой. Я пирожков напекла. Сейчас сядем телевизор смотреть.

— Зачем закрывать? — Я удивленно посмотрел на тетку. — Калитка на замке.

— Закрой, — упрямо повторила Клавдия и вдруг зябко поежилась, — мало ли...

Я пожал плечами: надо так надо. Вошел в дом и, ухватившись за край массивной двери, потянул его на себя, отгораживаясь от внешней темноты. Когда дверь со скрипом стала на место, я с удивлением отступил от нее. Обитая кожей панель от пола до потолка была покрыта

разнообразными запорами от примитивных крючков и засовов до вполне современных задвижек и цепочек. Некоторые из них казались новыми, другие давно покрыла ржавчина. В замочных скважинах на разной высоте торчало не менее десятка ключей.

— Это все Варя, — тихо проговорила тетка, предвосхищая мой вопрос. — Последние-то годы она совсем плохая была. Вот и мерещилось ей бог знает что. Только спать ляжет — вскакивает. «Воры! — кричит. — Цыгане! Лезут к нам!» Я ей: «Спи! Никто к нам не лезет». А она: «Ой, лезут, лезут. Дверь открыть хотят». Бывало, до утра по дому металась, воров искала. Даже когда при смерти была, лежмя лежала, и то про воров шептала. А пока сама ходила... Как пенсия — Варя в магазин и обязательно задвижку новую купит. Боялась она очень. А все потому, что одна была. Муж-то у нее давно помер. Вот и маялась.

* * *

На следующий день мы отправились в центр города за посылками. В то время некоторые вещи и продукты проще было приобрести в столице и отправить себе же по почте. Колбаса «Сервелат» и прочие деликатесы в елецких магазинах либо отсутствовали, либо моментально сметались страждущими горожанами прямо в день завоза.

Когда мы вышли на улицу, желтая «Волга» уже ожидала перед воротами. Меланхоличный Яша терзал перочинным ножом очередную дощечку.

— Опять насорил! — возмутилась тетя Клава. — А кто убирать будет?

— Простите, — как-то тускло ответил долговязый. Он убрал нож, схватил искромсанную деревяшку двумя руками и сломал ее об колено. Лицо его при этом приобрело очень странное выражение. Мне показалось, что Яша сейчас заплачет.

— Ну, ладно, — милостиво кивнула Клавдия. — Когда вернемся, уберешь.

На площади былолюдно и жарко. Лавочки оккупировали подростки в футбольной форме. В тени «Ильича» примостилось несколько мальчишек моего возраста. Юные аборигены с упоением поглощали мороженое. Мимо курсировали пожилые ельчани и флегматичные мамы с колясками. По площади важно расхаживали жирные серые голуби. Бронзовые плечи вождя несли на себе отпечаток внимания этих вездесущих птиц.

Вместе с Яшей мы проследовали к неказистому, выкрашенному в красный цвет зданию почтамта. Полчаса вялых дебатов с почтовым чиновником, и мы обрели вожделенные коробки. Все четыре, как и гласила сопроводительная телеграмма. Мне вручили одну коробку, Яша взялся за две. Бабушка с теткой решили нести оставшуюся кладь по очереди.

Когда мы вернулись на площадь, то увидели, что диспозиция у памятника поменялась. Мамаши с колясками куда-то пропали, а место футболистов заняли смуглые черноволосые женщины в просторных ярких юбках и пестрых платках.

— Цыганки, — проворчала тетя Клава, — только их не хватало. Бабушка тоже фыркнула что-то соответствующее. Взрослые часто предостерегали меня от общения с цыганами. Правда, большая часть предостережений очень походила на сказки-страшилки. Мол, «не ходите, дети, в Африку гулять». Пока мы шли через площадь, я с интересом наблюдал, как ведут себя цыганки. Их действия напоминали движение пчелиного роя, о котором недавно рассказывал Николай Дроздов, ведущий моей любимой программы «В мире животных».

Из плотной группы женщин в разные стороны выдвигались «разведчицы». Перемещаясь по площади, они выбирали человека, приближались и обрушивали на прохожего водопад вопросов. Если «жертва» реагировала, к ней подходили еще несколько цыганок, а затем перемещалась вся группа. Увлеченный наблюдением, я слегка отстал от бабушки с теткой и вдруг заметил, что Яша уже не идет за мной. Водитель отчего-то оставил

коробки прямо посреди площади и двигался навстречу молодой цыганке, пытавшейся «обработать» пожилого мужчину с орденской линейкой на пиджаке. Девушка, завидев, что клиент сам идет к ней, оставила несговорчивого ветерана и устремилась к Яше. Последовал короткий обмен фразами, и вот уже гадалка держит ладони водителя в своих руках. Несколько секунд девушка внимательно вглядывалась в линии судьбы, а затем вдруг громко вскрикнула и отшатнулась. Она смотрела на неподвижно стоящего мужчину так, словно увидела что-то жуткое. Что-то небывалое. В тот же миг пестрая стая придвинулась, обтекая молодую женщину. Яша, однако, совершенно не испугался — он попытался подойти поближе. Цыганки вдруг ощетинились, зашипели. Глаза горят, зубы оскалены, мне даже показалось, что у некоторых женщин в руках блеснули ножи.

— Саро! (цыганск. «Хватит») — Громкий окрик, точно удар кнута, разметал пеструю тучу. С соседней скамейки поднялся невысокий плотный человек. В кожаной жилетке, надетой поверх черной рубашки, в черных брюках и черных ботинках с острыми носами, он был похож на ворона, ворвавшегося в стаю тропических птиц. Лицо незнакомца скрывала широкополая шляпа. Ворот рубашки был расстегнут, и солнце играло на толстой золотой цепочке, обнимавшей шею мужчины. В тот же миг цыганки подобрали юбки и все как одна устремились к дальнему концу площади. Яша еще некоторое время постоял, слегка раскачиваясь, точно пьяный, а затем развернулся и как ни в чем не бывало направился к коробкам. Куда подевался «черный человек», я так и не понял.

Удивительно, но бабушка и тетка вовсе не заметили нашей задержки. Они стояли у «Волги» и увлеченно обсуждали судьбу какого-то дальнего родственника. Когда Яша открыл им дверь, обе пожилые женщины, продолжая болтать, смирно влезли на заднее сиденье машины. В моей голове роилась куча вопросов, но я почему-то промолчал.

* * *

В следующие несколько дней ничего примечательного не случилось. Я осваивал дом и окрестности. Обширный участок земли, принадлежащий тете Клаве, за исключением дворовой части был полностью отдан под огород. Овощи в Черноземье достигали чудовищных размеров. Из мощной ярко-зеленой ботвы выпирали крутобокие туши великанских кабачков и оранжевые сферы гигантских тыкв, а в капустных кочанах могла укрыть свою ношу целая стая аистов. Картофельные грядки прятали в земле грозди продолговатых клубней. Растущие прямо на грунте, без всяких парников, огуречные лозы могли прокормить целый полк. На самом краю теткиных владений, словно войска на параде, выстроились ровные ряды помидоров. Мощные стебли гнулись под тяжестью светло-красных тугих плодов.

Границы огородной латифундии охраняли заросли малины и крыжовника. Здесь было много укромных уголков, изучение которых заняло у меня не один день. Одиночество и отсутствие сверстников никогда не тяготило меня. Я с удовольствием погружался в иллюзорные миры, которые сам же и придумывал.

Дом тети Клавы стоял на возвышенности. Внизу, укрытый зеленой тенью старых ив, тихонько журчал мелкий дремотный Ельчик. На том берегу просматривались между деревьев ветхие постройки заброшенного монастыря. Из округлого каменистого взлобья, точно шип на монгольском шлеме, торчала обшарпанная колокольня — прибежище стаи нахальных, шумных ворон.

Тетя Клава время от времени уезжала в свою квартиру на том берегу Сосны. И всякий раз Яша ждал ее у ворот, а затем привозил обратно.

Я начал постепенно привыкать к ночным шорохам и скрипам старого дома. Меня не пугал ни мрачный черный овин, который поначалу казался прибежищем неведомых страшных тварей, ни вечно закрытая комната

тети Вари, ни страшный пламенный АГВ. Я подружился с белым котом, и теперь он регулярно встречал меня ранним утром в ожидании блюдечка с молоком. Соседи показывались редко. Раз в три дня к нам приходила Карина Андреевна. Пожилая женщина, в прошлом водитель автобуса, занималась разведением кур. Каждый раз отправляться на рынок ей было трудно, и она продавала яйца соседям. Иногда по вечерам в ворота стучался алкаш Егорка из дома напротив. Просьбы Егорки разнообразием не отличались — он хотел забыться.

Время от времени мы выбирались в город навестить своих дальних родственников Пичугиных. Они жили большой дружной семьей в получасе ходьбы от теткин-ного дома. Младший сын Пичугиных Вовка был на год младше меня, но это совершенно не мешало нам общаться. Веселое открытое лицо младшего Пичугина всегда было готово расплыться в улыбке, а в глубине ярких голубых глаз сверкали шкодливые искорки, приглашая к озорным шалостям и авантюрам. Вовка бывал в старом доме. Он знал про обросшую замками дверь и странное помешательство тети Вари.

— Они под старость все с катушек съезжают, — авторитетно заявил Вовка.

— Кто съезжает? — удивился я

— Известно кто. Сестры из старого дома. Десять их было и еще восемь братьев. Мужики-то все померли или погибли в войну, а сестры жили долго. До тети Вари была тетя Надя, до тети Нади — тетя Акулина. И у каждой свой бзик. Прабабка моя говорит, это все потому, что проклятье на них висит. Дескать, отец их землемер был, по окрестностям Ельца лазил, под железную дорогу место подбирал. Во все норы, во все болота залез и как-то раз клад нашел.

— Какой клад?

— Да кто его знает? Монгольский вроде. И будто бы заговоренный он. Если возьмешь — кранты. — Вовка

выпучил глаза и принялся делать руками пассы, как будто накладывал заклятье.

— Врешь ты все, — сказал я. Мне стало обидно за родственниц.

— А вот и не вру!

— Как же тогда тетя Клава? Она вполне нормальная. Знаешь, какие пирожки вкусные печет?

— Это она пока нормальная. Скоро тоже свихнется, — поставил диагноз Вовка.

— А водителя ее видел? — Я решил переменить тему, чтобы не поссориться. — Который на «Волге» ездит? Странный какой-то.

— Беспалого? Конечно, видел. Он и у Варвары работал.

— Он говорил, что ему палец фашисты отрезали, а потом тетя сказала, что на заводе станком отрубило.

— Вот брехун! А мне сказал, что зимой на рыбалке отморозил.

— Может, он преступник или шпион, — предположил я. — Все время врет — раз, в темных очках ходит — два, неизвестно, где живет, — три.

— Живет-то он, вестимо, недалеко от вас.

— Точно! Не успеет тетя Клава позвонить, а Яша уже у ворот.

— Позвонить? — нахмурился Вовка. — Как позвонить?

— По телефону, балда!

— Сам балда! В старом доме телефона нет. Туда провода еще не дотянули, — Вовка показал мне язык.

— Что значит нет? — опешил я. — А как же тогда она его вызывает?

— Может, по рации, — растерянно предложил сын подполковника Пичугина. — Ты не видел в доме рацию?

Дни стояли жаркие и безветренные. Холмы и взгорки, извивы рек окутала плотная пелена излишнего, довлеющего тепла. С раннего утра над огородами и дорогами плыло и переливалось мутноватое марево горячего воздуха.

Листья растений печально обвисли, белый кот изменил своей привычке греться на крыше сарая и скрывался где-то под овином, в холодке. Старый петух в соседском курятнике уже не кричал по утрам, а смешно кряхтел. Люди искали спасения у воды. Берега Сосны оккупировали отдыхающие горожане.

Все началось, когда в городе стали умирать воробьи. Маленькие коричневые клочки перьев усеяли улицы Ельца, точно опавшие листья. Жители объясняли страшноватый феномен по-разному. Большинство сходилось во мнении, что виновата небывалая жара, но некоторые поговаривали о выбросе на химзаводе. Правда, в Ельце никакого химического производства отродясь не было, и сплетники грешили на ядовитое облако, принесенное ветром аж из самого Липецка. Однако, глядя на величественные белые громады, неспешно фланирующие по синему проспекту июльских небес, трудно было представить, что одна из них стала причиной гибели мелких пернатых проказников, которые так любили купаться в пыли у теткиных ворот.

Еще одна напасть — бродячие собаки. Целая стая барбосов появилась неизвестно откуда и принялась терроризировать окрестности, избрав своей «штаб-квартирой» тенистую пойму Ельчика вблизи нашего дома. Соседка говорила, что уже кого-то покусали и что давно пора вызвать «душегубку». Эта таинственная «душегубка» беспокоила меня куда больше, чем одичавшие дворняги. Зато на тетку весть о появлении собак произвела неожиданно сильное впечатление. Теперь с заходом солнца все двери и окна в доме наглухо запирались. А на большие ворота вместо ненадежного замка был наложен тяжкий дубовый засов. Вечерами тетка надолго засиживалась в трапезной. Когда я ходил на горшок, то мог видеть ее сквозь неплотно прикрытую дверь. В комнате тускло светила лампа. Клавдия сидела неподвижно, положив свои пухлые руки на белую скатерть. Перед ней на столе стояла маленькая иконка

Божьей Матери и трехлитровая банка с водой, заряженной на телесеансах Алана Чумака, а чуть ближе, между ладонями, покоилась «грозовая» брошь. Ее выпуклая поверхность матово поблескивала в мертвом электрическом свете.

Мне, однако, все эти странности и страхи были ни почем. Я представлял, что нахожусь в замке, осажденном врагами, и очень жалел, что в теткинском доме нет хотя бы одной заваливающей башни, с которой можно кидать камни и лить горячее масло на головы ненавистных слуг «душегубки».

За башню, впрочем, могла сойти запертая ротонда. Не бог весть что, но для детского воображения нет ничего невозможного. Интерес к комнате тети Вари разгорелся в моей душе с новой силой.

Несмотря на свою внешнюю строгость и подозрительность, тетя Клава отличалась удивительной наивностью. Ключ от комнаты покойной сестры она хранила в самом ненадежном тайнике, под подушкой. Я прекрасно знал об этом.

Легко справившись с упреками совести — ведь впереди ждало приключение, — я дождался, пока тетка уедет в город, а бабушка отправится огородничать, и завладел ключом. Старый замок поддался не сразу, но вот препоны пали, и я оказался в запретной комнате.

Меня встретила все та же пыльная тьма. С первого моего посещения здесь ничего не изменилось. Та же старая мебель, те же странные вещи. Вдруг все сжалось у меня внутри. На широкой кровати кто-то лежал. Неподвижная черная фигура раскинула в стороны руки. А где же голова? Ее не было. Я уже готов был дать стрекача, когда понял, что мой незнакомец — всего лишь старое черное платье. Наверное, оно принадлежало тете Варе. Не собираясь больше испытывать свое живое воображение, я подскочил к окну и отдернул тяжелую бархатную штору, впуская в комнату свет летнего полдня. Однако сквозь внешние ставни едва пробивались

отдельные лучи. Мне пришлось взобраться на подоконник и отворить створки настежь. Улица дохнула на меня жарким ветром. И все же это было лучше, чем затхлый воздух закрытой комнаты. Пространство, в темноте выглядевшее внушительным и полным тайн, под воздействием яркого дневного света немедленно сжалось до размеров скромной комнатухи. В высоких шкафах обнаружился скучный старый фарфор и мутный, запыленный хрусталь. В углу за кроватью придулся маленький туалетный столик. Рядом на стене висел потемневший от времени холст в золоченой раме. На ткани были закреплены фотографии. В центре располагалась супружеская пара. Мужчина лет сорока, облаченный в строгий черный мундир с круглыми блестящими пуговицами, и красивая статная женщина в старинном платье. Вокруг располагались овалы портретов. Всего восемнадцать штук. Под каждым, прямо на холсте, имелась подпись. Так это же семья землемера! — догадался я. Вот они, проклятые сестры. Прямо под фотографией родителей располагалось изображение старшей сестры, Зинаиды Николаевны, красивой молодой женщины лет двадцати семи. Зинаида была очень похожа на мать, но черты ее лица были тоньше и благороднее. Взгляд казался мечтательным и отстраненным. Я быстро нашел упомянутых Вовкой Акулину и Надежду. На фото были запечатлены юные девушки, которых с трудом удавалось представить сумасшедшими старухами. Зато Варвара, несмотря на внешнюю молодость, казалась суровой и даже мрачной. Видно было, что за этим застывшим сосредоточенным лицом скрывается непростой характер. Но больше всех меня потрясла тетя Клава — белобрысый щекастый ангел с огромными невинными глазами и губами бантиком. На фото ей было не больше шести лет.

Стол с зеленым сукном выглядел не просто старым, а ветхим. Одной ножки не хватало, и вместо нее была подложена деревянная коробка с едва видимой надписью. «Т-е-о-д-о-л-і-т-ъ». Вот и фигурки, которые при-

влекли мое внимание в первое посещение. Я устроился на высоком стуле с прямой жесткой спинкой и принялся изучать костяные поделки. В основном это были животные: вороны, куры, коты. Особняком стояла целая стая собак. Встречались и люди: баба в платке с коромыслом и ведрами, пузатый священник в высокой шапке, с большим крестом поверх одежды, солдат, присевший на барабан. Однако больше всего мне понравились лошади. Их было не меньше двух десятков. Неведомый резчик постарался на славу. В костяном табуне не было ни одной похожей лошадки. Иные из них были вырезаны очень подробно, другие более примитивно. И все же каждый скакун нес в себе частичку буйной силы, присущей этим благородным созданиям. Казалось несправедливым, что вольные животные скрыты в темной комнате, далеко от света и ветра. Я собрал лошадок и перенес их на подоконник. Здесь играть было куда веселее. Кажется, я увлекся, придумывая истории для каждого костяного конька. А потом некая странная иррациональная дверца приоткрылась в моем сознании. Подозреваю, что именно оттуда берутся все мальчишеские шалости. Мне очень сильно захотелось выбросить одного из коней за окно. Аккуратно взяв одну из фигурок, я вытянул руку над подоконником и осторожно разжал пальцы. Белый конек упал на газон под окном. Он отлично смотрелся в низкой зеленой траве. Мне было немного совестно, ведь чужое брать нехорошо. Но я убедил себя в том, что в любой момент смогу достать выброшенную фигурку и вернуть ее обратно. Решив, что пора закончить игру, я собрал остальных коньков и принялся расставлять их там, где они стояли раньше, постаравшись придать фигуркам положение, в котором их обнаружил.

Едва я закончил, как у ворот послышался знакомый звук мотора. Приехала тетя Клава. Хлопнула дверь машины, послышался недовольный теткин голос, в ответ что-то неразборчивое пробурчал Яша. Я опрометью бросился к выходу из комнаты, захлопнул дверь и быстро

повернул ключ в замке. Когда Клавдия вошла в дом, я уже преспокойно сидел за столом и рисовал рыцарей, штурмующих замок. Вот сейчас она все поймет и устроит скандал. Однако тетке было не до меня.

Тут я вспомнил про «отпущенного» конька. Его нужно было срочно вернуть! Я выбежал в прихожую, сорвал с гвоздя связку ключей и бросился к калитке. На улице висела все та же душная пелена, лишь подола кучевых облаков едва уловимо потемнели. Собиралась долгожданная гроза.

Я с трудом отворил тяжелую скрипучую калитку, выскочил на улицу, сделал несколько шагов по направлению к ротонде и вдруг застыл как вкопанный. Спину обожгло внезапным ознобом. Под окном, лицом ко мне, стоял Яша. Он был неподвижен, словно манекен. На широкой четырехпалой ладони белела костяная лошадка.

Странные метаморфозы творились с лицом водителя. Оно текло и бурлило, точно марево над горячим асфальтом. Под знакомыми чертами проступал совершенно другой «рельеф». Лоб разгладился, а нос заострился, четко обозначились дуги бровей, волосы потемнели и удлинились. Вместо побитого жизнью пожилого мужчины передо мной предстал молодой человек лет двадцати пяти. Яша снял очки, и тут железный цветок ужаса расцвел в моем желудке.

На меня уставились два мутных бельма цвета перебродившей сметаны. Зрачков не было и в помине, но в глубине этих белесых буркал угадывалось какое-то смутное движение, какая-то чуждая, зловещая жизнь.

Я словно заледенел, привалившись к стене теткинoго дома, и неотрывно глядел на пугало, стоящее в каких-то восьми метрах от меня.

Не знаю, сколько продлилась эта немая сцена, но вот Яша моргнул, водрузил стрекозиные окуляры на переносицу и, резко развернувшись, неуклюже зашагал вниз по улице. В крепко сжатом кулаке он уносил костяного конька.

Человеческая вера в привычный ход вещей — очень сильная вещь. Не прошло и десяти минут с памятной встречи, а я уже убедил себя, что Яша просто был пьян. Я вспомнил, как прошлым летом мы с мальчишками дразнили алкоголика Петровича, спящего в канаве.

Пьяница, пьяница!
За бутылкой тянется,
А бутылка далеко,
Нужно ехать на метро,
А метро сломалось,
Пьяницо взорвалось!

Повторяя дразнилку как заклинание, я постепенно успокоился. За то, что Яша банально «нагрузился», говорили и его неровная вихляющая походка, и желтая «Волга», оставшаяся стоять у теткиного дома. В схему не укладывались жуткие глаза водителя и внезапная молодость его лица. Но об этом я старался не думать.

Повесив ключи на гвоздь, я решил, что инцидент полностью исчерпан, и с детской непосредственностью погружился в воображаемый мир средневековых баталий.

Наступил вечер, а гроза так и не началась, хоть временами и был слышен отдаленный гром. Меня позвали ужинать. Пока я справлялся с исходящей паром рассыпчатой картошкой и двумя румяными котлетами, тетка и бабушка как-то странно посматривали на меня, а когда приступил к чаю, заговорили одновременно. Оказывается, тетка заходила в комнату Вари и каким-то образом поняла, что я там был.

Меня принялись допрашивать с пристрастием, нудно, настырно, дотошно, как только умеют старые женщины. В конце концов я не выдержал и признался в нарушении запрета, но только в том, что заходил в комнату. Про лошадку я не сказал ни слова. Клавдия, как видно, что-то подозревала и еще долго бросала в мою сторону подозрительные взгляды. Ее румяное полное лицо будто окаменело. Думаю, если бы не бабушка, тетка точно бы меня выпорола.

Тем не менее страсти постепенно улеглись. Клавдия совершенно успокоилась, включила телевизор и приготовила банку с водой. Наступало время очередного сеанса Алана Чумака.

* * *

Едва я закрыл глаза, мне привиделись мертвые воробьи. Они сидели на спинке моей кровати и скрипели противными голосами на манер соседского петуха. Глаза птиц были затянуты точно такими же мутными бельмами, как и глаза Яши.

Едва в моем угнетенном кошмаром сознании возникла мысль о водителе, как тот не замедлил явиться. Выступил из темноты, окружающей кровать, и протянул ко мне искалеченную руку. Обрубок безымянного пальца во сне выглядел ужасно. Рана была свежей и постоянно кровоточила. Багровые, светящиеся, точно кремлевские звезды, капли с тихим шипением падали во мрак. Воробьи с радостным урчанием срывались со спинки кровати и подхватывали капли на лету. От мертвых птиц веяло холодом и затхлой водой. Внезапно они показались мне огромными, точно орлы или альбатросы. А я, наоборот, съежился до размеров червяка. Мне хотелось крикнуть, отогнать химеру. Но черви не умеют кричать.

Внезапно из темноты донесся собачий лай, а затем громкий, отчаянный крик. В то же мгновение наваждение распалось на части, которые скомкались и почернели, точно кусок газеты на костре.

Я проснулся. Холодный пот тек по спине. Едва я успел вздохнуть, как страшный крик раздался снова, уже наяву.

Я вскочил. На соседней кровати заворочалась бабушка.

Крик повторился. Он был очень отчетливым и доносился из комнаты тети Клавды! Неуверенно ступая в темноте по старым скрипучим половицам, натываясь на

★ столы и шифоньеры, я направился на звук. Остановившись перед дверью теткиной комнаты, я робко постучал. Однако новый крик заставил меня потянуть ручку на себя.

Тетка сидела на кровати, прижавшись к спинке. Ее руки непрерывно двигались, голова моталась из стороны в сторону. Ноги, поджатые в коленях, были накрыты одеялом.

Я включил свет и увидел, что глаза Клавдии закрыты, а губы постоянно шевелятся. Я прислушался.

— Кусают, кусают, кусают, — быстро шептала тетка, — ноги сгрызли совсем, руки грызут-грызут. Пролезли и кусают. Нет! Пошли прочь! Фу! Фу! — Тут она снова издала тот жуткий вопль, который и разбудил меня.

В комнату, оттеснив меня, ворвалась бабушка. Подскочила к тетке, принялась трясти ее за плечи.

— Клава! Что случилось? Клава!

Тетка открыла глаза.

— Они как-то пролезли, Люба! Наверное, через подпол. Кусали меня, рвали. Насилу отогнала их.

— Да кого ж ты отогнала?

— Собак, Люба. Собак! Здоровенные, лютые псы. Нешто ты их не видала?

— Клава, — строго сказала бабушка, — дом закрыт. Какие еще собаки?

— Да как же закрыт? А ноги-то мои? Смотри, все в крови! — Тетка задрала одеяло. Ее ноги покрывала сеть синих вен, демонстрируя обычные проблемы пожилых людей. Однако никаких ран или синяков не было и в помине.

— Да как же это? — пролепетала Клавдия. — Кровь-то ручьем лилась!

— Это был сон. Вот как, — сказала бабушка.

— Нет, — заупрямилась тетка, — я их видела, они где-то здесь. — Внезапно ее лицо застыло, точно внезапная догадка поразила женщину до глубины души.

— Это ОН! — прохрипела тетка. — Он натравил. За что? За что? Что я ему?.. — Ее голос прервался

протяжным всхлипом, рука поднялась, и пухлый палец уперся...

Сначала мне показалось, что Клавдия указывает на меня, и, ошарашенный, отшатнулся, но обвиняющий перст искал цель несколько левее того места, где я стоял. Я скосил глаза и увидел небольшой, потемневший от времени комод. На его крышке покоилась аккуратно сложенная белая сорочка, а поверх нее, точно причудливое пресс-папье, лежала «грозовая» брошь. Овальный камень был непроницаем и темен, словно февральская полынья, по серебряной оправе гуляли холодные блики.

Бабушка резко повернулась и подошла ко мне.

— Тебе ни к чему тут стоять, — яростно зашептала она. — Тете Клаве нездоровится. Немедленно ступай в постель!

Очевидно, бабушка решила, что тетка винит в своих бедах меня.

Я послушно отправился в горницу. Лег, но сразу заснуть не смог. Было слышно, как бабушка водит тетку по дому и, словно маленькую, убеждает: «Смотри, на кухне никого нет... и в прихожей никого. Видишь — дверь закрыта. Хорошо, эту щеколду мы тоже закроем. Да, и эту...» В ответ слышалось бессвязное лепетание Клавы. Из невнятного потока слов то и дело всплывали «собаки» и загадочный «ОН». Похоже, «пророчество» Вовки начинало сбываться. Тетка помешалась. Но как насчет собачьего лая, который я слышал спросонья? Зловещие загадки продолжали множиться.

* * *

Все утро Клавдия не выходила из своей комнаты. Она часто звала к себе бабушку, просила пить «заряженную» воду. На почве ночных кошмаров у тетки разыгралась лихорадка.

Настало время вызвать доктора. Однако ближайшая поликлиника располагалась там же, где и почтамт. На главной площади, под защитой бронзового вождя.

— Я пойду схожу за врачом, а ты помогай тете Клаве. Не отходи далеко, — велела бабушка, — приноси ей компот — на кухне стоит, в бидоне, я с водой развела. Вставать не давай. Вот марлевая повязка. Повяжи, а то еще, чего доброго, заразишься.

Продолжая бомбардировать меня инструкциями, бабушка собралась, накрасилась и наконец отправилась за врачом, распространяя вокруг густой запах дешевых духов.

В каменном дворе стало пусто. Я оглянулся вокруг и на мгновение словно вынырнул из океана мальчишеских грез. Я представил себе, как шумный, заполненный жизнью двор постепенно возвращается к тишине, как ветшает старый дом, пустеют амбары и флигеля. Больше не шлепают по каменной стежке босые ноги маленьких проказников. Протяжный стол, за которым вечерами собиралась вся семья, становится сначала верстаком, потом просто ветхой развалиной в глубине заброшенного овина, а затем, в одну из «голодных» страшных зим, превращается в растопку для печи. Я представил, как один за другим обитатели двора уходят во внешний мир и он убивает их: постепенно, истощая стареющие тела, или мгновенно, посредством воды, огня или фашистской пули. «У землемера было восемнадцать детей. Клава — самая младшая», — вспомнил я слова Вовки Пичугина. Младшая, и последняя.

Мне стало жалко тетку. Я бросился в дом. Нужно как-то помочь, поддержать. Что там бабушка говорила про компот? Я вихрем влетел на кухню. С трудом наклонил тяжелый бидон и до краев наполнил большую эмалированную кружку красноватой жидкостью.

Я застал Клавдию в состоянии странной ажитации. Предметом волнения тетки была грозовая брошь. Пожилая женщина тянулась к ней так, словно в черном овале заключался корень всех ее желаний и помыслов. И в то же время что-то не давало ей добраться до броши. Что это было? Сомнение, слабость или страх? Я не мог сказать.

Завидев меня, Клавдия прекратила свои попытки подняться и вцепилась в предложенную кружку с компотом. Опорожнив ее до половины, тетка как будто немного успокоилась.

— Послушай, дружок... — Клавдия сделала еще один большой глоток, — послушай, мне нужно... нужно вот это. — Она указала на брошь. — Я... мне кажется, я должна... Должна попросить...

— Вы хотите, чтобы я принес?

— Да-да, дай мне ее. Понимаешь, я бы и сама взяла, да ноги на пол мне не спустить. Иначе найдут, разорвут. Люба говорит, нет никого, да я-то знаю: здесь они где-то. Прячутся. Ждут. А я так рассудила: извинюсь перед ним, попрошу прощения, он их и прогонит. Только вот до брошки никак не дотянусь. Дай мне ее! Дай мне ее сейчас!

Мои опасения подтвердились. Тетка была совершенно безумна. Однако я решил не расстраивать ее еще больше и, подойдя к комоду, взял брошь. Темный камень был холодным на ощупь. Я хотел передать украшение тетке, как вдруг что-то врезалось в оконное стекло снаружи. От неожиданности я разжал пальцы, и тяжелое украшение с глухим стуком упало на пол. Я наклонился подобрать брошь и увидел, что грозовой камень поднялся над плоскостью серебряной оправы, точно хитиновый покров на спине жука-рогача. От удара об пол сработала пружина, скрытая под корпусом. Я поднял украшение и, конечно, не смог удержаться от того, чтобы взглянуть на содержимое секрета.

Я не сразу осознал, что передо мной, а когда понял, то чуть снова не выронил брошь. На красной бархатной подкладке лежал иссохший, почерневший палец. Похожая на гнилой пергамент кожа собралась складками, обнажая желтую кость в месте, где палец отделили от тела.

Перст был принужденно согнут по форме своего странного вместилища. Вокруг длинного, загнутого внутрь ногтя выступила мутно-зеленая субстанция. Не то запоздалый гной, не то иные выделения, свойственные мертвой плоти.

Я с ужасом воззрился на тетку, но та, как будто ничего не замечая, продолжала тянуть руки к шкатулке. Мне оставалось только передать ей «грозовую» брошь.

Клавдия приняла подношение чуть ли не с благоговением. Положила перед собой на простыню и принялась разглядывать, словно перед ней была великая драгоценность. Затем потянула за цепочку, что висела у нее на груди. На конце цепочки оказалось кольцо желтого металла. Это простое украшение было слишком велико для теткиных пальцев и, по всей видимости, предназначалось мужчине.

Клавдия извлекла почерневший отросток из шкатулки и тут же окольцевала его, приговаривая: «Кольцо на пальце — жених у ворот. Кольцо на пальце — жених у ворот». Все эти действия были проделаны совершенно автоматически, словно завязывание шнурков или чистка картофеля

— И что теперь? — спросил я, хотя уже начал догадываться.

— Нужно ждать. Он придет. — Тетка сняла кольцо и быстро убрала под рубашку. Страшный секрет скрылся в недрах «грозовой» броши.

Минут через десять под окном раздался звук клаксона. Яша явился к своей хозяйке.

— Впусти,пусти его, — зашептала тетка. — Он поможет, прогонит собак, — с этими словами Клавдия без сил откинулась на подушки.

Что мне было делать? События последних дней совершенно не укладывались в принятые правила игры. Будь я старше, наверное, сошел бы с ума или просто отключился. Однако сознание ребенка куда гибче, чем у взрослого.

Я вспомнил жуткие белесые глаза водителя, его изменчивое текучее лицо и понял, что ни за какие сокровища не позволю ему войти в нашу «крепость». Тетка просто бредит, а когда придет в себя, скажет мне спасибо.

Сначала я решил подождать в надежде, что Яша уедет, но потом отказался от этой мысли. А вдруг он будет

стоять там до вечера? Придет бабушка с доктором и тогда... Я не знал, на что способен белоглазый человек. Когда два года назад я ездил с родителями на Кавказ, то слышал там легенды о вурдалаках. Днем они походили на людей, а ночью набрасывались на прохожих и пили кровь. Что, если Яша вурдалак? Правда, тетка как-то управляла им. Однако просить Клавдию прогнать страшного водителя сейчас не имело смысла. Ведь она сама позвала его. И тут я вспомнил про комнату тети Вари и костяные фигурки. Я боялся, что Клавдия забрала ключ, но мне повезло. Он все так же торчал в замке.

* * *

Яша ждал в своей обычной позе, прислонившись к капоту. В стрекозиных очках отражались кусты сирени и зеленые створки ворот.

— Здравствуйте... — неуверенно начал я, стараясь не думать о том, что скрывается за зеркальными стеклами.

— О, малец! Ты чьих будешь? — удивленно воскликнул водитель. Его интонация странно изменилась. В ней появились нотки, не свойственные прежнему безразличному Яше.

— Тетя просила передать... — попытался я снова.

— Тетка? Так ты Зины племяш? Ну, здравствуй, молодой-красивый! А где ж сама хозяйка? Зина-то где, а?

— Э... Зина? — удивился я и тут же припомнил: Зиной звали одну из сестер. Но ведь она умерла? Неужели Яша не знает? И меня он, кажется, тоже не узнал. — Ее... ее нет, — наконец выдавил я.

— Да ну? А кто ж меня звал тогда?

— Тетя Клава.

— Клава? Младшая? — Яша запнулся, словно натолкнулся на стену, и потом проговорил уже совершенно другим голосом: — Вон как. Вон оно как. — Потом потрянул головой. — Ну, Клава так Клава, лишь бы лодка плавала. — И легонько стукнул по капоту «Волги». — Зови

ее, малец! Прокачу в лучшем виде, по-барски, наособицу да с бубенчиком!

— Тете Клаве нездоровится. Она просила передать, чтобы вы ехали домой. — Я сказал то, что задумал, и с ужасом ждал ответа.

— Э-э, нет, погоди, — протянул водитель. — Как же это получается? Сама звала, а теперь гонит. Уговор есть уговор. Пстой-ка, сокол. А может, ты все врешь? Пойдем-ка в дом, разберемся.

Он надвинулся на меня, заслоня солнечный свет.

— Вам нельзя внутрь! Нельзя! Уходите! Пожалуйста! — отчаянно завопил я, а затем изо всех сил бросил в Яшу то, что до этого сжимал в кулаке. Белая фигурка отскочила от груди водителя и упала в дорожную пыль.

Реакция мужчины была потрясающая. Он рванулся за костяным коньком, точно утопающий за спасательным кругом. Рухнув на дорогу, Яша подхватил фигурку. При падении очки свалились с переносицы, и я вновь увидел мутный свет его ужасных глаз.

Водитель баюкал фигурку, разговаривал с ней, точно она была живая.

Потом поднялся и посмотрел на меня.

— Откуда... — прохрипел Яша, — откуда ты взял это? Там есть... еще? — Он начал медленно подниматься на ноги.

Я бросился к воротам, юркнул в калитку и налег на дверь.

Едва я успел повернуть ключ в замке, как толстые дубовые доски прогнулись от страшного удара.

Не став дожидаться, пока монстр сломает ворота, я бросился в дом и принялся закрывать входную дверь на все многочисленные крючки и запоры. Затем бросился в трапезную — баррикадировать окна, потом метнулся в горницу. Я осторожно подкрался к окну и выглянул, прячась за горшки с геранью. Вопреки моим ожиданиям, Яша вовсе не ломился в ворота, а просто стоял и неотрывно смотрел на старый дом, словно увидел его впервые. Я мысленно повторял про себя: «Уезжай, уезжай. Пожалуйста!»

К моему удивлению, заклинание сработало. Яша повернулся, открыл дверь машины, и вскоре о том, что он был здесь, напоминало только облако дорожной пыли перед воротами да шум мотора, удаляющийся в сторону Ельчика.

Я подождал еще немного, удостоверившись, что белоглазый не собирается возвращаться, и отправился в комнату тети Клары. Я не знал, что ей сказать. Как объяснить, почему Яша уехал.

К моему облегчению, лгать мне не пришлось. Тетка мирно спала, смешно причмокивая во сне. «Грозовая» брошь мертвым жуком покоилась у нее на груди. Я облегченно вздохнул. Скорее всего, Клавдия и не вспомнит о том, что «звала» водителя. Чтобы обезопасить себя, я забрал брошь.

Я подошел к окну теткиной спальни, выходящему на соседский двор, пытаясь понять, что за звук заставил меня выронить брошь. На оконном карнизе лежал мертвый воробей.

* * *

Бабушка с доктором явились часа через два. К этому времени я уже почти успокоился. Они разбудили Клавдию. Горбоносый долговязый врач напоминал худого, нервного грача-альбиноса. Неряшливый, всклокоченный, он метался вокруг кровати, наклоня большую голову то вправо, то влево. За его спиной, точно два крыла, поднимались и опадали полы белого халата. Когда дело дошло до стетоскопа, меня из комнаты, конечно, выставили. Из-за неплотно прикрытой двери доносились обрывки малопонятных фраз: «тремор верхних конечностей... аритмия... верхнее давление в норме, а вот нижнее... вот-с... подозрение на микроинсульт... галлюцинации вызваны спазмом... постельный режим».

Дверь заскрипела, открываясь, и я поспешил спрятаться в трапезной.

— И запомните, вам ни в коем случае нельзя волноваться. Ни в коем случае, понимаете? — Теперь голос

доктора был слышен отчетливо. Вскоре они с бабушкой вышли во двор, и я последовал за ними.

— ...Вас я понимаю, — говорил доктор, — отдых — дело святое. Но вот Клавдия Николаевна — это же совершенно другое дело! Человек пожилой, одинокий. Все, что угодно, может случиться. Поразительно, как она беспечна! Ведь у нее же квартира за рекой, со всеми удобствами. На дворе двадцатый век, люди в космос летят, а здесь средневековое какое-то, право слово. Даже телефона нет. А зимой? «Скорая» сюда не доедет. Это я вам заявляю со всей ответственностью.

— Да ведь это ее дом. Здесь она выросла. Как же его оставить? А вдруг разворуют все? — тихонько возразила бабушка.

— В ее возрасте не об имуществе надо беспокоиться, а о здоровье! — отрезал носатый эскулап. — Вот не хотел вам говорить, а теперь скажу. Сегодня ночью к нам доставили вашего соседа Егора Тимофеевича Толстопальцева. Множественные ранения горла, рук и ног. Вот-с.

— Это кто ж Егор Тимофеевич? — удивилась бабушка. — Я вроде таких не знаю. Постойте! Это Егорка, что ли? Он к Клаве за бутылкой ходит.

— Он самый. Только в этот раз не дошел ваш Егорка.

— Что ж с ним случилось?

— Собаки. — Доктор поднял чемоданчик. — Собаки его порвали. Та стая, что у Ельчика живет. Повезло ему, что пьяный был. На трассу сам выбрался. Первый же водитель его и подобрал. Народ у нас добрый.

* * *

— Это кто ж такой вурдалак? Упырь, что ли? — заинтересованно спросил Вовка, демонстрируя неожиданные познания в классической литературе.

Мы сидели на старых телеграфных столбах, сложенных поленицей у Вовкиного дома, и ели мороженое.

— Вроде того. Только на вид не страшный. Будто обычный человек, а на самом деле — нет.

— Не, Яша на упыря не похож. — Вовка глубоко-мысленно поковырял в носу. — Вот Егорка ваш — этот точно упырь, или как там — бурдалак.

— Да при чем тут Егорка?! — разозлился я.

— А давай за ним проследим? — неожиданно предложил Вовка

— На фига? Он же в больнице лежит.

— Не за Егоркой, балда! За Яшей. Вдруг он и правда шпион? — Глаза младшего Пичугина горели охотничьим азартом. Видно, он представил себя бравым контрразведчиком из мультфильма «Шпионские страсти» и от версии о том, что водитель тети Клавы — вражеский резидент, отказываться не желал.

— А что? Давай! — Я совсем не был уверен, что хочу снова встретиться с белоглазым, но спасовать перед Вовкой не мог.

— Если что найдем, дяде Степе из шестой квартиры расскажем. Он майор милиции.

— Может, сразу расскажем? — с надеждой предложил я.

— Не, сразу нельзя, — покачал головой рассудительный Вовка. — Ты «Следствие ведут знатоки» видел? Мы ему про Яшу скажем, а он тут же спросит: «Какие у вас доказательства? Где улики?» А у нас ничего и нет. Вот если бы рацию найти или еще чего-нибудь. Ну, пистолет там, паспорт фальшивый или парашют прикопанный. Тогда можно.

— Ну, хорошо. Давай проследим. — Я почувствовал, как проникаюсь Вовкиным энтузиазмом. — Завтра вечером бабушка на почту пойдет. Ей в Москву позвонить надо. Вот тогда и приходи.

* * *

Идти по незнакомой улице без взрослых было непривычно. Чувство свободы смешивалось с робостью, радость со страхом. Совсем не так ведут себя настоящие борцы со шпионами. Я утешался только тем, что Вовка тоже был не в своей тарелке.

Мы спустились вниз по улице и с каждым шагом все явственнее ощущали влажное дыхание реки. Запахи тины, прели и болотных растений будоражили ноздри. Пойма надвигалась на нас в буйстве зелени, криках птиц и гудении насекомых. Впереди изумрудными полусферами вспухали кроны старых ив, сторожащих берег. Природа, питаемая водным источником, властно брала здесь свое, а человеческое присутствие, напротив, умаялось. Жалкие полуразрушенные лачуги у подножия холма покосились и выросли в землю. Почти невидимые под гнетом плюща и дикого хмеля, чернели провалы окон. Вороньим глазом поблескивали редкие сохранившиеся стекла.

— Вот сюда он сворачивает. Мы прошлой осенью за грушами к тете Клаве приходили, и я видел. — Вовка указал на малозаметный проулок.

— А ты уверен? — Я недоверчиво взглянул на узкий проход, отделяющий последний перед прибрежными зарослями ряд домов от остального массива зданий. — Здесь едва машина пройдет, и дома как будто нежилые.

— Точно здесь. Честное октябрятское! — заупрямился Вовка. — Вон, смотри. Следы колес свежие.

Решив довериться елецкому «пинкертому», я свернул с улицы в проход. В этом месте еще явственней ощущалось проклятие запустения. Почерневшие щербатые заборы не скрывали заросшие сорняком дворы и ветхие постройки.

— Здесь парк хотели разбить, уже года три как, обещали даже хоккейную коробку поставить, — отчего-то шепотом сказал Вовка. — Да вот не разбили.

Следы шин вывели нас к небольшому пустырю. На его краю возвышалась куча песка, обильно поросшая дикой ромашкой и львиным зевом. Рядом бесформенной массой темнел наваленный как попало рубероид. Из буйных кустов, окаймлявших пустое пространство, торчали серые туши бетонных плит. Похоже, здесь действительно собирались что-то строить. Следы огибали кучу песка и терялись в прибрежной зелени.

Мы неуверенно замерли на краю этого своеобразного «фронта» цивилизации.

— Ну что встал? Трусишь? — воинственно поинтересовался Вовка.

— Вот еще! — Я первым шагнул в неизвестность.

В молчании пробирались мы через заплоты крапивы и репейника, цепляясь за торчащие из земли древесные корни. Под ногами постоянно что-то хлюпало, трещало и крошилось. И от этого казалось, что мы идем по кишасим насекомым, как в фильме «Индиана Джонс и Храм Судьбы», который втайне от родителей показывал мне одноклассник-мажор. Кроны ив наконец сомкнулись над нашей головой. Город еще купался в солнечных лучах, а здесь уже царили влажные прохладные сумерки.

На «Волгу» мы наткнулись внезапно. Желтый багажник вынырнул из высокой травы, точно ждал в засаде. Казалось, машина стояла здесь не один день, засыпанная листвой и древесным мусором, недвижимая, мертвая. Даже трава в колее поднялась.

— Смотри! — Вовка махнул рукой куда-то вперед.

Оказалось, что машина закрывает собой едва заметную тропинку. Пройдя по ней, мы выбрались на поляну, образованную давно пересохшей старицей Ельчика. От водного потока, некогда бежавшего здесь, остались только обширные мутные лужи. Впереди, на естественном островке, виднелись остатки какой-то постройки. Из травы поднималась неровная кирпичная стена. Сиротливо зиял оплетенный выюнком дверной проем. Чуть в глубине угадывалась покосившаяся башня печной трубы.

— Никого нет, — разочарованно и в то же время облегченно проговорил Вовка. — Наверное, он здесь машину оставляет, чтоб не украли.

— Надо посмотреть в доме. — Я перепрыгнул лужу и крадучись направился к руинам.

— Зачем? Видишь, какая там трава высокая? И следов никаких нет, — засопел мне в спину недовольный «сыщик».

— Я только взгляну и назад. — Я не стал говорить Вовке, что заметил на дне лужи едва видный отпечаток подошвы.

Чем ближе подбирался я к разрушенному дому, тем меньше было во мне уверенности. Может, Вовка прав и лучше вернуться? Однако что-то влекло меня к пустому дверному проему.

Я приблизился к руинам вплотную. Запустение было полным и очевидным. Здесь давно никто не жил. Я вошел и огляделся. Судя по обводам кирпичного фундамента, дом был достаточно большим и вполне добротным. Из-под слоя земли кое-где выглядывали массивные доски пола. Остатки стен и покосившаяся труба казались закопченными, наводя на мысли о пожаре. Я представил себе, как давным-давно их лизало жадное пламя, и поежился. Я прошел руины насквозь и наконец увидел Ельчик, который до того выдавал свое присутствие только приглушенным журчанием. Разрушенный дом буквально нависал над рекой. Темнеющий поток огибал островок и устремлялся по коридору, образованному древесными стволами. Из глубины этого сумрачного тоннеля медленно наплывал туман. Белесые щупальца реяли над водой, неторопливо поглощая видимое пространство. Мне подумалось, что глупо было приходить сюда вечером и что идти назад в сумерках будет куда труднее. Я развернулся, собираясь покинуть руины, и тут увидел кресты.

Два покосившихся деревянных знака возникли, словно по волшебству. Похоже, огонь, бушевавший здесь, не затронул их. Когда я входил, то не заметил могил из-за того, что они находились в углублении, зато теперь отчетливо различал низкие холмики. Мне стало жутко. Кто и зачем похоронил здесь людей? На негнущихся ногах я приблизился и почти сразу обнаружил третье захоронение, а точнее, просто яму в земле. Странное любопытство овладело мной и, хотя все мое существо противилось этому, я встал на краю и посмотрел вниз.

Из влажной темноты последнего приюта на меня уставились страшные белесые глаза. Яша лежал на спине совершенно неподвижно. В открытом углублении скопилась вода, которая, точно саван, укрывала нижнюю часть туловища и ноги водителя. Над черной хлябью поднимались только лицо и грудь, на которой прямо под сердцем покоились две костяные фигурки.

Я отшатнулся и хотел броситься прочь, но тут за моей спиной раздалось угрожающее рычание. Крупная лохматая собака легко перемахнула низкую стену и теперь стояла в шаге от меня, наклонив голову и обнажив клыки. Широкая грудь и мощные лапы наводили на мысли о волкодаве, однако морда была слишком узкой, как у овчарки. Засохшая зеленоватая грязь, покрывающая шерсть вокруг пасти и на лбу, выглядела точно чешуя, превращая собаку в исчадие ада. Дикарь снова зарычал, и, словно в ответ на этот рокошущий грозный звук, плеснула вода в могиле. Я в ужасе скосил глаза и увидел, как над краем ямы поднялась облепленная ряской искалеченная рука, вся в потеках черной болотной жижи.

* * *

Кажется, никогда я не бегал быстрее. Далеко впереди меня ломился сквозь кусты перепуганный Вовка. За спиной был слышен собачий лай. Стая настигала нас. Дышала в затылок.

Я буквально вывалился из кустов. Пробежал по бетонной плите и хотел прыгнуть на землю, но зацепился рубашкой за предательскую ветку. Несколько мгновений ушло у меня на то, чтобы освободиться, однако было уже поздно. Разномастные дворняги, всего около десятка, выступили из травы, охватывая меня полукольцом. Я оглянулся, ища глазами товарища. Но Вовки и след простыл. Вместо этого на площадку выбрался узкомордый вожак. Псы начали медленно приближаться. Я весь сжался. Вот сейчас, сейчас они набросятся на меня...

— Нат! Нашты! (цыганск: Нет! Нельзя!) — резкий повелительный окрик обрушился на собак сверху.

Я поднял голову. На куче песка стоял «черный» человек в шляпе и остроносых башмаках. Тот самый, что прогнал цыганок на рынке. Похоже, что его удивительные способности помогли и здесь. В ответ на слова человека в шляпе вожак зарычал, но совсем не так, как тогда в развалинах. В голосе зверя слышалось признание чужой силы. Пес развернулся и бесшумно исчез в кустах. Другие собаки также покинули поле боя.

Тем временем мой спаситель спустился вниз. Он оказался на удивление невысок ростом, едва ли выше меня. Изящный, худощавый, смуглый. Одежда сидела на нем идеально и смотрелась очень гармонично, однако было в ней что-то необычное, нездешнее.словно «черный» человек сбежал с массовой к историческому фильму.

Его волосы, длинные, черные, с едва заметным серебром седины, вольно раскинулись по плечам. Я поймал себя на том, что никак не могу рассмотреть лицо мужчины. Его черты ускользали от взгляда, словно я смотрел на них издали или сквозь туман.

— Рад встрече. — Незнакомец, я прозвал его «цыганом», легонько коснулся полей своей шляпы.

— Здравствуйте, — робко ответил я. — Спасибо... спасибо, что спасли.

словно в подтверждение моих слов, из глубины прибрежных зарослей послышался отдаленный лай. Я вздрогнул.

— Час поздний, а место здесь нехорошее. — Цыган указал рукой на узкий проулок, освещенный лучами заходящего солнца. — Давай-ка я тебя до дому провожу, а то мало ли...

Мы медленно двинулись вдоль трухлявых заборов.

— А вы... вы кто? То есть я хотел сказать... в тот раз на площади это же были вы и теперь... Вы ведь все знаете, да?

— Все, пожалуй, только боженька знает. А я... я просто старый ром, хожу по земле, истории собираю. — Цыган усмехнулся.

— Вы писатель?

— Писатель? Да нет, скорее сказитель... э... сказочник. — В голосе моего неожиданного собеседника было что-то неуловимо знакомое. Внезапно меня осенило: точно так же, мягко и плавно, говорил Белоглазый!

— Вы знакомы с Яшей? Вы родственники?

— Его знаю, — некоторое время мужчина шел молча. Потом повернул голову и пристально посмотрел на меня. На мгновение пелена, укрывающая его лицо, стала прозрачной, и я увидел внимательные черные глаза, большой нос с горбинкой и тонкие губы. — Вот послушай, что люди говорят.

Рассказ старого цыгана

Случилось это давно. Еще до большевиков. Цыгане тогда за рекой табором стояли — приветил их местный помещик Бахтеев. Долго стояли. Слишком долго. Старикам-то оно, может, и лучше. Не надо в арбе кости растрясать, не надо думать, как хлеб добывать. А молодым скучно. Кровь играет. Вот и повадились в город шастать. И пошло-поехало: что ни день, то скандал, что ни ночь, то драка. Народ городской цыган не терпит. Случается, правда, и так, что влюбится какой купчина в цыганку без памяти. Прикипит, что твой блин к сковороде, — обухом не отшибешь. Однако в тот раз по-другому вышло. Влюбился парень из наших в дочь кожемяки Нила. И она ему не противилась. Прошла зима, и родила Ниловна мальчика. Сам смуглый, черноволосый — цыган цыганом, а глаза синие, как васильки. Как июньское небо глаза. Прошли годы, и вырос парень, что надо. Высокий, статный, красивый. Родители-то его умерли, стало быть, самому надо решать, какой путь выбрать, какой дорогой по жизни катиться. Вот только никто его, бедное сердце, к себе принимать не хочет. Кожемяки, что вдоль Ельчика издавна селились, «чертовым

выблядком» обзывали. И бить не били, но и зняться не хотели. Сунулся он в табор. И вроде бы взяли его уже. У нас-то народ подбрее будет. Да только увидела парня старая гадалка Гаитана и ну волосы на себе рвать, об землю биться. «Зло! — кричит. — Зло от таких глаз нам будет, ромалы! Страшное лихо!» И правда, есть у цыган поверье. Ежели у человека от роду с лицом что не так: губа заячья, к примеру, или глаз косой, абы волосы рыжие — значит, после смерти будет он из могилки подниматься. Суждено ему стать муло, не живым и не мертвым. Днем такой мертвец ходит себе среди людей и ничем от живых не отличается, кроме запаха. Мужчины-муло миндальной косточкой пахнут, женщины — дынным жмыхом. А только запах этот не вдруг разберешь. Ночью же начинает муло озоровать, из живых соки тянуть. Если сильно голодный — может на смерть загрызть. Вот Гаитана и подняла крик. Из-за глаз его васильковых. На шум пришел ром-баро, старший цыган, стало быть. Посмотрел на пришлеца, головой покачал. Уходи. Нет тебе здесь приюта. И пошел полукровка несолоно хлебавши куда глаза глядят.

В то время под Аргамачьей кручей трактир стоял. Днем вроде обычное заведение. Мастеровые туда захаживали рюмочку опрокинуть, и даже иные купцы не брезговали, но как только солнце за Вознесенский собор прятаться начинало — тянулись к трактиру люди темные, лихие. Под питейным залом тайная камора имелась. Там всю ночь игра шла. Трактирщик Акзыр, старый татарин, человек тертый, бывалый, с городскими набольшими как-то договорился, так что городовые в подвал нос не совали. Ну а если б все же случилась облава — сбежать оттуда, ежели что, проще простого. Вся Аргамачка-то, вестимо, ходами подземными еще с Тамерлановых времен изрыта.

И случилось нашему полукровке к этой недоброй компании пристать. Сделался он знатным игроком: и в карты ему удача, и в кости. Стали у парня деньжата водиться. К деньгам и гордость пришла. Куда ж без нее? Как-то с крупного куша выкупил парень дом своей ма-

тушки в кожевенной слободе и поселился там. Может, просто от доброй памяти, а может, чтобы соседей позлить. Бог его знает. Вот только доход в кубышку парень складывать не умел. Все спускал подчистую. Прогуливал, пропивал и босым домой возвращался. Ну а если начинал проигрывать — злился страшно. Азартен был не в меру. Последние портки на кон поставит, а все ж отыграется. Так его и прозвали Закладом.

Жил Заклад весело, но как-то нехорошо, навзрыд. Видно было: тяготит его то, что застрял он меж двух жизней, оседлой и кочевой, словно душа непокойная меж двух осин. Ни на небо ей, ни в землю хода нет.

Вот однажды приехал в город аж из самой Москвы, серьезный человек, вор по своей темной надобности. Как вечер, отправляется гость в тот самый трактир. Ставит всей лихой братии по чарке «Царской» и зовет в карты переведаться. Подтянулись к нему шулера всех мастей. Расселись. И пошла игра. Да такая, что не в сказке сказать. Гость ночной будто заговоренный. Ни одного проигрыша.словно сам черт ему карту нужную в руку кладет. Народ уже шептаться начал: «Нечисто тут что-то. Надо бы гостя тряхануть как следует, да посмотреть, что у него под одежкой спрятано. Нет ли хвоста». Да только все без толку, потому что гость не один приехал. За спиной у него два брата-мордovorота. Поперек себя шире. Руки, что стволы, ноги, что колоды. Не подступиться.

Тут спускается в подземную камору Заклад. Веселый, пьяный, при всем параде. Кудри черные по плечам вольно лежат, глаза синие, что два камня драгоценных. Рубаха шелковая, как огонь красна, брюки лучшей ткани в смоляные сапоги заправлены. На пальцах золотые перстни. В зубах папироска дымит. Спускается красивый по лестнице, точно барон выступает. Идет напрямик к тому столу, где фартовый карты мечет. «Дозволь, — говорит, — батюшка, с тобой партейку перекинуть». Тот кивает. Садись, мол.

Начали играть. Удачей меряться. В первый раз Заклад гостя обыграл. И во второй. Народ лихой — не че-

та простым мужикам; делают вид, что игра их не интересует, а самим страх как любопытно, что дальше будет. Глядь, и третья партия за полукровкой. Парень раскраснелся, грудь выпятил: вот тебе, москаль, — знай наших! А вор даже бровью не ведет, только ассигнации достает и на кон опять ставит. Сыграли по четвертой, а на пятой проиграл Заклад. Крепко. Почти все, что было. Но он не унывает. Перстни давай ставить, рубаху, даже крест нательный и тот в игре. Вору все едино — крест так крест, только сдавай. И случилось так, что ничего у парня не осталось. Все проклятый хитрован у него вытянул. Улыбнулся глумливо. Ставь или уходи, с нищими не играю. Вызграла в Закладе цыганская кровь. «Не уйду! — кричит. — Хочешь, режь меня, а дай отыграться!» Тут человек нехорошо так улыбается, к людям, что за игрой следят, голову воротит. «Все слышали?» — спрашивает. Те кивают — слышали, мол. «Это, — говорит гость, — чтоб потом промеж нас противоречиев никаких не было. А теперь слушай: если и впрямь хочешь игру продолжить, ставь на кон свой палец». Поблелел Заклад. Вон как дело-то обернулось. Отступи он тогда — никто бы его не осудил. Деньги что? Их отыграть абы украсть можно. Палец — дело другое. Но не отступил парень. «Эх, была не была! Давай на палец играть!» Вот сели, карты сдали. А вокруг тишина такая, что слышно, как у трактирщика в животе щи бродят. Игра-то не шуточная. Смотрит Заклад — масть пошла, и уж совсем было решил, что победил черта московского, да вышло иначе. Сильна у парня удача, да у вора опыта больше. Проиграл Заклад свой палец. Тут же подельники гостя подоспели, хватъ парня за руку, к столу прижали и враз палец от тела отняли.

Я ахнул. В историях, которые я привык слушать, все кончалось хорошо или, во всяком случае, добро торжествовало. Однако определить, где же в сказке старого цыгана была «правильная», а где «неправильная» сторона, тоже оказалось не просто.

— А что же было потом? — настойчиво спросил я, втайне надеясь, что продолжение истории расставит все точки над «і».

— Вместе с пальцем ушла от Заклада вся картежная удача. Играть он почти перестал. В трактире появлялся редко. Порвал связь с друзьями и поделщиками. Денег у него не осталось, и, чтоб не умереть с голоду, начал парень фигурки из дерева и кости резать да на базаре продавать. Вот так нежданно-негаданно открылся в беспалом талант к ремеслу. Работал он много и жадно. В каждую поделку душу вкладывал. Покупали у него охотно. В особенности молодые вдовушки. Уж очень нравился им молчаливый синеглазый резчик. Кто знает, может, и сладилась бы у Заклада жизнь не с одной, так с другой. Но человек, он, известно, только предполагает.

Зимней ночью, аккуратно на Крещение, вспыхнул в кожевенной слободе пожар. Горел дом покойного кожемяки Нила. Заливать огонь бросились не сразу. Кому охота в пламя соваться, за чертова сына головой рисковать. Однако потом все же одумались, принялись тушить. Как только отпылало, стали мужики кости искать, да ничего не нашли.

Я шмыгнул носом, сдерживая слезы. Вот так история! Да зачем такие вообще рассказывают? А как же «жили они долго и счастливо»? Цыган только грустно улыбнулся и продолжил:

— Посмотрели кожемяки на пепелище в последний раз, плюнули и пошли себе по домам. Так и пропал Заклад без отпевания, без слова доброго. Канул в темноту. Словно и не было его.

Вот зима минула, весна прокатилась, лето отгуляло, а как осенняя распутица в дверь постучалась, поползли по Ельцу странные слухи. Мол, не умер резчик. Будто бы видели его у трактирщика Акзыра в подмастерьях. Будто служит он ему, словно раб, безмолвно и покорно. Скажет Акзыр «укради» — украдет, скажет «убей» —

убьет. Другие говорили, работает он ночным ямщиком и вместо денег за извоз загадки загадывает. Отгадаешь — иди свободно, не отгадаешь — вопьется в горло и кровь досуха выпьет. Начали поговаривать, что неспроста дом Нила запылал, что по умыслу резчик сгорел, а теперь не успокоится, пока убивцу своему не отомстит. Так народ сам себя застрашал, что кожемяки, вину в душе ощущая, заупокойный молебен по резчику заказали. Да только все без толку. Продолжает мертвец людям являться. Вот уже и у вдовушек в гостях его видели. Бабы после ночной встречи в томлении пребывают и бледные очень, но рассказывать ничего не желают, отпираются. Еще говорили, будто на Илью-пророка среди бела дня беспалый через базарную площадь прошел, да еще с танцем. Бурлит город, слухами полнится. Собрались уже из монастыря иноков звать, чтоб те святостью своей упыря в могилке успокоили.

И снова вышло не так, как люди задумывали. Грянула на всю страну революция, и за ней война гражданская. Прошлась серпом, приложила молотом. Да так люто, что про историю с мертвым резчиком уже и не вспоминали. Самим бы вживе остаться. Потом немец нагрянул. Начались бомбежки. А как разбили врага — новая жизнь пошла. Поля за рекой домами застроили. Старое все забылось.

— А фигурки, что Заклад вырезал? Какие они были?

— Размером не велики, сработаны искусно: люди, звери разные, птицы всех мастей... Однако же более всего любил Заклад коней вырезать. Да того они у парня хорошо выходили, что, кажется, вот сейчас в галоп сорвутся. Раньше-то, почитай, у каждого в доме такая поделка стояла.

Картина начинала проясняться, загадки одна за другой открывали свою скрытую суть. Но от этого становилось только страшнее.

— Эти... муло, с ними как-то можно справиться? — У меня перед глазами неожиданно возникли персонажи гоголевских сказок: бурсак Хома Брут с меловым

кругом и требником, лихой кузнец Вакула, запросто скрутивший черта. Еще смутно вспомнились дворовые страшилки, что-то про красные пятна и осиновые колы.

— Справиться с живыми можно... с мертвыми поздно справиться, — развеял мои грезы собиратель фольклора.

— Как же быть?

— Бежать. Цыгане, которым мертвяк досаждал, в другой табор просились. Муло к месту своей смерти накрепко привязан. Версты две-три... дальше ему хода нет. Раньше-то, когда пешками спасались, страшно было. Особенно под вечер. Теперь — дело другое: пароходы, еропланы, коляски скоростные — легко уйти.

— Ну а если нельзя уйти? — Я вспомнил тетю Клаву. Как она там? Все так же безвольно лежит на кровати? Или уже встала, ищет спрятанную брошь?

— Тогда плохо дело. Ночью от мертвеца спасения нет. Правда, бывали случаи, когда муло успокоить удавалось.

— Как? Как его можно успокоить?

— Напомнить ему, что умер. Как же еще? Только трудно это. У мертвеца голова точно квашня. Мысли в ней все спутаны, скомканы. Одна на другую налезает. Поди-ка попробуй верную тропку отыскать. Вот и ходит он по земле, себя не помня, другим несчастья чиня, словно...

— Словно безумный робот, — вспомнил я диафильм «Охота на Сетавра».

— Робот? — удивленно переспросил цыган. — Ну, хоть и робот. А что безумен он — это точно. И те, кто с мертвецом знается, безумием его прирастают.

— А если все-таки удастся напомнить? Что тогда?

— Живет муло против закона Божьего, словно камень в ручье. Поток не остановит, но и течь спокойно не даст. Будет вокруг него вода застаиваться, хороводы кружить, свернется смертельными воронками, выроет предательские ямы, а то и вовсе зацветет, заболотится.

★ Течение мусора нагонит. Едва вспомнит муло про свою смерть — своротит ручей валун.

Цыган неожиданно остановился.

— Вот и дом твой. Ну что ж. Будь здоров. Может, когда и свидимся. — Он махнул на прощанье рукой, повернулся и пошел прочь, черный силуэт в зарождающихся сумерках. Мне вдруг почудилось, что цыган уже невообразимо далеко, словно между нами легла бесплотная, но нерушимая преграда.

Я с удивлением обнаружил перед собой знакомые ворота.

— Пойдите! — крикнул я вслед удаляющемуся человеку. — Скажите, что мне делать?

— Сердце слушай, — донесся едва слышный шепот.

Я некоторое время неподвижно стоял у калитки и таранился на ворота, точно так же, как недавно водитель желтой «Волги». «Мертвый водитель» — услужливо подсказал невидимый суфлер. Неужели Яша и впрямь муло? Может быть, это розыгрыш, галлюцинация? Рациональное сознание попыталось отвоевать оставленные позиции. Тщетно. Страшная сказка захватила меня.

Вдруг резко стемнело, косматая, сизая туча воцарилась над городскими крышами. Роскошный абрикосовый закат бесславно почил, раздавленный этим темным приливом. Сине-лиловые жадные пальцы протянулись на восток, стремясь скомкать желтую улыбку молодого месяца, задуть холодные лучинки вечерних звезд. В сердце наползающей тьмы вспыхнул бледный огонь зарницы. Затем еще раз и еще... Я ожидал громового раската, но его не последовало. Вместо этого над мертвой колокольной поднялась воронья стая, взбурлила, вытянулась невиданным мостом меж землей и небом и с хриплым немолчным граем устремилась на восток подальше от грозы.

Постоянно оглядываясь, каждую секунду ожидая почувствовать хватку мертвых пальцев на своем плече, я подошел к калитке. Таясь, словно вор, принялся открывать замок.

«Старая крепость» встретила меня теплым дыханием полдня, пойманном в каменную ловушку двора. Здесь все было спокойным, привычным и после пережитых мной приключений каким-то особенно умиротворенным.

Я отправился в дом и сразу же бросился проверять тайник. Брошь была на месте.

* * *

Бабушка вернулась минут через десять. Пожаловалась на очереди, поохала на долгий путь и принялась готовить ужин. Я отправился в трапезную, сел за стол.

— Телевизор не включай. Гроза идет! — донеслось из кухни. За окном опять сверкнуло. На улице по-разбойничьи засвистал ветер. В сочетании с разыгравшейся стихией сонный покой и уютное тепло старого дома стали почти осязаемы. Трудно было представить себе, что где-то рядом под мрачным грозовым небом бродит мертвец с бессонными белыми глазами.

Я вздрогнул. Прямо передо мной, откуда ни возьмись, возникла тарелка с рассыпчатой елецкой картошкой, исходящие паром котлеты и чашка густой домашней сметаны. Погруженный в страшную грезу, я не заметил, как бабушка накрыла на стол.

Покончив с едой, я немного успокоился. Нужно было обдумать все еще раз. Понять, где правда, а где игра воображения, и наконец решить, что делать дальше.

Я вошел в горницу, прилег на кровать. Над входом в ротонду сквозняк легонько раскачивал серую кисею паутины. Вправо-влево, с постоянством маятника...

* * *

Что-то коснулось меня, и я открыл глаза. Горница преобразилась. Стены раздались в стороны, потолок вознесся на необозримую высоту. Окна вытянулись и странно выгнулись, маслянисто поблескивая черными стеклами. Это сон! Вот оно что! Я с ужасом ждал появ-

ления Белогозого. Однако Яша так и не пришел. Вместо этого начала медленно отворяться дверь запретной комнаты. Темная щель росла. В ее раскрывающемся зеве засверкали частые вспышки. Похоже, внутри бушевала гроза. Наконец дверь полностью отворилась, и в горницу ступила тетя Варя. Бледная, худая, с аскетичным суровым лицом. Она была одета в то самое черное платье, что так напугало меня во время второго визита в ротонду.

Тетка остановилась посреди зала, в который превратилась горница, и поманила меня к себе. Я спустил ноги с кровати и тут же оказался рядом с покойной родственницей. Из темноты явились лица прочих детей землемера. Они то явственно проступали вокруг, то становились едва заметными, полупрозрачными, точно тень дыхания на оконном стекле.

Сверху, медленно кружась, принялись падать пушистые белые снежинки. Тетка подняла руку, и в тот же миг, разорвав черную поверхность оконных стекол, к нам устремилась армия мертвых воробьев. Поток птиц поднял нас, точно прилив лодку, и повлек вверх. Я испугался, что мы врежемся в потолок, но того не было и в помине. Мгновение — и мы уже парили в прозрачном морозном воздухе. Здесь во сне царила зима. Ярко сверкали невероятно крупные звезды. В их свете заснеженный город внизу казался убежищем призраков.

Воробьи устремились вниз. Мы спускались по их маленьким холодным телам, точно катились с ледяной горы.

Вот промелькнул причудливый изгиб замерзшей реки, показался холм и монастырская колокольня.

* * *

Мы стояли перед большим добротным домом. На высокий кирпичный цоколь опирался массивный сруб из мощных смоленых бревен. Островерхая крыша была покрыта снегом. С карнизов и наличников живописно

свисали сосульки. В доме светилось единственное окно, отбрасывая на сугробы золотистые блики.

— Ишь, в-волхвует, цыганская душа! — сказал человек, стоящий рядом со мной. — И чего б ему не спать? Слышь, кум, чего он не спит-то?

— Пусть его, — ответили из темноты. — Не ляжет сам — успокоим.

— Грех большой, как бы душу не п-погубить? — опасно протянул сосед.

— Так чего ж ты шел, раз боишься?

— Да я чего? Я ж завсегда с тобой. А вот ежели Акзыр не заплатит? Тогда как?

— Заплатит, как обещал, — уверенно ответил кум. — А не заплатит, мы и его... Да ты не бойсь. Это ж дела басурманские. Ежели один нехристь другого погубит, нам, православным, с того одна польза.

— Пошли, что ли? — раздался третий голос. — В кабак хочется, мочи нет.

— Тебе вечно хочется, — засопел кум. — Ну, добро, пойдём. Ты масло и запалы разложишь, а ты, Фролка, ступай сразу в погреб и яму копай. Ну а я в светлицу наведуясь, с резчиком нашим потолкую.

Мы проникли в дом. Фролка и безымянный любитель кабаков утопали куда-то в темноту, а кум медленно стал подбираться к очерченной светом двери. Я, словно привязанный, неотрывно следовал за главарем. Вот он протянул руку и легонько толкнул дверь, открывая небольшую щель.

В комнате горела керосиновая лампа. Резчик сидел за столом, спиной ко входу. Он был обнажен до пояса. Напряженная спина блестела от пота. Черные кудрявые волосы, схваченные кожаной тесьмой, волнами опускались на плечи. Перед человеком на столе расположились знакомые костяные фигурки.

Кум медленно принялся открывать дверь. Я громко закричал, пытаясь предупредить мастера. Тщетно. В этом месте я был нем и бесплотен. Оставалось только наблюдать. Главарь тенью проскользнул в комнату, под-

крался к резчику и ударил того в затылок. Мастер упал навзничь, и я увидел наконец лицо Яши. Красивое, молодое, с тонким носом, лихим изгибом бровей и полными чувственными губами.

— Я это, того... готово, короче. — В дверь просунулась голова «пропойцы». Увидев его при свете лампы, я с удивлением обнаружил разительное сходство разбойника и нашего соседа Егорки. — Ух ты! Сколько тут всего! — Он подошел к столу и неожиданно принялся хватать и запикивать за пазуху костяные фигурки.

— Ты чего творишь, ошметок квасной?! — взревел кум.

— Что сразу кричишь? На кой они ему теперь? А у меня пацан малой, играть будет, — испуганно заканючил псевдо-Егорка.

— Не было такого уговора! — зарычал вожак, но потом задумался и добавил: — Хотя ... возьми, может, так оно и лучше. А теперь давай-ка поднимай его, понесли в подпол.

Свет внезапно померк, и вот мы с кумом уже стояли в темнеющем подвале. Главарь держал в руке факел, и в его неровном прыгающем свете было видно, как у открытой в земле могилы суетятся Фрол и «пропойца». Вместе они подтащили обнаженное тело мастера к краю ямы и медленно опустили его туда. Послышался приглушенный хруст, затем всплеск.

— Вишь, воду уже ледком прихватило, — отдуваясь, пропыхтел Фролка. — Долго он так не протянет. Дело верное.

— Сделано, — выдохнул кум, — пора и честь знать.

— Постой, а закапывать как же? — удивился «пропойца».

— Не велено. — Главарь принялся подниматься по лестнице. За ним, спотыкаясь в темноте, поспешили подельники.

— В-вот ведь басурманское семя! — прозвучал сзади ожесточенный шепот Фролки. — Даже умереть нормально не могут. Все у них с в-выкрутасами. Тьфу!

— Нечего болтать, про что не знаешь, — оборвал его кум. — Ну, робяты, поджигаем и ходу.

— Жалко мастера, — вздохнул «пропойца». — Какой талант пропадает!

Тут что-то толкнуло меня в грудь, и я покатился вниз по лестнице обратно в погреб. В страхе, что так и останусь там, я беззвучно закричал. Наверху шумели, что-то переставляли и бранились. Затем все стихло, и сквозь доски пола стал пробиваться дым пополам с языками пламени. Рыжие всполохи загуляли по стенам земляного мешка, ярко очертив черный прямоугольник могилы и чуть в отдалении два деревянных креста.

Я проснулся от собственного крика. За окном беспрерывно и все так же бесшумно сверкали вспышки зарниц. Если не считать этого запыленного свечения, в комнате было совершенно темно. На соседней кровати похрапывала бабушка. Сколько же я проспал? Я встал и подошел к настенным часам, сиюсь разобрать положение стрелок. Оказалось, что сейчас половина четвертого.

Я остановился у окна, пытаюсь собраться с мыслями. В отличие от обычных кошмаров, все перипетии жутковатой грезы плотно сидели у меня в голове и не собирались развеиваться. Я отлично запомнил мрачного кума, и пугливого Фролку, и загадочного двойника несчастного Егорки. А еще я понял, что следует делать.

* * *

Тетя Клава не спала. Лежала на кровати и смотрела в окно на безмолвную грозу. В глазах тетки вспыхивали и гасли белесые отблески.

Когда я вошел в комнату, женщина резко повернулась в мою сторону, ее лицо выражало смешение двух чувств: страха и ожидания. Увидев, что это всего лишь я, Клавдия тут же расслабилась, а через секунду сердито нахмурилась.

— Это ты? Чего не спишь? Вот смотри, Любе скажу — она тебя заругает!

— Ждали кого-то другого? — Мне важно было заставить тетку говорить со мной на равных, а не переходить к обычному диалогу взрослый — ребенок.

— Ждала? Нет, я... просто я думала... — Обычно пожилые люди врут легко и с удовольствием, но, как видно, тетка не ждала от меня прямоты и теперь мучительно искала, что бы сказать в ответ.

— Думали, что Он придет?

— Да! — с силой выдохнула тетка, но тут же спохватилась: — Что ты везде суешь свой нос, гадкий мальчишка? Приехал тут и ходит, как король. В наше время дети скромнее были. Ишь...

— За мной гнались собаки, здоровенные псы. Десять, а может, и больше. Они живут там, где Он ставит свою машину. — Я поспешил прервать поток возмущения. О, это стариковское недовольство! Оно для них и щит, и меч, и единственная отрада. Нельзя было дать тетке распалить себя.

Как я и предполагал, упоминание о стае бродячих собак совершенно выбило Клавдию из колеи. Она страшно побледнела, прижала к груди руки, комкая одеяло в судорожно сжатых пальцах, нижняя губа старой женщины мелко затряслась, словно у младенца, собирающегося плакать.

— Собаки, — прошептала тетка, — собаки... это моя вина. Я ведь всегда их боялась. Еще с детства. Меня на ярмарке чуть не загрызли...

Мне было жаль родственницу, но промедление грозило бедой.

— Клавдия Николаевна! — сказал я как можно строже, стараясь копировать интонацию завуча Геты Аркадьевны, грозы младших классов. — Вы должны рассказать мне, как вам досталась брошь. — А затем добавил, гораздо мягче: — Это очень важно. Пожалуйста.

— Это все Варя. — Тетка всхлипнула. — Как Борю моего схоронили, пришла я к ней в дом, еды сготовить,

прибраться. Она-то сама уже не выходила. Очень воров боялась. Рассказала я Варе про свое горе, а сестра насчет мужниного кольца интересуется. Осталось ли? И видишь, какое дело... кольцо-то у меня и в самом деле сохранилось. У Борьки артрит был. Он его и не носил, кольцо это. Сказала про то Варе, а она улыбается. Хорошо, говорит. Что ж тут хорошего, спрашиваю? Кормилец умер. А то хорошо, отвечает, что помощник у тебя будет, Клавка, на мужа тваво похож.

— Как это, похож? — удивился я.

— А так. Чье кольцо на палец надеваешь, на того ОН походить и станет. Как первый раз позвала, думала, удар хватит: точь-в-точь муж мой покойный. Потом, конечно, пригляделась и поняла: блазня, обман. Ну так вот, рассказала мне Варя, что брошь эту сестры давно хранили и промеж собой передавали. Старшая, Зина, ее у татарина купила. Деньги, что мать с отцом отложили на черный день, все потратила, да еще отцовский землемерный прибор отдала, «трандолит» этот, или как его. Только ящик и остался.

— Зачем ей понадобился Яша?

— Был у Зины жених из кустарей. Я-то его почти не помню. Чернявый, вроде как цыган, а глаза синие. Хотели они со старшей сестрой обжениться. Кольца уже купили, да, видно, не судьба. Погиб парень. Зина после этого сама не своя. И времени много прошло, а она забыть жениха никак не может. Снится он ей ночами и на улице средь бела дня является. Изнемогла вся, осунулась. Потом вроде притерпелась. Как раз и революция подоспела. Народ, из тех, что побогаче, начал с мест насиженных сниматься. Очень комиссаров боялись. Тут, ровно черт из омота, выскакивает этот прощелыга-татарин. Морда бандитская, глаза косые. Хочешь, говорит, жениха вернуть? Ну и пошло-поехало. Продал он Зине брошь и что делать с ней разъяснил. Так и появился в доме помощник. Что ни прикажешь ему — все делает. Столы-стулья ладит, воду таскает, за огородом ухаживает. Сестры ему одежду покупали, телегу отцов-

скую дали, чтоб он на ней дрова возил. Еще всякие небылицы про батрака своего придумали. Чтоб соседей обмануть. И Яше велели тако ж говорить, если вдруг спросит кто. Только каждая сестра что-нибудь свое к этим басням добавляла, вот он теперь и путается. То ему палец фашист отрезал, то на рыбалке отморозил.

Как там у них с Зиной было, про то я не знаю. Меня в Липецк к родственникам отправили. Время-то голодное. Вернулась домой уже после войны. Зинаиду не застала. Умерла она в сорок пятом. Из всех нас она одна батрака любила. Остальные так... пользовались, даже имени не спрашивали. Яшей прозвали, заместо умершего пса. Вот через это нам и кара.

— А машина у него откуда?

— Это Вариного мужа «Волга». Она брошь прятала, пока супруг не преставился. Ну а как схоронили — принялась батрака звать. Думала, не придет, а он тут как тут. В ворота стучит. Тут уж Варвара весь свой характер показала. Гоняла его каждый день, да еще бранила на чем свет стоит. Муж-то, вишь как, от нее сначала в бутылку прятался, а потом и вовсе в могилке схоронился, так она себе нового нашла.

— Скажите, а те фигурки, что в Вариной комнате, вам батрак вырезал?

— Какие фигурки? — заморгала тетка. — Костяные, что ль? Да нет. Это мне Егорка притащил вместо платы за самогон. Говорил, семейная ценность, мол, от прадеда перешло. Хотел даже выкупить их потом. Да бутылка-то, она, вестимо, сильнее мужика.

— Егорка ваш в больнице лежит. Его собаки порвали.

— Собаки! — ахнула тетка. — Да что ж это... да как же! Значит, теперь и ко мне придут.

— Те собаки настоящие были, всамделишные, им через забор не пролезть. А вот Яша ваш — мертвец, вроде упыря, и если его не успокоить, тогда он из вас точно жизнь вытянет, через страхи, через сны. Да кто его знает как?

— Может, и мертвец. Ведь не может человек столько по земле ходить, — часто закивала тетка.

— Вам нужно позвать его сюда. Прямо сейчас! — выпалил я и сам испугался своих слов. Однако что-то внутри меня говорило, что это были верные слова.

— Варя сказывала, нельзя его среди ночи звать, — испуганно прошептала тетка.

— Вот, возьмите, — не слушая возражений, я протянул брошь женщине, — вам нужно только позвать батрака, а затем уничтожить палец. Лучше всего сожгите его в АГВ. Дальше я сам справлюсь. Прошу вас, быстрее!

— Какой самостоятельный! — покачала головой тетка. — Весь в деда! — Я боялся, что она начнет спорить, но Клавдия послушно открыла брошь, и я снова стал свидетелем отвратительного зрелища призыва мертвеца.

Не дожидаясь, пока желтая «Волга» окажется у ворот, я бросился в комнату тети Вари. Мой план был прост: собрать все оставшиеся фигурки и разом передать их Белоглазому, а затем рассказать ему все, что я узнал.

В темноте задевая за углы, я принялся собирать фигурки в кучу и тут только понял, что мне некуда их положить. Единственной подходящей емкостью была фанерная коробка из-под теодолита. С коробкой в руках я вернулся в горницу, и тут за окном раздался шорох щепня под колесами авто. Мертвые ездят быстро.

Я прошел через темную трапезную, миновал коридор. За неплотно прикрытой дверью в кухню вспыхивали синие отблески. Тетка «оживила» АГВ. Интересно, она уже сожгла палец? Вот и поросшая замками дверь. Как же мне не хотелось выходить за порог! В этой чуждой темноте вся моя солнечная московская жизнь казалась чем-то невообразимо далеким, словно веселая история из книжки-малышки. Там на улице меня ожидало страшное, небывалое создание, чудовищное в сво-

ем всепоглощающем неприкаянном одиночестве. Забытое, искалеченное и... опасное.

Я отпер дверь и вышел в темноту. Зябкая влага тут же окутала меня так навязчиво и плотно, точно за ночь река поднялась в своем древнем русле и пошла на приступ прибрежных холмов.

В этом призрачном подобии воды я поплыл вниз по ступенькам и спустился во двор.

Что-то теплое прикоснулось к ноге. Я опустил голову. Мой приятель белый кот явился на завтрак.

— А-а, это ты. — Я хотел погладить старого знакомого, но сделать это с коробкой в руках было непросто. Едва я наклонился, фигурки внутри издали глухой перестук. В то же мгновение пушистый зверек у моих ног выгнулся дугой и яростно зашипел. Я резко выпрямился, всматриваясь в неясные контуры окружающих предметов.

Между черной громадой овина и причудливым извивом старой груши возникла чернильная тень. Вначале бесформенная, она быстро сгустилась, принимая контуры человеческой фигуры. Никаких подробностей видно не было, только силуэт в синем сумраке да жуткие светляки белесых глаз. Муло пришел сам. Трехметровый забор больше не являлся для него преградой. Я не был готов к этому и совершенно не знал, что делать дальше.

Яша шагнул во двор и внезапно поблек, словно кадр на бракованной пленке, а затем вдруг оказался в нескольких местах одновременно. Вот он стоит у груши, а вот идет ко мне через двор, поднимается по ступеням и выступает из-за угла.

Я застыл в изумлении и страхе, выставив перед собой коробку, точно щит.

— Ты! Я знаю тебя! — Голос звучал у меня из-за спины, но я боялся обернуться. — Ты — маленький лгун! — Муло сказал это мягко, даже нежно. Тонкие пальцы сцапали меня за плечо. Ощущение было такое, словно

в кожу вгрызается огромная ледяная пиявка. Естественное телесное тепло извлекли из меня, точно воду из чайника. Руки отнялись, чужие, холодные, упали вдоль тела, и коробка с надписью «Т.е.о.д.о.л.і.т.ъ» рухнула на камни двора. С тихим печальным стуком белые фигурки покинули свое пристанище.

Сквозь наползающее студеное забытие я видел, как муло неряшливой черной кляксой стремительно перетек к рассыпанным по двору поделкам. Темное пятно сгустилось и вдруг осыпалось точно пыль или песок, открывая фигуру водителя. Яша протянул руки и осторожно коснулся одной из фигурок. Я разглядел мимолетную зеленую вспышку, подобие видимого электрического разряда, внезапно возникшую между мастером и его изделием.

Муло опустил на колени и принялся перебирать фигурки, одни откладывал, из других формировал маленькие группки. Сейчас он напоминал ребенка, получившего подарок на кремлевской елке и выбирающего конфеты повкуснее.

Водитель постоянно что-то бормотал.

— Этого? Этого за целковый отдам, а этих двух берите за четыре... — Он вдруг вскочил и с учтивым полупоклоном протянул фигурку кому-то невидимому. — Это тебе, принцесса. Подарок. На счастье, на легкую судьбу! Сестре своей старшей от Степы Василькова привет передай. Запомнила?

« Степа! Степан. Вот настоящее имя мастера!» Я попытался сдвинуться с места и почувствовал, что оцепенение постепенно отступает.

Муло тем временем взялся за другую фигурку и тут же отпустил ее, с криком схватившись за голову.

— Больно! — вскрикнул мастер. — Ай, как больно! — Он отнял руки от затылка, разглядывая их. — Кровь! У меня голова в крови. Отчего, а?

— Это кум вас ударил! — прохрипел я, пытаюсь совладать с непослушным языком. — А потом Фролка с

прадедом Егорки дом подожгли, а вы... вас в яму положили.

— Помню... — тихо сказал муло, — помню холод, и темноту, и огонь высоко-высоко.

— Это пол горел, я видел. Вы тогда... вы умерли, Степан.

— Видел? — взревел водитель. — Значит, ты был там? Ты виноват во всем!

— Нет! — в ужасе закричал я. — Это было не взаправду. Во сне!

— Жизнь — это сон, — сказал муло, — горький сон. Я проснулся. Сейчас и ты проснешься!

Он мог двигаться куда быстрее, но шел ко мне нарочито медленно. Темный покров окутал тело водителя до пояса.

Я попятился назад и уперся в стену дома. «Не получилось», — пронеслось у меня в голове. В ужасе я стал шарить по карманам, пытаюсь найти камень или мелкую монетку. Хоть что-нибудь. Кинуть в надвигающегося монстра. Отвлечь его, а затем бежать. Куда угодно, только подальше от этих холодных рук, от этих белых глаз. Внезапно пальцы нащупали в кармане тонкий уголок сложенной бумаги. Счастливый билет! Я рефлекторно сжал этот ненадежный оберег. Где-то в глубине моего скованного ужасом сознания зародилась и окрепла беспочвенная детская надежда на счастливый финал. Я зажмурился, но оказалось, что мои веки вдруг стали прозрачными. Плоскость двора, контуры овина и груши исчезли. В серой пустоте ко мне приближался муло, молодой мастер в кожаном переднике, с перекошенным злобой лицом. В его руке холодно и хищно поблескивал инструмент. Вот сейчас он подойдет и начнет вырезать по живому.

Внезапно между мной и мертвецом возникла маленькая девочка в голубом платьице и легкой белой шляпке, из-под которой выглядывали локоны коротких светлых волос.

— Принцесса? Клавдия? Неужели это ты? — Мертвый резчик остановился. — Что ты здесь делаешь?

— Моя сестра просила позвать тебя в гости, — зазвенел валдайским колокольчиком голос маленькой модницы. Мне показалось, что от ее слов серый сумрак вокруг немного посветлел. Из пустоты проступили контуры овина, флигели, каменная тропка. Они казались новыми, ухоженными.

— Зина? Зина звала меня, — неуверенно произнес мастер.

— Идем со мной. — Девочка протянула ему тонкую, точно фарфоровую, руку. Мужчина осторожно взял маленькую ладошку. Вместе они пересекли двор, направляясь к протяжному столу, стоящему в тени старой груши. Там вокруг самовара собрались дети землемера. Я разглядел веселые лица Надежды и Акулины, Варвару с сурово поджатыми губами. А вот и глава семьи вместе с супругой. Они точно сошли с семейного фото. Навстречу мастеру поднялась статная, удивительно красивая женщина. Зинаида...

Крупная холодная капля упала мне на лоб, и я невольно открыл глаза. Странное видение исчезло. Я находился во дворе. Передо мной лежала пустая коробка. Фигурки исчезли вместе с мастером. Дождь усиливался, барабанил по камням двора, по крыше старого дома. Небо больше не держало слез. Над долиной Ельчика хлестнула сверкающая плеть небесного огня. Тяжкий удар грома не заставил себя ждать. Вслед за этим на Елец, обгоняя рассвет, рухнула стена неистового ливня.

Я моментально промок до нитки и поспешил в дом. На кухне было тепло. Колонна АГВ излучала жар. В полумраке я увидел лежащую на полу тетю Клаву.

Я бросился к ней, наклонился, прислушиваясь. Клавдия была жива.

Карина Андреевна очень удивилась моему визиту. К счастью, она не спала и быстро поняла, что хочет от нее мокрый настырный мальчишка. На мой вопрос, умеет ли она водить машину, пожилая женщина даже немного обиделась. «Я ветеран труда! — с достоинством заявила она. — Двенадцать лет автобус водила, а с вашей «Волгой» как-нибудь справлюсь».

Мы мчались через просыпающийся город. Вдоль улиц, навстречу нам, бурля и вскипая водоворотами, струились бурые потоки воды. Казалось, что город ворочается под этим холодным душем, сбрасывая с натруженных плеч ношу застоявшегося, перебродившего времени. Внезапно сквозь пелену ливня пробилась жемчужные лучи восходящего солнца, и мы — люди, машины, деревья, дома — на мгновение словно зависли в этой сверкающей прелюдии нового дня.

Я сидел на заднем сиденье. Голова тети Клавы покоилась на моих коленях. Белый калач в завитках коротких седых волос. На виске пульсировала маленькая синеватая жилка.

* * *

Мы с бабушкой вернулись в Москву. Я вырос, окончил институт, устроился на работу. Давняя история почти забылась. Лишь изредка вспоминал я то странное лето, сонные улицы Ельца и могучий ливень, смывающий старое время. Вести от родственников доходили с редкими телефонными звонками и открытками к праздникам. Старый дом продали, и тетя Клава переехала в другой город. Вовка пошел по военной стезе, стал офицером. О цыганском сказителе мне ничего узнать не удалось.

Вчера ко мне в дверь позвонили. Когда я вышел на лестничную клетку, там было пусто. Вдруг что-то привлекло мое внимание. На нижней ступеньке лестницы стояла маленькая костяная фигурка, бегущий конь.

СЕРГЕЙ АНИСИМОВ

ЛИШНИЙ

По некоторым соображениям этического порядка я не мог опубликовать это интервью на сайте «Я Помню» (www.iremember.ru) в разделе «Пехотинцы». Почему? Думаю, вы поймете сами, когда прочтете приведенные ниже воспоминания.

И.А.: Меня зовут Акимов, Иван Федорович. Я родился в 1921 году в городе Новониколаевске так называемого Сибирского края, — сейчас это Новосибирск. Тогда это был сравнительно небольшой город, но главное впечатление моего детства — это непрерывное бурление жизни, непрерывное строительство. Еще когда я был маленьким и учился в начальной школе, в городе построили вещающую на всю Сибирь крупную радиотелеграфную станцию, завод радиодеталей, химический завод, реконструировали и во много раз расширили металлургический. Тогда же по городу был пущен автобус, построено большое количество многоэтажных домов, полностью преобразивших город моего детства. Мой отец, Федор Адамович, работал слесарем в механической мастерской, а с 1929 года — мастером механического цеха на заводе «Сибкомбайн», мама работала швеей в ателье на улице Ленина. Жили мы, как я понимаю, совсем не плохо, — хотя по нынешним меркам нас сочли бы бедняками. Но, во всяком случае, мы не голодали, были нормально одеты, а у моего старшего брата даже был свой собственный велосипед, что тогда считалось редкостью.

На товарной станции и вокзале в те годы непрерывно гудели и пыхтели паровозы разных марок, и моим любимым развлечением, помню, было смотреть на все это движение. Я знал назубок все типы существовавших тогда локомотивов, дружил с железнодорожниками, выполнял какие-то их несложные поручения и уже

классу к пятому или шестому был полностью уверен, что тоже стану железнодорожником. Помню, что родители, с которыми я делился своими желаниями и планами, совершенно не препятствовали моему увлечению, хотя я частенько приходил домой грязный, в испачканной угольной пылью или следами масла одежде. Наоборот, они поддерживали меня, особенно отец: профессия железнодорожника тогда считалась очень уважаемой. Ближе к старшим классам я решил стать не просто машинистом, а железнодорожным инженером, — «инженером-путейцем», как тогда говорили. Опять же, отец меня твердо поддерживал: он сам был рабочим человеком, хотя и без образования, и мой выбор ему понравился. Чтобы осуществить свою мечту, я решил ехать в Читу поступать в Забайкальский институт инженеров железнодорожного транспорта или в такой же институт в Хабаровске. У нас в Новосибирске был свой собственный институт инженеров железнодорожного транспорта, это был бывший факультет Сибирского института инженеров транспорта, размещавшегося тогда в Томске. Но в 1934 году его сделали «Институтом военных инженеров транспорта», а быть военным мне не хотелось. Чтобы стать инженером-путейцем, конечно же, надо было очень хорошо учиться в школе, и я приналег на учебу. Хотя круглым отличником я не стал, но по математике, физике, химии, русскому и немецкому языкам у меня были только отличные отметки, — да и по физической культуре тоже. Как и все пацаны, я много времени проводил на Оби, отлично плавал несколькими стилями, зимой лихо гонял на коньках и лыжах, а летом до темноты носился по футбольному полю. Позже, когда в нашей школе началась допризывная подготовка и нас начали водить в тир и на стрельбище, я научился отлично стрелять. На моей груди висело несколько значков, включая «Ворошиловский стрелок 2-й степени», и это было предметом моей большой гордости и зависти многих моих товарищей: значок 2-й степени давали только за выпол-

нение норматива по стрельбе из боевой винтовки. Еще у нас с братом на двоих была одна собака, сука овчарки, которую мы потом сдали служить на границу. Ее звали Гайра, и это была умнейшая собака, все понимала и даже смеялась всей пастью, когда мы шутили. Как я ее любил!

Что еще сказать? Я рос третьим ребенком в семье, а вообще у меня было четверо братьев и сестер. Войну пережили только я и самая младшая сестра, хотя она тоже искалеченная вернулась. Обычное дело... Отслужив срочную, старший брат к 1941-му был уже в запасе, работал на металлургическом заводе. Хотя у него была «бронь», но к зиме 1941 года он как-то сумел добиться призыва, ушел на фронт рядовым, и почти сразу же, как я теперь понимаю, погиб. Тяжелое было время, самое тяжелое... Второй брат и старшая из двух моих сестер погибли в 42-м, почти одновременно. Уцелевшую младшую сестру, ее зовут Ира, тяжело ранили в 1943-м на Курской дуге. Вражеский самолет «Хеншель» проштурмовал ее санитарный поезд, и ей крупным осколком очень тяжело повредило бедро и коленный сустав; нога потом так и не восстановилась. Она живет сейчас в Омске, куда уехала к мужу. И еще у старшей сестры ее вдовый муж погиб — почти в конце войны, уже в 1945 году, в бою с какими-то окруженцами. А двоюродных братьев и сестер, дядек, — этих и сосчитать сложно, сколько полегло. В Сибири семьи тогда большие были, мужиков много было, девок молодых, — и почти все воевать пошли. Очень немногие, кто в моей семье вернулся с войны живой и непокалеченный... А отца вот не взяли, как он ни бился. Его завод тогда день и ночь собирал истребители, и на отце слишком многое в работе цеха держалось. Я помню, как он переживал, даже после войны: так и не пошел воевать, хотя буквально бился за это, — а двое сыновей и дочка полегли...

С.А.: Про себя расскажите, пожалуйста. Как вы пошли в армию?

И.А.: В отличие от многих моих товарищей по школе, по двору, я не собирался идти после школы в военное училище. Хотя тогда это было не просто модно, это было почти повсеместно, что ребята после школы шли в танковые, в летные, в военно-морские училища. Особенно спортивные ребята, заводилы, кто хорошо учился, капитаны дворовых футбольных и волейбольных команд. Другие выбирали пехотные, авиационно-технические и так далее, кому что нравилось. Кавалерии уже тогда мало было, а у нас город индустриальный, и мы все уже в те годы на моторы больше полагались, чем на лошадей. Меня тоже и ребята звали поступать с собой, и преподаватель военного дела очень нахваливал, каким хорошим командиром я могу стать, — но я твердо сделал выбор и стоял на своем. Мы все, кстати, прекрасно знали, что скоро война будет, но мне как-то казалось, что может обойтись. Хотя трусом я не был, конечно: мне и драться приходилось, и все такое. Город у нас был хулиганский, ребята крепкие, и драки у нас бывали будь здоров! Хлюпиков мы презирали. Но все по-честному: со спины не нападали, упавшего не били, втроем одного тоже не сметь. Здорово было, как я сейчас вспоминаю! Лихо! (Смеется.)

Ну вот. В 1939 году я окончил 10-й класс и подал документы в Забайкальский институт инженеров железнодорожного транспорта, про который я уже говорил. Все экзамены я сдал успешно, и даже немецкий язык, за который опасался, — и меня приняли. Один год я отучился, жил в общежитии, — но потом мне пришла повестка, меня призвали в армию. Что ж, мне это тогда все было понятно. Прошла тяжелая финская война, в Читу в госпиталя привозили тяжелораненых. Были конфликты на южных рубежах, все время сообщали о провокациях на западной границе. «Освободительный поход» в Бессарабию, конечно. В общем, я тогда сам для себя решил, что если меня призывают, значит, правительство понимает, что подготовленные солдаты сейчас нужнее стране, чем будущие инженеры. Большая

война могла вот-вот начаться: или с Японией, или с Германией, — а мне еще сколько учиться было! Я прошел две комиссии, медицинскую и мандатную, и меня направили в пограничные войска НКВД.

С.А.: Что было на мандатной комиссии?

И.А.: Ну, мы заполняли документы, формы, анкета была довольно подробная. Всех строго спрашивали про успехи в учебе, про склонность к каким-то определенным предметам, про спортивные успехи. Про родителей, конечно, про родственников. Но мне бояться нечего было — отец мастер, старший брат рабочий, мать швея. Остальные братья и сестры еще школьники, родственники — сплошь рабочий класс: слесаря, кузнецы, шофера. Родители отца были тоже рабочий класс, а мама была сиротой, ее бабушка одна вырастила, потому что ее муж, мамин отец, погиб на Оби еще до революции. Что касается меня, то я хотя был и не особо высок ростом, но был хорошим спортсменом, отлично стрелял, бегал, — в том числе и на лыжах. Член ВЛКСМ, конечно. И то, что я уже стал студентом по технической специальности, — это тоже считалось очень важным. Большинство призывников в те годы были, конечно, деревенскими. И хотя они были крепкими, здоровыми ребятами, я имел над ними большое преимущество в образованности, в технической грамотности. В общем, когда мне сказали, что направляют меня в пограничники, я особо не выкаблучивался. Надо, значит надо!

Учили нас, надо сказать, здорово, — просто здорово. Все молодые пограничники были отличными спортсменами, нас учили драться руками, ножами, штыком, даже лопатками и топориками. Учили многим видам оружия, в том числе иностранного производства, например германским «Бергман» MP-18/I, MP-38, чешским системам стрелкового оружия. Это все мы умели разбирать и собирать, устранять неисправности оружия, стрелять из него. Стрелковой подготовке очень большое время уделялось! Учили немецкому языку, и не *«Anna und Marta baden. Anna und Marta fahren nach*

Апара», а как быстро выяснить у пленного, где командирский блиндаж, где проложен кабель связи, — таким вот вещам. Именно там я научился водить мотоцикл и машину, хотя это ни разу мне потом не пригодилось, и до сих пор вот не понадобилось... (*Усмехается, вытягивает вперед протез кисти руки.*) Политическая подготовка, разумеется, — этого тоже было много. И мы серьезно к ней относились, без смешков каких-нибудь. Не филонили. Еще с собаками нас учили обращаться — как вести собаку по следу, и наоборот: как сбить со следа, как драться с собакой. Это мне совсем легко было, я все свою Гайру вспоминал. Даже какие-то основы психологии нам преподавали: как допрашивать, как узнавать, что человек тебе врет. А все остальное — это, конечно, сплошь физподготовка: бег, рукопашный бой, плавание, силовые упражнения. Я вот гирями тогда увлекся.

В общем, когда меня отправили на западную границу, я был уже вполне подготовленным бойцом и пользовался некоторой известностью как спортсмен. Я имел призовые места по стрельбе и легкой атлетике и категорию по шахматам, между прочим. Девушек это все впечатляло, как я помню. (*Смеется.*) Тогда девушки правильные были, — им требовалось, чтобы парень был красивый, спортивный и умный, чтобы разговор мог поддержать. Этого всего было достаточно! А что я был не командиром, а «отделенным командиром», — это было неважно. Я был в том возрасте, что мог и до генерала дослужиться, если повезет.

Граница... Да, это серьезное было дело, конечно. Мы там ворон не ловили. Самые настоящие были перебежчики. Самые настоящие шпионы. Прочие «нарушители пограничного законодательства», как у нас их тогда именовали. За год службы на заставе № 2 сам я ни одного шпиона или перебежчика не поймал, — что с нашей стороны, что с той. Но практику получил хорошую. И стреляли в нас с той стороны, из-за речки, и собак наших местные травить пытались. Всякое было. Непро-

стое было время. Предгрозовое — это ясно чувствовалось. Как пролетит над головой разведчик с крестами — так смотришь на него и думаешь: «Ну, сколько ты нам еще дашь, сволочь? Месяц? Два месяца?» Потом наши «ястребки» нагонят его, ведут обратно к границе, будто заблудившегося, а мы все смотрим, и у каждого, глядишь, желваки под кожей ходят.

С.А.: То есть действительно понимали, что война будет?

И.А.: Не просто понимали. Знали. Считали буквально недели. Пограничники-то непрерывно в боевой готовности находились, причем не только заставы, а все войска. В апреле 1941 г. меня перевели в штаб нашего погранотряда, который располагался в Гродно. Это был 86-й пограничный отряд Западного пограничного округа. Там я это все уже, можно сказать, с колокольни видел.

С.А.: Что для вас показалось самым важным за этот год?

И.А.: Самым важным? Верить себе, пожалуй. И другим. Если я иду по дороге с нарядом, и вот что-то не нравится мне придорожная канава, самая обычная, — я тут же жестом подаю команду «Внимание!». Не стесняюсь того, что надо мной смеяться будут, понимаешь? Один «держит» эту самую пустую и открытую на все стороны канаву оружием, один обходит, один прикрывает обходящего. Кровь кипит буквально, в ушах чуть не булькает, — что там, кто? Каждую черточку на грязюке видишь. И вот обходишь ты эту канаву, проверяешь ее, и понятное дело — никого там нет. Но вот то место, где час назад кто-то сидел, ты буквально чувствуешь метров с десяти. «Читаешь» его. Прелые листья чуть примяты, травинки повернуты наискось: конечно же, этого мне ничего видно не было с дороги, но ведь почувствовал же как-то! Начинаешь копать — раз, сигаретный окурочок под листья закопан. Свежий еще, белый, горелым табаком пахнет. Значит, не шпион и не наш, из проверяющих, — профессионал не будет ку-

речь в таком месте. Уже легче. Ну, дальше все как учили. Натуральная работа. Иногда ловили даже не шпиона или контрабандиста, а просто дурака какого-нибудь в погранзоне, — с ним потом без нас разбирались, это нормально все было организовано. Но полученную перед строем благодарность за найденный под листьями окурок — вот это я на всю жизнь запомнил. В том смысле, что надо себе верить, своим чувствам. И на всю жизнь я с собой это убеждение пронес, до самой главной истории в своей жизни, — я еще расскажу об этом дальше.

Как война начиналась? Где-то в час ночи 22 июня 41-го нас подняли по тревоге, весь личный состав. Мы разобрали оружие из пирамид, получили боеприпасы, включая гранаты «РГ-41» и «РПГ-40», противогазы. Часть находившихся в распоряжении штаба погранотряда подразделений сразу автотранспортом выдвинули к границе. Одну сводную роту под командованием капитана Тимофеева оставили в расположении штаба, и вот всех вместе нас там и накрыло, когда началось. Как стало ясно, немцы прекрасно знали, где располагался штаб погранотряда, и в 6 утра звено пикировщиков положило три полутонных бомбы прямо под стены штабного домика. А ведь он был замаскирован на окраине городка как «просто так себе домик», беленький такой. Бункер под тем домиком был рассчитан на тонну — вот этого они не знали. Хотя человек десять погибло, начальник отряда уцелел, и большая часть командиров. Завал мы бы не растащили, но они выбрались через второй выход, метрах в пятидесяти был бетонированный колодец с крышкой, оформленной под беседочку. Но все в мелу были, в грязи, в крови. У кого кровь из носа течет, у кого из ушей... К этому времени бои на границе шли уже часа два: первой их волне ребята хорошо кровь пустили. С подготовленных позиций они неплохо десантников проредили, молодцами. Ну, а потом наша очередь пришла. Все все понимали, конечно. Пограничные войска в принципе не могли отразить

вторжение, у нас была другая задача. Задержать противника на часы, чтобы успели по тревоге получить оружие и боеприпасы уже собственно войска, армейцы. Чтобы танкисты машины свои из парков вывели, чтобы артиллерия за тягачи уцепилась, — и вот уже тогда война пойдет. Мы ведь что думали? Что у нас такая силища позади, такая мощь! Что нам, советским людям, главное дать размахнуться как следует, — и никто перед нами не устоит, всех снесем, раздавим к такой-то матери! Понимаешь? Нам по 18—20 лет было, и мы не дураки были, в погранвойсках-то. Мы абсолютно ясно понимали, что вот сейчас мы все погибнем, в этом бою, — но все равно, такое настроение было! Бодрое, боевое! Мол, «Эх, ну сейчас мы подеремся, покажем вам, суки! Пусть ляжем, но как ребята подойдут, от вас от всех мокрое место останется!»

С.А.: Мне уже приходилось такое слышать. Даже похожими словами.

И.А.: Слышать... Мне 20 лет было, ни одного прыща на роже, мышцы гимнастерку распирают. Комсомольский билет на груди, винтовка «обр. 1891/30 г.», боеприпасы, холодное оружие, все как положено. Мы просто не могли оставаться на месте, когда ребята там впереди дерутся. И хорошо, что начальник отряда, пусть контуженый, не стал роту раздергивать. Понимал, конечно, что смысла нет, взводами заставы не выручишь, а один хороший удар — это хоть какой-то результат может дать. В общем, часам к 7.30 мы пешим порядком вышли в район расположения одной из наших застав, где было особенно жарко. В других уже затихало, если по звукам судить, а здесь все ревет, грохочет, лязгает, — как в механическом цеху у бати. Немцы, конечно, были в 1941 году лучшей армией в мире. И не просто наглыми они были, а действительно умелыми войсками, ничего не скажешь. Но мы тоже были не лыком шиты: погранвойска НКВД — это не саперы какие-нибудь, мы драться тоже умели. В общем, капитан Тимофеев вывел мой взвод прямо на жопы фрицевской пе-

хоты, которая так умело и деловито была наших ребят, отстреливающих из остатков «подковы» к северу от заставы, и дожигала саму заставу. Начали мы с того, что тихо и спокойно перекололи расчеты минометов, которые наших закидывали этим своим добром... Калибр небольшой, главное, но скорострельность великолепная, а точность просто удивительно какая. Много мы горя навидались от этих «самоваров» за следующие годы... В общем, когда немецкие минометчики оторвались от своих бандур и обернулись на наш топот, мы уже были от них в каких-то метрах. Тогда-то я первого своего взял, — так сказать, окупил себя на всю будущую войну. Не буду врать, ни лица не запомнил, ни цвета глаз или прочего, — просто серая такая фигура, четкое осознание того, что это враг, — и на бегу я в него штыком даю по самую мушку. Нас учили, как правильно колоть, но я ничего не думал, что бить туда-то, на какую глубину, чтобы штык не застрял... Просто дал, разворотил ему бок к той самой его немецкой бабушке, выдрал, — он падает. Добил одним уколом уже в грудь, в ребра, — и пошел на следующего. Ребята работают, хруст стоит, хэканье, как на лесоповале. Ух! Долго потом мне эти звуки снились... А тогда ничего...

Ни одного выстрела не было, но немцы быстро прочухались, ничего не скажешь. И когда мы с минометчиков слезли, первый взвод уже всюю с пехотой воевал. Капитан опять всех выручил. Если бы мы залегли, начали перестреливаться, — там бы все и остались, без толку. А он долго не думал: «Второй взвод, развернуться в цепь, влево! Третий взвод — вправо! В атаку, за мной, ура!!!»

С.А.: «За Сталина» не кричали?

И.А.: Нет, только «ура» и мат. В общем, прямо через огонь мы как побежали... Каждый шаг под ногами, — как последний. Пули свистят слева, справа. Кто-то валится рядом, кто-то вопит. И сам вопишь, как чумной, — чтобы страх заглушить, ясное дело. И страшно уже стало, и все равно весело, вот что было интересно. Из вин-

товки на бегу не постреляешь, но один-два «ППД» на отделение у нас были. «ППД-34/38», хороший пистолет-пулемет, с мощным патроном, только тяжеловат и не такой надежный, как «ППШ» потом. Магазин был коробчатый, — «рожковый», как у нас говорили... Добежали, те навстречу поднялись уже. Гранаты шарахнули, и тут же мы с ними сцепились, начали резаться... Тут уж не до выступлений о патриотизме, тут сразу видно, кто чего стоит. У пехотных немцев образца 1941-го были стальные нервы, без шуток. Умели они марку держать, надо им отдать должное. Не хуже нас были бойцы. Уже и видно было, чей верх, а ни один руки не поднял. Нас раза в полтора больше было сначала, но пока мы через автоматы прошли, силы вроде как и сравнялись. Нам бы хуже пришлось, если бы ребята с заставы им в спину не дали. Поднялись из окопов, и своей жидкой цепочкой на нас их погнали, причем с таким ревом, будто дивизия идет. Я еще двоих взял: обоих «штыком и прикладом». А что, прикладом не хуже, чем штыком можно действовать, если сила есть и глаз верный. Мне бедро чуть поцарапали, едва-едва под кожей прошло, даже не больно было. И еще на каске была ссадина и вмятина, будто самому прикладом дали, но я не помню ничего. Как будто сама собой эта вмятина появилась. Нет, не помню.

Потом мы отходили, конечно. На всю жизнь мне эти дни запомнились. Уцелевшие ребята с заставы с нами отходили, все черные от копоти, жуткие. Еще я запомнил, что с нами женщина была, и не медик, а жена одного из командиров, не помню фамилию. Он еще в самой «подкове» погиб, а она с нами шла. Немцы по пятам, конечно, — и не просто по пятам, а уже спереди, с обеих сторон. На Гродно мы уже не пошли, пошли вбок куда-то. Петляли как зайцы. Останавливались, когда совсем уже некуда было, давали огня, потом снова выдвигались как-то. Жуткие дни... Жажда непереносимая, — вот что мне запомнилось особо. Даже убитых я так не запомнил, даже стычки, как жажду. Июнь 41-го

★
был холодным, вообще-то, но вот так мне это запомнилось, на всю жизнь...

Числу к 25-му я стал уже младшим командиром взвода, но это все условно было, конечно: к тому времени от сводной роты штаба погранотряда и остатка личного состава пограничной заставы нас оставалось человек 30—35. Сначала мы хоронили убитых, потом и это делать перестали: немцы у нас прямо на штанах висели, когда мы через леса продирались. Но раненых мы выносили, как могли. 27 июня и меня ранило, в одной из стычек. И сразу тяжело... Я как взглянул на свою руку, так сразу и понял, что отвоевался. В медицине я не понимал ничего, конечно, но и так было ясно: все, инвалид. Одно хорошо, — ноги были целы, и я никому обузой не стал. Товарищ как-то обработал мне обе раны, замотал руку марлей, просто поверх всего, — и пошел я дальше, только зубами от боли скрипел. Гранатную сумку я под левую руку перевесил, — думаю: «Подорваться и одной рукой сумею, если что». Худо мне было, чего говорить, — и лихорадка пошла, и жажда еще пуще: вроде и пьешь из ручьев, бочагов, а все не напиться никак. Но уже через пару дней мы соединились с пехотинцами из состава 56-й Стрелковой дивизии, силой до неполного батальона, — а позже к нам присоединились артиллеристы, и еще танкисты из 11-го мехкорпуса, но без танков. Там уже и военврач был, и командиры, и вообще воля чувствовалась: у нас сразу настроение поднялось как-то, хотя мы все так и отходили на восток. В общем, где ползком, где с боями, к концу второй недели июля мы добрались до линии фронта, и одной группой сумели пройти ее ночью даже без большого шума. От нас, пограничников, вышло к своим человек 20, во главе с тем же капитаном. Мы были уверены, что он орден Ленина получит как минимум, но награды тогда никакие не давали: за что давать, если войска отступают?

С.А.: Проверка какая-нибудь была?

И.А.: Была, но ничего особенного. Мы вышли с оружием, с ранеными, с трофеями. Я сам был ранен, но нести меня не пришлось, и винтовку я не бросил. Документы сохранил, комсомольский билет. Чего меня проверять? Так что меня быстро отправили для начала в ближний госпиталь и прооперировали, сделали хорошую культю. Но там я и двух суток не провел, — меня тут же дальше в тыл. Думал: все, отвоевался... Но настроение было, знаешь... Не скажу, что совсем уж убитое. Во-первых, я свой долг выполнил. Трех врагов в ближнем бою, а может и пулей кого-то добыл, не знаю. За всю войну я больше ни одного врага не убил, а в 41-м вот успел. Интересно, что холодное оружие за войну давало десятую долю процента от всех ранений, — но у меня вот так сложилось, как я рассказал. Ну, а еще что? Я все-таки остался не совсем калекой. Мне ампутировали кисть руки, пусть и правой, — и вторая рана пришлась в мякоть той же руки, в плечо. Но у меня были целы обе ноги и вторая рука, была цела голова. Я был еще молодой. Понятно, что война идет страшная, каждый человек на счету. Я четко понимал, что надо пользу приносить! Так нас воспитали, что никаких сомнений у меня не было. Думаю: ну ладно, путейца теперь из меня не получится, как я чертить буду? Но преподавателем после победы я всегда успею стать или даже завхозом каким-нибудь. На худой конец — даже сторожем на складе, лишь бы у матери с отцом на шеях не сидеть. А пока, может, инструктором в школу сержантов возьмут или в какое-нибудь училище. Или еще куда, где и с одной рукой можно служить.

В отпуск домой съездил. Мать плакала, конечно... Старший брат на меня посмотрел, только лицом потемнел. Он, верно, думал, когда уходил, что и за меня сквитается, а оно видишь, как сложилось...

Через полгода комиссия; я прихожу, докладываюсь, как положено. А мне говорят... Не помню, честно сказать, как мне это объяснили, — но после того, как меня выслушали, мне предложили то, чего я никак не ожи-

дал. Дескать, «мы вас откомандировываем в распоряжение Управления кадров НКВД СССР для дальнейшего зачисления на курс подготовки среднего начсостава школы пограничной охраны НКВД». Там все было решено, как я понимаю, — но они сначала меня выслушали, убедились, что я не хочу комиссоваться. Надо сказать, в те годы это было обычным делом: мне встречались вояки и без рук, и без ног, и без глаза. И не только продолжающие служить в тылу, в той же нашей школе, — но и на фронте, пусть и не на передовой. Я, кстати, уже левой лапой царапать по бумаге научился к этому времени, так что не совсем обезграмотел.

В общем, после очередной медкомиссии я отучился три месяца в 4-й школе пограничной охраны НКВД, которую эвакуировали из Саратова. Старший комсостав пограничной охраны готовила Высшая школа НКВД, бывшая Высшая пограничная школа, а средний — три школы пограничной охраны: 2-я, 3-я и 4-я. 1-я же школа еще до войны была преобразована в военно-политическое училище пограничных и внутренних войск НКВД. Поступил я в школу в звании младшего командира взвода, а после выпуска я получил звание лейтенанта НКВД, две «стрелки» на петлицах. О, я гляжу, как выражение лица изменилось...

С.А.: Вам показалось, Иван Федорович. Я ведь уже знал, что вы в НКВД служили.

И.А.: Да, я говорил. Мне обидно просто, что как скажешь, что боец НКВД, так все сразу морщатся. А мы ведь важным делом занимались! Вот я, кстати, был уверен, что меня на Дальний Восток отправят или на южные рубежи. Служил бы на заставе какой-нибудь, или даже в штабе, или учил бы бойцов. Или пусть даже пограничных собак обучал, мне это всегда нравилось! А вместо этого меня снова направили на фронт. Я стал оперуполномоченным особого отдела в 1-м батальоне 615-го стрелкового полка формируемой тогда 167-й стрелковой дивизии. В просторечии — «начальником особого отдела», хотя никаких особых отделов на батальон-

ном уровне не имелось, конечно. Был уже 1942 год, тоже время будь здоров. Немцы рвались к горам, к нефти, к Волге. На фронте было тяжело, прямо скажем. Очень трудно было. Дивизию формировали и сколачивали в районе города Сухой Лог под Свердловском, где потом была знаменитая комсомольская стройка. К июлю 1942 года дивизию эшелонами отправили на фронт, и мы заняли оборону сначала у Задонска, а потом в районе Суриково. Это под Воронежем, к северу от города.

Что сказать про свою работу? Как оперуполномоченный батальонного звена, я имел задачу помогать командиру части и политруку батальона поддерживать высокое политическое и моральное состояние части, выявлять изменников, шпионов, диверсантов, террористов, паникеров, лиц, ведущих антисоветскую агитацию. Вот это так по-книжному звучит, да? А ведь и шпионы, и изменники, и диверсанты были самые настоящие. И паникеры тоже: один паникер мог столько вреда принести батальону, сколько немецкая артбатарея не наделает. Рядом снаряд разорвется, а он: «Ой! Ай! Братцы, пропадем мы! Бегите, пока всех не убило! Тикайте!» Дивизия-то необстрелянная была, с нуля в тылу сформированная, у бойцов глаза навывкате каждую минуту. А немцы такого случая не упустят, — тут же нащупают слабый участок, тут же дадут прикурить славянам... Так что я с самого начала так дело ставил, что каждый красноармеец знал: хочешь попаниковать — паникуй молча, уполномоченный тебя видит. Думаешь дезертировать — лучше сразу передумай. Да, пусть лучше меня, злого, боится. Пусть лучше бойцу от страха передо мной ничего такого в голову не придет, чем все будет добренькими, а полк разбежится после первой бомбежки!

Мне что хорошо было — я еще на формировании в батальон пришел, имел время себя поставить и с командирами, и с рядовыми красноармейцами. Еще раз: я был кадровый боец, принявший войну на границе, — у меня в глазах было, что я вражьей крови попробовал,

что я сам не побегу и другим не дам. А что без руки — так этого мне стесняться было нечего: не под трамваем потерял. И это я не хвастаюсь, я рассказываю, как было.

Под Воронежем нам пришлось тяжело. Молотили нас немцы в хвост и гриву, что сказать. Головы не поднять было. Дивизия пятилась, цеплялась на какие-то дни, потом дальше пятилась. Превосходство немцев в артиллерии и авиации было подавляющим, и наши войска несли большие потери. В обороне тогда как было: если немец наступает, то мы круглые сутки или держимся, или отступаем. Что поделаешь. А если и немец в обороне, то мы можем полночи воевать, а полдня отсыпаться потом, — вот так было принято. И вот в самом конце августа, когда мы к северу от окраин Воронежа все за развалины цеплялись, приходит ко мне утром в блиндаж старший лейтенант Сауков, командир 3-й роты. Батальонный оперуполномоченный — это не тыловик; штаб батальона — это одно название, он располагался обычно метрах в пятистах от «линии боевого соприкосновения», от передовой. Штаб полка — это уже две тысячи метров, скажем; а дивизии — уже как минимум все пять, минометами уже не достанешь, да и не всякой артиллерией тоже. А на нас все валилось. Но какой-никакой блиндаж у меня почти всегда был, иногда пополам с начштаба. И вот Сауков стучится ко мне, заходит, — и стоит, мнется. Ну, мне это дело понятно было. С одной стороны, если кто-то у него без вести пропал или дезертировал, — за это ему втык. С другой — если он узнал, что кто-то из бойцов ведет антисоветскую агитацию или нашел у кого-то немецкую листовку и не сообщил мне об этом, скрыл, — то в случае чего он остается сам-один виноватый. Так что я думал, что тут что-то такое, более-менее обычное. А он мне рассказывает: объявился у него в роте лишний красноармеец.

У нас иногда случалось, что в строй ставили бойца не из состава маршевой роты или вернувшегося из полковой медроты, а призванного на месте, из местных жи-

телей. А чаще — окруженца или партизана, перешедшего линию фронта в одиночку или в составе небольшой группы и прошедшего проверку на месте. Такое бывало, потому что людей не хватало. Вот я первым делом и подумал о том, что какая-то история произошла с кем-то из таких новых бойцов. Но спрашиваю: «То есть в каком это смысле лишний?»

Он рассказывает, что за три дня до того погибло несколько его бойцов. Тогда каждый день люди гибли. Даже если немцы не атаквали, то обязательно кого-то или осколком мины зацепит, или снайпер поймают, или под бомбежкой... Головы нам поднять не давали, я уже говорил. Маршевая рота придет в полк, пополнение раскидают, но в ротах никогда больше 40—50 штыков в те дни не бывало, как я помню. Редко когда под 60. Ну так вот, погибло сколько-то человек, похоронили их как положено, под утро доложили о потерях за сутки, а через три дня является этот боец. Тот самый, из погибших.

Во-во, вот как ты на меня сейчас посмотрел, — вот тогда я сам посмотрел так на старшего лейтенанта. С меня остатки сна слетели: «Так, Тэрлан», — говорю. — «Рассказывай подробно». Мы на «ты» были, во-первых, потому, что возраста одинакового, а во-вторых, потому, что звание лейтенанта НКВД приравнялось к званию капитана в армии. Ну и потому еще, что у нас нормальные отношения были в батальоне, не как у некоторых. Командиры и красноармейцы батальона знали, чего я стою, а я их никогда лишку не «цукал», только по делу. И вот он уже более спокойно рассказывает: объявился красноармеец Решетов посреди ночи, абсолютно голый. И не просто объявился, а был обнаружен на позициях роты, позади передовой траншеи. Стоял и озирался. И дрожал. Ну, отчего посреди ночи у нас дрожать можно было — это просто. Все трясется, вспыхивает, рычит. Пулеметные трассы над землей так злобно «Хш-ш-ш... Хш-ш-ш...». То несколько мин разорвется, то снаряд где-то в стороне гроыхнет. Ракеты, опять же. Ночью скучать не приходилось. Бойцы по ночам в

*
траншее в основном были заняты наблюдением: может, немцы в ночную атаку пойдут, может, отвлекают огнем, чтобы свой поиск провести, может, еще что. Очередная ракета поднимается, свет у нее такой режущий, что глазам больно, — и вот стоит этот красавец у всех за спинами. Срам горстью прикрывает. Как заметили, — пара человек тут же к нему. Повалили на землю, стянули в траншею. Взводный прибежал, затем командира роты позвали. Тут я первый вопрос ему задал: «Точно он позади передовой траншеи был?» Тот еще раз подтвердил, что да, именно так. И стоял столбом, губами шевелил. Ага, значит, не бежал к немцам. Я как-то сразу себя надежней почувствовал: с остальным, думаю, разберемся.

Ну, начали разбираться, сначала по-быстрому. Еще раз: красноармеец Решетов геройски пал в бою за Родину 23 августа 1942 года. Говоря протокольным языком, скончался на месте от полученных огнестрельных ранений, несовместимых с жизнью. Как описал старший лейтенант, — два проникающих в области груди спереди. После окончания боя, уже 24 августа, был похоронен в братской могиле вместе с четырьмя другими красноармейцами, погибшими в том бою. Не скажу, что с воинскими почестями, но правильно похоронен: с фанерной табличкой, с отметкой на карте, с заполненной в штабе батальона и направленной в штаб полка карточкой захоронения. Все как надо, раз есть такая возможность. 24 августа ребят похоронили, а 27-го он заявился: «Здрасьте». Ну, то есть не «здрасьте», конечно, это я зря. Сначала он лыка не вязал. Но живой и здоровый. Сейчас сидит в траншее, в обмундировании с чужого плеча, и моргает. Старший лейтенант как до этого места дошел, я гляжу: у него глаза тупые-тупые, как у призывников, которые впервые обмотку увидели. Тогда обмотки больше были на ноги, их еще звали неприлично... Тут я командира роты остановил, говорю: «Пошли смотреть». Ну, пошли...

Приходим в траншею, — там взводный, и сидят несколько красноармейцев на корточках. Тэрлан Сауков приказывает:

— Красноармеец Решетов!

Я каждого бойца в лицо не знал, конечно. Потому что за месяц из того состава, который был на формировании, в батальоне осталась половина. Этот Решетов поднимается вместе с остальными. Роста он был, пожалуй, повыше среднего. Худой, как мы все. Усталый. Обычное русское лицо. Узнал я его сразу: по фамилии бы не узнал, а в лицо да. Обмундирован, в руках винтовка.

Посмотрел я на него, посмотрел вокруг. Все стоят, смотрят молча, ждут, чего я сделаю. Я командую: «Командир взвода Петров, красноармеец Решетов, за мной. Остальные на месте». Тот: «Есть». И за мной по траншее. Я даже оборачиваться не стал.

С.А.: А винтовка?

И.А.: В каком смысле? Это же передовая, там нельзя без оружия. Мы, можно сказать, спали на войне с личным оружием в обнимку. Если бы он был трус, дезертир и я бы его арестовывать пришел, — тут бы другое дело. А так я никакого права не имею у бойца оружие отнимать. Я о чем подумал, когда на него лично посмотрел, пусть и на секунду пока? На фронте ведь чего только не случалось. Бывало, что человека как бы у всех на глазах убивает, и даже семья похоронку получает, — а он на самом деле жив. Скажем, бежит боец в атаку, и потом его друг рассказывает: «Я был уверен, что тебя убило! Ведь снаряд у тебя прямо под ногами разорвался!» А того просто отбросило в сторону, — ну, пусть ранило. А позже мне вообще такой случай рассказали: погиб лейтенант, похоронили его, дали залп из винтовок над могилой, а потом прибегает его лучший друг из пулеметной роты. «Не верю, — кричит, — что Валерку убили! Ну не может этого быть!» Его успокаивают, а он буквально бьется, из рук вырывается. «Разройте могилу, я хочу на него посмотреть». Бред, сумасшествие, —

а ничего сделать не сумели с ним, представляешь? Разрыли могилу, пришлось. Он на тело друга бросился, землю с лица стер, — а тот дышит... Не бывает такого, да? Только на фронте, где миллионы людей убивали... Вот и тогда я подумал: ранило человека, а медиков у нас нет, — ребята приняли его за убитого да и закопали. А он взял да и выкопался. Редкость, пусть почти чудо, — но вдруг возможно? Но потом сам думаю: нет, не может этого быть. И не в том дело, что «вообще не может», а не складывается в этом конкретном случае. Ведь мне еще старший лейтенант сказал: две пули в грудь. То есть я еще к своему блиндажу топал, а уже все это продумал. Не может человек ходить через три дня после двойного ранения в грудь.

Пришли ко мне, я показываю: мол, заходите оба. Лампу засветил. Да, была у меня такая роскошь: настоящая керосиновая лампа, пусть и с кокнутом стеклом. Я засыпал в нее бензин с солью, и она ничего горела, хотя трещала. Они входят, землю у себя с плеч стряхнули, и я им — «Садитесь». Ну, сели оба, винтовки у колен поставили. Молчат, — и я молчу. И не потому, знаешь, что давлю на нервы этими там приемчиками, а просто не знаю, что говорить. Потом догадался.

— Красноармеец Решетов, расскажите, как все было.

Я, конечно, вижу, как он волнуется. Но кто бы не волновался, если не к теще на пельмени пришел, а к оперуполномоченному? Даже если ты слезно чист, все равно первый раз будешь ерзать. Сначала он мекал, бекал. Потом понял, что я ему ничего не делаю, и уже нормально так, связно говорить начал. Только рассказ коротким получился. Мол: «Они нас прижали, мы лежим, лежим, потом вижу — товарищ лейтенант по цепи идет и орет. Я даже не поверил сначала — вокруг пули свистят, щелкают, а он в полный рост. Кому пинка по боку, кому два по икрам и всех без исключения — по матушке. Ну, мы встали, дальше побежали, и тут меня как даст...»

Здесь он замолчал на минуту, наверное. И я все так и сидел, ждал, что он дальше скажет. А он все так и молчит, только грудь растирает. Так старики делают, у кого грудная жаба. Я и себя сейчас на том ловлю, ну так и годы какие... Так вот и он, Решетов, так же делал, как я тогда заметил — открытой ладонью водит по гимнастерке, а сам о своем чем-то думает. Я себе: «Ага! Болит рана-то!» Но не командую, а спрашиваю: «А куда тебе дало?» — «Не помню». — «А если подумать?» — «Дык не помню же!» Я ко взводному поворачиваюсь: «Лейтенант, что добавите?» Тот помолчал, подумал сперва, — он вообще был серьезный парень, я верил, что из него толк выйдет, если не убьют. Сколько-то поморщился и говорит: «Два раза в грудь». Я ему: «Покажи куда?» Тут его надолго приморозило. Но это и понятно: на себе фронтовик никогда не покажет, куда пуля кому попала. Никогда, понял? На другом — тоже, если уж не совсем дурак. На своем, во всяком случае. Ну не на мне же показывать? Я его растерянность вижу и командую: «Словами, чудо карельское! Словами скажи!» Они оба, я гляжу, заулыбались, — хотя повод-то... Ладно. Словами он сказал, что одна пуля попала бойцу чуть повыше правого соска, а вторая уже с левой стороны и гораздо ниже. Вроде как в самые нижние ребра, или прямо над селезенкой, или в саму ее, да. Зимами-то с убитых шинели снимали, конечно, — но сейчас лето было, и я переспросил еще: «Раздетым хоронили?» В том смысле, видел ли он сам раны, или только дырки на гимнастерке? И вот тут я впервые заметил, как Решетов серьезно напрягся. Аж заостенел, и голова в плечи ушла. Это я про живого-то человека так сказал! Который вон рядом сидит и вбок смотрит!

Лейтенант что-то мне рассказывает, с запинками да мычанием, а я и не слушаю, на красноармейца смотрю. Потом останавливаю лейтенанта и говорю:

— Лейтенант Петров! Из чего бойцов положило?

Тот осекся, снова подумал, потом говорит:

— Этого и еще двоих — стрелки. Остальных уже минометы.

— Точно не пулеметы?

— Никак нет, товарищ оперуполномоченный.

Я лицо сделал позначительнее и говорю обоим:

— Что такое «9 на 19», знаете?

Боец на меня смотрит, как баран на новые ворота, но тот огонь непонятный ушел из глаз, уже хорошо. лейтенант моргает, не говорит ничего. А я ему назидательно так:

— Германский патрон «9 на 19 мм «Парабеллум» снаряжен пулей весом около 8 грамм. Пуля имеет невысокую начальную скорость. Останавливающее действие у нее отличное, а вот пробивная способность слабая. Понятно?

Тот кивает, хотя по глазам видно — вообще не понял ничего. Боец такое же выражение на морде изобразил, ясное дело. Внимательное и тупое.

— Со сколько метров вам дали?

— С двухсот вроде.

— Ну вот! — И смотрю, как будто все им объяснил. — С двухсот метров пуля пистолета-пулемета и ватник может не пробить, и шинель. И кожу, ежели повезет. Может, и рикошетом попали.

От чего рикошет, меня уж никто не переспросил. Земля мягкая, лето. И бои не только уличные, линии траншей и ячеек пока больше через поля да холмы идут, какие там рикошеты. Но ладно. лейтенант уже все понял, я по глазам вижу. На роту у немцев было 132 штуки «Маузеров» Каг.98k, и всего 16 пистолетов-пулеметов. Так что если ребят точно не пулеметом положили, то скорее винтовочным огнем. У «маузера» прицельная дальность 500 метров, и начальная скорость пули — натурально, в два раза выше, чем у «MP». Винтовка — второе оружие пехотинца, после пулемета! Потому что автомат — это уже не совсем пехотинец. Автоматчики — это совсем особый народ, вот что я думаю. Скажешь, что не прав?

Я к чему все это говорил-то... Я видел, что если я сразу прикажу Решетову гимнастерку снимать, то что-то плохое точно случится. Не знаю что, не знаю почему, но точно. А так я его отвлек как-то, переключил, и вот теперь уже говорю:

— Спорим, у него синяки во всю грудь? Дышать тебе не больно, парень?

Тот тупо так наклоняется, вытягивает гимнастерку с-под ремня, задирает ее, и сам на себя смотрит. И мы смотрим. Да... Чистая кожа. Даже слишком чистая. Мы-то не мылись по-человечески уже хрен знает сколько, все в цыпках ходили. А он чистый. Почти.

Смотрели мы на него минуту, наверное. Как мать на ребенка. Белая кожа, волосы на груди, как положено взрослому мужику. Ребра видны, потому что худой, — но и жилы тоже чувствуются, Решетов этот не слабак был какой. А ран на коже нет. И синяков нет. И вот тут я впервые увидел, что лейтенант натурально испугался. Сам-то я ничего был. Кроме отупения от происходящего на моих глазах — никаких таких выраженных чувств. Красноармеец Решетов — этот, похоже, отключил мозги: в глазах вообще ни единой мысли. Смотрит именно как новорожденный, ничего в зрачках не отражается, никакого вообще выражения. А Петров чуть не зубами клацает, и холодом от него веет. Посмотрел я, помолчал еще, и тогда мне первая мысль в голову пришла. Первая за несколько минут. Могилу проверить. Если там пусто — значит, всем показалось, и его не ранило на самом деле. Или не показалось. Не знаю. Но мысль как пришла, так и ушла, вот в чем дело-то. Немцы нас за эти дни на очередные пару километров подвинули. И не проверишь теперь — не в поиск же ради этого дела идти. И еще мне в голову пришло, что если бы боец выкопался из земли, то очнулся бы у немцев уже. А не позади нашей передовой траншеи, и не голяком. Хотя это последнее ерунда, неважно совсем. Может, оборвался, пока вылезал, к примеру. Или в беспамятстве ободрал все с себя. Он же сначала и вправду ничего не

соображал, как рассказывали. Так я ничего и не понял тогда, в общем.

С.А.: Иван Федорович, расскажите, пожалуйста, когда вы почувствовали перелом в ходе войны?

И.А.: Вот что я тебе скажу, парень... Ты думаешь, я не понимаю, о чем ты размышляешь сейчас, на меня глядя? Что я свихнулся на старости лет. Что пытаюсь тебе скормить что-то сказочное, непонятно зачем. Может, смеюсь, а может, и вправду псих. Так ведь думаешь? Что молчишь?

С.А.: Иван Федорович, я вовсе не собираюсь вас в чем-то обвинять.

И.А.: Еще бы ты собрался! Но я понимаю все, можешь не оправдываться. Я ведь и сам все вижу. Не забудь, я полжизни имел дело с человеческим враньем. Из страха мне врал, или чтобы оправдаться, или чтобы выгадать что-то. По-всякому бывало. А мне зачем врать? Чтобы развлечься? Чем? Воспоминаниями этими? Мне почти двадцать лет рукопашная не снилась, двадцать, понимаешь, — пока ты не пришел. Я уже лица ребят почти забыл — Тимофеева, Петрова, Саукова, сотен других, кого я боевыми товарищами называл. Их никого уже в живых нет, вот в чем дело. Никого не осталось, кто вот это все видел. Мне и самому до могилы — пара шагов. Прямо как там... И я не продаю байку журналисту, чтобы тот пропечатал это саженым шрифтом и продавал потом с кассовой стойки в гастрономе. Да и кому такое нужно, сам себя спроси? «Ветеран рассказывает — в 1942-м он встретил настоящего зомби!» Или пусть: «Воскрешение Лазаря на фронте! Откровения старого пня!» Пусть так, кому что нравится. Но кому это нужно, да? Если у них и так на каждой странице по голой бабе, а между ними рассуждения пидорасов о культуре, и демократов — о судьбе России. Я именно тебе об этом рассказываю, потому что и тебе это не нужно. Книгу из этого не сделаешь, перепродать — а на кой кому это сдалось? Особенно учитывая то, что я так ничего и не понял окончательно во

всей этой истории... Вот меня не будет скоро, а интервью останется. Кто-то прочтет, что был такой капитан Тимофеев, который всех нас через леса провел, от немцев отбиваясь. Прочтет, что был такой Тэрлан Сауков из Ферганы, который с двумя противотанковыми гранатами под «Артштурм» бросился. Что был Петров, который позже погиб, при переправе через Псел. Был ранен и утонул. Что я был на земле, пограничник и пехотинец Акимов. И про это прочтет, про «лишнего» красноармейца, который был убит в бою, а потом взялся откуда-то.

Я ведь не псих, правда. И я ведь не вру. Не рассказываю, как я сто фрицев перочинным ножиком на ощупь зарезал. Мне и больно было. И страшно. И даже так страшно, что я блевал от страха, и стреляться собирался — не мог больше терпеть, как нас с ребятами убивали. Под Вышгородом это было, будь проклят тот плацдарм, сколько нас там осталось... Я нормальный человек, который прошел все это, и остался живым, пусть и покалеченным. Я вернулся живой. Работал всю жизнь. Вырастил сыновей. Внуков. Правнуков вот дождался, о-го-го каких бойцов. А это все осталось со мной. И не нужно никому, кроме меня... *(Молчит.)*

— Знаешь, парень... Спасибо тебе. Что не прервал.

С.А.: Я слушаю вас, Иван Федорович. Я не знаю, что и сказать, но обещаю, что не буду считать вас ненормальным или вруном. Признаюсь, не каждый человек в вашем возрасте мыслит и выражается так ясно. И адекватно.

И.А.: Хорошее слово. Много лет его не употреблял, но да. Я ведь не то чтобы тайну там хранил 60 лет, — я и сыновьям своим рассказывал. И они мне поверили, кстати. Потому что я в жизни им не врал ни о чем серьезном. Пытались что-то делать, насколько им жизнь позволяла. Знаешь, что самое было «продвинутое», что мы сделали в этом направлении? В 1986 году мы с двумя сыновьями и старшим из внуков поехали летом в те края, в Воронеж, и от него на север. «По местам бое-

вой славы». На «Москвиче» да по нашим родным дорогам, ха! И было здорово, вот чего я не ожидал. Все другое, совсем. Зеленое, не черное. Не дымом пахнет, а цветами. Дома целые. Девушки в платьях. Мир... О, Господи... (Молчание.) Ладно, все... Не буду... Все... (Снова молчание.)

Меня памятник Славы особенно тронул, с этим бойцом, который уже убит, но еще не упал на землю... Потом я в Феодосии похожий увидел, и такое же впечатление он на меня произвел. Но я не о том сейчас. В Воронеже мы связывались с ветеранскими организациями, с горвоенкоматом, с «Красными следопытами». А что? На пиджаке у меня колодка, с какой не стыдно и полковнику ходить. Я Воронеж оборонял. Ведь Воронеж немцы и венгры так и не взяли целиком! Как и Сталинград: половину они захватили, или даже больше, но в левобережную половину мы так вцепиться сумели, что ничего у них не вышло. В общем, смотрели мы списки, смотрели имена. И Решетов там был. Все, как исходно мне и рассказал Тэрлан, земля ему пухом. И черным по белому на бумаге, и на бетоне так же: «Рядовой Д.С. Решетов — Даниил Сергеевич — убит 24.08.42». Ну, я-то знаю, что на самом деле 23-го, но похоронили его и, соответственно, карточку заполнили действительно уже 24 августа, так что правильно. И не «рядовой», а «красноармеец», — но монумент уже после войны ставили, конечно. После этого даже и проверять ничего не надо было, хотя и можно, наверное. Финансовые документы поднять — по каждой солдатской копейке, идущей в Фонд обороны, отчетность поискать. Еще по чему-то. Военная бюрократия — это, знаешь... Уже и костей от бойца в могиле не осталось, а где-то на полке бумага лежит, что с него за утерянные подштанники взыскать требуется. Вот. Но мне не до этого было, признаюсь. Да и опаска какая-то всегда была. Я же после войны в таких местах служил, что начни на меня оглядываться, что я «чертей гоняю», — списали бы к курам. Ей-богу, так и было бы.

С.А.: А что дальше было?

И.А.: Там? В 42-м? Там по-разному было. Таяли мы, иначе не сказать. Пройдутся «женшели» над головами, — старые еще, бипланы кривые, — забросают нас мелкими бомбами: кого-то почти обязательно зацепит. Минометный налет — травы не остается, осколками буквально в сантиметре от земли стебли сбивает. Боец бежит по траншее, и даже пригибается вроде, а та мелкая. И от обстрелов осыпалось, и времени углублять как следует не было — все время в отступлениях. «Бац» — и дырка в боку. Снайперы у немцев отличные были, и много их было. В этом мы с ними очень не скоро сравнялись. И это все как бы «помимо» собственно боев, когда атака, или разведка боем, или что-то другое, когда бойцы стреляют. Мое впечатление от того месяца — это то, что немцев практически нет. Изредка увидишь перебегающие фигуры в сером этом их обмундировании: бойцы начинают из винтовок хлопать, и тех уже нет, как и не было. А так как будто из пустоты все это на нас валилось. Самолет — это же не человек как бы, хотя всем понятно, что в нем летчики сидят. Артиллерия — то же самое. Как с невидимками мы воевали. Еще раз: я прекрасно понимал, что на самом деле это не так, и все понимали, — но вот такое ощущение какое-то время сохранялось. Пусть и недолго, но как раз на тот период оно пришлось. А потом ушло: и тот же самый Решетов в этом поучаствовал, кстати.

Это было в самом начале сентября: числа третьего уже или, может, на день раньше. Все это время я к Решетову присматривался, конечно. Насколько мог, — потому что мне и других дел хватало. Но раз в пару дней обязательно я бывал в расположении его взвода. Не каждый «штабной» офицер так поступит, между прочим! Но какой смысл посылать за бойцом, выдергивать его или его командира из траншеи и строго спрашивать: «Ну как? Ну что?» Я же не совсем идиот. Понятно, что ничего он мне нового не скажет. И более того, если не на второй раз, то на третий кого-нибудь из их

двоих по дороге точно убьют. А так я где ползком, где на карачках, где вдоль стеночки просачиваюсь к ним и еще минут пять пыхчу потом, пока отдышусь. Сзади, слышу, шепотом: «Ага, оперуполномоченный приполз! Весь в пылюке! И штаны кирпичами разодрал, гы-гы-гы!» И бойцы, как отхихикаются, уже совсем по-другому готовы со мной говорить. Там юмор простой был, но мне в голову не приходило ребят оборвать по такому-то пустяшному поводу. Если бойцам на передовой не смеяться над тем, что у кого-то брючина в навозе или ухо распухло, как блин, когда разрывом об землю приложило, — это свихнешься за неделю. А бойцы по месяцу, по два держались в непрерывных боях, — потом взвод почти начисто менялся...

В общем, на месте, в расположении взвода, меня каждый раз успокаивали. Все нормально. Ничего этот Решетов, не хуже других. Не то чтобы он каким-то особым героем был, — ну так в те дни не до эпического героизма было. Пережить день, не пропустить немцев, и если отступить — то организованно, и после того, как немцы усилия по максимуму затратят: вот это уже был героизм. Причем не просто отступить, а на новом рубеже рогом упереться. И вот как все — так и Решетов. Приказывают — перебегает, приказывают — окапывается. Стреляет, в какую сторону покажут. Раненого с оружием в тыл батальона оттащил на закорках, и вернулся в срок, не задержался нигде. Да, с оружием обязательно! Даже санитаркам не засчитывали «вынос раненого с поля боя», если без оружия. Потому что даже с винтовками плохо было, не то что с автоматическим оружием. Это вообще была почти драгоценность, — хорошо, если по три-четыре пистолета-пулемета на роту было, и давали их самым подготовленным бойцам. Так что по всем рассказам выходило — нормальный Решетов человек. Свой. Но что по моим впечатлениям — то больно он был туповат. Я сам не академик Мечников, понимаешь, — и в окопах далеко не дипломиро-

ванные инженеры сидели, — но это что-то больно ярко было выражено.

С.А.: Контузия, может?

И.А.: Вот и я так думал! Именно так! Речь нормальная, кстати, без этого мычания, которое у контуженных бывает. И пальцы не трясутся, и движения нормальные, — но такое ощущение, что вот почти каждый раз, когда ему что-то сделать надо, он с полсекунды это обдумывает. Причем самое простое — передвинуться в доме от одного проема к другому, винтовку с подоконника убрать, когда обстрел. К последним дням лета от тех домов, за которые мы тогда все цеплялись, уже и не осталось почти ничего. Фундамент, и из него остатки первого этажа торчат; просто куски стенок между бывшими окнами, как гнилые зубы во рту. И вот эти развалины мы продолжали держать.

В тот день, то ли 2, то ли 3 сентября, я приполз в расположение роты с рассветом. Ну, роты — это одно название. Сорок с небольшим активных штыков в роте было, — это чуть больше полноценного взвода. Но зато два станковых и два ручных пулемета, поэтому Сауков очень уверенный вид имел. Ну и ребята молодцами держались, конечно. По моему мнению, немцам дешевле было или вообще оставить этот квартал в покое, или уже по-настоящему за нас взяться: с серьезной артиллерийской подготовкой, с бронетехникой. Тогда бы нам сразу конец пришел. Но они продолжали сравнительно малыми силами батальон щупать. Причем без особого желания прямо тут за фюрера умереть: это сразу чувствовалось. Последние дни затишье было, но мне это подозрительным не показалось. Я, как все другие, — задним умом крепок был. В общем, если вспоминать в деталях, то ровно в 8 часов утра немцы дали свой «дежурный» артобстрел, — то есть положили в развалины штук десять снарядов среднего калибра и затихли. Когда пыль осела и мы огляделись — это вообще лепота была. Никого не ранило, не убило, не завалило. В небе птички снова почирикивать начали. Солнце поднима-

ется, но жуткой этой летней жары уже нет. Бойцы улыбаются: живы. И тут как даст... Минуту или две я вообще ничего не соображал, не понимал. Вокруг трясется, при каждом ударе мне на спину по половине кирпича откуда-то прилетает: тоже ощущение несладкое, я тебе скажу. Крик начался какой-то, а я и не понимаю, о чем. Признаюсь, немного струхнул. Потому что, если взвод отходит, а я ничего не слышу и не понимаю, — это худо. Да и если не отходит — тоже я не к месту. Потому что пехотный бой — это не мое дело, в общем. Я с одной рукой, и у меня из оружия — один офицерский наган «двойного действия». Из револьвера можно и с одной рукой стрелять, хотя он тугой и тяжелый, — а пистолет однорукому бесполезен. Да в бою и наган бесполезен, но он хоть какое-то успокоение дает: я был твердо уверен, что живым не дамся.

Все же я заставил себя голову поднять. Не сразу, признаюсь. Немцы забросали передние дома минами, и вот когда они в глубину огонь перенесли, только тогда я смелости набрался. Смерти все боятся, чего там... И вот выглядываю я из-за своего подоконника, — а там немцы. Метрах в двухстах уже, не вру. Это они под прикрытием налета так близко подобрались, и теперь им один бросок остался. Двести метров знаешь за сколько солдат пробегает? За секунды какие-то, ей-богу!

У меня первая осознанная мысль какая была — про гранаты. Вот сейчас бы гранату в руку, — насколько надежнее я чувствовал бы себя! Но у меня ни единой — сроду я их не носил после 41-го. Но я даже подумать больше ничего не успел, даже посочувствовать себе как-то, — как сам же и заорал:

— Гранаты к бою!

Понимаешь, я даже не знал, живы ли командиры, или убиты, есть ли кто рядом? Но я подал команду, потому что знал Устав и знал, что требуется делать. Еще не подумал ничего, что вот, мол, надо скомандовать, — а уже проорал в полный голос. И не смешно совершен-

но. Боевые уставы наизусть учат вовсе не для того, чтобы бойцов занять.

Слышу — отозвались слева, справа: живы ребята! И огонь открыли: минимум один ручник заработал. Но немцы уже метрах в сорока или пятидесяти, не более. «Гимнастический шаг» этот их удивительный; я только много лет спустя понял, что на определенных дистанциях спортивная ходьба дает скорость не хуже, чем нормальный бег.

— Гранатой — огонь!

Я скомандовал, потому что должны были услышать, — да хоть и не должны. Как проорал, страх в какую-то точку сжался, вниз ушел. «Ну, — думаю, — напоследок шумну, чем бог послал». Наган перед собой выставил, а голову, наоборот, пригнул, жду. Рвануло и справа, и спереди, — меня всего гипсовой трухой обсыпало. Ясное дело, немцы тоже по нам дали. У них хотя гранаты маломощные были, но их было заметно удобнее кидать. Метче получалось.

И вот я жду. Трескотня стоит, крики, но я как оглох, молча смотрю на этот кусок пространства перед собой. Он как кусок пустоты, чистого воздуха, — а вот все вокруг в белой и серой пыли, и вот из этой пыли на меня выскакивает немец. Глазом я моргнуть не успел, — так все это быстро произошло. Я — «Бах! Бах!». Не стану врать, честно скажу: не думаю, что я в этого немца попал. С упора я и с одной руки мог неплохо стрелять, но это слишком уж быстро все было. Однако он делся куда-то. Может, шархнул в сторону, не знаю. Пропал. Меня как ветром обдуло: очередь совсем рядом прошла. Не знаю, какое у него там оружие было, не увидел, — но мне показалось, что сразу несколько пуль буквально впритирку вокруг меня пролетели. Наверное, пистолет-пулемет.

Вот когда немец исчез, — вот тогда я начал что-то соображать. В голове как от тумана прояснилось. Теперь я услышал, что первый пулемет как будто захлебнулся. Вроде второй «дегтярь» дал огня, — но тут же

тоже умолк. Винтовочной трескотни довольно много, но в ближнем бою винтовка играет не долго: перезаряжать становится некогда. Полминуты, вряд ли больше, — и уже почти без стрельбы. Все. Только звяканье и человеческие крики. Такие крики... Если бы на меня тогда посмотреть, — это ясно было бы, что я сошел с ума. У меня кожу на лице как жаром стянуло. И все чувства ушли как в точку, — раз, и я вообще никто, никакой. Сумасшествие, я же и говорю. В барабане револьвера 5 патронов, одна рука, — куда я рванулся, зачем? Но мне это и в голову не пришло. Потому все и увидел. Сначала со спины: двое немцев пятятся ко мне, держа винтовки на изготовку. Я закричал что-то, не помню что, они обернулись, и тут из этой пыли, которая так и не осела пока, появился наш боец с винтовкой. На него кто-то кинулся сбоку, из той же пыли, — а он только откачнулся, и бросившийся повалился на землю. Помню, что «маузер» вверх подкинуло метра на два выше человеческого роста. Немцы, та пара, как-то синхронно повернулись, и я навсегда запомнил их лица: как белые маски, и глаза на половину лица у каждого. Они меня даже не испугались, им не до того было. Как на пустое место на меня посмотрели. Я снова: «Бах!» — и опять мимо. А они даже не пригнулись, как бросились бежать мимо меня. Один винтовку под ноги кинул, — но именно его Решетов и достал. Я только тогда его узнал. Он сделал какой-то длинный выпад, и прокол этого бегущего немца насквозь. Клянусь, так и было! Решетов был в трех метрах, не меньше, — иначе немцы не успели бы проскочить мимо меня. Но он достал этого замыкающего немца выпадом, и тот рухнул почти рядом со мной. Я выпустил еще одну пулю в сторону последнего убегающего немца, и тут уже рядом с нами человека два или три появилось. У одного кровь с лица текла, как из крана буквально. Борозда поперек щек и под носом была едва не в палец глубиной, — или тесаком рубанули, или штыком вскользь.

Бить штыком в лицо — это очень правильно, на самом деле. Доходчиво как-то... Нас тоже так учили...

В общем, остатки немцев оттянулись назад, и мы даже не сумели ничего больше сделать. Пара пулеметов больше бы наработала в эту минуту, чем весь героизм ребят. Но и так хватило. Я пытался найти потом записи об этом бое, официальное что-нибудь, но не сумел. Должны были быть реляции, доклады, хвастовство командирское: «отразили», «рассеяли», «уничтожили». С этими их «...и до роты пехоты». До роты! 120 человек — это им тоже «до роты». Не знаю. Тел пятнадцать я видел своими глазами. Пятнадцать, представляешь! Не каждому из нас к тому месяцу столько убитых немцев видеть приходилось, причем не сразу, а вообще. Очень не каждому. А тут пятнадцать! Настоящих, мертвых! Тебе не понять, какое это на всех произвело впечатление. Не только мы в землю ложимся: они тоже, сволочи. Вот вам что, а не нашу землю! Еще раз скажу: в 1942 году это очень большая редкость была, чтобы в каком-то конкретном бою или даже в мелкой стычке счет в нашу пользу достоверно остался. Понимаешь? Ясное дело, немцы тоже потери все время несли, — но мы о них понятия не имели, я говорил уже. А тут вот они: лежат, как миленькие...

Когда мы назад в домики залезли, раненых и убитых вынося, тут по нам еще раз дали. Это уж как закон! Минут пятнадцать все ходуном ходило, буквально почти в каждый угол каждой развалины они по mine положили, — вот не вру. Как стихло и я понял, что все еще живой, огляделся. Ага, остатки стен еще на полметра ниже стали. Много в тот день ребят посекло, так что немцы счет сравнивали, это уж как минимум. Не промедлили. Ну вот... Мы думали, после такого обстрела они снова в атаку пойдут. Даже странно было, что они сразу нас теплыми не взяли, пока мы после этого второго обстрела не очухались. Оба станковых пулемета у нас разбило вдребезги, как выяснилось, — так что шансов

у нас оставалось немного, честно говоря. Сауков подползает:

— О! Товарищ оперуполномоченный! Живы?

Рожа довольная у него такая была! У азиатов вообще все чувства на лице написаны: это вранье, что они бесстрастные какие-то, непроницаемые. Для чужих — может быть, и да, но не для своих, это точно.

Я едва кончил из ушей пыль вытряхивать, слышал его плохо, но ответил что-то такое же: что жив, мол. Рядом со мной еще пара бойцов была: вместе в бою надежнее. Одного я послал пробежаться по позициям роты, и вот он как раз вернулся, доложил мне, что «Максимам» каюк. А Сауков знал, оказывается. Он одного бойца мне оставил, а второго с собой забрал и убежал дальше: согнулся и попрыгал себе через битый кирпич. Я гляжу, — а это тот самый Решетов остался. И вот мы сидим с ним рядом и ждем атаки. В такие минуты лично я ни о чем не думал. Какие-то обрывки мыслей в голове бродят, и все. Про дом, про родителей, про то, как я хотел на путейца выучиться и чтобы вся семья мной гордилась. Как с пацанами колобродили, как за девку подержался первый раз, уже студентом, — и потом еще, после госпиталей... Мелькает это какими-то кусками в голове, без связи. А сам смотришь и ждешь. Каждый раз так было... Не знаю, как у других, а у меня вот так.

Я у Тэрлана гранату выпросил, и вот приготовил ее, усики у чеки подогнул. И наган перезарядил, патроны у меня в карманах были.

С.А.: А почему в тыл не ушли?

И.А.: Что? Гм... Слушай, а я и не знаю. Наверное, надо было. Мне бы никто слова не сказал: понятно же, что это не мое дело атаки отбивать. Кстати, мне потом передали, что бойцы себе отметили, как я вместе со всеми в контратаку поднялся, с одним наганом. И что в тыл не ушел, когда рота повторную атаку готовилась отражать и каждый человек на счету был. Но тогда я об этом не думал. Просто сидел и дом вспоминал, и ре-

бят-пограничников с еще довоенного времени. Всякое, в общем. А потом понял, что немцы что-то не торопятся. Заставляют себя ждать. Даже странно как-то: не пошли они в атаку, хотя почти наверняка могли нас добить там и взять эти домики наконец-то. Потому что пополнение к нам только к утру следующего дня подошло и ружмастер один пулемет из трех, наверное, собрал. Может быть, и вправду мы хорошо им дали, а может, просто офицеров побили: без офицеров немцы обычно не воюют.

И вот как я сообразил это, так начал на Решетова поглядывать уже с интересом. Сначала-то на него нечего особо смотреть было: он себе ячейку оборудовал. Ну то есть не ячейку, конечно, но какую-то ямку в битом кирпиче выкопал перед окном. Лежку. С боков что-то вроде брустверов нарастил, — но это уже ерунда была, от этого никакой пользы. И винтовку он еще почистил: у солдата всегда с собой принадлежности были. «Мосинка» идеальное в этом отношении оружие: механикой она может медную копейку зажевать, но почти никогда не откажет. И все равно правильный боец всегда об винтовке будет заботиться: это его жизнь. А потом я увидел, как он штык чистит, уже в последнюю очередь, и меня как дернуло.

— Даниил, — спрашиваю, — как ты это сделал?

Секунд десять он молчал, потом голову поднял:

— Что — «как»?

Неумно он выглядел, прямо скажем.

— Штыком. Как ты его достал с трех метров штыком?

Решетов на меня смотрит и губами воздух жует.

— Не знаю.

— А все-таки?

Молчит, не говорит ничего. И голову опустил. Я подождал немного и так спокойно ему говорю:

— Даниил, я же все видел. Ты не заметил? Я же совсем рядом был: я промахнулся в того немца с нагана. Ты на моих глазах трех разогнал. И двух заколол. Причем так, как я не видал еще: а я в штыковых бывал, зна-

ешь ли... Почему они от тебя побежали? Что может заставить немецкого пехотинца...

И вот тут меня натурально осекло. Я заметил, как Решетов на свою грудь поглядел. И только тогда увидел. Помню, очень аккуратно я свою гранату в сторону отложил. Посмотрел на нее... Секунду, наверное, не мог взгляда отвести от этой гранаты, настолько мне страшно было. Потом решился, отвернулся от нее все-таки. Подошел к Решетову. Тот молчит. Господи, какими словами это сказать-то?.. Ох, сейчас ты точно решишь, что я псих...

Ладно. Не перебил, и хорошо. Так тому и быть, видно. В общем, у этого Решетова рана на груди была. Штыковая. У «Маузера 98» штык клинкового типа, и вот это от него. Вертикальный рубец, кровящий. Чуть сбоку от грудины. Представляешь? Нет? Правильно, потому что это бред полный. Я когда рассмотрел это в подробностях, то взгляд в небо поднял, потому как совершенно ясно мне стало: довоевался. Когда человека бьют штыком в грудь, он не сидит и не разговаривает. Он мертвый валяется. А Решетов сидит, на меня глазами моргает.

С.А.: Может быть, едва задело? Только под кожу?..

И.А.: Нет. Абсолютно точно нет. Рана была в полную ширину клинка, и даже мне, совершенно тогда оболванившемуся, было видно, какая она глубокая. Гимнастерку расплосовало, края дыры в засохшей черной крови, как коленкоровые, и все хорошо было видно. Рана кровила, но не много. И вот я с открытым ртом это разглядываю, а Решетов на меня молча смотрит. Потом говорит:

— Ну?

Я на него глаза перевел.

— Что «ну»?

— Что делать будем, товарищ оперуполномоченный?

А я сижу и молчу. Потому как совершенно не имею представления о том, «что делать».

— Откуда ты вообще взялся, Решетов? — спрашиваю.

Он помолчал, а потом говорит:

— Вы все равно не поверите.

И вот эти его слова меня как морозом продернули. Такая тоска в них была, такое... одиночество, что ли?.. Не знаю. Тогда я этого точно не понял, а вот позже меня как осенило: так, таким тоном сказать это мог только абсолютно одинокий человек. Мертво одинокий.

С.А.: И что?

И.А.: Да ничего.

С.А.: Как это?

И.А.: Эх, хотел бы я знать... А я не знал, — не знал, о чем его спрашивать, понимаешь? Я ему поверил, да. Но сделать с этим не мог совершенно ничего. Ну как объяснить тебе? Вот представь: я веду разговор с бойцами «про мирное время» и узнаю, что у одного из них отец был кулак. Самый настоящий. Или убитый в Гражданскую, или репрессированный. Что я должен сделать? Совершенно определенные вещи. И не арестовать парня, как некоторые сейчас думают, и не расстрелять его за глумом из именного нагана, заливаясь при этом сатанинским смехом и облизываясь. А всего лишь словами обойтись. Вслух дать ему понять, что с него спрос особый и присмотр за ним будет особый. И об этом же предупредить его командиров, до комроты включительно, батальонного политрука, ротного старшину и своих доверенных бойцов, которые у меня в каждой роте есть, а в затишье и в каждом взводе. И это все, понимаешь? Потому что для своего человека это будет ясно и понятно, а скрывающегося врага все равно ни лаской и ни цепями не удержишь, коли он перебежать захочет.

Или другое, тоже простое: потянулся боец за кисетом, а из кармана шинели немецкая листовка выпадает, которая пропуск. «Пароль «Штык в землю!», были такие. И вроде не трусливый боец, и воюет не первую неделю, и честно воюет, — но падает у него такая листовка прямо мне под ноги, и что? Даже если он натурально подтереться ее прятал... Есть четкая последова-

тельность действий, определенная даже не учебной моей, — сколько я там учился, — а всем опытом, всей моей интуицией. Что нужно сказать ему, что его товарищам при нем же, что его командиру за его спиной? И не забыть еще, — что в этом случае, что в том, первом... Не забыть, что потом надо будет обязательно сделать, когда тебе расскажут, что, мол, парень под огнем из траншеи поднялся в рост и стрелял, куда приказали. Пусть только это, хрен знает, куда он там попал, но атаку отбили общими усилиями. В который там по счету раз... Тогда надо просто подойти, по плечу здоровой рукой хлопнуть и сказать хоть одно слово, хоть два: «Молодчина, земляк!» И уже дальше пойти, — но он запомнит, и остальные запомнят. Из этого и слагалась наша работа на войне. Это все я знал и умел, и получше многих других. На десятки разных раз, на десятки случаев. Но тут... Ох, не знал я тогда, что сказать, не знаю и до сих пор. Он был не наш, понимаешь? Совсем не наш. Не чужой, нет, — правильно меня пойми. Не враг под личиной контуженого бойца, не шпион, пытающийся пусть даже кровью своих же замазаться, но в доверие втереться. Ни в коей мере!

С.А.: Иван Федорович, а вам приходило в голову, что все могло быть не совсем так, как это показалось?

И.А.: А как же! Приходило, и еще как. Причем я даже несколько вариантов рассматривал! И что немцы потихоньку газы пускают, от которых у людей видения. И что я натурально головой заболел. И ничего удивительного, между прочим: как на войне от страха и напряжения с ума сходят, лично мне за четыре года видать приходилось, причем неоднократно. Наоборот, даже странно потом было, что через такие мясорубки миллионы людей прошли и все умом не повредились: женились потом, детишек заводили, страну поднимали. Так что в этом отношении меня жизнь потом проверила: нет, спятившим я не был. Подожди еще, не перебивай! Третий вариант, который я рассматривал, это не душевная болезнь, а настоящая. То есть от микробов

или травмы: не знаю, как назвать это правильно. Знаешь, что такое энцефалит?

С.А.: Конечно.

И.А.: Ну вот. Энцефалит бывает не только от клеща. Я, между прочим, помню, как профессор Зильбер того самого клеща, переносчика вируса, открыл в 1937 году. Тогда об этом все газеты писали: мол, «Великая победа прогрессивной советской медицинской науки». Но энцефалит может быть и если просто по голове крепко получить: а мы то и дело получали. И не только когда прямо в голову что попадет, а и когда об землю прикладывало той же самой головой. И еще рак мозга может быть, и у молодых тоже. Тогда тоже может начать казаться невесть что, — а потом помираешь на ровном месте. Так что и это я подумал тоже. И тоже отмел, хе-хе...

С.А.: А то, что это мог быть... Ну...

И.А.: Что?

С.А.: Инопланетянин. «Чужой», как вы сказали.

И.А.: Ну вот ты и произнес это. А четверть часа назад, между прочим, считал, что это я с ума сошел.

Ладно, не надуйся. Я, парень, сейчас тебя удивлю, — но да, и об этом я думал тоже. Вообще перед войной фантастика была уже довольно востребована. Даже фантастические фильмы снимали: например, про полет на Луну. Говорят, в деревнях народ думал, что это по правде люди на ракетах на Луну полетели. А фильм «Аэлита», с Церетелли и Баталовым, — он знаешь, в каком году вышел? То-то же!.. Так что да, я и об этом подумал. Не в тех образах, какие сейчас в ходу, конечно. Нарисуй нам кто тогда картинку инопланетянина из этого вот твоего фильма... С той суровой американской бабой, которая в атаку с ручным пулеметом ходила... Мы бы и не поняли, что это такое имеется в виду. Тогда думали, что они на Земле в скафандрах должны быть: блестящих таких, с рогами-антеннами. Или как минимум в металлических одеждах. И говорить непонятно. Так что с этой стороны такое предположение не

подходило. Да... Но при этом я понимал, что не все может быть как в кино. Может скафандр стеклянный, поэтому незаметно? Или он русский выучил? В общем, бред. Как и выглядело с самого начала, правда? В конце концов, в той же «Аэлите», когда восстание рабочих началось и в них солдаты Тускуба стреляли, то убивали. Там, в фильме, марсиане погибали, понял?

Знаешь, я вот рассказываю тебе все это, рассуждаю тут так степенно, — а у меня перед глазами то, как это выглядело. Пыль вокруг еще не осела до конца, гарью пахнет, остатки стен этих, все в выбоинах... И Решетов передо мной сидит, смотрит своими мертвыми глазами. И пальцами дырку на гимнастёрке перебирает. Кровь как запекалась, так и засушила края, ткань будто в картон превратилась. По капле сочилось у него там изнутри, и все. Жуть! Я же ран навидался с первого дня: я прекрасно знал, как должна рана выглядеть. Врут, что клинковый штык был хуже игольчатого. Совершенно не хуже он в штыковой себя проявлял. Когда в чело- века так штыком давали, — это гарантированный покойник. Причем это я не «маузер» восхваляю, наши «СВТ-38» и «СВТ-40» такими же были. А он сидит! Смотрит!

Черт, у меня вот как тогда сердце сжало, так до конца редко отпускало потом... Знаешь, фантастика фантастикой, ракеты там, «звезда КЭЦ», интерпланетонеф этого инженера Лося... Я вот что скажу: в деревнях тысячу лет разные суеверия в ходу были, а сказки тогда, в 40-х годах, практически основой культуры являлись. Грамотными уже все стали, но книг на фронте у бойцов не было, конечно. Так что в минуты отдыха или про семьи друг другу рассказывали, или байки травили, или сказки повествовали. Хороших сказочников любили! Не смешно тебе? Это хорошо. Знаешь, как помогало людям, когда можно сказку послушать посреди войны? Про кота и повара, про царя и шута Балакирева, про пастуха и вора, про цыган. Про леших, конечно, про домовых, — в общем, где что в ходу. Мы же все

вместе воевали, у нас и карелы были, и украинцы, и сибиряки. Больше половины рядовых бойцов было из деревень, из маленьких поселков. В принципе, про нежить все понимали. В общем, первая моя осознанная мысль, как отпустило чуточку, стала: «Ага, теперь понятно, чего там было, с двумя пулями в грудь». Вторая: «И чего именно те немцы так напугаться могли». А то ж нет?! Стреляешь ты в человека, колешь его, — а он на тебя идет... Ужас... Любой на месте тех немцев пятки бы показал. Решетов был нежить, понял? Все.

С.А.: Иван Федорович, я даже не представляю, что тут вам ответить можно. Я тоже сказки в детстве слушал. Но в леших не верю особо, извините. Ни в леших, ни в водяных, ни в домовенков за печкой.

И.А.: Ха, дык я тоже не верю. Я сам городской: как вырос, в жизни в сказки не верил. Воспринимал всегда как просто слова. Раз в неделю пропагандиста слушаешь про положение на фронтах, про международное, — а когда и бойцов послушаешь: про кота в лесу или как один пастух трех воров обдурил. Или как мужики на базар отправились и в vareжку деньги спрятали, а саму ее на палке несли: это у нас один армянин рассказывал... Как его... Бекзадян! Армен Бекзадян. Ему под Глебовкой руку оторвало, но он жив остался, — мы встречались в 83-м на годовщину. Так вот, сказки — это само по себе, а нежить — само по себе. Когда человека убили, а он снова живой — это что-то из этого. И вот когда я убедился, что мне не кажется, когда ничего из первых моих мыслей не подошло — вот тогда я успокоился. Нежить. Ну и что?

С.А.: Э-э?

И.А.: Вот тебе и «Э-э»... Хе, у тебя такой же вид стал, как у тех бойцов в траншее... Тупой, честно скажу. Мысль из глаз исчезла. Теперь и ты не понимаешь. А я не знаю, что и сказать. Но вот давай еще раз вместе разберем. Итак, бойца убили двумя пулями в грудь, а он снова живой. Второй раз его почти что на моих глазах убили, на этот раз в штыковой, — а он снова жи-

вой. При этом мне это достоверно не показалось. Газы немцы не пускали, головой я не тронулся, раком или воспалением мозга в конечном итоге не заболел. Это было по-настоящему, да. А знаешь, что надо сделать после того, как осознал вот это? Не знаешь? Надо отнестись к этому спокойно, — ко всему в целом, — и перенести свое внимание уже на детали. В том смысле, что да, вот ветер — он дует, дым — он поднимается вверх, а красноармеец Решетов — он нежить из народных сказок. Понял?

С.А.: Нет.

И.А.: А здесь и незачем понимать. Просто принять надо. Вот ты обратил внимание на то, что я сказал, что он был чистый, когда гимнастерку поднял?

С.А.: Не помню. Нет, наверное.

И.А.: Вот именно. А я сразу же на это внимание обратил, — только сперва не понял, что это может означать. Потому что меня жизнь приучила обращать внимание на детали! Вот я в 1946 году на узловой станции Орша задержание произвел. Майор со звездой Героя Советского Союза на груди. Усы — во! Плечи — во шириной! На груди колодка с ленточками двух орденов Ленина. Мол, «расступись, народ!». А меня что цепануло: у него в нижнем ряду были ленточки медалей «За оборону Москвы» и «За оборону Севастополя». Московская битва — это с октября 41-го по январь 42-го, а Севастополя — с ноября 41-го по июль 42-го. Большая редкость, чтобы у человека обе таких медали было. Всякое, конечно, бывает, но редкость. Начал проверять документы — всякое тоже на себя внимание обращает. По мелочи, но много.

С.А.: Неужели шпион оказался?

И.А.: В 46-то году? Нет, конечно! Просто жулик. Мошенник. Человека с такой внешностью и с таким иконостасом лишний раз проверять не будут, а попользоваться он может многим. Но я не об этом вообще, это я отвлекся. Я к тому это рассказал, что когда в чем-то есть столь ярко выраженная внешняя сторона, на детали в

принципе можно начать смотреть, только если «затенить» ее, перестать придавать ей решающее значение.

Вот давай подумаем. У Решетова была чистая или почти чистая кожа, когда я на его грудь посмотрел. Мы уже почти серого цвета все были: не помнили, когда белье меняли последний раз. В расчесах от вшей, извини за некрасивые подробности. А он чистый. При том, что как бы убитого никто не обмывал, конечно же. Это первая деталь. Которая, по моему мнению, указывает на то, что это был уже не совсем красноармеец Решетов. Нежить, как я сказал. Родившаяся заново. Созданная по его подобию, но не он.

Вторая важная деталь — это то, что он все же не около братской могилы обнаружился, а в нескольких километрах к востоку. Почему? Вот этому я объяснение долго найти не мог. Потом все же пришел к тому, что вариантов здесь мало: единственная привязка — это мы, мой батальон, его рота и его взвод. Место, где были те люди, кто его знал. Почему это имело значение — не имею понятия, но вот запомни это.

Третья деталь — его заторможенность. Нормальному человеку незачем полминуты размышлять, перед тем как что-то совсем простое сделать. Мы вообще большую часть времени не думаем ни о чем: просто живем. А если на войне пехотинцу много думать — эдак долго не провоюешь. Да, конечно, мы и так долго не воевали. Две, три атаки — и солдата нет, видишь, какая штука. Но подготовленный и особенно бывалый солдат — он в бою действовал не рассуждая. Почти на полном автоматизме, вот как. Причем, ты пойми меня, я вовсе не имею в виду, что солдат не думает. Наоборот, он думает непрерывно, только так он может день прожить. У командира всего одна пара глаз, да и где он еще, командир-то. Нужно самому все замечать и каждую секунду выбор делать. Но такая возможность у солдата имеется, только если у него голова свободна. Во-первых, от страха: а такое может быть, только если ты по природе не трус и уже обстрелян к тому же. А во-вторых, от

мелочей. Как шаг ступить. Как поступить, когда вот первая пристрелочная мина в полусотне метров легла. А Решетов этот буквально в каждом дверном проеме останавливался, как баран. Думал. Что это могло означать? Я вот решил, что то же, что и первое: что это не взрослый человек. В шкуре взрослого, но не взрослый. Или что это не совсем человек: и кожа есть, и усы растут, и даже ходить и говорить умеет, но на самом деле непрерывно занят просто фоновой работой — я бы сказал, имитацией поведения.

С.А.: Как компьютер.

И.А.: Что?

С.А.: Как компьютер. Если слишком большая доля оперативной памяти компьютера тратится на поддержание собственно деятельности системы, то его быстрое действие резко снижается!

И.А.: Ну, я не знаю. Я в этом не понимаю ничего. Моя аналогия была — что Решетовым как будто управлял неопытный водитель. Такой непрерывно смотрит вокруг, непрерывно крутит головой: на дома, на машины и повозки, на пешеходов. На собственные педали, так сказать, правильно ли нога стоит. И так он всем этим озабочен, что свой автомобиль ему вести уже трудно. Не знаю, удачная ли аналогия, но вот такая она у меня была... Да, Решетов мог как-то «включиться», «надавить на газ», — бежать, стрелять, драться, действовать, в общем. Рывок этот его удивительный, который я долго потом посекундно себе воображал: вот он еще метрах в трех, а вот он протыкает бегущего штыком... Длина винтовки Мосина образца 1891/30 годов с примкнутым штыком — это 1738 мм. Много. И роста Решетов был здорового: по моим прикидкам, до 176—178 см, это по тем временам довольно выше среднего. Руки и ноги длинные, жилистый. Но нет, никак он не мог догнать, достать того немца выпадом. Еще раз — я побывал в нескольких ближних боях, я могу судить. Это было нереально, но это абсолютно точно имело место, это слу-

чилось на моих глазах. О чем это свидетельствует? Я уже сказал свое мнение...

Ох, давай дальше пойдем. Не устал еще от этого?

С.А.: Нет, я слушаю.

И.А.: А я вот что-то разволновался. Столько лет... Я так думаю, что самая важная деталь из всего этого, вместе взятого, — это все же то, что, погибнув в первый раз, он появился среди нас, среди тех, кто его помнил. Он был как слепок с нашей памяти: цельный, работающий. Способный говорить, ходить среди нас. Жить и умирать, как мы. Вместе с нами... Только об этом и осталось рассказать, наверное.

Решетов пробыл с нами еще неделю. И каждый день мы с ним виделись. Я уже и повода не искал, чтобы поговорить с ним. Да какое там поговорить, посмотреть на него просто. Приползал в развалины, отряхивался, говорил с командирами, — потом к нему. Пусть на четверть часа, мне хватало. Решетов со дня на день становился другим. Больше, как мы. Собранным, волевым. Ушла эта тоска из глаз. Ну да и просто грязнее стал.

8 сентября немцы предприняли такую атаку, что я подумал: все, конец, не удержимся. Нас сдавили с флангов, отделение немецких автоматчиков прорвалось аж к штабу батальона, и комбат бросил в контратаку всех, до коноводов и поваров включительно. Бойцы дрались гранатами и штыками, немцы откатывались назад и тут же лезли снова. Их артиллерия замолкала, только когда они подходили к нам вплотную. Вся земля была окутана пылью, в небе — сплошная гарь. Потери у нас были большие, но удержались как-то. А 9 сентября немцы поперли снова: причем даже не с утра, а еще в сумерках. После первого дня их наступления я полагал, что тяжелее быть уже не может, а оказалось — еще как может. Немцы впервые за долгое время пустили в ход бронетехнику: не танки, слава богу, но броню. Какие-то бронетранспортеры, вооруженные тяжелыми пулеметами. Марку я не знаю, но здоровые и хорошо бронированные. Один сожгла на наших глазах 45-мм

противотанковая пушка истребительно-противотанковой батареи полка, остальные как-то уцелели. С помощью бронетранспортеров немцы глубоко вклинились в нашу оборону и к вечеру рассекли полк на две неравные части, на стыке между позициями 1-го и 2-го батальонов.

Позже, уже в мирное время, когда я читал какие-то генеральские мемуары про эти бои, то прочел, что они сильно потеснили 465-й стрелковый полк нашей дивизии: именно из-за этого наше положение стало таким тяжелым. Но мы держались, и в течение двух или трех следующих дней немцы как-то потихоньку ослабили нажим на нас. Видимо перенесли основные усилия чуть севернее, к Большой Верейке, которая с августа уже несколько раз переходила из рук в руки. Про Воронеж мало вообще-то написано, про Верейку еще меньше, но мне тогда казалось — здесь судьба войны решается. Было страшно...

С.А.: А что Решетов?

И.А.: Решетов... Я в те дни был на командном пункте батальона. Видел все изнутри, но не из траншеи! Не из домов этих! Если я видел немецкие бронетранспортеры, то это было с пары сотен метров! И то я не обязан был на них смотреть, я мог спрятать голову и высунуться, только когда все закончится. Не обязан был стрелять по ним. А на Решетове и всех остальных по-настоящему все держалось. На волоске все держалось, на кончиках ногтей буквально. Наши и немецкие автоматчики и стрелки поднимались в атаки и контратаки каждые несколько часов, — и ложились в землячку... Под пулеметами, под минометным огнем... Не раз доходило до рукопашных. Один из истребителей танков противотанковым ружьем Симонова насмерть двух немцев забил: кому потом ни рассказывали — никто не верил. Причем не богатырь какой был — нормальный такой мужик среднего роста, узбек по национальности...

Решетова я увидел на второй день этого боя, когда на десяток минут затишье выдалось. Я вперед выполз,

в траншею свалился, — и к ребятам на полусогнутых. Да, потому что должен был, меня комбат послал. Бегу, считаю. Ага, Сауков жив, Петров жив, этот второй взводный, как его... И пара станкачей цела, пар из пароотводных трубок хлещет. Значит, еще поживем. Ребята тяжелораненых в ближний тыл оттаскивают и убитых — просто в сторону, в отрезок траншеи. Копают сразу же, земля в разные стороны летит. Хоть на штык осыпавшуюся землю со дна хода сообщения раскидать, хоть наметить запасную позицию для пулемета — уже, может, лишнюю жизнь спасет, а она каждая сейчас на счету.

Решетов был уже совершенно такой, как все. Черный от гари и от усталости, гимнастерка аж серая уже от пыли, в корке от высохшего пота. Глаза на лице горят: красные, жуткие. Царапины на морде, костяшки пальцев разбиты.

Нашел я его, посмотрел, спрашиваю: «Что, Даниил, досталось?» — «Держимся, товарищ оперуполномоченный...» Голос хриплый, севший: пылью и гарью все горло забито, и не сплунешь сразу. «Удержим?» — «Должны...»

Вот и весь разговор вроде бы, — а потом он помолчал и говорит мне: «Я и представить не мог...» — и замолчал снова. Я ему: «Что не мог?»

Он снова ответил не сразу. Стоял так обессиленно, одну руку с черенка лопаты свесил. Мы в траншее разговаривали... Решетов помолчал, голову поднял, посмотрел куда-то в небо. Минуту что-то там высматривал, наверное.

«Не мог, — говорит, — представить, что можно так равнодушно относиться к своей жизни. Жизнь ведь у вас одна, знаете?»

Вот тут я здорово удивился. Впервые я слышал, чтобы он такие слова сказал. Понимаешь, это мог сказать школьный учитель. Бухгалтер. Телеграфист. Но не крестьянин! И не просто в книжке умное слово прочитавший и к месту в речь вставивший, — а сказавший это

правильно. Не знаю, не представляю, как объяснить такое, но это как будто сказал кто-то другой, не этот. Я кого только не навидался за войну в ротах. И бывших учителей, и бывших ресторанных поваров, и даже бывших музыкантов. Война всех в строй поставила. Я сам бывший студент был. Так вот, я абсолютно уверен, что такие слова не мог сказать наш, старый Решетов. Их сказал тот, кто сидел в нем. Кто да, уже привык к его телу, но еще не смог привыкнуть к войне. И «жизнь ведь одна» — тоже. Это ведь не просто банальность, какую какой-нибудь интеллигентствующий тип мог изречь, чтобы на него с уважением посмотрели. Он действительно не до конца был уверен, знаю ли я об этом: о том, что жизнь у нас одна. Надо же...

И еще странно: это его «у вас». У нас? То есть не у него, не у таких, как он? Ну, я-то видел, что он, фактически, по нескольку раз жить может, — но вот чтобы так, вслух, это сказать — этого я не ожидал. То есть похоже, что к этому моменту он окончательно сам в себе разобрался: при том, что в начале еще ничего сам не понимал. *(Молчит.)*

К 12 сентября нам стало немного легче. Уже не по 5 атак в день, не по 4, а всего две: утром и вечером. Бронетранспортер этот подбитый так и чадил все эти дни прямо перед нашими позициями. Да, именно так и было, потому что и наши попытки отбить потерянный клин были немцами успешно отражены. По-хорошему, и пытаться нельзя было, потому что сил у нас и на оборону едва-едва хватало, не то чтобы немца теснить. Но там, знаешь, чуть пополнили батальон людьми, пару грузовиков боеприпасов подвезли к «полковушкам» — уже тебе командуют: «Вперед, давай!» Уже нужно превозмочь себя, подняться и через «не могу» попробовать отвоевать этот километр впереди. Тут уже все на карту ставили. Уже и ездые с писарями заканчивались. Уже командир батальона сам с автоматом в рост в атаку шел. Клич этот великий: «Члены парткомиссии — вперед! Коммунисты — вперед!» Да, так было! И я в атаки под-

нимался: как все, так и я. Не больше других жить хотел, и не меньше. С одной своей рукой, с наганом и с матами в четыре колена... Со стоном буквально заставлял себя... А сейчас вот думаю: а может, так и надо было? Может, и я дурак, что со своей вышки генералов сужу. Может, если бы ребята не лезли в огонь после каждой передышки, если бы командование сидело сиднем, силы копило, как богатырь на печи, — может, и немцы подкопили бы сил, да и вмазали бы нам еще и по сильнее? Так что не знаю. В конечном итоге это мы в Берлине оказались, а не они в моем Новосибирске. До дома моего только пленных довели, хе-хе. Родители потом рассказывали.

В общем, черт его знает. С одной стороны, вот я сказал «немного легче». С другой: меньше половины нас в живых осталось, когда почувствовали: да, чуть затихает, не тот у них напор. Выстоим на этот раз. Но еще день бой шел: по-разному, уже не все время тяжело, но почти непрерывная перестрелка шла. Именно тогда, когда уже легче стало, и ранило командира нашего батальона; в командование вступил начштаба. И убило комсорга. Я непрерывно мотался вперед-назад, потому что посыльный — это одно, а я — другое. Свое дело я тоже не забывал, не думай. Но мне работы в те дни не нашлось: ни мысли ни у кого не было, чтобы своих оставить, шкуру побережь. Решетова этого я видел пару раз за день, но только мельком, на бегу. Или лежит, стреляет куда-то, или навстречу мне бежит, согнувшись.

13-го уже совсем вроде затихло. Раненых эвакуировали, даже питание на передовую привезли. Полковник появился: с новым комбатом говорил. Со мной он не разговаривал, не до того ему было. Чего еще? Я побыстрому донесение написал, и в полк отправил. Все окапывались как безумные. Все понимали, что передышка будет короткая. Немецкий разведчик пролетел, но высоко, не по нам, а дальше в наш тыл, в сторону Приваловки. Помню, оказалось, что у лейтенанта Петрова медаль прямо на груди пополам перерубило: то ли

пулей, то ли осколком, — и он жутко ругался. Мелочь вот в голову лезет... Убитых мы хоронили. Над комсоргом ребята аж плакали: его любили у нас. А Решетов пропал...

С.А.: Что?

И.А.: Пропал, говорю. Без вести. И судя по всему, после боя уже. Я всех, кого мог, опросил, можешь не сомневаться. Почти по часам себе в блокнот записывал: вот столько-то на часах — минометный обстрел, трое раненых в 1-й роте: такой, сякой, третий. Вот столько-то — опять обстрел, и опять трое раненых да один убитый. Записи эти у меня не сохранились, но они точно были настолько полными, насколько это в принципе было возможно. Не на каждого пропавшего комполка в 42-м году такое составляли, а на красноармейцев вряд ли на кого еще. Пропасть без вести — это на войне обычно дело, в общем. Кого в траншее так глубоко засыпало, что и не нашли. Кто в атаке или при прорыве окружения позади остался убитый. Кого в плен увели да замучили. Кого вообще... Всякое бывало. Совсем всякое. Но здесь ни на что из этого не похоже было. Как оно и бывало с этим Решетовым с самого его второго появления у нас как уже «лишнего», уже до этого списанного вчистую бойца.

Закончил я первый опрос, почесал голову. По второму кругу пошел. Еще раз напомним: пропал он уже после окончания боя. Соответственно, в переключке участвовал: бойцы и комвзвода видели, что он жив, слышали, как он отозвался. Отсюда: те пустые пятна, которые, конечно, были в моих записях в отношении хода боя, не могли иметь большого значения. Погибшие ничего не могли рассказать, унесенные в тыл тяжелораненые тоже. Хотя кое-кто потом вернулся, и я отдельно их расспрашивал: просто для очистки совести уже. Так вот, последняя серьезная атака немцев захлебнулась в 16 с копейками: будем считать, в 16.20. Минут десять после этого еще перестрелка шла, — те своих раненых и убитых оттаскивали с нейтралки, наши добавить им пыта-

лись. Их минометчики за дело взялись, чтобы мы совсем уж жизни не радовались: это были средние 81-мм минометы. В общем, к 16.35 — 16.40 последний разрыв осел, и все, почти тишина: только самые лучшие стрелки еще хлопать куда-то пытаются. И в этот конкретный момент Решетов еще был на своем месте. Его помнили соседи по траншее, с обеих сторон. Правее Решетова в нескольких метрах был младший комвзвода сержант Ивановский с ручным пулеметом ДП. Он заменил вышедшего первого номера расчета, но второй его номер остался в строю и был там же, рядом с Ивановским. Это был красноармеец, фамилию которого я сейчас забыл, но лицо помню. Рябой такой. Он был у нас недолго и погиб довольно скоро. Левее Решетова, опять же в нескольких метрах, был красноармеец по фамилии Бейбог — вот такая редкая фамилия. То есть сразу трое Даниила видели, он был целый. Когда Петров по траншее пробежал влево-вправо, сам он тоже его видел: на бегу ему буркнул что-то, тот отозвался.

И по крайней мере, несколькими минутами спустя он тоже был на месте. Тогда уже шевеление началось. Кто за лопату взялся бруствер понастроить, кто дружка бежит проверить, кто санитару помогает. Кто, извини, за естественной надобностью за поворот хода сообщения торопится, чтобы не под ноги себе валить. Петров, опять же, его видел. И он, наверное, последним был. Больше Решетова не видел никто: ни соседи справа, ни сосед слева. Никто. И винтовка его пропала, и обмундирование. «Сидор» вот в землянке остался. Вещмешок с тем добром, какое у красноармейца могло быть. Я смотрел — обычные дела. Две смены ношеного белья, бритва, зеркальце, пара сухарей в тряпице. Это, и все. Место, где Решетова видели последним, я посмотрел. Ничего там не было: ни следов каких, ни воронки. Ни крови. Стреляными гильзами дно траншеи засыпано, половина сапогами в землю втоптана. Штук сорок я насчитал. И все. На этом все. Вот так вот. *(Молчит.)*

Хм, ты думаешь, мне не видно, чего ты ждешь сейчас? Видно, не сомневайся. Ждешь, что вот сейчас я скажу: «И тут, мол, мне принесли записку. Пишет красноармеец Решетов, и все объясняет. Так и так, я сообщаю товарищу оперуполномоченному», — и вот сообщает мне что-то такое, от чего все становится понятно. Или вообще, хлопаю я себя по лбу и кричу тут, рассказываю тебе: «И тут-то меня и осенило! Вон оно как, оказывается! А я и не понимал! А дело-то просто было!»

Ждешь? А этого не будет. Потому что я сказал правду: на этом с Решетовым было все. Он просто исчез со своей винтовкой и не объявился больше нигде. Мне, в общем, уже поровну стало. Было такое ощущение, что вот, закончилось оно уже все, что не надо больше искать. Сзади спрашивал на всякий случай, дальше в тыл: нет, не видел никто. На этом я и замолчал.

Документов никаких не оформляли. Еще одного «пропал без вести», — зачем? Три недели, как был Решетов убит в бою и похоронен. Только-только, наверное, похоронка до его деревни дойти должна была. Зачем еще что-то писать? Никто это и не обсуждал: новый комбат на Саукова посмотрел, я на него, потом отвернулись и по своим делам пошли, — вот и весь разговор. Так что получается, что эти три недели он на довольствии состоял неправильно. Но на это сквозь пальцы посмотрели, не до того было.

А что я сам думаю... Да так и не знаю, что решить. Это не был пришелец с Марса или Венеры. Это не был какой-то пришелец из будущего. Ни из нашего времени, ни из того будущего, которое впереди. Не леший, уж конечно. С винтовкой-то... Просто кто-то чужой. Кто именно — не знаю я, и никогда не узнаю, вот как. Так что пусть оно так и будет.

Ну а что еще тебе сказать? Потом, после долгих месяцев обороны Воронежа мы начали наступление, вышли к Старому Осколу и вновь на долгие месяцы встали в оборону: на этот раз под Сумами. Чем Курская дуга для немцев закончилась, все помнят: с августа 43-го

мы шли вперед уже почти неостановимо. Впрочем, это мне сейчас так кажется, — а тогда было очень тяжело. Очень тяжелые потери наш полк понес под Вышгородом, — так мы тогда и не удержали этот первый днепровский плацдарм. Нас перекинули севернее, на лютежский, и вот там, несмотря на всю тяжесть ситуации, мы удержались. Именно этот плацдарм потом решил судьбу Киевской операции, так я думаю. В ноябре 43-го под Фастовом меня легко ранило при бомбежке, в правое плечо. Мне даже смешно было: вот, мол, немцы, промахнулись. В одну и ту же руку мне бьют, дураки.

В конце ноября 1944 года в боях за чешское село Собранце случайно погиб руководитель СМЕРШа нашего 520-го полка, и меня назначили на его место, хотя я был тогда всего лишь старшим лейтенантом. На этой должности я и закончил войну.

С.А.: Где вы встретили Победу?

И.А.: В пригородах Праги, столицы Чехословакии. Потом, уже в мирное время, меня перевели в Белоруссию. Мне хотелось все же быть поближе к паровозам, и по моему рапорту меня направили в распоряжение Управления охраны МГБ железных дорог. В Управлении я и служил потом много лет. Так сложилось, что в 50-х я имел отношение к строительству космодрома Байконур, а позже и к созданию одной из служб так называемой системы «специального транспорта». Но об этом и сейчас незачем особо трепаться, так что ладно.

Женился: на руку жена и не посмотрела. Детей мы вырастили. В отставку вышел подполковником. Из наград военного времени — два ордена Красной Звезды, медали «За отвагу», «За освобождение Праги», «За Победу над Германией». Еще меня наградили чехословацким орденом «За Свободу». Остальное уже послевоенное, в том числе орден «Отечественной войны». Вот такой вот моя жизнь была... Вот такой...

Но знаешь, что я еще скажу, на прощанье? Там, когда мы были в Воронеже в 86-м, меня сыны в школу отвели. Она стоит на бывшей северной окраине города,

где у нас осенью 42-го года был передовой пункт приема раненых. Там у них какие-то летние занятия шли, — для двоечников, что ли? Я камни потрогал, обернулся, — и вот стоят человек десять пацанов и смотрят на меня с такими лицами! Господи, вот тогда я понял: нет, не зря все было. Все наши жизни, молодых, красивых ребят, то, как нас убивали бомбами, снарядами, как мы в атаке поднимались. Все это стоило того. Это не было лишним. Мы дали людям 60 лет мира. Уже больше, чем 60. Большого, настоящего мира, понимаешь? И если я купил хотя бы один час мира для всех этих пацанов своей рукой, своей молодостью, своей убитой мечтой о чертежах и железных рельсах, ведущих через тайгу, — нет, я не продешевил. Ты понимаешь?

МАРИЯ ГИНЗБУРГ

МЕРТВЕЦЫ И КРЫСЫ

Иногда мне кажется: вот в чем вся наша беда — слишком много людей занимают высокие места, а сами трупы трупами.

Курт Воннегут. Колыбель для кошки

1

Имме была не замужем, и ей разрешили вести группу продленного дня у своих же учеников. Сегодня последним остался Эрнест, и забирать его пришел Генрих Талик, его отец. Он радостно подкинул сына на руках. Когда Эрнест мягко приземлился ему на руки, Генрих ловко и почти незаметно вырвал зубами кусок мяса из его шеи. Скользко заблестела кровь на губах. Эрнест даже не вздрогнул. Имме не смогла сдержаться и поморщилась. Генрих быстро и деликатно проглотил откушенное и поставил сына на пол. В руках у Генриха

уже был универсальный заживляющий бактерицидный пластырь «Талика».

В Тотгендаме потребляли больше пластыря, чем молока. Марк Талик, отец Генриха и владелец фабрики, на которой производились пластыри, был самым богатым человеком в городе. И, по случайному стечению обстоятельств, занимал пост бургомистра последние десять лет.

Генрих заклеил сыну рану на шее, помог надеть портфель и добродушно хлопнул Эрнеста по плечу.

— Подожди меня во дворе, — сказал он сыну. — Мне нужно узнать у твоей учительницы, хорошо ли ты себя ведешь.

Наверное, он хотел, чтобы в темных глазах сына что-нибудь отразилось. Страх, например. Или чтобы малыш выдавил из себя улыбку, показывая, что понял шутку. Однако в глазах Эрнеста не отразилось ничего. Он не улыбнулся, не кивнул отцу. Он молча повернулся и вышел из класса.

Возможно, потому, что Эрнесту было нечего бояться — на уроках он был тих и послушен. Сам отвечать не вызывался — Имме не помнила, чтобы за весь учебный год он хотя бы раз поднял руку — но всегда, когда она спрашивала его сама, Эрнест оказывался готов к уроку. Контрольные писал на твердые четверки, а то и на пятерки.

Но иногда Имме казалось, что восьмилетний Эрнест уже мертв. В Тотгендаме установление факта окончательной смерти человека вызывало определенные сложности. Про того, кто выглядел по-настоящему мертвым, говорили, что он *«готов прогуляться в карьер»*. У Эрнеста был такой вид, словно ему стоило совершить прогулку в карьер еще год назад. И это при том, что на лице и руках Эрнеста никогда не было следов долга уважения к родителям, в то время как его сосед по парте Рихард приходил, бывало, с неровным горбиком пластыря вместо носа. Но над Эрнестом почти всегда витал сладкий запах меда и горьковатый аромат еловой

смолы. Так пах заживляющий суперэффективный бальзам «Талика». Если бы Имме не знала, как пахнут целые дети, то вполне уже могла бы считать аромат бальзама собственным запахом мальчика.

Имме была уверена, что Генрих не заметил ее гризмасы, так как был занят своим сыном. Но Генрих оказался очень остроглазым и теперь, видимо, собирался выяснить, неужели учительница не одобряет методов воспитания детей, освященных вековыми традициями Тоттендама?

Или же он собирался сделать кое-что совсем другое.

Лицо Генриха выражало самую предупредительную любезность. Но неписанные правила поведения не рекомендовали молодым свежим женщинам оставаться с мужчинами наедине даже в школьном классе. Имме украдкой подумала о своем шиле, которое лежало в шкафу около двери. Она направилась было к шкафу. Генрих одним движением оказался совсем рядом и между прочим преградил ей к путь к выходу.

— Вы зря беспокоитесь, — пробормотала Имме. — Ваш Эрнест очень старательный и прилежный мальчик.

Генрих приблизил губы почти к самому уху молодой учительницы. Имме ожидала, что ее окатит волна вони полуразложившегося трупа, естественного для взрослых мужчин Тоттендама. Но вместо этого она ощутила аромат фиалок и окопника — «Настоящего мужчины», самого дорогого одеколона в производимой Таликами линейке парфюма для мужчин. Одеколоны с ароматом кедра, сосны и кофе, а также дезодоранты на основе березового дегтя для тех, кто победнее, были второй по доходности статьей фабрики Талика. Однако «Настоящий мужчина» не мог полностью заглушить едкий запах формалина. Чувствовался он, впрочем, только когда Генрих стоял вплотную к собеседнику. Имме знала, что это означает. «Что же, Талики могут себе это позволить», — подумала она. От шила, всегда спасавшего Имме от охотников за свежей плотью, в этот раз могло не оказаться никакого проку. «Почему я не купила бу-

тьель кислоты, — подумала Имме в отчаянии. — А ведь Серени предлагала, и недорого».

Серени, подруга Имме, была хозяйкой самого дорогого косметического салона Тотгендама. Еще сто лет назад женщину, владеющую такой большой химической лабораторией, сожгли бы на костре как нечестивую ведьму. Но тотгендамцы шли в ногу со временем и уже не верили в бабушкины сказки про страшные колдовские зелья, превращающие людей в жутких монстров. Этими зельями теперь пользовались, чтобы чистить и омолаживать кожу. Но зелья по-прежнему годились не только для этих невинных целей.

— А почему вы тогда поморщились? — осведомился Генрих.

Имме отодвинулась от него и оказалась у шкафа, где лежало заветное шило. В конце концов, лучше шило в руках, чем гнилой член в жопе, как говаривала Серени.

— Вы же знаете, — сказала она. — Не стоит усердствовать в воспитании таких маленьких детей.

— Он уже не ребенок, — возразил Генрих. — Годен для школьной скамьи, годен и для воспитания!

На слове «воспитания» он привычно ловким движением схватил Имме за талию. Она отпрянула. Он наклонился, чтобы насладиться прелестями ее свежей груди прямо сквозь строгую блузку. Генрих еще успел прошептать сквозь зубы:

— Да не рыпайся ты, как цел...

Рука Имме скользнула за стопку учебников, стоявших на полке. На мгновение ей показалось, что шила там нет, и она приглушенно вскрикнула. Генриха это только раззадорило. Он решил, что Имме кричит от страха, и это было как раз то, чего он хотел и ожидал услышать. Круглая янтарная ручка шила легла в руку Имме. Она отработанным движением ткнула Генриха в живот. Имме с ужасом ожидала, что острие скользнет по твердой, как дерево, мумифицированной поверхности. Раздался чавкающий звук. Шило прорвало ткань и плоть — к большому облегчению Имме, еще не

обработанную консервирующим раствором. Генрих закричал и отшатнулся. Волна гноя выплеснулась на юбку Имме и на пол. Генрих несколько мгновений смотрел на зеленовато-черную зловонную лужу. Растерянность на его лице сменилась злостью. Имме, прижавшись спиной к шкафу и крепко сжимая в руках шило, ждала, что будет дальше. Генрих перевел взгляд на нее и сказал раздраженно:

— Дура. Отец наш. Шагни, ну и дура же ты!

Рука Имме с шилом нервно дрогнула. Генрих издевательски засмеялся.

— Сегодня, — произнес он сухим, официальным тоном. — Совет почтенных горожан нашего города обсуждал закон, который уже давно пора было принять. Об утилизации женщин старше двадцати пяти лет, не выполнивших своего священного долга. Как известно, после этого возраста вы становитесь настолько гнилыми, что уже и не можете его выполнить. И значит, не приносите никакой пользы городу.

Имме шумно выдохнула.

— Я проголосовал «за», — продолжал Генрих, глядя на нее в упор. — Исключение будет сделано только для тех женщин, кого обследует специальная комиссия в моем лице. Если я приду к заключению, что вы, фройляйн Имме, уже не в силах выполнить ваш священный долг, вам придется прогуляться в карьер. Запасы черножизни иссякают, а экспорт черножизни, как вам наверняка известно, является основой экономики Тоттендама. Мы готовы принять самые жесткие и непопулярные меры для решения этого вопроса.

Он направился к выходу из класса. У дверей он остановился. Пятно гноя на его белоснежной рубашке выглядело отвратительно.

— Сегодня вечером комиссия посетит вас, — сказал Генрих. — Подготовьтесь.

И покинул класс.

Имме опустилась на колени и разрыдалась.

* * *

Тоттендам не всегда был отрезан от суши. В древности этот большой остров, расположенный почти в центре крупного озера, соединялся с материком песчаной косой. Она была очень узкой и причудливо извивалась, словно пуповина. Между материком и островом было не больше пятнадцати лиг чистой воды, но если двигаться по косе, пришлось бы пройти все двадцать. Предки жителей города пришли по косе, спасаясь от бушевавшей в ту пору бесчеловечной войны. Годы изменили многое, и в том числе и перерезали пуповину, связывавшую Тоттендам с внешним миром, — коса скрылась под водой, и теперь немногие старики помнили о том, что раньше на материк можно было добраться и посуху.

Но эта весна выдалась жаркой, и коса показала из воды свою горбатую спину. Казалось, что под водой затаился хищный ящер, и только торчащие наружу шипы на хребте выдают его. Он был готов броситься на прибрежный луг, заполнить его своим чешуйчатым телом, но пока не делал этого. Возможно, его сдерживали развалины башни, которые рыжели на холме, словно спящий боевой мамонт. Некогда веер стрел, раскрытый лучниками из бойниц сторожевой башни, сметал с берега вражеские отряды. Потом, насколько знал Гийом, в башне хранились магические снадобья для поддержания защитной сферы над островом. Жители Тоттендама не жаловали гостей, как людей, так и некоторых животных и насекомых. Позднее в башне находился храм. А затем башню оставили.

Жители Тоттендама все еще помнили имя своего истинного создателя. Но жили по заветам того, кто ненавидел их с момента появления на свет.

Границу городских владений издревле обозначали два почерневших каменных столба. Они стояли в том месте, где некогда коса утыкалась в мягкое брюхо острова. Но сейчас из высокой травы торчал только один клык, да и он был сильно раскрошен дождями и ветром. Гийом оглянулся, ища второй. Столб лежал в траве и

был почти незаметен из-за покрывавшего его буйного мха. Весенние ручейки вывернули его из земли и стащили вниз, почти к самой воде. Гийом вздохнул. Не мох должен был покрывать клыки, и не от времени они почернели. Густо замешанные на черножизни чары пропитали столбы насквозь. Только поэтому магическая защита острова продержалась еще — Гийом чуть склонил голову, прикидывая — да, еще лет десять после того, как жители Тотгендама перестали выполнять обряды, от которых зависела их жизнь. Теперь дорога на остров была открыта не только людям, но и всем тварям, которым по вкусу гнилая и не очень плоть.

У Гийома были очень широкие взгляды на то, что стоит считать жизнью. А вот у высокого мужчины в белой хламиде, неторопливо гулявшего по глади воды в бухточке, совсем другие. И в очищении земли от грязи он не брезговал никакими средствами. Сейчас он поджидал санитаров, на создание которых он пустил не только чары, но даже некоторую часть собственной плоти. Мужчина приблизился к берегу, заметил Гийома и прерзительно скривился.

— И ты здесь, — процедил он.

Гийом усмехнулся и кивнул.

— И не надоели они тебе, — сказал мужчина.

Гийом двинулся ему навстречу. Тот попятился. Гийом вошел в заросли камышей, срезал один из них. Когда он вышел на берег, мужчина уже сидел на поваленном столбе. Гийом сел на дальний его край и принялся делать из камыша дудочку.

— Как всегда, — пробормотал мужчина. — Но ведь они — плоды твоей ошибки. Разве тебе не хотелось бы, чтобы они исчезли и перестали напоминать о том, что однажды ты оступился?

Гийом отрицательно покачал головой.

— Не понимаю я ваших, — сказал мужчина. — Любая женщина стирает пятно грязи на полу, чтобы оно не повредило ее репутации безупречной хозяйки! Ты не заботишься о своей репутации?

Гийом рассмеялся, не разжимая губ, и снова отрицательно покачал головой. Его собеседник вздохнул, отвернулся и стал смотреть на другой берег. Трава на нем сильно колыхалась, словно от ветра. Но на водной поверхности не было ни морщинки. Гийом закончил, убрал нож и встал.

— До встречи, Гейб, — сказал он вежливо и двинулся к развалинам.

Гейб проводил его мрачным взглядом. Затем пошевелил пальцами так, словно собирался играть на рояле, и разминал руки.

Трава на другом берегу пошла волнами.

* * *

Генрих постучал еще раз, хотя уже понял, что дом пуст. Хорошенький, небольшой дом, утопающий в цветах, которые развела еще мать Имме. Хуана была с другого берега. Она принесла рассаду с собой в Тоттендам, когда вышла замуж.

Генрих повернулся, окинул взглядом окрестности, что-то прикидывая. Эта полоумная — но такая свежая, аппетитная Имме — решила поиграть с ним. Что же, он не против. Было только одно место, куда она могла пойти. Генрих усмехнулся. Многие девушки питали нелепую убежденность, что в развалинах на лугу их никто не сможет найти. Но их всегда находили там, и он найдет там Имме. Он повалит ее в траву, вкусит наконец ее свежей плоти, которую она так старательно оберегала.

Генрих направился на луг. Вечерело, от травы тянуло сыростью. Он поежился. Сырость плохо влияла на жителей Тоттендама. Генрих не был исключением. По дороге он размышлял о родителях Имме. Почему они так преступно подошли к воспитанию дочери? Чета Хайссов всегда была тихой и незаметной. Кто бы мог подумать, что в их доме творится такое! Как они могли

не воспитать в ней уважения? «Как же они жили? — невольно задумался Генрих. — Чем питались?»

У четы Таликов было двое детей. При экономном подходе к ежедневному рациону им вполне хватило бы уважения к ним старшего, Франка, который в этом году заканчивал школу. Но, как было известно каждому жителю Тотгендама, у Генриха были большие аппетиты во всем. Обычно Генриху хватало ума сдерживаться или хотя бы не воспитывать Эрнеста при посторонних. Эта лицемерка Имме была права — чрезмерное усердие при получении долга уважения от маленьких детей не одобрялось. Дошкольников вообще было запрещено воспитывать традиционными средствами, поскольку в таком случае они часто не доживали до поступления в первый класс. А рождаемость в Тотгендаме последние пятьдесят лет неуклонно падала. Власти винили в этом женщин, которые вступали в брак все позже и позже, когда уже были сильно подгнившими. Сей прискорбный факт не мог не сказаться не только на качестве исполнения ими супружеских обязанностей, но и на способности к деторождению. Таковы были причины появления закона, который был принят сегодня в ратуше большинством голосов.

* * *

Вот уже лет двадцать торговля с внешним миром велась через паром, стоянка которого находилась с другой стороны острова. Но мать среди прочих полезных тайн поведала Имме о перешейке, что некогда связывал Тотгендам с материком, и о том, где находится брод.

Имме нагнулась, закатала подол. «Детей нужно учить везде, — в сотый раз повторила она себе. Проверила, надежно ли завернуты в вощеную бумагу документы, и ступила в воду. После духоты сегодняшнего не по-весеннему жаркого дня вода показалась Имме приятно прохладной. Жители Тотгендама любили холод. На жаре тела разлагались быстрее, и тут уж ничто из снадо-

бий Таликов не могло помочь. Последние несколько лет выдались необычайно теплыми. Грядущее лето, судя по всему, будет таким же. Пастор Люгнер объяснял, что в потеплении климата виноваты колдуны, живущие на материке. Это их грязная магия иссушает землю и добела раскаляет небо. Они погрязли в грехах, и Тотгендам с его жителями, чистыми душой и верными традициям, был для них как бельмо в глазу.

— Там дети забыли об уважении к родителям! — гремел пастор, обличающе указывая на запад (а иногда и на восток, что не меняло сути дела — благочестивый Тотгендам со всех сторон был окружен врагами). — Если родители пытаются преподать своим детям урок, который они заслужили, то нечестивые власти отбирают у них детей!

Имме знала, что правды в словах пастора редко бывает больше, чем мяса в пирожке с соей. Люгнер сам удивился бы, наверное, узнав, что в этот раз он нечаянно сказал правду. Хуана, мать Имме, ни разу за всю свою жизнь не укусила дочку.

Имме тряхнула головой, отгоняя ненужные воспоминания. Она сделала второй шаг на пути из Тотгендама — уже гораздо более уверенный и широкий, чем первый.

Кто-то грубо схватил ее за плечи и поволок назад, на берег.

Черная ярость отчаяния ослепила Имме. Она с ловкостью ящерицы вывернулась в руках того, кто ее тащил. Имме была уже готова сделать то, чего не делала никогда. Хотя, если бы кто-нибудь узнал об этом, над ней долго смеялись бы. В короткой мгновенной вспышке перед ней мелькнула мать. Время стало очень медленным...

Фрау Хуана любила после обеда посидеть в саду, в своем любимом кресле-качалке. Имме обычно располагалась рядом со своей вышивкой. Вторым обязательным атрибутом этих томных, теплых вечеров была труб-

ка в руках Хуаны. Как-то, выпустив причудливый клуб дыма, Хуана сказала дочери:

— Как только ты укусишь кого-нибудь, ты начнешь гнить.

Имме недоверчиво подняла глаза на мать. Взрослые кусали детей и друг друга, да и дети не отставали от них. Тело Имме все было покрыто мелкой сеточкой полукруглых шрамов. Папа, насколько знала Имме, тоже раньше кусал маму. И теперь Имме поняла, почему он перестал. Видимо, мать открыла ему то же самое. Имме отец не кусал никогда. Хуана родила дочь только после того, как Бамбер вполне внял ее наставлениям.

— Но ведь все делают это, — сказала Имме.

Хуана хрипло рассмеялась. Так скрипит заржавленная цепь на воротах, когда из шахты поднимают лоток с драгоценной черножизнью.

— Правильно, — сказала она. — И к тридцати годам эти твои все уже ходячие трупы, наполненные гноем. Мне шестьдесят, доченька. На моем теле есть хоть одно пятно гнили? А ведь я еще и курю, а это тоже вредно.

Имме оскалила зубы. У каждого, кого укусили хотя бы раз, в момент опасности клыки и резцы увеличивались, становясь более острыми. Имме была девушкой красивой. От знаков внимания со стороны восхищенных мужчин ее не всегда спасало даже шило. Имме ощутила, как ее клыки разбухают. Это было болезненно, но одновременно и приятно. А вот Генриху вряд ли будет приятно, когда эти клыки вонзятся в его...

Но не Генрих сейчас сжимал ее в руках и тащил прочь от воды.

Изумленная Имме отпрянула от незнакомого черноволосого мужчины. Они были уже в развалинах старой башни. Имме мимолетно удивилась. Ей помнилось, что та находится далеко от берега.

— Смотри, — сказал мужчина и указал рукой на брод.

Имме осторожно, не выпуская незнакомца из виду, покосилась туда. В следующий миг она позабыла о том, что находится с незнакомым мужчиной в очень даже уединенном месте. И этот мужчина крепко прижимает ее к себе.

* * *

Генрих бодро шагал по старой дороге, вымощенной светлым камнем. Из-за этого она словно бы светилась в сумерках на фоне темной травы. Генрих думал о законе, принятом сегодня, и все больше убеждался, что совет горожан поступил правильно.

Большая часть мужчин в Тоттендаме давно были уверены, что женщины сразу по достижении двадцати пяти лет должны отправляться в карьер. С воспитанием детей мужчины Тоттендама справились бы и сами. Самые лучшие дети — те, кого воспитывали отцы, это всем известно. «Да и делиться ни с кем не пришлось бы», — думал Генрих, невольно морщась. Его супруга ела слишком много, не смущаясь тем, что неумеренный аппетит считался самой безобразной чертой для жительниц Тоттендама. Благодаря проповедям пастора Люгнера, клеймившего грех чревоугодия как самый отвратительный, многие женщины строго ограничивали себя в пище. Почти каждая горожанка Тоттендама сидела на диете. Счетчики калорий и пластырь, отбивающий чувство голода, также были одной из самых доходных статей в семейном бизнесе Таликов.

Но Марта считала, что она не такая, как все, и что ей можно. Эрнеста она по-бабьи жалела, но никогда не забывала воспользоваться случаем получить долг уважения от старшего сына, Франка. Несмотря на очевидную популярность женщин сухопарых, с изящными формами, она любила щеголять фразами «мужчина не собака, на кости не бросается». И несмотря на то, что Марта всегда жрала в три горла, на зависть подругам она довольно долго оставалась свежей, без единого пятнышка гнили. Но после вторых родов Марта совсем за-

пустила себя. Генрих неоднократно намекал супруге, что чем дальше зашел процесс гниения, тем дороже обойдется мумификация, которая продлевала срок жизни в разы. Но Марта не хотела его слушать. Она исполняла свой супружеский долг, без особого усердия, впрочем, и Генриха при этом чуть не тошнило от вкуса ее огромного гнилого брюха.

Генриху снова вспомнилось мягкое, живое тело Имме. От запаха свежего пота — она еще потела, великий Шабгни! — у Генриха всегда текли слюнки. Генрих уже добрался до луга, до развалин оставалось рукой подать. Солнце зашло. Мягкая, как шерстяной плед, темнота спустилась с неба, запуталась в высокой траве и надежно укрыла стога свежего сена в его дальней части.

Вот почему Генрих не смог увидеть их. Но топот множества маленьких ног услышал. Заинтересованный Генрих остановился. Кто-то приближался от реки. Дети любили играть на лугу — хотя бы потому, что им это запрещали. Но было уже очень поздно. Маленьким шалунам пришлось бы дорого поплатиться за свое непослушание по возвращении домой. Или — Генрих облизнулся — еще по дороге домой.

Они появились из травы. Сначала Генриху показалось, что на него, пожирая светлое тело дороги, надвигается серый лохматый ковер. Потом он услышал разноголосый писк. Крупная крыса, шедшая в авангарде, остановилась и приподнялась на задние лапки. Ее длинный нос зашевелился. Крыса издала радостный, торжествующий вопль.

И прыгнула Генриху прямо на живот.

* * *

Когда душераздирающий вой Генриха стих за холмами, Имме обнаружила, что хохочет, как девчонка. Незнакомец, тоже улыбаясь, смотрел на нее.

— Я хотел спасти тебя от крыс, — сказал он.

Ноздри его зашевелились.

— Хотя, похоже, я старался зря, — заключил он.

Имме начала понимать.

— Они нападают только на... — произнесла она и запнулась.

Он кивнул:

— Крысы Гейба очищают мир от всего, что уже мертво и разлагается. Живых они не трогают. Такие отвратные создания, а несут в мир чистоту. Забавно, правда?

Но Имме уже не слышала его. Она смотрела.

Луна взошла. Обнаженное тело незнакомца казалось серебряным в ее бледном свете.

— Я собирался искупаться, — ничуть не смутившись, сообщил незнакомец.

— Но крысы... — начала Имме.

Тут она окончательно осознала, что на теле мужчины нет ни одного темного пятна гнили. Он не представлял никакого интереса для крыс. Имме, как зачарованная, начала обходить мужчину по кругу, не отводя с него взгляда. Больше всего ее поразило, что на мужчине нет и ни единого так хорошо знакомого ей полукруглого рубца — следа от зубов. Мужчины Тотгендама берегли своих женщин и сильно не усердствовали. Но считалось, что шрамы украшают мужчину, и иногда они загрызали друг друга до смерти. Так случилось и с отцом Имме. Начальник ел его поедом, смаковал, отгрызая по кусочку. Пока, собственно, есть стало нечего.

— Меня зовут Гийом, — представился мужчина.

Она снова хотела взглянуть на его живот. Он отвернулся, заслоняясь.

— Имме, — сказала она.

— Очень приятно, — произнес Гийом. — Теперь я могу одеться?

Они впервые посмотрели друг другу в глаза.

— Или не надо? — мягко уточнил он.

* * *

Имме отдала Гийому половину копченого мяса, которое прихватила с собой в дорогу. Но когда он достал из своего походного мешка круглые зеленые предметы и квадратный желтый брусок, даже не поняла, что он тоже решил поделиться с ней едой.

— Это яблоки, — сказал Гийом. — А это — сыр. Яблоки сладкие, сыр — соленый. И еще где-то у меня был хлеб...

Гийом снова полез в мешок. Имме поперхнулась яблоком.

В церкви Тотгендама центральной была фреска, на которой полный мужчина запихивал в рот одного младенца, держа в свободной руке второго. Смиренная супруга уже подавала ему следующего ребенка, только что вынутого из собственного лона. У него даже не была перерезана пуповина. В детстве этот окровавленный жгут казался Имме хвостом ребенка. Младенец же напоминал ей огромную крысу.

— Вот истинно праведная женщина! — изрекал Люгнер, указывая на эту фреску. — Ибо каждая жена должна в первую очередь заботиться о том, чтобы ее муж был сыт! Так и только так может жена искупить свой страшный грех, из-за которого боги наказали нас всех! Ибо поленилась первая жена исполнить свой супружеский долг. Вместо хорошего, сочного и нежного куска мяса поднесла своему мужу хлеба!

Последнее слово Люгнер всегда выплевывал так, словно оно обжигало ему рот. А Имме украдкой думала — поскольку уже тогда умела размышлять украдкой, — что хорошо было бы хоть раз увидеть, как выглядит этот самый хлеб. И попробовать. Все равно терять нечего — проклятие Шабгни уже пало на головы всех жителей Тотгендама.

Хлеб оказался рыже-коричневым полукругом с серой мякотью. Гийом истолковал любопытный взгляд Имме неправильно.

— Сам по себе хлеб не ядовит, — сказал он.

Имме молча посмотрела на полустертую фреску за его спиной. Гийом знал, что там нарисовано. Роспись старого храма сильно отличалась от фресок той церкви, где пастор Люгнер читал свои воскресные проповеди. Изображения смиренной праведной жены здесь не было. На стене за Гийомом был нарисован огромный, крепко сложенный мужчина в черном. Он протягивал маленьким мужчине и женщине красный ломоть.

— Шла война, — терпеливо сказал Гийом. — Одному из демонов поручили наложить на зерно — это такие маленькие штучки, из которых делают хлеб, — весьма сложные чары. Каждый, кто пробовал хлеб, испеченный из этого зерна, просыпался мертвым. И очень голодным, и это был особый голод... Да ну это ты знаешь. Но на последней партии зерна демон схалтурил. Ему не хватило одного ингредиента для заклятия... и он подумал, что и так сойдет.

Гийом вздохнул:

— Не сошло. Вы проснулись голодными. Но не мертвыми.

Глаза Имме округлились. Гийом не удивился ее невежеству. Он знал, что люди Тоттендама давно похоронили правду о себе в руинах брошенного храма вместе с яблоками, которые привлекали червей, и сыром, который привлекал мух. И черви, и мухи оказались неразборчивы в выборе пищи, а некоторым из них разлагающиеся тела людей пришлось по вкусу даже больше яблок и сыра. Людям Тоттендама пришлось изгнать мух и червей вместе с сыром и яблоками и накрыть город магической сферой, замешанной на крови и черножизни. Имме перевела взгляд с фрески на Гийома и обратно. Что-то сверкнуло в ее глазах.

— Не хочешь, не ешь, — сказал он и положил хлеб рядом с яблоками.

Имме протянула руку и отломил кусок хлеба. Затем отправила его в рот.

— Вкусно, — заметила она, прожевав.

Гийом взял кусочек мяса.

— Вчера ты хотела покинуть Тотгендам, — сказал он. — Ты не передумала?

— Нет, — сказала Имме.

— Почему ты не ушла раньше?

Имме пожала плечами:

— Гнилой или нет, но это мой город. Я решила уйти, потому что не могу больше здесь оставаться, я погибну. Если бы не это... Если бы хоть что-то изменилось, если бы я могла что-то изменить... я бы никогда не покинула его.

Гийом вспомнил того несчастного идиота, который первый попался на зуб крысам Гейба, и наконец сообщил, почему сам чуть не лишился половины уха при знакомстве.

— Да, но сегодня все изменится, — сказал он. — И как изменится Тотгендам, будет зависеть от вас. От всех, кто остался и не бросил родной город, хотя он и не лучший на земле.

Гийом посмотрел вверх края обрушенной стены на солнце, начинавшее свой ежедневный путь по небу.

— Город очистится от гнили, — сказал он. — Разве не об этом ты всегда мечтала?

Солнце отразилось в глазах Гийома и сделало их алыми.

— Обычно проклятие — это навсегда, — сказал он. — Но у каждого человека в этом проклятом городе есть выбор. Тотгендам и впрямь уникальный город. В этом ваши жрецы не врут.

2

Идти домой было слишком поздно, на работу — слишком рано. Имме выбрала школу. У нее в классе имелся уютный диванчик. Обычно она читала на нем сказки своим малышам после уроков, но и прикорнуть на нем тоже было можно. Если бы она заснула на диванчике, то вероятность опоздать на собственные уроки была гораздо ниже, чем если бы она решила вздремнуть дома.

Школа была пуста и тиха, но, как оказалось, не совсем. Несмотря на то что до начала занятий оставался еще час, молодую учительницу уже ждали. В коридоре навстречу Имме со скамейки поднялась грузная фигура. Имме озадаченно уставилась на фрау Марту, жену Генриха. Лицо фрау Марты исказила чудовищная гримаса — смесь ненависти, ярости и облегчения. И Марта бросилась с места в карьер:

— И на работу она первая приходит! Ишь, скромница и аккуратница! А на деле все вы, тихони, еще гнилее, чем мы! Только прикидываетесь чистенькими, правильными, глупенькими!

Ошарашенная Имме молчала, ничего не понимая.

— Заведи себе своего мужика! — распаясь, продолжала Марта. — И гной ему отсасывай, и супружеский долг отдавай, и детей рожай! И тогда будешь право иметь в три горла жрать! А то, посмотрите-ка на нее, нет, ну правда! До костей бедного мужика обгрызла! Чужого причем!

И тут Имме поняла, что Генрих, вернувшись домой поздно и весь обгрызенный, свалил все на нее. Он не сказал жене о нападении крыс — да и разве бы фрау Марта поверила ему? — а обвинил свою якобы любовницу в непристойном аппетите.

Имме на миг увидела происходящее глазами фрау Марты. Ситуация, так, как ее видела фрау Марта, была не только неприятной, но и опасной.

Развод в Тоттендаме был известен только в качестве отвратительных обычаев людей с материка. Однако не дальше, как месяц назад, казначей Тоттендама отправил в карьер свою жену, с которой прожил двадцать лет, и женился на шестнадцатилетней дочке владельца косметического салона, свежей и упругой, как мячик. Разумеется, о смерти его первой жены имелось санитарное заключение. Но рабочие из карьера поговаривали, что перед тем, как успокоиться окончательно от удара лопатой по голове, отчаявшаяся, обезумевшая от горя покойница успела в двух местах перегрызть руку

парнишке, что крутил ворот лотка, на котором ее должны были опустить в карьер. Фрау Марту трясло не от ярости, а от ужаса. Или от того и другого сразу. «Закон об утилизации женщин, — вдруг вспомнила Имме. — Она не может не знать об этом». Марта знала, что если Имме не выйдет замуж в ближайших днях, то отправится в карьер. Она думала, что Имме готова на все, чтобы избежать этой прогулки. И в данном случае этим «всем» был Генрих Талик, насквозь прогнивший муж Марты. На самом деле Генрих не вызывал у Имме ничего, кроме отвращения. «Пожалуй, даже если сказать Марте правду — что это Генрих преследовал меня, она мне не поверит», — подумала Имме. Фрау Марта была практичной женщиной и никогда бы не поверила в то, что молодая учительница с весьма скромными доходами отказалась бы от возможности стать любовницей, а то и женой одного из самых богатых людей города. Подобное не вписывалось в ее картину мира. Имме же как раз по этой причине и не выходила замуж. До тех пор, пока кровавым кошмаром был только внешний мир, с этим еще как-то можно было смириться. Но по собственной воле превращать свой уютный и тихий дом в поле жестокой битвы, в которой Имме была обречена на поражение и знала это, она не собиралась.

«Если я скажу ей, что вовсе не я обгрызла Генриха. Что это он прижимал меня к вот этому шкафу и погнался за мной даже на луг — Марта разъярится еще сильнее на меня за то, что я ей вру», — сообразила Имме. Ей доводилось слышать от досужих кумушек, упустивших свой шанс продать себя подороже и люто завидовавших молодым, свежим женщинам, что и одевается она нескромно, и ходит развратно, и улыбается призывно. Сказать то, что жгло им язык, они не могли, а вот перешептываться за спиной, уничтожая современную молодежь хотя бы словами, у них получалось хорошо. Имме поморщилась и подумала: «А теперь этим полусгнившим старухам представился шанс уничтожить нас на самом деле. Они очень многое выиграют, когда нас,

свободных молодых женщин, не станет. Когда нас всех отправят в карьер».

Фрау Марта продолжала изливать свою душевную боль:

— Я одного не понимаю, чем ты вонь отбиваешь. Ведь тебе уже двадцать пять!

Лицо ее почернело от прилившей к нему крови. Воздух со свистом вырывался из горла. Аромат фиалок и березовых почек — самой изысканной туалетной воды, производимой Таликами, — сдался под напором естественного запаха Марты — сладкой вони разлагающегося, несмотря на все ухищрения косметологов, тела. Марта подняла свою толстую рыхлую руку, чтобы ударить Имме. Но взглянула ей в лицо и передумала. Марта на ходу изменила жест и поправила прическу.

— Тебе пора уже первый укол формалина делать... а нет, туда же! — неистово прокричала Марта. — Все изображают из себя свеженьких девочек! Все скачут, прыгают, сиськами трясут! Из тебя скоро песок посыплется, и ты это знаешь! Ловишь свой последний шанс, шлюха? Так вот, знай: моего мужа ты не...

В тот миг, когда она заговорила о формалине, Имме заметила серую деловитую мордочку в большей щели между полом и плитусом. Фрау Марта говорила что-то еще, а крыса неторопливо протискивалась наружу. Имме следила за ней как зачарованная. Крыса выбралась наружу, подошла к фрау Талик и деловито понюхала ее туфли. Имме была готова поклясться, что крыса довольно улыбнулась. Во всяком случае, Имме отчетливо видела, как крыса радостно потеряла лапки. А затем крыса открыла пасть и негромко пискнула. Фрау Марта посмотрела вниз, рассерженная тем, что ее отвлекают.

— Что это? — совсем другим голосом спросила она.

— Это крыса, — пробормотала Имме.

Точнее, это были три крысы. Товарищи смелого разведчика уже расширили щель и присоединились к нему.

Фрау Марта с отвращением произнесла:

— Грязь в голове — грязь в доме!

Крысы разошлись широким полукругом. Две атаковали ноги фрау Марты, а третья, самая крупная, разбежалась и ловко запрыгнула ей на живот. Фрау Марта глянула на Имме и осеклась. Учительница была совершенно не удивлена таким поворотом событий.

И тогда фрау Марта закричала от настоящей боли.

* * *

Гейб появился из-за полуразрушенной колонны неслышно, словно дух.

— Ты играешь нечестно, — со сдержанной яростью заметил он. — Впрочем, вы всегда...

Гийом отложил камышовую дудку, на которой на-свистывал какую-то простую мелодию.

— Нет, — меланхолично сказал он. — Она сделала выбор сама. Я не принуждал ее и не обманывал.

— Выбор! — презрительно произнес Гейб. — Нет никакого выбора. Они все обречены еще до рождения. Никто не в силах этого изменить. И ты знаешь об этом!

— Да, Гейб, — неожиданно согласился Гийом. — Так думают светлые. Человек ничего не решает, от него ничего не зависит. Что может вообще зависеть от воли одного-единственного человека? От того, какой выбор он сделает?

Гийом поднялся, сунул дудку в карман

— Извини, что больше не могу с тобой беседовать. Мне пора.

Гейб проводил его взглядом, полным раздражения и ненависти.

* * *

Имме оторвалась от тетрадей, которые проверяла, сидя в своем классе на диванчике. Вроде бы в дверь класса постучали. Или показалось? За дверью, словно горная река в узком ущелье, ревела и выла на все голоса большая перемена. Стук повторился.

— Войдите, — сказала Имме.

За дверью оказался Франк Талик. Глаза у него были такие же темные и пустые, как и у его брата. Вот уж кого Имме ожидала увидеть в последнюю очередь. Имме ничего не вела в старших классах, но часто встречалась с Франком. Франк забирал Эрнеста с продленки, и делал это чаще, чем фрау Марта или Генрих. Франк был таким же молчаливым, как и его младший брат, и ничего, кроме обязательных формул вежливости, Имме от него никогда не слышала. Но по разговорам в учительской знала, что этот молчаливый парнишка учится чуть лучше, чем дерется, а дерется он жестче всех остальных выпускников. Имме посмотрела на Франка с любопытством, но и с опаской тоже. Это был третий визит членов семьи Таликов за последние три дня, и ничего хорошего первые две встречи не принесли. Зачем старший наследник Таликов пришел к ней? «Может, его мать подслала?» — чувствуя, как холодеет в груди от сдерживаемого гнева, подумала Имме.

Имме молча смотрела на Франка, ожидая, что он скажет. Но тот не произнес ни слова. Рубашка на груди Франка зашевелилась. Он засунул руку за пазуху и достал оттуда крысу. В отличие от многих своих сородичей скромного серого цвета, эта была белой.

Перемены, которые обещал Гийом, начались в Тоттендаме уже на второй день после прихода крыс. Многие ребята из старших классов сумели поймать этих зверьков, принесли их с собой и использовали их в качестве аргумента при ответах на вопросы учителя. Особенно досталось фрау Адальберте. Это была учительница старой закалки. Директриса очень уважала и ценила ее. Имме же методы обучения фрау Адальберты внушали ужас. Как-то на учительских посиделках Имме робко заметила, что родители очень уж усердствуют в воспитании Франка — каждый раз, приходя за братом, он излучал оглушительный запах кедровых шишек и меда.

— Э, милая! — покровительственным тоном ответила фрау Адальберта. — Пару лет поработаете, бросите

все эти глупости. Пожалеешь зубы — испортишь ребенка!

Но Имме никогда не кусала своих учеников. Когда фрау Адальберта распекала ее за недостойную мягкость, Имме кротко отвечала, что ей жаль ребятишек. Что они еще слишком маленькие, чтобы отдавать свой долг уважения учителю в полной мере.

— Дождешься, что они тебе на шею сядут и уши отгрызут! — обычно презрительно отвечала на это фрау Адальберта.

Сегодня фрау Адальберта лишилась не только ушей, но носа и левого века. Ученики натравили на нее сразу трех крыс. Пока школьная медсестра обмазывала ее раны березовым дегтем и касторовым маслом, фрау Адальберта стенала о диких и опасных тварях, которых давно надо было выдрессировать как следует (имелись в виду ученики). А второклассники Имме за два последних дня ни разу не притащили в школу крысу. Ни одну.

И вот ее принес Франк. Он приблизился к молодой учительнице. Крыса сидела в лодочке из его ладоней и с интересом поглядывала на Имме.

— Ты хочешь натравить ее на меня? — спокойно спросила Имме. — Но я ведь ничего плохого тебе не сделала, Франк. Да и у тебя не получится.

— Я знаю, — ответил Франк. — Откройте сумочку, пожалуйста.

Имме выполнила его просьбу.

Он ловко опустил зверька между тетрадами, которые Имме взяла домой на проверку, и классным журналом, который она собиралась заполнить. Крыса зашуршала, устраиваясь. Из сумочки показался ее розовый нос и любопытный красный глаз.

— Это надежнее, чем шило, — сказал Франк и ушел.

Имме проводила его задумчивым взглядом. Людей Тоттендама, которые могли взять в руки крысу, можно было пересчитать по пальцам. И меньше всего Имме ожидала, что Франк окажется одним из них.

* * *

Фрау Герда сидела прямо перед Имме, и она видела россыпь темно-красных пятен у нее на шее. Они не могли быть ничем иным, кроме как отметинами от маленьких острых зубов. Фрау Герда пыталась спрятать следы укусов под пышной прической, но волосы растрепались — Герда то и дело энергично трясла головой. Кораблик, укрепленный в волнах ее волос, кидало из стороны в сторону — он попал в серьезный шторм.

— Все ведь им отдавали! — яростным шепотом говорила Герда на ухо своей соседке, худой и светловолосой Ирене. — Сама знаешь, сколько детское питание стоит! Только на них и горбатились. Отец без продыха в карьере, а я...

Ирена печально кивала. Сколько стоит детское питание, знала даже Имме, вынужденная подслушивать разговор двух сидящих впереди почтенных фрау. С материка поставлялись не только стеклянные баночки с кашами и овощными пюре, но и взрослое питание. Это были красивые небольшие коробочки из фольги, в которых можно было найти тушеное мясо с картофельным пюре и вялыми овощами, каши в пакетиках, которые нужно было разводить кипятком, лапша с кусочками мяса, которая приготавливалась так же. Но, в отличие от детского питания, еду для взрослых провозили на остров контрабандой, что существенно сказывалось на цене. Большинству взрослых жителей Тотгендама такая еда была уже не нужна. Считалось, что каждый достойный гражданин сам переходит на «взрослую» пищу. Отказ от всех этих каш, пюре и тушеного мяса считался моментом превращения подростка во взрослого человека. Юные горожане торопились повзрослеть. Тотгендамцы выбирали естественную пищу, без консервантов и прочих отвратительных добавок. Те, кто засиживался на кашах и супчиках, могли быть даже казнены за свои греховные пристрастия. Все помнили, к чему уже однажды привела любовь к хлебу. Почти вся зарплата Имме уходила на еду. Каждый раз перед

встречей с торговцем Имме испытывала противный скользкий ужас — а вдруг он не придет? Так уже однажды случилось. Купцы сказали, что Андреас скончался. Ничего удивительного в этом не было, торговец был ровесником Хуаны. Имме помнила черное отчаяние, охватившее ее при этом известии. Так она не оплакивала даже смерть матери. Имме месяц пришлось сидеть на крапивном супе. И как найти другого поставщика? С Андреасом Имме познакомил Хуана. Он торговал тканями. Аккуратно запаянные коробки с едой он прятал среди парчи и шерсти. Как открыться совершенно чужому человеку со своей нуждой? Неопишумой, позорной и постыдной? Когда пришел следующий паром, Имме бродила на берегу, на котором расположились купцы, изнемогая от голода, страха и стыда. Молодой купец, новенький в Тотгендаме, пытался заговорить с ней. Она отвечала односложно и нехотя.

— Андреас с тобой работал? — тихо спросил купец. Глаза Имме вспыхнули.

— Вы... — жалко пробормотала она.

Мужчина усмехнулся.

— Пойдем, — сказал он. — Я тебе и прошлый заказ и привез, и кое-чего нового поднабрал. Как же ты не померла тут с голоду, бедная, — добавил он сочувственно.

Воспоминание смягчило Имме.

Однако ничто не могло смягчить людей, сидевших на широких скамьях в главном зале ратуши. Следы маленьких, но очень острых зубов пятнали их лица и руки. А уж сколько укусов наверняка было стыдливо прикрыто одеждой или прическами! Дети совсем отбились от рук. Школьные учителя попали под удар первыми, но затем эти маленькие исчадия ада отказались отдавать долг уважения даже собственным родителям. Вместо мягких и свежих ручек, поп и животиков — у каждого родителя были свои излюбленные места — дети совали им под нос мерзких, противных крыс.

Жители Тоттендама были голодны, взвинчены и озлоблены.

— Вы-то, фрау Герда, и с младшенького долг уважения получали, и старшего почти до костей обгрызли, — неожиданно ясным голосом произнесла Ирена. — Я сама видела, как он весь в пластырях ходил, бедняжка. Но у нас-то все было по-другому. Отец, бывало, поучит — так ведь надо же, а то испортишь ребенка! — я до своей Лиззи ни разу не прикоснулась даже. Жалела ее, вот замуж-то выйдет... И что теперь? Получите, мама, крысу?

Фрау Ирена всхлипнула и тут же пронзительно закричала. Фрау Герда не справилась с искушением в виде аппетитного уха собеседницы, маячившего перед ней, и смачно вгрызлась в него. Фрау Ирена оттолкнула ее. Игнац, муж фрау Герды, сидевший рядом с ней, закатил Герде оплеуху. Голова фрау Герды дернулась. Но она даже не заметила, что муж ударил ее. Фрау Герда жадно урчала, пережевывая.

— Да ты совсем распустилась, — с возмущением сказал Игнац. — Извините ее, — обратился он к Ирене. — Я дома ее еще поучу. Просто мы все на грани.

Ирена спокойно обматывала ухо пластырем.

— Ничего, — сказала она. — Я думаю, фрау Герда, когда опомнится, сама предложит мне искупить свой отвратительный поступок.

Словно почувствовав взгляд Имме, Ирена обернулась. Взгляд ее скользнул по рукам молодой учительницы, крепко сжимавшим сумочку на коленях. Имме про себя порадовалась тому, что перед тем, как идти в ратушу на собрание, предусмотрительно нарисовала на запястьях россыпи маленьких красных пятнышек.

— О, и у вас то же самое. Ну да, вы же учительница... — устало-сочувственно сказала Ирена и отвернулась.

Имме перевела дух и посмотрела на трибуну. Скоро на ней должны были появиться отцы города. Они должны были успокоить горожан, объяснить им все и предложить решение проблемы.

Невнятный гул голосов заполнял собой зал, словно здесь устроили свой улей большие и смертельно опасные пчелы. Противно-сладкая вонь разлагающихся тел уверенно пробивалась из-под маски еловых, цветочных и медовых ароматов духов и дезодорантов. За высоким окном беспечно царил солнечный весенний день, яркий и неистовый.

Имме осторожно сунула руку в сумочку. Пальцы коснулись теплого меха. Имме погладила Клару. Та ткнулась ей носом в пальцы. Нос был холодный и влажный. Крыса сидела в сумочке на удивление тихо. Хотя в окружении такого количества еды Кларе тоже наверняка было сложно сдерживать свои инстинкты.

Вернувшись домой после уроков, Имме выкупала крысу с мылом. Имме смутно помнила по рассказам матери, что с животными, которых ты приносишь в дом (еще одна пленительная сказка детства: маленькое живое существо, которое ты можешь держать в своем доме), нужно поступать именно так. Затем укутала дрожащую Клару полотенцем. Насыпала песку в картонную коробку, надпись на крышке которой сообщала: «Пряное рагу Освальда». Клара тем временем выбралась из полотенца, чихнула и с любопытством огляделась. Глаза ее были что вишни, которые буйно цвели в саду за домом, одичалые и выродившиеся. На камине Клара углядела отлакированную причудливую ветку. Эта ветка была частью семейного предания. Во время медового месяца Хуана с мужем пошли прогуляться по берегу и нашли ее, полузанесенную песком. Теперь Имме подозревала, что коряга просто воткнулась матери в спину в самый неподходящий момент. Хуана была женщиной веселой. Она забрала ветку с собой, а Бамбер вычистил, высушил и покрыл ее лаком. Бамбер предлагал назвать дочь Цвейг¹, но Хуана тогда заметила, что называть ребенка в честь найденной на песке коряги — это уже слишком.

¹ Ветвь в смысле «отпрыск» (нем.).

Имме вернулась с кухни с маленьким кусочком колбаски и блюдцем воды. Клара уже сидела на развилке мертвых ветвей с таким видом, словно крысы рождены для того, чтобы жить в сухих отлакированных корягах. Имме рассмеялась и поставила угощение для гостыи на каминную полку. Клара спустилась, попила воды, с сомнением понюхала колбасу. Имме всплеснула руками — ее осенила новая идея. Имме открыла комод, достала из него лоскутки ткани и принялась шить гамачок для крысы. Работы была простой и приятной. Она отвлекала от мыслей о черном от гнева лице фрау Марты, о бездонных глазах Франка, о законе об утилизации женщин... Клара сидела на плече Имме и внимательно наблюдала за работой. Судя по запаху чеснока, исходившего от мордочки крысы, она все же снизошла до колбаски.

Когда на улице прокричали: «Общее собрание! Все в ратушу! Общее собрание!», Имме сшила уже три гамачка.

Она сняла крысу с плеча и хотела опробовать клетчатый гамачок, который только что собственноручно развесила на ветвях фамильной коряги. Клара с удивительной ловкостью вывернулась из кулака Имме и спряталась в сумочку.

— Клара, вот непослушная девчонка! — смеясь, воскликнула Имме. — Тебе нельзя со мной. Ну что ты там будешь делать?

Клара высунулась из сумочки, повела усами и очень осмысленно посмотрела на хозяйку.

— Да ну что ты, — неуверенно произнесла Имме. — До этого дело не дойдет.

Клара отчетливо пожала плечами. Имме невольно отметила мускулы, которые перекатились под покрытой белым мехом шкуркой. Сочтя дискуссию оконченной, крыса спряталась в сумку.

Теперь Имме была даже рада, что взяла крысу с собой. Прикосновение к холодному носу Клары успокоило ее.

Была ли Клара в некотором смысле лучше шила, Имме еще только предстояло узнать. Но что она твердо знала — с крысой она перестала чувствовать себя бесконечно одинокой. И это было уже хорошо.

По залу пронесся ропот — на трибуне появился докладчик, Марк Талик. Рядом с ним сидел кто-то неузнаваемый, с ног до головы покрытый несвежими бинтами. Марк Талик поднял руку. Шум стих.

— Жители Тотгендама! — звучным голосом начал Талик. — Страшная беда обрушилась на наш город. Кто виноват и что делать — вот вопросы, которые каждый из нас задает себе в это непростое время. Мы, те, кому вы доверили управлять нашим городом, не обещаем вам простых решений и легких ответов. Но некоторые из них мы уже нашли. О причинах санитарных проблем, захлестнувших наш родной Тотгендам, вам расскажет мой сын, Генрих Талик.

Неприятный холодок пробежал по спине Имме. Забинтованный мужчина поднялся.

— Я знаю, что случилось, — проговорил Генрих.

Голос его сквозь бинты звучал глухо, но внятно.

— Крысы пришли с проклятого луга... Я был там, когда... И я видел ведьму!

Гул прокатился по залу.

— Она плясала там, в развалинах проклятого капища! — страстно продолжал Генрих, и голос его перекрыл шум. — И выкрикивала свои мерзкие заклинания! И они пришли!

Имме поднялась со своего места, радуясь, что села на краю скамьи. Боковой коридор, ограниченный колоннами, вел к выходу из ратуши. Имме направилась к колоннам, крепко сжимая в руках сумочку.

— Кто она? — крикнул пастор Люгнер, и его низкий голос вибрировал от гнева.

Его поддержали и остальные:

— Кто — ведьма? Назови ее имя! Имя!

— Вот она! — крикнул Генрих.

Имме показалось, что палец Генриха ткнулся ей прямо в спину. Ратуша взорвалась ревом. Имме поняла, что ей не добраться до конца коридора. Она прижалась спиной к колонне. Повернулась лицом к обезумевшим людям, что бежали на нее, роняя скамьи. Подняла сумочку, чтобы защитить шею.

Из сумочки показалась огромная пасть — крыса была прямо перед глазами Имме, и из-за этого казалась не маленьким зверьком, а каким-то древним чудовищем, что ели слонов на завтрак. Вот промелькнули огромные длинные, острые зубы. Затем появились налитые кровью глаза Клары. Взбугрились мышцы на плечах крысы.

Перед Имме закружились трясущийся от нетерпения пастор Люгнер, хищно скалившаяся фрау Герда, белая от ярости Ирена, суровый Клаас, староста работников карьера...

И над всем этим, в ослепительном весеннем свете, царило забинтованное лицо Генриха. Глаза его пылали.

Он наслаждался.

Издали Тотгендам выглядел точь-в-точь как тот город на обложке книги, которую в детстве читала Гийому мать. В том, сказочном городе, правда, жили не люди, а демоны разных кланов, гигантские лягушки-оборотни, личи и несколько тварей, не имевших лица. И демоны всегда побеждали своих противников, превосходя их в коварстве, жестокости, мудрости и ловкости. Гийом усмехнулся, вспомнив об этом. Жизнь была совсем не похожа на детские сказки. Она была непредсказуемее, но и намного интереснее.

Вблизи Тотгендам оказался уютным и чистеньким. Судя по характерному запаху, улицы здесь мыли с мылом. И они были пустынно. Город выглядел покинутым. Гийом толкал перед собой на мятый жестяной бидон на колесиках. Их дребезжание по почти стерильной брусчатке дробным эхом разносилось по узким

улочкам. Гийом с любопытством рассматривал рекламные вывески на стенах;

«Наши кремы — вечная молодость вашей кожи»;

«Красота — это ухоженность» — над дверью косметического салона, ниже обещалось *«избавление от первых признаков увядания и чистота кожи, возвращение упругости и гладкости, гарантия низких цен, возможен кредит. Не экономь на красоте!»;*

«Свежесть дыхания двадцать четыре часа. Жевательная резинка от Бейры»;

«Пахни, как Настоящий Мужчина»;

«Похудеть за неделю — только у нас вытяжка из горных целебных корней кис-кис».

Со всех вывесок улыбались красотки, находившиеся на последней стадии истощения. Они до такой степени не экономили на красоте, что на еду у них денег уже не оставалось. Впрочем, призывы умерить свой аппетит также обрушивались на Гийома со всех сторон. Он заметил по текстам, что их адресатом были только женщины. Зная особенности диеты взрослого населения Тоттендама, Гийом понимал, что почти все здесь живут впроголодь. Бойцов в городе хватило бы на полноценную бригаду, а для того, чтобы даже взвод живых мертвецов хотя бы перестал яростно рычать и отгрызать друг другу уши и пальцы, требовался город размером с половину Тоттендама. Сытыми и благостными Гийом видел слуг Короля Льда за всю войну только один раз — после штурма самого крупного города людей. Но, как точно знал Гийом, аппетиты мертвых женщин ничуть не уступали мужским. Раньше бы он удивился тому, что призывы потуже затянуть пояса обращены только к женщинам. Однако он успел хорошо изучить людей за последние пятьсот лет.

Гийом почувствовал, что он на улице не один. В тени рекламной растяжки стоял старик, прислонившись к воротам во двор, и курил. Гийом поглядел на него с большим интересом. Этот человек был, несомненно, очень стар. Кожа его стала серой, как пергамент, и скла-

док кожи на шее не постеснялся бы и крокодил. Но он был живым — *полностью* живым.

Старик тихо и вкрадчиво спросил:

— Желаете девочку, господин? Нежненькая, сладенькая...

В этот момент под аркой Гийом заметил невысокую фигурку в темном плаще. По знаку сутенера девушка распахнула плащ. Ее худое полудетское тело не изменилось с тех пор, когда Гийом видел ее в последний раз. Но узнал он ее по волосам — роскошной гриве рыжих кудрявых волос, что спадали до лопаток.

— Нет, — сказал Гийом. — Господин желает знать, где все.

— В ратуше, — ответил старик.

Он сделал замысловатый зигзаг рукой, долженствующий, видимо, указать направление к ратуше.

— С утра орут и провоят еще до вечера, покада не охрипнут. Вам некуда торопиться, господин.

Девушка в арке призывно качнула обнаженными бедрами.

— Свежая, как утренний ветер, — добавил зоркий старик.

Гийом перевел на него насмешливый взгляд и спросил:

— А чего орут-то в ратуше?

— Санитарные проблемы, — сдержанно ответил старик.

Гийом снова посмотрел на девушку. Ее груди, маленькие, которым не суждено было сформироваться до конца, торчали подобно двум кулакам, которым невесть почему вздумалось вырасти именно здесь.

— Пальмовое масло, натровый щелок и самая капелька Кипящего Льда? — спросил Гийом.

Старик поблел.

— Не знаю, господин, — сказал он очень медленно и так осторожно подбирая слова, словно они были хрустальными шарами, которыми он жонглировал. — Она мне такая досталась по наследству от моего отца, а ему — от его отца. Я только разбудил ее, когда... Кто знает,

чем пользовались древние колдуны? Она всегда была такая.

— Не всегда, — сказал Гийом. — И ты не всегда был таким.

— Великий Шабгни, — растерянно пробормотал старик.

— Вот именно. Как тебя зовут?

— Хардин.

Гийом покачал головой:

— Великое имя.

Старик втянул голову в плечи. Гийом не сказал: «... и ты позоришь его», но окончание фразы ясно читалось в его голосе.

— Ты ведь последний некромант в Тоттендаме? — осведомился Гийом. — Вот уже десять лет, как торгуешь прелестями этой мумии. Почему ты изменил своему ремеслу?

— Шестнадцать лет, господин, — словно во сне, поправил Хардин.

В темных глазах Гийома на миг отразилось нечто, чего старик не хотел бы видеть никогда. Он шумно вздохнул.

— Даже так? Шестнадцать? — переспросил Гийом. — Так в чем же дело?

— Войди в мой дом, господин, — сказал Хардин. — Я не могу отвечать тебе на улице.

Гийом обвел пустую улицу преувеличенно внимательным взглядом. Она постепенно раскалялась под лучами не по-весеннему жаркого солнца. Девушка, ждавшая клиентов в тени арки, исчезла как серый призрак.

— Прошу тебя, великий, — добавил Хардин, последний некромант Тоттендама.

* * *

Бидон Гийома врезался прямо под колени пастору Люгнеру, и он упал.

— Куда ты прешь, идиот! — заорал пастор.

Люгнер был крайне возмущен — не оттого, что упал, а потому, что Гийом вырвал его из кучи кричащих людей, которые явно занимались (или собирались заняться) чем-то очень интересным. Гийом даже знал чем.

Они собирались перекусить.

— Да ты еще с бидоном! — Люгнер задохнулся от ярости. — Кто ты такой?

— Я крысолов, — ответил Гийом.

Он произнес эти слова негромко, но все пространство ратуши заполнилось ими. Так раскаленная капля стекла мгновенно наполняет уготованную ей форму. Люди, стоявшие ближе к Гийому, замолчали и обернулись, не заметив сами, что раздвигаются, давая путь страннику с бидоном. Одежда его, хоть и добротная, была основательно поношена. Но кожаный ремень, пересекавший грудь, был крепким, и крупные капли бирюзы украшали его. Странник не променял драгоценности на мясо или новый плащ.

Позабывтая Имме незаметной тенью проскользнула по коридору, добралась до ниши в стене, где когда-то стояла статуя основателя города, и притаилась там. Клара в ее руках дрожала. Ярость, которой не дали вырваться наружу, сотрясала это маленькое тело. Или страх? Или Клара тоже знала, кто сейчас идет между людьми? Колесики бидона гремели. Люди смотрели на богато и мрачно изукрашенный чехол за спиной Гийома. Там вполне мог поместиться небольшой меч.

Но все знали, что там находится на самом деле.

Когда Гийом остановился у трибуны, в ратуше установилась такая тишина, что муха, если бы она здесь пролетела, была бы слышна. Но в Тоттендаме давно не водилось мух.

Судя по лицу Марка Талика, неприветливо глядящего на гостя, он эту сказку тоже слышал.

— Крысолов, — повторил Марк Талик и усмехнулся. — И сколько же ты хочешь за свою работу?

Гийом молча указал на свой бидон.

— Бидон черножизни? — недоверчиво переспросил Марк. — Что же ты собираешься с нею делать, крысолов? Купаться?

Он вопросительно всплеснул руками и задел длинные, напудренные локоны своего парика. Парик чуть съехал в сторону. Гийом, стоявший близко, видел, что парику помогла соскользнуть с головы чья-то забинтованная рука. Но вряд ли это видел кто-то еще. Парик сполз на самую макушку, обнажая голову бургомистра. Марк все еще не чувствовал этого. Как и не чувствовал, что среди полусгнивших остатков волос безмятежно копошатся белые черви. Но в этот миг все горожане Тоттендама увидели, что череп их бургомистра прогнул и черви поедают его мозг. Горожане, не очень-то мирные и в обычное время — а ведь последние два дня они жестоко голодали. Горожане, которые совсем уже собрались закусить отвратительной ведьмой, но добыча ускользнула у них прямо из лап. С Имме не успели даже платье стащить, не смогли урвать ни кусочка из этого вкусного свежего тела.

— Или обливаться, может быть? — насмешливо продолжал Марк Талик.

Он был опытным политиком, и если бы наглость бродячего крысолова не удивила бы его сильно, то он заметил бы смертельно опасное пламя, стремительно разгоравшееся в глазах его избирателей. Услышал бы, как изменилась тишина, утратила хрупкость стекла и стала густой и вязкой, как кровь.

— Мертвец! — истошно завопила фрау Ирена. — Нами правит мертвец!

Люди кинулись к трибуне, взобрались на нее. Что-то затрещало. Гийом вцепился в свой бидон, чтобы его не затоптали сгоряча.

Где-то вдалеке хлопнула дверь. Гийом улыбнулся: «Шустрая девочка. И сообразительная». Ратушу покинула не только Имме. Гибкая фигурка, слишком маленькая для того, чтобы принадлежать взрослому, проскользнула с верхней галереи к черному выходу.

На щеку Гийома упал длинный хвост полусгнившей кишки. Он сбросил ее с себя и попал прямо в руки фрау Ирены.

— Благодарю вас, — сказала она вежливо. — Любая порядочная женщина должна в первую очередь заботиться о том, чтобы ее муж был сыт. Я передам ему от вас это мяско.

— Как вам будет угодно, — любезно ответил Гийом.

* * *

Последний некромант Тотгендама почуял запах гари слишком поздно. Хардин толкнул дверь в каморку Лили. Она оказалась заперта. Старик сделал нетерпеливый жест. С кончиков пальцев Хардина разлетелись черные и блестящие, словно лаковые, искры. Дверь исчезла. Наружу повалил густой вонючий дым. Некромант закашлялся, глаза зашипало. В глубине дыма пылал оранжевый шар — словно отражение факела в ровной глади черножизни.

— Все кончено! — кричал шар так пронзительно, что Хардина, несмотря на пышущий от живого факела жар, пробил озноб. — Он вернулся! Светлые не дают никакого шанса, но Шабгни дает только один! Только один!

Серый пепел осыпался на пол. Некромант все еще помнил свое дело и не дал огню перекинуться на стены своего бедного жилища. Мумифицированная плоть Лили горела так же охотно, как сырой гранит, и Хардин не понимал, как Лили умудрилась поджечь себя, пока в куче пепла на полу не увидел флакончик из расписного фарфора. Хардин и горько и бессильно выругался. Эта сумасшедшая вылила на себя весь их запас черножизни, собранный по каплям за шестнадцать лет.

* * *

Генрих постучал по трибуне молоточком, призывая к порядку. Особой нужды в этом не было. От Марка Талика не осталось даже костей, и вместе с сытостью к

горожанам вернулись рассудительность и спокойствие. На некоторое время. Но Генриху очень хотелось ощутить, как молоточек будет лежать в его руке, услышать звук удара кости о твердую подставку и увидеть, как все взгляды устремляются на него. На него, Генриха Талика. Нового главу Тоттендама выбрали практически единогласно. И сделали правильный выбор. Генрих давно считал, что ему уже как-то несолидно ходить в помощниках бургомистра. Но Марк Талик оставался глух к намекам честолюбивого сына. Или уже ничего не соображал. Сложно сохранить стройность мыслей, когда вместе с ними в твоей голове шевелятся и черви.

— Ты получишь то, что просишь, — обратился Генрих к страннику.

— Мне нужен официальный договор, — ответил Гийом.

— Да пусть меня заберет отец наш Шабгни, если я нарушу договор и не отдам тебе обещанное! — воскликнул Генрих.

По ратуше пронесся одобрительный гул. Чужак скользнул оценивающим взглядом по забинтованному телу Генриха и ухмыльнулся. Отцу Шабгни было бы почти нечем поживиться в том случае, если бы Генрих нарушил свое слово.

— Нет, — сказал Гийом. — Этого недостаточно.

— Нет? — притворно удивился новый бургомистр Тоттендама. — Чем же ты хочешь, чтобы я поклялся, крысолов?

— Своими детьми и детьми всех горожан.

Генрих не стал пользоваться молоточком, чтобы снова призвать граждан к порядку — он успокаивающе поднял руку:

— Мы обязательно заплатим господину крысолову назначенную цену, так что волноваться не о чем. Пусть отец Шабгни заберет моих детей и всех детей Тоттендама, если мы не заплатим тебе ту цену, которую ты назначил.

— Когда приступать к работе? — осведомился Гийом.

— Позавчера! — воскликнул Генрих.

Гийом направился к дверям. На ходу он извлек из чехла флейту — легко и изящно, как бывалый воин достает из ножен меч. И свистнула она в воздухе почти так же. Но не из стали она была — а из черного дерева, отделанного серебром. И брызги, синие брызги мертвой бирюзы покрывали флейту почти по всей длине. Когда Гийом соединял две части флейты, его окликнула фрау Адальберта.

— Господин крысолов, а вы не можете сказать, откуда такая напасть? — спросила она. — Ведь вы же знаток в таких делах наверняка. Почему? Ведь крысы веками обходили наш город стороной!

Генриха перекосило от ненависти. Хорошо хоть, что под бинтами никто не видел его лица. Паскудная старуха пыталась спасти молоденькую учительницу, свою коллегу, хотя позиция властей в этом вопросе была обозначена донельзя четко! Но Генрих решительно подавил первый же бунт в зародыше.

— Я ведь уже сказал, что ведьма... — начал он.

Генрих уже заметил, что Имме в ратуше нет. Но ничего. Далеко уйти она не могла. Пастор Люгнер одобрительно закивал словам Генриха.

Однако крысолов, этот наглый бродяжка, перебил нового бургомистра Тотгендама.

— Я видел защитные столбы Тотгендама, фрау, — произнес Гийом. — Судя по их состоянию, необходимые обряды проводились последний раз лет двадцать назад.

Из той части зала, где сидели рабочие карьера, донеслись возмущенные крики. Поднялся их староста, могучий Клаас. Генрих втянул голову в плечи.

— Как это — двадцать лет назад? — прорычал Клаас. — Каждый год я отдаю бутыль с черножизнью городу для обрядов бесплатно, как заведено. И это немаленькая бутыль!

— А я все думал, откуда у семейки Таликов деньги на мумификацию! — выкрикнул из толпы какой-то гад.

★ Генрих скользнул по толпе взглядом, но не успел разглядеть подстрекателя, заскрипел зубами в бессильной ярости. И тут же отдернул себя. Сейчас ему предстояло доказать всему этому воняющему, полуразложившемуся быдлу, что у него в голове, в отличие от папочки, не только черви.

— Позвольте мне пройти, — вежливо произнес Гийом. — Я должен приступить к работе.

Клаас посторонился — он даже не заметил в запале, что перед ним кто-то стоит. Когда Гийом проходил мимо, Клааса обдало холодом, но он вспомнил об этом гораздо позже.

Гийом вышел на площадь, залитую солнцем, оставив за спиной разгорающийся скандал. Прищурился.

И приложил флейту к губам.

* * *

Имме кралась подворотнями. Торопливо перебежала улицы и пряталась в переулках. Как воришка, как враг. Не впервые она чувствовала себя полностью чужой в родном городе, не впервые — дичью, на которую идет изматывающая, бесконечная охота. Но впервые эта охота была столь откровенно объявлена. «Изменить, — думала она в бессильной ярости. — Да что я могу здесь изменить?» Имме остановилась передохнуть в небольшом дворике. Надо было собраться с силами для последнего решительного рывка. Оставалось только пересечь главную улицу, а там дворами — и вот он, дом.

Клара вдруг зашевелилась в сумке, заерзала. Имме спохватилась, что слишком сжимает крыску, и ослабила хватку. Клара тут же выпрыгнула из сумки на мостовую. На фоне красных квадратных брусков белая крыса казалась снежком, который упал на раскаленную сковородку и вот-вот растает.

— Куда ты... — воскликнула Имме.

И тут она наконец услышала мелодию. Печальную и нежную, разливающуюся над городом подобно заре.

Имме даже прищурилась, словно от света. Но не было света — был только звук. Всепроникающий, меланхоличный и призывный. Не оставляющий выбора.

— Не ходи! — крикнула Имме.

Испугавшись звука собственного голоса, она прижала ладонь ко рту.

— Он погубит вас! Ты ведь не умеешь плавать... — добавила Имме значительно тише.

Клара поднялась на задние лапки и разразилась целой серией звуков — тут тебе и писк, и свист, и стрекотание, которому позавидовала бы и сорока. Имме внимательно слушала, пытаясь понять.

— Ну, ладно, — печально сказала она. — Может, и правда обойдется. Иди.

Клара тут же торопливо затрусила прочь. Туда, откуда доносилась пленительная мелодия. Звук стал громче. Имме поняла, что Гийом идет по главной улице.

— Клара! — не выдержала Имме.

Крыса остановилась, нетерпеливо оглянулась через плечо.

— Если что... Возвращайся... — тихо сказала Имме.

Клара утвердительно кивнула. И вдруг развернулась, подбежала к Имме, с разбегу запрыгнула на подол, вскарабкалась по рукаву на плечо. Сердце Имме сладко дрогнуло. Магия может многое, но не все. Нет всемогущих чар; всегда остается еще и собственная воля. Клара ткнулась в щеку Имме холодным влажным носом. А затем спрыгнула на землю и умчалась торопливыми огромными прыжками, занося задние ноги немного вбок. Имме вытерла слезы. Пора было двигаться дальше.

А музыка висела над городом, окутывала его невидимой, но прочной сетью, проникала в самое сердце, холодная и острая, как хорошо заточенный клинок. И там, на самом дне каждого сердца, просыпалось что-то. Поднималось и рвалось наружу, как росток клена через толщу мостовой, выложенной красными квадратными камнями.

* * *

Эрнест не смог ее удержать; только черный хвост мелькнул в дверях.

— Франк! — испуганно закричал он. — Франк!

Брат не откликнулся. Эрнест покинул комнату, прошел коридором, заглядывая во все комнаты в поисках брата. Остановился на лестнице в растерянности. Он заметил, что потайная дверь в подвал открыта и там мелькает свет. «Грабители, — спокойно, как всегда, подумал мальчик. — Они знают, что никого взрослых сейчас дома нет». Эрнест огляделся. Взял стоявшую у стены прогулочную трость дедушки — хорошую, стальную трость с острым концом и набадашником в виде головы какого-то зверя. Мальчик бесшумно спустился в подвал. Эрнест хотел уже замахнуться, но тут человек поднялся, бросил пригоршню монет из сундука в раскрытый мешок, стоявший рядом. Эрнест увидел его лицо.

— Франк! — воскликнул он. — Что ты де...

Но тут мысль сменилась другой, более важной.

— Франк, наши крысы ушли!

— Я слышу, — процедил сквозь зубы брат.

Музыка, мрачная и болезненная, была слышна даже здесь, в подвале. Толстые стены дома оказались не в силах заглушить ее.

— Что же нам теперь делать? — спросил Эрнест растерянно.

— А что теперь будут делать *они*? — спросил Франк. — Они ведь уже два дня не ели, так ведь?

Лицо Эрнеста искажил ужас. Франк бросил в сумку еще пригоршню монет.

— Крысы вернутся, — сказал он успокаивающе. — Он ведь тоже знает эту сказку. Да и бидон черножизни они ему не дадут.

Франк усмехнулся так, как усмеваются люди, знающие какую-то неприятную тайну, и это знание забавляет их.

— Мы просто подождем на другом берегу, — продолжал он почти ласково. — Пока все не закончится. И пока мы будем ждать, нам будет нужно что-то есть, — заключил он.

Эрнест прислонил дедушкину трость к стене и принялся помогать брату. В голове его крутилась какая-то смутная мысль.

— А мы будем там ждать одни? — спросил он, опуская в сумку тяжелый серебряный кубок.

— Да, — сказал Франк и отправил вдогонку кубку роскошное золотое ожерелье.

— Но ведь мы еще маленькие. Не очень хорошо соображаем, — задумчиво продолжал Эрнест.

— Это так, — легко согласился Франк, бросая в сумку плотно набитый мешочек. — Но в этом городе нет ни единого взрослого, которому мы могли бы доверять.

Эрнест, оставив монеты, молча посмотрел на него. Золотые кругляши протекали меж его пальчиков.

Иногда братья понимали мысли друг друга, невысказанные вслух.

— А ведь ты прав, малыш, — задумчиво произнес Франк. — Как я мог забыть!

* * *

Навстречу Имме со ступенек ее дома поднялась какая-то фигура. Имме чуть не бросилась прочь, ломая кусты. Фигура откинула с лица капюшон, и Имме узнала Серени, свою подругу, владелицу престижного косметического салона.

— Привет, — произнесла Серени. — Я вот что думаю — уходить надо.

Имме только кивнула.

— Ты поведешь нас, — сказала Серени.

— Нас? — переспросила ошарашенная Имме. — Поведу?

— Твоя мать была оттуда, — заметила Серени. — Ты единственная, кто хоть что-то знает о том, какова жизнь там. Мы соберемся — все, кто еще цел, — и уйдем от-

звезда сюда. Теперь, когда крыс нет, они вспомнят о том законе, что недавно приняли.

Имме вздрогнула:

— Закон об утилизации женщин...

Она совсем и забыла об этой чудовищной выдумке магистрата.

— Не так уж много я и знаю о жизни на той стороне, — сказала Имме тихо.

— Да, но мы вообще ничего не знаем, — нетерпеливо мотнула головой Серени.

Ее светлые кудри взметнулись непокорной волной. Имме вспомнился кораблик в прическе фрау Герды. К горлу подступила тошнота. Имме все еще колебалась.

— Когда они отдадут этому музыканту бидон черной жизни, им придется чем-то пополнить карьер, — с нажимом произнесла Серени.

— Но как... как мы соберемся... Как ты узнаешь, кто...

Серени улыбнулась, сверкнув великолепными зубами.

— Я знаю всех, кто ходит ко мне в салон, — сказала она. — И я знаю, кто ко мне *не ходит*, верно? Одна хорошая рекламная акция... Призыв, составленный с умом...

— Проходи, — сказала Имме. — Будем составлять его вместе, твой рекламный призыв.

Зашуршали кусты. Обе женщины резко повернулись.

— Я тоже хорошо умею придумывать, — сказал Франк.

В одной руке он нес сумку, очень тяжелую, судя по тому, как она оттягивала ему руку. Другой он держал за руку младшего брата.

— Вы же не оставите нас с ними, фройляйн Имме? — спросил Эрнест. — Вы ведь единственная, кто никогда...

Франк смотрел на Имме в упор. Его темные глаза по-прежнему ничего не выражали.

Имме махнула рукой.

— Проходите, — сказала она и открыла дверь.

Они зашли. Крысы, мертвецы и волшебная музыка остались снаружи.

С толикой мрачной гордости Гийом отметил, что скорость регенерации оставалась по-прежнему высокой — не прошло и трех часов с момента заключения сделки, а Генрих, стоявший за трибуной, уже снял повязку с лица и рук. И всего-то понадобилось ему для этого один раз плотно перекусить.

— Как вы быстро управились! — сказал Генрих. — Сразу видно профессионала!

Главный зал ратуши опустел. Звуки голоса нового бургомистра Тотгендама перекатывались по нему, как кости в погремушке шамана. Отскакивали от каменных лиц стражников и пятерки избранных — малого совета города.

— Позвольте взглянуть на ваш... рабочий инструмент, — сказал Генрих, протягивая руку.

Гийом подал ему флейту. Генрих со смесью страха и любопытства осмотрел ее.

— Изумительный инструмент, — сказал он. — Сам отец Шабгни не отказался бы сыграть на таком, а?

Гийом усмехнулся и кивнул.

Генрих поднял флейту к лицу, словно чтобы запомнить ее навсегда, а затем резко опустил и сломал об колено. Это далось ему с усилием — лицо даже побагровело от натуги. Раздался громкий хруст. Пришел черед Генриха, усмехаясь, посмотреть на Гийома. Наверное, новый бургомистр Тотгендама хотел, чтобы в темных глазах крысолова что-нибудь отразилось. Страх, например. Или чтобы тот выдавил из себя улыбку, показывая, что понял шутку. Однако в глазах Гийома не отразилось ничего. Словно не единственный источник пропитания бродяги, не дорогую волшебную флейту сломал сейчас Генрих, а гнилую камышину.

— Не держите нас за дураков, господин крысолов, — сказал Генрих, бросая обломки на трибуну. — Эту сказку мы все читали.

И добавил, возвысив голос:

— Выдайте господину крысолову плату за его труд!

Откуда-то вынырнул служитель в сером. В руках у него был поднос. На подносе стоял такой крохотный фарфоровый флакончик, что Гийом его даже не сразу заметил. Служитель водрузил поднос на трибуну и удалился. Гийом перевел взгляд на свой бидон, потом снова на флакон, одиноко высившийся по центру огромного подноса.

— Что это? — спросил Гийом.

— Налоги, господин крысолов, — все еще улыбаясь, но уже неуверенно ответил Генрих. — Они у нас очень высоки. Особенно для не-граждан Тоттендама.

— Ну, ясно, — сказал Гийом.

Он повернулся, чтобы покинуть ратушу.

— Э, нет, — возвысил голос Генрих. — Вы получите свою оплату, хотите вы этого или нет. С Шабгни шуток не шутят. Стража, вручите господину крысолову его честно заработанный флакончик.

Лязгнуло железо — стражники в своих углах зашевелились, чтобы остановить дерзкого крысолова.

Гийом усмехнулся и сгреб флакончик с подноса.

— Не думаю, что это помешает Шабгни получить то, что ему причитается, — заметил он с жуткой, самоубийственной веселостью. — Боги — они такие.

Генриха пробрал озноб при этих словах Гийома. Бургомистр был так напуган и сбит с толку, что даже не подумал о том, что за подобную неуместную шутку наглый бродяга должен быть наказан.

— Вы не хотите поблагодарить нас за щедрость? — спросил Генрих. — Ведь целый бидон черножизни, как никак. Хочешь — купайся, хочешь, обливайся.

Темные, как гладко отполированный агат, глаза Гийома остановились на нем.

— Благодарю вас, — сказал Гийом вежливо. — Это хорошо, что вы не верите в сказки.

Генрих проводил взглядом его крепкую фигуру. Слово бы ледяная ладонь зажала рот новому бургомистру, не давая произнести ни слова, пока не хлопнула, закрываясь за гостем, дверь ратуши.

* * *

Не успел Гийом сойти со ступенек ратуши, как его окликнули:

— Господин крысолов! Господин крысолов!

Гийом обернулся и увидел огромного, как медведь, мужчину. И узнал его. Этот мужчина возмущен тем, что отдавал флягу черножизни каждый год для обрядов, которые не проводились. Староста рабочих карьера. Клаас, кажется.

Клаас протянул Гийому увесистую флягу в кожаном чехле.

— Не гневайтесь, господин маг, — торопливым шепотом, так ему не идущим, произнес Клаас. — Они такие проходимцы, с мертвеца парную вырезку сделают. Если вы хотели действительно получить бидон черножизни, надо было цистерну просить, — доверительно добавил он.

— А ты дал бы мне? — спросил Гийом. — Цистерну черножизни?

Клаас отшатнулся.

— Вы и это знаете... — пробормотал он, бледнея.

И тут он вспомнил, как его обдало холодом, когда Гийом проходил мимо.

— Вы... — произнес он, да и осекся на полуслове.

Гийом задумчиво рассматривал флягу в его руках.

— Это была другая сказка! — вдруг исступленным шепотом воскликнул Клаас. — Великий Шабгни...

— Это — не сказка, — возразил тот. — Мастер Клаас, ты отдаешь мне последнее, чтобы я оставил вам ваших детей? Вы отдаете мне все, что можете дать?

Клаас поежился. Он не знал этой старинной формулы. Но ее власть не зависела от того, знаком с ней человек или нет.

— Да, великий, последнее, — твердо сказал он. — Но я отдаю тебе последний флакон с черножизнью в этом городе совсем за другое. У меня к тебе просьба.

Гийома было трудно удивить, но Клаасу это удалось.

— Я слушаю.

— Сделай, что собирался, — горячо ответил Клаас. — Уведи детей из Тоттендама. Прямо сейчас. Только не в реку, — добавил он.

— А куда же?

— Куда угодно, где они будут в безопасности, — сказал Клаас.

Гийом еще раз посмотрел на флягу в руках собеседника.

— Извини меня, мастер Клаас, — произнес он медленно. — Я не могу этого сделать. Я получил свою оплату, и я ухожу.

Он принялся спускаться по ступенькам, оставив озадаченного и разгневанного старосту у себя за спиной.

— Ты покидаешь нас! — выкрикнул Клаас. — Как тогда! Как всегда, когда ты нам так нужен!

Гийом опустил голову и чуть ссутулился от этого крика. Ужас холодной змеей проскользнул в сердце старосты. Гийом обернулся через плечо. Клаас стойко выдержал его взгляд, хотя мало кому из людей хватало сил не отвести глаз под взглядом разъяренного демона.

— Однажды я дал вам хлеб, — сказал Гийом. — И вы немедленно потребовали у меня мяса. Следующим вы потребовали бы, чтобы я пережевывал его для вас.

И тогда я дал вам зубы.

* * *

После ухода крысолова в зале царила вязкая, как застарелый гной, тишина. Генрих постучал молоточком по трибуне. Он бы ни за что не признался, что делает это только для того, чтобы услышать хоть какой-нибудь звук. И стук молотка рассеял наваждение. Члены малого совета зашевелились. Зашуршала шелковая мантия пастора Люгнера. Скрипнул стул под грузным телом Игнаца, почетного члена совета.

— А теперь давайте рассмотрим закон «О пособниках крыс», — произнес Генрих.

Он озадаченно посмотрел на обломки гнилой камышины, лежащие на трибуне, и сделал знак, подзывая служителя.

— Выкиньте этот мусор. Итак, начнем...

* * *

Пора было двигаться дальше — беглецы хотели покинуть остров до наступления темноты. Мужчины собирали мусор, который всегда остается на любом, даже самом кратковременном привале. Когда между деревьев замелькали яркие плащи, Хардин как раз решил убрать остатки хлеба в сумку. По тропинке шли женщины и дети Тоттендама. Они вот-вот должны были выйти на опушку, где мужчины решили сделать свой последний привал на родной земле. Хардин замер.

— Мама! А вот и папа там! — раздался звонкий голосок Лиззи.

Над опушкой разлилась звенящая, как туго натянутая нить, тишина.

Хардин знал, что думает Имме, шедшая впереди своего маленького отряда — так же отчетливо, как если бы эти мысли крутились в его собственной голове, и магия была здесь ни при чем.

«Они нас выследили... Это погоня... К бою!», — мелькало в голове Имме.

Мужчины по настоянию Клааса, кое-что знавшего о жизни на том берегу, прихватили с собой топоры и молоты. Даже пара мечей имелась у людей в отряде Хардина. Впрочем, старый некромант понимал, что это их не спасет, хотя женщины не взяли с собой никакого оружия. Оно всегда было при них. Женщинам Тоттендама с рождения внушалось, что они слабее мужчин. Женщина, что пускает свои клыки в ход для нападения либо защиты, лишается чарующей магии женственности. Но Хардин читал старые летописи и знал, что в бою женщины даже страшнее мужчин. Мужчинам с детства объясняют, что драка имеет свои правила, ко-

торым необходимо следовать. Женщины же ничего не знают об этих правилах и дерутся — тут перед глазами Хардина встал, словно наяву, лист манускрипта — *«с яростью и беспощадностью, в которых превосходят даже демонов».*

Даже демонов.

Единственный шанс людей Тотгендама висел на тоненьком волоске. Еще мгновение — и последние люди, имевшие шанс выжить, поубивали бы друг друга.

Хардин выпрямился.

— А вот и девочки, — как можно благодушнее произнес он. — А я говорил, что в Тотгендаме есть мудрые женщины!

Он сурово глянул на мужчин, как будто те возражали. Те благоразумно молчали, хотя ничего подобного некромант им не говорил. Женщины успели разглядеть хорошо знакомые каждой коробочки из фольги в руках Клааса и яркие картонные упаковки, которые Ханс не успел отправить в костер...

— Консервы мы уже поели, хе-хе, — сказал Хардин. — Не желаете ли хлеба, милые дамы?

Он протянул оставшиеся полкаравая на вытянутых руках. Бешенство безысходности в глазах женщин сменилось любопытством.

«Как хорошо, что я не успел его убрать», — подумал Хардин.

* * *

Имме узнала ковригу. Она отламывала от нее три дня назад. Немного заветрившаяся, почерствевшая, но несомненно — именно та же самая.

Тем временем любопытство в остальных членах ее маленького отряда преодолело страх. Женщины осознали, что мужчины оказались здесь вовсе не в поисках непокорной добычи. Так же как и женщины, все мужчины, чьи тела не пятнала гниль, бежали из Тотгендама. Имме буквально услышала, как вздох облегчения пронесся над ее маленьким отрядом. И удивления то-

же — мужчин оказалось почти столько же, сколько и женщин.

— Берите хлеб, не бойтесь! — крикнула Имме. — Сам по себе он не ядовит!

Женщины заулыбались, подошли к мужчинам. Лиззи подбежала к отцу. Клаас взял ее на руки. Некромант отламывал по кусочку хлеба всем желающим. Вокруг него собралась небольшая толпа. И вот уже оба отряда смешались.

— Откуда у тебя хлеб, старик? — тихо спросила Имме.

— Оттуда же, откуда ты знаешь, что он не ядовит, — ответил Хардин.

Имме усмехнулась.

— А как ты узнал, кто...

— От Лили, — сказал Хардин. — Есть мужчины, которые не любят исполнять супружеский долг. Все эти крики, слезы, плохое настроение жены после того, как ты удовлетворишь свою страсть. Но и, как обычные мужчины, они не любят, когда жены высасывают их мозг. Вот они обычно чаще всего посещали мою Лили. Ей-то пища уже была не нужна.

Имме совсем с новым чувством обвела мужчин взглядом.

— И что, каждый из них... — почти с отвращением произнесла она.

— Не каждый, — возразил Хардин. — Дружья делятся друг с другом самыми опасными тайнами, не так ли?

Имме смягчилась.

— Но Лили ты с собой не взял, — все еще колеблясь, произнесла она.

— Лили покончила с собой, когда увидела, кто посетил наш город, — сообщил Хардин.

В кустах послышался шорох. Из них выбежала белая крыса. Кто-то вскрикнул.

— Началось, — вполголоса произнесла Серени.

Франк засмеялся:

— А я так и знал, что он не утопил их, а просто отвел подальше от города!

Крыса лихо вскарабкалась на плащ Имме и устроилась у нее на плече.

— Это моя Клара, — сказала Имме. — Она пойдет с нами. Нам пора двигаться дальше, если мы хотим успеть в убежище до заката!

И тут возникла неожиданная заминка.

— Мы хотели покинуть остров по косе, — сказал Клаас.

— Мы тоже, — не задумавшись ни на миг, ответила Имме, хотя первоначальный план женщин был иным. — Но зачем идти куда-то в ночь? Давайте все вместе переночуем в развалинах. А утром двинемся дальше. Ночью будет гроза, — добавила Имме.

Это чувствовали все. Предгрозовая духота давила на грудь, выжимала бисеринки пота, которые уже пятнали рубахи многих.

— Сможем ли мы найти укрытие на другом берегу? — добавил Хардин.

— Если мы останемся здесь, нас найдут, — сказал Ханс.

— Нет, — сказал Хардин.

Он указал на крысу на плече Имме:

— В городе сейчас будет не до нас.

— Да, — сказала Имме. — К тому же Франк придумал одну штуку...

— Какую штуку? — недоверчиво спросил Ханс.

* * *

В прибрежном ивняке было сыро и холодно. Ярость Игнаца на проклятого крысолова медленно угасала по мере того, как Игнац зяб все сильнее.

«Но как он смог? — думал почетный член городского совета Тоттендама, сжимая в руках арбалет. — Ведь Генрих сломал его заколдованную дудку!»

И все-таки крысолов смог. Вернувшись домой с заседания совета, ни один из его членов не обнаружил дома детей. Торжественный обед примирения сорвал-

ся, и это также было одной из причин ярости Игнаца. И вот тут он зауважал Генриха. Тот сразу сообразил, что путь крысолова, какими кругами тот ни водил бы детей по острову, приведет его на причал. Во всех остальных местах берег был слишком обрывистым и неудобным даже для того, чтобы топиться. Не было никакого смысла гоняться за дудочником по всему острову. Надо было только сесть в засаде у причала и ждать. Эту задачу возложили на Игнаца и еще с десятков крепких мужчин. Пастор Люгнер торжественно благословил их. Когда ловцы приблизились к берегу, оказалось, что паром стоит у причала. Это было против всяких правил. Паром с товарами приходил раз в месяц, и сегодня был не день торговли.

Керт, один из участников облавы, хотел возмущенно окликнуть паромщика, чья сутулая фигура была отлично видна на фоне деревьев. Но Игнац ударил его по губам. Игнац разгадал отвратительный план крысолова. Не погубить детей Тотгендама хотел он, нет! Он хотел отвезти их на тот берег и отдать детишек в лапы чужаков, чтобы те воспитали их по-своему. Погубили великий дух традиций Тотгендама! Игнац сам не знал, как сдержался и не пристрелил паромщика тут же. Сколько ему заплатили, интересно, за его черное дело?

«Кто ему заплатил?» — прозвучал было голос здравого смысла. Но Игнац отмахнулся от него.

Игнац отвел свой отряд в заросли ив. Там они могли ждать, оставаясь незамеченными. Пусть крысолов путает следы, уходя от несуществующей погони. Раньше или позже он придет на берег — и приведет сюда детей.

Сумерки спустились с неба на серых крыльях. Тень от башни на другом берегу пролива легла на воду и медленно поползла к парому. Перевозчик не двигался. Может быть, он был терпелив, а может быть, заснул. Неподвижны оставались и охотники в засаде. Игнац смотрел, как удлинняется тень. Его охватило чувство, столь

же непоколебимое, сколь и ни на чем не основанное, что дети появятся тогда, когда тень от башни чужаков коснется берега Тотгендама. словно бы дети должны были покинуть родной остров не на грязном старом плоту со скрипящим поворотным кругом, а пройти над водой по призрачному мосту, сотканному из кольшущихся теней.

Когда Игнац услышал приближающийся от леса громкий топот, он даже обрадовался. Он привстал, pokrutil головой, разминая затекшую шею. Его примеру последовали и другие охотники. Судя по звукам, дети не особенно скрывались. И очень, очень спешили.

«Поздно», — с наслаждением подумал Игнац.

Он поднял арбалет, предусмотрительно заряженный заранее. Топот приближался. Кто-то из мужчин выстрелил, не дождаввшись приказа командира.

— Не стрелять! — заорал Игнац, уже не заботясь о маскировке. — Это же наши дети!

Стрелок повернулся к нему. Лицо его было искажено ужасом.

— Это не... — начал он.

И тут закричали все вокруг. Неудачливого стрелка опрокинуло серой волной. Мелькнули оскаленные пасти. Крысы! Они были очень маленькими, но их было слишком много. И они были очень голодны.

Игнац сам не помнил, как оказался на пароме. Серые и черные твари уже лезли вслед за ним.

— Шевелись! — крикнул Игнац и огрел паромщика арбалетом по спине.

Тот мягко осел, разваливаясь на куски. Сумка с камнями, заменявшая ему голову, упала на дощатый настил. Игнац с безумным видом смотрел на наспех сколоченную из двух реек крестовину, на сено, которым был набит плащ, чтобы придать фигуре объем, на герб Таликов на отвороте плаща.

«Предатель», — еще успел подумать Игнац, прежде чем невыносимая боль пожрала его.

* * *

Когда беглецы приблизились ко входу в брошенную башню, с земли поднялась высокая фигура. Сердце Имме радостно дрогнуло. Но Гийом носил черное, а тот, кто встретил беглецов у развалин, был весь в белом.

— Меня зовут Гейб, и я друг Гийома, — улыбаясь, сказал мужчина. — Он сейчас занят. Он послал меня помочь вам.

Имме подозрительно посмотрела на него. Слишком уж Гейб был... легким, добрым, словно светящимся. Лица, столь открытые и дружелюбные, были редкостью в Тотгендаме. Гейб сделал манящий жест рукой. Клара принялась спускаться по рукаву Имме — медленно, словно нехотя. Спрыгнув на землю, она подошла к Гейбу и обнюхала его сапоги. Затем оглянулась на Имме — и исчезла. Имме удивленно заморгала. Крысу словно всосало в сапог, она стала его частью. Небольшой бугорок на сапоге был еще виден в течение нескольких мгновений. А затем все разгладилось.

Хардин сохранил зоркость глаз, несмотря на возраст. Когда он увидел, какая судьба постигла крысу, он побледнел. А затем осторожно двинулся между людьми — так, чтобы сойти с тропинки и оказаться в высокой траве луга.

Имме снова посмотрела на Гейба. Тот улыбался, все так же спокойно и дружелюбно. И Имме тоже успокоилась.

Гейб тем временем скользнул внимательным взглядом по лицам женщин, детей и мужчин. Мимолетная досада омрачила его черты.

— В новую жизнь может войти чистый не только духом, но и телом, — сказал он. — Только тот, на чьем теле нет пятен гнили.

— Да, я знаю, — рассеянно ответила Имме, пытаясь обойти Гейба. — Мы собрали всех, кто еще не гниет.

Гейб мягко, но неуклонно заступил ей путь, не давая войти в башню. Имме посмотрела на него почти раздраженно.

— Но вы ведь поверили людям на слово? — почти сочувственно спросил он. — Вы ведь никого не проверяли, так?

— Что ты хочешь сказать? — вмешался Клаас.

Староста рабочих карьера шел сразу за Имме. Его тоже насторожило поведение незнакомца.

— Что среди нас есть кусаки? — добавил Клаас презрительно.

Гейб печально кивнул. Имме вздрогнула. Словно ледяной ветерок промчался над людьми. Чувство единства, такое непривычное, мимолетное и хрупкое, исчезло. Женщины подозрительно уставились на мужчин, а те друг на друга.

— И кто же он? — внезапно охрипшим голосом произнесла Имме.

Гейб поднял руку и указал на Франка.

— Этого не может быть! Вы ошибаетесь! — воскликнула Имме. — Он держал у себя крысу. Он сам принес мне Клару!

— Может, фройляйн Имме, — ответил Гейб.

Имме вопросительно посмотрела на Франка. Тот кивнул. Вдох, словно шелест листвы с опадающего дерева, прошуршал между людьми.

— Яблочко от яблони... — презрительно скривившись, пробормотала Серени.

— Если бы не Франк, мы бы не дошли сюда, — резко оборвала ее Имме.

— Я думал, может, крыса выгрызет всю гниль, — пояснил Франк, глядя на Имме странно блестящими глазами.

«Да он сейчас заплачет», — с ужасом подумала Имме. Сдержанность, рассудительность и сообразительность Франка, которой позавидовал бы и взрослый, заставила ее забыть, что он всего лишь подросток, который в этом мае должен был пойти на выпускной бал.

— Пожалуйста, позаботьтесь об Эрнесте, фройляйн Имме, — продолжал Франк. — Я возвращаюсь в Тотгендам.

Он повернулся. Люди расступались перед ним. Имме в растерянности смотрела, как он уходит.

— Нет! — закричал Эрнест. — Не бросай меня!

Он бросился вслед за братом, вцепился в его руку и повис на нем.

— Эрнест, я гнию, — терпеливо произнес Франк. — Совсем скоро я стану таким, каким они. Ты же не хочешь, чтобы я кусал тебя?

Эрнест зарыдал и воскликнул:

— Хочу!

Франк отрицательно покачал головой:

— Но этого не хочу я...

Он потрепал брата по щеке.

— Слушайся фройляйн Имме, — повторил Франк.

Он осторожно снял с себя рыдающего брата.

— Погоди, парень, — рассудительно сказал Клаас. — Не торопись. Может быть, это можно вылечить? С нами же маг. Что скажешь, Хардин?

Взоры всех обратились на некроманта. Тот обнаружился на самом краю тропинки. Имме бросилась в глаза напряженность его позы. словно он собирался незамеченным нырнуть в высокую траву, но не успел. Хардин смотрел на Гейба.

— Нет, — силло произнес Хардин. — Это не лечится.

Гейб печально улыбнулся:

— Совершенно верно.

Имме почувствовала движение раньше, чем заметила его. Она непроизвольно отпрянула и увидела, как Гейб замахивается длинным блестящим мечом, который невесть откуда взялся в его руке. Он собирался зарубить Франка — и зарубить его в спину.

— Что вы делаете! — закричала Имме и схватила Гейба за руку.

Франк обернулся. Оттолкнул Эрнеста, который оказался между ним и Гейбом. Фрау Ирена подхватила мальчика. Франк с шумом втянул ноздрями воздух и сделал шаг вперед. В этот миг стало окончательно ясно, что Франк уже пускал свои зубы в ход, и не раз.

— Франк знает, где мы, — холодно возразил Гейб. — И он донесет на нас.

Он отодвинул Имме, словно куку. И снова поднял меч.

Дальше все произошло очень быстро. Франк, не давая Гейбу размахнуться в полную силу, прыгнул на него. Сбил с ног и впился зубами в шею. Гейб закричал. Из шеи хлынул невыносимо яркий свет. Он плеснул обжигающей волной на лицо Франка, на его руки и грудь. Запахло паленым. Теперь закричал уже Франк — дико, нечеловечески. Лицо Гейба налилось нездоровой зеленью, над лужайкой разнеслась страшная вонь. Кусок черной гнили шлепнулся на траву со щеки, обнажив кость скулы. Гейб все-таки сбросил с себя Франка. Тот упал в траву, схватился руками за лицо и завыл. Гейб поднял меч.

Воздух рядом с ними задрожал, потемнел. Из пустоты проступил черный силуэт.

Гийом выбил меч из руки Гейба, заломил ему руку за спину. Имме, оцепенев, смотрела, как Гийом задирает руку Гейба — все выше и выше, к самой лопатке. Гейб жалко, отвратительно скулил.

— Ты что-то говорил о честной игре? — голосом, от которого Имме пробила крупная дрожь, спросил Гийом.

— В нем есть кровь демона! — возмущенно завопил Гейб. — Иначе он бы не смог!..

— Ты знал, что так может быть, — невозмутимо ответил Гийом.

Тяжелая горячая захлестнула лицо Имме, едва до нее дошел смысл этих слов. Она знала, что краснеет, безудержно и так явно, что этого не заметит только слепой. Но внимание всех уцелевших жителей Тотгендама было приковано к противостоянию двух великих, и никто не смотрел на нее. Кроме Хардина. Старый некромант улыбнулся Имме — так понимающе, так ободряюще — что она смогла перевести дух и снова гордо поднять голову.

— Это нечестн... — снова заканючил Гейб и прикусил язык.

— Как вас, светлых, корежит, когда жертва отказывается быть беззащитной, — усмехнулся Гийом.

Гийом приподнял извивающегося от боли Гейба и отвесил смачный пинок чуть пониже спины. Хардин шарахнулся в сторону. Гейб пролетел мимо него. Не поднимаясь, как был, на четвереньках, Гейб бросился в траву и исчез. Гийом поднял валявшийся на земле мерцающий меч и бросил его следом за хозяином. Из травы раздался приглушенный вскрик, и все стихло.

Некоторое время над местом побоища висела тишина. Ее нарушил голос Клааса:

— Великий, ты же сказал, что не будешь пережевывать для нас...

— Да, говорил, — спокойно ответил Гийом. — Решать за вас я не буду. А защищать тех, кого я создал, я обязан.

Он опустился на колени рядом с Франком. С другой стороны от брата уже сидел Эрнест. Он гладил Франка по голове и что-то шептал. При виде Гийома его лицо озарилось надеждой — но и страхом тоже.

— Позволь мне помочь тебе, Франк, — сказал Гийом мягко.

Франк перестал стонать. Гийом осторожно разжал его руки и склонился к лицу.

Имме с трудом стряхнула с себя оцепенение.

— Проходим в башню! — громко и четко, словно задавала классу тему изложения, произнесла она. — Нам нужно устроиться до темноты!

— Мы сходим за сеном, — сказал Клаас. — Все будет мягче, чем на голой земле.

Имме благодарно улыбнулась ему.

* * *

Крыша башни давно провалилась. Но перекрытие между первым и вторым этажами уцелело. По ней-то и застучал своими серебряными молоточками давно собиравшийся дождь. У Шабгни нашлась целебная мазь,

и он наложил на лицо Франка повязку, которая закрыла и глаза.

— Что это? — приподняв голову, спросил Франк.

— Кричат, — ответил Эрнест.

Он сидел рядом с братом и держал его за руку.

— Это далеко. В городе, — успокаивающе добавил Эрнест.

Франк улыбнулся.

— Какие крысы милые создания, правда? — сказал он.

Эрнест, уже хорошо знавший, когда брат нуждается в ответе, а когда нет, промолчал.

Лоскутное покрывало разномастных криков слилось в один душераздирающий вой. Клаас сказал бы, что это скрипит заржавленный ворот, на котором из карьера поднимают драгоценную черножизнь. Но только ворот этот был размером с Тотгендам.

Рядом с мальчиками кто-то возбужденно крикнул:

— Огонь! Смотрите, огонь! Город горит!

Люди зашевелились, затопали. Каждый хотел увидеть это зрелище своими глазами. Эрнест по-прежнему крепко сжимал руку брата.

— Сходи и ты посмотри, — мягко сказал Франк. — Будет что рассказать детям.

Эрнест послушался. Франк остался один в своем закутке. Он слушал симфонию гибнущего Тотгендама, в которую вплетался шум дождя, и молился о том, чтобы дождь не смог потушить пожар. словно в ответ на его мольбу, молоточки над его головой застучали тише. Ослепительная вспышка резанула по глазам даже через повязку и плотно сомкнутые веки. Глухо проворчал гром. Франк вдруг ощутил уверенность, столь же глубокую, как и ничем не объяснимую, что эта молния угодила в его родной дом. Он словно видел пламя, неукротимо встающее сквозь завесу дождя; видел искаженное яростью и болью лицо отца, который одной рукой отбивался от крыс, а второй пытался делать знаки пожарным, видел тупое отчаяние на лице матери...

Франк улыбнулся.

— Благодарю тебя, о великий, — негромко произнес он.

Он услышал шаги и узнал их.

— Прости меня, великий, что не встаю, — с трудом шевеля обожженными губами, произнес он.

Гийом усмехнулся. Скрипнули доски. Бог опустился ящик из-под консервов, который приспособили вместо стула.

— У Гейба теперь будут серьезные проблемы с его братьями, — произнес Гийом. — Они — ревностные поборники чистоты и духа, и тела.

Франк улыбнулся уголком рта — шевелить обожженными губами было больно — и спросил в темноту:

— Во мне правда есть твоя кровь?

— Правда.

— И я теперь обречен?

— Не знаю, малыш, — ответил Гийом. — Никто из демонов не пробовал того хлеба. Но обычно, для того чтобы сломить демона, нужны гораздо более мощные чары, чем для того, чтобы сломить человека. Но я знаю, что с тобой будет, если ты уступишь голоду, который теперь всю жизнь будет терзать тебя, — тем же спокойным голосом продолжал Гийом.

Франк вздрогнул всем телом.

— Ты знал Лили? — спросил Гийом.

— Пару раз.

— Она была в той же ситуации, что и ты сейчас, — произнес Гийом. — И я дал ей шанс, хотя Гейб был правосому прав. Она... не смогла. Не сдержалась. После того укуса аппетит к свежему мясу у нее прошел. Ей вообще больше не хотелось есть. Никогда. Тело ее стало деревенеть, словно его накачивали самыми лучшими зельями для мумификации. А потом она заснула. Но не насовсем. Любой некромант, хорошо разбирающийся в своем деле, сможет разбудить тебя. И тогда...

Они помолчали.

— Я не смогу зарабатывать так, как зарабатывала Лили, — заметил Франк.

В его голосе слышалась так хорошо знакомая Гийому насмешка. Вопреки распространенному мнѣнию, демоны часто смеются, в то время как светлые предаются бесконечной скорби о судьбах мира.

— Может, и сможешь, — в тон ему ответил Гийом. — Но если я встречу тебя и ты будешь таким же, как она...

— Я понял, о великий, — прошептал Франк.

— Боль скоро пройдет. Повязку можно будет снять завтра к вечеру, — сказал Гийом.

Снова скрипнули доски — Гийом поднялся, чтобы идти.

— Шабгни! — порывисто окликнул его Франк, приподнявшись на своем ложе.

— Я слушаю.

— Я не хочу больше встречать тебя, — сказал он. — И быть как Лили тоже не хочу. Как мне убить себя? Если я не смогу выносить этот голод?

Гийом наклонился к его уху, прошептал несколько слов. Крохотный фарфоровый флакончик — бидон после уплаты всех налогов — перешел в руки Франка.

* * *

Имме не хотела видеть, как горит Тоттендам. Как горит ее родной город и вместе с ним — ее родной дом. Пусть даже это пламя очищало землю от самого вонючего сгустка гнили, который когда-либо существовал на земле. Когда все уцелевшие поднялись на второй этаж, где через проломы в стене открывался великолепный вид на пожар, Имме вышла и села на пороге башни. Капли крови Гейба на тропинке сияли в темноте теплым желтым светом. Дождь еще не смыл их. Отблески пожара не достигали этого места. Но вой, жуткий, нечеловеческий, накатывался со стороны Тоттендама темными волнами и терзал слух. Имме передернула

плечами и первый раз в жизни подумала, что трубка с душистым табаком была бы сейчас очень кстати.

Гийом сел на порог рядом с ней.

— Обними меня, — сказала Имме.

Он выполнил ее просьбу. Имме прижалась к его груди.

— Сколько всего произошло! — проговорила она.

Голос ее звучал глухо. Ее дыхание ударялось в кожаную куртку Гийома ровно там, где за ней должно было находиться сердце.

— Я не думала, что смогу... — бессвязно продолжала Имме. — Все так быстро поменялось... Мне так хотелось, чтобы меня кто-нибудь поддержал, утешил...

Гийом прижал ее к себе крепче — впрочем, довольно осторожно. Имме отняла лицо от его груди и вдруг воскликнула:

— Великий Шабгни, они хотели отправить в карьер детей. Детей!

— Я здесь ни при чем, — возразил Гийом. — Ваши руководители думали, что женщины, запуганные судьбой своих подруг, нарожают им новых детей. Ну, и плюс месть за то, что дети спустили на них крыс. И планы вашего городского совета вполне могли осуществиться.

— Так карьер пуст?

— Как банка позавчерашних консервов, — подтвердил Гийом.

Имме поцеловала его. Поняв, что только поцелуями она ограничиваться не намерена, Гийом поднял ее и отнес в развалины.

Там хватало укромных закутков.

* * *

— Гийом... А какого ингредиента тебе не хватило?

— Трын-травы.

Имме приподнялась на локте, посмотрела на него почти гневно. Она подумала, что он смеется над ней.

— Трын-трава лишает человека желаний, гнева и радости, — произнес Гийом. — Трын-трава дает покой-

ствии. Но забирает волю и свободу выбора. Она превращает отравленного в пассивное орудие чужой воли. Сила вашей любви к жизни помогла вам преодолеть смерть. Свобода воли помогла некоторым из вас выбрать жизнь и сейчас, несмотря ни на что.

Имме помолчала некоторое время, вникая в смысл объяснения.

— Я найду такого, как ты? — спросила она.

— Нет, — сказал Гийом и добавил, не давая ей рассердиться: — Ты найдешь лучше. Ты найдешь — человека. Даже в Тоттендаме некоторые смогли это сделать.

Имме вспомнила об Ирене и Клаасе.

— Я знаю, ты не дашь людям покинуть родной город, — продолжал Гийом. — Ты привыкла, что мужчины обычно смотрят на женщину только с точки зрения вовремя и сытно выполненного супружеского долга. Но теперь ты знаешь, что не все ищут в женщине именно этого. И таких мужчин много. Собственно, выжили только те, кто ожидал от женщины совсем другого. Теперь тебе есть из кого выбрать.

Она принялась одеваться. Гийом лежал, не шевелясь, и смотрел на нее.

— Ты почти сразу поняла, кто я, — сказал он. — Ты хотела прикоснуться к силе?

Имме фыркнула.

— Нет, — сказала она. — Я хотела, чтобы с члена у мужчины хоть раз не сочилась гниль, а от самого мужчины не несло протухшим мясом. Я хотела прикоснуться к красоте.

— Гейб красивее меня, — заметил Гийом.

— Красивее, — согласилась Имме. — Но ты — добрее.

Гийом засмеялся. От его смеха старая кладка стен башни покрылась изморозью, а росток шиповника, пробившийся-таки сквозь полусгнившие доски пола, почернел и рассыпался в прах.

— Я? — переспросил Гийом. — Да я вообще не знаю, что такое Добро и Зло.

* * *

Ирена ушла вместе со всеми смотреть на пожар. Клаас остался один. Он сидел и улыбался в темноте. Ирена. Его Ирена. Она всегда была такая. «Быть как все» — можно было бы начертать на ее гербе, если бы он у нее был. Ничем не выделялась, строго следовала всем предписанным нормам. А на самом деле...

Он думал, что она все-таки покусывает Лиззи. Хоть иногда. Как выяснилось, она тоже так думала — и они оба ошибались.

И это была очень приятная ошибка.

Было еще кое-что, что не давало Клаасу покоя, и, когда силуэт Гийома проступил из темноты, Клаас очень обрадовался.

— Великий, — поприветствовал он его, вставая.

— Смертный, — тем же тоном, но явно поддразнивая, ответил Гийом.

Клаас смущенно улыбнулся. Но все-таки собрался с духом, чтобы задать мучивший его вопрос.

— Я вот хотел спросить, Шабгни...

— Я слушаю.

— Я думал, что ты осуждаешь нас.

— Я?!

— Да. Нас, тех, кто отказался пользоваться твоим даром. Я говорю о зубах. Мы, те, кто ушел из Тотген-дама, никого не кусаем. Но ты пришел, и...

— Мастер Клаас, — сказал Шабгни. — Все слова ваших священников обо мне — ложь. Но я знаю, что говорят обо мне, и я так выразился, чтобы ты меня понял. А ты вообще подумал о другом. Так вот, я имел в виду вот что. Я не буду решать за вас, я не буду спасать вас, я не буду наказывать вас. Я наказан *вами*. Я должен быть с вами до тех пор, пока заклятье не подействует так, как оно должно было подействовать. Или до тех пор, пока чары, что я наложил на ваших предков когда-то, не перестанут действовать совсем. Да, вначале я хотел... Я пытался... Но накладывать на вас дополнительные чары мне запретили. Я стану свободен, ко-

гда вы станете обычными людьми. Это единственный путь, другого для меня нет.

— Я понял.

— Что ты понял?

— Мне всегда нравилось работать в карьере, — ответил Клаас. — Проходить горизонт, искать, и это чувство, когда твердо знаешь, что вот здесь надо сделать шурф, потому что там, за тонкой каменной перегородкой, плещется черножизнь. Но однажды... в общем, меня изгнали из города. Мне пришлось пасти овец на том берегу.

Гийом расхохотался.

— Вот именно, — сказал он. — Пасти овец на другом берегу! И все же ты вернулся сюда... Да ну ладно. Я не за этим пришел. Ты прихватил с собой ту флягу?

Клаас молча кивнул.

— Черножизнь теперь будет безумно дорого стоить, — сказал Гийом. — Продайте ее за самую хорошую цену, которую только сможете выбить из торговцев. Не покупайте на эти деньги еду. Купите инструменты и семена. И коров — их мясо вкуснее человеческого, а молоко гораздо слаще, чем кровь. И хлеба на первое время. Сейчас весна, вы еще успеете все посадить — если наймете хороших учителей. Придется много работать, но...

— Нам не привыкать, Шабгни, — ответил Клаас. — У меня башковитые ребята. Они быстро научатся.

— И никогда, никогда не кусайте друг друга, — продолжал Гийом. — Нет долга уважения к родителям, нет родительского долга, нет супружеского долга. Никто никому ничего не должен. Есть только две вещи, которые должен каждый. Но не кому-то, а самому себе. Каждый должен стать, кем он есть. И второе — договоры должны соблюдаться. Тот, кто нарушает договоренности, должен быть наказан. Это говорю вам я, Гийом Шабгни. Тот, кто не дает второго шанса. Но дает хотя бы один.

— Хорошо, — сказал Клаас. — Мы так и сделаем.

Гийом кивнул ему на прощанье и начал растворяться в темноте. Так растворяется кошмарный сон, так тает снег, обнажая землю, из которой лезет зеленая трава.

— Шабгни! — окликнул его Клаас.

— Я слушаю.

На этот раз он различил в голосе бога сдержанную скорбь. Он знал, что Гийом ожидает услышать. Клаасу уже было немного стыдно за свой детский вопль тогда, на ступеньках ратуши — «не покидай нас!». Клаас никогда не занимался магией — он был человеком практическим. Но некоторые магические формулы переживают века, пусть и сохраняясь только в сказках, что рассказывают на ночь детям. Клаас всегда внимательно слушал, что ему говорила мама — даже когда она рассказывала сказки.

— Ты свободен, Гийом Шабгни, — сказал Клаас. — Даже если Франк... Мы справимся сами.

Темная и бездонная, как душа демона, улыбка была ему ответом.

А потом Гийом Шабгни, демон, который не дает второго шанса — но дает хотя бы один, — покинул этот мир. Была ли исправлена его ошибка, была ли выполнена его задача, что приковывала его к миру людей цепями более прочными, чем те, которыми родичи Гийома связывали между собой осколки их разлетевшегося мира — уже не имело значения. Человек счел, что Гийом сделал все, что мог, и отказался от его дальнейшей помощи.

Клаасу не хотелось теперь оставаться одному. Он встал и пошел к остальным. Тотгендам горел не каждый день. На это зрелище стоило посмотреть.

ЛЕОНИД КУДРЯВЦЕВ

МЫ — ЗОМБИ

— Что вы тут делаете?

— Ну, так как мы — зомби, мы тут гнием.

Из 343-й серии «Ван-пис»

Часа через два после пробудки к нам влетела информационная платформа размером с тарелку. Она зависла посреди логова.

— Еще один, — сказал Федор. — Спорим, журналюга?

Я взглянул на него с опаской.

Он у нас самый опытный, он — бугор, и встречать подобных гостей положено ему. Правда, совсем недавно у него появился помощник, и он может переложить эту обязанность на него. На меня то есть.

Федор опустил на стоявший перед его креслом низенький столик полупустой стакан с укрепиловкой. Прищурившись, он придирчиво оглядел диск.

— Проситель, — предположил Марек, ненадолго оторвав взгляд от доски, на которой были расставлены шашки.

Они с Хасаном собирались срубиться в «Чапаева», на которого с недавних пор запали так, что использовали для игры каждую свободную минуту.

— Взятку попытается дать, — сказал Тонго. — Гунлаут, как думаешь, кто это?

Я ответил:

— Бугру виднее. Платформа слишком толстая. Как раз такие журналисты и используют.

Тонго фыркнул и уткнулся носом в читалку. Добавить ему явно было нечего. А может, просто очень хотелось дочитать очередную книгу?

Федор встал, подошел к платформе поближе и поинтересовался:

— Кто, откуда, зачем?

Голос у него глубокий, вызывающий уважение. Да и сам он рослый, рыжий, широкоплечий. Бугор — одним словом.

— Португальская журналистка Шила Белура.

В слышавшемся из платформы голосе и в самом деле слышался легкий иностранный акцент. Голос был интересный, сексуальный.

Я подумал, что было бы неплохо познакомиться с этой Белурой в реале. Так определить, настоящая ли она журналистка, будет легче. Жаль, охрана к нам никого во плоти не пропускает.

— Документы?

— Вот.

В верхней части панели мигнул огонек, и тихо пискнул принявший файл коммуникатор на запястье у бугра. Взглянув на его экран, он едва заметно кивнул и подтвердил:

— Да, документы в порядке. Есть предписание оказывать всяческое содействие и отвечать на любые вопросы.

— Что-то непонятно?

— Предписания надо исполнять, — буркнул Федор, — если они не мешают работать, конечно.

— Как это у вас говорится — тише воды, ниже травы? Я постараюсь быть именно такой, — сообщила журналистка. — Когда отправляемся на задание?

Вздыхнув, Федор сказал:

— Скоро.

— Понимаете, у меня есть желание добиться не буквы закона, а осознанного взаимодействия, — жизнерадостно прощбетала Шила Белура.

— И как вы себе это представляете?

Федор стоял ко мне спиной, и физиономию его я не видел, но в голосе бугра явственно слышалось недовольство.

Оно и понятно. Если журналистка все-таки настоящая, надо держать ухо востро. Может ли кто-нибудь заранее определить, что от нее уйдет в Сеть, какие тексты и ролики?

— Я буду задавать разные глупые вопросы, словно впервые услышала о зувемби. Вы не поверите, но среди наших зрителей есть много таких, кто и в самом деле ничего об этой болезни не знает. А я обязана их просветить.

Я ухмыльнулся.

Известны нам эти приемчики. Удобная отмазка для прикрытия невежества.

— И еще, — добавила журналистка. — Хорошо бы, ваши подчиненные стали держать себя так, словно меня с вами нет. Естественно, понимаете?

— А зачем она вам, эта естественность? — спросил Федор.

— Я хочу почувствовать атмосферу, так сказать...

— Понятно. Вот как, значит... ага. Ладно, тогда принимаемся за атмосферу. Слышали, ребята?

И не чувствовалось в его голосе никакого подвоха. Он отдал приказ, выполнил пожелание гостя.

А я представил, как эта журналистка сидит у себя дома, в своей Португалии, лениво развалившись в удобном шезлонге, разглядывает наши физиономии на экране, и мне сразу захотелось чего-нибудь отчебучить.

И пока я прикидывал, что следует сделать, Тонго сел на диване поудобнее. Все еще глядя в читалку, он почесал себе ляжку. Кожа у него плотная, черная, и на все логово было слышно, как его здоровенные ногти ее царапают.

Реакция была чуть ли не мгновенной.

— Фу... — слышалось из платформы. — Но не до такого же...

— Понятно, — сказал Федор. — Не до такого... Слышали? В общем, приказываю отвечать на все вопросы и вести себя естественно, но до определенных границ.

Он вернулся на диван и снова принялся за укрепителку. Тонго едва заметно пожал плечами и продолжил читать. Марек с Хасаном вплотную занялись «Чапаевым», с оглушительным треском сшибая шашки с доски, то и дело издавая крики «Ножницы!», «Моя очередь бить!», «А я тебе так!». Я же, несколько разочарованный тем, что развлечение закончилось слишком быстро, вытащил сборник sudoku. Есть у меня теория, что работу мозга надо стимулировать, а они вроде бы этому помогают.

Я открыл сборник, машинально взглянул на Федора и вдруг заметил, как тот мне подмигнул, а потом демонстративно отвернулся.

Стало быть, с гостьей нашей не все ладно, подумал я. Мало ли какие у нее там надежные документы? Конечно, подделать их трудно, ибо уровень у них чуть ли

не правительственный, но возможно. Я знаю случаи. А может, Федор в этот раз наконец-то дал маху? Время покажет...

Я отложил sudoku и налил себе стакан нашего любимого пойла. Пересев в самый дальний угол, на кушетку, принялся наблюдать за журналисткой.

Действовала она напористо. Мгновенно освоилась и с налету попыталась взять интервью у Федора. Тот был просто сама обходительность, но изъяснялся туманно и очень осторожно. Сообразив, что тут не отломится, Шила Белура быстренько от него отстала и тут же надела на Хасана. Тот отшил ее за пару минут. Тогда она попыталась подгрести к Тонго. Честно говоря, здесь у нее были определенные шансы, но нашего афроамериканского друга спас писк коммуникатора Федора. Внимательно изучив пришедший на него файл, бутор объявил:

— Получен приказ выступать. На этот раз район заражения находится слишком далеко. Работать придется дистанционно, с пультов. Оборудование уже подготовлено. Поехали, мужики.

Не очень хорошая новость, подумал я. Конечно, сегодня можно не опасаться того, что мы притащим заразу прямо в логово, но модули станут слушаться хуже и работать будет труднее.

Федор нажал на своем коммуникаторе соответствующие кнопки, и в стенах открылись ниши с пультами управления. Усаживаясь в свою, я посмотрел на платформу журналистки. Бутор как раз в этот момент объяснял ей, как она сможет подключиться к нашей системе.

Как он все-таки определил, что она не та, за кого себя выдает?

Моя габарита наконец воткнулась в разъем, и я, вместе с остальными членами отряда, мгновенно перешагнув огромный кусок территории земного шара, ощутил, как в груди непривычно, неестественно сильно ударило сердце. При этом окружающий мир словно чулок вывернулся наизнанку и сменил палитру, стал менее ярким.

Я снова очутился в нише с пультом управления, только это была лишь виртуальным отражением той, в которой я сидел в реальном мире.

— Осваиваемся, — приказал Федор. — Модули пока работают в автоматическом режиме.

Обзорный экран был пуст, но включать его я не торопился. Не стоило на него пока отвлекаться. Прежде следовало разобраться с управлением. Я взглянул на него.

Иногда случаются сюрпризы, но сейчас все было привычно и удобно. Имело смысл лишь слегка подрегулировать размер виртуальной клавиатуры да сместить кнопки переключения из режима «соло» в режим «группа» чуть ниже.

Этим я и занялся. Сделал, попутно не забыв придать обзорному экрану другой, более удобный для меня наклон. Проверил, как движутся виртуальные тени моих рук, поводил ими над клавиатурой. Все и тут было в норме.

Потом я включил обзорный экран и увидел окружающий мир. Полдень, кирпичные коробки домов, асфальт площади под лапами моего модуля. Неподвижные машины на обочинах. Брошенный трамвай. Все как всегда. Пусто, поскольку жителей города эвакуировали еще несколько часов назад, всех, за исключением больных зувемби.

Я глянул на левый край экрана, где теперь светился список подвластных мне модулей. Шесть штук. Стандартный набор для нормальной работы. Вот с двенадцатью пришлось бы попотеть.

Не прошло и пяти минут, как я уже побывал по очереди во всех своих модулях и их протестировал.

Новизной тут и не пахло, но для одной операции хватит. А после нее ими займутся вплотную. Если я сделаю соответствующую запись в журнале. А я ее сделаю. Кстати, об операции...

Я взглянул на правый край экрана, пробежал глазами сообщение о том, что нам предстоит совершить, изучил карту.

Тут тоже ничего необычного не наблюдалось. Пресловутая «Ситуация 14», и даже не очень крупная. Всего лишь небольшой район в малонаселенном городе.

— Чищу сегодня я, — сообщил Федор, — все остальные, ясен пень — в оцеплении. Советую не расслабляться. Работа вроде бы не бей лежачего, но сюрпризы всегда возможны. Гунлаугу, как новоиспеченному помощнику, отдаю под крылышко нашу гостью.

Это он для того, чтобы мне жизнь медом не казалась, подумал я. Приучает, старый хрыч.

— Так кто она? — спросил я его по личной связи.

— Не террористка, — послышалось в ответ. — Но мутная мадам, однозначно.

— Может, в платформе у нее что-то спрятано?

— Я просветил ее полностью и не обнаружил ничего необычного. Чудовищного объема диски для записи информации. Вполне объяснимо, поскольку она журналистка. Ей надо все фиксировать на ролики. Но все-таки... Присмотрись, проконтролируй. Твоя это работа.

Вот не было печали, так черти накачали.

Я хотел было задать еще пару вопросов, но тут Федор скомандовал по общей связи:

— Ладно, погнали наши городских... Шагаем!

Он построил своих модулей в шеренгу по три и двинул их к району, который нам предстояло обработать. Все остальные сделали то же самое. Я пристроился замыкающим, как и положено помощнику. На случай нападения с тыла.

Хотя какое там нападение? Город вполне мирный. Это тебе не Ближний Восток. Кстати, не пора ли пообщаться с Шилой Белури? Самое время, сдастся мне.

Я взглянул на черточки своих подопечных и заметил, что на одну стало больше. Как и обещал, Федор перекинул управление ее модулем на меня, и тот теперь топал, пристроившись к моему звену. А еще у него бы-

ли перекрыты все информационные каналы, и журналистка пока не могла ни слышать, ни говорить, ни общаться.

Бутылку эту все равно придется откупорить, подумал я. Почему не сейчас? Пока джинн окончательно не взбесился.

— ...еще я могу пожаловаться... Ой, меня наконец выпустили из плена?

— Какой плен? — удивился я. — Информационные каналы были перекрыты из соображений безопасности. Теперь я решил, что настало время дать вам относительную свободу.

— Это как? — спросила Шила. — Почему — относительную?

— В случае необходимости могу их перекрыть вновь.

Интересно, будет ли она качать права? Насколько она профи?

— По рукам, — после небольшой паузы заявила журналистка. — Только мы должны перейти на «ты».

— Согласен.

— И ты ответишь на все мои вопросы.

— А куда я денусь?

Шила Белури весело хохотнула.

Все-таки Федор ошибся в этот раз, подумал я, успокаиваясь. Профи она, точно.

Карта показывала, что до цели осталось всего пара кварталов. Для модулей с их длинными ногами это всего ничего. А потом придется приниматься за дело...

Журналистка спросила:

— Дашь мне снимать свободно?

— Конечно, — ответил я. — Только железный уговор — не допускать контакта с объектами фильтрации, держаться от них на расстоянии. Радуйся, что работаем дистанционно и, поскольку эта зараза передается только при прикосновении, дальше модуля она не пойдет. При ином варианте предусмотрен более жесткий контроль.

— Экий ты официальный. По инструкции шпаришь?

— Конечно.

— А объектами у вас называют зомбаков?

— Не зомби они, — объяснил я. — Вполне себе живые люди. Дышат, чувствуют, издают звуки, могут есть.

— Только мозги у них сварились, — сказала она. — Или я ошибаюсь?

— На кого-то из них болезнь подействовала не до конца, — признал я, — но вскоре подействует. Иммунитета нет ни у кого, излечившихся не выявлено. Возможно, это и не болезнь вовсе.

— И ты все-таки не любишь, когда их называют зомби?

— Да, не люблю, вообще не люблю это слово. А если...

— Все поняла, — поспешно сказала она. — Отныне буду называть их только объектами,

— Вот и прекрасно.

Немного погодя я отошел и попытался прикинуть, с чего это так взбеленился.

Мне-то какое дело до этих несчастных? Ну, помогу я сейчас обработать их как положено и тотчас об этом забуду. Мало ли в Бразилии Педро? Может тут сказывается чувство вины, ибо ничем я им помочь не способен, а то, чем мы занимаемся, это не помощь? По сути, мы просто убираем мусор, оставшийся от нормальных людей, поскольку их уже нет ни в каком виде, они умерли.

Я представил себе, какой была жизнь обитателей квартала, который мы идем чистить. Наверняка ничего особенного в ней не было. Люди просто спешили на работу, ели завтраки, ругались с соседями, целовали жен, любили детей, выгуливали собак... Чем еще они занимались? Да чем угодно, тысячью дел. А потом кто-то прикоснулся к торчащему из земли старому проводу и подцепил спавший в нем до поры до времени зумеби. Потом было прикосновение зараженного к домашнему климатизатору, и вирус, перепрыгивая из прибора в прибор, захватил всю электронику, до которой дотянулся, и, прежде чем отправиться дальше, зацапал

пользовавшихся ею людей. Заняло это считанные минуты, от силы — полчаса. Тут сработала система блокировки. Это хорошо, что она есть, поскольку до нее теряли городами. Теперь жертв стало меньше. Правда, количество зон заражения постепенно растет.

Мы вышли на площадь. Я мог сказать, что здесь мы будем работать, даже не глядя на карту. На это указывала керамовая стена, откусившая ее часть. Стена эта и являлась системой блокировки. Высотой она была метров пять и смыкалась вокруг зараженной зоны в кольцо. Я знал, что с внутренней стороны она совершенно гладкая и никто по ней взобраться не сможет. Попытка ее проломить тяжелой машиной могла и получиться, но до такого объекты не додумаются. Ворота в стене были одни, и мы стояли как раз перед ними. Надлежало их открыть и очистить оказавшихся внутри. Собственно, именно в этом и заключалась наша работа.

Федор скомандовал:

— Пора начинать! Стройся, ребяташки. Гунлауг и Марек — слева, Тонго и Хасан — справа. Я буду чистить. Моя сегодня очередь.

Я нажал нужную комбинацию клавиш, и шесть моих модулей разом вытащили из рюкзаков-хранилищ рулоны щитов. Развернув их, они выждали полминуты, пока пленка затвердеет. После этого у каждого моего модуля оказалось в манипуляторах по щиту длиной в шесть метров, а высотой в три.

Я построил их в шеренгу с одной стороны от ворот и заставил, плотно сомкнув щиты, опустить их нижние концы на землю. Получилась стена, через которую не прошмыгнет и мышонок. Вставшие по другую сторону от ворот модули Тонго сделали то же самое. Образовался коридор. Хасан и Марек его удлинители до центра площади, на которую уже один за другим выезжали автобусы общества всеобщего призрения. Судя по тому, как лихо выгружались из них ребята в белых халатах, настроены они были по-боевому. Это радовало.

Коридор перекрывало звено Федора. Проход остался лишь в его центре, причем стоявший справа от него модуль держал в манипуляторе стиратель, аппарат, здорово смахивающий на переносной радар. Подобными в прошлом веке стражи порядка замеряли скорость автомобиля.

— Готовы? — спросил бугор.

Мы отрапортовали, что все в порядке.

— Тогда — начинаем. Я открываю.

На воротах щелкнул электронный замок, и они распахнулись. Ничего такого особенного за ними не было. Такой же город. Улица, дома, брошенные машины, вывески и витрины, вдали — фонтан, и он, странное дело, даже работал. Впрочем, это его не спасет. После того как объекты будут очищены, тут начнется большой бадабум.

— А где зомб... гм, ну эти... самые? — спросила журналистка.

Я взглянул на ее модуль. Спору нет, расположила она его грамотно, чуть правее от меня. Манипуляторы вытянула на полную длину, и в них теперь была камера, большая, профессиональная, записывающих все происходящее просто с чудовищным разрешением. Где она ее раздобыла? Почти наверняка кто-то подвез и снабдил ее модуль этой игрушкой еще до того, как мы здесь объявились. Кстати, а кто запрещает журналистам иметь помощников?

— Так скоро появятся объекты? — поинтересовалась Шила Белури.

— Немного погодя, — буркнул я. — Им еще надо добежать. Они только узнали, что выход открылся.

— А как они это делают?

— Узнают? Неизвестно. Точно одно — скоро они будут здесь все, до единого. Кто раньше, кто позже. Нам это на руку.

— А как выйдут умудрившиеся не заразиться?

— Таких там нет. Тревога прозвучала часа четыре назад.

— А если все-таки... — гнула свое она, — вдруг кто-то...

Чувствовалось, куда она сейчас повернет разговор, и мне это совсем не нравилось. Тут на мою удачу появился первый объект, журналистка немедленно занялась его съемкой, а я вздохнул с облегчением.

Объект появился у ворот неожиданно, зашел к ним откуда-то сбоку. Худой мужчина в длинном плаще. Одна щека у него была выбрита, другую покрывала густая щетина. Глаза — белые, бессмысленные, как и положено у больного зувемби. И, конечно, пер он на проход в шеренге модулей Федора, как по компасу.

Как только объект оказался в пределах досягаемости, бугор цапнул его выдвинутым на полную длину манипулятором, подтащил поближе и пустил в ход стиратель. Его головка на мгновение прикоснулась к макушке несчастного, и этого оказалось достаточно. Пленник обмяк. Резкое движение манипулятора, и он оказался по другую сторону нашего кордона. А там парни в белых халатах подхватили его под руки и поволокли к ближайшему автобусу.

Его сознание теперь девственно, подумал я. Остались лишь основные функции. Умение дышать, есть, спать и отправлять естественные надобности. И ни малейшего следа зувемби. Теперь его следует учить всему, как малолетнего. В результате получится совсем другой человек, но — получится.

— Камеру свою не опускай слишком низко, — посоветовал я журналистке. — Подцепишь заразу. Лишний модуль потом придется кому-то чистить.

Она тотчас откликнулась:

— Постараюсь. А ты заразиться не боишься?

— Ни капли. Всем из нашей маленькой компании зувемби не страшна, поскольку мы продукты самых новейших медицинских технологий. В нас вложены огромные деньги, и потрачены они не зря.

Объяснить подробнее мне не удалось, поскольку как раз в этот момент на нас набежало сразу несколько де-

сятков объектов. А потом они пошли и вовсе толпой. Федор работал на пределе, и медики едва успевали оттащить очищенных. Время от времени объекты шли такой плотной массой, что закрыть ворота не удавалось. Тогда, для того чтобы дать бугру возможность перевести дух, приходилось проворачивать маневр, уже давно нами отработанный. Либо я, либо Тонго перекрывал щитами своих модулей проход перед воротами. Одновременно с этим прочие брали в кольцо всех, оказавшихся в тот момент в коридоре, и Федор их быстренько очищал. После этого можно было минут пять-десять перевести дух. Потом маневр проделывался в обратном порядке, и чистка возобновлялась. Самое главное при этом было никого не упустить. К счастью, нам это удавалось.

Часа через два вроде бы стало чуть свободнее, и журналистка, все время крутившаяся со своей камерой рядом с моими модулями, попросила:

— Расскажи поподробнее для наших зрителей о том, что из себя представляет зувемби. Хотя бы основное.

— Если кратко, то она смахивает на один из некогда распространенных в сети вирусов, — ответил я. — Просто этот очень большой и передается через любые проводящие ток поверхности. Через человеческое тело — тоже. Зувемби его достаточно. Попав в мозг, она через некоторое время превращает в кашу всю хранящуюся в нем информацию. Для того чтобы заразиться, человеку достаточно прикоснуться к прибору или металлической поверхности объекта, в котором таится зувемби. Инкубационный период обычно длится часа три.

— Зачем больные зувемби так рвутся из-за стены? — спросила журналистка.

— Их толкает на это болезнь. Ей надо захватить как можно больше пространства.

— А почему объекты не пытаются перепрыгнуть через стены, которыми огорожен их район? — спросила журналистка. — Ну, там с шестом или со второго эта-

жа стоящего рядом дома. Они могут друг друга просто подсадить. Почему?

— Так поступили бы люди, — объяснил я. — А они больны. Мне кажется, они уже просто до этого не додумываются.

— Ну, хорошо, вам эта болезнь не страшна. А как быть с вашим оборудованием?

— Почему-то зувемби не передается с помощью радиоволн, — ответил я. — Иначе она бы уже давно охватила весь мир, просто используя коммуникаторы. Сегодня мы можем потерять наши модули, но не больше. Хотя бывают случаи, когда нам приходится действовать и без модулей. Вот тут нас спасают наши особые свойства.

— Существует ли сейчас для тебя риск заразить свой модуль? Вроде бы их чистить не очень легко.

— Есть, но не очень большой. Щиты, которыми закрываются модули, покрыты не проводящим электричеством составом.

— А как же ваш старший, ваш бутор? Он хватает зараженных манипуляторами своего модуля. Его оборудованию зувемби не опасен?

— Его модуль придется обработать, тут никуда не денешься, — ответил я. — Для этого есть определенные процедуры. Видите ли, стиратель действует только на мозг людей.

— Как возникла эта зараза?

— Есть слухи, что ее сделали в одной из тайных лабораторий, а потом она вырвалась наружу. Говорят, зувемби имеет внеземное происхождение. Есть и другие версии. Правда, сдается мне, в том, что никто ответа на этот вопрос не знает. Да и имеет ли это значение? Главное, убить ее никак не удастся, поскольку у заразы есть инкубационный период и она может бесконечно долго ждать момента, когда к зараженному оборудованию прикоснется человек. И самое худшее в том, что очаги зувемби появляются все чаще, по всей планете.

— Что будет с районом, который вы чистите?

— Им займутся другие команды. Работают они очень тщательно. Каждый зараженный объект будет найден и уничтожен.

— Вы как-то не очень уверено это сказали. Неужели источники заражения будут найдены все? Или в каких-то забытых подземных коммуникациях вирус зувемби может сохраниться, для того чтобы через некоторое время возродиться вновь?

Я хотел было ей ответить, но тут объекты повалили очень густо. Некоторые даже не могли пройти в ворота. Они скапливались за стеной и скапливались. Наконец их набралось так много, что объекты закричали.

Я видел, как при первых звуках два санитара, тащившие уже очищенного, безвольного человека к автобусу, едва не уронили его на асфальт. Человеческим криком это назвать трудно. Звук больше напоминал царапанье железным прутком по стеклу, усиленное раз в десять. Впрочем, слова при этом все-таки разобрать было можно.

— Мы — зомби! — кричала толпа. — Мы пришли надолго! Мы — зомби! Мы пришли надолго!

— Ну вот, допрыгались, — сообщил Хасан. — Зашиваемся, братцы.

И не возражишь. Так оно и есть. Зашиваемся.

— Зачем они кричат? — спросила журналистка.

— Кто его знает? Может, их создателю показалось прикольным ввести в вирус еще и это, — буркнул я, прикидывая, что очередь перекрывать ворота в этот раз моя. — Если это пришельцы, то тут может быть несколько версий.

— Но ведь зомби...

Вопрос задать она не успела. Федор зло рявкнул:

— Гунлауг, перекрой ворота!

Я взглянул на модули бугра. Новых дырок в их строю не появилось. Значит, все пока под контролем. Пока лишь.

— Начинаю перекрывать, — сообщил я.

— Добро! — откликнулся Федор.

Я двинул свои модули и стал с их помощью совершать маневр, который сегодня делал уже пару раз. Я даже успел его закончить. Сплоховал Хасан, и я увидел, как это произошло. То ли он нажал не ту кнопку, то ли в системе управления возник короткий сбой. Не имело смысла сейчас выяснять, в чем там дело. Главное, в его шеренге образовалась брешь. Появилась она всего лишь на мгновение, но этого хватило. Один из объектов проскочил.

Он мчался от нас прочь, худой, невысокий парень, в яркой спортивной куртке, мчался со всех ног, задрал к небу голову. Руки у него были вытянуты вперед, как у слепца, и он ими слегка помахивал, уже заранее готовясь схватиться за что-нибудь способное принять зувембе. И было понятно, что перехватить его никто из нас не успеет. Не стоит и пытаться. Любой из нас, дернувшись ему вслед, только ослабит строй, даст возможность выскользнуть остальным объектам. Тогда они побегут по площади десятками. И это будет — катастрофа.

— Ушел, — сказал я.

Никто из наших не откликнулся. Да и о чем тут было говорить, если и так все ясно? О финале гадать не имело смысла. Мы — знали.

С площади беглеца не выпустили. До ближайшего в колонне автобуса он не добежал шагов пятнадцать и явно нацеливался даже не на него, а на медиков, застывших возле него словно изваяния. Грохнул выстрел одного из расположившихся на крыше снайперов, и объект покатился по асфальту, словно куль грязного белья.

— Ух ты, — сказала журналистка. — Значит, это не слухи. Часто такое случается?

Я не ответил.

Между тем вопль «Мы — зомби!» слышался все громче. Щиты в руках у моих модулей стали слегка покачиваться. Я подумал, что вскоре, когда напор больных зувемби усилится, мое звено может и не выдержать. Ну, да бог не выдаст, свинья не съест.

Не выдал боженька. Прежде чем мои модули окончательно сдали, Федор успел покончить с оставшейся за воротами группой, напарники вновь образовали коридор, а я, получив команду, его вполне благополучно откупорил. Где-то через час стало полегче, и Шила Белура, почувствовав это, опять стала задавать вопросы.

— Допускаешь ли ты, что зувемби научатся лечить? — поинтересовалась она. — Говорят, что над этой проблемой работают множество медицинских центров и некоторые уже добились больших результатов.

Настроение у меня было ни к черту, и я буркнул:

— Говорят, кур доят.

— В каком смысле?

— Шарлатанство чистой воды. Как всегда, жулики собирают деньги с дураков.

— И все-таки...

— Глуши ее, — приказал Федор. — Только отвлекает. Если мы упустим еще одного, нас понизят в ранге, а это, как понимаешь, — худшее обеспечение. Ну а дальше...

Как не понять? Я ее отключил.

Следующие часа три мы работали молча. Общаться никому не хотелось. Мы просто делали свое дело, даже более четко и слаженно, чем всегда. Нам надо было восстановить самоуважение.

Поток объектов все слабел. Мы потратили еще час на тех, кто дольше других сохранял остатки разума и поэтому явился к нам самыми последними. Таких обнаружилось всего лишь пятеро. Потом нам доложили, что по результатам сканирования район полностью пуст. Это означало, что свою работу мы сделали. Сегодня — скверно, надо сказать.

— Пошабашили, — сказал Федор. — Пора по норам.

Ученые говорят, что зувемби имеет власть над телом еще около часа после его смерти, подумал я, посмотрев на колонну автобусов.

То ли медики этого не знали, то ли не рискнули проверить это утверждение на собственной шкуре. В об-

щем, к убитому никто даже не подошел. Он все еще лежал на асфальте.

Федор подошел к нему и прикоснулся к его голове стирателем. Постоял над трупом, словно о чем-то раздумывая, потом вернулся к нам. Мы сложили щиты в кучу и построились в колонну.

— Пора возвращаться? — спросил Тонго.

— Да, уходим в логово, — сказал Федор. — Сейчас.

Прежде чем нажать соответствующую кнопку, я еще раз взглянул на убитого. Медики как раз укладывали его на носилки. Лица у них были испуганные, движения суетливые.

Потом было возвращение, еще один неистовый удар сердца и наше логово. Мы выползли из своих ниш, медленно, неуклюже, с трудом переставляя затекшие ноги. Федор плеснул себе укрепилочки и плюхнулся на диван. Лицо у него было мрачное. Он уже явно представлял, как получит от начальства втык.

До отбоя оставалось еще часа два. Тонго снова занялся читалкой, Марек с Хасаном взялись за «Чапаева», а я подсел поближе к бутру. Нам надо было поговорить, и серьезно. Благо, в нашем обиталище можно трепаться свободно. В свое время мы сумели заработать несколько привилегий и одна из них отменяла прослушку логова.

— Журналистка, — напомнил я. — Она явно наснимала лишнее. Если это попадет в Сеть, начальство на нас обидится еще больше. Все ролики до сих пор находятся на диске ее платформы. Спорим, она их не успела еще скопировать?

— Хочешь обработать ее платформу? — спросил Федор.

— Чем это нам грозит? Да, она поднимет крик, но, поскольку качественных роликов у нее не осталось, толку не будет. Все, что сейчас есть на руках, можно за просто объявить фальсификацией. И она это понимает. Как, согласен?

— Я хотел с тобой поговорить о другом.

— О чем?

— Вот, посмотри. Здесь минута, не больше. Я ее специально вырезал. Журналистка думала, что у меня не хватит времени контролировать, а я настроил камеру наблюдения одного своего модуля только на нее.

Он переслал мне видеофайл. Просмотрев ролик, я хмыкнул и запустил его еще раз, на замедленной скорости. В нем было показано, как моя подопечная, далеко вытянув камеру в сторону толпы объектов, на мгновение ее опустила, так, что один из больных зувемби протянул руку и сумел поймать выпавший из нее черный цилиндрик, размером с большой палец. Схватив его, он стал поспешно пробираться к краю толпы, прочь из мешка перед воротами.

Мы помолчали.

— Она это сделала тогда, когда прорвался тот объект? — спросил я.

— Да, — ответил он. — Сейчас остается лишь гадать о том, случайно это на самом деле произошло или было как-то организовано. Мы этого делать не будем.

Я хлебнул укрепилочки и спросил:

— Как думаешь, что в цилиндрике?

— Это контейнер, — Федор пожал плечами. — В нем может быть средство связи или батарея для средства связи, для того чтобы кто-то с кем-то связался, что-то сообщил. Как ты знаешь, все электричество в городе было вырублено. Однако я думаю, что он пуст.

— Почему?

— Надеюсь, ты понимаешь, что операция прикрытия, по которой к нам попала эта красавица, снабженная честь по чести оборудованием и всеми документами, стоила кому-то огромных денег? Значит, игра стоила свеч.

— Правительство? — спросил я.

— Нет, оно так не работает.

— А кто тогда?

— Частники, думаю я. Кто-то очень богатый или обладающий большой властью, теневой властью. Понимаешь?

— А эту штуку она передала тому, — предположил я, — на кого зувемби подействовала позже, чем на других?

— Наверняка. Заразившись, он, видимо, успел каким-то образом заинтересовать кого-то очень серьезного. После этого у нас появилась журналистка с заданием передать определенному человеку контейнер. Вполне возможно, он даже его успел закопать. То есть сейчас, на территории района, там, где ее скорее всего не найдут чистильщики, лежит капсула, в которой находится важная информация. Она стоит больших денег, и к бабушке не ходи — заражена зувемби. Память заложившего ее уже девственно чиста. В курсе лишь мы, Шила Белури, ну и те, кто ее нанял.

Мы еще немного помолчали.

— Зачем нам очень большие деньги? — спросил я.

— Незачем, — ответил он. — Нам некуда их тратить. Но дело не в них. Подумай хорошенько, подумай...

— Как ты все-таки определил, что она не та, за кого себя выдает? — спросил я. — Как ты это делаешь?

— Никак, — ответил он. — Я просто считаю, что они врут все. Если мои подозрения подтверждаются, у меня уже есть наготове план. Если ошибаюсь, значит, есть повод радоваться приятному сюрпризу. Таким образом, вы, лохи, живете в мире сплошных досадных открытий, а я в стране приятных сюрпризов.

Он не очень хорошо улыбнулся. И я, как пай-мальчик, сделал вид, будто ему поверил.

— Что будем делать с журналисткой? — спросил я.

— Вот это и есть главный вопрос.

— Будь она настоящая... — сказал я.

— Несомненно, — подтвердил Федор. — Я бы просто согласился с твоим предложением и забыл о ней. Однако есть ролик, в котором она передает контейнер

объекту. Мы должны о нем сообщить наверх, но можем и промолчать.

— Вот как?

— Именно. Учти, это решение имеет отношение к будущему нашей группы. Если все откроется, отвечать придется всем. Жестко отвечать.

— И ты хочешь переложить часть ответственности кого-то другого?

— Почему бы и нет, ради разнообразия? — Федор улыбнулся. — Ты мой помощник, моя правая рука. Иногда это налагает и обязательства.

На это возразить мне было нечего. А вот в отношении остального...

— Хорошо, — сказал я. — Давай по порядку. Прежде следует решить, насколько мы рискуем, если сделаем вид, будто Шиле Белури удалось нас обвести вокруг пальца. Так?

— Думаю, угроза минимальна. Как ты понимаешь, никакого репортажа не будет, поскольку журналистка ненастоящая. Изобличающий ее и нашу оплошность ролик мы потрем. Как еще нас могут в чем-то обвинить?

— Тогда остается главный вопрос. Какую мы получим выгоду, если промолчим о контейнере? Вот этого я никак понять не могу.

Федор пожал плечами.

— Это просто. Мы нужны до тех пор, пока возникают очаги зумемби. Наше существование зависит от этой заразы. Понимаешь? Если мы не сообщим о контейнере, то наша лихая журналистка его рано или поздно заберет и передаст своим работодателям. Что они с ним будут делать? Попытаются найти умельца, способного его очистить. Таких пока нет и быть не может. Ведущие ученые признают, что не понимают природы этой болезни. Почему она передается лишь прикосновением и только через металлы или тело человека? Почему она так воздействует на человеческий мозг, словно он — обычный жесткий диск, на который попала стандартная программа-вирус? Уверен, попытавшись очистить

информацию из контейнера, они добьются лишь возникновения новой зоны заражения и тем самым подкинут нам работу, сделают наше существование оправданным.

— Ладно, — сказал я. — Ты хочешь, чтобы я все это осмыслил и либо принял, либо отверг твоё решение?

— Ты не понял, — ответил он. — Я знаю, какое решение ты примешь. Ты просто должен осознать, в каком мире мы существуем, каковы его законы. Я хочу преподать урок тебе как помощнику, хочу чтобы ты научился им быть. Думай. Обещаю в этот раз поступить так, как ты решишь. А сейчас налью-ка я себе еще укрепитки. Пять минут у тебя есть.

Выдав это, Федор ехидно ухмыльнулся, а потом утопал к бачку с пойлом. Я же принялся думать.

И было о чем, поскольку шуточки кончились. У меня было четкое ощущение, что меня вытащили из уютной норки и заставили идти навстречу пронизывающему до костей ветру. Причем вернуться в покой и тепло невозможно. Остается лишь из последних сил двигаться вперед, стараясь не упасть, ибо подняться уже не удастся.

Люди, обычные люди... Вспышки зувемби случаются все чаще. Сколько раз такие, как мы, оставляли для нее возможность ускользнуть в мир людей? Не исключено, что очередную вспышку локализовать не удастся или болезнь рывком мутирует. Эта игра и в самом деле — игра с огнем. Люди могут попросту исчезнуть.

Мне вспомнился нечеловеческий вопль толпы объектов: «Мы — зомби! Мы пришли надолго!»

Я невольно посмотрел в ту сторону, где стояли наши ложа. Там поблескивали наконечники подвижных шприцев и наблюдалось слабое шевеление. Там уже готовились к предстоящим после отбоя процедурам, восстанавливающим наши мертвые тела.

Мы когда-то были людьми, но теперь являемся уже чем-то другим. Если удастся, мы со временем потесним человечество. Возможно, оно исчезнет вовсе и оста-

немся лишь мы. Только это будет в далеком будущем. Сейчас о нем задумываться времени нет. Для нас сейчас главное — уцелеть. Мне и моим друзьям. Любой ценой. Мы — другие, но в нас осталась присущая людям жажда существования и умение цепляться за любую подвернувшуюся возможность его продолжить. Пусть и не совсем честную.

Федор — прав. Думать не о чем. Все уже решено.

НАТАЛЬЯ КАРАВАНОВА

ДОМ НА КЛАДБИЩЕ

Ветер нес из-за реки запах торфяного дыма. В парке неподалеку гудел, пробуя строй, уличный оркестр. По желтой театральной афише ползла близорукая муха. Другие мухи читали афишу издали и даже, кажется, на лету обсуждали прочитанное.

На берегу у парапета стояла юная дева в беретике и летнем пальто, любовалась вечерним небом. И пейзаж стоил того, чтобы им любоваться — заречными далями, над которыми уже собиралось вечернее морево. Густой такой красноватый чай, настоящий на торфяном дыму.

Тишина и покой.

Чуть в стороне на скамеечке устроился худой невысокий мужчина в потертом френче времен прошлой войны. Он и сам выглядел потертым в унисон одежде. И удивительно гармонично выглядел на зеленой наборной лавке, которую, похоже, не красили с тех же времен. Человек курил.

Дым его папиросы поднимался вертикально вверх — так дым из трубы в сильные морозы стремится к небу. Человек смотрел на плывущий дым и краем глаза на девушку у парапета.

Солнце пролилось на горизонт ртутью.

Человек погасил окурочок о чугунный каркас скамейки, бросил его в урну. Тяжело поднялся. Девушка про-

должала стоять, вглядываясь в темнеющее небо, ветер шевелил рыжеватые от солнца пряди.

— ...а может, все правильно, — сказал человек вслух. — Да, Сережа?

Невидимый собеседник, наверное, ему что-то ответил. Потому что человек криво улыбнулся и, ссутулившись, побрел прочь от набережной. Когда он скрылся за углом, девушка словно проснулась. Отвернувшись от погасшего неба и шаркающей походкой старухи побрела в сторону лестницы на бульвар. Туда, где вполсилы наигрывал оркестр. Туда, откуда долетали звуки шагов и голосов.

Лучше всего любоваться нашей локацией с крыши Дворянского собрания. Эта точка существенно ниже католической колокольни на Северном холме, но зато отсюда не видно ни корпусов Производства, ни стадиона. Отсюда город похож на город, каким он должен был быть. И неважно, когда. Просто — должен. А не был. Ни один миг своего существования он не был таким, каким виделся мне с крыши. Спокойный провинциальный городок, с пыльными парками, в которых качели, голуби и кошки, с редкими мосластыми автомобилями, у которых лаковые борта и брезентовые крыши, а фары напоминают профессорское пенсне. Дети лопают мороженое, зажатое между двумя вафельными кругляшами. Взрослые... о, да. Взрослые.

Отсюда, сверху, видно, как гуляют по скверу хорошо одетые пары или как уверенной походкой торопятся куда-то озабоченные полисмены. Как уличные музыканты устраиваются в ракушке сцены подле танцевальной площадки. Отсюда кажется, что город живет.

А он заводная игрушка, брошенная детьми.

И оттого мне иногда хочется сделать что-то такое, что заставит игрушку остановиться. Перестать делать эти бессмысленные движения, заставит ее выключиться.

На крыше я чувствую себя немного властелином мира. Здесь моя мастерская на ближайшие вечера. Ко-

гда я художник, то мне кажется, что при помощи красок я хотя бы на картоне могу сделать это место чуть менее фальшивым.

Правда, чаще я не художник, а офис-менеджер.

Просыпаясь утром, я точно знаю, какими будут ближайшие часы моей жизни... они ничем и никогда не отличаются. «Выбрала себе творческую профессию — иди на Производство. Не хочешь — ищи другой источник дохода». Что правда, то правда — на Производстве художники и сценаристы нужны не меньше, чем механики и биоинженеры. Вот только я туда не пойду. Там искушение «сделать что-нибудь этакое» станет непреодолимым. Именно там сидят ловкачи и трюкачи, что сделали наш мир таким, какой он есть. Хрупким, зависимым и ненастоящим.

Там конструируют, собирают, настраивают, утилизируют, даже иногда ремонтируют — биотов...

Мое утро однообразно. Заглянуть в доставку, разогреть и съесть завтрак. Глотнуть немного эмульсии, запить, чтобы лучше прижилась, этиловым спиртом... и вперед, в ванну. Цеплять контакты захвата мышечных реакций, дразнить свое отражение в зеркале... а потом ждать связи с дежурным биотом в офисе конторы.

Наша Клава прекрасна. Мы на ней дежурируем по очереди, в четыре вахты. Рабочий день — шесть часов. Офис работает круглосуточно, Клава наша всегда свежа и юна, и еще у нее такой бюст, что будь среди наших конторских крыс хоть один настоящий мужчина, ни в жизнь бы не смог нормально работать.

Контора подбирает сотрудников так, чтобы не платить надбавки за ночное дежурство. Я, честно говоря, даже не представляю, где физически находится наш офис. Но рабочий день у меня начинается строго в восемь утра, а заканчивается — в два пополудни.

И я сдаю Клаву следующему оператору.

Вылезаю из ванны.

Топаю обедать.

Все это на автопилоте, все это — в процессе отвыкания от ощущений Клавиного тела, ее смещенного вперед центра тяжести и намного более приличного зрения.

Когда я художник, я ношу с собой винтовку с хорошей оптикой. Винтовка не стреляет — давно уже в ней что-то сломалось. Зато вид меня, идущей на крышу с деревянным ящиком-этюдником и винтовкой, внушает уважение.

А сквозь оптику можно рассмотреть те детали, которые моему взгляду были бы неподвластны. У меня не очень хорошее зрение.

И я не спеша рисую вечерний город, которого не было и нет...

Юра сверился по карте, но не смог разобраться в хитросплетении проселочных линий. Понятное дело, карта старая, половина этих дорог, наверное, давно уже заросла. И дернул же черт забить на указания путеводаителя и отправиться к нужной части локации напрямик! Уж сколько бравых путешественников сгубило слепое доверие собственной интуиции... а все новые и новые юниты готовы пополнить скорбные ряды.

Юра с досадой пнул колесо, но машина помочь ничем не могла. Эта модель не снабжена ни навигатором, ни бортовым компьютером. Скромненькая бюджетная машинка, никаких наворотов. Зато и отследить ее в разы трудней.

«Зачем тебе? Закажи биота и гуляй, не теряя времени!»

А что. Ощущения — почти оригинальные. А тратиться нужно только на аренду «биологической оболочки». Но только вот тогда придется и оборудование покупать на месте, и не ясно, будет ли оно нужного качества. И к тому же в том деле, которым Юра зарабатывает на хлеб с маслом, лучше лишний раз не отсвечивать. Вряд ли местные хозяева экстрим-бизнеса обрадуются, что их контент без договора тянут — и не просто тя-

нут, а продают за грошики. И даже налоги с него не платят...

Именно по этой причине Юра и ехал один, ночью, на машине без навигатора и бортового компьютера, в не самую ближнюю локацию, сторонясь главных дорог.

Машину он планировал бросить где-нибудь в укромном месте, а потом, сложив съёмочное барахло в сумку, потихоньку отправиться в город. А дальше — по отработанной схеме...

Сбор информации, легальный «зрительский» заезд, ну и монтаж техники в самых выгодных точках для «картинки».

Небо равнодушно подмигивало августовской россыпью звезд, лес вдоль обочин молчал, даже насекомых и птиц было не слышно.

И непонятно, то ли возвращаться, то ли ехать дальше.

Если назад, то еще километров пятьдесят никакого жилья не будет. А если вперед... что там впереди? Быть может, этот проселок ведет на ферму, на которой прилежно пашут биоты. А может — в какую-нибудь заброшенную деревню... или бывшую военную часть.

Юра все-таки решил проехать с полкилометра, и если дорога эта ничем не кончится, то тогда — ладно уж. Он устроит авто у обочины и попробует остаток ночи поспать. Хотя и трудно представить, что сон на заднем сиденье его автомобиля может принести отдых...

Решение оказалось правильным сразу с двух точек зрения. С географической и с практической.

Потому что совсем скоро лучи фар выхватили покосившийся деревянный забор, зияющий дырами, что нижняя челюсть зомби из всех без исключения зомби-апокалиптических локаций. И, словно бы подтверждая ассоциацию, сквозь дыры в заборе стали видны кресты и надгробья городского кладбища. Что не могло не радовать. Кладбище — это прекрасная привязка к местности. Оно примыкает к городским окраинам как раз со стороны зоны отчуждения вокруг местного стадиона. А значит, не так уж и сильно Юра сбился с пути.

★ Может, слишком рано свернул с бетонки на проселок... Ну, это не страшно. Это завтра можно будет вычитать уже точно.

Практическая же выгода от того, что он проехал чуть дальше, заключалась в том, что впереди замаячил тусклый электрический свет. Не то там сторожка, не то контора. А может, и вовсе жилое строение, хотя кто в здравом уме согласится жить возле кладбища?

Однако, подъехав ближе, Юра убедился, что дом как раз выглядит скорее жилым. Высокое, в викторианском стиле здание в два этажа, с увитым «бешеным огурцом» крыльцом, над которым светит желтый фонарь.

Дом стоит по другую сторону от дороги, но со второго этажа, наверное, открывается прекрасный вид на ближайшие могилки...

То, что в паре окон горит свет, Юре показалось хорошим предзнаменованием.

В пятне света две колеи, между которыми трава ровень с той, что на обочинах. Стоило остановиться, белые совки рванули биться глупыми головами о стекла фар...

Юра погасил фары, хлопнул дверцей. Если в доме кто-то есть, то можно попроситься на ночлег. Или хотя бы дорогу спросить.

Он поднялся на крыльцо, вдавил кнопку круглого звонка. Подождал немного, но никто так и не отозвался.

Что же... хозяин спит. А свет погасить забыл.

Видимо, все же придется ночевать в машине. Юра провел пятерней по встрепанному русому затылку и на всякий случай подергал за дверную ручку — крутяш белого, блестящего от многочисленных прикосновений металла. И дверь словно ждала этого.

Без скрипа, без усилий она отворилась, приглашая гостя войти. Но там, за дверью оказалась не прихожая, а просторная лестничная площадка. Лестницу на второй этаж освещал тусклый свет луны, по ступеням скользили косые тени оконных переплетов.

Оба увиденных с улицы светящихся окошка были внизу, так что Юру куда больше привлекла дубовая дверь напротив входа. Она была приоткрыта. Правда, помещение прямо за дверью тоже было темным. Юра нашарил в кармане фонарик-брелок, под ноги уперся синеватый луч. Давно бы следовало сменить батарейки, но кто ж знал, что фонарик понадобится для чего-то большего, чем необходимость подсветить замочную скважину...

— Ау! — крикнул он в ждущую глухую темноту. — Есть кто живой?! Эй, хозяйева! У вас дверь не заперта!

И снова тишина была ему ответом.

— Ну вот. Вторжение в чужое жилище... а с другой стороны...

Что «с другой стороны», Юра не придумал. Ему было немного жутко, но и останавливаться на полпути он не привык. Отворил дверь. Снова на всякий случай окликнул хозяйев. Но ответа уже не ждал.

За дверью оказался длинный прямой коридор, оба конца которого упирались в торцевые окна.

А слева, шагах в десяти, на паркет падал косой прямоугольник золотистого света.

— Ага! Значит, мне сюда...

Это оказалась кухня. Не обычная крошечная кухня типового блок-коттеджа, у которой кроме стола, морозилки и раковины есть только окно доставки, а основательная такая, под прошлый век, кухня с плитой, вытяжкой, разделочным столом и набором ножей, развешанных над ним в строго заданном порядке. Видимо, хозяйева, вопреки трендам последних нескольких лет, предпочитали готовить еду сами.

Самой банальной и ненужной вещью на кухне был зомби. Классический такой, облезлый зомби в плохо сидящей черной паре и черной же, порченной влагой и червями шляпе. Пиджак был расстегнут, две верхние пуговицы некогда белой, а теперь пятнисто-бурой сорочки — тоже. Под ней что-то неприятно шевелилось в

такт дыханию. А дышал зомби качественно — со всхлипом и сипом, с хрипами в легких...

Наверное, именно от зомби на всю кухню пахло прогорклым маслом и аптекой.

«Банально, — хмуро подумал Юра. — Интересно, это аттракцион от местного стадиона или просто хозяин с причудами?»

Биот даже голову не повернул в сторону гостя. Сидел и пялился на стакан, наполовину наполненный прозрачной жидкостью. Даже рука, лежавшая возле стакана, не дрогнула. Рука в ободранной нитяной перчатке...

— Здравствуйте, — сказал гость, стараясь хранить вид независимый и невозмутимый. — У вас дверь не заперта.

Зомби продолжал гипнотизировать стакан. Вполне возможно, он давно так сидит, не двигаясь и не отвлекаясь. Как любая биооболочка, он готов ждать несколько часов, пока не вернется «хозяин». А если хозяин не вернется, он отключится «до востребования»... во всяком случае, во всех инструкциях написано именно так.

Юра обоих своих домашних биотов — и «официала», и «дублера» — перед отъездом отправил в отключку и на всякий случай обнулil все внешние контакты. А то, говорят, участились случаи воровства, причем руками «незасвеченных», чужих оболочек...

Ну, если этот зомби на время оставлен хозяином, и оставлен «под парами», значит, хозяин рано или поздно вернется. Надо только подождать...

И тут зомби повернулся к нему. Всем корпусом, разом. Удивительным образом не смахнув со стола стакан. Повернулся черным, узким лицом в обрамлении седой пакли волос.

Ноябрьский сумеречный вечер, льдистый, безнадежный, напрочь лишенный теплого света и даже воспоминаний о том, что солнце вообще где-то может быть в природе — на другой стороне земли или же в соседней вселенной, — таким был взгляд желтых змеиных глаз биота.

Юра невольно отступил назад, во тьму коридора. Он спиной ждал этой пустоты, чувствовал ее, был уверен, что она его укроет от безнадежно живого и безнадежно мертвого взгляда... но она подвела.

Юрина спина неожиданно уперлась в упругое препятствие — да так неожиданно, что он невольно вскрикнул и сделал попытку отпрыгнуть в сторону и от зомби, и от двери.

Запнулся, чуть не упал. Но кто-то придержал его за локоть и помог выровнять равновесие.

Юра дернулся, чувствуя неприятную ватность в коленях.

— Спокойно, — бесцветным голосом сказали из-за спины. Потом пояснили, уже для зомби: — Это гость. Просто гость. Он к нам ненадолго.

— Да, я пойду... — пробормотал пристыженный «гость». Нужно было все же дозвониться. Нужно было ждать под дверью, пока хозяин не подойдет сам и не пригласит в дом.

Зомби продолжал внимательно и странно смотреть на Юру, и ему больше всего на свете хотелось куда-нибудь спрятаться от этого взгляда. И он спрятался. Верней, обернулся к хозяину дома.

Невысокий в старомодной, вроде бы военной, одежде, с усталым-небритым лицом.

Как будто только что из окопа...

И руки. Руки у него были в земле. Почему-то Юра решил, что хозяин рыл могилу... и не просто могилу, а место вечного упокоения лично для него, Юрия Семенова, двадцати трех лет от роду, неженатого предпринимателя из локации Рассвет-11.

Не зомби, не сам хозяин дома, не жутенькая атмосфера ночного кладбища, а именно испачканные в земле руки хозяина заставили Юру тихо охнуть и отступить к разделочному столу — под очевидную защиту двух десятков ножей.

Хозяин же потер грязными руками лицо и неожиданно велел:

— Сядьте!

Юра дернул ближайший нож. Но то ли слишком разволновался, то ли нож был приделан намертво — завладеть оружием ему не удалось.

В голове вертелось паническое — а если вырвусь, а машина не заведется? А если придется пробиваться с боем?

Юра не был толстячком, но и походы в спортзал игнорировал, как многие сверстники, которых природа наградила худощавым сложением. Правда, небольшой животик он не так давно у себя обнаружил. Но решил, что это еще не тот случай, когда требуется тратить время на систематические занятия. Времени у Юры всегда не хватало. Как говорится, «волка ноги кормят»...

А вот хозяин, очевидно, спортом не пренебрегал. И вообще, похоже, большую часть жизни проводил в собственном теле, а не вкалывая на трех работах, как большинство Юриных знакомых... видимо, не бедный он был человек. Да и дом этот огромный тоже на что-то содержать нужно... если это все-таки не аттракцион.

Какие мысли в голову лезут! Юра сглотнул и все-таки выполнил приказ. Чинно сел на свободный стул с противоположной от зомби стороны стола.

Хозяин меж тем включил воду, совершенно без страха повернувшись к Юре спиной. Юра видел, как стекает в раковину ржавого цвета грязь.

— Как вас зовут? — спросил хозяин, перекрывая воду. Стало тихо. Только зомби продолжал хрипло дышать.

— Юра. Я потерял дорогу, а у вас тут не заперто...

Хозяин хмыкнул:

— Жалеешь уже, что сунулся?

— Ну, я не думал... хотел дорогу спросить.

Юра замолчал, почувствовав, что сбивается с речи. Пережитой испуг никак не желал проходить. И повернуться лицом к зомби он все еще не мог себя заставить. Хотя вроде бы чего бояться. Зомби как зомби. Он сам

таких уничтожил уже столько, что хватило бы на маленькое кладбище.

Хозяин тщательно вытер руки белой салфеткой. Чуть прихрамывая, подошел к столу. Снова распорядился:

— Смотрите, Юра, на свет. Не моргайте. Так. Отлично. Дайте руку. Левую... так... ну и пульс у вас. Неужели испугались?

— От неожиданности, — смутился гость.

— Давно в пути?

— Вы врач?

— В прошлом... отвечайте, пожалуйста.

— Ну, часа четыре... уже четыре с половиной... это с последней остановки.

Хозяин вздохнул, отпустил Юрину руку.

Взял со стола стакан, ополоснул водой из чайника. Налил до краев. Достал из шкафчика над столом склянку прозрачной жидкости, накапал в воду. Запах жженого масла перекрыл куда более резкий неприятный запах.

— Это валерьянка. Держите.

Юра невольно посмотрел на зомби, у которого так бесцеремонно отняли стакан.

— Сережа не нуждается в питье, — грустно пояснил хозяин. — Да и в еде тоже. Так что за свой мозг можете не волноваться. Что же, приглашаю вас переночевать в нашем доме. Да, собственно, вариантов у вас и нет... если, конечно, не предпочтете провести ночь в машине, в одиночку, на городском кладбище...

Юра, который только что был согласен на машину, неожиданно подумал, что кладбище может хранить много неприятных сюрпризов и что лучше один знакомый искусственный зомби, чем с десятков зомби диких и настоящих... В эту ночь он вполне, кажется, был готов поверить в зомби настоящих.

Оказалось, Юра не прогадал. Хозяин выделил ему просторную современную спальню с двуспальной кроватью и плазмой в полстены, молча принес откуда-то свежее постельное белье, пожелал доброй ночи и ушел.

Вероятно, дальше копать могилу. Юра запоздало вспомнил, что хозяин так и не представился.

Он был уверен, что после таких волнений заснуть не сможет. Но нет. Провалился в сон, стоило донести голову до подушки. Во сне не было зомби и вообще не было никаких ужасов. Только необходимость куда-то успеть, сделать что-то важное и правильное...

Проснулся оттого, что яркий солнечный луч добрался до лица.

Два вертикальных арочных окна почти от самого пола давали много света, и, наверное, если бы кровать стояла чуть иначе, утренние лучи разбудили бы Юру еще несколько часов назад...

Интересно, что там, за ними? Понятно, что по ту сторону дома окна выходят на проселок и на кладбище. А вот что с этой стороны?

Юра потянулся, оделся, подошел к окну.

Отсюда, оказывается, открывался чудесный вид на зеленые лесные дали, тающие в утренней дымке у горизонта. Блестела серебром река — она была тоже далеко, под холмом, на котором расположился и дом, и кладбище...

Но ближе, под самыми окнами, было интересней. Обычная вроде лужайка, постепенно переходящая в лесную поляну, окруженную деревьями и кустами, ничего особенного. Вот только почти вся она была покрыта пятнами рыжей подсохшей земли и песка. Где-то больше, где-то меньше. А почти под самыми окнами, метра в шести, зияла свежерытая могила.

Около могилы обнаружился и хозяин дома. Он сновисто засыпал могилку землей. Куча у края ямы была уже основательно скрыта.

Юра было подумал, что хозяин решил прикопать вчерашнего биота, но нет, зомби по имени Сережа тоже был тут. Цел и невредим. Сидел чинно на скамеечке в тени большой старой ели.

Кого, интересно, он похоронил?

А если приглядеться, на этой полянке закопанных и тщательно приотпганных вровень с землей могил — четыре минимум... четыре больших рыжих бреши в ровном зеленом слое травы. Эта могила будет пятой.

Юра прикусил губу. Кого он тут хоронит? Подозрения вернулись и вспыхнули с новой силой. Юра зажмурился и тряхнул головой.

Ничего. Я сейчас уеду. И можно будет забыть про то, что видел утром. А в городе будет работа, много привычной интересной работы. Я даже не вспомню про этого разваливающегося зомби и его хозяина...

Но пока нужно выполнить обычные утренние ритуалы. Умыться, почистить зубы, причесаться. Или хотя бы просто умыться. Юра вспомнил, что кран есть в кухне. Он еще раз выглянул в окно — земляные работы приближались к завершению.

На столе в кухне ждал завтрак — чашка кофе, яичница, колбаса, хлеб. Возле мойки стопочкой стояла уже помытая, но еще не прибранная посуда. По всему видно, хозяин уже позавтракал и сразу отправился кого-то хоронить... или не позавтракал...

Нет уж... надо просто тихонько собраться, и в путь... нечего ждать.

— Завтракайте, — донеслось из коридора. — К сожалению, мне надо ехать, я не смогу вас дожидаться. Дверь не запирайте.

— А...

— Она сама затворится через четверть часа.

— Вы работаете в городе?

Хозяин зашел в кухню и ровно так, как вчера, принялся отмывать руки от земли.

— Да. Извините, Юра, я не представился. Вчера не до этого было. Моя фамилия Глебов. Евгений. Вот, собственно.

Он положил на стол визитку. Крупными буквами на ней значилось слово «Зачистка», мелкими — телефон и фамилия хозяина. Зачистка — это подразделение на

Производстве, которое занято поиском и изъятием безхозных биотов.

Бывает ведь так, что человек умирает на работе. Или иначе — когда ненужный уже биот пылится где-то, застывает гель, заменяющий ему биологические жидкости, или до него добираются бактерии... таких биотов Производство утилизирует. Тех, что еще способны работать, отправляют на стадион. Там под ловкими руками опытных гримеров они преобразуются и превращаются в расходный игровой материал — зомби, упырей или еще каких-нибудь страхолюдин. А если биот старый, то и гримеры не нужны...

Юра вновь вернулся мыслями к здешнему зомби, но хозяин уже ушел.

На улице взревел двигатель, и как-то сразу стало ясно, что Юра остался во всем доме единственным живым человеком. Сначала пришла в голову мысль — побыть здесь еще немного, походить по комнатам... но как пришла, так и исчезла. Не хотелось ему, хоть что делай, вновь оказаться лицом к лицу с зомби по имени Сережа.

Он, почти не ощущая вкуса, покончил с завтраком, аккуратно прибрал за собой.

«Надо ехать!» — повторял всю дорогу к выходу.

Прикрыл дверь, и тут услышал глухой удар, словно чем-то тяжелым по чему-то пластмассовому. Вздрыгнул, обернулся. Сквозь зарешеченное окно справа от крыльца на него пристально смотрел зомби.

Как же хорошо все-таки после Клавы становиться собой. Я устаю на этой работе. Ощущаю себя человеком, работающим ни для кого. Клава красивая сама по себе. Она очень красиво, изящно даже, поливает цветы, стирает пыль с полочек и выговаривает сотруднику за нечищеную обувь. Клава — а не я. Пусть говорят, что у биотов нет личности. Отпечаток личности Клавы я сжигаю в себе, когда рисую на крыше город, которого нет...

В последние дни ощущение безнадежности стало только сильнее — возможно даже, придется сменить работу. Усталость словно накапливается, а сон не приносит отдыха.

Отдыхаю я только здесь.

Наблюдая, как кружится, не желая упасть на землю, первый желтый листок. Или как равнодушно и синхронно река хлопает ладонями по бокам серых камней набережной.

В прицел моей винтовки я могу разглядеть перья голубя на соседней крыше, и если мне захочется — перенести их пурпурно-зеленые переливы на картон...

Сегодня у меня тревожный вечер. Сегодня я добавлю больше кобальта и ультрамарина в тени на брусчатке и в само небо. И еще добавлю деталей витринам и парадным на дальней стороне улицы. И может быть, в паре окон зажгу свет.

Мне надо спешить. Крыша Дворянского собрания — это не то место, где могут гулять все и всегда. Дней остается все меньше. Когда меня перестанут сюда пускать, придется искать другую точку, откуда город будет как на ладони.

Я покинула крышу в глубоких сумерках. Было уже прохладно и по-осеннему темно.

Я живу далеко от центра, возле зоны отчуждения городского стадиона. Зона огорожена двухметровым забором, но с моего второго этажа все равно видны давно заброшенные, облупившиеся дома, дорожки, где из трещин асфальта растет трава. Эту часть города не реконструировали, но и с землей не сровняли. Часть старых кварталов и сейчас остается естественным полигоном для желающих пощекотать нервы в руинах пережившего какую-то катастрофу мира...

Мои окна всегда плотно зашторены.

Путь неблизкий, но я привычно иду пешком — фонари льют на улицу прекрасный золотистый свет, деревья тихо шуршат, намекая на возможность дождя... а прохожие в это время редки. Рабочий день подошел к

концу. Биоты продолжают впихивать, люди, чья смена уже закончилась, ужинают и делятся друг с другом сплетнями и новостями.

Чаще, конечно, по Сети.

Я еще не дошла до перекрестка, но уже почувствовала, — что-то не так там, за поворотом, за углом ближайшего дома. Перекресток был освещен ярко, а вот улица, что пересекает здесь центральную, тонула в тени. Я на всякий случай поправила ремень этюдника и перехватила удобней винтовку. Ну и что, что не стреляет. Зато выглядит солидно! А теперь — вперед!

Оказалось, ходить далеко не нужно.

Все, что случилось, случилось здесь, на перекрестке.

На прутьях ограды, за которой черный ночной не то сад, не то парк, повыше, чтобы не сразу сняли, висел дворник.

Висел, подвешенный за шею. В фартуке, в сапогах с металлическими подковками... двое мужчин спортивного вида, в брюках явно не дешевых моделей, торопливо прилаживали рядом темную табличку. Чуть в стороне стояли еще трое или четверо — зрители.

На табличке корявыми буквами было написано: «Зомби навсегда!»

Вообще, до шестнадцати лет контактировать с биотами запрещается. Детский организм неприспособлен, и все такое. Да и после шестнадцати — не больше, чем по четыре часа в сутки.

Я впервые примерила биота в двенадцать. Подружка подбила на эксперимент «пока мамки дома нету». Потом мы с ней не раз вместе бродили по городу — в родительских взрослых «дублерах». Знакомились с парнями, ввали, что нам двадцать... это я сейчас понимаю, что с очень большой вероятностью тем парням тоже еще четырнадцати не стукнуло...

Эти, похоже, были совсем малолетки. Я демонстративно медленно вскинула винтовку.

— Я ж вас сейчас... устрою всем экстренное пробуждение!!!

— Тикаем! — взвизгнул кто-то из зрителей.

Те, что все еще прикручивали табличку, обернулись и мигом спрыгнули на землю. По улице разнесся звук многих бегущих ног. Бежали гаденыши шустро. Я даже пожалела, что реально не могу их разбудить выстрелом в голову. Вот бы получили паршивцы от родителей за утерю ценного имущества! Да еще при таких обстоятельствах...

С проспекта переливчато зазвучал свисток полисмена...

Что ж, похоже, сегодня экстренное пробуждение было только у дежурного дворника — если не успел выйти штатно, когда понял, что пахнет жареным.

Вечер обещал быть долгим.

Дорожка выглядела чистой. Юра улыбнулся краем рта — до выхода из секции оставалось совсем немного, а таймер показывал, что они идут на рекорд. Это льстило. Особенно если учесть, что стартовал он с минимальным комплектом снаряжения, даже броник пришлось стаскивать с подстреленного зомби. Заляпанный в розовом геле, броник, тем не менее, оказался в пору...

А потом еще и команда таких же экстремалов подобралась. Одного они правда потеряли два перекрестка назад, зато нашли ящик патронов и сумку с запасом средств экстренной помощи. Сумка почти сразу пригодилась инструкторше Лане, ее цапнул зараженный упырь. Укус обработали антибиотиком, но кто знает, что за бактерии были на гнилых зубах полуразложившегося биота?

Воняло от него тухлятиной метров за десять, и если бы не горящие покрышки на перекрестке, команда непременно унюхала бы врага сильно заранее...

На последний участок трассы они вышли втроем. И никто не остался совсем уж без повреждений.

У Юры зудело обожженное плечо, он старался лишний раз не касаться им предметов окружающей обста-

новки. Даже рукав оборвал. Рана на мускулистом плече выглядела ненатурально. Все-таки гель — это плохая замена крови. Но болела она как настоящая — Юра заказал себе максимальную сложность. Игра это часть жизни. И если вступаешь в бой с зомби, то и условия у вас должны быть равные. А как их уравнять — если зомби вооружены только зубами и когтями, изредка — ножом. Если они слабей и медлительней тренированного тела боевого биота? Который внешне напоминает героя-морпеха из старого боевика?

Юра решил, что если для него будет все по-настоящему, то игра станет честнее. Зомби с радостью согласились.

— Интересно, — задумчиво разглядывая улицу, по которой одиноко брело нечто оборванно-человекообразное, спросил Юра, — этих биотов кто-то ведет или их специально программируют?..

— У нас обычно студентов нанимают. По разовому контракту. А что, для студента деньги здесь платят хорошие. Надбавки, опять же. За риск. И еще есть такая строка, — Лана улыбнулась, — за успешные боевые операции. Это чтоб они не халтурили и не отсиживались в развалинах. Если зомби уделает игрока — бонус. А если игрок будет высокого класса, вообще хорошо... а этот на приманку похож...

— Вот и я тоже думаю. И улица такая подозрительно чистая...

— Может, обойдем? — нервно предложил Семен. У Семена рука была забинтована от самой шеи, и он хромотал. Но хромотал шустро, так что обузой не был.

Повязку ему безжалостно наложила инструктор: «Чтобы был шанс доползти до выхода живым».

Сейчас она вздохнула:

— В руинах наверняка сидят. Охраняют и эту улицу, и вообще. В прошлый раз здесь было не пройти. Баррикада из мусора, и нежити толпа. Засада. И сейчас, чую, засада.

— Сейчас посмотрим! — Юра прицелился и аккуратно снял шатающегося в конце улицы зомби. — SIG-шестьсот, все-таки лучшее, что придумано для городского боя...

Зомби упал.

Одновременно с этим на улицу из развалин повалили десятки разгневанных товарищей покойничка, и команда, не совещаясь, отступила.

Не далеко. Ибо сзади к трупам подходило подкрепление в виде десятков трех зомби разной стадии разложения.

— В дом! — выдохнула Лана. Подъезд ближайшей пятиэтажки зиял черным провалом.

Семен рванул туда, не требуя разъяснений. Юра только успел помянуть черта. Лана швырнула в медленно, но неуклонно приближающуюся толпу предпоследнюю гранату.

Пришлось отходить к подъезду — других вариантов спасения Юра не видел. Разве только дать команду на пульт оператору стадиона и вернуться в собственное тело, не завершив маршрут.

Юра прикрыл отход напарников, изредка давая короткие очереди по первым рядам нежити. Не чтобы уменьшить их число, а чтобы устроить препятствие и замедлить их приближение.

Вошел, с силой захлопнул дверь, потом еще подпер ее найденной тут же жердиной. Когда-то она, наверное, работала дверным косяком в одной из квартир.

Стало как-то тихо и удивительно пусто.

Юра завертел головой, пытаясь понять, куда делись остальные. Но...

Их не было.

Вверх? Или в одну из незапертых квартир? Вот у этой, прямо напротив лестницы, и вовсе нет двери...

Юра заглянул в прихожую. Пусто. В кухню — тоже пусто... в комнату!

Зомби стоял у окна.

Он был в камуфляжном костюме, бронежилете, в вязанной шапочке с прорезями для глаз. Сразу видно, не статист. Совсем еще недавно этот биот, похоже, был одним из игроков...

В руке у него зажат нож, но это ничего. Нож не оружие против автомата, которым Юра только что уложил два десятка врагов...

Еще у зомби была сероватая, в струпьях кожа, огромная рана в центре груди и желтые змеиные глаза. Безмятежные и невероятно похожие на те, другие. На глаза зомби из Дома-у-кладбища.

Юра, как загипнотизированный, поднял автомат. Медленно, медленно потянулся к спусковому крючку. Он не мог отвести взгляда от глаз биота. Чуть сощуренных глаз в прорезях шапочки-полумаски...

И он опоздал.

Зомби кинул нож первым. Кинул ловко, быстро и удивительно метко...

Через минуту Юра понял, что сидит в ванне с зеленоватой жидкостью, пахнущей еловым парфюмом, и двумя руками держится за шею, из которой должна во всю хлестать алая кровь...

Первой пришла досада. Второй мыслью было — «а все-таки здорово меня зацепило!». И только потом он подумал: «Надо найти того студента, который меня завалил. Наверняка он знает сектор как свои пальцы... денег ему предложить. А найти его наверняка будет несложно. Узнать, кто тут постоянно подрабатывает, и у кого всегда бонусы есть... но это завтра».

Юра забрал пакет с чистой одеждой и побрел в душ. Предстояло еще очень много сделать...

Сегодняшний вечер словно вырос из вчерашнего... или из позавчерашнего. Из всех прошедших дней. Наверное, меня просквозило на крыше — голова была пустой, мысли бродили по кругу в медленном хороводе. И я брела следом за ними, по пустым безлюдным улицам, под медленными фонарями, в сетях теней от

неподвижных деревьев. Август дышал из темных переулков холодом долгой осени. Я ему не верила, мне казалось, лето не кончится никогда.

Остался позади светлый проспект. Район стареньких купеческих особняков на прощание подмигнул мне крайними окошками. Я вошла в сумеречные кварталы делового города. Еще немного, и станет видна бетонная ограда Производства. Останется пройти вдоль нее метров семьсот, выйти к другой бетонной ограде, той, что огораживает зону отчуждения стадиона, и уже вдоль нее добраться до своей унылой пятиэтажки.

Небо совсем потемнело, украсилось россыпью звезд, но я люблю возвращаться домой ночью, когда не видно двух этих безобразных загоронок. Вообще, город ночью и красивей, и ярче, чем днем. И не из-за рекламы и огней развлекательных центров. Просто честнее. Контрастнее. В нем больше оттенков и полутонов. И тишины...

Вот в этом месте тишина для меня и кончилась.

От стадиона, прямо навстречу, шумно двигалась веселая толпа биотов. Некоторые при оружии. Ну, ясно, ребята возвращаются после игры. На взводе, довольны своей победой...

Но вот только отчего именно тогда, когда здесь иду я? И почему так шумно?

— ...а стрелка я бритвой, прикинь? Он такой стоит, рот раззявил, оружие уже опустил. А я ему ррраз! И прощай, спецназ!

— ...круто! А я это, помнишь, того, который в каске... у меня даже ножа не было... я его камнем... а у него винтовка!

— Да ты вообще отстой! Трудно было хоть что-то себе подобрать...

— Тихо!

Увидели меня, остановились. Я пожала плечами, дальше иду.

— А хочешь, — говорит один, — покажу, как я толстого снял? У меня один патрон только был...

Я еще подумала, ну стреляйте! Все равно ваши пу-
чалки живых распознают и как мишень не восприни-
мают...

Как глазила, честное слово. Потому что сзади щелк-
нуло, и что-то сильно толкнуло меня в спину, вперед,
на асфальт.

Игроки заржали.

Боли почему-то не было. Наверное, от шока. Я где-
то читала, что если шок, то человек может не почувст-
вовать боль. Я попыталась подняться, и тут же услышала:

— Снял ты толстого... смотри, как надо!

— А ну прекратили!

— Что?

— Оружие убрали, говорю. Быстренько. И по до-
мам. Я ваши иды сохранил, если что...

— Э, мужик, не борзей, а?!

— Назад, сказано!

Защелкал затвор, но...

— Э, мужик, ты живой, что ли?

— Живее всех живых. И у меня, в отличие от вас,
пистолет. И полная обойма. И стреляю я неплохо... так
кому срочно домой нужно? Ну?

— Да ладно, че такого-то! Старый биот, все равно
бы его на днях поменяли... ладно, ладно, уходим уже!!!

Биот... это он обо мне? Его стрелялка сработала...
значит, я не я? Я — биот? Такое бывает, говорят. Ред-
ко-редко... кажется, в процентах трех... даже есть спе-
циальный термин. Как же это... «потеряшки». Я, что
же, одна из них?.. Я — потеряшка?

Заблудилась в реальностях, в образах, которыми при-
шлось быть... да их у меня немного... я и Клава... или
теперь следует говорить — я, Клава и художница? Или
были еще кто-то?... другие? Те, кого я почему-то не
помню?

— Привет, — сказал человек, разогнавший тех, кто
шел со стадиона. — Что же вы не вышли? Ваш биот
долго не продержится...

Я попробовала ответить как можно более ровным голосом. Но не получилось, конечно:

— Не могу. Я заблудилась...

Человек молчал несколько секунд, потом присел на корточки рядом. Мигнул тусклый синий свет. Фонарик?

— Давно надо было батарейки поменять... меня Юра зовут.

Юра проводил ребят взглядом. Досада — главное чувство сегодняшнего дня. Вот же он был. Тот самый студент, который «вел» зомби. Тот, с которым надо договориться, чтобы он расставил камеры в удобных для съемки местах. Стоить это будет, конечно, немало, но прибыль легко покроет расходы.

Только теперь договориться не получится. Парень наверняка его запомнил...

Эх, не стоило вступать в веселье. Подумаешь, попрактиковались в стрельбе на изношенном биоте. Прав парень, хозяйке давно следовало присмотреть себе новую модель. Эта поистрепалась, гель подсох, и лицо стало сероватым... да и вообще...

Но словно что-то толкнуло Юру под локоть. Он не мог не встрять. Не мог пройти мимо. Почему-то весь день немым укором сквозь прутья решетки смотрели на него желтые ждущие глаза... Глаза зомби. Глаза в хлам изношенного биота в Доме-у-кладбища.

Меж тем непутевая хозяйка биооболочки и не подумала бросать поврежденное имущество. Юра увидел, как она попыталась приподняться.

Не веря глазам своим, он подошел ближе. Сказал:

— Привет. Что же вы не вышли?

— Не могу. Я заблудилась...

Юра достал фонарик, осветил. Женщина лежала ничком, правда, чуть развернувшись — это, видимо, когда пыталась встать, а сил не хватило. А может, не сил, каких-нибудь других ресурсов. В сущности, что мы знаем о биотах? Производство тщательно хранит свои главные секреты...

На спине, пониже правой лопатки, зияла страшная рана, в которой матово блестел гель. Живой человек от такой раны скончался бы мгновенно. Но биоты прочнее людей.

Света фонарика едва хватало, чтобы рассмотреть подробности. А может, и хорошо, что подробностей не видно.

— Давно надо было батарейки поменять. Меня Юра зовут.

Темные губы шевельнулись:

— Нина...

Рука ее, лежащая вдоль тела, дрогнула. Юра поспешил предупредить:

— Вы лучше лежите, так меньше геля вытечет...

— А толку?

— Не знаю... точно не получается вернуться?

— Я думала, я это я.

Надо что-то делать. Кому-то звонить... В экстренную службу помощи? «Скорая» на биотов не выезжает.

— Плохо... Нина, а родня у вас есть?

— Нет. Верней, есть, но мы не поддерживаем отношений. Это дальняя родня, в другой локации...

— Плохо... а адрес? Адрес свой вы помните?

— Улица Старателей, четыре. Квартира шесть...

— Так, давайте, я сейчас машину подгоню... хотя нет. Долго. Так, минуточку...

— Я ничего не чувствую. Это нормально?

«Если бы я работал на Производстве, то знал бы, нормально ли, — подумал Юра. — А ведь кое-кто работает... только в городе ли этот кто-то?»

Решение пришло мгновенно. Если Глебов даже не в городе, то он хотя бы посоветует, что делать...

— Не знаю... я сейчас позвоню одному человеку...

Глебов оказался в городе.

Он появился минут через десять, пешком, один. Правда, с небольшим чемоданчиком, украшенным черным крестом по центру. Кивнул Юре. Открыл чемоданчик.

Натянул одну пару перчаток, Юре протянул другую. Пористой салфеткой принялся убирать растекшийся гель.

Юра с любопытством наблюдал за его действиями. Никогда раньше он не видел, чтобы биотов чинили. Чаще их просто заменяли. Отдавали на утилизацию старые образцы, приобретали в магазине, как новое платье, другие. Получше, покрасивей.

Редко кто ходит по улицам не в виде биооболочки, а своими, природой данными, ногами. Сейчас стильно и дорого одетый биот — это и признак вкуса, и показатель достатка...

— Вы не смотрите, что я делаю, — сказал Глебов Нине. — Могут возникнуть болевые ощущения.

Она едва заметно кивнула.

Глебов по телефону не задавал лишних вопросов. Узнал только, какие повреждения. Сейчас он тоже подробностями не интересовался. Спокойно, даже как-то неторопливо, подбирал трубочки и муфты, накладывал на полоски белой материи вязкий прозрачный клей... если это был клей. Изредка просил Юру что-то передать или подержать. Юра старался быть полезным. До него внезапно дошло, что они на самом деле сейчас спасают жизнь какой-то незнакомой потеряшки по имени Нина... которая, если подумать, может, вообще живет в другой локации... хотя адрес ведь она назвала.

Глебов продолжал что-то делать с раной. У него на лбу ярко горел свеженький диодный фонарик...

— Давайте машину подгоню. Я знаю ее адрес.

— Хорошо. Давайте поторопимся... и вызовите туда врачей.

— А вдруг она не там?

— Оформят ложный вызов. Не страшно.

Юра кивнул и поспешил назад, к стадиону. Машину он оставил на парковке для игроков и планировал забрать утром.

Глебов зачем-то сунул в салон большой деревянный ящик, который обнаружился подле биота, и винтовку. У винтовки оказался испорчен блок распознавания. Она не стреляла, потому что все человекоподобное на всякий случай считала человеком.

Юра торопливо завел мотор.

— Теперь мы успеем, — сказал работник «Зачистки» с заднего сиденья. Нина сидела рядом. Очень прямо, словно боялась потревожить настоящую рану. — Я ее подлатал, сколько-нибудь продержится.

— Улица Старателей, дом четыре, где это?

— Это совсем рядом. Она, наверное, домой шла. Так, Нина?

— Да.

— Вы разговаривайте, не молчите.

Голос у Глебова был ровный, но с легкой непонятной иронией. Словно он знал или догадывался о чем-то, о чем Юра еще не догадался.

— Что говорить?

— Ну, например... попробуйте предположить, как так получилось, что вы заблудились.

Юра увидел в зеркале, как Нина нахмурилась. Честно попыталась вспомнить что-то.

— Извините. Голова кружится. Я думала, что простудилась на крыше. Ничего не вспоминается. Это может быть отражением моего реального самочувствия?

Глебов только кивнул.

— А что вы делали на крыше? — спросил Юра.

— Я там рисую. Договорилась с председателем собрания, он дал мне неделю. У меня еще день есть в запасе. Оттуда вид очень хороший. И город как живой. И не видно секции стадиона. Знаете, там такая надстройка есть, она всю восточную часть обзора закрывает.

— Рисуете на заказ?

— Нет, для себя. Мне кажется, мои картинки мало кого могут заинтересовать. Они же простенькие. А деньги зарабатываю в офисе. Работаю офис-менеджером

Клавой. Биота зовут Клава... она красивая, и я ее ненавижу.

— Потому что она красивая?

Фары выхватили табличку: «ул. Строителей, 3». Почти приехали.

— Она делает ненужные вещи. Перекладывает папки, протирает полочки. Улыбается другим офисным биотам... и тем биотам, которые приходят в офис. Мне платят зарплату за то, что Клава красиво улыбается. Наверное, я ненавижу не ее, а себя. Когда я это она.

— Приехали, — перебил Юра.

Глебов, молчавший всю дорогу, помог Нине выйти. Машины «Скорой помощи» у дома не было. Нина достала из кармана ключи и протянула куда-то вперед, непонятно, кому. Глаза ее были полуприкрыты, и стояла она не твердо, будто пьяная.

Шепнула:

— Шестая...

Юра кивнул, но Глебов опередил его, забрал ключи. А потом и свой чемоданчик с заднего сиденья.

— Юра, присмотрите за биотом. Поднимайтесь потихоньку...

Правильно. Он же, кажется, сам врач... или был врачом. Неважно. Главное, Глебов знает, что делает.

Нина шла по лестнице, пошатываясь, и больше не отвечала на вопросы, как бы Юра ни пытался ее привести в чувство. Наверное, уже то хорошо, что она идет сама. А если бы пришлось нести ее на руках, было бы хуже...

Дверь в квартиру оказалась приоткрыта. Юра вошел и сразу словно нырнул в застоявшееся болото, состоящее из резкого запаха хвойного парфюма и вони общественной уборной.

Матовая дверь в ванную была открыта. Проходя, Юра заглянул туда, но ничего особенного не увидел. Спину Глебова только и край большой белой ванны, до поло-

вины заполненной бурой жидкостью. Кажется, источник запаха обнаружен...

Как-то ему до этого момента не приходило в голову, что если человек «ведет» биота сутки, а то и двое, то естественные необходимости все равно никуда не исчезают.

Он торопливо провел биота в комнату и замер на пороге, потому что не ожидал увидеть такое...

Свет включился, как только они переступили порог. Датчик среагировал на движение.

Да, Нина сказала — она рисует... но Юра почему-то думал, она рисует что-то небольшое, компактное... Одна из его подружек, например, вышивала крестиком. Очень красиво.

Свет вспыхнул, произведя эффект театральных софитов, неожиданно для зрителей явивших сцену с уже поднятым занавесом.

Вспыхнул, высветил десятки картин. Маленьких и больших. В основном — написанных маслом. Несколько портретов, один натюрморт с букетом сирени на окне. И очень много пейзажей. Все это были виды города. В солнечных лучах или в пасмурную погоду. Осенью или летом, вечером или днем. Летом или зимой. Пейзажи не были пустыни — там были люди. Дети, взрослые...

Город на картинах отличался от того, что сейчас продолжал жить снаружи. Чем-то непонятно неуловимым, хотя формально все здесь было так, как было там. Некоторые места Юра даже узнал. За один день при желании можно успеть увидеть очень много...

Вот набережная. А вот театральная площадь и городской театр, выстроенный в классическом стиле. А вот центральный сквер, и по нему торопится навстречу художнице девушка в синем платье с вырезом-лодочкой. Девушка улыбается, и кажется, что улыбается она лично Юре...

Юра огляделся.

Он даже не заметил, что в комнате помимо картин есть еще кушетка и два кресла, и стол у зашторенного окна. А на столе — вытертая клеенка, а на клеенке подставка и еще одна картина, незаконченная. На ней высокое мрачноватое здание, возвышающееся над прочими крышами грозно и мощно. Юра видел его, но только издали. Это старая католическая церковь на холме...

А что же...

Биот сидел — сидела? — в кресле, прикрыв глаза. Словно спала.

И сразу видно, что это действительно старенький уже, изношенный биот, и его вправду стоило поменять... только, наверное, у хозяйки было не так много денег. И она поэтому тянула, ждала, откладывала покупку.

То, что денег у нее немного, легко понять. Линялые шторы, мебель вся потертая, какая-то допотопная. Пол скрипит... да и сама квартирка — смех. Скворечник...

Юра потоптался посреди комнаты, рассматривая картины. Потом вернулся в ванную. Вдруг Глебову помощь нужна? Или вдруг хозяйке этой квартиры-галереи стало хуже... и «где же эти врачи? Хотя, наверное, им просто дольше ехать... мы же вправду оказались здесь очень быстро...»

Ванна была пуста, на дне только плескалось немного чистой воды. Раскрытый чемоданчик лежал на туалетном столике. В душевой кабинке шипела вода. Глебов обнаружился как раз там, возле этой кабинки. Френч его был расстегнут, рукава и серая водолазка вымокли, стали темными от воды.

Он оглянулся, словно почувствовал, что Юра у входа.

— Юра, подготовьте постель... и что-нибудь, чем ее укрыть. Я вколол стимуляторы и нейтралку на всякий случай. Хотя, судя по тому, сколько она времени тут провела, эмульсии в организме быть уже не должно... хотя... посмотрим. Может, в этом все дело.

— А что вы делаете? Она в сознании? Просто биот «остановился»...

— Не в сознании, что немудрено. А делаю... легкие гигиенические процедуры. Надо же смыть это... — Он кивнул на ванну.

Юра понял.

Вернулся в комнату. Отыскал в шкафу постельное белье и одеяло, расстелил на кушетке простыню с рисунком из васильков и ромашек. И почти сразу Глебов принес из ванной «пациентку». Юра первым делом увидел, что была она на своего биота внешне очень похожа. Невысокая, темные короткие волосы, челка до бровей. И круги под глазами. И впалые щеки. И...

Оценить фигуру потеряшки Юра не успел. Глебов ловко переложил ее на кушетку и укрыл простыней.

— Знаете, что мне во всем этом больше всего не нравится?

— Что?

— Сутки, минимум, она провела в ванне. Без еды, без движения... ну, почти без движения. И никакая служба не среагировала. Нигде никто не встревожился — а что с человеком случилось? А как она? Догадываетесь, чем бы все кончилось, если бы вы с ней случайно не встретились?

— Насколько я знаю, когда эмульсия полностью расщепляется в организме, контакт постепенно теряется, и потеряшка возвращается все равно. Только чаще всего с необратимыми изменениями в психике...

— Сутки. Или двое, — напомнил Глебов.

— Хотите сказать, в нее кто-то вливал эмульсию, когда она уже вела биота?

Глебов потер ладонями лицо и ничего не ответил. Потом неожиданно подошел к одной из картин, уставился на нее, как на откровение.

Это был небольшой, даже не вставленный в рамку картон, на котором смазанное пятно солнца падало в дым заката, плавилось в нем, растекалось вдоль горизонта. Еще там была набережная, скамейка, человек на скамейке и девушка в летнем пальто...

Человек, который был на картине, смертельно устал. Сил, чтобы драться дальше, у него не было... но у него была передышка, полчаса тишины. Полчаса, чтобы найти в себе те самые силы, без которых немалая жизнь.

Человек, который смотрел на картину, его понимал. Но ничем не мог помочь — так бывает.

Всегда сложнее всего помогать самому себе.

Но тут в дверь зазвонили, и комната стала тесной — медиков на «Скорой» приехало трое.

— Привет, Жень, — словно бы и не удивившись, поприветствовал один из них Глебова.

— Привет, Володя.

— Что тут у нас...

— Я поставил нейтралку, витамины... четвертый комплекс еще. Собственно, это все, что я мог.

— Как вы ее нашли-то? — проворчала медсестра. Медсестра была биотом формации «профессионал за работой». Доктор биотом не был.

— Случайно, — вставил слово Юра. — Ее игроманы подстрелили у стадиона.

— Вот кому бы запретить ношение оружия...

— Ясно.

Сестра приладила под прическу стетоскоп. Второй санитар отошел к картинам — ему работы не нашлось.

— Сам как? — спросил у Глебова доктор Володя. — Давно тебя не видать.

— А то ты не знаешь?

— Без изменений?

— Без.

— А...

— Не начинай. Что там?

— Похоже на синдром Дарга. Надо смотреть, когда в себя придет. А так... витаминчики попить, свежим воздухом подышать... не знаешь, чего она вообще-то на биота села?

— Спрашивал. Сказала, не помнит. Но мне кажется, она в том состоянии ничего толкового и не ответила бы.

— Понимаю. Ну, мы поехали. Еще два вызова... если вдруг будут проблемы, звони.

— Конечно. Удачи.

Медики уехали.

Юра обратил внимание, что Глебов как-то слишком часто трет лицо и жмурится — так делают люди, борющиеся со сном.

— Вам бы тоже отдохнуть, — заметил он как бы между делом.

— Не выйдет. Надо еще до дома... Юр, приглядите за ней? Хотя бы до завтра? Завтра она немного придет в себя и...

— Понимаю, — растерянно сказал Юра. На завтра у него были совсем другие планы... — просто, я боюсь, плохая из меня сиделка. Если только нанять кого...

Глебов вновь повернулся к картине с закатом. Чем-то она его зацепила...

Юре стало совестно. Он сказал:

— Я побуду здесь. Пока она не проснется.

— Вот и славно...

Когда Глебов уехал, Юра подошел к той самой картине. Чтобы узнать изображенного на ней человека, долго всматриваться не пришлось. Почему-то ему захотелось отмотать время назад и вновь оказаться в Доме-у-кладбища. Что-то он не сделал, не сказал или не понял там и тогда. А сейчас и понимать, и делать уже и поздно, и глупо, и не получится. Или получится?

Он посмотрел на «отключенного» биота в кресле. А если бы он не прогнал заигравшихся студентов? Если бы ушел, посчитав, что хозяин биота давно уже покинул оболочку? Что, Нина так и осталась бы потеряшкой? Да нет, ерунда. Потеряшка — это временное состояние. Люди возвращаются.

«А тот зомби?» — возразил внутренний голос. Крыть было нечем. Юра устроился во втором кресле. Спать он не собирался. Думал просто посидеть, подумать... спланировать, может быть, завтрашний день. Но проснулся уже утром, оттого, что шея сильно затекла.

Сквозь шторы пробивался слабый свет. В доме было тихо, лишь тяжело дышала потеряшка Нина. В этом была неправильность. Юра присел рядом, тронул девушку за плечо. Она открыла глаза, но в них не было и тени сознания. Юра окликнул ее по имени — ответа, конечно, не последовало. Планы снова начали меняться...

Врач «Скорой» — совсем другой, не Володя, — равнодушно сказал:

— Ну, если не знаете, кому ее поручить, мы, конечно, заберем. Только если это последствия Дарга, то здесь не мы нужны. Могу сразу дать направление к психиатру. Но там тоже — поддерживающая терапия. Умереть не дадут, и то хорошо. Жалко. Красивые картинки. Она рисовала?

— А что это за синдром?

— Есть небольшой процент людей, у которых эмульсия не полностью выводится из организма, а, наоборот, постепенно накапливается, раз за разом все больше облегчая контакт с биотом. В конце концов ее становится столько, что для контакта новую порцию пить уже не надо. И более того, известен случай, когда человеку стали не нужны вообще никакие специальные приспособления. В такой ситуации очень легко стать потеряшкой и не успеть вернуться назад до того, как собственное тело умрет. Я удовлетворил ваше любопытство?

— Это не объясняет, почему она в таком состоянии...

— А вот это уже к ученым. Ну, всего хорошего!

И тогда, просидев почти час в ожидании чуда, Юра все-таки позвонил Глебову...

Дом был таким, каким Юре запомнился. Мрачноватый, краснокирпичный, викторианский. Глебов уже стоял на крыльце, курил.

Чувствуя себя крайне неловко, Юра вывел из машины кое-как одетую потеряшку. Собрать ее в дорогу оказалось той еще задачей: ему до этого дня ни разу не доводилось одевать полубесчувственных девушек...

— Вот... вы извините, что я ее вам, получается, подкинул. Просто врач сказал — ее в психбольницу направлят. А у меня работа. И сроки... и уезжать скоро.

Глебов кивнул. От него пахло дымом и табаком. Молча подхватил Нину под локоть, повел к дому.

— Погодите, — крикнул Юра вслед. — Тут же вот... ящик ее и винтовка.

Он поспешно выгацил и поставил у крыльца Нинино имущество. Он не был уверен, слышал ли его Глебов.

Пожал плечами, вернулся к машине.

Уже открыв дверцу, обернулся, но дом стоял темный и пустой. Слово и не жилой. Надо было ехать, искать или того студента, или другое решение, альтернативное. Почему-то мысли упрямо возвращались к Дому-у-кладбища и его обитателям. Это было настоящим, а все остальное — затянувшейся бессмысленной игрой.

Не больница. Это я поняла почти сразу. Просторное светлое помещение, современное оборудование — а мебель какая-то домашняя, стулья с витыми спинками, «венские», кровать существенно больше тех, что стоят в больничных палатах...

И то, что ставить мне уколы оба раза приходил один и тот же человек...

На третий раз я его даже узнала. Я всегда помню тех, кого рисовала. А этого человека я рисовала с крыши. Нашла его случайно, увидела сквозь прицел моей нестреляющей винтовки...

Этюд я назвала «Полчаса тишины». Как будто бы у него впереди было сражение. Сейчас я написала бы другую картину и назвала бы ее «После боя». Только рука плохо слушалась, левая. И мысли текли медленно.

Почему я не дома?

Как же работа?

На эту тему нужно что-то предпринять. Если потеряю место на Клаве, останусь без денег. А это значит — не оплачу квартиру и нового биота... а нового биота по-

купать надо, потому что мой старый уже, все сроки эксплуатации вышли... или не поэтому?

Когда явился мой доктор с очередной порцией лекарств и инъекций, я встретила его сидя, завернувшись по шейку в простыню.

Доктор выказал легкое удивление, приподняв брови. После чего разложил принесенные лекарства на том самом венском стуле.

— Я вас помню, — сказала я.

— Здорово, — согласился доктор. — А себя? Себя помните?

— Да. Я Нина.

— Вот и хорошо. Значит, недолго у меня прогостите.

— Я вообще не собиралась гостить... у меня же работа. А давно я здесь?..

— Второй день. Совсем не долго. Вы очень сильный и жизнелюбивый человек. А вот насчет работы... придется мне вас огорчить.

— Меня уволили?

Доктор выпустил воздух из шприца. Сказал:

— Дайте руку.

Вопрос он проигнорировал. Я думала, вообще не ответит. Но нет. Пристроив на месте укола ватку и велел держать, все же объяснил, в чем дело:

— Вам, Нина, противопоказано вообще пользоваться биотами.

— Почему?

— Потому что синдром Дарга не лечится.

— Плохо...

— Найдете другую работу. Вы прекрасно рисуете.

— Спасибо.

— Отдыхайте. Я вернусь через час, позову вас обедать.

— А как вас зовут? Если не секрет.

— Глебов Евгений. Отдыхайте, Нина.

— А можно я похожу? Устала лежать.

— Конечно. Одежда на тумбочке. Дверь не заперта. Вы сейчас в цокольном этаже. Поднимитесь выше — там есть выход в парк. Кухня тоже там. Отдыхайте...

С этими словами он ушел.

Другую работу... ага. Разве только на Производстве, только вряд ли там нужны специалисты без биота. Там же все заточено под биотов. Все этапы создания и отладки биооболочек, техника...

Или все не так плохо? Поговорить с врачами, выяснить, что это за синдром такой...

Нет. Я просто туда не хочу. Не хочу работать на производстве деталей для никому не нужной игрушки...

Картинами я много не заработаю. Вообще ничего не заработаю, если смотреть правде в глаза. Пробовала я их продавать... что-то никто не заинтересовался. Не выстроилась к моему виртуальному магазину очередь виртуальных покупателей...

Первое, что я увидела в пустом полутемном коридоре — кровавый след на стене. Длинную смазанную полосу, оканчивающуюся отпечатком человеческой ладони. Почему-то в первый момент и мысли не возникло, что полоса может быть чем-то другим.

Прогулялась на кухню, ага...

Даже подумала вернуться, но я ее все-таки отогнала — уж больно запах по коридору разливался знакомый. Я дотронулась до кровавого следа и понюхала пальцы — пахло дисперсионной краской.

Возвращаться смысла уже не было. Осталось только посочувствовать хозяину — кто-то над ним не по-доброму подшутил...

Кухню я нашла быстро — дверь в нее была распахнута настежь, и в коридор оттуда лился свет. Просторная такая кухня... настоящая. Вот только обед, похоже, на сегодня отменяется по техническим причинам. Здесь много, очень много было этой самой красной краски. Ею оказались выпачканы стены, окна, даже духовой шкаф. Посреди учиненного безобразия находился

и его виновник — страшный зомби в рваной и грязной одежде медленно рисовал на столешнице круги. Рисовал всей пятерней, вдумчиво, словно писал жизненно важное письмо.

— Кентервильское привидение, помнится, было скромнее и обходилось только одним кровавым пятном, — сказала я в спину зомби. Движение руки не замедлилось.

Может, зомби меня и не услышал, витая в каких-то своих эмпиреях. Что же... наверное, стоит прогуляться в сад, как рекомендовал доктор. Все равно на обед остается только надеяться.

Я шагнула в коридор и столкнулась нос к носу с доктором. Только он скинул белый халат и ходил по дому в темно-серой водолазке и черных джинсах.

Выражение лица у доктора было закаменело-нейтральным. Не понять, то ли он в ярости, то ли, наоборот, погружен в апатию и смирение.

— Извините, Нина. Я сейчас все приберу. Обождите где-нибудь... Сережа. Идем, провожу. Идем, идем...

Зомби нехотя оглянулся. Взгляд желтых глаз уперся мне в переносицу. Он смотрел так же, как я с крыши, когда у меня в руках была моя нестреляющая винтовка. Как будто прицеливался.

Черный пиджак, перчатки, брюки зомби — все было в свежей красной краске.

— Я — Нина, — сказала я.

Биот словно потерял ко мне всякий интерес, опустил голову и плечи, зашаркал к выходу. Я посторонилась, пропуская его. По полу потянулась цепочка кровавых следов.

— У него тоже этот синдром? — спросила я у доктора через голову зомби. — Синдром Дарга?

— Почти, — нехотя ответил тот, подхватил биота под локоть и повел по коридору. Зомби по сравнению с ним казался слишком большим и неуклюжим...

Я вернулась в кухню. Если уж предстоит провести здесь весь сегодняшний вечер... хотя почему, собствен-

но? Я ведь могу в любой момент взять, собраться, уйти. Знать бы только, куда идти... да и есть хочется...

Нет, реальность такова, что сегодня я отсюда, наверное, уже не уйду. Значит, нужно внести посильный вклад в уборку...

Размышляя, я осмотрела шкафы. Нашла несколько больших пористых салфеток и ведро. Так что, когда хозяин вернулся, с пола я краску уже собрала. Глебов принес откуда-то щетки и совок и тоже включился в работу. У меня возникло ощущение, что он эти щетки специально держит под рукой. Наверное, зомби учиняет подобное не впервые...

Через час кухня была почти как новая.

— Вы молодец, — похвалил меня хозяин.

— Просто кушать очень хочется!

И это была истинная правда.

— Минуту, я заказал готовый обед. Не думал, что так получится. Извините. Сейчас разогреем. Надо же, как быстро вы восстанавливаете силы. Я думал, еще дня два пролежите.

— Если честно, я просто не люблю лежать. А так, чувствую себя... как зомби.

— Ничего. Отдых, нормальное питание и никаких биотов — и скоро все будет нормально у вас... все. Будет. Хорошо.

Он включил микроволновку. И в этот момент затрещал мобильный у него в кармане.

Мне было отлично слышно, что говорит голос в трубке. То ли он кричал, то ли звук был не отрегулирован...

— Глебов! Ты где, дома?

— Да.

— Приезжай. Тут по твоей части... стадион, третья секция. Эксперт уже приехал.

— Я...

— Глебов!

— Да, еду.

Он дал отбой, растерянно посмотрел на меня.

— Надо ехать... Нина, вы куда-нибудь торопитесь?

— Нет.

— Могу я вас попросить?..

— О чем?

— Пока меня не будет, присмотреть за Сережей. Он в общем безобидный, но может что-нибудь сотворить такое...

— Как сегодня с краской?

— И да и нет. Он месяц назад вышел из окна на втором этаже. Это я тогда везде решетки поставил. А теперь... он... в общем, он копает могилу. Для себя. Каждый день — он выкопает, я закопаю... а он опять. А запереть его я не хочу. Это не дом уже, а клетка будет... и так вон — клетка. Все равно запираю, конечно, когда другого выхода нет... но если вы согласитесь?..

— А как я его останавливаю?

— Попробуйте. Может, вас он послушает. А если нет, то позвоните мне. Вот визитка.

Я, не читая, сунула визитку в карман. На языке вертелся вопрос — а кто он вам, этот зомби? Друг? Родственник?

Почему-то спросить я не решилась.

И Глебов уехал.

Вот уж действительно задание...

Нашла я его в одной из пустых, нежилых комнат. Дверь туда была распахнута, зомби мирно стоял у окна, любовался дорогой и кладбищенской оградой по ту сторону. Первые полчаса я старалась держать биота в поле зрения, но у него словно батарейка села. Он не двигался, только хрипло дышал.

Я сочла, что стоять и любоваться на него в дверной проем как-то глупо и не очень честно.

— Знаешь, Сережа, — сказала я, — я погуляю в парке немного. Если буду нужна — позови. Или приходи, вместе погуляем.

Он сделал вид, что не слышал. Ну и пусть.

Парк не парк, заросшая шиповником местность за лужайкой возле дома. Несколько яблонь и берез и тол-

стоя, старая, густо-зеленая ель. Под ней в плотной тени ждала кого-то некрашенная лавочка, про которую я почему-то подумала, что она родная сестра тех, что устанавливают на кладбище подле могил. Подходить к ней мне не захотелось. Тем паче что именно там, метрах в пяти от лавочки, зомби и вырыл себе яму.

Хорошо было в парке, безмятежно. Синее небо, теплый воздух, начавшая уже подсыхать густая трава...

И сам дом... сейчас солнечные лучи ложились на него косо, очерчивая, делая более выпуклым каждую линию сложного фасада.

Если отойти немного влево, чтобы попал в поле зрения участок дороги и березняк между ней и домом, то, пожалуй, можно написать этюд... историю старого дома, в котором долго-долго никто не жил... а потом поселилась беда. И живет она тут одиноко много лет. Потому что больше нет ей места в счастливом и большом мире.

Может, когда-нибудь я это сделаю.

Я снова обошла дом. Заглядывала во все открытые комнаты. Просто так. Чтобы немного больше узнать о зомби и о человеке, который за ним присматривает.

Но ничего нового не обнаруживалось. Комнаты в большинстве стояли пустые. Жилыми можно считать только три. Одна — безусловно комната Глебова. Аскетичное помещение с необходимым минимумом мебели, но с мощным компьютером и стеллажом, на котором компьютерные диски, книги и медицинские приборы. Второй была еще одна спальня с большими окнами, соответствующих размеров телевизором на стене и не менее солидной кроватью. Окна этой комнаты выходили в парк. Третье помещение — уже знакомая мне кухня. Зомби обнаружился там. Он сидел у стола, все так же безучастно вглядываясь в только одному ему ведомые дали где-то за границами стен, по ту сторону реальности.

Я махнула ему рукой и побрела дальше.

Я даже не очень удивилась, когда обнаружила в одной из пустых комнат свой этюдник и винтовку. Видимо, я ждала чего-то такого, какого-то завершения круга, исполнения подспудного желания. Самой себе я казалась Алисой в ожидании встречи с белым кроликом. А я о себе точно знаю. Когда у меня такое настроение, белый кролик придет обязательно... кем бы он ни оказался.

И я решила, что буду рисовать, изредка совершая обход по дому, чтобы убедиться, что с биотом все нормально.

Свет немного поменялся, но еще с полчаса нужного освещения мне было обеспечено...

Кажется, я увлеклась, потому что в себя привел меня звук хлопнувшей двери. Этюд был почти дописан, осталось добавить некоторые детали, а значит, рисовала я сильно больше часа. Солнце, конечно, ушло. Но это было уже не столь важно — самое главное я успела поймать...

Зомби шел медленно, словно нехотя. В руках у него была лопата, и я сразу поняла, что у него на уме.

— Скотина, — прошептала я. — Урод. Я ж обещала... так что ничего ты с собой не сделаешь, пока я тут...

Я отложила кисть и поспешила перекрыть ему дорогу.

— А ну стой!

Остановился. Уставился на меня желтыми, ничего не выражающими глазами. Я для него была как та елка или столб — препятствие, которое нужно обойти.

— Послушай, — сказала я мягче, — ну зачем ты так? Ты же не умер еще?

Опустил взгляд, зашаркал обходить меня. Ну, нет. Я шагнула в сторону, снова загораживая ему дорогу.

— Да, я знаю. У тебя этот синдром Дарга. И ты не можешь выйти. Только ты зря думаешь, что ты один такой. У меня тоже этот синдром. Я тоже заблудилась, понимаешь? Только Глебов меня вывел. И тебя выведет! Если ты еще живой, значит, шанс есть!

Я замолчала, а он все стоял, глядя себе под ноги. Слово намечал, где и как рыть новую яму, раз к старой больше нет хода. Не верил?

— Сережа... я бы здесь не оказалась, если бы это не было правдой.

С силой воткнул лопату в песок и побрел на этот раз мимо меня и мимо ямы — к этюднику.

Жалко будет, если порвет картон. Но пусть. Пусть лучше картинку порвет, чем лезет в яму.

Почему Глебов его тянет? Видно же, что человек отчаялся. Все, что он делает, — это словно крик о помощи. Только просит он уже не о спасении, он чувствует, что вернуться невозможно, он знает, что тело биота непрочное, что оно все едино не продержится долго — самое большее до осени. Он хочет уйти. А ведь Глебов, кажется, и сам считает, что надежды нет... но все равно почему-то продолжает упрямо восстанавливать биота, продлевать его жизнь, которая каждый день как пытка...

Противоречие. А может, наоборот? Может, мне сейчас стоит сделать то, что никак не решается сделать Глебов? Просто дать ему умереть. Дать ему довершить любую из попыток...

Это будет честно, и это будет по-человечески...

Зомби остановился возле этюдника. Он просто смотрел на картинку, долго-долго. Тем же непонятно-тусклым взглядом, каким ранее смотрел на меня.

Я по наитию достала из-под крышки новый лист грунтованного картона и поставила его перед Сережей. А свой убрала. Составила вниз, в траву.

Я уже привыкла к тому, как медленно зомби принимает решения. Как много ему надо времени на то, что любому другому дается легко и быстро. И я начала привыкать, что действие, которое последует за долгим размышлением, будет для меня неожиданным, парадоксальным.

Сережа всей пятерней провел по палитре, чтобы собрать как можно больше краски. А затем все собран-

ное размазал по картону. Потом пальцами начал водить по белому, вмазывая в него цветные яркие пятна, превращая в бурю кашу в центре. А когда пятно добралось до краев, он пальцем процарапал на темном болезненном фоне прямоугольник.

Я ни минуты не сомневалась, что он означает. У меня даже ни одной иной мысли не мелькнуло в голове. Это был контур двери. Контур плотно-плотно прикрытой двери, которую невозможно открыть.

Я взяла кисть и решительно подрисовала ей дверную ручку.

— Пойдем в дом, Сережа, — сказала я. Как ни старалась сказать это ровно, а голос все равно меня подвел. Дрогнул. — Пойдем, Глебов скоро вернется.

Он пошел со мной.

Юра повертел в руках мобильник, но звонить не стал. Сунул в карман. Монитор ноута выдавал качественное изображение со всех двенадцати камер. Выбери любую! Картинка шла замечательно — все камеры давали прекрасный обзор, студент полностью отработал свои деньги. Пейзажами развалин, панорамами и боями при желании можно любоваться целые сутки. И бой шел. Шел монотонно и размеренно. Непрерывно. Днем и ночью. Таким бывает затяжной осенний дождь. Красочный, шумный, увлекательный, пугающий. Бессмысленный.

Когда нет цели, не за что сражаться.

Когда нет риска, обесценивается победа.

Враг ли он, тот безымянный статист, что удачно подберется к тебе у очередного поворота и смачно разворотит череп куском железной арматуры?

А ты ему — враг?

В этой игрушечной войне даже смерть игрушечная.

Настоящее остается где-то, когда-то. Его все трудней отличить. И так легко пройти мимо, не заметить.

Его невозможно потерять — потому что нельзя потерять то, чего у тебя никогда не было.

Юра захлопнул ноут — трансляция теперь будет идти и без его чуткого контроля, пока у нового шоу рейтинг не упадет до нуля. Руслан доведет работу на месте. Он знает, как получить от контента наибольшую выгоду.

Ну что же, пора. Надо забрать машину, сдать номер в гостинице. Может, купить в дорогу еды и какой-нибудь сувенир. Ах, да. Еще есть одно дело. Ключ от квартиры по адресу улица Старателей, дом четыре, квартира шесть. Ключи он тогда Глебову почему-то не отдал. А позвонить казалось и глупо и неудобно. А ведь они, наверное, нужны.

Или... или может, они вообще никогда больше не понадобятся.

Вот это, пожалуй, было главным. Пока ничего не знаешь, можно убедить себя, что все как-то наладилось. Что не сбылись дурные предчувствия. Что для тебя лично эта история закончилась навсегда и можно спокойно ехать домой. Смотреть по вечерам трансляции собственного зомби-шоу и не помнить, не помнить, не помнить, ни Глебова, ни Нину, ни Сережу.

Юра заплатил дежурному биоту за лишний день стоянки. Долго просто сидел на месте водителя, соображая, что делать прямо сейчас, а что отложить на потом.

Все-таки снова вытянул из кармана телефон, набрал Глебова.

— Евгений, здравствуйте! Помните меня? Это Юра Семенов... помните? Я хотел спросить про Нину. Как она? Ну, может, надо что-то. Помочь. Или...

Глебов долго молчал, слушал. Потом ответил:

— С Ниной? Все более или менее хорошо. Она выживает. А насчет помощи...

Юра заторопился:

— У меня ключи остались. От ее городской квартиры. Я забыл вам сразу отдать, а они у меня. А я же уеду скоро.

— Конечно. Юра, знаете что? А подвезите меня до дома. Если вам не трудно. Я тороплюсь, а с машиной какая-то беда.

— Конечно. Где вас найти?

Глебов вернулся только через час, не один. Я не сразу, но узнала в парне, с которым они вместе вошли, своего спасителя. Узнала не в лицо, а по голосу. А может, просто догадалась, когда он назвал меня по имени.

— Здравствуйте, Нина. Вы, наверное, меня не помните? Вот, я привез ваши ключи.

— Спасибо. Я вас помню, Юра.

Смутился. Протянул мне жиденькую связку — ключи от квартиры, от мастерской и от подвала. Я взяла ее — и вдруг заметила, как улыбка мгновенно исчезла с Юриного лица.

Не нужно было оборачиваться, чтобы понять, что на крыльцо вышел Сережа.

...Все то время, пока ждали Глебова, мы разговаривали. Верней, зомби молчал, но не уходил никуда, слушал. А я рассказывала о городе, который только через прицел винтовки выглядит живым, и о кошках, которых на улицах все меньше, и о Клаве, и о квартире, в которой живу. Квартире, окна которой выходят на зону отчуждения стадиона.

Я не могла знать точно, слышит он меня, понимает ли. Но остановиться не могла. Так было правильно.

Глебов молча подхватил зомби под локоть и увел в дом.

— Ну, мне пора, — сказал Юра. — Вот, держите. Это моя визитка. Вдруг решите когда-нибудь позвонить.

Мне стало совестно. Как ни крути, если бы не этот парень, меня бы уже не было.

— Юр, подождите. Только не уходите никуда!

Я решила, что это отличная идея — подарить Юре мой сегодняшний этюд. На котором кусочек парка с березами и дом. Дом, очерченный скользящими лучами, с быстрыми тенями и бликами солнца на стеклах.

Дом, не такой, как сейчас, а такой, каким бы он мог быть, если бы однажды в нем не поселилась беда.

Я протянула Юре картон. Запоздало подумала, что глупо вот так отдариваться за собственную жизнь... Но с другой стороны, а как иначе?

— Вот... это вам. И спасибо...

Он взял подарок. Как-то странно посмотрел на меня, а потом быстро распрощался и уехал. Как будто вспомнил, что надо спешить.

В дом возвращаться не хотелось, но еще одно дело осталось неоконченным.

Глебова я нашла в комнате, где хранились инструменты. Кажется, он искал лопату — утренняя могила так и осталась незакопанной.

— Лопата там, на улице. Мы про нее забыли.

— Точно.

— Я хочу с вами поговорить.

— Да, конечно. Слушаю.

— Не здесь. Это важно.

— Хорошо, идемте.

Мы вышли на крыльцо, Глебов закурил. Над кладбищем плыл теплый вечер, солнце казалось жидким металлом, готовым вылиться на горизонт. Так уже было однажды.

— Послушайте... если надежды нет. Зачем вы его мучаете? Он же сам все понимает. Он видит, что вы не можете помочь... я же... я пусть немного, но побывала на его месте. Так нельзя. Он не заслуживает такого, это как тюрьма. Кто он вам? Друг? Родственник?

Глебов нервно потер лоб, выкинул окурок в кусты.

Ответил:

— Как врач я должен бы с вами согласиться. Чудес действительно не бывает. Что же до остального... Он мой сын. Ему двенадцать.

И вошел в дом, плотно прикрыв дверь.

Почему я не догадалась? Все же было к одному... почему я сразу не догадалась? И теперь мои слова будут

висеть в воздухе, пока не сбудутся... или не рассеются. Почему я всегда сначала говорю, потом думаю?

Солнце сплющилось, проталкивая себя за линию горизонта, потеряло большую часть своего блеска. Еще немного, и станет совсем темно. И холодно.

Надо, наверное, возвращаться к себе. Надо думать, как жить дальше, искать новую работу. В своей локации и без всяких биотов. Без всяких...

Дом встретил меня сумрачной тишиной.

Глебова нигде не было, на кухне шумно текла вода, я не стала туда входить. Заглянула в одну комнату, в другую. Обнаружила Сережу у окна в третьей комнате.

— Сереж... ты в шахматы играешь?

ИГОРЬ МИНАКОВ, МАКСИМ ХОРСУН

КОРАБЛЬ ГУРМАНОВ VS БЕТОННЫЙ ЛИНКОР

Меня смыло волной за борт переполненной беженцами лохани. Долгое время я провел в воде, служа кормом для рыб. Ветры и течения отнесли мое тело от Бангкока к берегам Камбоджи. Там я угодил в противоторпедное ограждение, установленное мертвослужащими с дредноута «Уроборос».

— Эй, дружище! — окликнули меня матросы. Они подошли к ограждению на катере. Дредноут, похожий на стальной остров, стоял на якоре неподалеку. — Ты мертв?

— Мертв, — булькнул я.

— Вот и отлично! — оскалились матросы. — Добро пожаловать на флот!

На дредноуте со мной первым делом побеседовал заместитель командира по работе с личным составом.

— Какие планы на жизнь после смерти? — спросил он, закуривая трубку.

Я задумался. Все, что случилось со мной за тридцать лет, люди, окружавшие меня эти годы, мои привязанно-

сти и интересы — все казалось сейчас таким никчемным. Кем я был? Зачем? Имело ли смысл? Волна, смывшая меня с транспортного корабля, точно лезвие Оккама, отделила все бессмысленное и наносное, оставив квинтэссенцию моего «я».

— Ну, может, навестить кого-то хотел? — подсказал, видя мое смущение, заместитель командира.

Я покачал головой.

— Сынок. — Офицер посмотрел мне в глаза. — У нас тут война. И ты отныне — на нашей стороне. Живых осталось мало, но они в очередной раз отказались вести мирные переговоры. И наш дредноут — самый мощный боевой корабль Южного Флота Мертвечества — идет, чтобы всыпать гордецам по первое число. Присоединяйся, будет весело.

И я согласился. А почему бы и нет? Мир здорово изменился за последние годы. Сначала — эпидемия, затем — атомная война, развязанная живыми против мертвых. Земля была уже не той планетой, о которой нам рассказывали на уроках географии. И где еще, как не на флоте, у меня будет возможность посмотреть свет?

— Знаешь, ты сильно раскис в воде, — оценил заместитель командира. — Да еще рыбы постарались... Пожалуй, тебе можно сразу дать вторую степень разложения. Матрос второй степени разложения! Что скажешь? Звучит! Я распоряжусь, чтоб подготовили приказ.

Так я присоединился к команде «Уробороса».

Взамен гнилых лохмотьев, в которые превратилась моя одежда, баталер выдал новенькую форму, фуражку-начерепушку и белые парусиновые тапочки. Боцман — лежалый темнокожий труп с нравом старого простатника — позволил занять свободную шконку в кубрике. К этому времени подоспел приказ о моем назначении на камбуз. Служить мне предстояло под началом кока — мумии-лейтенанта Гробушко.

Это назначение меня обрадовало. На камбузе работа не пыльная. Можно сказать — привилегированная. К тому же я не ел с тех пор, как умер. Специфический

голод живого мертвеца одолевал меня, мешал сосредоточиться, и порой было трудно вразумительно отвечать на вопросы вышестоящих по званию. Поэтому я попросил боцмана отправить меня на камбуз незамедлительно.

«Уроборос» был огромен. Коридоры и трапы образовали многоэтажный лабиринт, в котором я бы блуждал, наверное, неделю, прежде чем смог бы найти нужный отсек или просто вернуться назад. Скрипел под ногами потертый линолеум, гудели лампы под массивными плафонами из матового стекла. Туда-сюда пробегали мертвячки разных чинов, все были заняты делом. Палуба ощутимо вибрировала: дредноут набирал ход, направляясь из Сиамского залива в Южно-Китайское море.

— Обычно ребятам дают неделю на то, чтобы живчик расчехлился, — предупредил боцман. — Хочешь — лежи на шконке и смотри в подволок. Хочешь — учи корабль и кто есть кто на его борту. Спрашивай, надоедай. Не освоишься через неделю — выкинут на корм акулам. Нам не нужны на борту тупые зомбаки. Заметано?

— Заметано, — не стал спорить я.

— Вот, кстати, и камбуз...

Какой могла быть кухня у ходячих мертвецов?

Я ожидал увидеть нечто среднее между скотобойней и средневековым моргом, однако камбуз оказался самым обыкновенным: просторным, хорошо освещенным отсеком. Газовые плиты, стоящие в ряд, были окружены штормовым ограждением, а сами крепились на карданных подвесах, предохраняющих от качки. Вдоль переборок висели начищенные до блеска сковородки, половники, лопатки и прочая утварь. Полки ломились от жестяных коробок с крупами, пряностями и макаронными изделиями. Тускло поблескивали башни из кастрюль, составленных одна в одну. За столами работали одетые в белоснежные поварские кители мертве-

цы. Кто-то резал лук, кто-то шинковал морковь, кто-то разделял курицу.

Боцман представил меня коку.

— Это — Обглоданный, товарищ мумии-лейтенант. Рвется послужить Мертвечеству. Оголодал, несколько недель — на одной морской воде.

Гробушко смерил меня взглядом бельмастых глаз.

— Ммм... — протянул он, поправляя на себе китель. — А чем занимался, пока не сдох?

— Сначала работал сисадмином, — принялся перечислять я, — потом — модератором компьютерных игр в социальных сетях.

Кок понимающе кивнул. А я пожаловался:

— Вырвался с девушкой в Таиланд, а тут эта херня с вирусом. Почти два года просидели в Бангкоке, никто не хотел эвакуировать.

— Ммм... — снова протянул Гробушко. Не знаю почему, но я сразу проникся к коку доверием. Веяло от него какой-то простой мертвецкой мудростью. — На какой процесс бы тебя поставить... На салаты? На бульоны и жульены?

Пока кок размышлял, боцман сграбастал меня за шкирку и выкинул в коридор.

— Не смей вспоминать о том, что было раньше! — прошипел он мне в лицо. — Теперь ты — покойник, сынок! Гордись этим! Слышал, наверное: «Все мы — живые, все мы — несовершенные...» — проблеял боцман козлиным голосом, а затем приосанился и рявкнул: — Верно, черт возьми! Только мертвые — совершенны!

Я поспешил заверить боцмана, что забуду, кем я был и что больше такая ерунда не повторится. Тогда тот расправил на мне форменку, потрепал по обглоданной щеке и, наказав зубрить устав, ушел по своим делам. Я же вернулся на камбуз.

— О! — Гробушко отвлекся от кастрюли, в которой бурлил кипяток, указал на меня половником. — Вынести мусор и отдрать палубу!

— Есть! — ответил я и бросился к ближайшему мусорному ведру. Вытащил из него пакет, набитый овощными очистками, кинулся к следующему ведру... Ничего сложного. Нагрузившись, я выскользнул из камбуза. Контейнер для мусора находился поблизости. Мне рассказали, как его найти, так что блуждать по коридорам пришлось недолго. Потом пришлось братья за квачу и драить палубу.

Жутко хотелось есть. То, что осталось от моего носа, чуяло запах куриной крови. И когда я вернулся на камбуз, Гробушко разрешил заморить червячка. На свободном столе меня ждала тарелка, в которой, как ни странно, дымились вареный корень сельдерея и несколько бобов. Я с обидой поглядел на кока, но тот уже занимался ужином для офицеров. Мне пришлось довольствоваться тем, что дали.

Так началась моя служба. Я не знал, что такое усталость. Днем вкалывал на камбузе, ночами — учил устав и ТТХ «Уробороса».

Наш корабль одним своим видом мог вогнать живых в трепет. Морские лорды Мертвечества проектировали его по принципу «только большие пушки». Вооружение «Уробороса» составляли десять 305-миллиметровых орудий, размещенных в пяти бронированных башнях, — в них заключалась наша основная ударная сила. Тридцать 76-миллиметровых пушек, разбросанные повсюду — от казематной части корабля до верхних палуб, — предназначались для защиты дредноута от малых кораблей. Кроме того, на «Уроборосе» были пять торпедных аппаратов и шестнадцать автоматических зенитных пушек.

Мумии-лейтенант Гробушко, как я и предполагал, оказался порядочным мертвецом и добрым начальником. Более того, для меня он стал кем-то вроде гуру, открыв мне — недавно еще живому — духовные основы Мертвечества.

— Спаржевый супчик, луковый супчик, куриный бульон с половинкой вареного вкрутую яйца, — перечис-

лял кок, с хрустом загибая окостеневшие пальцы, — все дело в том, чем мы питаемся, Обглоданный. Инстинкт толкает нас на поедание кровотокающей плоти, но если мы подчинимся инстинкту, то потеряем разум. Пони-маешь, сынок, после смерти пищеварение не прекращается, но процесс этот идет не так, как у живых. Он осложнен всякой всячиной и, тем не менее, продолжается.

Дело было после ужина. Мы с Червивым — матросом первой степени разложения — притащили из кубрика пустой котел, в котором был подан нижним чинам гороховый суп-пюре. Червивый пошел назад, чтобы забрать самовары, а я залил котел водой с чистящим средством и взялся за мытье. Гробушко был на камбузе: грыз сушку и пил чай. Коку хотелось поговорить, а я, занимаясь делом, мотал на ус.

— Если мы набьем брюхо сырым мясом, то оставшаяся после жизни энергия в наших телах уйдет на то, чтобы переварить эту дрянь...

Когда речь зашла о сыром мясе, я невольно сглотнул.

— ...и мы превратимся в тупые, малоподвижные пугала, — продолжал Гробушко. — Станем такими, какими нас показывают в кино. И продлится такое состояние неделю или даже месяц. С нами в это время можно будет делать все, что угодно: жечь из огнемета, взрывать или даже пилить бензопилой. — Кок со вкусом хлебнул чаю, бросил в безгубый рот четвертинку сушки. — Ну, так вот... В конце концов мертвым удалось преодолеть инстинкты. Зов крови — порочный зов. Для того чтобы выжить в мире, поработанном живыми, нам нужен разум. Мы не имели возможности ждать тысячелетия, пока о нас позаботится эволюция. Мы поняли, что секрет заключается в правильном питании и сбалансированной диете, которая полностью исключает тяжелую для пищеварения еду. — Он со стуком поставил кружку. — Поэтому у меня на камбузе не держатся мертвячки, которые облизывают ножи после разделки курицы. Тебе ясно, Обглоданный?

Мне стало стыдно. Если бы я был живым, то непременно бы покраснел.

Незаметно прошла неделя. Однажды я пошел к мусорному контейнеру, чтобы выбросить очистки, но на обычно пустынной палубе меня ждала толпа матросов во главе с Червивым.

— Ну что, живчик, — обратились они ко мне, обступая со всех сторон. — Как служится? Много знакомых букв нашел в уставе? Успел душой прикипеть к кораблю? Ну-ка, быстро: сколько турбин, сколько котлов на «Уроборосе»?

Дело в том, что мертвецам чужда злоба. Все плохое, что могло с нами случиться, уже случилось: мы умерли. Мы не чувствуем боль или страх. Мы не желаем причинять вред ближним. Хотя бы потому, что просто не видим в этом смысла.

В общем, не прошло и десяти минут, как я под одобрительное гиканье и свист уже отплясывал «яблочко» в кругу остальных матросов.

А потом мы с Червивым пошли на ют покурить. За кормой «Уробороса» бурлила вода. На волнах качался разнообразный мусор: от обломков деревянного рангута потерпевших крушение кораблей до соломенных крыш разрушенных цунами хижин индонезийских мертвецов.

— Обглоданный, у тебя есть девушка? — спросил Червивый.

— Есть, — ответил я, улыбаясь.

— А что, она умерла? — Червивый прищурился и вставил папиросу в щербинку между передними зубами.

— Умерла! — радостно подтвердил я.

— Вот и славно! — Червивый хлопнул меня по плечу. — Война скоро закончится. Сыграете свадьбу. А мы погуляем!

— Это точно... — не стал возражать я.

Над мачтами «Уробороса» собирались серо-зеленые тучи, грозя радиоактивным ливнем. Пора было возвращаться на камбуз.

Вестовой снял с блюда никелированный колпак. Запах хорошо прожаренной печени, украшенной листиками маринованной морской капусты, быстро распространился по командирской каюте. Красная икра горкой возвышалась над темно-коричневыми ломтиками, ее крупинки горели, будто крохотные топовые огни.

Контр-адмирал Гуто Шреер потыкал серебряной вилкой в кусок печени, проверяя, не пережарена ли. Спросил, обращаясь к старшему помощнику, который стоял навывтяжку поодаль от стола:

— Как его звали, Ральф?

— Комендор Хаас, сэр!

— Хороший матрос был?

— Отменный, сэр!

— Что с ним случилось?

— Во время прошлого налета оторвало правую ногу, сэр!

— Вечная память герою, — пробормотал Шреер, разрезая кусок на аккуратные кубики.

Он прожевал мясо, жмурясь от удовольствия, потом подцепил на кончик ножа стебелек морской капусты с несколькими бусинками икры и строго воззрился на старпома.

— Надеюсь, Ральф, — сказал контр-адмирал, — вся команда получила возможность помянуть комендора Хааса?

— Так точно, сэр! — отчеканил старший помощник. — Комендор Хаас навсегда останется в наших сердцах!

Шреер усмехнулся и пробормотал:

— Так уж и в сердцах...

Старший помощник командира форта «Непотопляемый» лейтенант Ральф Боос преданно ел начальство глазами. Случись такая оказия, он ел бы этого напыщенного болвана не только глазами, но старая морская гнида отсиживалась во время налетов и обстрелов в командирском бункере, под двадцатиметровой бетонной толщей. Это простые морячки да младшие офицеры кале-

чилились и гибли под бомбами и снарядами, что сыпались на Бетонный Линкор — так неофициально называли форт «Непотопляемый» его защитники — со всех сторон. Мертвяки не знали ни усталости, ни пощады. Да, техника у них была устаревшая. Все эти допотопные линейные корабли, эсминцы, крейсера и авианосцы, с которых стартовали винтовые «Корсары», — были музейной рухлядью, если сравнивать с оснащением «Непотопляемого». Снаряды, начиненные пироксилином, аналоговое управление стрельбой, примитивные локаторы мертвяков — против скорострельных пушечных турелей, автоматических зенитных комплексов, систем радиозлектронной борьбы и компьютеров людей, крепко засевших в недрах железобетонного острова: в другие времена это показалось бы смешным, но не сейчас. Потому что мертвяков бесчисленное множество, а людей лишь горстка. И горстка эта непрерывно тает. И в немалой степени благодаря бездарному командованию Гуго Шреера. Контр-адмирал был еще старой, натовской закваски. Такие, как он, проиграли Третью мировую войну, но не заметили этого, продолжая делать вид, что по-прежнему контролируют ситуацию в мире, на самом деле давно уже захваченном мертвяками.

«Ну, ничего, придет день, — думал Боос, провожая взглядом очередной кусок матросской печенки, исчезающий в ненасытной пасти контр-адмирала, — и ты тоже останешься не только в наших сердцах...»

Опустошив блюдо, Шреер нетерпеливо щелкнул пальцами, и вестовой наполнил бокал вином. Отпив изрядный глоток, контр-адмирал уставился осоловевшим взором на старшего помощника.

— Э-э... любезный, — пробормотал Шреер. — Можешь идти... Через час — сбор в штабе всего командного состава.

— Слушаюсь, сэр!

Боос откозырял, щелкнул каблуками и покинул контр-адмиральскую каюту. Быстрым шагом миновал примы-

кавший к каюте командирский офис, стараясь не глядеть на бледное личико мичмана Йолинк. Не отрывая маникюренных пальчиков от клавиатуры, Хелен алчно посмотрела вслед лейтенанту Боосу, мысленно срывая с него китель и безупречно выглаженные брюки. Мичман Хелен Йолинк была единственной женщиной на борту «Непотопляемого» и желала добраться до всех мужчин форта, но связываться с ней боялись. Никому ради сиюминутного удовлетворения похоти не хотелось вне очереди оказаться на столе контр-адмирала.

За пределами командирских апартаментов с коврами, панелями из мореного дуба и хрустальными лампами тянулись узкие, редко освещенные коридоры с серыми шершавыми стенами. Где-то капала вода. Палуба подрагивала, будто Бетонный Линкор шел на полном ходу, рассекая радиоактивные воды Южно-Китайского моря. На самом деле — это работали паровые турбины атомной электростанции, снабжавшей форт энергией и пресной водой. Если бы не реактор, гарнизон «Непотопляемого» ни за что бы не продержался так долго. Боеприпаса было в избытке. Пищи, благодаря своевременным поправкам в Морской Устав, которые сделал контр-адмирал Шреер, тоже пока хватало. А вот не будь пресной воды и энергии, Бетонный Линкор давно бы стал еще одним форпостом мертвяков.

Громыхая каблуками по металлическим ступеням винтовой лестницы, Боос поднялся в верхние отсеки. Здесь располагался матросский кубрик. Старпом слышал негромкие голоса и невольно замедлил шаг, навострив уши.

— ...поедом жрут... А мертвяки, говорят, человеческой брезгуют!

— Потихе ты, Кривой... За античеловеческую пропаганду сам знаешь, что бывает!

— Знаю... но ты ведь не продашь старого друга, Фелих?

— Я и говорю — тихе... Как это — брезгуют? Они же эти... зомби, они же без человечины жить не могут...

— Мы — тоже... А вот эти твои зомби, говорят, специально человечины избегают... Они от нее тупеют, ни на что не способны делаются, кроме того, что бы жрать...

— Ну, правильно... ну, вот и надо давить их, гадов, пока силы есть...

— Эхе-хе, дурак ты, братец... Мертвякам-то что? Они уже мертвы, а потому смерти не боятся... Да и че им бояться, если они и после смерти, почитай, живут... Не то что мы...

— А что — мы?

— А мы, Фелих, живем, пока нас не съедят, смекаешь?

— Ну?

— Портянки мну... Съеденные к новой жизни не возрождаются. Вот и думай!

С минуту лейтенант Боос размышлял, как поступить. Строго говоря, за такие разговоры матросиков следовало бы упрятать на цугундер. Распространение панических слухов, посев сомнения в боевом духе и огневой мощи форта и превознесение боевого духа и огневой мощи противника наказывались довольно мягко. Из паникеров формировали особую команду, в задачу которой входило очистка верхней палубы Бетонного Линкора от зажигательных снарядов непосредственно во время боя. Редко кто из палубной команды оставался после налета живым и невредимым, а для калеки, как и для убитого, на «Непотопляемом» один путь — на камбуз.

«Дьявол с ними, — подумал лейтенант, — пусть живут пока...»

И он свернул в другой коридор. Ему вдруг захотелось на вольный воздух.

Дежурные в шлюзовом тамбуре помогли старшему помощнику натянуть комбинезон химзащиты, подогнали противогаз. По инструкции, старшего офицера во время выхода на верхнюю палубу полагалось сопровождать, но Боос приказал оставить его одного. Матросы

не возражали. С грохотом захлопнулся освинцованный внутренний люк, заскрежетали засовы. Лейтенант оглянулся. Матрос показал ему сквозь мутный иллюминатор большой палец. Боос кивнул, взялся за штурвал внешнего люка. В шлюз ворвался морской ветер, пропитанный солью и актиноидами, но плотная металлизированная резина не позволила ощутить его сомнительную свежесть. Лейтенант переступил через комингс и оказался на обширном бетонном поле, изрытом воронками, будто Луна — кратерами.

«Непотопляемый» резал высоким каменным форштевнем свинцово-серые волны взбаламученного океана. Низкие тучи летели над ним, создавая иллюзию движения. Бетонный Линкор и впрямь двигался. Вместе с континентальным шельфом он за год покрывал расстояние примерно в сантиметр. Но этой скорости было недостаточно, чтобы уйти от рыскающих повсюду флотилий мертвяков. Впрочем, мертвых моряков и островной форт объединяло одно — они были практически вечны и могли никуда не спешить. В отличие от экипажа «Непотопляемого» — последней надежды человечества.

Чувствуя тоску и одиночество, лейтенант Ральф Боос побрел наугад, расплескивая массивными башмаками скопившуюся в воронках и выбоинах воду. Вдоль периметра возвышались капониры автоматических зениток. На юте крутились локаторы дальнего обнаружения, которые во время боя втягивались под броневые колпаки. На баке торчала наспех сооруженная вышка, которую матросы именовали по старой привычке «марсом». На «марсе» маялся наблюдатель, озирающий горизонт. Округлые проплешины, которые глазу непосвященного было не отличить от остальной поверхности, скрывали ракетные шахты. Контр-адмирал берег ракеты для последнего решающего сражения. Пока что в бою обходились зенитками для защиты с воздуха и скорострельными 100-миллиметровыми орудиями для поражения надводных целей.

Лейтенант приблизился к самой кромке острова. Ограждение давно было сметено снарядами мертвяков. Восстановить его и не пытались. Зачем, если в следующем же бою эти легкие, почти изящные перильца будут изорваны, смяты, скручены в железные клубки. Поэтому каждый раз ремонтная бригада ограничивалась тем, что вбивала в бетон арматуру и провешивала леера. Боос остановился возле этой хлипкой ограды, глядя на беснующиеся волны. Его так и подмывало сделать еще шаг, сверзиться с высоты трехэтажного дома, напрямик на невидимые в мутной штормовой воде надолбы. Ведь если верить тому, что болтают в кубрике, жизнь на этом не закончится, она перейдет в иную стадию.

«Вот, наслушался матросской болтовни, — укорил себя лейтенант. — К черту эти настроения! Служба хлюпиков не любит...»

Боос повернулся к бушующему морю спиной и зашагал к шлюзовой надстройке. Нужно было еще привести себя в порядок перед совещанием у командира.

Офицерский состав островного форта «Непогибаемый», сверкая орденами и аксельбантами, почтительно внимал командиру, контр-адмиралу Гуго Шрееру.

— Мы прошли с вами славный путь, друзья, — вещал контр-адмирал. — Хочу напомнить, что начинали мы как форт огневой поддержки операций Объединенных Флотов в акватории Индийского океана. Небольшой гарнизон, обслуживающий главным образом системы автоматического ведения огня. Третья Мировая существенно повысила наш статус! Теперь мы не вспомогательная часть, теперь мы главный форпост человечества в этом регионе! Настанет день, когда мы из обороны перейдем в наступление. Мы захватим вражеский корабль, очистим его палубы от дьявольских отродий и прорвемся к берегам Северной Америки — оплота истинно христианских ценностей и подлинной демократии. Я уверен, Соединенные Штаты устояли

под натиском мертворожденного воинства, ибо не существует такой силы, которая бы...

Резкий звонок прервал речь командира. Вызывали с центрального наблюдательного поста. Лейтенант Боос поднял трубку.

— Говорит сержант Пистра! — раздался взволнованный голос дежурного. — Вижу на радаре группу кораблей, которая приближается курсом двести десять, скорость — восемнадцать узлов.

Боос сейчас же вызвал «марсовых».

— Подтверждаю, — отрапортовал «марсовый». — Дымы в направлении зюйд — зюйд вест. Расстояние около тридцати кабельтовых.

— Продолжать наблюдение! — приказал лейтенант. — Докладывать о малейшем изменении ситуации.

Боос положил трубку. Офицеры смотрели на него, как на пророка Илию.

— Вражеский флот на горизонте, — возвестил «про-рок».

Шреер надул щеки и выдохнул:

— Боевая тревога!

Пятерка «Корсаров», ревя винтами, пронеслась над мачтами нашего корабля. На горизонте вырисовывался абрис авианосца «Лавкрафт». На правом траверзе «Уробороса», накрытый тенью могучего дредноута, шел эсминец «Мавзолей Ленина».

Корабли Южного Флота стягивались в квадрат, который по-прежнему контролировался фортом живых. Я видел черные дымы на севере, — там, где море сливалось с небом. Живые отбивали атаки одну за другой.

— Защитники «Непотопляемого»! Солдаты, матросы, офицеры! — звучало в радиозфире. — С вами говорит командующий Южным Флотом Мертвечества скелет-адмирал Могилевский. Вы с честью выполнили свой долг. Дальнейшее сопротивление бесполезно. Помощи ждать неоткуда. Все воинские соединения живых либо сдались, либо разгромлены. Я призываю и

вас сложить оружие! Я обещаю достойные условия содержания в плену. Сухую одежду, щедрые пайки, средства для ухода за личной гигиеной. Раненым будет оказана медицинская помощь. Пора прекратить кровопролитие...

Я выплеснул за борт ведро помоев. Далеко внизу треугольные плавники рассекали волны. Акул собралось в этих водах — видимо-невидимо. Сколько же моряков нашло успокоение в их ненасытных желудках? Все друг друга жрут. Что за рок довлеет над обитателями нашей планеты...

Вернувшись на камбуз, я увидел, что Червивый под присмотром Гробушко готовит ризотто.

— Собрались мертвячков рисовой кашей накормить? А, товарищ мумии-лейтенант? — весело спросил я.

— Да, — не отрывая взгляд от сковороды, ответил кок. — Рис, знаешь ли, крепит.

— Крепит? — Я не понял, шутит ли Гробушко или говорит серьезно.

— Крепит, — без намека на иронию повторил кок. — Ведь кому-то скоро в бой.

Действительно, на «Уроборосе» полным ходом шла подготовка к предстоящему сражению. На палубе дредноута не было ничего деревянного, но за борт отправились брезентовые тенты, за которыми команда пряталась от тропического солнца и назойливых мух. Следом за тентами в море выбросили все, что могло маломальски гореть. Пожарные команды растягивали вдоль коридоров шланги, отрабатывая учебные тревоги под присмотром кондукторов и офицеров.

Мы успели накормить команду и прибрать на камбузе, прежде чем оглушительно завывли сирены.

— Ну, началось! — блеснул бельмами Гробушко.

Все неожиданно взбодрились. Меня тоже захлестнула всеобщая беспричинная веселость и бравада. Захотелось выбраться на верхние палубы и своими глазами увидеть неприступный форт живых, об который не

единожды ломали зубы военно-морские силы Мертвечества.

— Давайте, братцы. Занять места по боевому расписанию, — распорядился Гробушко.

Матросы, в их числе и я, откозыряли и бросились из камбуза, как тараканы — кто куда. Червивый присоединился к пожарникам, а я — к команде эвакуаторов, которые, вооружившись носилками, ждали, когда появятся первые раненые.

Само собой, ни одно ранение не могло быть для нас смертельным, но попробуй повоюй, если, к примеру, выбитая наружу кость не позволяет ни повернуться, ни развернуться.

Неразборчивое бормотание, которое доносили порывы ветра, переросло в грохот канонады. Выглянув в иллюминатор, я увидел в небе горящий «Корсар». Пилот отчаянно пытался дотянуть до авианосца. Я понял, что мы уже близко от эпицентра событий.

Затем грянуло точно раскатом грома, и палуба содрогнулась. В иллюминатор я увидел вздыбившийся столб воды. Палубу окатило, по стеклу иллюминатора заструились разводы, как будто снаружи лил дождь.

В ответ басовито рявкнуло наше орудие. Комендоры начали пристрелку. Я знал, что огнем всех пяти башен главного калибра управляют с одного поста, так что накрыть бетонный островок, занозой застрявший в заднице всего мертвого мира, будет несложно.

По броне «Уробороса» словно врезали бревном, окованным железом. Затем еще раз и еще. Даже понимая, что ни боль, ни смерть мне не грозят, я испытал какое-то странное ощущение. Наверное, оно было рудиментарным и досталось по наследству от меня прежнего, меня живого. Но, в общем, не напрасно нас Гробушко накормил отварным рисом. Я оценил осмотрительность кока.

— Такими пистонами шкуру «Уробороса» не испортить, — с напускной небрежностью проговорил темно-

кожий боцман, которого назначили командовать эвакуаторами.

Дредноут пронзила дрожь от киля до верхушки мачты. Это открыли огонь наши 305-миллиметровки. Я не знал, какое расстояние разделяло «Уроборос» и форт «Непотопляемый», но отчетливо представил, как свистят, пожирая мили, снаряды, несущие освобождение живым.

Бум! Бум! — доносилось отовсюду. Теперь казалось, что бревна бьют по корпусу дредноута со всех сторон.

— Раненые в третьей башне! — Боцман так сильно выпучил глаза, что один из них вывалился из глазницы и повис на бледно-зеленом стебельке.

Я отдал честь и стремглав помчался в третью башню. Мой напарник — матрос-гальванер Неткусков — едва успевал следом, неся под мышкой свернутые носилки.

Стальная плита люка отошла в сторону. В лицо дохнуло жаром, точно из зева доменной печи: снаружи бушевал огонь. Я на миг опешил: ведь мы очистили корабль от всего, что могло гореть. Оказалось, что палуба и надстройки испещрены округлыми кавернами, из которых, точно из жерл вулканов, било пламя и летели брызги расплавленного металла.

Живые били по «Уроборосу» теми самыми кумулятивными снарядами, секрет производства которых в Мертвечестве был безвозвратно утерян.

Третьей башне крепко досталось. Один ствол был свернут вбок, атели раскаленными закраинами несколько пробоин. По башне метались языки пламени: горела покрывающая броню краска. Пожарная команда разворачивала шланги. Червивый направил медный расструб в сторону открытого люка. Вход в башню был задымлен, из мглы кто-то тянул руки.

Вражеский снаряд шарахнул рядом с кораблем. Грязная вода перелилась через фальшборт. Зашипела, заклокотала, испаряясь. Горячий туман на несколько секунд

застелил палубу. Я, прикрывая лицо руками, поплелся к башне, в которой ждали раненые комендоры.

Над головой что-то фыркнуло, поток воздуха сорвал фуражку-начерепушку и швырнул ее в пламя. Грохнуло так, что мои барабанные перепонки на время утратили способность реагировать на звуковые колебания. Наверху вспух огненный шар, средняя труба со скрежетом завалилась и, осыпав палубу искрами, упала за борт. Я спрятался за кнехтом и сделал это вовремя, потому что огненная стрела следующей ракеты пронеслась над мостиком ходовой рубки и легла перед входом в третью башню. Пожарную команду смело, словно лавиной.

В какой-то миг я растерялся. Было непонятно, что делать дальше. Ясно, что в башне не осталось ни одного мертвого, все комендоры превратились в прах.

— Браток! — услышал я хриплый голос.

Я завертел головой, но никого не увидел. Затем поглядел под ноги...

Матьер божья! От Червивого осталась лишь голова, шея и кусок ключицы.

— Браток! — Червивый глядел пустым взором в закопченные небеса и едва-едва шевелил губами. — Избавь от мук бесперспективного существования! Брось за борт... Пусть в акульем желудке найду успокоение...

У меня перехватило в горле. Обеими руками и с превеликой осторожностью я поднял голову друга.

— Бывай, Обглоданный... — попрощался Червивый. — Жаль, не плясать мне на твоей свадьбе, братка.

Я прижал голову Червивого к груди.

— Прощай, друг! Будь проклята эта война! — В тот миг мне были одинаково противны и живые, и покойники. Как ни странно, но оказалось, что и умершему человеку есть что терять. Если, конечно, в его тухлом теле имеется немного совести и чести.

Я бросил то, что осталось от Червивого, за борт. Но то ли из-за качки, то ли из-за моей растерянности, голова, не долетев, упала на палубу. Выражение лица Чер-

вивого сменилось с возвышенно-одухотворенного на взбешенно-недоуменное.

— Вот сука! — ругнулся он. — Ты это специально сделал, да? Издеваться над инвалидом войны вздумал?

Пока не случилось беды, я подхватил голову Червигого и торопливо перебросил ее через фальшборт. Только после этого я осознал, что меня какое-то время монотонно зовет Неткусов.

— Напарник... Напарник...

— Ну, чего тебе? — вспыхнул я.

Неткусов, сидя на комингсе, пытался приладить оторванную руку к культе. Его прожженная во многих местах форменка дымилась.

— Как думаешь, — спросил он, — если скотчем примотать... — Он поднял на меня полные грусти глаза. — Или лучше степлером пришпандорить?..

Отпихнув Неткусова с порога люка ногой, на палубу вышел заместитель командира по работе с личным составом. Поверх мундира мертвый офицер надел бронжилет, на лакированном черепе сидела каска. В зубах заместитель командира сжимал трубку, а в руке — пистолет Макарова.

— А! Обглоданный! — узнал он меня. — Как служится, матрос второй степени разложения?

— Рад стараться! — незатейливо ответил я, встав во фрунт.

— Дракула! — похвалил офицер. — Упырь! Дуй в арсенал за автоматом! Сейчас на абордаж пойдем. Третью степень разложения тебе зарабатывать.

— Как — на абордаж, товарищ лич-капитан второго ранга? — снова опешил я. — Мы ведь не морские пехотинцы.

— Ты — на флоте, мертвец! — заместитель командира ткнул мне в лицо дулом «макарыча». — А значит, ты — и морской пехотинец, и матрос, и молочница с пастушкой, если так прикажет командование. Все идут на абордаж! Даже я!

— И я! — На палубу вышел мумии-лейтенант Гробушко, вооруженный «калашниковым». Кок не пожелал или не посчитал нужным переодеться. Я понял, что он собирается идти в атаку в белом поварском кителе.

— И я! — раздался зычный голос темнокожего боцмана. Он тоже выбрался на палубу. На плече — ручной многозарядный гранатомет «ГМ-94», правый глаз — болтается на стебельке.

— Ну, и я с вами! — Неткусков несколько раз взмахнул оторванной рукой, точно саблей.

— Тем более, — расщедрился на объяснения заместитель командира, — остальные корабли флота или плавают кверху киями, или уже лежат на дне. На плавую остались только мы и «Лавкрафт». «Уроборос», благодаря бронированной шкуре, смог подобраться к цели на абордажную дистанцию.

— Вот оно! Смотрите! — затаив отсутствующее дыхание, проговорил Гробушко.

Я обернулся. Через миг клубы дыма, которые заволакивали горизонт, поредели, а затем растаяли вовсе.

«Непотопляемый»... Последний оплот живых...

Островок, залитый фортификационным бетоном. Он очень похож на кусок дырявого сыра. И дыры эти — следы от многочисленных артиллерийских попаданий.

Но ни одно из этих попаданий, насколько я мог судить, не причинило бетонному форту более или менее серьезный урон.

...Когда я получал в арсенале автомат, запасной рожок и каску, удар страшной силы подбросил тяжеленный форштвень дредноута над волнами...

Громада вражеского дредноута заслонила юго-восточную часть горизонта. Похоже, корабль мертвяков крепко сел на бетонные клыки, ограждавшие форт под водой. Комендоры казематных орудий мигом воспользовались этим. Бьющие прямой наводкой пушки дырявили палубные надстройки могучего судна. Снаряды взрывались внутри. Сквозь пробоины вылетали оскол-

ки стекла, обломки мебели и механизмов вперемешку с костями и без того уже мертвого экипажа. На борту дредноута царил кромешный ад, но огонь и рвущие металл снаряды не могли остановить мертвых моряков. Один за другим они выныривали из пламени, наводили абордажные трапы и ловко перебежали на верхнюю палубу «Непотопляемого».

Контр-адмирал Гуго Шреер оторвался от окуляров бинокля, окинул орлиным взором собравшихся под бетонным колпаком капонира офицеров. Взгляд его остановился на лейтенанте Боосе.

— Ральф, — сказал командир, — на вверенном мне форте вражеский десант! Приказываю немедленно вышвырнуть эту мерзость за борт!

— Слушаюсь, командир!

Боос взял под козырек и ссыпался по железным ступеням, ведущим из капонира во внутренние отсеки Бетонного Линкора. Он предвидел приказ Шреера, поэтому собрал антиабордажную команду загодя. Приказал плотно накормить их перед боем. «Марсовый», который пал от осколка вражеского снаряда в самом начале арт-обстрела, сослужил своим товарищам последнюю службу. Сытно отрывивая, матросики в химзащите и бронежилетах, вооруженные штурмовыми автоматическими винтовками со штыками, ждали лейтенанта у шлюзового тамбура. Им осталось только натянуть противогазы и каски. Лейтенант проворно облачился в комбинезон, поверх надел разгрузку и броник. Оглядел свое воинство.

— Ну что, братишки, — сказал он. — Покажем мертвякам, кто на палубе хозяин?

Матросы загомонили:

— Так точно, сэр!

— Поотрываем гнилые яйца!

— Порасшибаем черепашки!

— Добро, — отозвался Боос. — Открыть шлюз! Выходить по одному! Рассыпаться цепью! Стрелять без команды!

Матросы напялили противогазы и каски.

Натужно заскрипели засовы. В переходной камере всем было не поместиться, поэтому вопреки инструкции открыли оба люка сразу. Первым наружу выскочил сержант Хансен. И немедля открыл огонь из своей «М-16». Матросы горохом высыпали следом, встречая мертвяков, прущих по изрытому снарядами бетону, шквальным огнем.

Босс шел замыкающим. И у него было время осмотреться. Дымили руины дредноута, пылали лужи напалма. Черная завеса заволокла форт, скрывая его от ревущих в небе «Корсаров». Сквозь смрадный чад перли мертвяки. Их было уже около сотни. И с каждой минутой становилось все больше. Сверкая мослами, сотрясая лохмотьями плоти, скаля все имеющиеся в наличии зубы, они вылезали из-под обломков палубных надстроек погибающего корабля и с ходу бросались в бой.

Лейтенант прицелился в мертвяка, который палил короткими очередями из русского автомата Калашникова, и плавно нажал на спусковой крючок. В общем грохоте выстрел «М-16» прозвучал сухим щелчком, будто в лесу наступили на ветку. Черепушка мертвяка с «калашниковым» взорвалась. Костяные осколки вперемышку с гнилыми мозгами разлетелись во все стороны, но зомби продолжал стрелять. Разве что не так метко, как прежде. Тогда лейтенант, пригнувшись, бегом рванул в сторону. Перевел винтовку на автоматическую стрельбу и короткой очередью перебил мертвяку руки. «Калаш» брякнулся на бетон, а его владелец, бессмысленно дергая укороченными верхними конечностями, слепо побрел обратно к дредноуту.

Боос перевел огонь на другого зомби. Уже ученый, лейтенант не стал тратить пули попусту. Он старался попасть по позвоночнику, чтобы как можно скорее лишить врага подвижности. Пули крошили ребра, прошивали мертвяка навылет, но обездвижить его удалось не сразу. Даже превратившись в поломанную куклу, зомби продолжил палить в белый свет, как в копеечку.

Наконец, Боосу удалось развалить вражину пополам. Верхняя половина попыталась стрелять из положения лежа, но лейтенант подскочил к мертвяку и футбольным ударом выбил автомат из костлявых пальцев, а следующим — отфутболил облезлый череп. Зомби не сдавался. Он попытался ухватить лейтенанта за ноги. Тогда Боос прикладом расплющил ему фаланги.

У других бойцов из антиабордажной команды дела шли немногим хуже. Ребята быстро приспособились к особенностям ведения войны с восставшими мертвецами. Кое-где дошло уже и до рукопашной. В ход пошли ломтики и саперные лопатки. Мертвяки тоже в долгу не оставались, отбиваясь от живых прикладами, штыками и тесаками. Живым приходилось туго. Бетон верхней палубы обагрился свежей кровью. Как ни странно, мертвяки не набрасывались на раненых матросов, чтобы рвать клыками кровоточащую плоть. Они методично добивали их и быстренько оттаскивали в сторону, складывая рядком. Точно таким же образом действовала кухонная прислуга «Непотопляемого». Неужто зомби тоже питались вареной человечинной?

Лейтенант знаками показал сержанту Хансену на «склад провизии», который устроили мертвяки. Сообразительный боец взмахом руки подозвал двух дюжих рядовых, и они втроем кинулись отбивать у врага тела товарищей. Между тем мертвяки наседали. Боос швырнул в самую их гущу три гранаты и непрерывными очередями раскрошил то, что не достали осколки. В пылу схватки он и не заметил, как к нему подобрался здоровенный зомби, покрытый ошметками темно-коричневой кожи. Один глаз мертвяка болтался на стебельке. Зомби взмахнул мясницким ножом, но Боос успел заслониться винтовкой. Звук скрежета железа о железо проник даже сквозь плотную резину противогаза. Лейтенант со всей силы врезал прикладом по проступающим сквозь ткань форменки ребрам, а потом с разворота всадил штык в уцелевший глаз мертвого моряка.

Раз, и голова зомби, сорванная с лишенной мышц шеи, поскакала по изрытому бетону. Но враг не унимался. Остро отточенный тесак вонзился лейтенанту в бок. Лезвие прошло между завязками бронежилета, рассекая резину комбинезона, ткань кителя, кожу, ребра. Боос взвыл, рванулся в сторону и выдернул нож из раны. На мгновение стало легче, но тотчас по всему телу разлился жар, за которым нахлынула дикая боль. Слезы застлали круглые стеклышки противогаза. Не отдавая отчета в том, что делает, Боос сорвал проклятую маску. Грохот боя оглушил его. Молотили по бронированной туше дредноута скорострельные пушки, дергались, как припадочные, зенитки, звонко рассыпались стрелянные гильзы, коротко вякали «М-16», стрекотали «калаши», утробно выли зомби.

Мертвяков становилось все больше. Лейтенант видел, как они появляются на верхней палубе, вылезая прямо из моря. Похоже, эти ходячие мумии и скелеты умели неплохо плавать, вопреки всем законам гидродинамики. А защитников «Непотопляемого» больше не становилось. Хотя оба шлюзовых люка были распахнуты, на помощь антибордажной команде никто не спешил. Наоборот, Боос заметил, как парочка мертвяков, воровато оглядевшись, нырнула в недра Бетонного Линкора. Боос расстрелял ходячие останки темнокожего и повернулся к «складу провизии», к которому должен был прорваться Хансен сотоварищи.

Никакого «склада» не было. Защитники форта, убитые в рукопашной, вяло шевелились, отыскивая руками опору. Некоторым удалось сесть и даже открыть глаза. Сам Хансен оказался среди них. Шея его была перебита. Хансен пытался приподнять голову непослушными руками. Рядом с ним присел на корточки мертвяк с катушкой скотча наготове.

Старший помощник командира форта Ральф Боос вскинул ствол верной автоматической винтовки и нажал на спуск. «М-16»-я затряслась, задергалась. Оче-

редь кривой струей хлестанула по воскресающим морякам. Пули выбили сержанту Хансену зубы, разворотили переносицу. Мертвяк со скотчем посмотрел на лейтенанта с укоризной. Видимо, за то, что этот неумейный живой прибавил ему, санитару, работы.

Знакомая фигура замаячила перед Боосом. Он опустил автомат.

Рядовой Фелих Ван Страатен без каски и противогаза стоял перед своим командиром и ухмылялся. В уголке его рта покачивалась веточка петрушки. Затылок у рядового отсутствовал, что делало Фелиха похожим на оживший манекен.

— А ведь Кривой был прав, сэр, — хрипло проговорил рядовой. — Мертвые человечины не едят... Только живые... Жаль, не довелось бедолаге в этом убедиться. Порвало гранатой в ключья...

— Раззговорчики! — прорычал Боос, с трудом сохраняя равновесие. — Как стоите, рядовой!..

Фелих промолчал.

А затем с размаху всадил в горло командира тяжелый десантный штык-нож.

Битва за Бетонный Линкор завершилась. Из пробоин еще поднимался дым, но пушки молчали. На верхней палубе «Непотопляемого», превращенной нашими снарядами и бомбами в лунный ландшафт, не осталось ни единой живой души. Мои друзья-мертвослужащие заботливо выводили из внутренних отсеков форта новых товарищей. Мне ли не знать, как нелегко поначалу свыкнуться с мыслью, что ты мертв и тебе ничего больше не угрожает. Кроме войны, но с войной мы покончили. И этим живчикам, которые пока шарахаются от каждого прикосновения мертвяка, еще предстоит осознать это.

С камбуза «Непотопляемого» — свой-то, «уроборосский», мы не уберегли — принесли термосы. К бензиновой и пороховой гари примешался сладкий дух гречневой каши. Я наполнил алюминиевую миску с горкой,

подошел к бывшему защитнику форта. Молодому парню разворотили штык-ножом горло. Наш санитар замотал рану скотчем. Свежий мертвец уставился на меня дикими глазами. Я протянул ему миску.

— Поешь, браток, — сказал я. — На пустой желудок какая служба!

РЕЦЕПТ ОТ ГРОБУШКО, ГЛАВНОГО КОКА ДРЕДНОУТА «УРОБОРОС»

Суп-пюре гороховый

(принят на вооружение

Военно-морского флота Мертвечества)

Ингредиенты на 50 литров бульона:

1. Картофель — 1 мешок
2. Морковь — полмешка
3. Лук репчатый — полмешка
4. Горох — ведро
5. Зелень и чеснок по вкусу.

Приготовление:

1. Ведро гороха залить водой и оставить замачиваться на ночь.

2. В котел налить 50 литров воды или бульона, высыпать горох и варить до готовности.

3. Картошку очистить, нарезать небольшими кубиками.

4. Лук и морковь очистить, лук мелко нарезать, морковь натереть на крупной терке.

5. Картофель, лук и морковь выложить к гороху, варить до готовности овощей.

6. Полученный суп измельчить при помощи команды матросов с блендерами, посолить и поперчить по вкусу.

7. Добавить в суп измельченную зелень и чеснок, довести его до кипения и сразу же выключить.

ВЯЧЕСЛАВ ЛАЗУРИН

*
УБЕРЗОЛЬДАТ АНЕНЕРБЕ

Не чувствую боли, только — как вибрирует грудь под ударами пуль. Их горизонтальный град затрудняет движение, но я упорно иду навстречу роботу-пулемету. Это страшная машина, не иначе как изобретение одного из колдунов-психопатов. Вроде тех, что создали лучи смерти или, еще хуже, гравитационные бомбы... Нужно торопиться. Грудная клетка скоро не выдержит, уже ощущаю, как под развороченной плотью деформируются ребра.

Еще шаг, и я хватаюсь за раскаленный ствол. Стиснув зубы, тяну в сторону. Возмущенно стонет металл, механизм оружия лязгает и резко останавливается, подавившись пулеметной лентой. Дуло напоследок выдыхает густым синим дымом. Пахнет порохом, насыщенным какими-то сильными черномагическими присадками.

На пыльном корпусе робота различается полустертый герб Вермахта, тот же, что и на воротах башни, оставшихся теперь без охраны. Значит, я не ошибся адресом. Да и как тут ошибиться, если их башни ни с чем не спутать. Около ста футов в высоту, с пустующей площадкой для цепеллина на крыше. Блестящая на полуденном солнце антенна SUM добавляет строению еще тридцать футов. Антенна пока ничего не излучает и не принимает. Я бы почувствовал... Вблизи робот оказывается довольно простым. Пулемет MG-34 плюс ламповый компьютер под стальным корпусом. Простая система, а потому очень надежная. И опасная. Была.

На возню с ней ушло больше часа. Сначала пришлось за милю обходить башню по выжженной черной пустоши, иначе был бы расстрелян издалека. Затем — двигаясь вдоль стены из черного монолита, приближаться к воротам со стороны. Машина тут же развернулась, как только я показался в радиусе обозрения, и с энтузиазмом поприветствовала меня раскаленным свин-

цом. Некоторые его расплющенные куски теперь отди- рать от ребер будет сложно. И развороченная плоть нескоро заживет. Но разве это страшно созданию вро- де меня? Лишь куртку жалко, пусть и с трупа снятая, но хорошая была, кожаная.

Ворота, на удивление, маленькие. Две бронирован- ные створки и узкая полоска стыка между ними, кото- рую обычный человеческий глаз никогда бы не увидел. Пожалуй, тут уже без тесла-ружья не обойтись. Хотя зарядов осталось мало, на привратника их не тратил. Ведь нужно еще для хозяина башни приберечь...

Достаю ружье из-за спины, зашипевшую воронку мегафона над воротами — игнорирую.

— Эй, герой! — Голос неприятный, даже со скидкой на дефекты и помехи звукопередатчика. — Проблем захотелось?! Убирайся!

Молчу. Я пришел убить черного мага, а не беседо- вать с ним.

— Не вздумай! — Голос повышается, пока я навожу ствол на ворота. Они оказываются толстыми, не мень- ше фута в разрезе. Яркая тонкая молния с треском про- жигает правую створку, истекающую слезами жидкого металла. Шипящая плита со звоном падает внутрь. Ме- гафон что-то ворчит, потом щелкает, отключаясь. Не опуская ствол, медленно захожу внутрь.

Какой он, этот маг? Я его ненавижу, хотя не знаю о нем почти ничего. Меня так настроили, найти и унич- тожить, а ненависть в этом — лучший помощник. Ведь если эмоции из моей человеческой части создателям искоренить не удалось, то почему бы не направить их удо-бно заданию? Разумеется, маг должен быть старый. Вы- слеживая первых колдунов-отступников, силы Аненер- бе перебили почти всех их молодых адептов. Старики опаснее, от них можно ждать чего угодно...

Здесь темно, обычный человек был бы абсолютно слеп. Напрягаю зрение — и мрак становится несколь- ко прозрачнее. Винтовая лестница колоссальной спи-

ралью тянется вверх. Металлические ступеньки скрипят, прогибаясь под подошвами. Сомневаюсь, что маг пользуется этой лестницей, скорее, она предназначена для слуг. Ну вот, как раз один из них уже спешит навстречу...

Он огромный — голова торчит меж плеч без малейшего намека на шею. Явно не человек, а если и человек, то бывший. Причем шустрый. Ловко уклонившись от залпа молнией, он целится в меня из какого-то пистолета, кажется, люгера. Но выстрелить не успевает, я рисую стволом короткий штрих, надавив на спуск. Вспышка, треск, и ладонь слуги, сжимающая оружие, со звяканьем катится вниз. Утробный вопль заставляет разглядеть мерзкий, похожий на лопнувшую язву, рот.

Молния меркнет, медленно гаснет танцующий на конце ствола разряд. Щелкаю спуском — бесполезно, села батарея. Бросаю ружье, лихорадочно соображая. Вариантов два: либо бежать вниз за люгером, либо готовиться к рукопашной. Второй, так как соперник уже рядом и хватает за мои обнаженные ребра здоровой рукой. Оторвав меня от ступенек, с размаху бьет о стену. Сильно. Дважды. В голове что-то ломается, лицо заливают теплой густотой.

Тварь визжит от боли, как только мне удастся через ребра ударить ее током. Падаю... Ступеньки гремят подо мной, пока я не ударяюсь лбом об уцелевшую створку ворот. В висках звенит, мрак пробирается в глаза. Пытаюсь встать, чувствуя, как искрит левое плечо, а локти дрожат от напряжения. На несколько секунд замирает механическое сердце. И бьется снова. Только слабее, гораздо слабее.

Я должен подняться. Сейчас! Быстрее! Иначе не поднимусь уже никогда. Моя смерть будет не менее мучительна, чем человеческая. Не знаю почему, но я в этом уверен...

Тяжелые шаги останавливаются рядом, и шипованная подошва упирается мне в спину, прямо по центру

позвоночника. Чувствую, как он прогибается внутрь. Нервные центры не выдерживают, боль взрывается во всем туловище и жгучим импульсом ударяет в мозг.

Все тише и тише звучит довольный рев противника...

* * *

— Я разрежу тебя здесь, здесь и здесь, — тонкий, разбухший в суставах, палец мага поочередно тыкает меня в лоб, грудь и живот. — Как тебе такая перспектива?

Молча смотрю в потолок и слушаю гудение каких-то приборов. Больше мне, прикованному ремнями к операционному столу, делать нечего. Старик наклоняется, скудные седые пряди касаются моих щек. Неестественно налитые красным глаза пристально смотрят, не моргая. Чувствую вонь, прущую сквозь его кривую ухмылку:

— Ну, чего молчишь? У меня здесь редко гости бывают. Последний пару лет назад мимо проходил, его мозг вон в той склянке на шкафчике. Наверно, до сих пор жалеет, что не захотел потешить старого человека беседой.

Действительно, на шкафчике у правой стенки лаборатории, среди прочих колб и реторт со всякой гадостью, блестит гранями сосуд с комком извилин в мутной жидкости. Но большего внимания заслуживает уже знакомый телохранитель мага, заслоняющий половину шкафа. Яркий свет шара, подвешенного цепями к потолку, позволяет рассмотреть верзилу более подробно. Да, он неслабо погостил в потайных лабораториях Ане-нербе. Непропорционально вздутые мускулы растягивают на нем полосатую форму узника концлагеря. Серая кожа с черными прожилками выдает продолжительную консервацию в растворе. Судя по моей более-менее здоровой светлой шкуре — я подобной участи избежал. Шеи у этого индивида и вправду нет, подбородок, сросшийся с грудью. Лицо — карикатура на че-

ловеческое. Злая карикатура. Во всем, кроме пасти, больше напоминающей кривой продолговатый нарыв.

— Красавец! Правда? — замечает маг направление моего взгляда. — Как и ты, раньше был человеком. Только он относится к более ранним экспериментам, более дерзким и свободным творчески. Мало того, я его... усовершенствовал. Его зовут Гюнтер. А у тебя, кукла, есть имя? Во всяком случае, раньше наверняка было...

Смотрю в потолок — шестиугольный, с рельефными демоническими рунами. Маг старательно изображает разочарование в голосе:

— Ну, что потом прикажешь написать на банке с твоими потрохами?

Отворачиваюсь и люблюсь, как Гюнтер озадаченно щупает заново пришитую ладонь. Колдун картинно вздыхает:

— Я бы давно рассортировал тебя. Отдельно железяки, отдельно органику. Если бы не одно «но»... Откуда ты взялся? Вопрос интересный. Аненербе исчезло двенадцать лет назад, я лично видел падение замка Вевельсбург, ее штаб-квартиры. Спаслись лишь некоторые свободные искатели, вроде меня...

«Отступники, — мысленно поправляю я мага, — ренегаты».

— В любом случае, — продолжает он, — я давно ни с кем не связывался. Возможно, моя башня — последнее, что осталось от Аненербе, а может, и от всего Вермахта. Если даже где-то есть еще какие-то силы, на связь они не выходят. Да и плевать я хотел... Меня и так все устраивает. Я все-таки маг, для меня важнее не война, а наука. Потому-то и ушел тогда... А нынешняя обстановка вокруг прекрасно способствует моим гениальным опытам! Я уже даже стал подзабывать о былых битвах, и тут на тебе! Некий не живой, но и не мертвый зольдат приперся за моей головой! Да еще с гербом Аненербе на лысом затылке!

Про герб не знал, затылком своим никогда не любовался. А вот лысина — дело понятное, у таких как я во-

лосы не растут. Нигде. У Гюнтера вон тоже долбешка гладкая. В остальном слова чародея меня интересуют мало. Убить я его пришел, а не слушать. Не будь кандалов, давно вырвал бы ему позвоночник, и никакой громила Гюнтер не помешал бы. Чувствую, я вполне еще боеспособен, некоторые раны почти затянулись, повреждения уже не так критичны.

Старик, шурша черным балахоном, отходит в угол и устало опускается в кресло. Теперь четко видны его эсэсовские знаки отличия на воротнике, плечах и груди.

— Мне надоело, — говорит он, — ты скажешь наконец хоть слово?!

— Я убью тебя.

Просиявший маг хлопает в ладоши:

— Хорошее начало! А перед смертью я узнаю твое имя?

Помню. Это одно из немногих воспоминаний о прошлой, настоящей жизни. Короткое слово. Без картинки, без смысла...

— Эрих... Полегчало?

Гюнтер задумчиво слушает, оттопырив штопаные-перештопаные уши. Маг ехидно улыбается:

— Хорошее имя! Глядя на твои голубые глазки и форму черепа, я просто уверен, что раньше твои волосики были светлыми-светлыми, ну как солнышко! Как же такой славный мальчик угодил на разделочный стол в Аненербе? Небось провинился в чем-то серьезно, а?

Молчу, стиснув зубы. Не знаю я этого. Да и настоящее пока волнует сильнее, чем прошлое...

— Хотя какое там Аненербе? — чешет колдун подбородок. — Ты же свеженький, как мартовский подснежник. Судя по операционным шрамам и некоторым деталям, тебя сделали не раньше трех-четырех месяцев назад. И, что больше всего настораживает, ты совершенно не похож ни на один из некромеханизмов, известных мне, ни на одну химическую машину. Твоя плоть теплая и кажется совсем живой! И регенерирует с потрясающей скоростью! Клянусь, само легендарное

творение Франкенштейна по сравнению с тобой — игрушка на пружине. Кто же этот волшебник, создавший такое чудо? Где он и почему так меня не любит?!

И этого тоже не знаю. Я очнулся в развалинах какого-то дзота около двух недель назад. И сразу понял, что должен найти и убить черного мага. Цель явно зашили в подсознание... А что еще нужно такому, как я, кроме цели? Ничего... Колдун тем временем, продолжает:

— Кто-то из мастеров уцелел и решил продолжить дело Аненербе... Быть может, скоро к моим воротам подойдет еще десяток таких вот очаровательных кукол? Что скажешь?

Ничего не скажу. Даже если бы знал... Проклятый колдун! Ненавижу эту мразь! И этого Гюнтера! Клянусь, придет время, прикончу обоих! Вот только от моих чувств они пока не испытывают ни малейшего дискомфорта.

Чародей задумчиво хмурится:

— И вот еще что. Твое ружье. Серия «Наследие Теслы»? Но такой модели я еще не видал. Мощная, точная, так и хочется пойти да поиграть в гром и молнию. И какая легкая! Пострашнее любого ручного гиперболоида. Откуда взялась такая радость? Еще одна загадка... Нет. Лишать тебя жизни глупо. Если только такое существо, как ты, имеет что-то общее с этим понятием. Я тебя... перенастрою. Ты отыщешь своего создателя. Или создателей. И убьешь. Потом, конечно же, вернешься. Задача сложная, но интересная. Никаких внешних устройств для настроек я на тебе не нашел. Значит, придется вскрывать черепную коробку.

Маг встает, весело потирая руки. Снимает со стены хирургические инструменты, угрожающе блестящие многочисленными лезвиями и зазубринами.

— У тебя череп стальной или из металлокостного композита? — с интересом спрашивает он, надевая серый фартук с темно-бурыми пятнами. — Мне нужно правильно подобрать пилу.

— Сам разберешься.

— Ну, тебе же хуже.

Словно вспомнив что-то важное, колдун откладывает инструменты на стол и отходит к маленькой тумбочке со старым граммофоном. Сквозь тихое шипение и потрескивание вскоре раздается симфоническая сюита Ханса Эйслера. Довольно крикнув, старик вынимает из тумбочки темную бутылку, закрытую пробкой. Если верить оленю с крестом на этикетке, то внутри добрый крепкий ликер «Егермейстер».

Хлебнув из горла, старик с довольной рожой натягивает резиновые перчатки по локоть, тем самым разрушая мою последнюю надежду. Я думал, если постараюсь, смогу ударить колдуна током. Из последних сил пытаюсь сорвать ремни. Их края впиваются в плоть, натужно скрипят замки на болтах... Тщетно.

— Ты не против, если Гюнтер будет присутствовать? Ему очень нравится за таким наблюдать.

— Как угодно.

Металл острых инструментов холодит лоб, с него стекают густые теплые капли. Постепенно немеет шея, затем лицевая мускулатура. И только электрические импульсы заставляют голову слегка подергиваться. Но, к сожалению, магу это совсем не мешает...

* * *

Я иду навстречу солнцу. Его рассветные лучи искажают горизонт, укрытый фантомами горячего воздуха. Я не тороплюсь. Здесь некуда торопиться, проклятая равнина не хранит для случайного путника ни источника с водой, ни хоть какой-нибудь нормальной тени.

«Тень...» — повторяю всплывшее из подсознания слово. Помню. Большая, черная и прохладная. Тень от чего-то большого. Кажется, от башни... Воспоминания смутные, лишь обрывки образов, их короткие вспышки отдаются болью в голове. Холод лезвий... Красные глаза... Вонь химических реактивов... Оборачиваюсь,

нет нигде никакой башни. Но она была, осталась далеко позади, уверен. Уверен, что память играет со мной.

«Ты вспомнишь, обязательно вспомнишь...»

Я не все забыл. Знаю, эта равнина — старое поле брани. Здесь ничего не растет. Темная земля, выжженная лучами смерти и пропитанная ядовитыми газами, еще не скоро даст жизнь хоть какой-нибудь жухлой травинке. Воронки от взрывов черными ртами обращены к небу. Молят о дожде. Сомневаюсь, что он здесь бывает. Это проклятое место избегают не только птицы, но даже и облака...

Знаю и то, что равнина эта не так велика, как кажется. Горизонт обманчив, еще пару десятков миль, и он превратится в зеленую полосу, границу, за которой начинается жизнь. Следуя на север, можно будет добраться до Хайнсбурга, на юг — до Брайтенбаха. Но я пойду мимо, дальше на восток, не доходя до Дитендорфа...

Я не все забыл. Помню многое — почти все, кроме того, что касается меня...

Останавливаюсь и осторожно касаюсь головы. Провожу пальцами по огрубевшим порезам, их рельефные узоры тянутся через всю лысину. Шрамы глубокие, но они заживут. Неважно. Я должен идти. Потому что так нужно.

Плечо тяжелит ремень тесла-ружья. Оно полностью заряжено и готово к бою. Я проверил его на гигантском ракообразном, чьи клешни преградили мне путь прошлым вечером. Первым делом одна из них метнулась к моему лицу, широко раскрывшись, и клацнула перед самым носом. Не успею я отскочить, моя голова узнала бы ее тиски. Теперь понятно, почему у найденных на пути скелетов раздробленные черепа.

Второй атаки ждать не стал — легкое нажатие на спуск и запах паленого хитина наполнил воздух. В ярком сиянии молнии можно было различить, как спереди головогруды чудовища корчится от боли желтое аморфное пятно, бывшее когда-то человеческим лицом. Серые губы оттопыривали массивные хелицеры, лишен-

ные век глаза с ненавистью таращились на меня. Я повел искрящей молнией, и они мгновенно лопнули от жара. Тварь не издала ни единого крика, лишь, тихо зашипев, опустилась на землю. Ее сухие трещины алчно впитывали желтую смрадную жижу.

Да, мир вокруг изменился. И хотя им по-прежнему правит зло, облик его сильно преобразился. Даже не берусь гадать, откуда взялась эта тварь. Вывели ли ее ученые-маньяки в этом мире или же она — гостья из другого. Беспокоит лишь, как много еще подобных созданий может здесь бродить. Судя по тому, что последняя война для человечества была проиграна — очень много...

Останавливаться на ночь я не стал. Снова.

Не буду останавливаться и днем, несмотря на усталость, голод и жажду. Разве что изредка позволю себе короткий привал у очередного разбитого танка или цепелина...

Солнце прячется за спиной, равнина оживает. Редкие и скудные участки зарослей густеют, обретают зеленые оттенки. Неестественно ровная местность начинает тянуться к небу зеленоватыми холмами, все выше и выше. Наступает четвертая ночь с тех пор, как я очунулся посреди черной пустоши с ослепляющей болью в голове. В этот раз мне просто необходим отдых, иначе просто не дойду до цели. Проклятая земля еще рядом, еще дышит жаром в спину, ждет, когда же человек сломается. Но я не человек и спать буду чутко.

Здесь, под склоном пологого холма, между двумя валунами, более-менее нормальное укрытие. Не самое лучшее, но выбирать не приходится. Ложусь, крепко обнимая ружье. Земля твердая, холодная. И все-таки сон или режим покоя? Открыты ли ворота царства снов для меня? Нет. Такие, как я, не должны видеть сны, знаю. Знаю, но все же почему-то сомневаюсь...

Проверить не удастся. Едва я закрываю глаза, как ощущаю чье-то присутствие. Еле уловимое, но отнюдь не ложное. Близко, очень близко. Странно. Любое чудовище я заметил бы гораздо раньше.

Если только это не демон.

Поздно дергаться. Тело уже немеет под звуки ласкового шепота, я не в силах даже открыть глаза. Кто-то размыкает мои объятия вокруг оружия. Через секунду оно звякает о камень в стороне. Нежные руки гладят грудь, шепот становится громче. Мне кажется, я ясно вижу произносящие его губы. Полные, страстные... На лицо падают длинные волосы, чувствую сильный пьянящий запах цветов. Руки медленно скользят к воротнику рубахи, с треском рвут. Плечи сжимают тонкие пальчики с острыми когтями.

Ну, давай, сука! Попробуй меня на вкус!

Чувствую теплое дыхание у шеи, еще мгновение, и влажные губы касаются кожи...

Суккуб удивленно шипит, визжит от боли. В следующий момент я нахожу силы сбросить демона и перекачаться в сторону. С трудом разлепляю глаза, хватаю ружье, блестящее в лунном свете электромагнитной катушкой и рожками-контактами. Шатаюсь, встаю и беру на прицел недавнего соблазнителя. Ночной воздух холодит мою грудь, покрытую темными потеками.

В сумраке различаю тонкую фигурку, прижавшуюся к валуну. Волосы прячут лицо, прилипнув к испачканному подбородку. Она со стоном падает на колени и лихорадочно вытирает губы, с омерзением сплевывает. Две тяжелые груди бьются друг о друга, сверкая большими кольцами в сосках.

— Кто ты?! Я обожгла рот твоей поганой кровью! — Голос низкий, мужской.

— Щелочью, — поправляю демона.

— Но я чувствовала запах крови!

— Увы, ты перекусила не тот канал. — Взвожу регулятор мощности оружия на максимум. На подобное существо батарею лучше не жалеть.

— Нет! — умоляюще тянется ко мне когтистая ладонь. — Поверь, я бы не тронула тебя, если бы знала... Но ты так похож на человека! Не только запахом... Твои

глаза, твои мысли и чувства. Они звенят, почти как людские.

— Плохое оправдание.

— Меня мучает жажда...

— Меня тоже, и что?

— Я достану тебе воду! Взамен же прошу снисхождения...

Предложение демона наталкивает на размышления. Смерть его не улучшит настроения. А если он просто сбежит, то нападать второй раз уже точно не станет.

— Валяй, — опускаю ствол, — только быстро.

Из-за спины суккуба разворачивается пара широких крыльев, ранее незаметных. Три мощных взмаха, и он исчезает в темноте. Я устало опираюсь о валун и терпеливо жду...

— Вот, прими это как дар от меня. — Появляется демон спустя несколько минут и протягивает пузатую металлическую флягу. — Остался от одного путника десять лет назад, ему уже не пригодится. А вода свежая и чистая, из тех источников, отыскать которые под силу лишь демону.

Судя по гравировке, это сувенирная фляга одного обер-офицера. Едва не ледяная на ощупь. Не верю я, что суккуб набирал ее в каком-нибудь потустороннем источнике. Скорее, труп несчастного офицера был выброшен в измерение, где время либо стоит, либо течет очень медленно. Потому и вода сохранилась. Низшие демоны часто так поступают — про запас.

Ладно, какое мне дело? Главное, что вода вкусная и холодная, освежающими струйками стекающая по подбородку. Но не подчиняюсь жажде. Несколько глотков, и обратно закручиваю пробку на цепочке. Вряд ли демон посмел бы отравить меня — я отомщу, каким бы сильным ни оказался яд.

Суккуб явно позволяет себе расслабиться, уже даже не боится приблизиться. Так что я отлично разбираю его смазливое девичье личико и желтые глаза с ромбовидными зрачками.

— И все-таки, — склоняет он голову набок, — я не верю, что ты машина. Но ты и не человек. Нежить? Демон-полукровка? Нет, исключено... Кто же тогда?

— Не твое дело, — вешаю подарок на пояс, — флягу я забираю.

— Конечно. Я свободна?

Не сразу отвечаю. Думаю, чем это отродье может пригодиться еще.

— Сколько тебе лет? — смотрю ему (или ей) в глаза.

— Две сотни, согласно вашему представлению о времени.

«Молодой демон», — думаю я и продолжаю: — Боевые действия давно здесь кончились?

— Двенадцать лет назад, сразу после падения Вевельсбурга.

— А что же потом?

Вопрос явно удивляет это существо.

— Ничего... — разводит оно крыльями. — Врат стало больше, стены между измерениями — тоньше. Наслоение миров... — Внезапно суккуб смотрит прямо в мои глаза. — Кажется, я понимаю. Ты уже умирал, как минимум, раз. Потому в неведенье... Теперь я вижу, чувствую. На тебе печать и...

— Не уклоняйся от вопроса, — щелчком взвожу оружие, — города хоть на месте?

— Большинство. Но я не ориентируюсь по вашим обиталищам. Знаю лишь, что эти земли когда-то назывались Саксонией-Анхальт... кажется.

— Ближайшие населенные пункты: Дросдорф, Хайнсбург, Брайтенбах? Понимаешь?

— Вокруг этой земли есть четыре больших поселения в радиусе трех часов полета. И еще...

— Я понял тебя... — Опускаю оружие. — Эм... Благодарю. Можешь проваливать.

— Подожди... Твои раны, я должна поцеловать их, иначе они никогда не заживут.

Как ни абсурдно это звучит, но рана на изгибе шеи и плеча действительно до сих пор сочится кровью (или

что там у меня). Почему-то совсем не ощущается привычное покалывание, обычно сопровождающее регенерацию. Кажется, нужно согласиться... Вряд ли суккуб делает это из заботы, просто не хочет, чтобы я потом его искал.

— И все-таки, ты совсем как человек, — заканчивает он (она? оно?), облизывая губы и сладко принюхиваясь к моей груди. Когтистая ладонь скользит вниз, по животу, останавливается у паха.

— Совсем как человек...

— Проваливай!

— До встречи, кто бы ты ни был, Эрих...

— Эрих?! Стоп, а как ты...

Ветер от крыльев поднимает пыль. Мгновение, и я остаюсь один. Ну, по крайней мере, теперь уже никто не посмеет нарушить мой покой — запах демона, пусть и низшего, распугает всех местных чудовищ.

* * *

Асфальт. Старый, побитый трещинами. Дальние концы его широкой ленты тонут в холодном тумане. Обочину плотно обступают лохматые сосны и ели. Раньше по этой дороге постоянно носились автомобили, ими управляли люди, уверенные, что мчатся навстречу будущему. Я же иду навстречу прошлому...

Теперь я знаю. Я не обычная органическая кукла. Я видел сон. Врата царства снов пропустили меня всего за миг до пробуждения, но этого оказалось достаточно. Там кто-то звал меня по имени. В темноте, в которой тонул мой разум...

Я вспомнил мага. Вспомнил, как его ненавижу. Но не подчиниться ему выше моих сил. Я пробовал сопротивляться. После пробуждения дальнейший путь на восток привел меня к обрыву, нависающему над заброшенным карьером. Я прыгнул, и его глубокое дно встретило меня каменной твердью, выбив сознание. Я знал, что выживу, но надеялся ударом по голове, достаточно

сильным, разбить оковы мозга, созданные колдуном. Тщетно.

Очнувшись, я заметил человека. Мародера, из тех, что живут на руинах прошлого. Меряя мои ботинки, он не заметил, как я открыл глаза... Теперь у меня есть заплечная сумка и «маузера» с полной обоймой. Несколько устаревшее оружие, но ничуть не лишнее в этом мире.

Выбравшись из карьера, я наткнулся на дорогу, тянущуюся на восток. Как и прежде, я каким-то непостижимым образом почувствовал направление к моей неведомой цели. И просто пошел, потому что так надо...

Полуденное солнце предельно укорачивает мою тень, лениво просвечивает белую толщу тумана. Он оседает на лысине, холодит шрамы и стекает по лицу, оставляя на губах металлический привкус. Мокрая крошка асфальта хрустит под ногами. Странно. Еще вчера жара жадно высасывала из меня пот, а теперь холод безуспешно пытается вышибить из меня озноб. Мир до неприличия нестабилен.

И все же он жив. Поперек асфальта пробегает рыжая белка, совсем меня не опасаясь. Из глубины елочных заграждений вдоль дороги время от времени доносится веселый стук дятла, чье-то карканье, щебетание, «ку-ку»...

Слышно и как меня догоняет какой-то автомобиль.

Дизельное рычание позади становится все громче. Но убраться к обочине я пока не тороплюсь. Вот только спрятать тесла-ружье в сумку, а «маузер» — за пояс, кажется мне очень уместной идеей. Вооруженного бродягу точно подвозить никто не станет. Да и грязного — тоже. Впервые за последнее время я в некотором смущении оглядываю свою одежду. Дырявая от пуль куртка, рваная рубаха. И то, и другое — покрыто засохшей кровью, только на темной куртке она не так заметна. Застегну ее, пожалуй. Может, хоть солдатские штаны, заправленные в армейские ботинки, выдадут меня не за оборванца, а... за бравого военного, заблудившегося

при возвращении домой из госпиталя, где пробыл не один год после героического и жертвенного подвига, что ли?

Нет, смешно это как-то.

Туман пропитывается желтизной фар. Медленно обочиваюсь и поднимаю руку, пытаюсь улыбнуться. Кажется, для этого нужно приподнять уголки губ и чуток показать зубы... Вроде так, ага.

Это черный Mercedes Benz года тридцать пятого. С закрытой кабиной, округлыми формами и идеально чистым лобовым стеклом. Такие обычно с таксистскими шашечками катаются по богатым районам богатых городов, а не рискуют выезжать «наружу» в послевоенное время. Внутри — усатый пухлощекий мужичок таращится на меня, вцепившись в руль и разинув рот. Водила плавно останавливает машину, едва не упираясь бампером в мои колени. Двигатель не глушит.

Испуг шофера несколько проходит, когда я выключаю улыбку. Неужели так плохо получается? Обидно. Обхожу машину и деликатно стучу в правую дверцу. Стекло опускается под скрип вращающейся ручки.

— День добрый! — воздерживаюсь от повторной улыбки.

— Доб... добрый... — снимает мужичок круглую шляпу, вжав голову в снежно-белый воротничок. Чувствую запах дорогого одеколона, явно от элитных алхимиков, и кожаного салона.

— Не подвезешь доброго человека?

В «доброго человека» водитель, судя по глазам, точно не верит. И его ответ звучит вполне справедливо и обоснованно:

— Так это... до города осталось полмили. А на въезде застава — проверяют все машины...

Какой молодец! Сразу понял, что я не поклонник проверок документов и досмотра личных вещей. И подозрительно косится на мою сумку, явно понимая — не шмотки у меня там, а нечто очень-очень страшное. Не бомба, конечно, но и не носки с трусами. А ведь мог бы

пригласить в салон и тут же дать по газам, до самой заставы, как сознательный гражданин. Не такой он и трус, каким кажется. Чувствую.

— Жаль... Только машины проверяют?

То ли по моим глазам, то ли по моей глупо озадаченной роже, водила наконец понимает, что ему ничего не угрожает. И отвечает уже на удивление бодро и приветливо.

— А пешком из города сейчас никто не входит и не выходит. Да и на транспорте редко выезжают. Разве что на дирижаблях. Небезопасно. Ныне ввели особое положение — пересекать пределы города лишь по письменному разрешению протекции. А... Вы издалека?

— Да, с самой Австрии топаю. После войны в госпитале долго валялся, потом, — как-то неловко врать становится, но и выговориться ужасно хочется, — потом...

«...робот-пулемет изрешетил, некробоец Гюнтер об стены бил, колдун череп вскрывал, суккуб чуть не изнасиловал...»

— ...потом родню по поселкам искал, заработать пытался, мотался туда-сюда, от чудовищ убегал, теперь вот сюда судьба кинула...

Шофер кивает:

— Чудовища — это ужасно. Развелось их, как в страшном сне. Потому город и держится в изоляции. Хотя ученые какой-то треп развели, мол, больше половины тварей безобидные, остальные — не страшнее прежних хищников. Говорят, что все дело в какой-то кси... ксенох... ксенофобии, вот!

— Так в город никак не попасть?

Мужик улыбается, подняв брови:

— Почему же? Просто сойдите с дороги и обойдите заставу чуть севернее. Зайдете в город с другой стороны.

— Он ведь в изоляции, разве он не охраняется по всему периметру?

— Нет, — смеется мужичок, — заставы контролируют въезды и выезды из города. А пешком за его пределами никто в здравом рассудке не разгуливает.

— Кроме всяких тварей.

— Они в город не суются. Да и в окружающем лесу их почти нет. Ученые что-то придумали, что-то, отпугивающее их.

Как-то странно получается. Никто нормальный за городом не шастает, а водила меня уже совсем не опасается, даже двигатель заглушил.

— Да вы не волнуйтесь, — подмигивает он к моему еще большему удивлению, — я вашу татуировку сразу заметил. Никому ничего не скажу, я же не трепло базарное. Сперва испугался, думал... Неважно. Всегда рад содействовать! Только, простите, подвезти не могу, сами понимаете...

— Да-да, — киваю я, так ничего и не поняв, но и дураком выглядеть не желая. — Сам-то ты откуда?

— Везу отчеты из метеостанции тремя милями западнее. Что-то важное. Перевозчик куда-то пропал, поэтому отправили меня, личного водителя доктора Обенкрута!

Последняя фраза звучит с такой гордостью, что разочаровывать шофера вопросами о личности некоего Обенкрута даже не хочется. Остается лишь кивнуть с глубочайшим пониманием.

— Ну, если больше ничем помочь не могу... я поехал?

— Да, — чувствую себя последним идиотом, — конечно.

Мужичок вежливо прощается, поднимая стекло. Бодренько взревев мощным дизелем, явно не менее чем двенадцатицилиндровым, машина быстро тонет в тумане. Я же озадаченно щупаю затылок, нюхая облачко выхлопа. Татуировка? Да, если вспомнить слова мага, то у меня эмблема Аненербе сзади на полбашки. Вот только что это значит? Думаю, ответы ждут... нет, не впереди, а малость в сторону, через лес, немного севернее от заставы. Пожалуй, сойду с дороги прямо здесь, возле показавшегося из тумана ржавого дорожного знака — «Добро пожаловать в Гезтерхафт».

* * *

Хороший городок, красивый, уютный. И чистый. А с такой некромашиной, убирающей улицы, иначе быть не может. Это тусклый стальной куб на тонких лапках, как у насекомого. Спереди из него торчат две посиневшие руки, каждая вооружена увесистым веником. Руки уже немного подгнившие, но совсем не пахнут и, главное, работают исправно и очень активно. Снизу шара болтается прорезиненный хоботок, тщательно всасывающий пыль и мелкий мусор. Хорошая машина — хороший инженер сделал. Не без черной магии, но куда сейчас без нее?

Щелкая и клацающая механическим нутром, этот «дворник» лезет прямо мне под ноги. Я осторожно переступаю его и иду дальше по узкой, почти безлюдной улочке. Прохожу между низких кирпичных домиков с большими окнами. Из одного доносятся звон бокалов и довольные возгласы. Из соседнего кто-то под радио от души поет про дорогого Августина. Правильно, чем же еще заняться вечером? Этажом выше раздается оханье и аханье мужчины с женщиной. Еще правильнее.

За окошком слева симпатичная фрау в халате раскрывает блестящие стеклом створки. Выставляет на подоконник вазоны. Крайний цветок резко поворачивается ко мне и, провожая невидимым взглядом, щелкает острыми зубами. Из водосточной трубы торчит жирное зеленое щупальце. Лежит себе поперек дороги, будто греется на заходящем солнышке. Осторожно обхожу. Впереди на скамейке шуршит газетой мужчина в сюртуке и цилиндре. Равнодушно глянув на меня из-под пенсне, он снова углубляется в чтение. Проходя мимо, я успеваю заметить несколько крупных заголовков: «Первый дирижабль за линией Кармана... Океанский лайнер атаковала армия людей-рыб... Новинки гравитационных технологий...»

Интересно, удалось бы пройти переулок так же незаметно, не надень я на затылок дырявый берет, найденный в лесу? Улочка заканчивается детской площад-

кой, на которой двое мелких оболтусов вовсю дубасят ногами кожаный мяч. Судя по цвету и моему внутреннему чутью — кожа человеческая.

Повинуясь странному культурному порыву, я не ленюсь обойти широкий газон и ряды подстриженных кустиков (почему-то сразу представилась машина для их подрезания), чтобы выйти на широкую улицу. И если в переулке редкие встречные реагировали на меня безразлично, то здесь мне явно не рады. Мальчишка лет пяти в шортиках на подтяжках испуганно роняет шарик мороженого. Смотрит на меня, затем на пустой вафельный рожок, снова на меня. И громко ревет, одновременно с завизжавшей поблизости мамашей. Идущий мне навстречу прохожий резко меняет траекторию и торопливо хлопает блестящими туфлями по сточной луже. Визжит тормозами красный «Пежо», едва не врезаясь в пожарный гидрант. Тут же сдает назад.

То ли это все оттого, что чужаков здесь не любят. То ли оттого, что я достал из сумки тесла-ружье и теперь взвожу его в боевой режим... Зачем? Не знаю. Руки перестали слушаться... Что-то щелкает в голове, отдаваясь в затылок звенящей вибрацией. В один миг улица теряет цвета, формы и контуры. Растекается, точно намоченный акварельный рисунок. Окружающие звуки тонут в пронзительном скрежете, словно кто-то злой сунул мой череп под быстро вращающуюся шестерню. Каким-то образом я оказываюсь в горизонтальном положении, не способный двигаться. Это операционный стол вновь обнимает меня тугими ремнями. Да, воспоминания не лгут. Так когда-то уже было...

— Смотри, Гюнтер, сейчас я сниму вот эти два нервных центра, подсоединю провода к освободившимся гнездам, и мы получим полный контроль над этим красавцем. Подай-ка мне фиксатор... Вон ту железяку на краю стола, тупица! Так вот, о чем это я? Ага, главное теперь — не задеть извилины, иначе он станет таким же болваном, как ты. Нет, Гюнтер, это не вкусно. И не надо совать туда свои грязные пальцы. Что ты спраши-

ваешь? Как он отыщет того, кого нужно? М-да, тот человек все предусмотрел и на всякий случай стер все из памяти этой куклы, кроме самого необходимого. Но и мы не дураки, правда, Гюнтер? Где-то глубоко в подсознании должны остаться следы прежних воспоминаний. Поверь мне, он найдет свою цель. Нашу цель. И сделает все как надо...

Я иду через широкий перекресток, сжимая ружье в правой руке. Иду через оглушительную мешанину звуков: рев двигателей, сигналы клаксонов, крики злости и испуга. Почти ничего не чувствую, когда в меня врежется автомобиль. Лишь еле ощутимый толчок, вращение мира по спирали, холод асфальта у щеки. Встаю. Иду дальше, огибая еще два столкнувшихся авто. Сквозь пульсирующую в глазах муть различаю, как из тротуарной толпы отделяются фигуры в полицейской униформе. Хлопки выстрелов разгоняют визжащую толпу. Что-то жалит в шею, локоть, бедро. Неважно. У меня есть цель.

Найти. Ликвидировать. Любой ценой.

За перекрестком тянется каменная стена с воротами из решетки. Ее прутья гнутся легко, стоит только надавить свободной рукой. Превратив две черных вертикали в замысловатые изгибы, я пробираюсь во внутренний двор какой-то усадьбы.

Где-то здесь. Знаю. Чувствую.

Двигаюсь по мощеной дорожке к высоким дверям трехэтажного дома. Одно из его разноцветных окон вдруг разлетается осколками, чтобы принять на подоконник сошки крупнокалиберного пулемета. Свинцовый град выбивает из меня брызги крови, клочья одежды, ошметки плоти. Снова звон стекла — красное марево поджигает на мне куртку, обугливает кожу. Это гиперболоид. Неважно.

Найти. Ликвидировать. Любой ценой.

Дверь вылетает после удара ногой. Он здесь. Чувствую. Знаю, когда-то я тоже погиб. И ощущал приближение смерти. Теперь я сам стал смертью. И чувствую

свою добычу. Она стоит прямо передо мной, в десяти шагах. Упитанная фигура в элегантном костюме и странной продолговатой трубкой в протянутой ко мне руке.

Неважно. Уничтожить. Любой ценой.

Цельюсь. Жму на спуск.

Сноп белого света пронизывает глаза, мозг. Мой разум уносится по сумасшедшей кривой. Далеко, очень далеко. Во тьму глубокого черного небытия.

Ун... нич... то... ж...

* * *

— Он включился, герр Обенкрут. Или очнулся, — говорит чей-то мужской голос, — трудно понять...

Я бы сам хотел знать. Но еще больше хотел бы понять природу небытия, в котором пребывал. Я вновь видел сон. Нехороший. Люди, уязвимые для страха, называют такие сны кошмарами. Там, в густой липкой тьме, я снова двигался на чей-то зов. Громкий, пульсирующий в сознании, словно невероятно сильный гипнотический сигнал. В какой-то момент, перед самым пробуждением мне показалось, что я вижу источник этого зова. Вижу и чувствую. Нечто огромное, неопределенной формы, мелькающее сотнями толстых щупалец. И бесконечно голодное...

— Эрих, мальчик мой, ты слышишь меня?

Голос другой, тоже мужской. Его тревожный тон несколько рассеивает тьму в моих глазах. Я лежу на просторной кровати, с пухлой подушкой и толстым одеялом. Абсолютно голый, если не считать многочисленных бинтов. Двое пожилых мужчин, склонившихся надо мной, настороженно смотрят на меня. Оба — в одинаковых элегантных костюмах и с тщательно зализанными направо седыми волосами. Обратившийся ко мне, с козлиной бородкой и в очках, наклоняется еще ближе:

— Я профессор Клаус фон Обенкрут. Для тебя это что-то значит?

— Я пришел убить тебя.

— Верно. А что еще?

— Ты создал меня.

— А зачем?

— Я... не знаю...

— Хм, — улыбается мой творец, — все в порядке, Освальд, все в порядке... Можешь идти накрывать на стол.

Тот, кого называли Освальдом, больше не прячет за спиной оружие (какую-то смутно знакомую спиральную трубку), облегченно вздыхает и удаляется из комнаты. Окончательно прояснившееся зрение позволяет осмотреть ее всю. Бархатные шторы на окнах, шкафы с книгами, пара картин Дюрера. Прямо над моей кроватью — портрет Гимmlера.

— Я распорядился перевести тебя в мою комнату, — оборачивается, уходя, фон Обенкрут, — не мог допустить, чтобы ты оставался в изоляторе. Ты ведь как сын мне, мальчик мой...

Его слова кажутся до боли искренними, почти печальными. Только меня это почему-то никак не проникает.

— Что произошло? Я ничего не понимаю!

— Всему свое время, Эрих. Одежда на стульчике. Спускайся вниз — поговорим за столом.

Делать нечего, что бы ни ожидало меня впереди, одежда точно не помешает. Только прежде необходимо сорвать бинты с заживших ран. С торса, бедер, рук... И головы. Осторожно щупаю свежие шрамы на висках, затылке и макушке. Ошибки быть не может — в моем черепе снова хорошенько порылись. Надо будет поднять этот вопрос.

Гардероб у меня теперь новый. Сразу привлекают внимание армейские ботинки из какой-то темной шипастой кожи. Явно не обычного земного животного. И шнурки очень интересные — сплетенные из тонкой, чрезвычайно прочной паутины. Вряд ли паучьей. Из нее же сделано множество швов на штанах и гимнастерке. Широкий ремень, как и пуговицы с застежка-

ми, ярко сверкает серебряной бляхой. Кажется, такую форму носил самый первый отряд Аненербе, который обучали бороться с воображаемой нечистью. Тогда учитывали все сказки и легенды чуть ли не с самого Средневековья. В том числе — и бредни о серебре, крестах, святой воде и прочей чепухе. Даже воротник и рукава гимнастерки украшены заклепками с выгравированными крошечными рунами.

Разумеется, против реального противника это оказалось совершенно бесполезным. Впрочем, традиционное на то время оружие тоже не сильно помогло. Вот и имеем, что имеем. Пришлось многому учиться у самих пришельцев. И молнии подчинять, и силу тяжести...

И мертвых оживлять. Вроде меня.

Комнату я покидаю со странным чувством пустоты, словно что-то забыл, чего-то не хватает, очень важно. Правильно — моего тесла-ружья. Пленник я или гость? Конечно, в обоих случаях оружие не полагается. В первом — запрещено, во втором — просто неприлично. Какой же у меня?

Выясним.

— Прошу, садись, — говорит сидящий за накрытым столом Клаус, увидев, как я спускаюсь по лестнице.

Новое помещение — гибрид столовой и гостиной. Именно здесь, у двери, в десяти метрах левее, я рухнул на ковер, пытаясь выполнить волю мага. Кажется, я все помню... Вот только как давно это было? Сутки, недели?

— Почти месяц, — угадывает мои мысли фон Обенкрут, — почти месяц мы боролись за тебя. Коллеги настаивали на твоём уничтожении. Но я убедил их, что смогу вернуть тебя на нашу сторону. Мы с Освальдом более трех недель аккуратно снимали оковы с твоего разума. Ты помнишь Освальда? Это мой помощник и дворецкий в одном лице. Он же и помогал мне оживить тебя. Помнишь?

— Н... Нет...

— Очень жаль... Давай, садись напротив, пока не остыло. Нужно проверить, сможешь ли ты теперь полноценно питаться.

Дойти до стола не успеваю. Внимание привлекает коллекция охотничьих трофеев на стене справа. Из нее по очереди торчат головы медведя, волка, пантеры и...

— Ми-го, — отвечает на мой немой вопрос Освальд, пришедший с дымящим подносом.

Клаус усердно кивает:

— До сих пор не понимаю их. То идут на мирный контакт, то людей похищают. Последняя встреча закончилась жутким инцидентом. После которого у меня и появился этот экспонат.

Голова некоего Ми-го представляет собой свернутый улиткой темный эллипсоид со множеством усиков. Любоваться дальше и пытаться вообразить остальное тело как-то не хочется. Еще больше привлекает внимание последняя голова. А вернее — череп. С костяными жабрами и плавником-ирокезом.

— Ихтио сапиенс... — уже жует доктор. — Аналогичная история... Не удивляйся, Эрих. Еще при твоей жизни мир начал меняться, сразу после экспедиции Аненербе в Антарктиду. Однако теперь изменения еще более глобальные. И они продолжаются. Я бы даже сказал — только начинаются.

Сажусь за стол, уже стараясь не глядеть по сторонам. Лишь против воли замечаю, как у дальней стены в огромном аквариуме болтается некая смесь медузы и членистоногого, а ковер у выходной двери убирает уже знакомый некромеханизм.

— Итак, — скрещивает пальцы фон Обенкрут, — приступим. У нашей беседы очень много задач и очень простая схема под названием «вопрос — ответ». Кстати, советую начать вон с того салата слева от тебя. Исходя из обстановки, первый вопрос очевиден — ты давно в последний раз ел?

— Только воду пил, — пытаюсь нанизать на вилку одно из трубчатых щупалец в салате.

— Плохо. Твои органические системы нужно изредка подпитывать. Пусть они и неживые, и работают на электрических импульсах, однако факт остается фактом. Это твоя особенность. Один из признаков, что приближает тебя к человеку и отдаляет от некромашины. Теперь позволь самый главный вопрос. Риторический. Ты нашел черного мага?

— Да, — разрезаю ножом какую-то гигантскую инфузорию.

— Где именно? В какой из башен? Сможешь показать на карте?

— Смогу.

— Отлично! — хлопает в ладоши доктор. — Освальд, тащи карту! Жаль, конечно, Эрих, что ты не устранил мага. Однако теперь мы и сами справимся. Наша организация недавно добилась больших полномочий. Теперь в нашем распоряжении есть мобильный взвод солдат и боевой цеппелин. Скоро башня колдуна будет наша!

— Могу теперь я спросить? — Откладываю вилку, потеряв аппетит.

— Ну, разумеется!

— Чем же вам или нам так мешает этот маг?

— О, Эрих, ты не знаешь, что сейчас вокруг творится...

— Знаю. Я тут погулял слегка по окрестностям. Немного, но все же...

— Ерунда! Весь мир с ума сходит. Силы и явления, бушующие по свету, лишь на миллионную часть поддаются нашему пониманию. Но эта малая часть уже основательно перевернула всю нашу жизнь! Раньше будущее было за наукой. Теперь же наступает эпоха научного колдовства, дитем которого ты, между прочим, и являешься. И хорошо, если эта могучая сила будет полностью в руках человечества. Если же нет... Понимаешь, к чему я?

— Не совсем. Можно более кратко? При чем здесь маг?

— Ладно. Не хочешь деталей — не нужно. Суть в том, что рядом с нами, в одном мире, появились... эм... некие гости, способные как превратить нашу планету в ничто, так и вознести ее до фантастического уровня развития. Быть может, до настоящей утопии! Спрашивается, а чего же именно нам ждать? Думаю, все зависит от нас самих. Понимаешь наконец?

— Нет, при чем здесь...

— А при том. Необходимо выйти на контакт с нашими гостями. Не с чудищами ночными, не с пучеглазыми на дне моря, а именно с теми, кто вершит порядок их существования.

— Надо же, как лихо...

— Проблема в том, что все попытки установить связь пока мало к чему привели, — поправляет доктор очки, — чего мы только ни пробовали в очагах аномальных зон!

— Ано... что?

— Зоны повышенной сверхъестественной активности. Самая мощная — над Марианской впадиной. Так вот. Чего только ни пробовали! И оккультные ритуалы, и применение гравитационных и тесла-установок. Напрасно. Лишь кое-какие успехи продемонстрировала система SUM.

— Радиосвязь?

— Не совсем так. Но принцип похожий. Работа заключается в...

— Короче, — нетерпеливо ерзаю на стуле, — короче...

— Тогда так, — ударяет старик ладонью по столу, — отправили мы запрос связи. И получили ответ! Очень странный. Комбинация сигналов, не поддающаяся никакой логике. Расшифровать до сих пор не удалось. Однако стало известно, что некоторые энтузиасты-одиночки уже давно преуспели в этом деле. Самостоятельно.

— Колдуны-ренегаты?

— Именно! — Дернувшись, он едва не разливает бокал вина. — Бывшие ученые оккультного подразделения Аненербе. Сбежавшие, как только запахло жареным, сразу после провала в Антарктиде. Я бы не поверил слухам, если бы не знал, что беглецы прихватили с собой хорошую материальную базу. Возможно, именно ее нам и не хватило для внятной расшифровки. Древние книги, кое-какие образцы, перфокарты с руническими формулами... В общем, нужна нам эта башня. Без мага. Он точно помогать не станет.

— Он последний из отступников?

— Судя по всему, — морщит лоб профессор, — да. Отправив тебя на поиски, мы сами прочесали другие более доступные районы. Проверили все башни бывшего Вермахта, построенные для магов-офицеров. Все найденные ренегаты оказались мертвы. По всем признакам, они пали жертвами собственных экспериментов. Их книги и прочие записи тоже не уцелели.

— Если местоположение всех башен известно, то почему...

— Не всех. Да, мы знали координаты всех двенадцати башен Вермахта. Но, подняв кое-какие секретные ведомости, выяснилось, что их больше. Скорее всего тринадцать. Был проект четырнадцатой, однако его, похоже, прервали боевые действия. Координаты тринадцатой, разумеется, мы не нашли.

— Но я же как-то отыскал, — не забывая поставить ударение на «я».

— Да, Эрих, мы знали, что не зря тебя создали. Даже несмотря на то, что ты до сих пор загадка для своих же создателей. Мы разрабатывали тебя по малопонятным нам методам с применением рунических технологий, найденных в заброшенной секретной лаборатории. Любопытно, — вдруг подается вперед доктор, — кем ты себя сам-то считаешь?

— Тем, у кого слишком часто рожются в голове.

— Прости. У нас не было выбора. Обычно такие, как ты, настраиваются при помощи гипноза и ультракорот-

коволновых сигналов SUM. Однако маг поступил более радикально. Чтобы исправить его деяния, нам тоже пришлось вскрыть твой череп... О, вот и Освальд с картой! Эрих, покажешь, где башня? И... ты так и не ответил внятно. Кем ты сам себя считаешь?

— Мертвым, — наблюдаю, как Освальд ставит передо мной поднос с картой и карандашом, — а у мертвых не бывает выбора. Потому я покажу вам, где сидит колдун. — Рисую на нужной области узкий кружок.

— Правда? — Тон доктора несколько меняется в резкую сторону, как только слуга уносит карту. — Согласись, ты до сих пор ненавидишь мага, за все его издевательства. Потому и помогаешь нам. А ведь этой ночью я усердно пытался удалить из твоего сознания эту функцию. Как это объяснить? А? Пусть ты и программируешься как ламповый компьютер, однако у тебя наблюдаются почти человеческие ментальные признаки и целый букет мотиваций. Что скажешь?

— Вы творец. Вам виднее.

— Хотел бы я, чтобы так и было... — Профессор нервно то сжимает, то ослабляет пальцы вокруг вилки. — Освальд, будь добр, принеси мои любимые горячие закуски! Так вот, мальчик мой, как ты сам смотришь на все происходящее? Быть может, твой взгляд с точки зрения своего рода машины с наполовину искусственным интеллектом подскажет что-то полезное? — Вопрос звучит с явным нескрываемым вызовом.

— Я видел ваш город. Немного, но... Мне кажется, жители достаточно неплохо живут, чтобы нуждаться в какой-то сомнительной утопии от потусторонних существ.

— Неплохо живут благодаря нам! — тычет он пальцем в свою грудь. — Гезтерхафт — маленький городок. И ему крупно повезло, что организация «Возрождение Аненербе» выбрала свою штаб-квартиру именно здесь, вдали от политических критиканов. Ты не представляешь, что творится в городах покрупнее, чей порядок правительство нам не доверило. Некроустройства ло-

маются и убивают своих хозяев, канализации кишат чудовищами, люди пропадают при самых таинственных обстоятельствах.

— И вы считаете, что вам под силу это исправить?

— Мы обязаны хотя бы попытаться. Нужно взять контроль над безумными процессами, шатающими мир. Правительство нам пока не доверяет, предпочитает надеяться на другие научные отделы. Ничего, мы еще им покажем! К примеру, мы уже научились ограждать город от лишних гостей. Видишь башенку вон за тем окном?

— Да...

Низкая, с круглыми стенами. Явно раньше была водонапорной. Ее крыша не слишком высоко вытягивается над черепицей соседних домов, поблескивая блестящими вертикалями антенн.

— Там постоянно работает SUM — установка большого радиуса действия. Каким-то образом нам удалось подобрать сигнал, заставляющий нежелательных тварей держаться вдали от города. Может, угроза, а может — вежливая просьба отвалить. Не знаю. Но правительство поддержало этот проект, и теперь аналогичные вышки скоро построят по всем крупным городам Германии. Это, кстати, дало нам кое-какие финансы на твое создание.

Верно, расслабившись и сконцентрировавшись, я улавливаю в голове некую пульсацию, идущую от башни. Неприятную, отталкивающую.

— Нечто подобное мне уже рассказывали, — замечаю я, — один мужик на машине, я его встретил по дороге в город...

— Да, Курт, мой шофер. После того, как он рассказал нам о тебе, мы и поняли, что маг еще жив...

Несколько секунд доктор ошарашенно смотрит на меня, явно осознавая свою ошибку. Не ждали они меня, значит, обратно! Не ждали, сволочи...

— Ну, как, герр Обенкрут? — спрашиваю я, поднимаясь. — Принесли ваши любимые закуски?

— О да, — тянется он дрожащей рукой к пузатой крышке на краю стола, — еще как принесли...

Некрасиво тарелками бросаться — но что поделать. Доктор валится на пол, уклонившись от быстрого болида, зазвеневшего фарфоровыми осколками. Выхватить оружие из-под крышки подноса профессор не смог. Зато смог Освальд, неведомо откуда подскочивший. Метнуть мгновенно схваченный стул не успеваю — дворецкий целится в меня из какой-то причудливой спиральной трубки. Кажется, из нее меня и вырубили в прошлый раз у входа. Вот он значит какой, мой выключатель! Тяжело дыша и приложив платок к разбитой о пол голове, профессор встает на ноги. Отовсюду слышен топот припоздавших из спрятанных позиций охранников.

— Дурак! — натужно вопит фон Обенкрут. — Вернее, лучше бы ты им прикинулся! Мог бы сразу понять. Ни одному кукловоду не нужна слишком умная кукла. Увы, я до последнего надеялся на лучшее, но... Поздравляю, ты провалил психоанализ. Твой образ мышления, поступки и мотивации... Призрак в машине...

Ослепительный сноп белого света. Щелчок в голове — падение... И тьма. Глубокая, черная...

* * *

Я лежу в металлическом гробу. Он наглухо закрытый, холодный и тесный. И в то же время не герметичный, иначе бы я давно... Задохнулся? Нет, скорее впал бы от недостатка кислорода в подобие некой летаргии. Но точно не очнулся бы сейчас так резко, вдохнув полной грудью.

Крышка не поддается ни нажиму, ни ударам. Кровь растекается по костяшкам кулаков, разлетается брызгами, однако металлическая плоскость надо мной остается безупречной. Ни одной вмятины. Несокрушимость этого резервуара наталкивает на мысль, будто он спе-

циально рассчитан для таких, как я. Остается ждать. Уж если я до сих пор...

Живой? Функционирующий? Активный?

...значит, старому «доброму» доктору я нужен именно таким. Пока.

Ощупывая боковые стенки в поисках источника воздуха, я нахожу два ряда отверстий, слева и справа, на уровне бедер. Свет сквозь них не проникает, а значит, либо гроб лежит где-то в темноте (надеюсь, не зарыт под землей), либо... Изловчившись, я проталкиваю палец в одну из круглых дырок. Со скрипом резины он тонет в каком-то шланге или патрубке. Так-так, возможно, в гроб что-то будут подавать. Газ? Кислоту? Бетон?

Нет, ждать нельзя.

И выломать крышку — тоже нельзя. Но можно внимательно прислушаться. И слухом, и внутренним чутьем. В темноту, в неизвестность за пределами стальных стенок. Тьма абсолютно тихая. Странно. Где-то в глубине сознания я понимаю, что это не так. Будто еще совсем недавно тьма подавала признаки жизни. Она хлюпала и клокотала, бурлила волнами черной жижи, словно меня поглотила гигантская черная амеба... Да, мне снова снился кошмар. Снова я слышал таинственный зов чего-то мерзкого и ужасного, извивающегося во мраке уже гораздо ближе. Совсем рядом...

— Освальд! Подсоединяй шланги к машине!

Воспоминания о кошмаре, облепившие мой мозг липкой паутиной, не сразу позволяют мне четко расслышать шаги, скрип отворяемой двери, возню и бормотание прямо за стенками гроба. Его со скрежетом и сопением подвигают, чем-то постукивают по стенкам...

— Доктор Клаус фон Обенкрут! Какого фюллера вы здесь делаете? — Голос молодой, незнакомый, раздраженный.

— О, к нам в подвал пожаловал сам герр унтершарфюрер! Чем обязаны?

— Вы злоупотребляете нашим доверием! Проезжая через КПП, вы сказали, что вам нужно заскочить на

один из ваших мерзких складов. Вы не говорили, что собираетесь проникнуть в опечатанную лабораторию! Да еще с этим... грузом!

— Успокойтесь, молодой человек, я всего лишь хотел избежать бумажной возни. Напомню вам, что мои новые полномочия позволяют...

— Вы всего лишь получили в распоряжение кучку тупых некросолдат и старый драный цеппелин. И то — выпросили на время у командования, чуть ли не стоя на коленках. Какие еще полномочия?!

— Вот здесь, в моем планшете, есть все необходимые документы! Включая подробные отчеты о работе над объектом сто восемь.

— Объект сто восемь, насколько мне известно, должен был быть возвращен на склад еще месяц назад. А вы его почему-то сюда приволокли, и мало того, запускаете для него машину, доступ к которой уже давно разрешен совершенно другому научному отделу. Мы на военной базе, в конце концов! Я обязан доложить...

Слова незнакомца прерывает хлопок пистолетного выстрела. За ним следует сдавленный крик и глухой удар о пол.

— Сопляк... Проклятые бюрократы... Ненавижу... Освальд, убери тело в угол и закрой дверь на замок.

Судя по звукам, Освальд молча и послушно выполняет приказ.

— Тук-тук, кто там? — С противным хихиканьем профессор стучит по крышке моего гроба. Внезапно перед моим лицом возникает полоска света — это старик открыл какую-то смотровую щель. Вижу его покрасневшее лицо, горящие искорки безумия в глазах.

— Так я и думал, — с иронией качает он головой, — наша спящая принцесса уже давно неспящая. А ведь должен включаться по команде, при нажатии на этот замечательный пульт, — герр Клаус с насмешкой вертит передо мной уже сто раз знакомую спиральную трубку, — видишь, Эрих, ты стал абсолютно неуправляем. Ну, ничего, мальчик мой, мы тебя мигом вылечим.

★ Позволь рассказать коротенькую лекцию... Технологическая линия производства некросолдатов включает очень много последовательных этапов. Не буду тебя утомлять подробностями об анатомическом подборе, сборке, черномagicеских генераторах псевдожизни... Скажу самое главное — все готовые продукты должны пройти специальную очистку от остатков личности, сознания, памяти. И отпечатки всего этого хранятся в каждом куске плоти, обработать одну только голову недостаточно. Нужна абсолютно полная фильтрация от самой последней частицы человеческой сущности. Ты избежал этой участи, ты — эксперимент. Мы хотели получить бойца, способного самостоятельно уяснять задачи, оценивать обстановку и принимать решения. Для этого решили пока повременить с ментальным отсосом, лишь отсеки особо вредные части сознания вручную, и поглядеть, что выйдет. Отчасти эксперимент удался, польза от тебя определенно была. Отчасти эксперимент провалился, сильного вреда ты еще не принес, но вполне можешь. Так что... Освальд, запускай!

С лязгом закрывается щель перед моими глазами. Слышу пощелкивания рубильников, какое-то гудение. Не слишком громкое, чтобы заглушить голоса:

— Слушай внимательно, Освальд. Возьми мою планшетку, там все инструкции по работе машины и отчеты о работе с этим придурком. Они должны уцелеть. Я пока слетаю в гости к магу и выполню вторую часть плана. После процедуры выпускай этого олуха из контейнера, он уже будет послушный, как собака, и вместе с ним уезжайте отсюда в наше второе поместье в Хайнсбурге. Курт с машиной ждет у КПП. Будут проблемы — задействуй Эриха, он тут всех положить сможет. Пусть и туповатый, но он все же останется самой мощной моделью. На деньги, полученные за расшифровку потустороннего SUM-кода, мы сможем наладить серийное производство таких вот красавцев. И заработаем еще больше! Осталось совсем немного...

Профессор договаривает напоследок что-то еще, но голос его тонет в оглушительном звоне. Будто в мой гроб сыплются тысячи осколков хрусталя. Тьму пронизывают ручейки бледного голубоватого свечения. Они тонкими струйками проникают внутрь через боковые отверстия. Причудливо разветвляются в воздухе, словно заполняя неведомые до этого трещины в пространстве. В их мерцании теперь четко различаются таинственные руны и письмена на внутренних стенках гроба. Сияние становится все ярче, его пульсация синхронизируется с биением моего сердца. Я вновь чувствую зов, который уже столько раз преследовал меня во снах. В этот раз он невероятно сильный...

В один миг гаснет свет, умолкает звон. Меня охватывает ощущение головокружительного падения, будто мой гроб разрушился посреди бездонной пустоты. Всего на секунду... Затем под ногами возникает странная невидимая опора, кажется, я могу двигаться. Плыть сквозь море осязаемого густого мрака. Вновь раздается зов, где-то позади. Мощный ментальный сигнал, проткнувший мозг ледяной иглой. Я оборачиваюсь, и на меня тут же обрушивается огромная масса толстых щупалец.

Яростный рев взрывается в моем сознании сотнями жутких образов, наполненных стремлением убивать, уничтожать, поглощать. Я из последних сил пытаюсь погасить в голове калейдоскоп ярких картин, пропитанных кровью и запахами гнилой плоти. Калейдоскоп замедляется, воскрешая давно забытые воспоминания... Кирпичная стена, вся в красных пятнах, испещренная выстрелами. Я прижимаюсь к ней спиной, не в силах закрыть глаза. Мои босые ноги тонут в холодной луже, полной лежащих рядом тел. Наступает моя очередь. Черные дула впереди плюются дымом, грудь моя взрывается кровавыми брызгами. Но я держусь. До последнего. Все еще стою. На коленях, на руках... Чувствую вкус грязной воды, чувствую...

Чувствую...

Щупальца сжимают меня липкими, омерзительными тисками. Их чмокающие присоски мерцают уже знакомым голубоватым свечением. Я с размаху бью по мутному, аморфному пятну, склонившемуся над моим лицом. Кулак с брызгами погружается во что-то теплое, мягкое и мерзкое. Пятно мерцает блеклой синевой, отпрянув. Тиски сжимаются сильнее, прижимают руки к бокам. Из последних сил пытаюсь вырваться, сквозь брешь в щупальцах бью ногами по огромной тяжелой туше. Тщетно. Впившиеся присоски жадно поглощают мое тепло, силы. Мышцы немеют, едва не слепну от сияния, вспыхнувшего ярче. Вижу его источник — огромная круглая пасть, полная острых зубов и обрамленная десятками светящихся глаз...

Что-то резко хватает меня за плечи, мощным рывком освобождает из липкого чмокающего плена. Щупальца пытаются удержать, судорожно хватают за бедра, колени, щиколотки. Рев ярости искажается, опускается до низкого вибрирующего стога. Свечение уносится далеко вниз, слышу мощные хлопки крыльев. Все выше и выше...

Выломанная крышка гроба улетает в сторону. Надо мной склоняется пара тяжелых грудей, каскад темных волос, желтые глаза...

— Вставай!

— Ч... что?.. — не сразу прихожу в себя.

— Вставай, говорю! Нужно бежать. Твое спасение отобрало у меня слишком много сил. Скоро сюда прибегут людские воины, и я не смогу дать отпор.

С трудом вылезая из гроба, стоящего на невысокой подставке, и едва не спотыкаясь о синий труп Освальда.

— Он мешал... И мне нужны были дополнительные силы... — словно оправдывается мой спаситель. — Нужно торопиться, все вопросы потом!

— Постой, — опускаюсь я к Освальду и забираю из его окоченевших пальцев туго набитую бумагами планшетку, затем забираю со стола рядом спиральную трубку — мой выключатель, и разбиваю. Вдребезги.

— Как ты меня нашел... нашла?

— Я слышала твой крик. В другой реальности. Давай, быстрее!

Мы покидаем тесный подвал, заваленный самыми причудливыми аппаратами и механизмами. Напоследок я успеваю обернуться и глянуть на машину, к которой подсоединен гроб. Это стальной бочкообразный тор, опоясанный шлангами и проводами. Из него торчат многочисленные счетчики, датчики и рычаги. На вид обычная машина земного происхождения. Как же тогда объяснить...

— Сюда! — кричит мой новый союзник, и мы устремляемся налево по темному коридору без окон. Наверх по лестничной площадке, через еще одну комнату с механизмами, и снова по лестнице.

— Тоже мешал? — спрашиваю я, перескакивая через очередное лежащее тело в военной форме.

— Они спят. И видят очень приятные сны.

В очередной комнате я вижу клочок голубого неба за проломанной крышей. Демон молча хватает меня за бока, и спустя миг мы уже летим над огромным плацем. Тут же раздается сигнал воздушной тревоги.

— Прижмись! — кричит суккуб сквозь бушующий ветер, набирая высоту.

Армейские склады, казармы, боксы. Все это уносится вниз, превращаясь в серую плоскость, разбитую темными прямоугольниками зданий. Лишь орудийные вышки выделяются высотой и кажутся игрушечными башенками, воткнутыми в карту под нами.

Очень опасные башенки. Небо абсолютно ясное, нет ни единого шанса спрятаться за облаками. Слышен рокот множества пулеметов, мы резко меняем курс, пытаюсь петлять между тучами пуль. Они жалят мою грудь, бедро, голову. Взвизгивает напарница, дернувшись и скрючив окровавленное крыло. Теряем высоту. Мимо проносятся две ярко-красные струи, обдавая жаром. Затем вспыхивает яркая зубастая молния, совсем рядом, наполняя ветер запахом озона. Если попа-

дуг из гиперboloида — нам конец. Из тесла-пушки — тем более.

Территория базы остается позади, впереди — темно-зеленая полоса леса, сразу за узкой серебристой лентой реки.

— Это Апфельштедт? — не удерживаюсь от вопроса.

— Да.

Наверное, это называется жесткой посадкой. Мы врезаемся в травяной берег на опушке, откатившись друг от друга в стороны. Кажется, я цел. Повреждения не критичны. Чего не скажешь о спасительнице, лежащей под деревом без сознания. Шатаюсь, подхожу к ней и вижу около десяти пулевых попаданий в бока, руки, крылья. Трудно представить, как ей удалось долететь сюда с такими ранами, да еще и с таким грузом.

Моя кровь сильно отличается от человеческой. Но больше мне предложить нечего. Острого ничего нет, потому я прокусываю свое запястье, прежде чем поднести его к губам демона. Сжимая и расслабляя руку, выдавливаю кровь прямо на белоснежные клыки. Вздрагивают веки суккуба, ее губы сильно впиваются в меня. Жадно пьют.

— Благодарю, — раздается в моей голове.

— Не за что, — отвечаю уже вслух, — это я должен быть благодарен. Почему ты помогла мне?

— Очень скоро ты поймешь это. Поверь.

Помогаю ей удобнее устроиться под деревом, отведя раненое крыло.

— Раны заживут, — говорит суккуб, — но мне все равно необходим отдых.

— Он необходим нам обоим. Мне есть пока чем заняться, — похлопываю по украденной планшетке, — послушай, я боялся, что моя кровь может не подойти или вообще оказаться ядовитой. Но должен был рискнуть.

— Ты все правильно сделал. Твоя кровь полна той жизненной энергии, что у тебя хотели отобрать.

— Ты о чем? О той машине? Знаешь, что она делает?

— Люди глупые, — улыбаются ее окровавленные губы, — создав машины, которые должны будут им служить, они чаще всего сами неосознанно служат им. Человек, построивший тот аппарат, верил, что подчинил природу жизненной сущности. Но на самом деле он пал жертвой чужой злой воли. Эрих, это была не машина, а портал. Очень примитивный, воистину достойный людской науки. Он ведет в брешь между мирами, где заключена тварь, высасывающая из живых существ самое драгоценное.

— Что же именно?

— Ах, Эрих, неужели ты до сих пор не понял? У тебя есть душа...

* * *

11 мая 19... года

...Схрон, в котором были найдены составляющие части и чертежи объекта «сто восемь», является сильной аномальной зоной. Многие сотрудники жаловались на ужасные галлюцинации, счетчики паранормальной активности ломались от бешеных зашкаливаниях. Однако, несмотря на все преграды, нам удалось вынести те артефакты, машины и реликвии, что не успели украсть ренегаты...

18 июля 19... года

...объект «сто восемь» поражает своей анатомией и уровнем искусственного интеллекта. Это самый совершенный некросолдат за всю историю Аненербе. К сожалению, несмотря на тщательнейшие исследования, секреты его функционирования до сих пор не раскрыты в полной мере. Есть подозрения, что некоторые из его найденных составляющих были изготовлены с применением секретных оккультных технологий паранормального отдела SS. Увы, вся документация этого отдела была украдена отступниками...

2 августа 19... года

...чрезвычайное положение вынуждает нас применить объект «сто восемь» на деле до конца его изучения. Во избежание утечки информации, память объекта «сто восемь» подлежит полной чистке, кроме подробностей о его задании и окружающей обстановке. Согласно плану, отыскав тринадцатую башню Вермахта, объект «сто восемь» должен очистить ее от неприятеля и при помощи аппаратной части своего мозга послать сигнал SUM, запеленговав который мы в кратчайшие сроки получим координаты башни. К сожалению, на генерацию сигнала необходимой мощности должны иссякнуть все энергетические элементы питания объекта «сто восемь»...

26 сентября 19... года

...в связи с отклонением объекта «сто восемь» от задуманного плана действий, было решено провести дополнительный анализ его ментальной активности. Результаты свидетельствуют о полном выходе объекта «сто восемь» из-под контроля и необходимости срочного принятия мер...

Разумеется, дочитывать дальше не смысла. Затолкав бумаги обратно в планшетку, я вышвыриваю ее с крыши башни. Прямо на горящие останки цепелина, разбитого у ее подножия. Видать, неудачно высадился фон Обенкрут. Недооценил оборону черного мага.

— Он жив, — говорит суккуб позади меня, — и он внутри. Чувствую. Он ждет тебя.

— С чего ты взяла?

— Он мог бы сбить нас, как и тот цеппелин.

— Пойдешь к колдуну со мной? — оборачиваюсь к демонице. Она сидит на карнизе, свесив ножки и сложив крылья. Когда я пытаюсь приблизиться, она останавливает меня рукой и прячет глаза за прядью темных волос:

— Нет. Ты должен справиться сам. А мне пора улетать.

— Почему ты мне помогла?

— Вряд ли ты поймешь. Но... ты первое существо, с которым меня так много единит. Я ведь нечистокровное чудовище. Я тоже человек... наполовину.

Горькое чувство звучит в ее словах — боль пополам с печалью. Откуда-то я знаю, как происходит такое проклятие. Когда смертную женщину изнасилует инкуб. И то ли для забавы, то ли в наказание оставит в живых. После этого трансформация неизбежна...

— Ты не чудовище, — говорю я, присаживаясь рядом, — чудовище — это то, что выдумывают люди, чтобы хоть как-то оправдать свою жалкую жизнь. Некоторым из них так легче жить — лгать, грабить и убивать ради забавы, предаваться всяким извращениям, добиваться своего ценой чужих судеб и при этом оправдываться тем, что есть создания более ужасные.

Суккуб грустно улыбается, глядя в мои глаза:

— Прощай, Эрих. Спасибо тебе.

Наверное, мало кто в мире может похвастаться тем, что его поцеловал суккуб. Искренне, в щеку, по-дружески. Пожалуй, один я теперь и могу. Демоница спрыгивает с карниза, расправив крылья. Мощными взмахами устремляется к черному горизонту.

Пора. Я встаю и иду к круглому люку посередине плоской крыши. Внезапно он самостоятельно откидывается под прямым углом.

— Спускайся! — звучит в голове голос мага.

Спускаюсь. Вертикальная лестница сменяется винтовой, уходящей во тьму вниз. Скрипят ступеньки. Один виток. Второй. Третий. Пальцы нервно сжимаются, им не хватает оружия. Ничего, надеюсь, обойдемся переговорами. Сбоку медленно открывается тяжелая стальная дверь с демоническими рунами. Тут же узнаю комнату с операционным столом посередине.

— О! — хлопает в ладоши маг. — У меня сегодня от гостей просто нет отбоя. Снова пришел убить меня?

— Нет, — медленно захожу, осматриваясь, — у меня не осталось подобных мотиваций.

Справа на стульчике сидит Гюнтер. Он увлеченно колупается пальцем в глазнице чьей-то головы. Свежеоторванной. Очевидно, весь взвод фон Обенкрута погиб. И теперь у Гюнтера появилось много новых игрушек. Маг откидывается в кожаном кресле напротив, сжимая бутылку любимого ликера.

— Жаль. Так чего же ты хочешь? — спрашивает колдун, хлебнув из горла. — Выпить? Угощайся! У меня целая коллекция. Кстати, как тебе фройляйн Хельга?

— Кто?

— Суккуб. Не удивляйся, я всех местных демонов знаю.

— Она не демон.

— Ну, полудемон. Какая разница? Ты тоже «получерт-те-что». И ничего. Зачем пришел? Соскучился по моим скальпелям?

— Мне нужны ответы.

— Осторожно, — маг насмешливо грозит пальцем, — тут один тоже ответы хотел. Вон он, в углу.

Не знаю, как сразу не заметил фон Обенкрута. Он прячется на четвереньках под столом с ретортами. В луже блевотины, дрожащий, с остекленевшими глазами.

— Они здесь... Ооонннии здесь! — взвизгивает он.

— Он сошел с ума? — спрашиваю очевидное.

— Окончательно и бесповоротно. Представляешь, этот гад выжил при крушении цеппелина, выскочил перед взрывом. Гюнтер приволок его за шиворот, и он тут же нагло потребовал алгоритм расшифровки сигналов Извне. Я человек добрый, расшифровал и даже дал послушать...

Маг показывает бутылкой на столик с миниатюрной SUM-станцией с наушниками и гарнитурой. Профессор получил, что хотел. Он услышал гостей. И стал безумцем...

— Он... ни... здессссь! — Он скрючился под столом. На ушах его видна запекающаяся кровь.

— У меня вопросы другого характера, — говорю я.

— Да я догадываюсь. Извечные вопросы, отягощающие человеческий разум. Кто я? Что я? Зачем я? Пф! — кривится маг. — И кому это нужно?

— Мне.

— Ониииии... тууут!

— Гюнтер, вышвырни этого болвана наружу! Лучше с крыши. Только подальше.

— Здесь! Здесь! Здесь! Они уносят меня! А-а-а-а!!! — удаляются по лестнице крики доктора.

— Итак, — улыбается колдун, — полагаю, ты уже понял, что слишком хорош, чтобы тебя сделали одни лишь люди. Тут явно тайком приложил свое щупальце кто-нибудь Оттуда, вдохнув в тебя необычную силу. С какой целью? Как видишь, тяга к тайнам может плохо кончиться.

— Ты должен знать. Ты черный маг. Разве ты не служишь... Тем, Оттуда?

— Что? — смеется колдун. — Тогда бы я закончил, как тот жалкий Обенкрут. Нет, я всего лишь один из тех немногих, кому Они открыли маленькую крупицу своих тайн. В обмен на преданность, как до конца жизни, так и после. Служение ли это? Не знаю. Вряд ли им нужны слуги среди тех, на кого им плевать с высоты звезд. Игрушка? Скорее всего.

— Не понимаю.

— И должен быть счастлив, раз не понимаешь. Эх... Я могу лишь предположить, что ты маленькая капелька, брошенная в колбу с нашим миром, чтобы остановить нежелательную химическую реакцию. И она прекратилась — Обенкрут и вся его шайка умников, полагаю, уже не потревожат... эм... кого не надо.

— Тогда капелька должна раствориться. Погибнуть.

— Необязательно. Ведь капелька вступает в реакцию — перестраивает атомные связи, меняет молекулярную массу, агрегатное состояние... Если это не про-

изойдет, то состояние в колбе так и останется нестабильным.

— Значит, либо я должен исчезнуть, либо...

— Именно так, ты правильно понял.

— Это возможно?

— Шанс есть, но очень низкий. Я помогу тебе, по старой... дружбе. Придется спуститься в подвалы башни. И еще. У Обенкрута кое-что было с собой, посмотри там, в сейфе, он не закрыт. То, что там лежит, тебе очень пригодится. О, я вижу ты рад находке! Что ж, пошли, время не ждет.

Мы покидаем комнату и спускаемся вниз. Нас трое — я, колдун и мое тесла-ружье.

* * *

— У каждого свое предназначение, — говорит черный маг, спускаясь со мной по лестнице, — с помощью которого достигается Равновесие. Ты свое предназначение уже выполнил, однако продолжаешь тяжелить чашу весов.

— А каково твое предназначение? — Проверяю на ходу контакты ружья и уровень зарядки батареи.

— В данный момент уравнивать весы.

— И ты бы уничтожил меня, не пойдешь ли сейчас вниз?

— Да, — отвечает маг быстро и уверенно.

— А если бы я положил и тебя, и Гюнтера?

— Тогда рано или поздно это сделал бы кто-то другой. Порядок вещей не изменить. Скорее всего тобой бы занялась Хельга.

— Но она же помогала мне! — До хруста сжимаю приклад.

— Она служит Им. И если примкнула к тебе, значит, тоже следила за реакцией в колбе... Пришли.

Перед нами обычная дверь. Старая, ржавая, с выцветшими рунами и пиктограммами. Но чем-то неестественным веет от этих дверей. Каким-то странным, пуль-

сирующим морозом, словно кто-то прикоснулся к моему мозгу холодной ладонью. Сжимает и отпускает.

— А какое предназначение выполнял Обенкрут? — спрашиваю напоследок. — Просто погибнуть?

— Обенкрут был лидером среди подобных ему — желавших знать слишком много. Он мог стать символом противостояния человека и нового порядка. Он мог сплотить по миру всех маниакальных ученых. По большому счету, это они похищают людей ради опытов и оккультных ритуалов. Это они лишают человеческие тела душ, чтобы получить послушных рабов. Они толкают этот мир в бездну, обвиняя при этом во всех ужасах пришельцев. Конечно, Те могли бы вмиг поглотить дерзкого профессора и растворить в черном ничто. Но зачем, если можно бросить капельку и понаблюдать с ленивым интересом? Приготовься, это необычные двери. Мы в подвалах тринадцатой башни Вермахта, у которой свои, особые тайны. Я лучше отойду.

Дверь медленно открывается, по ушам ударяет уже знакомый хрустальный звон. Не могу сказать наверняка, сам ли я вхожу в открывшийся черный проем или тот поглощает меня. В какой-то момент я встречаю сопротивление, словно прорываю невидимую тонкую пленку. И вдруг...

Вспышка голубого света. Оглушительный треск. Падение...

Я иду через тьму. Она не абсолютна, сквозь ее черные волны просматриваются смутные контуры чего-то неясного, непостоянного. Некое подобие серых холмов вокруг всего за секунду превращается в плоскую равнину. Затем обратно в холмы. Затем... во что-то расплывчатое, бесплотное. Я иду сквозь эту мешанину форм и геометрического безумия, ни во что не упираясь.

Мгла впереди озаряется двумя огоньками. Они приближаются, быстро, скачками. Это фантастический гибрид паука и осьминога с человеческим лицом. Его глаза горят, как два осколка радия. И тут же гаснут, стоит мне нажать на гашетку. Яркая молния вытягивается

тонким лучом, и противник разлетается миллиардами звенящих молекул.

Тут свои законы физики.

Слева мелькает какой-то комок длинных усиков. И исчезает в пасти огромной змеи с головой, как плоскогубцы. Змея быстро проползает мимо. Иду дальше, с каждым шагом осознавая природу места, в котором очутился. словно понимание этой истины просачивается в мой разум размытыми чернильными образами. Клоака миров, одна из многих. Выгребная яма для тех, кто застрял между жизнью и смертью. Для тех, кто не родился, но и не умер. Для тех, кого жизнь отвергла из рационального порядка. Все они заключены здесь. Вместе с паразитами, пожирающими их сущность.

Кажется, я вижу то, что ищу. Маленькая молочно-белая сфера. Она пролетает надо мной, искрясь люминесцентными снежинками. Я протягиваю к ней руку и чувствую отталкивающий холодок. Нет, она не моя...

Нужно искать дальше.

Черная плоскость подо мной дает трещину, выпускает на свободу пучок длинных щупалец со светящимися присосками. Я успеваю отскочить и прицелиться. Это она — тварь, жаждавшая моей души. Мы снова встретились. Только теперь со мной тесла-ружье... Двумя залпами я расширяю трещину, ослепительными вспышками подстригаю щупальца. В голове раздается вибрирующий рев предсмертной агонии. Фокусирую молнию на толстой туше, и та рассыпается атомным пеплом. И откуда-то знаю — где-то далеко в другом мире, в темном подвале взорвалась порталная машина.

Мгла впереди щерится острыми скалами. Их вершины мерцают электрическими разрядами. Следуя вдоль каменистого подножия, я нахожу еще одну белоснежную сферу. Она судорожно бьется в гигантской паутине, натянутой между валунами. Разумом я ощущаю крик ужаса и отчаянья, крик, принадлежащий человеку. От сферы веет холодом, она не моя. Но я должен помочь.

Два точных выстрела, и сияющий шар уносится вверх. И его тут же глотает огромная летучая мышь с крыльями из причудливых теней.

Рядом оказывается щелкающий жвалами хозяин паутины. Он выплевывает липкую сеть, прижавшую меня к валуну. Невероятно сильным ударом выбивает оружие. Оно медленно падает на черную землю, поблескивая контактами. Кажется, сквозь сорвавшийся ветер слышно, как паук издает торжествующий хохот. И замолкает, когда его накрывает пара широких крыльев, обрушившихся сверху. Темной стрелой паук улетает вместе с захватчиком. И падает на острые скалы. Я отрываю паутину и, подобрав ружье, салютую проносящейся в мутном небе тени.

Как долго я могу еще искать? В этом месте время искаженное, нестабильное. Здесь царит вечность, расколовшаяся пространственными трещинами. Если мои поиски не увенчаются успехом, я останусь тут до конца времен.

Или же... Я что-то чувствую. Теплую, приятную волну, накатившую сзади. Оборачиваюсь и тут же тону в белом, головокружительном сиянии. Я так и не нашел свою жизненную сущность. Это она нашла меня... Мой разум растворяется в ослепительной белизне, миг ставшей для меня всем миром. Что-то пронизывает мое тело, режет, кромсает, выдавливает из меня надорванный крик. Какое-то забытое чувство заставляет вибрировать нервы, отдаваясь в мозг пылающими импульсами. Теперь я знаю, как это — рождаться заново...

Свет гаснет. Медленно, сужаясь до тлеющей точки во тьме, похожей на умирающую звезду. Она пульсирует так четко и мягко. Тук-тук. Тук-тук.

Тук-тук...

— Накинь на него одеяло, Гюнтер, он весь дрожит. Отнесем его наверх. Теперь он живой, и ему больше ничего не грозит. Теперь, как и все смертные, он больше не заслуживает ничего с Их стороны, кроме презрительного равнодушия...

ЛИСТОПАД МОРТИАРХА

В укор нашему неверию, как знак нам, недоверчиво качавшим головами на крики тиунов, читавших на площадях официальное воззвание Совета, — нам, с детства привыкшим называть его Бессмертным и Вечным, — в тот день были даны очевидные и недвусмысленные знамения.

Отвечая на тоскливый вой выводка тех страшных черных зверей с опаловыми глазами, что держал он в своих палатах, высоко вознесенных над городом, тех, что первыми почувствовали его уход, — по всему Яргороду стали выть собаки и выли с утра до самого наступления сумерек.

По приказу главы Совета Архиличей, князь-кесаря Большакова, сокрушенного известием глубокого старца, бывшего с мортиархом с самого начала, прошедшего путь от торговца пирожками до императорской десницы, звонили колокола на всех башнях, были приспущены стяги и отменены празднества, чей шум и радостная толкотня наполняют Яргород по осени. Мортиарх ушел в канун Величальных Дней, когда по всей стране готовятся машкерадные шествия и скоморошьи карнавалы, прилавки торговцев заполняют пряничные черепа и сахарные скелетики, а хорошенькие девичьи личики украшает грим Матери-Уравнительницы. Ярко-белая пудра, черные полукружия вокруг глаз, перевернутое черное сердце на запудренном носике, алые цветочные завитки по лбу и скулам. Белая помада на губах, поверх нее — тонкие черные черточки, изображающие межзубные щели.

Листопад пришел в город — шуршащая на ветру пестрота золота, фуксии и багрянца обрушилась на нас. Обрушилась на мортиархов дворец, с сухим печальным шорохом оседая на его длинные скаты и изогнутые коньки, вырезанные в форме расправивших крылья соко-

лов, падая на нисходящие каскады крыш и остроконечные башенные шпили.

Там, внутри этих вознесенных над городом покоев, лежал он, в полысевшей накидке из медвежьего меха, в потускневших и потрескавшихся сапогах змеиной кожи с серебряными носами в виде оскаленных черепов. Лежал, вцепившись скрюченными пальцами в мозаичные плиты пола, на которых зодчими с предельной точностью воспроизведена была мировая карта — упавший на них, как и прожил свою жизнь — прямо и неуклонно. Вцепившись мертвыми пальцами в Великую Ладью — ту часть суши, на которой жили мы, и которой повелевал он, единовластно и непререкаемо, всю свою невозможно долгую по человеческим меркам жизнь.

Робея и едва дыша, мы вошли в его покои — несколько этажей, соединенных крутыми лестницами, разделенных толстыми дубовыми дверями и фигурными коваными решетками. Расписные потолки и стены, пустота открытых пространств. Не было здесь ни гор костей, ни гор золота, ни прикованных девственниц, ни огнедышащих драконов, что приписывала людская молва.

Мы с треском растворили высокие витражные окна, вросшие в оконные переплеты, чтобы впустить тусклый осенний свет и холодный осенний воздух. Сквозняк погнал по узорчатым плитам пола, по мозаичной карте мира крошечные панцири высушенных насекомых.

В темной камерке, что служила ему кабинетом, мы нашли раскладную походную кровать, стеллаж, заставленный хрупкими книгами на неведомых нам языках, и обитый железом сундук. В сундуке было яйцо неведомой птицы — размером с голову взрослого человека, темно-фиолетовое в редких алых крапинках, окаменелое от древности. Там было поцарапанное кавалерийское седло, пустая вместительная фляга в шитом бисером кожаном чехле, ржавый клинок с рукояткой из лосяного копыта и пара новых неношенных сапог, сшитых из змеиной кожи, с носами в виде серебряных черепов и на размер меньше, чем носил мортиарх.

Мы почти позабыли его первое имя, с которым восходил он на престол, провозглашая себя императором. Вопреки всем, против воли карнипольского Владыки и адриумского Пасынка. Ни одна из церквей не согласилась признать легитимность его прав на престол, поэтому ему пришлось создать свою. Карнипольский ставленник в Яргороде, епископ Тенебрий, выслушав его предложение, поставил только одно условие — согласиться совершить помазание елеем и надеть на его темноволосую голову корону лишь в том случае, если мортиарх выиграет в шести раундах в кости. Епископ, до того, как встать на путь служения, воевал в вистирских пикинерах, исходил весь восток, о чем напоминали его кулаки, похожие на тыквы, и нос, свороченный набок. Самый благочестивый человек в Яргороде, он не мог отказаться от двух греховных пристрастий — игры в кости и белого сабинейского, оттого и был сослан в незапамятные времена нести Свет веры болотным варварам. Мортиарх из вежливости проиграл первую партию и выиграл, одну за другой, следующие пять. «На все воля его, — сказал Тенебрий. — «Я согласен».

В те времена звали его еще не Бессмертным, но уже — Непобедимым.

Со временем, сами уже став стариками, мы вспомнили, что носил он имя Лександр. В честь Лександра Халкантийского — легендарного полководца, с фалангами своими прошедшего огнем и мечом весь Восток до Курумани. Такое имя дал будущему мортиарху отец, царский сотник, уходя в печально памятный поход на Куруманы, оставляя беременную жену. Поход закончился резней в южных лесах, отец его не вернулся. Знаменитый их предшественник, легендарный халкантиец Лександр, повернул свои фаланги с полдороги, едва повеяло в лицо ему душным гнилостным духом джунглей. Царские и вистирские полки не свернули, ведомые стратегами, мыслившими халкантийца суеверным варваром, а себя — новыми живыми легендами, так и сгинули без следа в полных дикарями лесах. Что до мате-

ри — она погибла от чумного мора, про который говорили, что наслали его на Ладью недобитые лиртийские шаманы. Оставшись сиротой, был он отдан на воспитание инокам Стародубского монастыря, успел даже выучиться грамоте, но продержался там недолго — уж очень был дерзок умом.

Лександром Навским он стал много позже. Когда на реке, что несет ныне свои ленивые воды через наш Яргород, ведомые им мятежные войска, под черными знаменами с вышитым на них серебряным соколом, сошлись с 50-тысячным вистирским корпусом. Вистирцы пришли в наши леса и болота, чтобы посадить на царский престол жениха царевны Златы, единственной уцелевшей в усобице от крови прежнего, законного царя, ведшего свой род от самого конунга Рарога. Этот жених, высокомерный, загорелый юноша, едва достигший шестнадцати, с дивными пепельными волосами и глазами цвета янтаря, приходился племянником вистирскому кесарю, и семья его должно было положить начало династии, которой предстоит править Ладией следующую тысячу лет.

На скованных льдом берегах реки Нави Лександр выстроил свои полки. По рядам ходил ропот, воины матерно ругались, плевались, поминали Заступника, стучали зубами, зябко поводили плечами и дышали в сложенные ладони. На противоположном конце равнины увидели нечто такое, что не приходилось видеть им никогда прежде — припорошиваемую снегом, тускло блистающую сталью и золотом, лучшую армию мира, выстроенную к бою. Видели бесстрашных кесаревых катафрактов и боевых элѐфантов, дикую тарчахскую кавалерию и ко всему привычных сабинейских наемников, тысячи пеших и конных, и трепет ярких знамен, и пышное шитье гербов и хищный блеск томимой жаждой стали.

Воины дрогнули, заволновались и затрусели, и кто-то уже призвал свернуть, попятится, покаяться, разбежаться по домам, укрыться по лесам, бросить эту дур-

ную затею. Потому что все, что видела мятежная армия до этого — сожженные царские фортеции, бросавшие оружие при первых раскатах их барабанов, бежавшие с позиций клюквенно-кафтаные стрельцы одиночных гарнизонов, невеликие ладийские городки и глухие деревни, встречавшие их увенчанными солонками караваями на расшитых полотенцах... Все это ни в какое сравнение ни шло с тем, что предстояло.

Он выехал перед войсками в сопровождении блистательной свиты. Рядом скакал в доспешном серебре и голубых песцовых мехах князь-кесарь Большаков, совсем еще мальчишка, недавно еще разносивший пирожки на мукшинской Базарной площади. Седой тридцатилетний старик с пустыми глазами — Ратислав Таланский, ходивший еще на Куруманы, ратный гений, бивший по лесам зловещих лиртийских берсеркеров, снимавший Таланскую осаду, отставленный с царской службы по вольнодумству и пьянству. Укутанный в лисьи меха Ясудер Ветер, с исписанным ритуальными шрамами лицом, молчаливый тарчак, пришедший из степей, получив знамение от своих богов, что должен стать тенью, верным цепным псом мортиарха. Его вольные конники, и знаменосцы, и трубачи, и его телохранители — блистательная малая рать, на фоне которой он, мортиарх, терялся, казался незаметным.

Длинный и худой, прямой, как палка, на вороном жребце, укутанный в меховую медвежью накидку без украшений, со спадающими на лоб спутанными темными прядями, он вскинул над головой руку в грубой черной перчатке...

Мортиарх выехал перед войсками, и когда зазвучал его голос — хриплый и яростный, умолкли вначале крикуны в первой линии копейщиков, затем во второй, затем среди стрельцов — а потом уже умолкло все войско, привставая на цыпочки, толкаясь, выискивали его взглядами впереди, жадно ловя каждое слово, разносящееся над равниной.

«Нас ведет Триада мирская — Явь, Навь и Правь, — хрипло кричал он воинам, шагом пустив коня перед строем. — Явь, из которой соткано все наше бытие. Навь, куда забредаешь порой лишь во снах. Правь — великий закон предвечный...»

Северный ветер прикрывал их с тыла, вел за собой орды черных туч. Нес завихрения вьюги, снежную крошку, ледяную крупу. Ветер голодным волколаком завывал, серым зайцем нырял в дебри рыжего сухостоя, стелился по земле. Хлопал черными стягами, наполнял серебряные крылья вышитых соколов. Трепал плетеные кисти и перья, тканевые треугольники и лисьи хвосты. Гонимые ветром тучи заслоняли солнечный свет.

«Нам не нужно света», — кричал он воинам.

Холод сковывал льдами воду, серебрил ветви, дыхание превращал в клубы пара. Снежные хлопья падали на равнину, на броню и меха, на обветренные лица.

«Нам не нужно тепла», — кричал Лександр воинам.

Тысячи врагов наступали им навстречу. Верные своему кесарю и верные тому золоту, что получили от него, алчущие схватки, не знающие — ни пощады, ни жалости.

«Нам не нужна ни пощада, ни жалость! — кричал он. — Отныне и навсегда — мы бросаем вызов всему миру. Мы стальная стена, что оцетинилась лесом копий. Встаем против всех — обезумевших богов, божественного безумия, против озверелых людей, против очеловеченных зверей... Что противопоставишь нам? Швыряй громы и молнии, что выжгут наши леса, заставят закипеть наши болота. Всех небось не пережжешь! Пошли на нас легионы смертников — мы упокоим их всех на пепелищах наших лесов, в кипящих недрах наших болот!

Триада мирская — Явь, Навь и Правь... Явь ваша ныне перед вами — на том краю поля. Мы пойдем и сокрушим ее. Навь несет за вашими спинами свои воды, и за нее не переступит ныне никто. Что до Правь — отныне ведомо мне истинное имя той Правь, того пред-

вечного закона, что предписан нам от века... С именем его мы пойдем ныне в бой. Имя его — Смерть».

Он наступал в первой линии, среди латников, и вражеские снаряды — огненные шары, тяжелые ядра, горшки с «каярратским огнем» — не задевали его, будто был он заговоренный. С рокотом барабанов, с бередящим душу снегириным посвистом флейт, хрустя по свежему снегу стальными каблуками сапог, настропалив бердыши и пики, **прикурив** запалы пищалей, войска его двинулись вперед, **навстречу** своей судьбе.

Битва при Нави решила исход противостояния. Определила наши судьбы на сотни и сотни лет вперед. С того дня стали именовать его Лександром Навским.

Вместе с листопадом, мортиарх ушел в одиночестве, никем не замеченный, будто истончившийся до призрака, но окруженный повсеместно плодами рук своих. За пыльными витражными окнами его пустых палат он мог **видеть** город, ставший олицетворением его славы, **прочными нитями** связавший всю его империю.

Но мортиарх не смотрел сквозь пыльные окна. Бродя по спиралям винтовых лестниц, по пустым галереям, шаркая стертymi подошвами змеиных сапог, кутаясь в полысевшую медвежью накидку, он с масляным фонарем проверял запоры на окнах, пересчитывал бутылки и бочонки в кладовых, принимал отчет от начальника караула, поднимался в дворцовую оранжерею, давал указания садовникам, спускался в лабораторию, давал указания алхимикам. Как отголосок тех дней, когда все в империи происходило согласно его воле, за каждым действием был его пригляд и во всем его личное участие. Наравне с простыми работниками, поплевав на ладони, засучив рукава рубахи, валил корабельный лес под Таланом. Налегая плечом, по колена в грязи, вместе с конюхами и конвойными «драконами» толкал застрявшую в распутице карету. Он учил сажать редис и принимать роды, учил мореходов ходить по звездам, а артиллеристов — наводить бомбарды. Не уставая учиться сам, учил нас, за уши вытягивая страну из бо-

лот и лесов на свет, как сказочный адриумский граф Миниганзен вытянул себя из топи за свою косичку с бантом.

Мортиарх вытягивал нас на свет, повсеместно насаждая мрак — официально разрешенным культом Матери-Уравнительницы будто подводя черту под теми работами, что вели его алхимики и чернокнижники. Теми работами, которыми одержим был он сам.

Граурон Испушенный стал его первейшим спутником на этом пути. Ярмарочный знахарь, которого привели к нему в день взятия Мукшина, из царского подземелья, в кандалах. «Я должен увидеть Вестника», — бормотал он, безумец, содержащийся на нижнем ярусе царской Тайной Палаты, предназначенной для «помутненных» и политических преступников. Повезло, что попался на глаза князь-кесарю. Тот знал о страсти мортиарха к разнообразным колдунам и не мог не воспользоваться случаем и не принести ему дар. Хотел отвлечь мортиарха в поистине черный для него день.

Граурон был похож на восставшего из могилы мертвеца — в лохмотьях и кандалах, с голым серым черепом, серой морщинистой кожей. С черными, вовсе белков лишенными глазами, длинными черными ногтями и черными зубами. «Я знаю, как подчинить смерть, — сказал он мортиарху. — Ожидание мое затянулось, но час пробил. Лишь тебе, Вестник, я открою свою тайну».

Они взяли Мукшин, столицу царства. Мортиарх, слушая речи Грауруна, сидел на царском престоле, с саблей на коленях, водя рукой по вытертому до блеска подлокотнику. Только что невозмутимый Ясудер принес ему весть: «Царевна Злата, о судьбе которой вы спрашивали, увидев через окно наших воинов, въезжающих во двор отеческого Краинного дворца, приняла яд».

Безумие нашло на него, и он личным приказом велел воинам то, за что карал прежде, — грабить и жечь, насильничать и убивать в захваченной царской столице. У каждого из них был зуб на прежнюю власть, и они бросились на торговые ряды и боярские и купече-

ские палаты, коих в Мукшине было не счесть. К небу вскинулись истошные женские крики и языки пламени. Мортиарх сидел посреди ада, в самом центре его, в престольном зале царского дворца. На высоком троне, вырезанном из драгоценного бел-древа в виде обвивших друг друга шеями ладийских лебедей. С саблей на коленях, он молча смотрел перед собой, не слушая курьеров, прискакавших с донесениями о бесчинствах, не слушая военачальников, пытавшихся образумить. Сомкнув тонкие губы, молчал и поглаживал по стертому до блеска подлокотнику — крутому изгибу лебединого крыла. Бело-голубое ладийское знамя, с царским лебедем, верным и милосердным, успели уже сорвать, бросив перед ступенями зала, каждого входящего приглашая вытирать об него сапоги, а вместо него вывесили мортиархов черный стяг — с расправившим крылья серебряным соколом, беспощадным и гордым.

Он слушал чародея и знахаря Грауруна, обвиненного в черном колдовстве, казнь которого отложена была престольным наместником Светозаром, чья голова ныне была вздета на пику над северными мукшинскими воротами, только из-за того, что к столице подступили мятежники. Слушал его и вспоминал, как впервые увидел царевну Злату, еще до всех своих блистательных завоеваний, до всех своих позорных падений.

Звали его тогда просто Ксаня. Мальчишка тринадцати лет, он брел через базарную площадь, неся завернутую в холстину доску в лавку купцу Любиму, старому отцовскому сослуживцу, для которого он малевал вывески. Послышались крики тиунов, щелканье кнутов и лихой посвист — через толпу двигался возок царевны, сопровождаемый стражей в синих кафтанах с золотыми позументами и в ярко-алых шароварах. Народ поспешно сдергивал шапки, сгибался в поклонах, а он стоял — высокий, нескладный и прямой, как палка, смотрел на украшенный золотым лебедем царевнин возок, несущийся среди согнувшихся цветных спин... Пока не ожгло его по локтю кнутом одного из конвойных, и то-

гда он тоже содрал шапку и согнулся пополам. Но то, что хотел увидеть — он уже увидел. В окошке на миг промелькнули тонкое нарумяненное лицо, золотые косы, алые губки... Тонкие пальчики придерживали золоченую шторку, и любопытно глянули широко распахнутые голубые глаза в тени пушистых ресниц...

Разорванный кнутом рукав не давал забыть о той встрече до самой ночи. А когда пришла ночь, Ксаня все ворочался с бока на бок, никак не засыпая, и все пытался понять, что ему мешает. Когда понял — успокоился. Закрыв глаза и провалился в сон. И во сне видел тонкие белые пальцы, с длинными ногтями, выкрашенными густо-винным цветом, что придерживали золотую шторку. Во сне уже понимал — теперь не будет ему другой жизни, кроме как добиться ласкового прикосновения этих пальцев, радости сплести их со своими пальцами, счастья держать их в своей руке, перепачканной краской. Рано или поздно, любой ценой.

Граурон сказал ему, сидящему теперь на мукшинском престоле, с сомкнутыми губами и застывшим взглядом: «Я знаю, что тревожит вас, мой Господин, и я знаю, что надо делать».

Все были против, никто из его свиты не доверял этому безумцу с маслянисто-черными, нечеловеческими глазами. Но никто не осмелился спорить, он уже тогда был — мортиарх, хотя никто из них тогда не мог предположить, что появится когда-нибудь в Ладии такой титул. Но всю ту власть, что будет заложена в этот титул, вся его свита ощущала уже тогда.

Запершись в верхних хорах царского Окраинного дворца, двое суток Граурон колдовал над телом царицы, запретив входить всем, включая самого Александра, изредка давая через приоткрытую дверь поручения приставленным к нему людям. Они выполняли беспрекословно все, что бы он ни приказал. Принести ли истопленного оленьего сала, или кофейных зерен, или живого черного петуха, или грубую нитку, иглу и масляную лампу. Грабежи и погромы в городе к тому времени са-

ми собой сошли на нет. Нечего было больше грабить, некого было больше громить. Лишь воронье, радостно галдя и переговариваясь, хлопая крылами, пирило теперь на исходящих дымом развалинах столицы, которую велеречивые вистирские пииты называли «искристой жемчужиной среди мрачных северных болот».

Когда же истекли вторые сутки, Александр, так и не сомкнувший глаз, не желая больше ждать, сопровождаемый следующим за ним как тень Ясудером, вошел в верхние покои — он увидел царевну. Он понял, что Граурон выполнил обещанное и, значит, заслужил обещанную ему в обмен жизнь. Но он понял также, почему по приказанию покойного Светозара ярмарочный знахарь с черными глазами без белков дожидался казни на нижних ярусах подземелья Тайной Палаты, среди безумных убийц и преступников, угрожавших царскому венцу.

Царевна стояла посреди комнаты, облаченная в белую ночную рубаху, через тонкую ткань просвечивало стройное девичье тело. Александр вглядывался в ее тонкое лицо в алых завитках ритуального рисунка, выведенных пальцем Граурона кровью черного петуха. Смотрел на ее ярко-золотые тяжелые косы, падавшие на грудь, остриями напряженных сосков натягивавших ткань рубашки. На синие губы, тонкой строчкой прошитые ниткой. В широко распахнутые глаза ее — голубые, как сапфиры чистой воды, в тени пушистых ресниц, без единого проблеска мысли и чувства. Она была неподвижна и холодна, и лишь тонкие иссиня-бледные пальчики, на которых проступала каждая тончайшая жилка, потянулись к нему, поманили приветственным жестом.

Он велел отправить ее за край света, в таежную гриболюдскую обитель, в закрытой повозке, под присмотром трех верных людей. Поспешил вычеркнуть из своей памяти, но то преображение, свидетелем которого он стал, отныне вошло в жизнь Ладии. Стало неотъемлемой частью ее на годы и годы вперед. Граурон возвысился до второго лица в стране, в обход прочих ревнивцев и льстецов, в обход самых преданных — неистового Ра-

тислава и блистательного Большакова, осыпанный почестями и доверием, набирая с каждым годом все больше людей, которых обучал сам, а после — уже им доверял обучать новых.

Они сумели победить смерть. Преодоление смерти они поставили на поток. Зашелестели страницы запрещенных трактатов, заварились котлы с водой мертвой и водой живой, и потянулись от них вереницы преобразованных, новых людей, не живых, но и не мертвых.

На следующий день после воскрешения царевны он выступил перед перепуганными, чудом уцелевшими жителями Мукшина, которых воины согнали на площадь перед дворцом: «Я верну вам всех, кто погиб в эти дни, если вы обязуетесь отныне доверять мне всецело, присягнете мне как единственному вашему правителю и охранителю».

Они присягнули ему. Стараниями Граурона никто из тех, кто погиб в дни разграбления Мукшина, не упокоился в земле на съедение червям, по карнипольской традиции. Никто не был сожжен на костре вместе с фигурками духов-хранителей и запасом еды, как заведено было в Ладии издревле. Черной магией, тайной забытой техникой — все они вернулись к своим родным. Переменившиеся, совершенно иные, чем те, что были прежде, — но вернулись.

Мортиарх и до, и после тех событий всегда держал свое слово.

Из-за тайной страсти своей ввязавшийся в одну войну и развязавший другую, еще более страшную, он сумел, в конце концов, дотянуться до своей мечты. И вынужден был отвернуться от нее, предать ее забвению.

С тех пор и до самого пришествия листопада страсть посещала его лишь дважды.

Окончились страшные дни Вторжения, на западе именовавшегося Очистительным Походом, когда соединенные силы Священной Адриумской Империи, Фарлецийского королевства и Торнхаймского Альян-

са перешли через наши границы. Желали покончить с «царством воплощенной Тьмы, самая суть которого оскорбляет своим присутствием на нашей земле всех честных людей, в чьем сердце остались еще малейшие крупинцы света», как вещал, благословляя поход, адриумский Пасынок.

Наступление их захлебнулось у самых стен столицы, перенесенной в Яргород на Нави. Велик был вклад многочисленного племени славояр, прежде не принимавшего участия в исторических событиях и почитавшегося в Ладии вовсе дикарями. Пропустив через свои земли армию вторжения, рассеявшись по лесам, они устроили Пасынковым «очистителям» такую малую войну, что вражеские полководцы поневоле задумались о переговорах. Когда в дело вступили еще и извечные ладийские союзники — распутица и мороз, стало понятно, что речь идет уже не о переговорах, а лишь о сдаче на милость победителей.

В благодарность славоярам мортиарх отправился с долгосрочным визитом к диким подданным, про которых говорили, что все они сплошь заросли бурым волосом и по лесам бегают голышом, хватая редкую дичь острыми зубами. Ему сразу бросилась в глаза эта хрупкая девочка, едва вошедшая в возраст, дочка Громоеда из рода Зверил, одного из старейших в Ладии, могущего поспорить в знатности с самими Рарогами. Чистая лицом, почитавшаяся дурнушкой среди сородичей, у которых буйство волос на лбу и щеках было равнозначно обилию пудры и умелой расстановке мушек при фарлецийском дворе, она с первого взгляда покорила почитавшееся мертвым сердце мортиарха. Владыка Тенебрий венчал их во вновь отстроенном Яргородском Всехсвятском соборе, из-за обильного украшения фасада в духе обновленной, смерть покорившей Ладии получившем в народе прозвание «костяной».

Недолгое счастье, выпавшее им, осталось на его памяти краткими эпизодами, позднее размытыми, совер-

шенно потускневшими за хороводом впечатлений его невозможно длинной жизни. Как он сам расчесывал ее длинную, ниже колен, каштановую косу, как всякий раз жадно ловил посылаемый снизу вверх взгляд ее доверчивых серых глаз, а морозными ночами, в плену меховых одеял, утыкаясь в ее терпко пахнущую подмышку с завитками мягких волос, спасался от извечного своего одиночества. Наследник их, который должен был, по пророчествам славояр, соединить в себе звериную удадь предков матери и сияющее величие отца, погиб при родах. Несколькими днями после скончалась от лихорадки и его мать.

Следующей и последней его страстью, много лет спустя, стала Вермилия Козалевски, пшетская марки-тантка и вдова гусарского трубача, взятая в качестве трофея в Рюгге и успевшая побывать в кухарках у князь-кесаря Большакова. Поэт в душе, любитель поест и выпить, горлопан в завитом парике и кружевах, с золоченой саблей, тот посвятил ей нежно-похабное стихотворение «девочка-коза, зеленючие глаза».

Узнав о страсти мортиарха, князь без возражений уступил свою кухарку другу и повелителю. Только вдохновенное стихотворение его очень быстро превратилось в народную песню. Ее распевали пьяными голосами в кабаках и на ночных улицах. Распевали с лихим посвистом, ужимками ложечников и барабанным боем, выдвигаясь к чужим границам с пищалями на плече. Распевали, прячась в лопухах и бренча по гусям под окнами волоокой зазнобы, ловко уворачиваясь от помоев, что выплескивает из ведра, внезапно распахнув ставни, ее строгая матушка.

С песней мортиарх ничего не мог поделать. «Ты можешь убить каждого из этих певунов, — сказала ему Вермилия, — но по силами ли тебе убить песню? Пусть веселятся, что это изменит?» Она была прирожденным политиком, не в пример своему легендарному мужу. Еще у нее было чувство юмора. На личном своем гербе,

украшавшем дверцы возка, посуду и кафтаны прислуги, велела увековечить и образ непоседливой девочки-козы, и образ «меча возмездия» из финала песни — крапивную ветвь.

Говорили, что, узнав об этом, князь-кесарь Большаков велел подать водки, сказав: «Хороня мою кухарку, ныне чествую мою повелительницу», стал пить. Пил целую неделю или две, до того как присутствие его не понадобилось срочно на Совете Архиличей и ему не пришлось рано поутру приводить себя в порядок, купаясь в проруби и обтираясь снегом.

Вермилия Благословенная, покоровшая черное сердце мортиарха, очаровавшая весь его двор, всех его вассалов и наместников, всех заграничных посланников и владык, что имели удовольствие беседовать с ней, включая даже джаферского визиря, даром что тот был евнухом... Вошедшая с тяжелой руки мортиарха в наши жизни, став нашей правительницей. Как и он сам — вездесущая и неотъемлемая от этой страны и этого города, ныне засыпаемого листопадом. Мортиарх пережил даже ее, Благословенную государыню, сопровождавшую его во всех поздних походах, подарившую ему двух мальчиков, хохотунов и непосед, ничем не похожих на своего мрачного отца и, как показало время, совершенно неспособных к правлению.

Он пережил все три своих страсти и всех тех уличных девок, трактирных потаскушек и походных шлюх, что охотно отдавались ему за звонкую монету, а он равнодушно брал их, будто выполняя давным-давно заученный ритуал, не сбрасывая с плеч своей медвежьей накидки, не снимая с ног своих змеиных сапог с серебряными носами-черепами. Он пережил всех своих сподвижников, кроме старца Большакова, первым из вельмож осмелившегося пройти через то Превращение, что некогда продемонстрировал им Граурон.

Он пережил всех своих врагов — от вистирского кесаря до адримуского Пасынка, но даже он — наш Бес-

смертный и Вечный, наш мортиарх, хотя в это невозможно было поверить, оказался не вечен.

Мортиарх ушел, а за распахнутыми витражными окнами его громадного и чудовищного, пестрого и безвкусного терема-дворца дышал и жил его город, сердце его империи. Горожане не оплакивали его, потому что давно смирились с его кажущимся бессмертием. Потому что давным-давно позабыли о его существовании. Как и его величественные хоромы, ставшие прижизненным памятником-склепом, он, сперва так пугавший и восхищавший своими ужасающими нечеловеческими пропорциями, своим темным величием, своей неуместностью в мире живых, сроднился с нашим зрением. Стал неотъемлемым, незаменимым и... незаметным. Как рука или нога, ухо или нос, как всякая часть тебя, что считаешь неотъемлемой, истинную важность ее присутствия в твоей жизни начинаешь замечать, лишь потеряв...

Потеряв его, мы поняли, как необходим он нам был. Пугало ушедшей эпохи, страшный старик, слепленный будто не из плоти и крови, а из пепла, железа и льда. Бессмертная мумия, чьим истинным знаменем был вовсе не серебристый сокол на черном поле, но страшный лик Матери-Уравнительницы, девы-с-косой, что в Величальные Дни примеряют на себя пригожие девицы — черные провалы глаз, перевернутое сердечко носа, оскал голых зубов. Влюбленный в смерть, мортиарх и нас приучил любить ее, сроднил с мыслями о ней. Избавив навсегда, от рождения и до встречи с Ней, от сомнений и страха.

Листопад стал вестником его ухода. На смену ушедшему мортиарху в Яргород входила осень — в шорохе сухих листьев цвета багрянца, фуксии и золота, в мрачно-торжественном вдовьем уборе. Единственная плакальщица по ушедшему заморосила по улицам и крышам, зубцам стен и флюгерам башен скучным серым дождем.

АЛЕКСАНДРА ДАВЫДОВА

ТРЕТЬЯ СМЕНА

Научный руководитель у аспиранта Ильи Гвоздарева был зверем. Просто чудовищем. Хотя нет — закрыв глаза, Илюша представил себе сначала бурого медведя, потом крокодила, и почему-то оба они показались гораздо приятнее, чем профессор. Особенно если учесть, что ни тот ни другой не посылали своего аспиранта в полшестого утра на другой конец города. Причем не обычного утра, а на следующий день после свадьбы. И теперь, конечно, все родственники и гости смотрели десятый сон, свежеиспеченная жена обиженно сопела в подушку, а Илья тащился в набитом автобусе на вертолетный завод, чтобы срочно начать собирать материал для диссертации — о предельно допустимой концентрации вредных веществ в воздухе рабочих цехов. Он тщетно пытался дремать, прислонившись к поручню, и думал над правильной формулировкой. Нет, вовсе не зверем был его научный руководитель, а натуральным чудовищем.

В тот самый момент, когда на Илью снизошло это прозрение, автобус затормозил и водитель — подозрительно бодрым голосом для такого времени суток — провозгласил остановку «Вертолетный завод». Гвоздарев пробился к дверям, отдавив всего пару ног и будучи обруган лишь трижды, и вывалился с грацией только что разбуженного медведя-шатуна на тротуар. Потирая щеки и ежась от утренней прохлады, он направился к проходной, где, по словам профессора, Илью должен был ждать пропуск.

Лучи восходящего солнца отражались в маленьких окнах заводских корпусов, и казалось, что вся эта промышленная громада злобно и внимательно рассматривает незваного гостя. «Чего только с недосыпу не придумается!» — хмуро подумал Илья, поморщился и тоскливо побрел искать начальника четвертого цеха, при помощи которого ему теперь предстояло трудиться на

благо советской науки как минимум полгода. А неприятная, как назойливый комар, мысль «и каждое утро этого полугодия тебе придется вставать так же раненько» дополнила общую картину аспирантских страданий.

Дениса Агеева устроили на завод по знакомству. Сразу выхлопотали третий разряд — замечательно, не придется начинать с ученика — и обещали хороший оклад. Но почему-то ни первое, ни второе его не радовало так, как должно было.

— Сам виноват, что из института вылетел! — эту фразу его жена повторяла ежедневно. Как минимум — по два раза.

— Сама бы попробовала анатомию сдать, хотя бы на тройку, угу, — бормотал Денис себе под нос. Ни в коем случае не громко. А то «ты сама бы» зацепится за «да на себя посмотри», и покатится ссора, как снежный ком с горки. Какой смысл ссориться, если и так все вполне понятно и грустно?

Из института вылетел, отслужил в армии. Когда попробовал восстановиться, выяснилось, что почти все забыл — химия и биология подозрительно быстро выветрились из головы под аккомпанемент вышагиваний по плацу. Пока тыкался туда-сюда, пытаясь пойти учиться хоть куда-нибудь, хотя бы в педагогический, жена потихоньку закипала. Еще бы — жили на ее деньги. А много ли швея на фабрике получает? Родители вовсе не горели желанием помогать: парень взрослый, уже успел жениться, в армию сходить — пусть сам вертится.

В итоге единственным проблеском в темноте безденежья оказался завод. Не шарикоподшипниковый, конечно, и даже не сельхозмашиностроения, а — возвышенно! — вертолетный, но душу Денису это не грело. По крайней мере, раньше он даже и представить себе не мог, что придется работать слесарем. Пусть даже сразу — третьего разряда.

— Эй, чего встал? — похлопал его по плечу мастер. — Выбирай шкафчик, переодевайся — и айда в цех. Вон в том углу свободных побольше будет.

Денис вынырнул из невеселых мыслей, кивнул и стал осматриваться. У стены стояла длинная скамейка, над ней нависали шкафчики. Металлические, с чуть облупившейся местами серой краской. Ближе к углу комнаты двери многих были «гостеприимно» распахнуты. Денис вздохнул и пошел в сторону ближайшего. Повесил в него куртку, начал переобуваться и уловил какой-то странный сладковатый запах. От него веяло чем-то на редкость знакомым, почему-то вспомнился первый курс института... Но додумать цепочку ассоциаций не получилось.

Прогудела сирена, мастер прикрикнул: «Первый рабочий день с опоздания начинаешь? Ну ты и ...» И Денис поспешил за ним в четвертый цех, где ему предстояло постигать азы слесарной профессии.

Единственное, что радовало Илью Гвоздарева — Федор Михайлович, начальник цеха, не был таким убежденно-упорным работником, как профессор в медицинском институте. Когда Илья заикнулся о том, что ему велено брать пробы воздуха каждый час на протяжении всех трех смен — завод работал по полному циклу, не останавливался даже ночью, — Федор засмеялся и снисходительно похлопал собеседника по плечу.

— Пятилетке — наш ударный труд? — хохотнул он. — Ты ж загнешься через неделю такой работы. У нас вон самые упорные — и те не больше полутора смен вкалывают, а ты что, ночевать здесь собрался?

— Нет, но...

— Вот и не вздумай. Как же ты собираешься продуктивно науку двигать, если дойдешь до состояния зашпанного вареного рака?

Воображение тут же подкинуло Илье прекрасную в своей абсурдности картину. Гигантский вареный рак — почему-то в очках и с портфелем — вваливался в каби-

нет профессора Сереброва и со стоном «Я больше не в силах проводить измерения...» валился на пол и засыпал. Профессор в ярости начинал колотить кулаком по столу, в ответ же ему раздавался громopodobный храп.

— ...Спрашиваю — тебе же будет достаточно работы только в две первые смены? — Федор Михайлович вопросительно смотрел на Илью. Тот обрадованно закивал. — Можешь даже пораньше уходить домой. Часов в восемь вечера.

Совесть Ильи сделала последнюю попытку вступить за научную достоверность:

— Но что же все-таки делать с ночными пробами? Может, мне пару раз все же остаться?

Федор Михайлович в ответ рассмеялся и подмигнул Илье:

— Да расслабься, парень! Что я, не знаю, как на самом деле работа делается? Напишешь примерные значения — и дело в шляпе! Оно тебе надо — вечерний пропуск дополнительно выбивать, дома ночами не появляться? Глядишь — жена заругает...

Последний аргумент окончательно усыпил бдительность совести и загнал ее в самый дальний угол. Потому что жена и в самом деле была вовсе не рада предполагаемому графику аспирантской работы мужа. И очень искренне, в унисон с Ильей, уже научилась звать профессора Сереброва не как-нибудь, а натуральным чудовищем.

— Федор Михайлович! — Денис осторожно тронул начальника за плечо. Тот наконец оторвался от созерцания грохочущих станков и обернулся к новоиспеченному рабочему.

— Чего тебе?

— У меня тут... в записке служебной написано — «работы на высоте». Это как?

— Видишь под крышей стропила металлические? Их надо проверять на прочность — простукивать и ос-

матривать. Или к верхним окнам добираться и протирать их.

— Так я не знал, что придется этак... — Денис замялся. — Высоты я боюсь. Очень.

— А-а, вот оно что, — вместо того чтобы рассердиться, начальник добродушно рассмеялся. — Делов-то. Молодец, что сказал. Просто не будем тебя посылать наверх, и все. А служебная записка — это же для формы, сам понимаешь.

Денис обрадованно кивнул и, насвистывая, пошел на свое рабочее место. Не то чтобы работа начинала ему нравиться, но хотя бы высота ему больше не угрожала — и то хорошо.

— Странно! — Илья в третий раз проверил записи и не нашел ни одной ошибки. Значит, закономерность была не плодом его фантазии, а вполне достоверным фактом. — Единственный перерыв в работе завода — с четырех до шести утра. В это время как раз отстаиваются станки, убираются и проветриваются цеха.

— И? — Профессор нетерпеливо постучал ручкой по столу.

— И я, когда начинал измерения, считал, что самый чистый воздух в рабочих помещениях завода будет по утрам, в первую смену. Однако почему-то все наоборот. Лучшие условия труда — во второй половине дня, ближе к вечеру. Здесь у меня записаны самые хорошие показатели. А утром, наоборот, гораздо хуже. В воздухе очень высокая концентрация пыли, а также следы сероводорода, метана и аммиака...

— А ночью? — Серебров обладал удивительной способностью задать всегда самый неприятный вопрос в нужный момент.

— Э-э-э... — Илья на мгновение замялся и сделал вид, что ищет нужную страницу в альбоме фиксации показаний. — Ночью воздух такой же чистый, как и вечером. И почему-то к утру постепенно портится...

— Постепенно портится? — Профессор показательно всплеснул руками и посмотрел на Илью так, как будто тот ляпнул на экзамене, что человек произошел от жирафа. — Гвоздарев, у тебя там от близости к рабочему классу ум за разум заехал? Особенно мне нравится это слово «почему-то». В науке не может существовать никаких «почему-то»! Либо «еще не выяснил, но обязательно выясню», либо «я слишком туп для того, чтобы защитить диссертацию — поступление в аспирантуру было ошибкой». Какой из вариантов тебе больше нравится?

— П-п-первый. — Илья быстро захлопнул альбом, собрал со стола листочки со своими расчетами и начал поспешно отступать в сторону двери. Спиной вперед, чтобы ни на секунду не упускать «чудовище» из виду — а ну как бросится? — Я обязательно выясню, Петр Алексеевич. Все выясню.

— И чтоб никаких подтасовок данных, слышишь, Гвоздарев? — Этот вопрос настиг аспиранта, когда он уже со вздохом облегчения осторожно закрывал за собой дверь кабинета.

— Слышу, — обреченно прошептал он и подумал, что профессор упустил в своей классификации самую правдивую и достоверную формулировку — «черт дернул меня пойти в аспирантуру именно к Сереброву!».

Пятно на полу напоминало картинку из учебника по судебной медицине. Студенческая стезя Денису в свое время не удалась, но судебку он любил и с удовольствием даже ходил в кружок на дополнительные занятия. И учебник весь прочел не из-под палки, а потому что действительно интересно.

Он присел и осторожно, не снимая рабочей перчатки, потер край пятна. Потом поднял руку к лицу и стал рассматривать кончик пальца. Вроде ничего. Осторожно понюхал. И опять уловил тот самый странный запах,

что насторожил его в первый день перед самым началом работы. Противный, приторный...

— Агеев, ты что тут делаешь? — Голос начальника раздался за плечом, как раскат грома. Денис поднялся, отряхнул колени:

— Да вот, смотрю, не надо ли нашим уборщикам выговор объявить. Мы в три смены трудимся, а они не убирают...

— Не лезь не в свое дело! — обычно добродушный, Федор Михайлович на этот раз почему-то чуть ли не метал молнии. — А лучше возвращайся на свое место. Что там у тебя с планом, а? Бригаду подвести хочешь? Молчишь? То-то. Иди и работай.

Денис отошел от начальника на несколько шагов, воровато обернулся — не смотрит ли тот — и еще раз принялся. Ошибки не было, от перчатки исходил самый настоящий трупный запах, известный каждому студенту мединститута, который прилежно проходил практику в морге. А форма пятна на полу и вовсе не оставляла никаких сомнений — несколько часов назад там лежал труп. Судя по брызгам вокруг — ставший таковым из-за падения с большой высоты. С тех самых строил под потолком.

Но самым странным было не это. Денис уже начал работать, но руки продолжали дрожать, а в мозгу стучалась шальная привязчивая мысль — как случилось, что мертвец пролежал на полу рабочего цеха столько времени, чтобы успеть начать гнить?..

— Все уволены! — Федор Михайлович неистовствовал в отделе кадров. — Все, кто убирал цеха в прошлую смену.

— По какой причине?

— Невыполнение служебных обязанностей! А если вдруг там окажутся какие-то «ценные работники» предпенсионного возраста или матери-одиночки, срочно придумайте что-нибудь! Переведите в другие цеха, пе-

реквалифицируйте в дворников ближайшего микро-района. Главное — чтобы ни одного из них здесь больше не было! Если увижу — удушю своими руками.

Через пять минут, выходя из отдела, начальник четвертого цеха стукнул дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Близилась дата очередной встречи с научным руководителем, и настроение у незадачливого аспиранта Гвоздарева с каждым днем все больше портилось. И дело было даже не в том, что порой ему снился кабинет профессора, больше похожий на зловещее логово, в котором таилось огромное зубастое волосатое нечто — вроде чудища из мультика об «Аленьком цветочке», которым Илья засматривался в детстве. Пугала не только предстоящая экзекуция и лекции о том, что он не сотрудник кафедры, а позор советской науки. Больше настораживало то, что, похоже, весь мир ополчился на Гвоздарева и поставил себе задачу никоим образом не допустить его до успешной работы.

Все его попытки сделать пропуск для посещения завода в третью — ночную — смену походили не на обычную бумажную рутину, а на безуспешный процесс пробивания бюрократической стенки собственной головой. Илья раз десять переписывал заявление, чтобы оно было «по форме». Потом никак не мог поймать начальника цеха, без подписи которого бумагу отказывались заверять. Когда же поймал — сразу же пожалел об этом.

— Не подпишу! — коротко отрезал Федор Михайлович.

— Почему?

— Государственная комиссия у меня! Надо план выполнить и цеха в порядок привести. Ночью тут самый аврал. А тут ты под ногами у всех путаться будешь — мне оно надо?

— Но...

— Никаких «но»! Разве что принесешь мне от своего начальства официальную записку, где будет сказано, по каким таким причинам я должен пустить тебя в цех ночью. Тогда и поговорим.

— Хорошо... — пробормотал Илья сквозь зубы, понимая, что никакого «хорошо» не получится. Ведь, чтобы раздобыть подобную бумагу, придется признаться в том, что все предыдущие результаты ночных измерений были фикцией, подтасовкой результатов... Реакцию профессора Сереброва на подобное признание можно было представлять только в страшном сне, держа для храбрости в руках топор. Испробовать же в реальности на собственной шкуре гнев Петра Алексеевича аспиранту хотелось меньше всего.

Он шел по цеху и от злости рвал свое заявление на пропуск на мелкие кусочки. Их вырывало из рук и относило в сторону ветерком... Стоп, ветерком. Илья остановился. Дуло откуда-то сверху. Он поднял глаза и улыбнулся. Под потолком виднелись несколько приоткрытых окон, к которым вели широкие, прочные стропила.

Гвоздарев быстрым шагом вышел на улицу и задрал голову. Великолепно! Сбоку к зданию четвертого цеха примыкала пристройка, с крыши которой вполне можно было проникнуть в окно. А снаружи на стене пристройки насчитывалось аж две пожарные лестницы. «Нет, ну а что, зря я альпинизмом занимался?» — пробормотал Илья себе под нос и потер руки.

На следующий день он предупредил жену о том, что останется в ночную смену, выслушал порцию сочувствия пополам с негодованием и отправился на ставший уже привычным завод с мотком веревки под мышкой, чувствуя себя бесстрашным борцом во славу научной истины.

Денис осторожно выглянул из туалета в коридор. Никого. Он облегченно вздохнул и, стараясь переступать бесшумно, направился к раздевалке. Ночная смена, судя по времени, должна была уже переодеться и

отправиться в цех, и никто не помешает ему тщательно осмотреть подозрительные шкафчики, а точнее — обнюхать.

Нельзя сказать, что Денис не ушел после окончания смены домой исключительно из любопытства. Конечно, загадка «мертвецкого пятна» на полу и трупного запаха не давала ему покоя, но он вряд ли остался бы здесь на ночь, если бы не очередная ссора с женой.

Слесарь и швея-мотористка — образцово-показательная трудовая семья, не поспоришь, но как трудно порой заглядывать в абсолютно пустой холодильник, когда хочется чего-нибудь вкусенького, и не срываться друг на друга по этому поводу. Как грустно вкалывать по выходным на даче, когда вместо этого хочется просто полежать перед телевизором с газетой... — а ничего не поделаешь, без дачи совсем впроголодь получается. Оба уставшие. А где усталость — там злость, которой, конечно, требуется выход. Вот и ссорились, а как иначе?

Денис любил ее и не хотел терять. И обижать не хотел — тем более. Поэтому, чтобы не раздувать ссору и не наговорить лишнего, буркнул: «Я в две смены, вечером не жди», — и за дверь, только его и видели. А там, глядишь, соскучатся друг по другу, к утру обида забудется — и дальше тащить любовную лодку по сухопутному быту. В надежде, что когда-нибудь впереди все-таки блеснет вода.

Оконное стекло блеснуло в лунном свете, и стукнула закрывающаяся рама. Илья в который раз похвалил себя за то, что решил не ждать снаружи, спрятавшись за выступом здания, а при первой же возможности пробрался внутрь цеха и угнезвился на стропилах. Окна на ночь, как оказалось, закрывались. Более того — запирались.

Прождав несколько минут и не услышав больше никаких подозрительных звуков, Гвоздарев достал из сумки приборы для замеров и стал проворно расставлять

их на широких железных конструкциях, стремясь успеть до прихода третьей смены на рабочие места.

«Сейчас расставлю, — думал он, — потом, когда у них перерыв будет, сниму показания первый раз, ближе к утру — второй... Если получится, и в промежутках погляжу на ближайшие приборчики...»

Но тут взгляд его упал вниз. Вслед за взглядом на бетонный пол чуть не полетел газоанализатор — настолько увиденное поразило и испугало Илью. В сравнении с картиной, которая открылась его глазам, самые страшные фантазии про чудовище в шкуре профессора Серебровва показались доброй сказочкой про аленький цветочек.

В цех один за другим входили мертвецы. Они двигались, как изломанные куклы на ниточках в руках неопытного кукловода. Они раскачивались и спотыкались при каждом шаге. Подходили к станкам, мелко трясли головами, запускали машины. Начинали работать — на удивление быстро, не отвлекаясь по сторонам и расходуя энергию только на скупые механические движения.

Мертвецы не переговаривались между собой, не шутили и не уходили на перекур. Они не ухмылялись друг другу истлевшими губами, не почесывали в прогнившем затылке черными руками и не одергивали на себе грязные рабочие спецовки. Наверно, это были идеальные работники — ничего лишнего в ходе производственного процесса.

А еще они пахли. Черт побери, как они пахли!

Илья, сжавшись, забился в самый угол и дрожал. Ожили самые сокровенные страхи из раннего периода студенчества, когда однокурсники высмеивали «труса Гвоздарева». А его просто тошнило, стоило только ступить на порог морга. Он мог ассистировать на любой, самой кровавой операции, но от вида и «аромата» препаратов Илью выворачивало наизнанку...

Неожиданно трупный запах стал еще сильнее. Откуда-то сбоку и снизу послышался шорох. Илья медленно повернул голову и увидел, как на стропила — по

железным скобкам, вделанным в стену цеха, — поднимаются двое зомби. Смотрят на Илью. Причавкивают гнилыми ртами. И сжимают в кулаках массивные деревянные молотки...

Гвоздарев истошно закричал.

Денис открыл чужой шкафчик, из которого пахло особенно плохо, только с третьего раза. До этого проволочка соскакивала, а тут — зацепилась за собачку. Новоиспеченный взломщик осторожно потянул дверцу на себя... и разочарованно вздохнул. В шкафчике было пусто. Очень грязно — на дне какие-то маслянистые разводы и черная пыль — но абсолютно пусто. Похоже, если что-то здесь и лежало, то это «что-то» уже отсюда вынули.

Вдруг в спину ему ударил крик. Даже не крик — вопль нечеловеческого ужаса. И доносился он — дробясь в десятки эхо, отражаясь от стен — со стороны цеха. Денис уронил самодельную отмычку на пол, захлопнул дверь шкафчика, в три прыжка добрался до двери, пробежал короткий коридор, ведущий к рабочим площадям, заглянул в цех. И схватился за сердце, отшатнувшись назад и чуть не упав.

К выходу из цеха сломя голову бежал Илья. Каким образом он ухитрился буквально в доли секунд закрепить страховку на стропилах и сигануть вниз, аспирант не сказал бы и под страхом смерти. Тем более что смерть как раз бежала за ним по пятам — не очень быстро, но массово и неотвратно. Самое ужасное было в молчании преследователей. Гулко стучали удары ботинок о бетонный пол, слышался шелест спецвоков, раздавались хрипы и противный хруст — но ни крика «Стой!», ни даже обрывка сбившегося дыхания.

Илья чуть не налетел на Дениса, но обошлось, и через мгновение они убегали уже вдвоем. На поворотах в коридоре зомби были особенно неловкими, поэтому преследуемым удалось немного оторваться.

— Дверь! — вскрикнул вдруг Денис и чуть не споткнулся. — Думаешь, проходная открыта?

Илья прохрипел в ответ какое-то очень нехорошее ругательство. Из интонации следовало, что вариант с закрытой проходной он вполне допускает, и данный вариант ему очень и очень не нравится.

— Бежим налево! — Денис дернул Гвоздарева за рукав. — Там окно!

— Где?

— В конце коридора, на лестничной площадке!

— Решеток нет?

— Не помню!

Решеток на окне не оказалось. Денис еще на бегу стянул с себя спецовку, навернул плотным «коконом» на правую кисть и, когда подбежал, сразу же двинул по стеклу с размаху, отворачиваясь и закрывая лицо локтем другой руки. Потом стал оббивать осколки по краям короткими точными ударами.

Илья тяжело дышал, сплевывал кровавую пену — спрыгнув, он сильно прикусил язык — и то и дело оглядывался через плечо.

Когда же в конце коридора показались мертвяки, он коротко вскрикнул и ринулся в оконный проем, несмотря на то, что еще не все осколки были убраны, и распол себе плечо. Слесарь чертыхнулся и прыгнул следом. Они поднялись и побежали сначала к ближайшим воротам, потом Илья стукнул Дениса по спине и что-то прокричал.

— Что? — переспросил тот.

— Ворота наверняка тоже заперты, сам подумай!

— И куда нам тогда?

— К южной стене! Там завод граничит с училищем ракетных войск!

— Там же колючая проволока?! Не перелезем!

— Дурак, там часовые! Начинай орать — пусть встретятся!

— И хорошо бы, а то прикинь — ЭТИ вырвутся наружу, в город?

Вместо ответа Илья набрал побольше воздуха и закричал. Через секунду к нему присоединился Денис.

Несколько окон солдатского общежития выходило на территорию вертолетного завода. Обитатели этих комнат считались неудачниками — смотреть на унылые серые корпуса в редкие минуты отдыха было гораздо скучнее, чем на проспект Октября, где ездил транспорт и даже временами прогуливались красивые девушки. Однако в эту ночь неудачники разом превратились в героев — ведь именно они заметили надвигающуюся опасность, о которой потом десятилетиями — шепотом, в глубочайшей тайне — рассказывали новичкам-новобранцам. О том, как двое рабочих, закинув веревку и чудом зацепив ее за колючую проволоку, лезли на стену. Как страшно они орали. Как один из них не удержался — видимо, из-за свежей раны на плече — и упал на землю, как раз под ноги толпе ходячих мертвецов.

Как они рвали его, еще живого, на клочки, и с хрустом, от которого кровь стынет в жилах, выворачивались кости из суставов. Как висящий на стене парень скулил и в ужасе орал: «Ну, стреляйте, стреляйте же, сволочи!!!»

Потом трупов стали расстреливать, но им это было — как мертвому припарка. Они просто стояли под стеной, раскачивались вонючей серой многорукой массой и хрипели. Весь личный состав части смотрел на них из окон, дежурные офицеры стреляли, мертвяки не уходили, а парень — висел.

Позже, уже ближе к утру, к стене подвезли баки с горючим, вытянули их наверх и вылили соляру на мертвецов. И подожгли. Трупы горели молча, изредка один за другим оседая на землю горами обожженного тряпья.

Потом дежурных офицеров вызвали в штаб, а самые бравые солдаты вылезли из окон и помогли рабочему-

«висюну» взобраться на стену. Отхлестали его по щекам, проводили до проходной, представили запившим и не ушедшим в город до комендантского часа родственником — и скатертью дорожка. Уж больно у парня вид был жалкий — губы дрожат, всего передергивает — с головы до ног — и приговаривает только: «Домой пустите!» А больше ни слова из него не вытянешь.

Часов в семь утра весь личный состав РАУ на учения отправили — за город. И держали там месяца полтора, все мозги марш-бросками промыли и нарядами вне очереди заглянцева. Иной солдат к концу учений родную маму толком не помнил — не то что каких-то там мертвецов. Которые, может, ему и вовсе привиделись.

К Денису домой комиссия с завода приходила. Спрашивали жену его, Арину, почему, мол, муж ваш на работу не выходит? А шел ведь на следующий разряд да на перевыполнение плана...

Арина в ответ в слезы, ревела на чем свет стоит, на горькую женскую долю жаловалась: «Запил! Как есть — запил, скотина этакая!» В подтверждение ее слов от Дениса сивухой несло метров за пять. Что с алкоголика возьмешь? Поразили на партийных собраниях, вынесли выговор и отстали.

На завод Денис больше не вышел. Пролежал дома чуть ли не пластом месяца полтора, потом перестал каждый день по две-три бутылки беленькой глушить, чуть оклемался.

Родственники и соседки Арину за глаза жалели, советовали — брось ты его! Бездельник, безработный, пьяница! Но Арина только плечом поводила и губы поджимала, не брошу, мол.

А Денис тем временем засел за книги. Полгода химию и биологию долбил, потом на комсомольские собрания ходил — каялся и стучал себя кулаком в грудь. Исправлюсь, говорил. И восстановился-таки на первый

курс мединститута. Почему-то жена перестала его пилить и гнать на работу, а сказала: «Отучишься, получишь место хорошее — вот заживем тогда...» Еще улыбнулась мечтательно.

Серебров Петр Алексеевич был в ярости, когда его аспирант пропал. Да не просто пропал — а, говорят, сбежал от жены и работы, в другой город, с какой-то уборщицей заводской! Нет, явно у парня ум за разум заехал.

В том же месяце, когда Гвоздарев пропал, отмечали юбилей кафедры санитарной гигиены. И, расчувствовавшись, подвыпивший профессор жаловался коллегам: «Что за напасть такая! Проклятие, не иначе! Как только аспирант толковый попадется мне, с блеском в глазах, не дурак — так ни в какую не может защититься. То под автобус попадет, то на производстве несчастный случай, если девушка — так непременно забеременеет. Или, чтоб недалеко ходить, Илья, подлец, — сбежал! На диссертацию наплевал, на любовь уборщицы какой-то променял — можете себе представить, а? Зато если середнячок, троечник какой приходит, не умеющий в дело хорошо вникнуть, — на ура защищается». Главный санитарный врач Ростова, друг и ученик профессора, сочувственно кивал, подливал Петру Алексеевичу коньяк и мягко говорил: «Дались тебе эти концентрации загрязнений на материале заводов. Может, займешься учебными заведениями?..»

Через пять лет, на последнем курсе Денис Агеев блестяще сдал курс гигиены самому страшному профессору Сереброву, которого студенты за глаза называли зверем.

— Отлично, молодой человек! — сказал Петр Алексеевич и пожал руку Денису. — Еще не думали о карьере в науке?

— Признаться, нет, — отозвался тот.

— Я был бы рад видеть вас своим аспирантом. Подумайте. Перспективы блестящие. Наша кафедра недавно начала заключать хоздоговора с предприятиями, вы сможете не только заниматься научной работой; но и зарабатывать хорошие деньги.

— Что за договора? — заинтересовался Денис.

— Помогаем заводам аттестоваться перед госкомиссией. Определяем предельно допустимую концентрацию вредных примесей в воздухе рабочих цехов...

— Ох, нет, спасибо. — Парень резко выдернул ладонь из рук профессора и несколько секунд внимательно разглядывал свои пальцы. Потом почему-то их понюхал. — Извините, ничего личного. Просто я боюсь чудовищ.

ЮСТИНА ЮЖНАЯ

У МАШИ ЕСТЬ БАРАШЕК...

Тетка Анисья прижала ладонь сильнее, коротенькие пальцы впивались в живот. Тоня тихо ойкнула, дергаясь назад.

— Не порскай ты, погодь. — Ладонь прошлась с боков, подлезла под низ выпирающего пуза. Еще больше посмурнел взгляд. — Все, Антонина, не чую я его. Мертвенький как есть. Иль травки пей, чтоб вытолкнуть поскорее, иль езжай до Савиновки, оттуда, мож, кто до центра подбросит. Там дом родильный, говорят. Порежут тебя и вытащат дите, иначе гнить начнешь, как яблочки по осени.

Тоня шарахнулась в угол.

— Типун вам, Анисья Михална! Не мертвенький он... совсем нет!

— Да как же не мертвенький, когда и не толкается уж давно. Я, чай, не первого принимаю, знаю, что говорю. Пей отвар, коли к доктору не хочешь. Али помирать собралась?

— А вот и толкается! — с обидой в голосе воскликнула Тоня, обхватывая живот руками и отодвигаясь от тетки еще дальше.

— Дык сама ж сказала.

— Мало ли что сказала! Толкается, и все тут.

— Вот дура девка... — немедленно завелась Анисья.

Но баба Галя, до того стоявшая у стены, подхватила тетку под руку и поволокла на крыльцо.

— Пойдем, Михална, пойдем, дай ей вздохнуть-то, поплакать спокойно.

Вернулась Галина Дмитриевна уже одна, села рядом с дочерью. Скрипнула разохшаяся кровать. Тоня глядела в пол, машинально расправляя шерстяное платье.

— Ма... — пробормотала она. — Что ж делать-то?

Баба Галя вздохнула. До Савиновки добираться километров пятьдесят, не меньше. Телега с лошадьёю в их деревне только у дядьки Захара — а куда он поедет, ежели вторые сутки горькую хлещет? Как всегда по осени, началось у него. Теперь еще месяц не дождешься. В Савиновке-то машины есть, но не пешком же до нее топать. А оттуда до «центра» еще километров двести с лишним.

— Сама-то как? — спросила Галина Дмитриевна.

— Не хочу, — шепнула Тоня. — Живой он. Живой... наверное.

Баба Галя вздохнула еще раз.

— Может, и живой. Особенно, если отец его...

— Да нормальный отец. — Тоня вскочила, но тут же с кряхтением опустилась обратно. — Человек как человек... был.

— Ладно, ладно, — примирительно кивнула мать. — Утро вечера мудренее, завтра, глядишь, и разберемся.

До завтра ждать не пришлось. В ночи скрутило так, что Галина Дмитриевна, накинув поеденную молью кофтенку и сунув босые ноги в резиновые сапоги, побежала за теткой Анисьей.

— А говорила я, — ворчала та, подкладывая под роженицу чистую простынку. — Воду нагрела? Тащи сюды.

...Перерезав пуповину, Анисья подергала дите так и эдак, подняла за ножки, шлепнула по попе. Буркнула:

— Не дышит.

Тоня приподнялась на локтях.

— Кто там, тетя Анись? Ну скажи, кто?

— Девочка.

— Покажи...

— Не надо тебе.

— Покажи!

Повитуха сурово поджала губы, подняла младенца повыше. Серая кожа, ни крика, ни вдоха. Сердце и то давно не стучит.

— Поглядела, и будет тебе.

Анисья опустила трупик. Глазки девочки открылись, внимательно уставились на Анисью. Вместо плача слышался хриплый кашель. Повитуха вздрогнула, сглатывая комом застывшую слюну.

— Мать Божья. Жива, что ль?

Серая кожа... ни крика... ни вдоха... сердце и то давно не стучит...

— А-а-а!

Уронив девочку на кровать, Анисья вжалась в стену, истово перекрестилась.

— Знать, правду Глашка балакала! Лешачья дочь!

Еще с полсекунды выпученными зенками она пялилась на моргающий труп и выскочила за дверь.

— Что там? — Тоня потянулась к новорожденной.

— погоди, — решительно отстранила ее баба Галя. — Сначала тобой займемся.

Девочка лежала тихо, как мышка в мышеловке. Такая же серенькая и неживая. Женщины сидели рядом. Смотрели, как ворочаются туда-сюда прикрытые веками глазки, как шевелятся ручки с крохотными пальчиками землистого цвета. Время от времени баба Галя

прикладывала руку к маленькой груди, но та не вздымалась.

Не дышит. Совсем не дышит.

— Ма, что ж делать-то? — слово в слово повторила Тоня вопрос, который уже задавала вчера. — Может, того... — голос у нее стал совсем слабым, — подушку на лицо? Мертвая же.

Баба Галя строго мотнула головой.

— Нельзя. Живая же.

— Так она ведь...

— Ты ж сама ребеночка хотела. Так хотела, что с первым встречным легла. Ну вот оно, дите твое.

— Так я доченьку хотела, а не... это.

Баба Галя уперла руки в бока.

— А она тебе не доченька разве? Чай, не двадцать уже, чтоб привередничать, к сорока дело. Может, и не родишь больше, бери, что Бог послал.

— Братъ?

— Бери, бери, видишь, дите плачет, кушать небось хочет, а ты, мать-ехидна, даже к груди не поднесешь.

Девочка и впрямь плакала. Беззвучно, отвернув голову от матери. Мокрые капли стекали по мертвым щечкам и падали вниз.

Во дворе раздался шум.

— Идут все-таки, ироды! — воскликнула баба Галя. — Ах, Михална, ну, змея проклятущая...

— Кто, мам?

Та ее не слушала.

— Так, дите к груди давай, — скомандовала она. — И не жмись, не жмись... — она сдернула рубашку с дочерней груди. — Мужики будут, пусть плятятся.

Выскочила на крыльцо.

Толпа из пяти мужиков и семерых баб ввалилась за калитку, потрясая вилами, дробовиками и самодельными факелами (электрификация всей страны до деревни, конечно, добралась, но понесла на этом пути значительные потери; да и правильной оно, с факелами-то, исконней!). Ввалилась громко, однако не очень уверен-

но и тут же замерла, завидев в руках бабы Гали старенькую охотничью винтовку.

— Чего приперлись, соседушки?

— Тык ведь это... чертенок у вас народился. Лещачья дочь! — заявил дед Лукьяныч. Самый смелый, видать.

— Сам ты черт лысый! Дите у нас как дите. Ну, серенькое, да, но живое же. А вам бы лишь воду мутить.

— А ты покажь! — крикнула, вылезая из-за спины мужа, Глашка, здоровенная бабища с серпом наперевес.

Вот стерва окаянная.

— А и глядите. Только вилы бросьте, не пуцу иначе.

Любопытство пересилило страх. Бабы и мужики осторожно потянулись в дом. Заходили и замирали на пороге. Тоня сидела на кровати, пугливо прижимая дочь к пухлой груди. Девочка мирно почмокивала губами. Тонкими, синенькими. Но чмокала же... И пахло от нее... да никак от нее не пахло. Ни мертвечиной, ни гнилью какой.

Новоявленные инквизиторы растерялись.

— Это, — наконец сказал Лукьяныч. — Тык обычная, что ль?

— Да глянь на нее, какая ж обычная! Подрстет, нас всех сожрет! — Глашка погрозила дитю вздетым кулаком.

— А ну мне тут руками махать! — прикрикнула на нее Галина Дмитриевна, качнув винтовкой. — Сама всех посожрешь скорее, чем девка Тонькина.

Бабы захихикали. Не в бровь, ой, не в бровь!

— Тык, говоришь, не будет жрать, значит? — сощурился дед.

— Нет, — отрезала баба Галя. — Дите и есть дите. Неужто младенца угробить хотите?

Почесав затылок, Лукьяныч вздохнул, выпрямился.

— Мы, конечно, техникумов, как ты, не кончали, может, тебе и видней. Только ежели выживет, к нашим чтоб не лезла.

— Не полезет.

Не опуская винтовки, баба Галя принялась выгонять дорогих гостей.

Спровадив всех, уселась на стул, подкрутила радио так, что из него затрещал бодрый Утесов.

— Ма.

— Чего, доча?

— Как звать-то ее будем?

Тоня кивнула на младенческое личико. Баба Галя прищурилась.

— Глазки у нее серенькие... вылитая прабабка. Машенькой назовем. — Она тяжело поднялась, подошла ближе, погладила крошечную дитячью головку с пушком светлых волос. Прошептала внучке: — Ты не переживай, деточка, не переживай. Наладится все. Ну и что, что мертвенькая, ну и что, что лешачка. Все ж таки не чужая...

* * *

Маша подняла глаза. Оглядела обидчиков. За что, мол? Шла, не трогала.

— Иди, иди! — заорал Артемка и наклонился за вторым камнем. — В землю заройся, червяков корми, а к нам не приставай!

— Пошла вон, мертвячка! Чтоб у тебя нос отвалился! — Олеська расхохоталась собственной шутке и вслед за братом швырнула в девочку щепенкой.

Маша развернулась и пошлепала обратно к дому. Висок рассечен. Баба Галя говорила, чтобы она не смела гулять пораненная. Мало ли, кровь не течет, зато «инфекцию подхватить, как траву посадить».

Дома, поохав, Галина Дмитриевна усадила внучку на стул, достала нитки с иголкой и принялась зашивать порез.

— Сколько можно повторять, не ходи мимо Тимофеевых. Обогни по оврагу. Подумаешь, собаки лают. Они на цепи все, а этих сорванцов разве на цепь посадишь? Так и будут обижать тебя.

Она отрезала нитку и счесала прядку волос с темечка, прикрывая шов.

— Да, бабушка. — Маша слезла со стула. — Можно мне на чердак?

— Иди, детка.

Галина Дмитриевна оглянулась на Тоню, провожавшую дочь затравленным взглядом.

— А ты не сиди сиднем, обедать давно пора. Машеньке кушать надо, вон какая бледненькая.

Тоня поднялась, откинула крышку подпола, полезла за картошкой.

Бледненькая... Она всегда бледненькая. Шесть лет уже. Растет, ходит, говорит. И не дышит. Тоня накидала клубней в фартук, потащила наверх. Ее мать уже всю орудовала на кухне. Вывалив картошку на газету, Тоня взялась за чистку.

— Мам, она ко мне ночью приступает, — сказала она вполголоса. — Подойдет, стоит и смотрит. Не двигается, только бормочет чего-то иногда.

— Ну и что? — громыхая кастрюлями, отозвалась баба Галя. — Испугался чего ребенок в темноте, к мамке подошел, эка невидаль.

— Она не так смотрит... по-другому. А на чердаке зачем целыми днями пропадает? Заглянешь к ней, сидит спиной, копается перед собой чего-то, а подойдешь, в руках пусто.

— Играет дите. С кем ей еще играть, ежели во всей деревне ни одной подружки? Нормальная у нас девочка. Ты выдумывай меньше!

Тоня не выдумывала.

Большие напольные часы с маятником, дедушкин подарок, оттикали три часа утра, когда она почувствовала — опять. Не шевелясь, глянула сквозь ресницы. Так и есть. Пришла. Стоит. Взгляд блеклый, мутный, как у дохлой рыбы... хотя каким ему еще быть? Нет, ну чего ей надо? Чего?! Ох, надо было с самого начала тетку Анисью слушать.

В ладошке девочки что-то блеснуло. Тоня едва удержалась, чтобы не вскочить и не заорать. Линейка... Господи, пусть это будет металлическая линейка, которой бабушка листы разлиновывает. Пожалуйста. Только не...

Девочка подняла руку.

— Поиграй со мной, мама.

Тоня сжалась в комочек, скованная внутренней душливой волной. Ни двинуться, ни вздохнуть. Да что ж это творится! Родная дочь...

Девочка потопталась еще немного, опустила ладонь. Положила блеснувший предмет на стол и ушла в свой угол, задернув ситцевую шторку. Обмирая и холодея, Тоня спустила ноги с кровати, подкралась к столу.

Линейка?

Тоня судорожно выдохнула, взяла нож за рукоять и убрала на верхнюю полку. Подумав, выгребла из ящика все остальные ножи и, стараясь не греметь, переложила туда же. Затем на цыпочках вернулась к постели и нырнула внутрь, натянув одеяло до самого носа. Заворочалась на соседнем диванчике Галина Дмитриевна, но шторка, отделявшая маленькую Машину кроватку, не шелохнулась. Тоня выдохнула. Все хорошо. Все хорошо. Пока.

Палец отсох. Это было понятно сразу. Что ж она, свою дочь не знает, что ли? Конечно, у нее и обычно то пальчики живостью не отличались, но этот, похоже, умер окончательно. Тоня подвела девочку к свету, еще раз внимательно осмотрела ладонь. Так и есть. Мизинец почернел, кожа обтянула косточки и суставы. Того и гляди, отпадет.

«Кончается, — подумала Тоня. — Совсем она кончается».

Неожиданно всхлипнула. Как бы ни было — дочка ведь. Но да что поделать. Природа берет свое. Знать, Господь решил, что довольно они помучались, пора и отдохнуть. Им всем.

Баба Галя, увидев новую напасть, нахмурилась. Ничего не сказала, перекрестилась только на образа и принялась месить тесто, орудуя на этот раз как-то особо рьяно.

На следующий день, проснувшись, Тоня первым делом позвала Машу, посмотреть, не отвалился ли отсохший палец.

— Мам, гляди-ка! — воскликнула она поражено.

Галина Дмитриевна водрузила на нос очки, склонилась над детской ладошкой.

Мизинец был совершенно такой же, как раньше. Словно и не висел вчера засохшей веткой.

— Вот и славно, — констатировала баба Галя. — Растет наша детка, организм это у нее перестраивается. Зря волновались только.

И направилась к печке, тихонько напевая под нос: «Под деревцем на лавочке в зеленом во саду сидят старушки-бабушки в двухтысячном году...»

Тоня осмотрела дочь еще раз.

На лбу вдруг выступила испарина. Неужели? Нет, не может быть... Она подтащила Машу к себе, до рези взгляделась в злосчастный палец.

Розовый.

Он был розовый. Нет, не как у нормальных детей. Но на фоне привычной серой кожи отчетливо виднелись полоски живой плоти. Тоня прижала ухо к дочкиной груди. По-прежнему не бьется. Утерла лоб рукавом, уставилась на девочку.

— Маша, ты что-нибудь делала вчера?

Та стояла молча, не понимая вопроса.

— Что-то особенное, чего раньше не делала никогда? — уточнила Тоня.

На миг, показалось, Машин взгляд прояснился.

— Вчера я оживила птичку. Ты говорила, птички хорошие.

Тоня замерла.

— Оживила мертвую птицу? Ворону, синичку?.. нет, неважно. Как тебе удалось?

Девочка медленно пожала плечами.

— Прикоснулась. Захотела.

— А сегодня? Ты что-нибудь делала сегодня утром, до того как я проснулась? Тоже особенное. Чего никогда не совершала.

Маша снова замолчала, потом кивнула.

— Я убила мышь. Ты говорила, мыши плохие.

Тоня выпустила дочкину руку.

— Иди, поиграй где-нибудь, детка.

— Можно я пойду на чердак?

— Да... конечно.

Когда та скрылась, Тоня подперла щеку кулаком, вперилась в окно. На улице стояло лето. Утреннее солнце еще не жарило так, как днем, самое время для прополки или чтобы поправить насест у кур... Но женщина все сидела и сидела, наблюдая за покачивающимся от ветра разнотравьем, крадущейся по соседскому огороду кошкой, слушая лай псов, петушиный ор и довольное похрюкивание соседских свиней.

Вечером она привела дочь к курятнику.

— Машенька, помнишь, я тебе говорила, что птичек трогать нельзя, что они хорошие? Так вот, сегодня я разрешаю. Они должны тебе помочь, и тогда они станут не просто хорошими, а прямо-таки замечательными.

Маша смотрела в пол, похоже, не понимала, и Тоня продолжила:

— Видишь вон ту курочку? Пестренькую, с коричневым хвостиком? Детка, убей ее, пожалуйста. Ну, так, как ты с мышкой сделала, помнишь?

Девочка подняла глаза.

— Зачем?

— Так надо, доченька. Эта курочка тебе поможет. Ты же хочешь играть с Артемкой и Олесей? Если ты убьешь курочку, ты станешь немножко похожей на них, не такой... э-э... бледненькой. Они обрадуются и будут с тобой играть.

— Я не хочу с ними играть.

— А со мной? Ты хочешь играть со мной, малышка?

— С тобой хочу.

— Ну вот поэтому надо убить птичку. Она тебе поможет, и мы с тобой обязательно поиграем.

Маша перевела взгляд на пеструшку.

— Да, мама.

Тоня кинулась к курице, в пару ловких движений поймала ее, протянула дочери. Маша взяла птицу за горло и крепко сжала.

Она держала ее до тех пор, пока пестрые крылья не обмякли и тяжелая тушка не повисла в руке кулем. Тоня осторожно разжала дочкины пальцы и, чиркнув спичкой, внимательно их осмотрела.

Да! Вот оно, снова! Кожа на соседнем пальчике тоже порозовела.

Девочке просто нужна смерть. Тогда она оживет.

Тоня удовлетворенно выдохнула — теперь у нее будет нормальный ребенок. Будет. Будет!

Она повернулась к Маше.

— Давай мы с тобой так и станем играть, ладно? Я тебе приношу животных, а ты их убивай. Не оживляй только потом, хорошо, доченька? Если оживишь, они не смогут тебе помочь.

— Да, мама.

Первой, разумеется, забила тревогу ненавистная Глашка. Как же, любимый кролик пропал. Уж она его растила, растила, такой ужин к Новому году обещал быть. Ан, смотри-ка, исчез. И следов никаких не осталось. Вскоре подтянулись и остальные. У кого собака, у кого коза, кто-то поросенка не досчитался.

— Она это, она! — злобствовала Глафира. — Больше никому. Лешево отродье! Жрет небось по ночам да кровь сосет! Зря не прибили чертовку сразу. Пожалели... у, мужичье трусливое!

Тоня отбивалась, как могла.

— Машку не трогайте! — вопила. — У меня у самой кур вон потаскали. Лисы это, говорю вам, лисы! А то и волчара какой бродит. Лучше б мужиков собрали да на

охоту отправили. Капканы поставили бы. А Машка всю ночь дома сидит, не выходит никуда. Окна, двери заперты все! Нечего напраслину на мою девочку гнать!

Отмахалась кое-как. Но что ж делать-то? Продолжить — убьют-таки Машку, как пить дать вилами заколют.

Баба Галя ходила смурная. Раз велела внучке раздеться, осмотрела с ног до головы. Розовела девка, розовела. Сердечко все еще не билось, но и ладошки уже не такие землистые, и пяточки посветлели.

— В соседнее село иди, — наконец буркнула она Тоне. — Там еще какое-то время победокурить можно. А вот что потом делать станешь, не ведаю.

Тоня отвернулась, сжалась плечами.

— Придумаю что-нибудь.

— Не одобряю я этого. Не одобряю, так и знай, — сказала баба Галя и, накинув платок, вышла во двор.

* * *

— Эй! Есть кто? Откройте.

Тишина.

Невысокий, чернявый парень обошел дом, постучал в окошко.

— Василий Лебединский, газета «Желтая правда». Из центра я... Ну, откройте, пожалуйста. Мне соседи сказали, вы дома. Я по поводу вашей девочки. Триста с лишним километров добирался...

Тоня, притаившаяся за дверь, молчала. Ну вот, дождались. Корреспондент из центра! Как теперь Машку упрячешь?

Баба Галя ходила из угла в угол, потрясая кулаками.

— Она все это, она, Глашка! Растрепала в Савиновке, а оттуда и до райцентра добралось. Ладно, — она уперла руки в бока, — поговорю я с ним. Но дверь за мной запири. И Машеньку не показывай. Даже если рваться будет. Сдадут нашу девочку в лабораторию для опытов, тогда поминай, как звали.

Тоня кивнула.

Баба Галя вышла на порог.

— Ну чего ломишься почем зря? Слышим мы тебя.

— О! Здравствуйте! Вы Галина Дмитриевна, так? А меня Василием зовут. По поводу вашей внучки я. Единственный, между прочим, кто согласился в вашу глухомань... простите, деревню ехать. До вас добираться — черт ногу сломит. Можно пройти? Мы про нее заметку напишем, на весь центр прославиться. Не думайте, денег дадим, если что. Но надо бы посмотреть для начала...

— Не тараторь, — сурово оборвала его баба Галя.

Тоня подслушивала под дверь. Нет, ничего этот корреспондент от бабки, конечно, не добьется. Галину Дмитриевну на мякине не проведешь, она и не такие баталии выдерживала.

Так и вышло. Помучившись минут двадцать, парень отправился искать счастья у соседей. Авось из них что вытянуть можно. Из них-то вытянет.

Тоня покачала головой. Ну вот, пришла беда, откуда не ждали.

— Я к вам завтра зайду, — бодро пообещал Василий. — Не думайте, я уже договорился. Переночую вон в том доме, а с утра сразу и наведаюсь.

Баба Галя сдвинула брови, погрозила пальцем, но парень лишь расхохотался.

Ночью Тоня вертелась, не в силах сомкнуть глаз. А ну как действительно придет. И вообще здесь на неделю останется. Шила в мешке не утаишь, да и соседи добрые наверняка все, как на духу, выложили. И про отца сказочного, и про то, что живность пропадает. Отец... знать бы еще, кто Машкин отец. Казался человеком... Тоня вздохнула.

С детства Василию снился «плохой» сон. Он на странном, полуразвалившемся корабле, вокруг никого, лишь бушует шторм, и темень такая, что хоть глаза выколи. Вот огромная волна надвигается на суденыш-

ко, на миг замирает над ним и всей мощью падает, срывается вниз. Маленький Вася заслоняется ладошками, но волна не видит этой хлипкой преграды и сносит его в море, как крохотную щепку. Он задыхается, молотит руками и ногами — утром мама пожурит за сбитую в ком простынь — и в ужасе выныривает на поверхность. Но его беды еще не окончены. Мальчик плывет по морю, а сзади уже нагоняет... нечто. Мокрое, склизкое, большое, с двумя остекленевшими глазами и, самое страшное, с огромными острыми зубами. Призрачная акула! Вася гребет изо всех сил, но чудовище настигает его, мальчик оглядывается и видит лишь холодный, равнодушный интерес хищника. Хищник распахивает пасть, и когда зубы уже почти смыкаются над Васей, тот пищит. Тоненько, жалобно. И... просыпается под верещание будильника.

Сон был очень натуральным, повторялся с завидной регулярностью и портил Василию личную жизнь (какой девушке понравится, когда ее, мирно спящую, внезапным ударом в печень отправляют на пол — тут извиняйся не извиняйся за приснившийся кошмар). Поэтому однажды Василий пришел устраиваться на работу в местную скандальную газетенку. Писать обо всякой чепухе, попробовать «призраков» на вкус. Пока не отпустит.

И действительно, скоро отпустило. А после нескольких статей пришел и азарт. Вот как, например, с этой девчонкой...

Луна едва не ослепляла. Василий поморщился. В такую ночь идти — себя подставлять. Но зудело, зудело неимоверно! Если хоть что-то из вываленного на него деревенскими сплетницами правда, то... Какое там УФО, какие прилипающие к телу ложки. Сенсация века! И утрет он нос тем гадам, что отправили стажера «в поля» без суточных, за свой счет.

Ага, облако. Отлично, теперь можно нырять.

Василий откинул крючок на калитке, скользнул внутрь. Подобрался к самому окошку и прижал ладони

к стеклу, пытаюсь разглядеть что-нибудь внутри. Нет, ничего... Тишина темнота. Парень попереминался с ноги на ногу. Ну а чего он ждал? Мертвых с косами? Ведьм с котлом?

Обычный деревенский участок, обычный дом, обычные люди... с необычными проблемами. Или вовсе без проблем. Соседи и не такого напридумывают. Но ведь не пустила его бабка внутрь. Значит, есть, что прятать. Есть! Или нет? Да мало ли, что там в доме. Может, самогон варит и делиться не хочет.

Прошло минут двадцать — по-прежнему тишина.

Чем дальше Василий стоял под окном, ежась от налетевшего ветра, тем меньше верил в кровавого ребенка-зомби, пожирающего по ночам свиные мозги, в его полоумную мать, в чернокнижные ритуалы, в пентаграммы на стенах, в эти странные мертвые пальцы...

Две крошечные ладошки прикикли к стеклу с той стороны. В набежавшей туче образовался разрыв, лунные лучи осветили землисто-серое личико. Неживые, подернутые пленкой глаза уставились на него с акульим любопытством. Желтые зубы медленно оскалились в улыбке.

Девочка опустила руку куда-то вниз и вновь подняла ее. С ножом. Небольшим, удобным для детской ладони ножом.

— Поиграй со мной, — прочитал он по губам.

Не вопль, не крик... Писк. Нечеловечески громкий писк огласил окрестности. Отпрянув от окна, Василий бросился бежать, но растянулся, запнувшись о какую-то корягу. Или не корягу.

Рядом стояла женщина лет сорока пяти, участливо протягивая ему руку.

— Не ушиблись? Не бойтесь Маши. Вы же хотели ее посмотреть? Так пойдите в дом.

— Я... не... — Парень отползал к калитке. — Я потом. С утраца, как обещал. Сейчас поздно уже.

— Что вы, совсем не поздно. Я как раз уговорила бабушку, она не станет нам мешать. Пойдите. У вас вон

брюки отчего-то промокли, как раз постираете, в порядок себя приведете.

Женщина снова протянула ему руку, но на этот раз в ней было зажато что-то мягкое и пахнущее... пахнущее... Парень вдохнул поглубже, чтобы понять... и провалился в сон.

— Дык уехал он. Сумку свою оставил, технику оставил, а сам ушел, видать, до рассвета еще. Потому как никто его не слышал. А потом, говорят, видели на дороге. В Савиновку небось топал, — Дед Лукьяныч развел руками. — Мож, понадобилось ему чего? Вернется еще, раз сумка-то здесь.

Тоня слушала из-за плетня и цепенела. Господи, как же хорошо, что она с этим журналистиком одного размера. Теперь все думают, что он в Савиновке. Но сумка... как же она про сумку-то не подумала. Ах, ладно уж, дело сделано. Она забежала в дом, закрыла дверь. Маша была там. Стояла возле стола, бабушка крепко прижимала ее к себе.

— Что ж ты наделала, Тонька. Что ж ты наделала. Догадаются ведь, поймут. Человек таки, не животное... Тело хоть перепрячь. Нельзя же вечно его в погребе держать.

Маша развернулась к ней, и Тоня почувствовала, как к щекам приливает кровь.

— Послушай вот, — тихо сказала Галина Дмитриевна, подталкивая девочку к матери.

Тоня опустила на колени, обняла дочь, приложив ухо к груди.

Тук... минута... тук... минута... тук...

— Господи.

Покачнувшись, Тоня завалилась на пол.

— Мама? — удивленно спросила девочка.

Ночью Тоня уснула так крепко, словно лет пять до этого не спала вообще. У нее дочь. У нее нормальная, живая дочь!

Она не слышала скрипа открываемой дверцы подпола, не видела спустившуюся туда крошечную фигурку. Просто толкнуло вдруг что-то, и она открыла глаза.

Рядом стояла Маша. В слабой ручонке был зажат нож.

— Не могу, мама. Ты говорила, люди хорошие. — Она шагнула к ней, заноса лезвие. — Поиграй со мной.

Женщина захрипела, не в силах издать ни звука. Девочка упала на колени, а потом и вовсе рухнула ничком. Тоня вскочила, хватая ее, прижимая к себе.

— Деточка, деточка моя! Зачем же ты так? Я ж для тебя старалась. Ну, зачем же...

Она покачивала высохшее, словно у мумии, тело. Девочка не откликнулась. Девочке понадобилась жизнь, поэтому она умерла.

* * *

Хоронили тайно. Чтобы не возникло лишних толков. И без того деревне разных слухов теперь на сто лет вперед хватит. Один журналист — немой и седой, но живет всех живых, — обнаруженный за околицей, это до зимы разговоров на каждый день.

Вечером баба Галя полезла на чердак. У круглого окошка в дальнем углу лежала смятая тряпка. «То, что нужно, — решила Галина Дмитриевна. — Как раз полы помыть». И потянула ее на себя. Из тряпки посыпались маленькие деревянные фигурки. Страшненькие, корявые, но узнать было можно — вот птичка с прижатыми крыльями, вот мышка — и даже хвостик у нее вырезан на боку, вот кролик, вот коза или барашек какой, а вот человечек лежит — ручки, ножки...

— Деточка моя, — прошептала баба Галя. — Так вот во что ты поиграть хотела. Фигурки вырезала... надо же. Эх у тебя все эти птички-барашки в головушку-то отложились.

Она спустилась в комнату. Посидела у печки, задумчиво вороша угли. Затем встала, сходила в сарай за лопатой, подхватила нож и вышла за калитку.

В лесу у старой коряги остановилась, воткнув штык в землю, прислушалась к чему-то.

— Ну, выходи, выходи, — наконец пробурчала она и пристальным взглядом отследила, как из густого подлеска вылезает невысокий, косматый мужик, бородастый и одетый в рубаху и штаны из мешковины. — Ты, что ль, папаша будешь?

Мужик не ответил, присел, погладил камни, поддерживающие крест, наскоро сколоченный из двух палок. До самого креста не дотронулся.

— Вот и отлично, поможешь, значит, — кивнула Галина Дмитриевна, кидая ему нож. — Руку дочкину поддержишь, как надо.

Она поплевала на ладони и взялась за черенок.

— Нет, Машенька, поживешь ты еще. Это я старая, больная, а тебе жить да жить, моя девочка.

ВЛАДИМИР АРЕНЕВ

ДЕЛО О ДЕТСКОМ ВОПРОСЕ

— Элементарно, — сказала Лисовская. Голос в трубке звучал глухо, как будто она уже уехала по этой своей горячей путевке. С этим своим... очередным каким-то. — Элементарно. Ты же отец? Отец. Разрешение я со своей стороны подпишу. Визу ему откроют — и вперед. На Лондон ребенок посмотрит, сделаешь ему подарок, в кои-то веки.

— Я же не развлекаться туда еду, — сказал Вадим. — Работать, вообще-то.

— А ты всегда работаешь, Вильчук. Ну, значит, договорились...

Андреич, когда узнал, конечно, высказался. Кратко, философично и антифеминно. Трижды разводился, поэтому ситуацию понимал и Вадиму где-то сочувствовал.

— Ладно, — сказал, — придумаем чего-нибудь. Прочь, — сказал, — упаднические настроения. Лисов-

ская твоя — не вулкан исландский, поездку нам не перегадит.

Они еще в прошлом году собирались на ярмарку, но не сложилось: пыхнул Эйяфьядлайокюдль, рейсы отменили. На фирме, конечно, злорадствовали: всем хотелось поехать за казенные бабки, да не все владели английским.

— Знаешь, Андреич, а я ведь из-за малюго язык подтянул.

— Ну вот видишь. Тем более, — сказал Андреич. — Что мы, два взрослых мужика, с семилетним пацаном не управимся? Пусть летит.

И полетел. Лисовская привезла его уже в аэропорт, с вещами: небольшим розовым чемоданчиком.

— Если чего не хватит, — сказала, — докупишь там.

Сашка стоял тихий, спокойный. Чем-то был похож на деда Лисовской: в молодости, на фотографиях, — двадцатилетний поэт-бунтарь с непокорной шевелюрой, со слишком взрослым взглядом. Только вот Сашке было даже не двенадцать...

— Привет, — сказал ему Андреич. — Давай знакомиться. Я — дядя Федор, как в мультике.

Сашка протянутую руку пожал со всей своей обычной серьезностью. Ответил:

— Hello! How do you do, sir?

Андреич крякнул и аккуратно отпарировал в пределах своего недозабывтого школьного инглиша. Когда стояли в очереди на проверку паспортов, шепнул:

— Предупреждать надо, Вильчук. Что за показуха?

— Никакой показухи, он всегда такой.

— Ну что ты мне... От рождения, что ли?

Вадим пояснил: не от рождения — с четырех лет. Тогда, сразу после развода, Лисовская отдала Сашку на курсы английского. «Современный ребенок должен знать языки».

— Уродуют детей, — вполголоса сказал Андреич. — Из лучших, блин, побуждений.

Вадим молча качнул головой. Не хотел сейчас — в очереди, при Сашке — объяснять, что ребенок вообще месяц не разговаривал. Доктора советовали хотя бы на какое-то время съехаться. Они не понимали...

Лисовская решила отдать его на курсы еще и потому, что другая среда, новые люди, вдруг?.. И «вдруг» случилось: Сашка действительно начал говорить — но только на английском. Везде, со всеми; даже с теми, кто английского не знал.

«Хочешь общаться с ребенком — учи язык», — сказала тогда Лисовская.

Теперь вот пригодилось. Андреич в издательском деле дока, но на переговорах толку с него никакого. Как собака: все понимает, а говорить не может. Слово «аутсорсинг» знает, ну и там «здрасьте, рад встрече», это потолок.

В итоге три дня ярмарки они отработали в режиме «разговорчивый/молчаливый партнер». Все немногочисленные встречи были назначены заранее, еще в Киеве; все — на четверг. Едва удалось найти паузу и что-нибудь перехватить здесь же, в одной из кафешек выставочного зала.

Отработав программу обязательную, просто пошли по стендам в секторе научных изданий. Если был свободный от переговоров редактор — здоровались, представлялись, спрашивали, нет ли желания пообщаться, — и рассказывали о фирме, об услугах, оставляли визитки и образцы продукции.

К вечеру язык у Вадима не отлипал от неба.

— Ты, Вильчук, в детстве из коляски не падал? — интересовался Андреич. — Или, может, часто по стройкам гулял? Нормальные люди так не пашут, у них в мозги предохранитель встроен.

Они садились справа от выхода, на подоконник, и минут пять трепались ни о чем.

— Хочешь, чтоб в следующем году опять сюда послали? — лениво спрашивал Вадим.

★ Андрейч фыркал. Бухтел больше для виду; сам вошел в азарт, на переговорах что-то пытался объяснять, кивал: «Давай, переведи им!..»

Во время священных пяти минут Вадим доставал молескин и кратко набрасывал для себя основные итоги дня. Чтобы потом не забыть; чтобы проанализировать и учесть.

Потом шли в гостиницу, благо было до нее еще пять минут неспешным шагом.

В первый день Вадим, вообще-то, не шел — почти бежал. Знал, что Сашка — ребенок самостоятельный, не по годам взрослый; что днями сидит дома один; что никуда не денется (портье предупрежден, не выпустит). Знал — а места себе не находил, улыбался потенциальным партнерам, пикировался с Андрейчем, но все время думал: как там сын?

Они поселились в одной из небольших гостиниц, в старинном доме с узкой винтовой лестницей, номера здесь были недорогие, уровень — соответствующий. Жили на третьем этаже и после дня на ногах поднимались медленно.

Сперва Вадим заметил детские кроссовки на алой ковровой дорожке. Поднял взгляд: Сашка смотрел на него спокойно, задумчиво. Сидел на самой верхней ступеньке, дверь в номер была открыта; подпер ее стулом, чтобы не захлопнулась.

— Ждешь нас?

— Ага, — ответил он по-английски. — Жду.

— А чего здесь?

— Так... тут интересней. Лиза говорит, если сидеть тихо-тихо, прилетает настоящий ворон из башни. Вон туда, видишь, где в крыше окно.

— Из какой башни? Какая Лиза? Идем-ка. — Вадим подхватил его и поставил на ноги. — Сейчас мы с дядей Федором оставим вещи, пять минут посидим-отдохнем и — в город, да, Сашка? Гулять!.. Так что там за Лиза? И ворон?

— Ворон из башни, — повторил Сашка, и Вадим догадался наконец: из Тауэра. — А Лиза... ну, Лиза — у нее волшебный зуб. Если вот так прикусить и загадать желание, сбывается. — Сашка скривился: показывал, как именно счастливая обладательница зуба прикусывает.

— Лиза тоже из Тауэра?

— Лиза из Китая. Она здесь работает, у господина Сингха.

— А он?..

— А он из Индии.

— И чего, — спросил Андреич по-русски, — воронто прилетел?

Сашка сбросил кроссовки, залез на кровать и закрылся книжкой.

— Погода, — сказал, — нелетная. Ветер, слышите.

Ветер действительно был сильный, а потом, когда все втроем шли к метро, и дождь зарядил. Лисовская не догадалась положить в чемодан зонтик, да и вообще не слишком усердствовала; поэтому первым делом поехали докупать Сашке вещи, а потом отправились к Темзе. К тому времени дождь уже прошел, так что не торопясь посмотрели на Биг-Бэн, на здание парламента; все вокруг было подсвечено: и часы на башне, и сама башня, и видневшееся по ту сторону моста Лондонское Око.

— Ну как, интересно? — спрашивал Вадим.

Сын кивал. Иногда улыбался.

На второй и третий день все повторялось: вернувшись, Вадим с Андреичем обнаруживали Сашку на верхней площадке. Лиза из Китая рассказывала ему сказки, признавалась, что волшебный зуб разболелся, а идти к врачу — разрушить все волшебство. Что этажом ниже есть номер, в который вселяется король гоблинов, когда приезжает в Лондон по делам. Входить в этот номер обычным людям запрещено, только Лиза может. А в коридоре (говорила она) висит картина, вроде бы ничего особенного, но на ней изображен Лес Вечной

Весны. Если присмотреться, между стволами, в чаще, можно заметить единорога; но показывается он только тем, кто чист душой.

Все это Сашка рассказывал Вадиму и Андреичу, пока они перекусывали и готовились к вечерним вылазкам.

К самым вылазкам относился почти равнодушно.

— Сегодня, — бодро сообщал Вадим, — мы идем смотреть на собор Святого Павла! Представляешь, Сашка, во время войны немцы его бомбили, а он устоял...

Но что значили все эти его рассказы по сравнению с Лесом Вечной Весны?..

Перед сном Сашка на минутку выходил из комнаты на площадку и глядел в стеклянное оконце на потолок. Ворон все не прилетал.

Вообще-то, тайну Лизы и господина Сингха Вадим раскусил на второй же день — и волшебного зуба не понадобилось. Двое портье, по очереди дежурившие за стойкой, были то ли индусами, то ли малайцами. Семейный бизнес, обычное дело; переговорив утром с обоими, Вадим узнал, что их отца действительно зовут господином Сингхом. А уборщицу-китайку — Лизой.

— Элементарно, — торжествовал. — И никакой мистики.

Андреич хмыкнул и похлопал его по плечу:

— Ты сомневался?

Вадим, конечно, не сомневался. Боялся — да. Лучше пусть Лиза окажется болтливой уборщицей, чем женщиной с волшебным зубом, женщиной, с которой Сашка разговаривает каждый день и которая существует только в Сашкином воображении.

По-хорошему, наверное, следовало бы найти эту Лизу и сделать ей внушение, чтобы не забивала ребенку голову. Вадим не стал. Пусть; если еще пару дней Сашка послушает ее сказки, беды не случится.

— Но странно, — признавался Андреичу, — в кого он такой? То есть я понимаю: в его возрасте дети любят волшебные истории, но представь, он же с четырех лет уже знал, что никакого Деда Мороза не существу-

ет, и вообще по жизни очень прагматичный ребенок. Для его лет — так и чересчур.

— Весь в родителей, а?

— Вроде того. Но при этом, видишь, откуда-то вдруг прорывается...

— Ты в его возрасте не верил в гоблинов?

— Так я, — хмыкнул Вадим, — и в Деда Мороза еще верил. И в любовь с первого взгляда...

Андреич как будто хотел что-то сказать, но передумал.

После закрытия выставки, вечером, обсуждали планы на оставшиеся три дня. Вадим еще в Киеве набросал примерный список: куда и когда нужно сходить. С учетом Сашки добавили океанариум и Лондонское Око.

— Хочешь на акул посмотреть?

Сашка молча кивал из-за своей книжки. Потом выглянул, отчего-то заинтересовавшись новостями. Рассказывали всякую ерунду: завтра Бейкер-стрит на несколько часов будет перекрыта. Услышав об этом, Сашка вздохнул и снова спрятался за книжкой.

На колесе обозрения ему, кажется, понравилось. И в океанариуме, хотя Вадим с Андреичем очень быстро заскучали в бесконечных сумрачных коридорах, подсвеченных оранжевым, бирюзовым, изумрудным... Сашка, впрочем, ни у одного аквариума надолго не задерживался: чуть порассматривает каких-нибудь крабов — и шагает дальше. На пару минут Вадиму даже померещилось, что все это сын делает из вежливости, чтобы их с Андреичем не обидеть. Бред, конечно; не может ребенок быть настолько... таким... — Вадим и слова-то подобрать не сумел.

Единственная заминка случилась в полукруглом зале, оформленном под китайский дворик: стены обклеены бамбуком, вместо потолка — как бы крыша из пальмовых листьев. Здесь Сашка надолго замер, встал над бассейном и чуть ли не дыхание затаил. В бассейне вальяжно парили круглomorphic золотые рыбки, за каждой тянулся волнистый шлейф из плавников и хвоста.

Минут семь Сашка просто стоял и смотрел. Мимо проходили другие туристы, их дети — много старше Сашки — восклицали что-то, взвизгивали, канючили; кто-то смеялся, кто-то по слогам читал ребенку надпись на светящейся табличке, и надо было, наверное, уже позвать сына, хотя бы спросить, все ли с ним в порядке, но Вадим вдруг почему-то решил дать ему время. И Андреич ни слова не сказал за эти семь минут, сидел под стеночкой, на бамбуковой скамейке, стирал с «мыльницы» неудачные фото.

Потом, не обозначив этого момента ни словом, ни вздохом, Сашка обернулся к ним:

— Идем дальше?

Пошли.

Вроде бы ничего не изменилось. За одним залом следовал другой, акулы, скаты, черепахи, рыбы-ангелы... Сашка терпеливо шагал, терпеливо смотрел. В сувенирном магазине Вадим купил ему пазл и альбом про крокодилов, и Сашка поблагодарил, даже по дороге начал листать.

Когда пришли — аккуратно снял и повесил одежду, лег, почти сразу уснул. На боку, лицом к стене.

Наверное, вымотался.

— Ну-ка, — шепнул Андреич, — выйдем-ка.

Они зачем-то спустились на пролет ниже. Здесь как раз висела эта картина, с Лесом Вечной Весны. Стволы стояли плотно, под сенью густых ветвей царил полумрак. И никаких единорогов.

— Это, конечно, не мое дело, — сказал Андреич, — но какие твои соображения?

— По поводу?

— Вильчук, чего с мальчиком собираешься делать? Вообще, в принципе?

Вадим знал, что от предыдущих браков у него двое дочерей и с обеими Андреич видится. Вон, кучу сувениров накупил и завтра опять собирается за гостинцами.

— Посоветуешь что-нибудь?

— На правах старшего товарища... — криво усмехнулся тот. — Попробуй для начала найти с ним общий язык. Английский выучил — молодец. Пойми теперь, чего он хочет. Вытащи из этого его... футляра, блин.

Вадим задрал голову и посмотрел в окно на крыше.

— Как, — спросил, — насчет переиграть завтрашние планы?

Когда утром Сашке сказали, что едут не на гринвичскую ярмарку, а в Тауэр, сын просто кивнул. Но на полсекунды, кажется, улыбнулся. Вадим не был уверен.

— Может, ты хочешь еще куда-нибудь? В зоопарк, например, или там в магазин, сказок тебе еще купим?

— Нет, — сказал Сашка. Аккуратно вытер губы, сложил салфетку. Допил чай. — Спасибо, Вадим.

В Тауэре было не протолкнуться от туристов. Стражники-бифитеры, похожие на солдатиков с рождественской елки, были повсюду: стояли в карауле, рассказывали ребятишкам об истории крепости, маршировали по старинным булыжникам. Здесь же прогуливались словно сошедшие со старинных картин лорды и леди; охотно позволяли с собой фотографироваться.

Вадим шел по крепостной стене, от башни к башне, и думал о всех тех, кто умер здесь: был обезглавлен, отравлен, убит кинжалом. Солнечные зайчики от бифитерских пик плясали на стеклах окон.

Сашка щурился, почти улыбался. Но чаще смотрел не на старинные королевские покои, не на каминь, gobелены, узкие лестницы — а в просветы между зубцами и в окна. На Белую башню, рядом с которой жили тауэрские вóроны.

В конце концов Вадим с Андреичем переглянулись и решили, что ничего интересного в остальных крепостных башнях нет. По ближайшей лестнице все втроем спустились во двор и пошли к птицам.

Там уже собралась немаленькая толпа. Восторженно всхлипывала ребятня, клацали фотоаппаратами взрослые.

Андреич чуть придержал Вадима за рукав.

— Не спеши, пусть сам.

Сашка протолкался в первый ряд, к самой оградке. Парочка воронов сидела прямо на ней, хмуро глядела мимо зевак. Еще один вразвалочку шагал по траве.

Вдруг легкий ветерок подхватил с набитого доверху мусорника обертку и швырнул прямо на воронов. Тот, что справа, не шелохнулся. Тот, что слева, сделал едва заметный шагок в сторону, уклоняясь. На обертку ни один даже не взглянул.

В толпе засмеялись, стали хлопать в ладоши.

— Умные птицы.

— Так ведь живут сколько. За век с лишним кто хочешь поумнеет.

Вадим не видел Сашкиного лица — только напряженную спину и сжатые в кулачки руки.

— Ты помнишь, — тихо спросил Андреич, — как это было: узнать, что Деда Мороза не существует?

— Да о чем ты?! Сто лет прошло.

Андреич посмотрел на него своим фирменным взглядом «кому ты рассказываешь».

— Ну как... — сдался Вадим. — Как обычно, когда взрослоешь.

Вороны, словно по команде, прыгнули с оградки на сиденье скамейки. Затем на плиты.

— Сильно обижался на родителей, что обманывали?

— Не без того. Но к чему ты?.. Я ж говорил, Сашка в Деда Мороза давно не верит.

— В Деда Мороза — нет.

С хриплым карканьем вороны вскинули крылья и запрыгали прочь. У каждого левое крыло было чуть короче правого.

У каждого на правой лапе — Вадим только сейчас заметил — по массивному кольцу.

Андреич полистал купленный путеводитель.

— «Легенда гласит, что британская монархия падет вместе с Тауэром, как только его покинут шестеро живущих в замке воронов... Сегодня за семерыми воронами Тауэра (один из которых — «запасной») весьма тща-

тельно ухаживает специальный...» Ну, дальше неинтересно. Ага, вот: оказывается, они даже иногда отсюда сваливают, хоть и с подрезанными крыльями.

Вороны прыгали по плитам и скандалили. Обычные птицы, ничего волшебного. И даже, подумал Вадим, если они куда-нибудь и летают с этими их подрезанными крыльями... какая разница.

Веснушчатый паренек аккуратно забежал вперед и присел. Его фотографировали так, чтобы в кадр попали и он, и оба ворона.

Сашка развернулся и стал выбираться из толпы.

— А знаешь, — сказал ему Андреич, — у нас во дворе жил один такой же. Старый был, даже научился говорить. Мы его подкармливали, хотя он и сам мог о себе позаботиться, да еще как. Мы его звали «Фантомас». А потом он куда-то пропал...

— Он вернулся? — спросил Сашка по-английски.

— Наверное, потому и улетел: чтобы куда-то вернуться. Но у нас во дворе он больше не появлялся.

— Я думаю, — сказал Сашка, — он умер. Вот почему он к вам больше не прилетал.

— Может, и так. Хотя знаешь, все мы хотели верить в другое. Я думаю, у человека всегда должна быть надежда на чудо. Ну да ладно, что-то мы все слишком серьезные сегодня. Пошли посмотреть на сокровища, что ли...

Сашка кивнул. Только в зале с коронами, стоя на травелаторе, обернулся к Вадиму:

— Помнишь, ты спрашивал, хочу ли я куда-нибудь еще?

— Конечно. Куда поедем?

— К мистеру Шерлоку Холмсу.

Прежде чем Вадим успел ответить, Андреич приобнял Сашку за плечи и заявил:

— Прямо сейчас и стартуем. У меня, кстати, приятель бывал там пару раз; очень здорово, говорит. А ты откуда вообще знаешь про мистера Холмса?

— Читал, — пожал плечами Сашка. Андреич руку убрал. — И фильмы смотрел, но фильмы хуже. Потому что там актеры.

Ехать было далеко, и, когда Сашка не слышал, Вадим успел вполголоса высказать Андреичу все. И про дураков, которые ляпают, не подумав, и про то, что для полного счастья ребенку еще одного разочарования не хватает.

— Спокуха, — сказал Андреич. — Я знаю, что делаю.

Бейкер-стрит выглядела современно. По крайней мере, не была похожа ни на одну из киношных. Дома с мисками антенн, магазины для битломанов и фанатов рок-музыки, сверкающие автобусы...

И повсюду — детали, напоминавшие о Великом Сыщике: скульптура на выходе из метро, табличка на булочной... «Здесь завтракал сам мистер Шерлок Холмс» — ну да, как же!..

Вадим помнил, что дома 221-б никогда не было — но здесь, конечно, он нашелся, и, конечно, внутри был устроен музей. С ничего так ценами на билеты.

Но атмосферный, этого не отнять. Вадим с детства считал, что самый правильный Холмс — советский, с Ливановым и Соломиным. Здесь все было иначе, чем в кино, однако сходство чувствовалось. Он как будто снова оказался в детстве, во время первого просмотра, когда еще не знал, что случится через минуту, и тем более — чем все закончится.

На стенах висели черно-белые фотографические портреты, один другого «краше», здесь же, в рамке, — участок обоев со следами от пуль, образующими два вензеля, «V» и «R». На рабочем столе — перо и чернильница, ряд книг, два черных слона с белоснежными бивнями, макет парусника, рядом на старинном кресле — распахнутый саквояж доктора Ватсона. Тяжелые портьеры с кистями обрамляли окна и пропускали в комнату мало света; зато горели лампы и трещал в камине огонь.

Горничная с легкой улыбкой на лице присматривала за посетителями. Ни одна вещица здесь не была огорожена, все выглядело так, будто в комнатах до сих пор жили.

Втроем они поднялись наверх, и везде было все то же: неуловимая атмосфера из книг, которыми Вадим когда-то зачитывался... которые не брал в руки уже столько лет.

Фотографические портреты на стенах уступили место коллекциям бабочек и жуков, а также полкам со всякой всячиной: от гипсового бюста в треуголке до фарфоровых канареек.

Сашка с интересом заглядывал в каждый уголок. Он забрался по лестнице на чердак и пару минут глазел на гору потертых чемоданов. Пристрастно изучил расписной туалетный бачок. Кругами ходил вокруг кресла, что стояло напротив камина, с небрежно брошенной на поручень свежей «Таймс». Пожалуй, если б не присутствие горничной, он бы и скрипку взял в руки, и снял с полки пару-тройку книг.

А вот манекены персонажей оставили Сашку равнодушным. Ни высоченный Мориарти, ни сами Холмс с Ватсоном, ни персонаж из «Союза рыжих» (чьего имени Вадим, конечно, не помнил)... Только исполинская черная голова собаки Баскервилей впечатлила сына, он едва слышно выдохнул и попятился. Потом выдохнул еще раз, но уже не испуганно, а с облегчением. Голова висела на деревянном щите и казалась скорее грустной или ироничной — но уж никак не свирепой.

В конце концов (Вадим знал, что так и будет) Сашка повернулся к ним и спросил:

— Но где мистер Холмс?

Андреич, глазом не моргнув, заявил:

— Наверное, занят. Обычно он встречает гостей на первом этаже, ну, где кресло с «Таймс», ты сам видел.

Сашка задумчиво кивнул.

— Мы подождем его, правда, Вадим?

— Ну... если не очень долго — подождем, конечно.

— Сейчас спросим у горничной, — сказал Андреич. Они спустились на второй этаж, в гостинную... — и обнаружили, что в кресле действительно сидит... Ну, не Холмс, конечно, просто некий старик, нарядившийся в костюм той эпохи. Низенький, с солидным брюшком, как-бы-Холмс перелистывал неожиданно тонкими пальцами громоздкий фолиант. Рядом в подставке для газет виднелась «Таймс».

Толстенные очки все норовили съехать с широкого, мясистого носа; старик в который раз надвинул их поглубже и уставился на гостей.

— Мистер Холмс? — выдохнул Сашка.

— Добро пожаловать, господа. Если хотите сфотографироваться — не стесняйтесь.

Вадим с раздражением подумал, что горничной вполне бы хватило. Сажать в кресло этого клоуна — только все портить, неужели хозяева музея не понимают?

— Мистер Холмс, — сказал Сашка, — а можно... я хотел бы...

Вадим не помнил, чтобы Сашка когда-нибудь так себя вел. Мальчик всегда держался уверенно, а сейчас словно подменили ребенка.

Точнее — снова сделали ребенком: доверчивым, ранимым, хрупким.

— Я на английском... сам знаешь, — шепнул Андреич, — так что договариваться тебе. Здесь так принято: дети просят Холмса помочь, тот с ними беседует... родители тихонько выбивают чек в кассе. Мне Рогожин рассказывал, они в прошлом году ездили... Это по типу наших Дед Морозов на заказ.

— Присаживайтесь, молодой человек, — лже-Холмс указал на стул. Сашка пристроился на самом краешке. — Излагайте суть вашей проблемы. А вы, господа...

Андреич жестом показал, что, мол, уже ушли, нет нас уже, — и вытолкал Вадима на лестницу.

— Касса, — сказал, — на первом этаже, где сувенирка.

Выбора не было, хотя в том, что вся эта история к лучшему, Вадим ой как сомневался. Он вообще не понимал, почему Сашка не почувствовал фальши. Старик в кресле был похож на кого угодно, только не на Холмса.

Перед кассой была недлинная очередь, но двигалась быстро. Только с Вадимом вышла заминка: как раз когда он достал деньги, телефон рядом с кассовым аппаратом — старинный, на изящной ножке — зазвонил. Продавщица извинилась, сняла трубку. «Да, — кивнула. — Да, передам».

— Это вы — отец Александра Вильчука?

— Я. А что?..

— Платить не нужно. Поднимитесь, пожалуйста, в гостинную.

Вадим бросил на Андреича взгляд тяжелый и мрачный, Андреич кашлянул и пожал плечами.

— Да ты ж, — проворчал, оправдываясь, — еще не знаешь, чего там.

Они зашагали вверх, каждая ступенька лестницы тягостно скрипела. В гостинной никого, кроме горничной, не было.

— Господин Вильчук? Подождите, пожалуйста, это займет минут пять, не больше.

Почему-то лишь сейчас Вадим заметил, что она невероятно похожа на продавщицу: лицо, мимика, интонации.

— Что с Сашкой? — спросил он, стараясь не сорваться на крик. — Где мой сын?

— Он с мистером Холмсом. Они...

— Уважаемая, ну какой, к черту, Холмс, что вы мне тут?..

Краем глаза он заметил движение в дальнем углу комнаты — под вензелями «V» и «R» в рамке, там, на единственном не увешанном полками участке стены, вдруг отворилась невысокая дверца. И вышли Сашка с лже-Холмсом.

— Сына, с тобой все в порядке?!

— Да... — Сашка оглянулся на старика и, запнувшись, добавил: — Да, пап.

— Простите, мистер Вильчук. — Лже-Холмс чинно поклонился. Развел руками: — К сожалению, я не смог ответить на вопрос вашего сына.

Вадим чуть ошалело кивнул. «Пап»?

— Ну, — ответил, — что ж поделаешь, даже сам мистер Холмс иногда ошибается. Эррарэ хуманум эст. Спасибо за участие, мистер Холмс. Идем, Сашка.

И потом добавил вполголоса, уже на русском, обращаясь к Андреичу:

— Что и требовалось доказать. Лучше бы к Деду Морозу пошли, смысла столько же, зато...

— Пойдите, мистер Вильчук. — Старик не двинулся с места, но что-то в его взгляде изменилось. Во взгляде и в голосе. Как будто слова Вадима задели старика за живое. — Я просил бы уделить мне минут семь вашего времени.

— Думаю, в другой раз, мистер Холмс. Мы спешим...

— Proshu vas, — сказал он. На русском, хоть и с отчетливым акцентом.

И указал на распахнутую дверцу.

Андреич издал неопределенный звук, нечто среднее между фырканьем и иканием.

— Силен дедушка. Давай, Вильчук, вперед. Сашка ж вон не сдрейфил.

Вадим сомневался пару секунд, не больше. На старика ему было плевать. Но очень хотелось узнать, что же такое этот клоун сказал Сашке. С чего вдруг «пап»?

Лже-Холмс пропустил Вадима вперед, вошел сам и аккуратно прикрыл дверцу. Они оказались в комнатке, похожей то ли на гримерную, то ли на аптечный склад. Справа в углу был столик с громадным зеркалом и двумя вполне современными лампами над рамой. Под зеркалом лежали какие-то кисточки, палочки, коробки с пудрой, деревянная болванка для парика... Пахло при этом именно что аптекой, слева Вадим заметил запертый на замок металлический шкаф, такие бывают в

больницах. Еще здесь были кушетка, обитая выцветшим плюшем, и — везде, где только оставалось свободное место, — книжные полки. Книги на них стояли вполне современные, не чета тем, что в музее.

На одной из полок, втиснутый между «Russische (Ostslavische) Volkskunde» за авторством некоего «D.Zelenin» и репринтным изданием «Белого отряда», виднелся закрытый нетбук.

Старик присел у зеркала, сдернул с мясистого носа очки и спрятал в очечник.

Смерил Вадима взглядом, неожиданно ясным и оценивающим. Сложил тонкие пальцы на вздымавшемся брюшке и кивнул на кушетку:

— Садитесь.

— Вы знаете русский? — спросил Вадим, просто чтобы не молчать.

— Разумеется. У меня была хорошая учительница — там, в Одессе. Вот практиковать давно не приходилось.

— Если вам так удобнее, говорите по-английски.

Старик благодарно кивнул.

— Так о чем вы хотели со мной...

— О вас, — сказал старик. — Но теперь вижу, что это бессмысленно. По двум причинам. Во-первых, дело, о котором мы говорили с вашим сыном, разрешимо и не разрешимо. Точнее: в том отношении, в котором возможно, оно уже сдвинулось с мертвой точки. В остальном — увы, и вряд ли что-нибудь изменится.

Во-вторых, — продолжал он, чуть откинувшись в кресле, — вы чрезвычайно рациональны. Да-да, знаю, что и здесь я выламываюсь из роли: «чрезвычайно рационален» — слова не для мистера Холмса, верно? Однако так оно и есть. Вы пытаетесь все поверять логикой, отбрасывать эмоции — в первую очередь по причине, которая коренится в вашем прошлом. Я не психоаналитик, а эта кушетка не предназначена для сеансов, поэтому с вашим прошлым вам придется разбираться самому, так или иначе. Меня заботит лишь просьба, с которой обратился ваш сын.

Вадим пожал плечами:

— Тогда я вас спрошу, вполне рационально: если говорить со мной бессмысленно, зачем я здесь? Ах да!.. — сообразил он наконец — и потянулся за кошельком.

Старик покачал головой.

— Речь не о деньгах. О рациональности? Пожалуй, да. Вот к примеру: как вы полагаете, настоящий мистер Холмс был рациональным?

— До мозга костей, — в тон ему ответил Вадим. — Хотя иногда, если верить Конан Дойлю, совершал нерациональные поступки. Вот как я сейчас: надо было уйти, но из любопытства позволил втянуть себя в эту вашу игру.

Он поднялся и отвесил шутовской поклон.

— Был рад знакомству с вами, мистер Холмс.

— Мы еще не закончили, — спокойно сообщил старик. — Я ведь, по-вашему, не слишком похож на Холмса.

Это не было вопросом, но Вадим кивнул. Где-то читал, что с небуйными умалишенными правильнее всего соглашаться. С буйными, впрочем, тоже.

Запер ли старик дверцу на ключ? Вроде бы нет, но точно не скажешь. А стены здесь толстые, это Вадим заметил, когда входил. Криков могут и не услышать.

— Я и должен, — кивнул старик. — Должен отличаться, согласитесь. Я ведь играю Холмса в старости, а с годами людям свойственно сдавать: делаться более грузными, неуклюжими, даже глуповатыми.

— А ведь отлично придумано!

— Достаточно было немного поразмыслить, — пожал плечами старик. — А дальше все просто: несколько уроков у лучших драматургов... — Он кивнул на одну из полок, где стояли книги с иероглифами на корешке. — В частности, рекомендую «Фуси кадэн» Дзэами Мотокие, он знал толк в искусстве межвозрастного перевоплощения. Я ведь здесь, мистер Вильчук, играю роль. Как ваши артисты, когда наряжаются в костюм Деда Мороза. У вас читают стишки и получают подарки, здесь — задают вопросы и получают ответы. Лю-

ням нужен кто-то, способный встать на защиту их интересов — бескорыстно, смело. Ну, — хохотнул он, хлопая себя по брюшку, — смелость моя, правда, ограничена телесными рамками.

— Это все очень интересно... честно говоря, мистер Холмс, я восхищен...

— Но как, — невозмутимо продолжал старик, — как, давайте поразмыслим, мог бы тот, настоящий, Холмс сохраниться до наших дней? Дети рано или поздно задаются этим вопросом, особенно умные дети. Ваш сын, по крайней мере, спросил.

— И что вы ответили?

— Что мистер Холмс, разумеется, умер. Это элементарно, мистер Вильчук: каким же еще может быть ответ на такой вопрос.

— А вы?..

— А я стараюсь без необходимости не лгать, тем более — детям.

— И как же умер мистер Холмс? В своей постели, в Сассексе?..

Старик покачал головой.

— Нет, — сказал после короткой паузы. — Не в Сассексе и не в постели. В 1891 году, в возрасте тридцати семи лет. На склонах Рейхенбахского водопада.

— А все остальное? Все рассказы, которые написал Конан Дойль уже после? Не было чудесного спасения, не было обмана, трюка с запиской?..

Старик снова оценивающе взглянул на Вадима.

— Обман, конечно же, был. Но давайте подумаем... пофантазируем. Представим себе, что Мориарти явился на встречу с мистером Холмсом. Помните, как это описывал сэр Артур? — Он закрыл глаза и процитировал: — «Мориарти действовал не один. Его сообщник — и я с первого взгляда увидел, как опасен был этот сообщник, — стоял на страже, когда на меня напал профессор. Издали, не видимый мною, он стал свидетелем смерти своего друга и моего спасения. Выждав некоторое время, он обошел скалу...» — Старик прервался и

махнул рукой: — Ну что, мистер Вильчук, звучит правдоподобно? Зачем бы сообщнику выжидать, а Мориарти так рисковать? Не проще ли было застрелить мистера Холмса сразу?

— Вряд ли такой финал понравился бы читателям, — осторожно заметил Вадим.

В конце концов, подумал он, Андреич еще минут пять подождет и явится его выручать. А уж Андреич, выручающий кого-нибудь... лучше не становиться у него на пути, мистеры и сэры.

— Но такой финал, согласитесь, логическим образом вытекал бы из всего, что случилось прежде, всего, о чем сказано у Конан Дойля. Сам мистер Холмс согласился бы с этим. Все-таки он был человеком с железной логикой, холодным разумом и нестигаемой волей. И вот представьте себе, — продолжил после паузы старик, — что именно испытал бы такой человек, если бы обнаружил себя лежащим на одном из влажных уступов склона, который обрывался в бездну. Этот человек помнил, как услышал два выстрела, помнил, как упал и потащил за собой своего противника. Помнил, что последней мыслью его была мысль о двух других злодеях, которые выжили и могли восстановить всю сеть, созданную Мориарти. Представьте себе мистера Холмса на уступе в бездне Рейхенбахского водопада. Первое, что он обнаруживает, — то, что жив. Второе — что мертв. Это элементарно: если тело не дышит и не кровит, а дыры от пуль прощупываются и пули по-прежнему там, внутри... Что тут скажешь. Он осознает наконец, что очнулся от крика, кто-то звал его по имени; уже не зовет, но мечется по тропе где-то далеко наверху. Прямо над уступом, где лежит мистер Холмс, каким-то чудом проросло деревце, его ветви закрывают мистера Холмса от взглядов сверху — но они же не позволяют ему видеть даже край обрыва. Он проверяет, слушается ли его тело. Тело слушается, хотя не должно бы. По мокрым, скользким камням мистер Холмс пытается взобраться наверх. Когда ему это удастся, уже

наступает поздний вечер. На тропе — никого. Он не представляет, что делать дальше. Мориарти мертв, но враги живы. Обратиться к Ватсону — поставить под угрозу жизнь друга. Но главное, что терзает: сомнение, которое пришло в первые же секунды еще там, на утесе.

Старик вопросительно взглянул на Вадима, как будто задал очень простой вопрос.

— Если — по-вашему — мистер Холмс был мертв, но не умер, то не случилось ли того же с Мориарти?

— Именно! И вот он остается там, взбирается в пещеру, о которой после расскажет Ватсону, прячется и выжидает. Видит, как приходят полицейские, как пытаются восстановить картину происшедшего. Впервые за много лет обнаруживает, что мысли путаются. Одна, главная, мешает ясно размышлять: он должен поймать двух крупнейших злодеев из шайки Мориарти. Должен их обезвредить. Должен! Он пытается уснуть, но обнаруживает: в этом нет необходимости. Тело существует по другим законам — или, если угодно, вопреки всем законам природы. Наутро он спускается вниз и отправляется во Флоренцию, еще не зная, каким образом добьется своей цели, но четко представляя первые к ней шаги. Дальнейшее — детали. Три года мистер Холмс проводит, странствуя по миру. Затем возвращается в Лондон и помогает в поимке полковника Морана. Служит приманкой — разумеется, он сам, а не выдуманный Ватсоном манекен, который якобы передвигали каждые четверть часа; Моран был слишком опытным охотником, чтобы купиться на такой дешевый трюк.

— То есть полковник действительно стрелял в мистера Холмса?

Старик пожал плечами:

— Всего лишь еще одна пуля; слава богу — не в череп. Ватсон прыгнул на Морана как раз в момент выстрела... иначе все могло бы закончиться совсем по-другому. Сэр Артур, кстати, был крайне недоволен этой выдумкой с манекеном, считал, что никто из читателей в здравом уме в нее не поверит. Но доктор, откровенно

говоря, плохо умел врать и был не лучшим выдумщиком. А сэр Артур, однажды согласившись печатать его сочинения, уже не мог отказаться; к тому времени вся эта история... как сейчас сказали бы, вышла из-под его контроля... Ну, неважно. Так что скажете, мистер Вильчук?

— А что сказать? Смело. Нет, правда: никаких объяснений, как в той истории про персонаж, который в конце одной книги был сброшен за борт в цепях, в сундуке, а в следующей просто взял и вышел из моря.

— Прежний мистер Холмс сказал бы, что объяснения есть всегда. Тот, что пережил Мориарти и Морана, знал — это не так. Но в данном случае... в данном случае он нашел объяснение, мистер Вильчук. И ключом к разгадке оказался он сам, его тело и его разум. Мистер Холмс и прежде-то не был похож на обычных людей, а теперь, после Рейхенбахского водопада, заметил за собой целый ряд перемен — разумеется, помимо очевидных, связанных с особенностями его нынешнего существования. Большею частью его мысли занимало только одно: преступники, которых он упустил. Желание восстановить справедливость. Покарать сообщников Мориарти. В конце концов он поймал себя на том, что превращается в одержимого. К счастью, Майкрофт, с которым — единственным из всех прежних своих родных и знакомых — мистер Холмс связался сразу по прибытии во Флоренцию, Майкрофт — помог. Он дал несколько весьма уместных советов и порекомендовал к прочтению несколько научных трудов.

Старик усмехнулся и покачал головой:

— В конце концов, никто из нас не уникален — ни при жизни, ни после смерти. Мистер Холмс обнаружил, что его случай тоже не что-то из ряда вон. Во многих культурах, у многих народов... это, мистер Вильчук, называется «неуспокоенный мертвец». Тело, движимое сильной волей, незавершенным стремлением. Неуспокоенные — те, кто жаждет отомстить, защитить своих родных, закончить дело всей своей жизни... конечно,

этого хотят многие, но лишь в единичных случаях все совпадает: мощнейшее стремление, особенности разума... душа? — да, наверное, особые свойства души. Но такого рода послесмертие... оно лишь на первый взгляд кажется чем-то прекрасным. В действительности же таит в себе ловушку, которой избежать почти невозможно. Постепенно все эмоции, мысли, воспоминания исчезают, тело превращается в инструмент. Главным остается единственное — предсмертное — стремление, то самое, благодаря которому мертвец стал неупокоенным. Чем-то это напоминает наркотическую зависимость. Если не осознаешь, что болен, не сможешь и вылечиться. Но, — добавил старик, — даже если осознал... справиться с этим нелегко, поверьте. Это как навязший в зубах мотивчик... или прилив, который накачивает и тащит в море. Нужны очень мощные якоря, чтобы удержаться. К счастью, мистер Холмс догадался, каким образом и что именно способно удержать его. А Майкрофт сумел обратить внимание брата на все те изменения, что произошли с ним. Мистер Холмс явился к нему неряшливо одетым, растрепанным, завел обыкновение нервически хрустеть суставами и клацать челюстью. Не курил (не мог!), однако с остервенением, будто зверь, грыз мундштук трубки. Холодный разум, к сожалению...

В этот момент за дверью раздались встревоженные голоса, один говорил на русском, другой отвечал по-английски.

— Ваш коллега волнуется, — невозмутимо заметил старик. — Впрочем, если вы действительно спешите...

Вадим мотнул головой:

— Не настолько. Сомневаюсь, что ваша история хоть каким-то боком связана со мной, но дослушать до конца... отчего бы и нет?

Он приоткрыл дверцу вовремя: Андреич, видимо, в который раз пытался обойти горничную. Та с проворством матерого голкипера встала у него на пути.

— Ну слава те господи, я уж думал!.. Вадим, что вообще здесь...

— Спокойно, все в порядке. Подождите с Сашкой, я скоро.

Андреич настороженно переспросил:

— Точно в порядке?

Сашка, стоявший чуть позади, только кивнул Вадиму, как будто и не сомневался. Вот о чем вообще сын с этим «Холмсом» разговаривал?!

Он вернулся и прикрыл дверцу.

— Итак?..

— Итак, мистер Вильчук: холодный разум, не ограниченный эмоциями и отчасти стесненный телесной уздой, эту самую узду разрушает. Начинает грызть, как грыз мистер Холмс мундштук трубки. То, от чего иные мыслители мечтают избавиться: голод, сонливость, отправление естественных надобностей, — все это, как оказалось, и является якорями, необходимыми, чтобы разум... отдыхал, быть может. Понадобились три года, путешествие в Тибет, Персию, Мекку... Мистер Холмс встречался с лучшими бальзамировщиками, с величайшими духовными учителями своего времени. Если бы не сделал этого — может, и достиг бы своих противников, но совершенно точно — не надолго пережил бы их. Впрочем, эти его изменения... они коснулись не только внешности и образа жизни. Прежде рациональный до мозга костей, мистер Холмс столкнулся с тем, что нельзя было объяснить, даже до конца понять. После того, как полковник Мораном был обезврежен, мистер Холмс продолжал практиковать, однако теперь все чаще сталкивался с делами не совсем обычными. Даже с точки зрения его собственного опыта. Доктор Ватсон об этих делах, разумеется, не писал: сэр Артур и его издатели в один голос твердили, что читатель не примет такую резкую смену жанра. — Последние слова старик произнес брезгливо и пренебрежительно. — Впрочем, — добавил, — это даже к лучшему.

— Я что-то запутался. — Вадим еще раз обвел взглядом комнатку: узкая кушетка, полки с книгами и нетбуком, громоздкий металлический шкаф... — Не улавливаю: как в итоге все закончилось этим вот?

— В Сассексе было скучно. Возвращаться сюда под собственным именем... — Старик пожал плечами. — А музей — что ж, идея не так уж плоха.

— Великий детектив отошел от дел и развлекает детишек? Никогда не поверю. Шито белыми нитками.

— Не детектив, сыщик-консультант. Это во-первых. Нет ничего плохого в том, чтобы развлекать детишек, — это во-вторых. Наконец, когда консультации нужны клиентам другого рода... они, скажем так, находят возможность получить эти консультации. Хотя иногда это сопряжено с определенными неудобствами, тем более — когда за помощью обращаются особы, чьих имен лучше не произносить. Доходит до абсурда: являются инкогнито, но их служба охраны перекрывает всю улицу, якобы для очередных ремонтных работ!.. — Старик фыркнул, затем попросил Вадима передать ему небольшой саквояж. — Хотите узнать что-нибудь еще? — Раскрыл, достал одноразовый шприц, ампулу... Заметил то, каким взглядом следит за ним Вадим, и отмахнулся: — Конечно, нет! От кокаина в моем случае никакого толку. Это один из растворов, которые приходится вводить, чтобы сохранить тело в рабочем состоянии.

Он сел к Вадиму вполоборота и закатал левый рукав. Кожа была сухой и чуть сморщенной, но выглядела вполне обычно. Ничего общего с мумиями из Британского музея.

— И что, детям вы тоже рассказываете всю эту душещипательную историю? Сыну моему?

— Разумеется. Опуская некоторые подробности. Дети сейчас взрослеют так же быстро, как и полсотни лет назад. Они, знаете ли, в курсе, что такое смерть. И что такое настоящее волшебство.

Он ввел жидкость, выдернул шприц и откинулся, полуприкрыв глаза.

— Извините, — сказал, — что морочу вам столько времени голову. Ваш друг волнуется, давайте к делу. Мы начали с того, что есть две причины, по которым говорить о просьбе Александра с вами бессмысленно. Начнем со второй. Очевидно, вы уже изменили свое отношение к сыну — иначе не привели бы его сюда. Я говорю «изменили», имея в виду не только вашу заботу о нем, но и то, что вы перестали быть таким рассудительным. Тауэр, волшебный ворон, прочая... блажь, да? По-вашему — блажь; но вы все равно сделали так, как он хотел. Раньше были только подарки и походы в кино, не так ли?

Вадим скупо кивнул. Не стал уточнять, что кино... в общем-то, не очень часто.

— Об этом и речь: дело сдвинулось с мертвой точки. Теперь вам бы не перегнуть палку, но тут уж, повторю, всякие советы бессильны. Только один: слушайте своего сердца, будьте искренни и внимательны. Поверьте в то, во что верит ваш сын. Это касается не только «блажи», но на ее примере мне проще объяснить. Хотя здесь никогда не бывает четкой границы, все перемешано: он умом понимает, что помочь способен лишь чудо, но чудо не сказочное, а... реальное, если хотите. Британия — страна чудес, как и всякая далекая страна. Поэтому — английский, поэтому — вороны Тауэра. И мистер Шерлок Холмс, как соединение двух противоположностей. Чудо и логика; рациональный ум, волшебным образом переживший собственную гибель. Он у вас умный мальчик.

— Он поверил в вашу историю?

— Он поверил моим словам. Я не стал обманывать его: ни единого слова лжи, с такими детьми это не проходит. Он понял то, что я хотел ему сказать. Надеюсь, был полезен и ему, и вам, мистер Вильчук.

Старик неторопливо опустил и застегнул рукав.

— Вы говорили о двух причинах, — напомнил Вадим.

— Да, верно. Мы, знаете ли, начали с вопроса, с которым они приходят... я всегда начинаю с вопроса, прошу

детей, чтобы изложили его письменно. Тех, разумеется, кто умеет писать. Это помогает им собраться, понять, чего хотят. — Он достал из правого кармана сложенный вчетверо листок, протянул Вадиму. — Тайны здесь никакой нет, а вам... возможно, будет полезно; прочтите. На этот вопрос я не смог ему ответить.

Вадим прочел, затем молча вернул листок старику.

— Спасибо, — сказал. — И все-таки, — добавил, уже стоя возле дверцы, — и все-таки: зачем эта история? Ну, мне — ладно: как бы проиллюстрировать, что на одном разуме далеко не уедешь. Посредственная иллюстрация, вы уж простите. Но не суть. Вот детям — зачем весь этот зомбишный эпос? Проще объяснить, что вы сын, внук, духовный наследник Шерлока Холмса. Зачем такие сложности?

— Дети, мистер Вильчук, обычно чувствуют, если им лгут.

— Боже, вы что, пытаетесь меня сейчас убедить, что все это?.. Да бросьте! Поймите, я вам благодарен, совершенно искренне, — и за участие, и за совет. Но... Знаете, в чем ваш прокол?

— В чем же? — Старик с живейшим интересом повернулся к нему всем телом, аж кресло скрипнуло.

— Во внешности. С историей не согласуется, знаете ли. Сколько лет было Холмсу, когда он погиб возле водопада? Тридцать семь? А вы выглядите на шестьдесят, не меньше. Если тело не живет, оно и не стареет — откуда тогда возьмется этот ваш, уж простите, живот? А лысина?

Старик вдруг захохотал. Вскочил, несколько раз хлопнул в ладоши.

Вадим похолодел.

— Bravo! Bravo, мистер Вильчук! За все эти годы, за все эти чертовы годы никто, представляете, ни один не догадался! Вы — первый!

Он снова расхохотался. Молодым, гулким смехом.

В два счета расстегнул пиджак и жилет, затем рубашку — и, ловко распустив ремни, вскинул над головой накладное брюшко.

— Бутафория, мистер Вильчук. Бутафория первого уровня, как я ее называю. Обязательная для того, чтобы не вызвать подозрений у обычных посетителей. Старый смотритель музея, играющий роль престарелого Холмса. Следовательно — животик и все прочее, без них никуда.

Он снова присел за стол, включил лампы над зеркалом и стал аккуратно снимать — сперва парик с лысиной, под которым обнаружилась обтягивающая резиновая шапочка, а под ней уже — вполне приличная шевелюра. Затем были сняты мясистый нос, валики мохнатых бровей, поддельное горло-воротник...

Через миг перед Вадимом сидел человек, который выглядел лет на тридцать пять — сорок, не больше. С тонким орлиным носом. С квадратным, чуть выступающим подбородком. С острыми скулами.

С отчетливым шрамом, тянущимся от основания шеи к подбородку; не сросшимся, а просто очень старательно зашитым и, видимо, пропитанным неким веществом наподобие лака.

Но обладателю шрама это ничуть не мешало, он склонил голову (кожа натянулась, однако держалась крепко). Снял накладные валики из-за ушей.

— Рабочий день на сегодня закончен, так что — долой грим. Вы заслужили это: увидеть мое лицо.

Он поднялся и протянул Вадиму руку. Пожатие было крепким и уверенным, пальцы — тонкими, сухими.

— Было приятно познакомиться, мистер Вильчук. Желаю вам удачи с сыном. И, — добавил после паузы, — если снова окажетесь в Лондоне... буду рад увидеть вас снова.

— Ты чего там долго так? — спросил Андреич, когда Вадим шагнул из комнатки в гостинную.

— Да... — Вадим оглянулся, но дверца уже закрылась, а горничная вежливо указывала на лестницу, мол, пора и честь знать. — Был разговор, — закрутил он.

— Ну, как хочешь, — обиделся Андреич. — Секреты; это мы с пониманием, да, Сашка?

Сашка сидел в углу, на стуле, и задумчиво качал ногой. Взглянул на Вадима, улыбнулся и кивнул.

На улице чуть похолодало, дул пронизывающий ветер.

— А я бы вот, пожалуй, не отказался от чаю, — сказал Вадим. — С какими-нибудь пирожными. Вы как, мужики, насчет чая и пирожных?

— Можно в принципе, — буркнул Андреич. — Сашка, чего скажешь?

Сын пожал плечами. Ветер взъерошил ему волосы, и Сашка машинально откинул с лица прядь.

— Я... — сказал по-русски. Запнулся. — Не против. Можно, да.

— Вильчук, угощаешь. — Андреич подмигнул и поволок их к ближайшему кафе. Разумеется, с профилем великого сыщика на вывеске.

Ветер крепчал, хлопал тентом над продуктовым магазином.

А интересный прием, думал Вадим. Посадить на роль якобы Холмса не старого еще мужчину и вот так...

Он не сомневался, что уже через несколько дней убедит себя. Элементарная логика: все другие объяснения были вздором, иллюзией объяснений. Мир устроен так, как устроен. Шерлок Холмс, как и Дед Мороз, не существует и никогда не существовал. Тем более — не воскресал удивительным образом, чтобы до сих пор обитать на Бейкер-стрит и консультировать всех, от детишек до «особ, чьи имена лучше не произносить».

Думать иначе — абсурдно.

Да, чуть сложнее будет забыть ту полосу вырванной плоти на шее. После такого не выживают, но... Вадим не медик, не может утверждать наверняка. Освещение в комнатке никудашнее, в таком все что угодно поме-

решится. Даже то, что на этом, нестаром лице тоже лежат заплатки, что оно с левой стороны чуть больше загримировано. Как будто от удара при падении там сошел кусок кожи.

Да, недели-другой хватит, чтобы он начал сомневаться. Через месяц будет верить, что действительно померещилось.

Мистер Шерлок Холмс — настоящий или поддельный — наверняка понимал, что так все и случится. Вот почему дал Вадиму прочесть записку.

Они ввалились в кафе, Андреич балагурил, Сашка тихо смеялся.

Сели за столик, им принесли ароматный чай и какие-то изящные пирожные, похожие на фарфоровые статуэтки.

А Вадим все думал над тем, что было в Сашкиной записке. Над загадкой, которую даже сам Холмс — настоящий Холмс — не смог бы разгадать.

Три обычных слова.

«Куда уходит любовь?»

Простой детский вопрос.

НИКА БАТХЕН

БЕЛАЯ КОРОЛЕВА

...When the night is cloudy
There is still a light that shines on me.
Shine until tomorrow,
Let it be...

Она сидела у зеркала, с отвращением глядя на свое отражение. Баночки с гримом толпились на туалетном столике, накладки и линзы прятались в мутных флаконах, парик висел на крючке. В резной раме красовалась цветущая физиономия — пышные кудри, розовые щеки, белые зубы. Что сказала бы миссис Гардинер, бедная миссис Гардинер, у которой румяна давно уже не держались на разлагающемся лице? Как взволнованно раскудахтались бы посетительницы лучшего в Лондоне

магазина готового платья, на разные голоса взывая «констебль», «констебль!» Шарлотта Брэн представила себе пару скелетов в синих мундирах, патрульных с Голуэй-стрит, которые врываются в магазин, чтобы арестовать «живчика», незаконно проникшего в Большой Лондон, вообразила выражение лица хозяйки, опрокинутые в пыль манекены, и расхохоталась до слез. В двадцать лет легко веселиться... Но не тогда, когда с ног до головы обмазываешься жиром тухлого мертвеца, чернишь зубы, лепишь на щеки липкую кожу, вставляешь в глаза желтые линзы, прячешь волосы под свалывшимся париком.

Девушка надела перчатки, подтягивающие пальцы к ладони, придала лицу выражение тупого безразличия и удовлетворенно вздохнула — теперь она в точности походила на большинство жителей туманного Альбиона. Ах, нет — шнурок из волос колдуньи, продетый в глазницы черепа гробовой мыши, — чтобы ни один колокольчик не зазвенел и каменный пес не взвыл, возвещая тревогу. Она — зомби-мэм, сохранившая разум и силы, регулярно проходящая ритуалы ревитализации, симпатичная и обаятельная (Шарлотта раздвинула в улыбке синие губы) — хоть замуж за зомби-лорда, если тому вдруг опротивеют леди в атласных бинтах и ароматических смолах. ...Бабушка говорила: «Лондон не изменился, просто гниль из людей вышла наружу». Может, бабушка была и права.

В подъезде было скользко, темно и сыро. Шарлотта осторожно спустилась вниз. На площадке первого этажа копошился бомж — окончательно потерявший разум, разлагающийся на глазах зомбак. Неопасен, но пахнет... Невозмутимая Шарлотта дернула за дверной колокольчик два раза, вызывая констебля — пусть увезут эту пакость. Ей пора на работу.

Рикши толпились в сквере, наперебой выхвалявая свои коляски, там же крутились продавцы пирожков и пива. Кэб, влекомый лошадиным скелетом, протащился в сторону набережной — но разве может скромная

продавщица позволить себе нанять кэб? Будь погода немного более скверной, Шарлотта бы села к рикше, но сквозь облака просвечивала безмятежная луна. Время еще есть.

По Кесингтон-лэйн, затем по Кемпсфорд-роуд, мимо ресторанчика дядюшки Могуса, на Уилкотт-стрит — если не газетать по сторонам, можно успеть за полчаса до открытия магазина и сделать вид, что уже позавтракала. Шарлотта изо всех сил старалась кушать вместе с миссис Гардинер и Джоанной, второй продавщицей, но всякий раз боялась, что ее стошнит прямо на кухне.

Вдоль Ренфри-роуд, гомоня и приплясывая, двигалась толпа зомби-мэнов и зомби-мэм, четыре мощных скелета несли на плечах носилки с колдуньей — жрицы Викка были единственными, кому дозволялось покидать Вестминстер-гетто, готовясь к ритуалу Черной Королевы. Из окон высовывались зеваки, одобрительно улыбались прохожие, и только вороны, жирные лондонские вороны, не проявляли никакого почтения к религиозной процессии.

На всякий случай Шарлотта остановилась на перекрестке, пропуская шествие. Она опасалась толпы — амулет амулетом, но не дай Мрак, она поскользнется или поранится. Зомби хмелеют от запаха свежей крови, человека они разорвут мгновенно. Девочкой, в гетто ей приходилось прятаться от Охоты и видеть страшную трапезу. Впрочем, смерть от лап мертвецов казалась милосердной по сравнению с ритуалом. Когда мать умерла, отец продал младшую дочь в Дом Викка. Он так и сказал: «Оливия сильная, она прокормит семью. А у тебя будет два-три года безопасной и сытой жизни — не так уж мало, детка?» Тогда она ненавидела щербатого старика, его потную лысину и кривые, дрожащие пальцы. Теперь простила. Когда по гетто прошла эпидемия трупной заразы, отец вовремя покончил с собой. А красотка сестра стала зомби — даже не мэм, тупой бродяжкой в Сохо, согласной на все ради пищи.

Годы в Доме запомнились одним сплошным липким кошмаром. Для ритуала нужны были лучшие девственницы — здоровые, красивые и полнокровные. В дортуарах ютилось до двух десятков девочек, жрицы кормили их трижды в день, заставляли мыться, гулять, бегать, играть с мячом. Если девочка заболела, упрячилась или теряла красоту, она исчезала. Если доживала до первых месячных — умирала на алтаре такой смертью, о которой даже подумать страшно. Когда жрица во время купания с довольным смешком указала воспитаннице на нежные волоски внизу живота, Шарлотта сбежала в ту же ночь. Она не спаслась бы — если бы не старуха Пегготти...

Из детских воспоминаний девушку мгновенно выдернуло чье-то прикосновение, торопливое и весьма искусное. Шарлотте самой случалось подрезать кошельки — и на улицах, и в магазине у зазевавшихся зомби-мэм, а то и занятых примерками леди. Поэтому она подождала, когда воришка запустит лапу в карман жакета, и вцепилась в его запястье железной хваткой.

Пальцы были горячими. Потными и горячими. «Выдаст, сволочь!» Шарлотта обернулась и прочла ту же мысль на чумазом лице воришки. Будь при ней нож, а вокруг меньше голодных глаз, она бы, пожалуй, выпустила паршивцу кишки. Но средь бела дня, рискуя потерять работу? Нет уж, увольте.

— Проваливай, мразь! — одними губами прошептала Шарлотта. — Проваливай к себе в гетто!

Воришка вздрогнул, попробовал улыбнуться, сверкнул зубами — любой идиот признает в нем «живчика». Девушка поняла, что все еще сжимает пальцы, и расслабила руку.

— Вы такая добрая, мэм! Простите, мне просто не хватало на хлеб. У нас голодают.

Эти сказки маленькая Шарлотта сама повторяла жалостным голосом, когда ее ловили за руку на воровстве. Жрать ей хотелось всегда, а верили редко.

— Ты действительно голоден?

— Да, мэм.

— Возьми, ешь.

В свертке был ее, Шарлотты, обед — хороший хаггис не отличишь от мертвецкой пищи. Мальчишка вгрызся в бараний рубец, зарываясь в пакет лицом, как собака. И вправду голоден. Скажу миссис Гардинер, что у меня нынче разгрузочный день...

— Пойдите, мэм. Вот, прочтите! — отчаянно шепнул воришка и всунул ей в карман какой-то бумажный комок. — Приходите на собрание, обязательно, Сотер любит вас!

До магазина Шарлотта почти бежала. Разрази Мрак, если бы эту встречу засек констебль, они оба пожалели бы, что еще живы. Миссис Гардинер задержалась, к ее приходу Шарлотта уже успела прибраться и встретила хозяйку с модной шляпкой в руках — отпоролась оборка, надо подшить. Умиленная трудолюбием, зомби-мэм ущипнула за щечку свою лучшую продавщицу и пообещала поднять зарплату. Жаль, забудет.

Ночь прошла как обычно, магазин не терял популярности. Зомби-мэм толпились у полок и вешалок, норовя потрогать модный наряд, оставляя противные пятна на ярких тканях. Леди из новых, не торгуясь, купила шляпку и оставила два медяка на чай. Вторая продавщица, Джоанна, двигалась чересчур медленно, а под вечер и вовсе упала — начали отгнивать хрящи в коленных суставах, а денег на ревитализацию у бедняжки, увы, не накопилось. Миссис Гардинер собственноручно растерла больную, отправила домой, а потом, вздохнув, велела Шарлотте после работы заглянуть в контору на Шелдон-роуд, оставить заявку на новую продавщицу. Сама она проходила ревитализацию дважды в год и умирать не планировала. Шарлотта покорно кивала в ответ на тираду о легкомысленной молодежи. Больше всего на свете ей хотелось плеснуть керосином в одуловатое, покрытое черными пятнами лицо хозяйки, а потом бросить спичку... поджечь каждого тупого,

смердящего мертвяка в городе, чтобы воздух наконец-то очистился!!!

Потупив взор, Шарлотта, как всегда в конце рабочего дня, прошла по залу с губкой, стирая с полок слизистые следы и гнилую сукровицу. Миссис Гардинер дождалась, когда продавщица закончит работу, похвалила еще раз за усердие, собственноручно поправила ей капор. Потом заперла дверь на большой амбарный замок и удалилась, неуклюже раскачиваясь. Проводив хозяйку ненавидящим взглядом, Шарлотта раскрыла зонтик — накрапывало, дождь мог повредить грим. До конторы было минут двадцать пешком — далековато по сумеркам, но не страшно.

Зомби-мэн очутился рядом так неожиданно, словно возник из лондонского тумана. Милосердная белесая морось скрадывала признаки разложения, а при жизни мэн, наверное, был красавчиком. Стройный, широкоплечий, кудрявый, зубы все еще целы, и нос не провалился. Жаль его.

Пристальный взгляд Шарлотты был истолкован неверно. Совершенно человеческим жестом пригладив кудри, зомби-мэн протянул даме руку:

— Привет! Я Майк. Давно наблюдаю за тобой сквозь витрину — ты милая. Хочешь пройтись со мной?

И голос не шепелявый. На всякий случай Шарлотта приняухалась... Нет, зомбак, просто свежий.

— Я бы рада прогуляться, дружок, но хозяйка больно строга — застучает меня с кавалером, уволит.

— Правда? — уныло уточнил мэн.

— Забери меня Мрак! — подтвердила Шарлотта и прибавила шагу, отгородившись зонтом от кавалера. Лучше сдохнуть, чем спать с мертвецом. Она не делала этого и с живыми людьми тоже, даже не целовалась. Старая Пегготти повторяла, хрипя и кашляя: «Слышь, ты, держись от мужиков подальше! Все они сволочи, все только и ждут, чтобы надуть тебе пузо, прикарманить деньжонки и дернуть к другой дуре!» Шарлотта

увоила уроки сполна. Хочешь выжить — будь одиночкой, не поворачивайся к людям спиной и никому на этом свете не доверяй. Шарлотта не сомневалась, что Пегготти тоже предала бы ее, просто для слепящей ведьмы девчонка, которой некуда деться, была нужней денег. После смерти старухи она не якшалась ни с кем, ни одна живая душа не переступала порога ее клетушки. Ее личной берлоги, где стояла кровать и висела одежда, пыхла запрещенная спиртовка, красовалось резное зеркало. Где можно было запира́ть дверь и не бояться, что кто-то тебя потревожит. Где было безопасно — и холодно, всегда холодно.

Чтобы подсластить грусть, Шарлотта пошарила в карманах жакета — в одном из них просто обязана была завалиться конфетка, каменно-жесткий леденец со вкусом лакрицы. В левом кармане брякали ключи и перекатывалась мелочь. В правом под пальцами смялся комок бумаги. Шарлотта вспомнила утреннего воришку, и ей стало любопытно. Собираться толпой считалось преступлением, даже худшим, чем выходить за пределы гетто, зомби-лорды, обычно снисходительные к людским проступкам, карали ослушников без жалости. Впрочем, двум смертям не бывать. Подойдя к сияющей мертвенным светом витрине маркета, девушка разгладила комок бумаги и попыталась прочесть написанное. Чтица из нее была аховая — мать с грехом пополам обучила ее грамоте. Но разобрать удалось — собрания проводились в развалинах Сен-Мартина, в подвале, бывшем бомбоубежище. Недалеко от гетто. Зато дорога лежит вдоль набережной. И вот-вот рассветет... Нашарив леденец в потайном нагрудном кармашке, Шарлотта решительно развернулась — контора по найму может и подождать.

По утрам в городе становилось спокойнее. Мертвецы не слишком боялись дневного света, но не любили его. Да и Темза их не привлекала. Набережная тянулась вдоль заброшенных, мрачных кварталов, в трещинах

камня пробивалась трава, угрожающе нависал над домами остов огромного колеса обозрения. Бабушка рассказывала, что девочкой еще успела прокатиться на нем, разглядеть город с высоты птичьего полета. Порыв ветра ударил в зонт, Шарлотта представила, что летит на нем, поднимается над унылыми крышами... Лишь Королевы Вуду умели ненадолго отрываться от земли. А еще чайки и вороны. Целая стая вспорхнула в воздух, разноголосо и гневно крича — какой-то зомбак нашел последний приют прямо у треснувшего парапета и птицы поедали его, не дожидаясь, пока бедняга перестанет шевелиться. Шарлотте стало не по себе, она ускорила шаг, поудобней перехватив зонтик.

Обезглавленный шпиль собора Сен-Мартина виднелся издалека. Огромное здание выглядело пустым, с колонн осыпалась штукатурка, из окон повывлетали стекла, на ступенях громоздились груды мусора, валялись разрозненные кости, какие-то мокрые тряпки. Ни единой души. Озадаченная Шарлотта два раза обошла руины, приглядываясь и прислушиваясь. Наконец она ощутила острый запах дыма — где-то жгли восковые свечи. Остальное было делом техники. Тяжелая, ржавая дверь выглядела вросшей в бетон, но тепло шло именно оттуда. Ни звонков, ни колокольчиков у входа не висело. Не задумываясь, Шарлотта приложила к двери ладони. Что-то заскрежетало, створка медленно отползла в сторону, открывая скудно освещенную лестницу, ведущую вниз. Спускаясь, Шарлотта не удержалась от любимого баловства — прикоснуться к живому огню, ощутить мимолетный жар. Дверь за ее спиной поползла назад, но возвращаться не было смысла.

Из подвала донеслось нестройное пение — мужские и женские голоса выводили, кто как умел:

When I find myself in times of trouble
Mother Mary comes to me
Speaking words of wisdom
Let it be...

Ослабев, Шарлотта опустилась на ступеньки, крик заполнил ей рот, сердце заколотилось. Эту песню по ночам пела мама, обещая раз за разом — все будет хорошо, смерть не достанет их, мертвецы не постучат в окна, хватит хлеба, любви и тепла, и она никогда не уйдет, не оставит своих дочурок, никогда-никогда не уйдет. Это была мамина песня, никто больше ее не знал.

Именно такой — изнемогшей, несчастной, кусающей пальцы, чтобы удержать слезы, — увидел девушку Джош. Другой бы бросился утешать, стал бы трогать, размазал грим. Но ему хватило ума не прикасаться к лицу.

— На собрании все плачут. Если умеют плакать.

— Отчего? — всхлипнув, спросила Шарлотта.

— Оттого, что сердца открыты, и все раны в них тоже открыты, а прикасаться к ним больно. Понимаешь?

Шарлотта кивнула. Она вдруг показалась себе невыносимо грязной рядом с этим высоким, нарядным парнем. Даже в сумерках было видно, что рубашка у него белая, волосы чистые, а щеки аккуратно выбриты... или борода еще не растет?

— Пойдем к людям?

Не дожидаясь ответа, Джош взял ее за руку и повел вниз, к гудящему рою человеческих голосов. В освещенном прямоугольном зале толпилось человек сорок — подростки, старики, женщины, несколько молодых парней в таких же белых рубашках. Мужчина в черном наряде, похожем на платье, стоял лицом к остальным:

— Я хотел бы побеседовать с вами, дети мои, о словах Джона Баптиста: «Я крещу вас в воде в покаяние, но Идущий за мною сильнее меня; я не достоин понести обувь Его; Он будет крестить вас Духом Святым и огнем». Что имел в виду Джон?

— Что он сын человеческий, а Сотер сын Божий, — робко произнесла немолодая женщина.

— Хорошо, Рут!

— Что Джон умолял раскаяться, а Сотер повелевал, — заявил бородатый старик.

— Предположим, Исайя.

— Что он отмывал от греха души, а идущий за ним выжжет скверну пламенем негасимым! — выкрикнул молодой парень с длинными волосами.

— Не так страстно, Дэвид, мы еще не на Страшном суде!

— Вы уверены, отец?

— Нет. — Мужчина замолчал ненадолго, потом снова широко улыбнулся. — Последний псалом, дети мои, потом чай и расходимся. Начинай, Джош!

Спутник Шарлотты послушно запел о реках Вавилонских, где сидели мы и плакали. Остальные вторили невеликим, но старательным хором, взявшись за руки или даже обнявшись. Удивленная Шарлотта оглядывалась по сторонам — похоже, эти люди не хотели друг другу зла. Давешний воришка тоже был здесь, выводил звонким голосом непонятные слова. Заметив Шарлотту, он расплылся в улыбке и подошел к ней сразу, как только закончилась песня:

— Отец, эта девушка добрая самаритянка, она накормила меня на улице и пришла на собрание в первый раз.

— Прекрасный поступок, дочь моя! Как тебя звать?

— Шарлотта, — еле слышно произнесла девушка.

— Поблагодарим Шарлотту, друзья!

Раздались аплодисменты, девушка совсем растерялась, увидав, как на нее смотрят — с радостью, с восхищением, с благодарностью. Приятно пахнущая, ухоженная старуха обняла ее, назвав дочкой, высокий старик похлопал по плечу. Сверкнув глазами, Джош спросил, можно ли тоже обнять ее, и, дождавшись кивка, осторожно прижал к себе, прямо к белой рубашке. Шарлотта увидела, что осталось пятно, но не успела расстроиться — обнять ее захотел и Дэвид, смуглый, носатый юноша, которому необыкновенно шло белое. Но мужчина в платье вмешался, попросив не смущать новую прихожанку.

Две женщины вынесли подносы, уставленные чашками. Шарлотта обратила внимание — многие, взяв чай, клали на поднос монетки. У нее было два медяка, поэтому девушка без зазрения совести выпила горячего, наслаждаясь каждым глотком. Ей было слегка не по себе — слишком много людей, взглядов, непривычного внимания, от которого кровь быстрее течет по жилам. Гул непонятных бесед утомил ее, веселые, шумные парни пугали. Не дожидаясь конца собрания, девушка поставила на поднос свою чашку и тихонько скользнула к выходу. Она надеялась улизнуть незаметно, но Джош поспешил следом.

— Кто ты?

— Шарлотта. Живу в городе, потому что от гетто меня тошнит. Сколько мне лет, не помню. Родители умерли. Что еще тебе рассказать?

— Что захочешь, — мягко улыбнулся Джош. — Я знаю, что ты отважна, раз сумела сюда прийти, умна, раз сумела выжить, хороша — никакой маскарад это не спрячет. Я проводил бы тебя, но сама понимаешь...

— «Живчик» в городе быстро становится мертвецом, — согласилась Шарлотта.

— Ты придешь еще?

— Да.

— Буду ждать. Береги себя.

На улице, как всегда, клубился туман, непроглядный, густой и тяжелый, но Шарлотта шла быстро. Ее переполняла сила, хотелось смеяться, напевать, приплясывать и кружиться, чтобы юбки развевались во все стороны. Лица новых знакомых как стеклышки калейдоскопа мелькали перед глазами, и лицо Джоша казалось самым ярким из них. Доброе, ласковое лицо, внимательные глаза — Шарлотта не разглядела, серые или зеленые — слишком длинные ресницы затеняли их...

— Ваш жетон, мэм!

Шарлотта замерла, изо всех сил стараясь натянуть на физиономию безразличное выражение. Конечно же —

шла слишком спешно и ровно, улыбалась вовсю. Только б скелет подвернулся тупой!

— Прощу, господин констебль.

Старательный скелет осторожно взял круглый жетон с номером, поднес к нагрудному знаку:

— Представьтесь, мэ.м.

— Шарлотта Брэн, продавщица готового платья, возродилась второго марта две тысячи...

Скелет протянул назад латунный кругляш и отдал честь, приложив костяшки пальцев к потрескавшемуся козырьку:

— Все в порядке, можете идти, мэ.м.

Для видимости Шарлотта оперлась на зонтик и старательно заковыляла. Попади она лорду, жетоном бы не отделалась. Разве можно так терять голову из-за дурацкой встречи? Права была Пегготти, все беды идут от мужчин.

Домой девушка вернулась уже ближе к полудню, заперла двери, упала, не раздеваясь, на жесткую постель, но еще долго не могла уснуть, ворочалась и вздыхала. Новое приключение оказалось опасным, очень опасным делом. Она рисковала выдать себя — в лучшем случае это значило бегство и возвращение в гетто, к грязи, болезням, вечному голоду, озлобленным нищим соседям. В худшем... Шарлотта приказала себе уснуть и долго лежала под грязным вязаным покрывалом, зажмурив усталые глаза. Не пойду больше, к Мраку эти компании.

Шесть дней подряд Шарлотта вела себя, как подобает порядочной зомби-мэ.м. Покорно перенесла упреки миссис Гардинер, сбегала в контору, отчистила до блеска полы в торговом зале, пришила все пуговицы и подвязала все ленточки на распродажных нарядах, навестила Джоанну и передала ей заработок — бедняжка ее едва узнала. С работы и на работу ездила только на рикше, тратя небогатые сбережения, не запускала руки в кошельки покупательниц, не ходила украдкой на нелегальный рынок, приютившийся в развалинах стан-

ции метро. Там за сущие пустяки «живчики» продавали любителям свежую и подгнившую рыбу, немудрящие овощи, грубый хлеб, зелень. Шарлотта слышала, среди лордов было модно угощать гостей человеческой пищей, некоторые в обход законов даже держали поваров из гетто. Если блюдо не удавалось, к столу подавали невезучего кулинара.

На седьмой день, перед тем как идти на работу, Шарлотта помыла голову, сначала золой, потом черным хлебом — ей захотелось прийти в собрание без парика. На всякий случай она сменила маршрут, взяла рикшу до Трафальгарской площади, и до рассвета просидела в развалинах, спрятав в сумку ненавистные серые волосы. Утро выдалось таким светлым, что Шарлотта почти поверила — вот-вот из-за ключев тумана покажется солнце. Увы, только отсветы окрасили облака розовым. Прихожане собирались поодиночке, первым пришел «отец» в заношенном сером пальто и простых брюках — похоже, черное платье он надевал только в собрании. «Отца» звали Марк, он ласково приветствовал новую прихожанку, задал пару вопросов — откуда она, умеет ли читать, хочет ли больше узнать про Сотера и молиться вместе со всеми? «Это не обязательно, можешь просто смотреть и слушать. Господь сам скажет тебе «пора». Джош явился одним из последних, с компанией крепких парней, державшихся друг друга. Он помахал Шарлотте и подмигнул ей, но поздороваться не подошел. Девушка пожала плечами — ну и Мрак с тобой. Зато здесь тепло, горят свечи, наливают горячий чай, улыбаются друг другу и никаких мертвецов.

Шарлотта отстояла до конца службу, покорно повторя непонятные слова, падая на колени и подпевая незнакомым песням. Про Марию сегодня не пели, зато попросили прихожан, у кого есть время, задержаться, чтобы собрать подарки для стариков и детей. Бедными были все, но, по словам отца Марка, нескольким семьям приходилось особенно тяжело. Надлежало разделить на двенадцать частей овсяную муку, сушеную рыбу,

молотые желуди и сморщенные зимние яблоки, аккуратно разрезать два больших караваев хлеба, пересчитать милостыню и разделить ее тоже. Кто-то принес в собрание узел детской одежды, Шарлотта охотно занялась привычным делом — латала, подшивала карманы и пуговицы. Отец Марк снова похвалил ее за усердие, и старухи, возившиеся с едой, заулыбались: девушки редко бывают в собраниях, им хватает других забот. Джош тоже задержался немного, помогая отцу Марку починить старинную колыбель, он поглядывал на Шарлотту и ловил ее взгляд, но говорить не стал и ушел первым.

Это было обидно, но не слишком — в собрании девушка отдохнула, как не отдыхала многие годы. Она не помнила, когда ей было так спокойно, так уютно и безопасно. И если для того, чтобы сидеть у огня, нужно твердить молитвы Сотеру — разрази Мрак, она будет молиться.

На третье собрание Шарлотта пришла под проливным дождем, промокшая и расстроенная — несмотря на все старания, грим поплыл, пришлось спешно заляпывать лицо и руки уличной грязью. Она чувствовала себя неловко — многие люди, приходя в Сен-Мартин, старались принарядиться, даже если и не сверкали рубашками, а она выглядела и пахла несвежим трупом. Поэтому Джош к ней и не подходил — мимоходом пожав ей руку, он устремился к товарищам. Там же был и носатый Дэвид и еще какой-то новый парнишка, рыжий, веснушчатый, смешливый и громогласный — отцу Марку дважды пришлось просить тишины, чтобы продолжить собрание.

— Как вы думаете, о чем поведал Сотер, сказав: если Моисея и пророков не слушают, то, если бы кто и из мертвых воскрес, не поверят?

— О том, что всех вас, кроме самых закоренелых преступников, ждет воплощение и жизнь вечная! — раздался глухой, пришепывающий голос от входа. Волна мертвящего холода пронеслась по собранию, пламя

свечей ярко вспыхнуло и угасло. Это явились лорды, безжалостные и бесстрашные. А с ними — Шарлотта разглядела и не поверила своим глазам — давешний воришка, подросток с виноватым и жалким лицом. Мертвеца бы дверь не впустила, лордам нужен был ключ. «Урод, мерзавец! Почему я его не убила?!!»

— Оставайтесь на своих местах, мясо! Кто двинется — умрет медленно. — Пронзительный голос лорда словно пригibas к полу. Шарлотта видела голубые огоньки, пляшущие в глазницах повелевающего мертвеца, различала холодное свечение кожи. За ним толпились другие, вооруженные, нетерпеливые.

— Бегите! Бегите, я задержу! — отчаянно крикнул отец Марк и встал на пути лордов, простирая перед собой деревянный крест. — Дэвид, Джош, Патрик!!!

Что-то отвратительно заскрежетало и грохнуло, поднялись клубы пыли. Там, где раньше был шкаф, забитый толстыми книгами, открылся узкий проход. Джош и рыжий Патрик бросились помогать перепуганным людям спускаться. Дэвид и еще один незнакомый парень в белой рубашке, рванулись к отцу Марку, сжимая в руках бутылки.

— *Glory be to the Father and to the Son and to the Holy Spirit!* — Молитва звенела в воздухе, создавала почти зримую стену. Ярость лордов оказалась бессильной, злоба больше не убивала. Они толпились у входа, как стадо трусливых псов, голубые молнии крушили скамьи, не доставая до прихожан. Лицо отца Марка быстро бледнело, пальцы, сжимающие крест, мелко дрожали, но секунда шла за секундой, а он стоял, торжествуя победу жизни. Неожиданно страх ушел — Шарлотту охватил шальной восторг драки. Она никогда не думала, что лорда можно остановить, и теперь мстительная радость переполняла ее. Хотелось крушить, бить, разрывать на куски! На глаза ей попался старинный тяжелый подсвечник, изукрашенный черненым узором. С воинственным визгом Шарлотта запустила им в про-

тивника — и попала. Раздался вопль, мертвец заметался по залу, вырывая из себя куски плоти.

— Беги, дура! — разъяренный Джош схватил Шарлотту за плечо, дернул к проходу. Девушка сбросила его руку, огляделась в поисках новых снарядов и вдруг замерла — ноздри уловили знакомый, ненавистный приторно-сладкий запах.

— Вика! Они зовут Королеву! Спасайтесь!!!

Не медля больше, Шарлотта рванулась к проходу, протиснулась внутрь, покатила по липкой грязи, вскочила и помчалась со всех ног. За спиной у нее грохнуло, взвыли лорды, донесся смрад горелого мяса. На какой-то момент все перекрыл страшный человеческий крик, но он стих быстро. У Шарлотты подкосились ноги — Джош! Джош погиб, закрывая ее от мертвецов. Но она все равно бежала сквозь душный мрак, не находя в себе силы остановиться — за ней гнались, она слышала частые, чавкающие шаги. Сильные руки схватили ее сзади, она вырывалась, пока окончательно не обессилела.

— Я же говорил — она бешеная! — раздался знакомый голос. — Дэви, бери девчонку, не пожалеешь, она двух парней стоит, а люди нам кровь из носу нужны.

Носатый Дэвид пробурчал что-то неразборчивое и сердитое, Джош отмел его возражения коротким английским словом. Потом осторожно отпустил девушку:

— Шарлотта, ты хочешь, чтобы Лондон освободился от мертвой дряни?

— Больше всего на свете!

— Мы тоже. Я, Дэвид, Патрик, Натаниэль, который погиб сегодня, и многие другие...

— И отец Марк? — догадалась Шарлотта.

— Нет. Он помогает... помогал слабым. А мы сражаемся. Слышала про Тауэр-бридж?

Шарлотта кивнула, вспоминая про взорванный мост, погибающую в волнах Черную Королеву и облаву в гетто.

— Хочешь быть вместе с нами, бороться с властью мертвецов и уничтожать предателей рода человеческого?

Хочет ли она, чтобы воздух очистился? Хочет ли драться — вместе?! Отомстить за все...

— Если я умру, мое тело успеют сжечь?

— Мы не бросаем своих на волю смерти, — твердо сказал Дэвид.

— Тогда да, — твердо сказала Шарлотта. — Я хочу быть вместе с вами.

— Клянешься блюсти заветы Вольного братства, делиться хлебом и мстить за кровь?

— Да.

— Клянешься биться с врагом до последнего?

— Да.

— Теперь ты наша сестра! Иди ко мне, сестренка, — Джош обнял Шарлотту, прижал к перепачканной потной рубашке так сильно, что девушка услышала удары сердца, и сразу же отпустил. Рыжий Патрик в шутку приподнял ее над землей, а Дэвид обнял только одной рукой — вторая была сильно обожжена.

— Пойдем с нами, сестрица. Скорей, пока лорды не спустили собак.

— Вы живете в гетто?

Дэвид покачал головой.

— В Тауэре. Мы наполнили водой старый ров, и зомбаки туда не суются. У нас есть свой огород и пруд с карпами, свои комнаты и постели, и даже ванная. Ты когда-нибудь видела ванну, малышка?

— Я выросла в Доме Викка, — невозможно ответила Шарлотта.

С коротким смешком Дэвид хлопнул по плечу Джоша:

— Ты был прав, она не простая штучка. Поторопитесь, парни... и непарни, тоже поторопитесь!

Сколько часов они шли по извилистым каменным потрохам старого Лондона, Шарлотта не знала. Под конец она так устала, что еле передвигала ноги и чуть не сорвалась с мокрой железной лестницы, ведущей на-

верх, в решетчатый подвал Тауэра. Джош, Дэвид и Патрик выглядели немногим лучше. Ее отвели в маленькую, неудобную комнату с кроватью, стулом, тумбочкой и узким оконцем. Шарлотта легла и уснула, чувствуя в полудреме, как с нее снимают ботинки и промокший жакет. Разбудил ее аппетитный запах, от которого сразу заурчало в пустом животе. Сияющий, как начищенный медяк, Джош стоял у ее постели с подносом в руках:

— Вот липовый чай, горячий и настоящий, урожая прошлого лета. И омлет из куриных — представляешь себе — яиц и оладьи с яблоками.

— Не представляю, — сонно улыбнулась девушка.

— Что вам угодно, мисс Шарлотта — сначала завтрак или сначала ванну? — Джош так потешно изобразил зомби-дворецкого, что девушка раскашлялась от смеха.

— Ванну, конечно же! Может, у вас и чистая одежда найдется?

— Придумаем что-нибудь, — беззаботно отмахнулся Джош. — Прошу.

Страшная, черная ванная с отбитой эмалью разительно отличалась от бело-розовых купален Дома. Но это была настоящая ванна, полная настоящей горячей воды, и даже кусочек серого мыла заботливо лежал на краю, на полотняной тряпочке. Первым делом Шарлотта вытащила из глаз линзы, осторожно потеряла распухшие веки. Потом сняла тусклый мышинный череп, подвесила его на крючок в двери. Потом сорвала с себя одежду и осторожно, чтобы не расплескать ни капли, опустилась в воду. Она терла себя докрасна, сдирая кожу, пропитанную тухлой вонью, распутывала пальцами сальные кудри, скребла шею и грязные пятки. Как жаль, что здесь не было зеркала — Шарлотте страстно захотелось увидеть себя чистой, без грима и мерзких снадобий, разглядеть, красива ли она. Девушка встала во весь рост, отжимая непослушные волосы. Дверь распахнулась — это был Джош с халатом и кувшином.

— Я подумал, тебе захочется сполоснуть... — начал он и не закончил фразу. Шарлотта увидела себя в его расширившихся зрачках.

Джош захлопнул дверь, щелкнул защелкой и начал быстро расстегивать рубашку.

— Позволишь, я составлю тебе компанию?

Оцепеневшая Шарлотта едва кивнула. Она не могла отвести взгляда от бесстыдной мужской наготы.

— Я твоя названная сестра — разве можно любить сестру?

— Пустяки, — отмахнулся Джош. — Мы слишком мало живем, чтобы отказываться от простых радостей. Как тебе нравится это делать, расскажи мне. Хочешь быть сверху или снизу?

— Я не знаю, — мотнула головой Шарлотта.

— Значит, тебе до сих пор не везло с парнями, радость моя, — хмыкнул Джош. — Не смущайся, это совсем не страшно. Слушай себя и делай то, что хочется.

— Я хочу к тебе, — медленно произнесла Шарлотта. — А парней у меня еще не было.

Джош рассмеялся:

— Шутишь? У такой красотки, должно быть, отбоя не было от мальчишек. Сколько тебе лет — пятнадцать?

— Точно не знаю, кажется, двадцать, — сказала Шарлотта. — И я в жизни не видела голых мужчин.

Подвижное лицо Джоша закаменело, он отступил на шаг, пальцы забегали, поправляя одежду:

— Ты действительно говоришь правду?

Испуганная Шарлотта кивнула.

— Проклятье! — рывкнул Джош. — Одевайся и жди в своей комнате.

— Это плохо, что у меня никого не было?

— Это хорошо. Просто чудо как хорошо, — утрюмо сказал Джош. — Ты себе даже не представляешь, Шарлотта-девственница, как оно замечательно.

Завернувшись в тяжелый мужской халат, взяв под мышку сверток грязных вещей, она вернулась к себе.

Съела завтрак, не чувствуя его вкуса, заходила по комнате, потом села на койку, теребя край одеяла. Девушке было тревожно и очень стыдно.

Джош вернулся с Дэвидом и еще одним незнакомым мужчиной — высоким, крупным, с пронзительными глазами. На Шарлотту все трое смотрели жадно и выжидательно. Смуглый Дэвид, отводя глаза, спрашивал — понравилась ли ей комната, хорош ли был завтрак, как она себя чувствует. Шарлотта коротко отвечала. Наконец Джош не выдержал:

— Хватит мямлить, Дэвид, она умная девочка и все поймет. Шарлотта... нам нужно удостовериться, что ты здорова и девственна. Этот человек — Питер, наш... доктор. Да и врач тоже. Разрешишь ему осмотреть тебя?

— Да, — тихо сказала Шарлотта.

Парни отвернулись, она распахнула халат, сбросила его прямо на пол и спокойно подчинилась осторожным рукам доктора. Ее лицо ничего не выражало — Шарлотта чувствовала опасность, и сетования старой Пеготти были здесь ни при чем.

Завершив осмотр, доктор Питер остался доволен:

— Идеальный кандидат, братья! Гимен на месте, девица здорова, сильна, хорошо сложена, нервы в порядке. Джош, ты говорил, что она умница? Значит, справится, должна справиться.

— Что вам от меня нужно? — спросила Шарлотта.

— Не так спешно, сестра. Пойдем с нами.

Они долго шли по запутанным коридорам, поднимались наверх, считали ступени винтовой лестницы с прорезными ступенями. Их ждала круглая, богато украшенная комната на самом верху башни — Шарлотта никогда еще не видела такого нарядного помещения. Но она не стала разглядывать ни портреты, ни причудливые узоры мебели и ковров. Из окон открывался вид на весь город. Сквозь покров тумана пробивались остовы высоток, шпили соборов, с которых давно сбили кресты, извивалась темная лента реки, расчерченная мостами, перелетали с места на место беспокой-

ные стаи ворон, отswerкивала голубыми искрами громадная пирамида Викка. И до солнца было совсем недалеко — девушка чувствовала тепло кожей.

— Приступим, братья! — У Питера был странный голос, глубокий, сладкий и вкрадчивый. — Сестра Шарлотта, избранная и благословенная, ты должна поклясться своей душой, что никто никогда не услышит того, о чем ты сегодня узнаешь. Ты клянешься хранить тайну до смерти и после смерти? Если ты скажешь «нет», то просто уйдешь отсюда, спустишься и останешься в Тауэре, служить нашему делу. Тебя не принуждают и не станут карать за отказ.

Шарлотта молчала.

— То, что тебе предлагают, — ужасно. Ни один человек не может принудить другого к такой судьбе и остаться после этого человеком, но иначе людям не устоять. Мы вымираем, один за другим превращаемся в ходячие трупы. Попытки сопротивления лишь откладывают неизбежное. А чтобы спастись, нам отчаянно нужна женщина. Девушка с нетронутым телом, железным здоровьем и стальной волей. Лучшая из лучших. Такая, как ты, Шарлотта.

— Что я должна для вас сделать?

— Стать Королевой.

Шарлотта закрыла лицо руками. Проклятие жрицы Викка все же нагнало ее.

— Ты не обязана соглашаться, — вмешался Джош. — Шарлотта, ты правда будешь хорошим бойцом, нам всегда не хватает людей. Я... мы все равно любим тебя.

— Две девчонки уже сбежали, — неохотно признался Дэвид. — Еще две погибли во время ритуалов. Я вообще сомневаюсь — да, брат Питер, всегда сомневался, что женщина с этим справится. Вместо спасения мы получим Королеву, которой не будет равных по силе и злобе.

— Белую Королеву, — невозмутимо поправил Питер. — Повелительницу, которая сохранит разум, волю и все жизненные стремления.

— Не доказано, — фыркнул Дэвид.

— У тебя есть идеи получше? — иронично поинтересовался Питер. — Волшебная дудочка, которая выведет всех зомбаков из Лондона и утопит в Темзе? Фабрика по производству святой воды?

— Нет, но это не повод гробить живых людей, — вскинулся Дэвид.

— Ты уверен, дорогой братец? — Питер пристально глянул на Дэвида, заставив того отвести глаза. — У нас нет выхода, мы все это понимаем. Тауэр продержится еще год, еще два года — а что потом? В гетто все меньше людей и живые покорно принимают свою участь, они истощены, обессилели. Для слабых есть ваш Сотер, а сильные гибнут. Нам нужна эта жертва, Дэвид, нужна любой ценой.

— Если б можно было заменить девчонку мужчиной, ты бы пошел? — спросил Джош.

— Конечно, пошел бы. Если не я, то кто? — ответил Питер.

— Если не я, то кто? — тихо повторила Шарлотта. — Когда наступают тяжелые дни, мать Мария приходит ко мне шепнуть слова утешения. Пусть будет так.

Властный Питер склонился перед девушкой и поцеловал ее руку:

— Благодарю тебя, избранная сестра Шарлотта. Это великая жертва! Ты клянешься исполнить все повеления? Сохранить тайну? Вернуться из Мрака в смерть?

Бледнея, Шарлотта повторила: «Да, да, да».

— Ты, должно быть, знаешь, что Черные Королевы имеют власть над возрожденными мертвецами? Они могут призвать их, заставить подчиняться своей воле. Великая Королева, Белая Королева в минуту славы способна подчинить себе сотни, тысячи, десятки тысяч живых покойников, отдать им любой приказ. Прыгнуть в Темзу, шагнуть в огонь, вернуться в свои могилы и никогда больше не тревожить несчастный мир. Представляешь себе — ни одного мертвеца, ни одного смердящего трупа?

— Нет, — осторожно улыбнулась Шарлотта. — Даже представить себе не могу.

— Ты знакома с ритуалами?

Шарлотта поморщилась. Ее ждал месяц ада. Упражнения на концентрацию, ванны из свежей крови, бичевание, жертвоприношения, многочасовые бдения, заклинания нараспев, ядовитый дым, от которого можно потерять разум. Доведенную до исступления жрицу приковывали к алтарю, вызывали демона, чтобы тот забрал ее душу, потом запирали Дом. И наутро из него выходила Черная Королева.

— Белая Королева сражается с демоном, охраняя свою чистоту, и побеждает его. А потом — в минуту славы — лишает себя жизни. Поэтому ей удается сохранить разум, память и волю, не впускать в душу Мрак, по крайней мере сразу.

«А потом?» — хотела спросить Шарлотта, но Джош успел раньше:

— Что будет с Королевой потом?

— Потом... — Питер помолчал немного, глядя в окно. — Потом ее надо как можно быстрее уничтожить, лучше всего сжечь вместе с Домом.

Парни опустили головы, изучая причудливые узоры ковра. Никому, кроме Питера, не хотелось встречаться с Шарлоттой взглядом.

— У меня есть одна просьба, можно?

— Говори, сестра!

— Отложите ритуал на один день. Я хочу отдохнуть. Посмотреть, как в тумане качается город, как парят над крышами вороны, как спокойно растет трава во дворе. Хоть раз в жизни уснуть в постели, не боясь, что мертвец постучит в дверь.

— У нас мало времени, — вздохнул Питер. — Но один день ничего не изменит. Отдохни, сестра, и спасибо за твой великий дар. Я уверен, ты сможешь пройти испытания.

Джош и Дэвид проводили Шарлотту в другое крыло здания. Ее ожидали царские покои — кровать с балда-

хином, ковры, светильники, бархатные тяжелые шторы. Когда парни исчезли за дверью, Шарлотта кошачьим жестом потерлась о мягкую ткань и чихнула от накопившейся пыли. Девушка повалилась на широкой постели, раскинув руки и ноги. Заметив умывальный столик, с наслаждением умылась в тазу, еще раз оттерла шею и руки, деревянным гребнем расчесала кудри. Потом сунула в карман кусок хлеба, вышла за двери — гулять по замку ей не возбранялось — и попросила первого встречного парня в белой рубашке помочь подняться на крышу. До вечера Шарлотта просто смотрела на городские кварталы, поочередно выступающие из-за занавесей тумана, отщипывала от ломтя кусочки кислой мякоти, посасывала корочку и ни о чем не думала. У нее впереди был еще день — целый огромный день.

На закате к Шарлотте слетелись голуби — целая стая серых, пестрых и белых как снег голубей. Может, их привлекли крошки, может человеческое тепло. Острыми коготками они цеплялись за плечи и руки девушки, топтались по волосам, мягкими крыльями задевали лицо и ворковали что-то свое, утешительное и нежное. Очарованная Шарлотта прикасалась к гладким перьям, ощущая, как вздрагивает горячее тельце, как покорно замирает в ладони, чтобы потом рвануться прочь, на свободу. Она встала — и птицы вспорхнули прочь, закружились в тумане разноцветной и шумной стаей. Отец Марк говорил, что к Сотеру тоже летели голуби.

Ночь Шарлотта проспала безмятежно, словно снова стала маленькой девочкой, в те счастливые дни, когда мама и бабушка и сестра были живы. Они с Оливией накрывались одним одеялом, чтобы было теплее, мама пела им песни и успокаивала, обещая: все будет хорошо.

And in my hour of darkness
She is standing right in front of me
Speaking words of wisdom —
Let it be...

★ Брат Джош разбудил ее на рассвете. Он поклонился в пояс будущей Королеве, накиннул на озябшие плечи красную мантию, и, не говоря ни слова, провел ее к ритуальной купальне. От острого, ржавого запаха девушки сделалось дурно, захотелось сбежать — она не сможет, не сможет, нет!!! Сбросив бархат на пол, Шарлотта перешагнула через бортик и опустилась в густую жидкость. Так же спокойно, как накладывала тухлый жир, она втирала овечью кровь в молочно-белую кожу, смачивала кудри, следя, чтобы ни единого сухого волоска не осталось. Бледный Джош наблюдал за ритуалом, сжав губы, заледенев, словно она уже умерла. «У него серые глаза, — улыбнулась Шарлотта. — Среди деревьев или рядом с зеленым бархатом они зеленеют, а когда Джош смотрит на небо — становятся синими, как драгоценные камни. И он останется жив».

— Скажи, Джош, — невинно улыбнулась Шарлотта. — Когда я прикажу мертвецам убраться в ад, чем ты займешься? Будешь ловить рыбу в Темзе, откроешь лавочку, станешь учиться? Женишься на красотке пятнадцати лет от роду и начнешь плодить с ней детишек?

— Тебе нельзя говорить со мной, — буркнул Джош и упрямо сжал губы. — Ты должна думать только о ритуале.

Шарлотте захотелось сказать, что она думает о том, как его пальцы торопливо расстегивали рубашку, но кровь с волос потекла по лицу, возвращая. Ритуал — шаг за шагом, слово за словом — иначе все усилия будут напрасны, демон заберет ее душу, вырвав из тела. Усмиренная Шарлотта набрала полные ладони крови, прикоснулась губами к ней и позволила Джошу помочь ей выбраться из купальни, осушить мягкой тканью липкое тело.

Бичевание оказалось больнее, чем она думала, — двое парней поочередно вспарывали ей кожу короткими, яростными ударами. Потом она, кривясь от боли, сама взяла кнут и повторяла движения — как подсечь ноги,

как достать до лица, как вырвать из рук раскаленную плеть.

Концентрации и заклинаниям Питер учил ее сам. Он был бесконечно терпелив и мягок, раз за разом повторяя неудобопроизносимые слова на давно исчезнувшем языке, поправляя ее ошибки, хваля за любую удачу. Иногда он гладил ее по волосам, ласково и небрежно, иногда с нарочитой почтительностью целовал руку, именуя «Ваше Величество». Когда Шарлотта в первый раз без запинки произнесла вслух сложную формулу, в темных глазах наставника заиграли искорки, он искренне обрадовался успеху. Но под маской приветливой доброты пряталось иное — однажды девушка подглядела в настольном зеркальце подлинное лицо милого брата Питера и навсегда перестала ему доверять.

Самым сложным оказался ритуал жертвоприношения — перерезать глотки истошно блеющим овцам, вспарывать животы поросят, отрубать головы петухам. К великому облегчению Шарлотты, ей не пришлось убивать ни детей, ни девственниц. Наоборот, следуя причудливому ходу ритуала, она должна была помиловать убийцу и собственноручно отпустить на свободу предателя. Шарлотта пришла в неопишуемую ярость, увидав, кого придется вышвырнуть за ворота Тауэра. Ворюшка, паскудный червяк, который продал и предал собрание, натравил лордов на отца Марка... Какое к Мраку может быть милосердие? И все-таки она открыла ворота, отодвинула ржавый засов и даже не толкнула предателя, не отправила пинком в грязный ров. «Сотер любит тебя — пускай он тебя и спасает».

Последней жертвой был голубь, белый как снег, живой голубь. В уединении спальни Шарлотте надлежало, читая заклятия, пустить по ветру щепотку пуха и перо из крыла, затем оторвать птице голову, выпить всю кровь, мясо сжечь, а голову положить под подушку за час до сна. И уснуть... уже несколько дней Шарлотте почти не давали спать, заостря воспаленное воспри-

ятие до предела. Мельком глядя на себя в зеркало, девушка усмехалась криво — где розовые щеки, сияющие глаза, пышные кудри? Гримироваться под зомби-мэм теперь не составило бы труда.

Белый голубь совсем не сопротивлялся, когда Шарлотта достала его из клетки. Он был беззащитный и теплый, маленькое сердце бешено колотилось под перьями, круглые глазки зажмурились. Шарлотта прижала его к себе, зарылась лицом в перья, подула в плечо, глядя на пятнышко розовой кожи. Шейка совсем тонкая, а пальцы уже окрепли, ничего сложного... в том, чтобы открыть окно и отпустить голубя на свободу. Ей и так хватит сил.

Джош ворвался в спальню, когда девушка уже засыпала. Она спросонья не поняла — кто зовет ее, кто сдергивает одеяло с постели, шлепает мокрым полотенцем по лицу и груди.

— Вставай, Шарлотта! Не пугайся и не кричи, шум все погубит. Я устроил побег. Брат, который сторожит нижний этаж в правом крыле, мой должник, он обязан мне жизнью. Я выведу тебя за пределы Тауэра подземным ходом и помогу войти в гетто. Ты сможешь поселиться в пустой лачуге, а потом выберешься из города или снова уйдешь к зомбакам. Погляди, я сберег даже твой амулет.

В кулаке у Джоша и вправду прятался заговоренный череп мыши. Резким движением Шарлотта рванула шнурок, бросила амулет на пол и с наслаждением раздавила босой пяткой.

— Никогда, слышишь! Никогда больше я не буду делать вид, будто я уже умерла. Завтра утром брат Питер начнет ритуал. Послезавтра перед рассветом я поднимусь на вершину Монумента, чтобы приказать всем мертвецам отправиться по могилам и никогда больше не подниматься из них. А потом спущусь на двадцать три ступеньки, и колонна взорвется. Вы с Дэвидом сами набивали ее динамитом. И взойдет солнце. Ты когда-нибудь видел солнце?

When the night is cloudy
There is still a light that shines on me.
Shine until tomorrow,
Let it be...

Тихий голос Джоша прерывался.

— Отец Марк говорил, что это очень старая песня, из тех, что дарят надежду. Ты помнишь его?

— Он был добрый. Самый добрый на свете! — убежденно сказала Шарлотта.

— Скажи честно, если б не я, ты пришла бы в собрание еще раз?

— Конечно! — солгала Шарлотта. — Мне было Мрак знает как одиноко.

— Ты хочешь умереть завтра?

— Нет. Но если не я, то кто?

— Я хотел, чтобы ты знала...

— Помолчи. Иначе я убегу с тобой, а наши дети станут зомбьятами.

— Непременно — хромыми и кривоногими, — попытался изобразить Джош и не смог рассмеяться.

— Брат! Брат...

Они оторвались друг от друга, раскинулись на скомканных простынях. Джош хотел извиниться, что-то сказать, но Шарлотта молча указала ему на дверь. Если кто-то узнает — его убьют как предателя. Хоть бы парню хватило ума бежать. Дверь захлопнулась. Шарлотта провалилась в короткий лихорадочный сон.

Никогда после она не могла объяснить — было ли то сновидением или пророчеством. Шарлотта очутилась в огромном старом саду, среди корявых стволов. На земле были яблоки — гниющие, с пьяным запахом, спелые, сочные, с глянцевыми боками и зеленая падалица вперемешку. С ветвей осыпались бедные лепестки, мелькали пчелы и бабочки, наливались соком розовые бутоны. Рядом с нею был человек в белой длинной одежде, перетянутой простой веревкой. Он говорил о любви и жизни, спасении и надежде — так же путано и светло, как учил прихожан отец Марк. Взяв с земли желтое

яблоко, он протянул ей — ешь. Она откусила до сердцевины, вгрызлась в горьковатую мякоть, ощутила на языке гладкое семечко.

«Сотер любит тебя, — подумала Шарлотта и проснулась. — А Питер возненавидит!» Ее охватил злой кураж. Да, она проиграла и сегодня расстанется с жизнью, а зомби заполнят Лондон. Но зато никакой демон не вырвет ее душу из тела, она просто умрет и станет яблоком, чтобы вырасти в старом саду.

Провожать их выстроился весь Тауэр — ряды братьев в ослепительно белых рубашках, бородатые старики поодаль. Джоша не было видно — конечно, он мог ждать их и в Монументе, но Шарлотта надеялась — ему достанет здравого смысла исчезнуть. Она шествовала неспешно, как настоящая королева, величественно одаряя взглядами сияющих от восторга подданных. Роскошное платье из многослойного белого шифона волоклось за ней по пыльному полу — те, кто придумывал ритуал, никогда не пробовал драться в платье. Поймав недоуменный взгляд Питера, Шарлотта сделала вид, что полностью поглощена заклинаниями, монотонными странными текстами. Какая разница, через пару часов все кончится. Все кончится хорошо.

Четыре парня, держа носилки, укутанные нарядным пологом, уже ждали процессию в подземном коридоре. Послушная Шарлотта села в них и постаралась получить удовольствие от последнего в жизни путешествия. Старая Пегготти, ты бы точно стала плеваться, размахивая клюкой, вопить, что у любой двери всегда есть ключ, а у любой клетки выход. Если ты вдруг и стала яблоком, бессовестная старуха, то помятым, подгнившим с одного боку, но все равно душистым и сладким. Шарлотта тихонько хихикнула и чуть не сбилась с канона. Ее подташнивало — от бессонной ночи, долгого поста и качки.

На вершину Монумента, к площадке, они поднимались пешком, по бесконечной винтовой лестнице. Великолепный Питер в фиолетовой мантии, расшитой зо-

лотом, Дэвид, нагруженный клетками с жертвенными животными, она и Абель, мальчик из младших братьев, который добровольно решил погнаться на алтаре, предвзялая великую жертву. Его кровью придется... пришлось бы чертить магический круг. Невозмутимый Джош уже был наверху — парень расставлял и зажигал свечи, сотни свечей. Он поднял взгляд на Шарлотту — в серых глазах играли золотистые отблески пламени.

Подхватив неудобный подол, Шарлотта стала у одного из окон, ожидая, пока закончатся приготовления. Двери маленькой залы распахнули настежь, окна открыли. Бич с рукоятью, окованной серебром, положили на крытое шкурой блюдо, чаши с вином и кровью расставили по четырем углам алтаря, подожгли душистые благовония. Из особого сундучка Питер благоговейно достал драгоценности — венец, украшенный бриллиантами, два кольца со сверкающими рубинами и голубой топаз, оправленный в золото — камень девственниц. Преклонив колена, брат поцеловал подол платья будущей королевы и начал ее украшать. Венец больно сдавил виски, кольца болтались на пальцах, и только топаз лег точно — в ложбинку между грудой.

Питер отступил на шаг, самодовольно любясь делом рук своих.

— Сработало! Я был уверен, что все получится. Спасибо, Джош!

— За что? — Дэвид и Джош одинаково удивились.

— За то, что соблазнил нашу маленькую распутницу. Не бывает целомудренных женщин, бывают женщины, которых плохо уламывали. Камень молчит — на шее у девственницы он светился бы голубым. Зато играют рубины — глупышка зачала с первой ночи. Идеальный кандидат, безупречная жертва. От крови жрицы-предательницы, не прошедшей последнего ритуала, потеряет голову любой демон, нужно только его подчинить. В подвалах Тауэра гнили разные заключенные — вот этот перстень, родом с Востока, я нашел на руке при-

кованного скелета. Он украшен старинной вязью мертвого языка, означающей «все пройдет», и ему повинуются адские духи. К Мраку всех королей, в Лондоне будет Король, подлинный, великий...

— Псих! — крикнул Джош.

— Предатель, — ужаснулся Дэвид. — Брат, ты не имел права так поступать с нами.

— Повелитель! Наш повелитель, — восторженно крикнул маленький Абель. — Преклоните колена, братья!

Дэвид коротко выругался. У Джоша в руках блеснул нож, похоже, он готовился к драке.

— Я всегда знал, что ты дрянь, Питер, но не подозревал, насколько. Посмотри, ты воняешь, как залежавшийся труп, и думаешь так же. Что ты ответишь братьям, когда мы соберемся за круглым столом?

— Ничего, глупый щенок, — круга больше не будет. Лорды в стальных доспехах на закате спустятся в подземелье, а к рассвету им придется слушать меня, и живым и мертвым. Стреляй, мой мальчик!

Раздался щелчок арбалета, стрела с отвратительным всхлипом пронзила горло. Джош коснулся дровяка, удивленно воззрился на окровавленные пальцы и упал. Дэвид отпрыгнул к стене — он был безоружен.

— Как ты мог, брат? Ты сражался и голодал вместе с нами, за тебя умирали люди!

— Молодость наивна, зрелость мудра. Я шел к власти долгие годы, я искал мудрости и обрел ее. Если не можешь справиться с бурным потоком, оседлай его и плыви. Ты не понимаешь, бедный Дэвид, и никто из братьев не понимает — прежний мир обречен, бог отвернулся от нас. В битве жизни и смерти всегда побеждает смерть, Лондон стал кораблем мертвецов, и нам с него не сойти. Ты ведь сам думал о власти, выводил в дневнике «Кинг Дэвид». Смирись, выхода нет.

Вместо ответа Дэвид швырнул в предателя кубком, расплескивая вино. Торжествующий Питер взмахнул руками, и кубок завис в воздухе.

— Видишь, как велика моя власть? И это только начало. Абель, мальчик мой, где оковы?

Пригнувшись за алтарем, Шарлотта яростно кромсала платье — как хорошо, что у Джоша был острый нож. Бледное лицо мертвого юноши было совсем рядом... плакать она будет потом, когда выберется отсюда. Сотер любил тебя, Джош. И меня он, наверное, тоже любит! Тяжелая рукоятка бича оказалась прямо над головой, пальцы Шарлотты сомкнулись на серебре.

От волнения Абель никак не мог справиться с засовами кандалов. Парализованный заклинанием Дэвид молчал, Питер терял терпение. Камень в перстне светился мертвенно-белым, словно подмигивал Королю. Где-то в городе выли собаки.

Ррррраз! Ком легкой ткани взметнулся в воздух словно призрак умершей королевы, белое облако опустилось на торжествующего Питера. Два — удар бича подсек ему ноги, опрокинул в сияние свечей, душный дым благовоний. Ткань вспыхнула моментально. Три — Шарлотта вылетела наружу, сцепила петлей бича дверные ручки и покатилась по лестнице кубарем. Она выиграла пару минут.

Братьям, что ждали у входа в подземелье, не понадобилось ничего объяснять. Двух слов «башня горит» хватило, чтобы они побежали со всех ног. Шарлотта тоже рванулась прочь, но не знакомым ходом, а в другую сторону, в сырую тьму подземелья. Она мчалась изо всех сил, сколько хватало дыхания, молясь лишь об одном — не споткнуться. Взрыв качнул землю, Шарлотта почувствовала мягкий толчок и упала лицом в милосердную грязь. Потом поднялась и, опираясь на стену, побрела дальше. Нож она не отпускала, цеплялась за плетеную рукоять. Джош умер. Умер Джош. Умер. Умер. Как мама и бабушка, как отец Марк, как старая Пегготи. И она тоже умрет, одна-одинешенька в черном чреве столицы, грязь пропитает ей волосы, смешается с

кожей, потечет по жилам. Смерть вокруг, прав был Питер, прав, прав — надо сдаться, лечь на землю и плыть вместе с кораблем мертвецов по воле неизбежной судьбы...

When I find myself in times of trouble
Mother Mary comes to me...

Шарлотта почувствовала, что обруч бриллиантового венца сжимает ей голову, а цепь пригибает к земле. Украшения полетели в грязь, Шарлотта побрела дальше. Ей все сильнее хотелось есть. По счастью, вода в подземельях была в избытке — чистые струйки просачивались сквозь щели в камнях. Шарлотта пила вволю и всякий раз умывала лицо и руки — если она выживет, то будет умываться каждый день, чего бы ей это ни стоило. Когда ноги перестали держать ее, Шарлотта свернулась клубком у стены и попробовала уснуть. Прохладная грязь облегчила боль в мышцах, но живот сводило голодными судорогами. Хоть бы корочку хлеба — ту, что она так расточительно крошила птицам! Хоть бы вяленую рыбку, с сухой головкой и колючими солеными плавниками. Хоть бы яблоко, горьковатое, сочное из давешнего сна. Шарлотта сглотнула слюну — ей почудилось, что сок наполняет ей рот, зернистая мякоть крошится под зубами, кусочки проскальзывают в горло. Стало легче, словно воспоминание обратилось пищей. Опираясь о стену, она сумела встать на ноги и пошла дальше.

Сколько времени она бродила по бесконечным переходам, коридорам и рвам, Шарлотта не знала. Она грезила наяву, пела, говорила с мертвым Джошем, захлеб выкладывая ему все, что не успела сказать при жизни. Она корила себя, горько раскаиваясь, что не сумела совершить ритуал — и тут же спорила сама с собой. Смерть не побеждают смертью! Пару раз ей удавалось выловить в донных потоках безглазых рыб, которых Шарлотта проглотила сырыми. Однажды — наткнуться на заброшенное и ограбленное бомбоубежище. Грабители уволокли все ценное, но под грудой сгнивших по-

лок обнаружилась жестяная коробка галет, окаменевших от времени, но поразительно вкусных.

Силы Шарлотты иссякали. Будь она одна, возможно, смерть в подземелье показалась бы ей лучшим выходом, но, если у нее и вправду должен родиться ребенок, пора выбираться наверх, искать себе новое убежище. Видимо, в гетто — к мертвецам она больше не подойдет. Но в гетто ее найдут братья. Удастся ли объяснить им, что Питер оказался предателем, прежде чем в нее метнут нож или выстрелят из арбалета? Может, проще вовсе уйти из города, отыскать пристанище в глухом лесу, где давно не слыхали о людях? Но сначала — наверх. Два кольца с рубинами сохранились, их можно будет выменять на еду.

Шарлотта стала ощупывать стены и поднялась по первой лестнице, которую отыскала. Отодвинуть люк оказалось непростой задачей, она ободрала себе все пальцы, но справилась. Дневной свет оказался болезненно ярким, пришлось зажмуриться, слезы брызнули из глаз.

— Хватайся за меня и держись! Осторожненько, нука... Ты пряталась там от пожара?

Чьи-то заботливые теплые руки помогли ей выкарабкаться из ливневого колодца, подняли на ноги.

Шарлотта осторожно приоткрыла глаза — перед ней стояла худая, небрежно одетая женщина из гетто. Румяная и улыбающаяся женщина из гетто. За ее спиной чернела арка парадных ворот — люк вывел к самому Вестминстерскому дворцу. Похлопав себя по карманам, незнакомка вытащила горбушку черствого хлеба, в которую Шарлотта, ахнув от удивления, вцепилась зубами.

— Настрадалась ты. Кушай, пусть сил прибудет. — Женщина сочувственно смотрела на худое лицо спасенной.

— В гетто не подают нищим и не делятся едой, — произнесла Шарлотта, слизнув с ладони последние, невидимые крошки. — В гетто каждый живет за себя.

Чем я должна расплатиться, почему ты так добра со мной?

— Потому что ад забрал своих слуг! Город горел семь дней и ночей, уцелело лишь гетто и башни Тауэра. Ни единого мертвеца не осталось, ни единого на тысячу миль вокруг! Я жду ребенка, понимаешь, — я жду ребенка, и он останется жив!

— Как тебя звать?

— Мария.

Пошатываясь от слабости, Шарлотта вышла за ворота гетто. Вокруг простиралась черная выжженная земля, торчали черные зубья стен, скалились ограды. Тут и там сновали измазанные в золе люди, одни выискивали что-то в пожарище, другие просто глазели вокруг. Клоузы тумана таяли, цепляясь за черные ветви деревьев. Над Лондоном взошло солнце.

ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ

АПАНОВСКИЙ ИНЦИДЕНТ

21/06/1983 г., 17 час. по местному времени

«...к 10.00 эвакуация персонала, находившегося вне зоны выброса, полностью завершена. К 14.00 очаг поражения локализован. В настоящее время ведется зачистка территории объекта «п/я 87125» от последствий выброса. Согласно заключению экспертов, концентрация биоактивных веществ, попавших в атмосферу, не достигает критического уровня. По данным на 16.00, число пострадавших в результате инцидента...»

*(Из Докладной записки старшего оперуполномоченного
15-го Главного управления КГБ СССР П.А. Губаря)*

На этой станции поезд стоял две минуты. Каких там две! Они едва выпрыгнули на растрескавшуюся бетонную плиту платформы, едва вытащили рюкзаки, как машинист дал гудок, и вагоны, громко лязгнув, поплыли мимо них, сначала медленно, затем все быстрее

и быстрее. И когда рельсы перестали гудеть, а хвост состава превратился в темное пятнышко у самого горизонта, они окончательно поняли — приехали...

«Ст. Апановка», — сообщала надпись на потрепанной ветрами и временем табличке. Но самой станции в природе, по-видимому, не существовало. Или в здешних местах слово «станция» означало именно это: деревянное строенье, смахивающее на сарай, рядом — навес с деревянной же лавкой под ним, и больше ничего.

— Че дальше делать? — Колян повернулся к Глебу.

Глеб был старшим. Во-первых, четверокурсник. Во-вторых, бригадир. В-третьих, вернее, в-наипервейших, именно его назначили старшим группы квартирьеров, отправленных готовить будущее место дислокации стройотряда «Целинник».

— Встретить нас должны, — неуверенно пожал плечами Глеб. Если их и встречали, то разве что кузнечики, от стрекота которых начинало звенеть в ушах.

— И где? — продолжал допытываться Колян.

— А я знаю?

Колян цыкнул сквозь зубы, спрыгнул с платформы, бросил рюкзак прямо на траву, под деревянный, добротно просмоленный столб — сразу не разберешь, телеграфный или электрический, — неторопливо зашагал к будке. Глеб постоял, подумал, пошел следом.

Окошко с вывеской «Билетная касса» было закрыто ставенкой. Колян постучал, подождал, постучал еще раз. Аборигены реагировать не хотели. Тогда он обошел будку вокруг. С тыльной стороны обнаружилась дверь с амбарным замком впечатляющих размеров. Колян подергал ручку для порядка. Но дергай не дергай, а и так видно — заперто.

— Нету никого, — сообщил он Глебу, будто тот сам не видел. — Перерыв, что ли?

Глеб посмотрел на часы. Час по Москве. А по-здешнему? Пять? Ну да, солнце уже опускается.

— Может, выходной? — предположил.

— Чего это среди недели выходной? И если я билеты купить захочу, тогда как?

Глеб не ответил, пошел обратно вокруг будки. Рядом с окошком висело расписание — выцветшее, пожелтевшее, местами еле читаемое.

— Тут следующий поезд в час ночи, — буркнул. — К тому времени кассирша и придет. Может быть.

Повернулся и побрел к столбу, где рядом с кучей рюкзаков поджидали остальные трое из его команды: Эдя, Анька и Шурик.

— Че там? — Эдя успел выудить из своего пузатого рюкзака флягу с водой и теперь смаковал неторопливыми маленькими глотками.

— Закрыто все. Ждать будем.

— Долго?

Глеб не ответил.

Терпения у команды хватило минут на сорок. За это время они десять раз сыграли в дурака, Шурик поймал-таки кузнечика и поменял его у Эди на сигарету. Потом кузнечик непонятным образом свалился прямехонько в вырез Аниной майки. Девушка повизжала для приличия, но так как выяснить, кто именно сделал эту пакость, не удалось, ссора затихла в зародыше.

Потом Колян опять насел на старшего:

— Глеб, мы до ночи здесь торчать будем? Может, пойдем пешком?

— Пятнадцать километров?

— А че?

— Не, пешкодралом я не договаривался, — тут же возмутился Эдик. — Лучше подождем.

— Тебе полезно пройтись. Может, похудеешь. А, Глеб?

— Ну, я как народ.

Народ проголосовал тремя против одного. Поэтому встали, вскинули рюкзаки на спины и пошагали на север, по узкой шоссейке, убегающей в степь.

21/06/1983 г., 21 час по местному времени

«...связь оборвалась. Маловероятно, что это связано с инцидентом на объекте «п/я 87125». Но так как населенный пункт лежит по следу образовавшегося в результате выброса облака, я принял решение направить представителя экспертного отдела в сопровождении...»

*(Из Докладной записки старшего оперуполномоченного
15-го Главного управления КГБ СССР П.А. Губаря)*

«Совхоз им. Омара Дошанова». Жестяной указатель, такой же потрепанный, вылинявший, как все здесь, они миновали в сумерках. Метров через двести шоссе круто поворачивало вправо, огибая длинный широкий овраг. За оврагом видны были домики поселка, однако Глеб свою команду туда не повел. Не доходя до поворота, он свернул с дороги к двум сиротливо торчащим посреди степи кирпичным коробкам. Вернее, посреди пустыря, так как степь здесь была затоптана, перерыта, зияла проплешинами рыжей глины.

— Это че? — тут же поинтересовался Колян.

— То самое. Тут будем «микрорайон» новый для них строить. Ну и жить, само собой.

— В этих хибарах? — с сомнением уточнил Эдя. — В них хоть крыша есть?

— В одном есть. Во втором нужно покрыть, пока ребята приедут. Микрорайон в прошлом году отряд из Уфы строить начинал, да не успели. Нам нужно до ума довести эти два и пять новых поднять с нулевого цикла.

В крайнем от дороги доме крыша, в самом деле, была. И потолок, и окна, и двери — наружные. Даже электричество подведено, и стоило щелкнуть выключателем, как в кухне вспыхнула лампочка. Правда, была она одна-единственная на весь дом, но это мелочи. Собственно, до сдачи «под ключ» здесь оставалась только внутренняя отделка.

Они всей толпой прошлись по дому. Коридор, кухня, три комнаты, одна большая, проходная, две изоли-

рованные, вроде как «спальня» и «детская». Половина отряда запросто могла разместиться, а уж пятеро квартирьеров — и подавно. В дальней комнате, «спальне», лежали стопки матрасов, подушек, трепанных-перетрепанных одеял. Здесь же высились и штабеля разобранных железных коек.

— Вот жеж романтика! — присвистнул Эдя. — А постельное белье хоть есть?

— Какое белье, е-мое? Спим по-походному, устали ведь! — возмутился Колян. — Давайте постелем матрасы на полу и спать завалимся, а койки завтра собирать будем.

Ответа на свое предложение он ждать не стал. Схватил в охапку матрас, потащил было в «детскую». Но тут уж возмутилась Аня:

— А я где, по-твоему, спать должна? В коридоре?

— Аня спит в угловой, а мы в большой. — Глеб поспешил напомнить, кто здесь старший.

— Да мне все равно. — Колян повернул обратно. Бросил матрас под стену проходной комнаты, предупредил девушку для порядка: — Только не наступи, когда ночью «пи-пи» приспичит.

Спустя десять минут с «постелями» разобрались, лампочка по всеобщему согласию переключалась в большую комнату. Колян попытался сразу и «отбиться», но Эдик категорически не согласился лечь спать без ужина. Проголосовали: четверо против одного за ужин.

— Руки мыть пошли! — позвал Глеб. — Умывальник и колодец — во дворе. Но вода там техническая, пить не рекомендую.

— А питьевая где?

— Привозная. Завтра договоримся с местными.

Руки пошли мыть Шурик и Анька, Колян и Эдя поленились. Колян тут же вытянулся на матрасе, оставив на Эдю заботы о вскрытии банок тушенки.

— Заехали, блин! — проворчал он недовольно. — Ни воды, ни фиги. А представляешь, какая тут жара через месяц будет? Ни одного ж деревца вокруг.

— Ну, месяц! Это еще дожить надо.

Когда вернулись Глеб и остальные, тушенка была вскрыта, остатки буханки покромсаны. Эдя и шмат сала хотел выложить, но его отговорили. Во-первых, после соленого пить будет хотеться, а нечего. Во-вторых, сало — это «НЗ», на самый крайний случай.

Лопали молча. Лишь когда Глеб пустил по кругу бутылку с минералкой, Шурик спросил:

— Глеб, а ты заметил — в поселке темно.

— А ты думал, здесь ночь, а за оврагом день будет? — подколот его Эдя.

— Не, я о том, что света в домах не видно.

— Не заметил, — пожал плечами старший.

— Это потому, что у тебя два глаза, а у него... — Колян не договорил, замолчал, прислушиваясь.

И остальные повернули головы к входной двери. Снаружи отчетливо урчал, приближаясь, автомобильный мотор.

— Приехал кто-то?

— Наверное, те, кто нас должен был встре...

Бац!

Дверь распахнулась так резко, что Аня взвизгнула, а у Эди пустая бутылка вывалилась из руки. И не только от этой резкости вывалилась. На пороге стоял дебелый мужик, кулаки, что твои кувалды. Пистолет в такой лапше казался игрушечным. Хотя игрушечным он наверняка не был.

Мужик удивленно обвел взглядом компанию:

— А вы кто такие?!

Испуг улетучился в минуту — незнакомец был одет в серые, с красной лампасиной форменные брюки. И рубашка на нем была форменная, милицейская.

Глеб кашлянул, прочищая горло, начал подниматься:

— Здравсьте. Мы студенты, стройотряд «Целинник». А вы участковый, да?

— Студенты? Откуда вы взялись? — Вопрос о своей должности милиционер проигнорировал.

— Работать к вам приехали, дома строить. Нас встретить сегодня должны были, в Апановке. А не встретили, пешком идти пришлось.

— Та-а-ак... Вас здесь не хватало. — Милиционер смерил Глеба взглядом. — Ты старший? Пошли выйдем на пару слов.

Напротив крыльца стоял «уазик», а в двух шагах справа от него... Вот такой расклад Глебу не понравился. Справа от машины стоял человек с автоматом в руках, и автомат это смотрел дулом прямо Глебу в голову. Тот же настоящий, «калаш», похожий на те, с которыми приходилось мудохаться на «военке», только новее. Еще двое сидели в «уазики»: водитель за рулем и женщина сзади. Вооружены ли они, Глеб не разглядел.

— До нас кто-нибудь приходил? — стукнул его ладонью по плечу милиционер. — Вообще, встречали здесь кого-нибудь?

— Н...нет.

Милиционер хмыкнул, раздумывая. Почесал затылок. Потом скомандовал:

— Значит, так, студент, что с вами делать, завтра пойдем. А ночью чтоб из дому нос не высывали. Двери закройте и свет погасите. Чтоб не видно вас было и не слышно. Понятно?

— Понятно, — с готовностью кивнул Глеб. Хоть ничего ему понятно не было. Но когда тебе в лицо смотрит «калашников», желания спорить и расспрашивать не возникает.

«Уазик» покати́л в сторону поселка и вскоре растаял в совсем уже сгустившихся сумерках. А дома за оврагом в самом деле стояли темные, Шурик не ошибся. Глеб потоптался на пороге, почесал макитру — точь-в-точь как милиционер перед тем — и вернулся в дом.

Повторять разговор слово в слово он не стал — зачем молодых пугать? Просто распорядился лечь спать и выключил свет. Он и дверь бы запер, только как ее запрешь, когда замка нет? Перетащил одну сетку, прислонил. Теперь если кто-то войти попытается — грохота будет...

21/06/1983 г., 23 час. по местному времени

«...по сообщению эксперта, концентрация биоактивных веществ в атмосфере ниже критического уровня. Взяты пробы грунта и воды для расширенного анализа...»

*(Из Докладной записки старшего оперуполномоченного
15-го Главного управления КГБ СССР П.А. Губаря)*

— Глеб, а, Глеб?

Трясли за плечо настойчиво, пришлось проснуться и открыть глаза. Тьма вокруг стояла кромешная, белобрысая голова Шурика в ней едва угадывалась.

— Что?

— Там стреляют. В поселке.

Глеб хотел переспросить, но не понадобилось, сам услышал. Приглушенный расстоянием выстрел из охотничьего карабина прорвался сквозь храп Эдика. Еще один. И — «та-та-та!» — короткая автоматная очередь. Словно где-то в поселке шел небольшой бой.

В темноте зашлепали босые ноги.

— Глеб, что это? Это стреляют? — Аня присела на краешек матраса.

— Вроде.

— Ой... Ребята, можно я с вами останусь? А то там страшно одной.

Утро началось тихо и мирно. Словно все ночные происшествия были не больше, чем плохой сон. Эдя так и считал их чужим кошмаром, не хотел верить в стрельбу и в людей с автоматами. А вот в то, что жратва заканчивалась, он верил охотно. И очень об этом беспокоился. Брали ведь только на дорогу, в полной уверенности, что в совхозе студентов встретят и хлебом, и солью, и всем остальным, чем положено. А о студентах, похоже, забыли. И следовало что-то предпринимать, чтобы напомнить о себе.

«Нужно что-то делать, нужно что-то делать», — Глеб наблюдал, как минутная стрелка на часах выписывает

★
круг за кругом. Нужно что-то делать, а не сидеть на пороге, смотреть, как на пустом шоссе ветер закручивает султанчики пыли, как гоняет серебристые волны травы по степи. Степь здесь была непривычная: цветов нет, трава сухая уже в июне и такая редкая, что каждый стебелек отдельно торчит. Неправильная степь. И поселок неправильный — ни речки рядом, ни ставка. Во дворах вместо яблонек и вишен торчат одинокие свечки тополей. Неправильные деревья, ни тени от них, ни удовольствия.

Стройотряд в этом году тоже начинался неправильно. Глеб уговаривал свою команду — «...подождем до десяти», потом — «...до одиннадцати», потом — «...до двенадцати». Но проблема сама собой не рассасывалась. Главное, пить очень хотелось! И есть. Но есть — это второстепенно, главное пить. Когда Колян заявил, что ему начхать на все и он будет пить техническую из колодца, Глеб решил:

— Так, я иду в поселок, искать местное начальство. Николай и Александр — со мной. Эдик, Аня — вы здесь остаетесь, вещи караулить. Если приедет кто, расскажете, где нас искать.

По дороге они не пошли, чтоб крюк не делать. Полезли через овраг, благо тропинка там имелась. Шурик, конечно, умудрился скovyрнуться, расцарапал руку, но зато в поселок они попали гораздо быстрее.

Колян кинулся к первой же калитке:

— Хозяева! Хозяева! Водички дадите попить?

Никто не откликнулся. И во втором, и в третьем дворе было пусто и тихо. Даже жутковато становилось: что они, повымерли все?

— В правление пошли, там и попьем, — предлагал Глеб.

Но Колян упрямо пробовал звать снова и снова. И в конце концов докричался. Дверь очередного дома отворилась, выпуская на свет божий сгорбленную, чуть ли не скособоченную бабку.

— Бабушка, здравствуйте! Водички можно у вас попить?

Бабуля не ответила ни «да», ни «нет», молча потопа-ла к калитке. Видно, была она глуховата. И слепая — дорожки не разбирала, шла напрямик по грядке с зеленью.

— Водички... — уже не так уверенно повторил просьбу Колян.

И отпрянул. Бабуля дошла до калитки и неожиданно рванула ее на себя. Калитка была закрыта на щеколду, изнутри, но бабуля этого не замечала, рвала и рвала ручку. Да она пьяная ко всему прочему?! Или чокнутая? Но точно слепая — радужка глаз у нее была какая-то неестественно светлая, почти белая.

— Пошли, пошли отсюда. — Шурик и Глеб поспешили оттащить Коляна прочь от злосчастного двора.

Следующего аборигена они увидели, когда свернули с проулка на широкую, мощенную асфальтом улицу.

— Скажите, пожалуйста, правление в той стороне? — окликнул его Глеб.

Мужик не ответил, как и бабулька. Однако вопрос услышал, так как повернулся всем корпусом на девяносто градусов и заковылял к студентам. Именно заковылял — будто не шел, а с каждым шагом падал на выставленную вперед ногу. Они терпеливо поджидали его — мало ли, что у человека с ногами! Но когда до аборигена осталось метров десять, ждать Глебу перехотелось. Что-то в человеке этом было неправильное. Угрюмое молчание, застывшее, будто маска, лицо, немигающие глаза, такие же белесые, как у старухи. А особенно неправильным и неприятным был обломок штакетины у него в руке.

— Ладно, и сами найдем. — Глеб дернул плечом, потянул спутников: — Пошли быстрее, неохота связываться со всякой пьянью.

Чем ближе к центру поселка, тем больше попадалось народа. И все, как на подбор, — неправильные. Теперь их и звать не требовалось, они выходили со дворов, из переулков, шли следом. И многие не с пустыми

руками. Аборигены несли какие-то дреколья, лопаты, у одного Глеб заметил топор. Становилось не по себе от этого молчаливо шаркающего эскорта. Шурик то и дело нервно оглядывался, и даже Колян начал хмуриться:

— Да че у них тут, все село с бодуна? Может, у них вчера праздник какой был, местный? Потому и про нас забыли?

Глеб не ответил. Кто его знает, может, и праздник. Только закончился этот праздник не весело, неправильно закончился. Потому и милицию вызывать пришлось. Потому и с «калашей» стреляли...

На площадь они выскочили почти бегом. И так же бегом кинулись к одноэтажному, аккуратно выбеленному зданию с трепещущим на ветру красно-синим флагом над фронтоном и жирными, черными буквами вывески: «Правление совхоза им. Омара Дощанова». И этот флаг, и вывеска, и чистенькая побелка успокаивали, возвращали уверенность в прочности и незыблемости советского строя. Сейчас все выяснится, мы же не в Америке живем, в конце-то концов!

За углом правления они увидели давешний «уазик», в нем, кажется, кто-то сидел. И это тоже было хорошо, тоже успокаивало. Они замедлили шаг, поднялись на крыльцо, вошли внутрь чинно, с должным почтением. Как и полагается входить в государственное учреждение.

22/06/1983 г., 14 час. по местному времени

«...машина с экспертом к назначенному сроку не вернулась. По состоянию на 13.00 связь с группой отсутствует...»

*(Из Докладной записки старшего оперуполномоченного
15-го Главного управления КГБ СССР П.А. Губаря)*

Аня не любила скучать. Да и с какой стати скучать? Она повар в стройотряде, для нее фронт работ всегда найдется. Пока ребята пошли в поселок, а Эдя завалился дрыхнуть, она устроила ревизию своему рабо-

чему месту, то бишь кухне. Проверяла, считала, записывала — чего сколько есть в наличии и чего еще требуется. Три кастрюльки — мало! Сковородки... Ого, большая какая. На фига такая? Лучше две нормально-го размера. Тарелки... Блин, треснутых сколько. Ложки, вилки... а ножи где? Ага, вот они, даже разделочный есть, мясо рубать. Аня попробовала его пальцем — острый. Она терпеть не могла тупые ножи.

За посудой пришел черед газовой плиты. Четыре конфорки, баллон внизу, интересно, полный? Она открыла вентиль, чиркнула спичкой, поднесла к конфорке. Ручка шла туго, с усилием, графитовая смазка нужна. Да где ее взять здесь? Придется помучиться. Ручка наконец поддалась, пламя вспыхнуло синим венчиком. Отлично! Если Глеб продукты привезет, можно будет на ужин что-нибудь сготовить. Супчику...

Она увлеклась, не сразу услышала шорох за спиной. А когда и услышала — не усомнилась, что Эдя дурака валяет. Напугать хочет, сейчас за бока схватит. Пацаны постоянно так делают, лишь бы пощупать. Пощупать у Ани было за что. Ох и получит Эдя по мордасу!

Она приготовилась... Есть! Бац!

Это был не Эдя. Плосколицего — явно местного — пацана ее оплеуха нисколько не впечатлила. Он оскалил кривые желтые зубы, потянул девушку к себе. Аня дернулась так, что майка на спине треснула. Отпрыгнула в сторону.

— Тебе чего?! — заорала.

Парень шагнул ближе. Парень Ане не нравился. Был он на голову выше нее, значительно сильнее и какой-то весь из себя подозрительный. А главное, дверь — пусть к свободе — осталась за его спиной! За спиной же девушки — глухой угол. Зажмут ее в этот угол и изнасилуют...

С нижней губы парня потекла густая, тягучая слюна. Прилипла к подбородку, повисла соплей. А глаза у него были белые и будто неживые. Нет, нехороший па-

рень, совсем нехороший. Это еще повезет, если он только изнасиловать ее собирается.

И, поняв это, Аня заверещала. Громко, истошно, так, что не только в поселке, а и в Апановке слышали, — если, конечно, там было кому слышать. А уж Эдик проснуться должен был непременно. Но кричала она, естественно, не в надежде на его помощь. Она и забыла о нем! Кричать в минуту опасности — извечный женский инстинкт.

Эдя услышал, влетел на кухню. Остановился в дверях, удивленно моргая. Картина в самом деле была непонятная. Анька продолжала визжать, забившись в угол, а к ней медленно приближался какой-то незнакомец, выставив вперед руки.

— Э! Ты че?

На оклик незнакомец не реагировал. Да, может, и не слышал за Анькиным визгом? Тогда Эдя подскочил к нему сзади, схватил левой рукой за плечо.

Он ожидал всего: что парень попытается скинуть его руку, не оборачиваясь, и тогда придется врезать ему по кумполу. Или развернется и попробует ударить — тогда получит прямо в нос. Врезать Эдя умел. Драться по-настоящему у него не получалось — проворности не доставало, — но один раз врезать мог, вложив в удар всю свою немалую массу.

Не ожидал Эдя единственного. Что незнакомец наклонит голову и схватит лежащие на плече пальцы зубами. А именно это и произошло.

От жуткой, пронзительной боли потемнело в глазах. Эдя взвыл, сразу заглушив Анькин визг. Пропустил мгновение, когда нужно было ударить, не увидел, как парень разворачивается, так и не разжав челюстей, как хватает руками его руки. Эдя орал от боли и ужаса, слыша, как хрустят перекусываемые фаланги пальцев...

В правлении стояла гробовая тишина. Только мухи жужжали. Громко жужжали. Много мух. И еще духота, и запах такой... Неприятный, неправильный.

От тишины, от мух, от запаха уверенность, что все будет хорошо, что все выяснится, исчезла так же быстро, как появилась.

— Эй, здесь есть кто?.. — окликнул Глеб. Хотел добавить «живой», но в последнюю секунду передумал.

— Че, никого? А водички попить хоть найдется у них? — Колян постоял, повертел головой. Направился в глубь коридора.

Глеб шагнул было за ним и тут же наступил на что-то твердое, круглое. Гильза от автомата. Гильза тоже была неправильная. Нечего ей было делать в таком мирном заведении. Он оглянулся на испуганно притихшего Шурика. Потом все же сделал несколько шагов, открыл первую попавшуюся дверь.

Что это был за кабинет, Глеб не разглядел. Потому как прямо у двери на полу лежала женщина. Вернее, молоденькая девушка, если судить по ножкам, бесстыдно раскоряченным из-под задранной к поясу юбки. Ножки были длинные, стройные, загорелые. Красивые. По левой коленке ползала жирная зеленая муха.

Определить возраст по лицу Глеб не мог. Потому что лица не было. Кровавое месиво вместо головы...

Голые ноги, муху, месиво Глеб разглядел за одну секунду. А в следующую понял, что здесь случилось. Рядом с соскочившей с ноги босоножкой лежали автоматные гильзы, на заляпанной какой-то грязью — мозгами?! — стене зияли характерные выбоины. Девушку расстреляли. Из автомата. В упор.

Съеденное на завтрак сало рванулось из желудка вверх, к горлу. И Глеб рванулся — прочь из комнаты. Едва не сбил сунувшегося следом Шурика.

— Что там? — не понял тот.

Глеб только рукой махнул. Хотел выскочить на улицу, но Колян уже открыл дальнюю, торцевую дверь. И, застыв на пороге, выдохнул:

— Ни хрена себе...

— Что там?! — кинулся теперь к нему Шурик.

А Глеб и так догадался.

Впрочем, догадался он лишь отчасти. В большой комнате, видимо приемной, лежал не один труп, не два и не три. Она вся была завалена трупами! Штабеля тел, мужских и женских вперемешку, все — с раскроенными головами. И везде гильзы, гильзы, гильзы. Глеб понял, что это так воняет, — запах крови смешался с запахом пороховых газов. Хотя как раз крови здесь было удивительно мало. Или ее и должно быть мало, если стреляют в голову?

А еще в приемной кружила целая туча жирных зеленых мух.

Завтрак они stravили все трое. Когда конвульсии желудков немного ослабли, кинулись прочь из этого кошмара. Выскочили на крыльцо и врезались в живую стену...

Крик Эди не только заглушил Аню, он заставил ее замолчать. Мгновенно. А в следующую секунду она поняла, что обстоятельства изменились, что теперь помощь нужна другому. Немедленная помощь, судя по тому, как громко он орал. Не раздумывая, схватила, что потяжелее, размахнулась — бац!

Колокольный звон поплыл по комнате. Парень замер. Обмяк. Обвалился на пол, словно мешок картошки. В руках у Ани была сковорода. Большая, чугунная. В том месте, которое вошло в темя парня, сковорода стала грязной и липкой.

Аня икнула, не зная, что делать дальше, то ли опять визжать, то ли грохаться в обморок. Но рядом был Эдя, кричащий, машущий перепачканной кровью, брызжущей кровью рукой. Рукой, на которой почему-то было слишком мало пальцев.

Она опомнилась. Аптечка?! Аптечка хранилась в рюкзаке Глеба, ее не вытаскивали. Кто ж мог подумать, что так скоро понадобится! Бинты... перекись... йод...

Не упасть в обморок казалось невозможным — парень в самом деле откусил Эде пальцы!

Наконец культия была превращена в белую куколку, и Аня обессиленно рухнула рядом с плаксиво стонущим пациентом.

— Больно, да? Тебе в больницу надо. Срочно.

— Он псих какой-то!

— Эдя, я его, кажется... убила.

— Ты че?! — Эдя вмиг перестал ныть.

— Сковородкой по голове. А она тяжелая.

Эдя хотел что-то сказать, но не успел, — со стороны поселка грохнул выстрел. Он вздрогнул, посмотрел на девушку.

— Вот влипли...

Глебу показалось, что на площади собралась чуть ли не половина поселка. Аборигены медленно шкандыбали со всех сторон, вялые, будто мухи на солнцепеке. И неправильные. В чем именно заключалась неправильность, он не мог сказать точно. Может, в том, что на всех лицах было одно и то же выражение — тупое ожесточение? Причем какое-то целеустремленное ожесточение. И толпа, обступившая крыльцо правления, надвигалась весьма целеустремленно, хотя и медленно.

Шурик ойкнул, отступил за спины товарищей. Колян облизнул губы, спросил:

— Че это они?

Вопрос был риторический, Глеб и сам хотел бы получить на него ответ. А еще больше — не получать никакого ответа, а оказаться подальше отсюда. Например, километров за тысячу.

— Эй, послушайте! — крикнул он в толпу. Конкретно — плосколицему дядьке в клетчатой рубаше с короткими рукавами. Дядька стоял ближе всего к ступеням. Мирный такой дядька. Только неправильный. — Милицию вызывать нужно...

Дядька не спорил. Просто шагнул на ступень, на следующую. Глеб попятился, отодвигая спиной Шурика. И Колян отступил, шепча:

— Они не с бодуна, они тут все психи какие-то.

Может, и психи. В любом случае было ясно, что здесь их не пропустят по-хорошему. А по-плохому — и по-давно. Нужно искать другой выход...

Клетчатый дядька вдруг вскинул руки, дернулся вперед, уцепился скрюченными пальцами Глебу в рубашку, оскалил зубы, явно нацеливая их на горло. Глеб ударил почти инстинктивно, раньше, чем сообразил, что происходит, отпрянул — пуговицы сыпанули дождем. Заорал:

— Назад!

Шурик и Колян поняли все и без его команды. Они, все трое, комом ввалились назад в правление. Глеб попытался запереть дверь — неудача! Изнутри дверь замыкалась ключом, которого, естественно, в замочной скважине не оставили.

— Через окно уходим! — крикнул Колян и первым метнулся в глубь коридора.

В заваленную трупами приемную он не сунулся. Распахнул дверь соседней комнаты, юркнул туда. Глеб подтолкнул Шурика, заскочил следом.

Они угадали — окна выходили на противоположную от площади сторону здания. Там виднелся какой-то сквер: жухлая буро-зеленая трава, понурый гипсовый солдат, выкрашенный бронзовой краской. Глеб рванул было к окну, не разглядывая по сторонам, но Колян успел схватить его за рубашку:

— Стой!

Если в приемной устроили расстрел, то здесь шел настоящий бой. Перевернутые столы, сломанные стулья, упавший шкаф, какие-то папки, бумаги, разбросанные по полу. Трупов было всего пять, но крови гораздо больше. И вылилась она вовсе не из простреленных черепов...

У дальнего простенка полулежал, привалившись спиной, давешний милиционер. Форменные брюки разодраны, от рубашки вообще одни клочья остались. И от самого милиционера не намного больше. Как будто стая волков его рвала когтями и зубами... Да, стая рвала. Но не волков — людей, этих вон, застреленных. Сомневаться не приходилось — у дебелий тетки, растянувшейся поперек перевернутого стола, кровавый шмат так и остался в скрюченных пальцах.

И все-таки милиционер был еще жив. Больше того — он, так же как накануне вечером, целил из своего «макарова» Глебу в лоб!

Ноги сразу сделались ватными, а губы и язык — деревянными. Глеб с трудом смог выдавить:

— Это мы... с-студенты...

Милиционер помедлил несколько секунд. Рука с пистолетом норовила упасть на пол, но он упрямо приподнимал ее. Просипел, чуть разлепил губы:

— Я же скз... нос...

Глеб хотел ответить. Не успел. Пистолет дернулся, и палец нажал спусковой крючок.

Выстрел был оглушительным! В полной уверенности, что убит, Глеб рухнул на пол. Но тут же заорал Колян, и стало ясно, в кого попала пуля. Глеб хотел оглянуться, посмотреть, приподнял голову — черный значок пистолета снова искал его лоб! Да за что?! Дико заорав, он схватил стул, запустил его в эту сжимающую пистолет руку...

Опять бахнуло, из стула полетели щепки. Но цели стул достиг, и Глеб прыгнул вслед за ним. Даже искромсанным, милиционер был сильнее, счастье, что у него осталась одна рука. Но эта рука упрямо ползла вверх. И не получалось ни остановить ее, ни разжать пальцы. Бах!

Глеб не подозревал, что от обычной пистолетной пули череп может так взрываться. Нет, входное отверстие под скулой получилось маленькое, зато темя ми-

лиционера брызнуло кровавыми сгустками, растеклось темной грязью по зеленой краске стены.

Рука сразу обмякла, пальцы выпустили оружие. И стало тихо. Глеб поднялся, сначала на колени, затем во весь рост, оглянулся. Колян молча корчился у двери, зажимая ладонью сочащуюся из бедра кровь, рядом сидел, закрыв голову руками, Шурик. И только из коридора доносилось упрямое шарканье множества ног. И что хотели от них эти «неправильные» аборигены, Глеб теперь знал. Они хотели их убить. Разорвать в клочья.

Он шагнул к окну, выбил покрашенный шпингалет из гнезда, распахнул. В скверике за правлением было пусто.

— Шурик, помоги Коле, — скомандовал. — Не сиди, быстрее!

Прошел час, а Глеб с ребятами все не возвращались. Аня не знала, что ей делать. Эдику становилось все хуже и хуже. Сперва голова начала кружиться, потом температура поднялась. Изгрызенная рука его прямо-таки горела огнем. Она уложила Эдика на матрасы в большой комнате, а он бормотал что-то в горячечном бреде, просил пить. Питьевой воды у них больше не осталось, и пришлось набрать из колодца. Аня долго сомневалась, можно ли ее пить, но в конце концов не вынесла Эдиных стонов. Ну и что, что техническая? Вода, она и есть вода.

Эдяпил жадно, захлебываясь и хекая. А напившись вволю, успокоился, вроде заснул. Аня понимала — это облегчение не надолго, парня нужно было срочно доставить в больницу или вызвать «Скорую»... Хотя какая в этой глуши «Скорая», какая больница! В город его нужно было везти, а то начнется заражение крови, гангрена, как у Мересьева. Не то что пальцы, руку отрежут... Нет, руку — это еще не самое страшное, без руки прожить можно, особенно без левой. От заражения и умирают иногда... И она, Аня, в этом будет виновата. Тем более, одного человека она уже убила. Пусть неча-

янно, пусть оборонялась — все равно ведь посадят. Сколько за неумышленное убийство дают? Эх, «право» едва на «удочку» сдала, не вспомнить. Но если пойти и признаться, может, скостят? Только куда же идти, Эдика-то одного не оставишь?!

Она понимала, что должна отправить Эдю в больницу, должна прийти с повинной в милицию, но хотелось совсем другого. Хотелось бросить все, выскочить на дорогу и бежать, бежать, бежать до самого горизонта. Туда, где осталась невидимая отсюда Апановка, где ходили поезда из нормальной жизни. Бежать во вчерашний день!

Желание это становилось все сильнее и сильнее. Нестерпимым оно становилось. Аня чувствовала — если Глеб не появится еще полчаса, она так и сделает. И будь что будет!

Она схватила сковороду — вдруг еще один псих припрется, — выскочила из дома, побежала к тому месту, где дорога поворачивала, и от нее ответвлялась ведущая к оврагу тропинка. Она не знала, с какой стороны придет Глеб, поэтому и решила ждать на перекрестке.

За полчаса Глеб не вернулся. Вместо этого со стороны поселка вновь донеслись выстрелы. И это стало последней каплей. Бежать! Немедленно бежать на станцию, там — на поезд, и домой. Потом будет видно, что делать дальше.

Сразу же за сквером стояла школа. Гулкие коридоры, пустые классы. Главное, дверь в школе была не заперта, и они проскользнули в нее незамеченными. И еще очень важное — в школе был медкабинет. Рану Коляна залили йодом, забинтовали, как смогли. Рана, судя по всему, была не страшная, — пуля выдрала кусок мякоти из бедра, не задев ни кость, ни артерию. Часик отлежался — полегчало.

Еще в школе, в кабинете директора, они нашли телефон. Глеб обрадовался, кинулся к нему... Рано обрадовался — телефон не работал. Оставалось сидеть тихо

и ждать. Только чего? Неизвестно ведь, что случилось в поселке.

— Ребята, может, война началась? А мы ничего и не знаем? — робко предположил Шурик. — Может, американцы какую-то химическую бомбу сбросили, зарин там или зоман?

— При чем тут зарин? — пожал плечами Глеб. — Ты хоть представляешь, как действуют нервно-паралитические газы?

— Во-во, — поддержал его Колян. — И на фиг бы американцам этот совхоз сдался?

— А может, они промахнулись? — не унимался Шурик. — Видели, вчера днем мы мимо труб каких-то проезжали? Неспроста же завод посреди степи построили, наверняка секретный. Может, в него и целили, а попали в село?

— Нет, вряд ли это бомба, — не согласился Глеб.

В войну, тем более, в такую, с химическими и ядерными бомбами, противогАЗами и дозиметрами, верить не хотелось. Ей было место на плакатах в кабинете ГО, но никак не в глухой казахской степи.

— Тогда что это?

— Да почему я знаю!

Да, в войну верить не хотелось. Но прятаться, ждать неизвестно чего в любом случае было глупо. Следовало уматывать отсюда как можно быстрее и как можно дальше! Но как уматывать, если везде шастают психи, а бежать теперь, когда у них раненый, не получится?

— Глеб, а ты машину водить умеешь? — неожиданно спросил Колян.

— Ну... В ДОСААФе учился когда-то. — Глеб не сразу понял, к чему он клонит.

— С «уазиком» справишься?

Конечно же, как он мог забыть — «уазик» участкового стоял перед правлением!.. Однако добраться до машины незаметно, пожалуй, не получится.

— Так у нас пистолет есть! — не унывал Колян. — Пробьемся!

Он попытался встать и тут же скривился от боли. И Глеб скривился — нет, это не подмога, а обуза получится.

— Вы здесь сидите, — скомандовал. — Я машину к дверям подгоню.

Преодолеть сквер и во второй раз удалось незамеченным. Но едва Глеб обогнул правление, стало ясно — все. Дальше ни ползком, ни крадучись. Надеяться можно было только на свою расторопность и медлительность психов, которых толклось перед крыльцом правления немерено.

До «уазика» он добежал в секунды. Заглянул в кабину. На водительском месте сидела, уткнувшись лицом в руль, та самая женщина, что была вечером с участковым. Страшная рубленая рана через плечо и ниже, почти до середины спины, не оставляла сомнений — она мертвая. Видно, всего и хватило сил, что до машины доползти. Но ключ торчал в замке зажигания, и это главное! А еще — рядом, на пассажирском сиденье, лежал автомат.

К сожалению, женщина успела не только доползти, но еще и двери изнутри заперла. Глеб подергал ручки, одну за другой. Глухо. И что делать?

Он оглянулся. Психи заметили его, начали ковылять к машине. И не все они, оказывается, медленно ходят, некоторые передвигались достаточно проворно. У самого шустрого в руках был топор с перемазанным во что-то лезвием. Не тот ли, которым зарубили женщину из машины?

Оставался единственный выход — выбить стекло чем-нибудь тяжелым. Благо, тяжелое Глеб держал в руке — «макаров». Он перехватил пистолет за ствол, размахнулся, ударил. Нет, слабо. Надо бить со всей силы, не жалея!

С четвертого раза стекло лопнуло, посыпалось осколками. Стараясь не порезаться — и не коснуться открытого запекшейся кровью трупа! — Глеб сунул руку

внутри, открыл дверь. Вытаскивать женщину не пришлось, та сама вывалилась, только ногами зацепилась за педали. Брезгливо морщась, он взялся за холодные голые икры, потянул, приподнял...

— Группа четыре, ответьте! Группа четыре!

Голос из-под приборной панели «уазика» раздался так внезапно, что у Глеба сердце екнуло. Но тут же понял — рация! Это же здорово! Милицейская рация лучше любого телефона!

Он оттолкнул ноги убитой в сторону, быстро плюхнулся на сиденье, больше не заботясь о пятнах крови на нем. Схватил черную трубку:

— Милиция? Але, милиция?

— Группа четыре, ответьте! — продолжал требовать голос.

Глеб сообразил — это не телефон, нужно переключить на передачу. Какую кнопку нажать? На «военке» изучали что-то подобное, но это когда было, разве вспомнишь? А псих с топором был близко, и приятели его почти не отставали. Еще минута и...

Наконец он нажал нужную кнопку, его услышали:

— Карамышева? Кто говорит? Где Карамышева? Дай трубку Карамышевой!

— А она... — Глеб боязливо покосился на труп женщины, лежащий у переднего колеса. — ...Она умерла.

— Как?

Нет, человек не усомнился в его словах. Он хотел знать, как именно умерла та, которую он называл Карамышевой. Глеб облизнул губы.

— Ее... зарубили, кажется. Здесь полно мертвых! Расстрелянных! А милиционера загрызли!

Человек чуть помедлил с ответом.

— Ясно. А ты кто такой?

— Я? — растерялся Глеб. — Я студент. Квартирьер стройотряда «Целинник».

— Ты сейчас в поселке находишься?

— Да, на площади, рядом с правлением.

— Оставайся на месте. Никуда не уходи, — приказал голос.

— Как «на месте»?! Здесь же... — растерялся Глеб. Но рация уже отключилась.

Сиденье, руль, ключи — все было липким от крови. Но машина завелась с первой попытки. Глеб развернулся перед самым носом у психов, погнал к школе. Что бы там ни приказывали по рации, «оставаться на месте» в его планы не входило.

Ребята ждали там, где он их оставил, — в кабинете директора. А лучше бы перебрались ближе к входной двери! Глеб кинул автомат Шурику: «Держи!» — подхватил Коляна, потянул к выходу.

Да, не все психи были одинаково медлительными. Трое успели не только доковылять до школы, но и в вестибюль вломиться.

— С дороги! — Глеб выхватил из кармана пистолет. — С дороги, я говорю!

Он и не ожидал, что это их испугает. Но когда бахнул в потолок, и это тоже не подействовало, стало страшно. Если через минуту они не будут в машине, подтянется вся толпа, и тогда... их искромсают, порвут в клочья, как милиционера и эту Карамышеву.

— Стреляю на поражение! — трясущимися губами предупредил он топающего прямо на него парня.

Рубашка психа была заляпана кровью. И что-то непонятное и страшное присохло к его подбородку и скуле. Оно будто подтолкнуло палец Глеба на спусковом крючке.

Он выстрелил с трех шагов, в упор. Нельзя было не попасть, и он видел, что попал. Хорошо, метко, как раз туда, где у человека должно быть сердце. Парень пошатнулся, взмахнул руками, готовясь опрокинуться, упасть навзничь. Но не упал, удержал равновесие. Покосился на возникшую в рубашке дыру и двинулся дальше. У Глеба челюсть отвисла. Да что же это делается?!

— В голову! В голову стреляй! — крикнул в ухо Колян.

Глеб закивал. Конечно, как он сам не сообразил! Сразу же вспомнилась девчонка с разбрызганными по стене мозгами и остальные, расстрелянные в правлении. Расстрелянные в голову!

Он поднял пистолет выше, нажал... Вместо грохота раздался металлический щелчок. Магазин «макарова» был пуст.

Ноги Глеба стали ватными. Но тут Колян дернулся, обращившись к Шурику:

— Че ты стоишь?! Стреляй!

Шурик послушно вскинул ствол автомата... И тут же растерянно прошептал:

— А он не стреляет. Патронов, наверное, нету...

На миг Глебом овладело отчаяние. Все, тринадцать... Крикнул в последней надежде, отступая от тянущих руки психов:

— Ты с предохранителя снял?! Там, сбоку, над спусковым крючком!

Шурик посмотрел на автомат, подергал что-то... И тот вдруг вздрогнул, будто ожил. Та-та-дах!!! Со стен посыпалась штукатурка, одного из психов развернуло в сторону...

— Короткими, по головам! — радостно заорал Колян. — Мочи их, гадов!

И Шурик начал мочить. Сперва испуганно, а затем — радостно и ожесточенно, выплескивая весь свой сегодняшний страх. Та-дах! Та-дах! Психи посыпались на пол, как деревянные чурки.

— В машину! Быстро! — крикнул ему Глеб и поспешил к свободному уже выходу.

Они запихали Коляна на заднее сиденье, Шурик дал еще одну очередь по подступающим психам, запрыгнул следом, и Глеб рванул с места, не дожидаясь, пока захлопнется задняя дверь. Врезался в какую-то деваху с растрепанными, свисающими на лицо волосами. Та не вскрикнула, не попыталась увернуться, лишь хрустнула под колесами, заставив машину подпрыгнуть.

— Стойте! — закричал из-за спины Шурик. — Я очки уронил! Из машины выпали!

Глеб только отмахнулся. Какие там очки! «Уазик» на всей скорости мчал из спятившего поселка.

Аня пробежала метров сто. И остановилась. Вот дура, документы же в рюкзаке остались! Кто же ее без документов в поезд пустит! Развернулась, рванула назад.

Рюкзак лежал в углу «детской», там, где она его оставила. Но Эдика на месте не оказалось. Аня сначала испугалась, потом обрадовалась. Значит, он очнулся, ему стало лучше? Тогда они вдвоем отсюда сбегут. Она крикнула:

— Эдя, ты где?

Никто не ответил. Аня прислушалась. Тишина. Куда он мог деться? А, понятно, в уборную пошел!

Она выскочила из дому, обежала вокруг, — к деревянному строеньицу, стоящему на полпути к оврагу.

— Эдя, ты там?

И вновь никто не отвечает. Да и не мог он там быть — дверь уборной закрыта на завертку снаружи. Аня постояла, раздумывая, куда мог запропасться товарищ, пошла назад в дом.

Когда проходила мимо дверей кухни, заметила краем глаза движение. А, вон он где!

— Эдя!

Нет, в кухне был не Эдя. На полу копошился «убитый» псих. Пытался встать на четвереньки, но не очень-то у него получалось. Голова тряслась, ноги и руки то и дело разъезжались, отказываясь подчиняться. Но он упрямо дергался снова и снова. Больше всего это походило на заводной автомобильчик — когда тот упрется в стену, и сколько его ни отталкивай назад, будет биться и биться носом. Пока завод не закончится.

Аня смотрела на эти потуги и не знала, что предпринять. Попытаться помочь? Или добить, чтобы не мучился? Она уже смирилась, что ее посадят в тюрьму, —

так чего уж? Эх, жалко, сковородку возле дороги бросила, а то бы...

Додумать она не успела — что-то больно ужалило в спину. Пчела, как три года назад, когда она еще училась в десятом классе? В этот раз укусило ниже, не под лопатку, а где-то посередине спины. И жало у этой пчелы было куда как длиннее, — огнем все внутренности прожгло, и майка на животе почему-то дернулась, провалилась.

Аня уставилась на треугольник, высунувшийся из прорехи. Это не могло быть жалом. И светло-алый ситец вокруг него начал темнеть...

Внутри опять дернулось, треугольник увеличился. Теперь Аня догадалась, что это такое. Острие разделочного ножа.

Нож задергался вперед-назад, лезвие поползло вниз, разрезая майку. И ее, Аню, разрезая. Она всхлипнула, понимая, что до станции ей уже не добраться...

22/06/1983 г., 16 час. по местному времени

«...по полученным оперативным данным, ситуация в населенном пункте вышла из-под контроля. Экспертная группа погибла. Считаю целесообразным ввести в действие план «Б»...»

*(Из Докладной записки старшего оперуполномоченного
15-го Главного управления КГБ СССР П.А. Губаря)*

Глеб гнал машину так быстро, как мог, и возле домиков они были минут через пять. Не заглушая двигатель, крикнул сидящему у порога Эдику:

— Забирай вещи и в машину, быстро! Аня где?

Эдя начал вставать, медленно-медленно. И звуки с его губ слетали какие-то медленные:

— ...Йа... нне... хооть...тел...

— Ты чего мнешься, будто в штаны наложил?! Что у тебя с рукой?

Разбираться времени не было. Глеб подтолкнул Шурика:

— Саша, найди Аньку!

Сам выпрыгнул навстречу сдвинувшемуся наконец с места Эдику. Ошалел толстяк, что ли?

Зато Шурик выскочил из машины проворно, кинулся в дом. И автомат за собой потащил. После стрельбы в школе он его из рук так и не выпустил.

— Ань, ты где?

Шурик заскочил на кухню, остановился в дверях. Посреди комнаты кто-то стоял на четвереньках и ел с пола. Шурик прищурился. Этого, на четвереньках, он никогда не видел. Но то, что он ел...

На полу лежал еще один человек. Вернее, две трети человека, так как от бедер и верхней части ног мало что осталось. А голова с короткими, светло-русыми волосами укоризненно смотрела на Шурика. Эту голову он знал. Еще сегодня утром он с ней разговаривал.

Страх, злость и отчаяние вновь захлестнули, как недавно в школе.

— Ах ты ж... Ах ты ж гад! — дрожащими руками Шурик поднял автомат.

«Тах!» — сказал автомат, выпуская последнюю пулю. В голову психа-людоеда она не попала. Прошла правее, проделав дырку в белой эмали газовой плиты.

Что внутри плиты стоит полный баллон с пропаном, Шурик понять не успел.

Шарахнуло так, что не только стекла, но и рамы вылетели. И вслед за стеклами и рамами выплеснулись клубы огня, тут же занялась деревянная крыша.

Глеба взрывной волной сбило с ног. С этого ракурса он и смотрел, как в распахнутую дверь вывалился факел огня. Факел споткнулся о порог, упал, превратившись в человеческую фигуру, и остался лежать неподвижно. Лежать и гореть. Узнать человека было невозможно, но и так понятно, что это Шурик. И что Аня погиб-

ла, понятно. Драпать отсюда следовало, драпать без оглядки!

Глеб вскочил, втолкнул заторможенного сверх всякой меры Эдю в машину, забрался сам, сдернул с ручки, выдал газ, крутанул руль, разворачивая к шоссе.

От поселка до самой Апановки и дальше лежала абсолютно плоская равнина. И сквозь эту равнину бежала прямая, как стрела, серая полоска шоссе.

Солнце хоть и клонилось к западу, но было еще высоко, потому движущуюся навстречу колонну Глеб заметил издали. Колонна была длинющая, и машины в ней были необычные, — во всяком случае те, что шли впереди. Железные, похожие на громадных черепах. БМП — вспомнилось название.

Бронетехника двигалась по середине шоссе, не оставляя для встречных возможности разминуться. Придется съехать с обочины, остановиться, пропустить. Глеб убрал ногу с педали газа. «Бум-бум-бум!» — долетело приглушенное расстоянием. И тут же перед капотом взметнулись фонтанчики пыли и раскрошенного асфальта. Колонна впереди исчезла, — лобовое стекло перестало быть прозрачным, покрылось густой сеточкой трещин. И тут же снова появилась, — стекло рассыпалось, обдав роем мелких острых осколков. По «уазику» стреляли из крупнокалиберного пулемета.

Измумляться и возмущаться сил не осталось. Глеб резко затормозил, вывернул руль, разворачивая машину. Понесся назад, виляя из стороны в сторону. Так, как делали в фильмах о войне. В том, что они тоже попали в какую-то непонятную страшную войну, Глеб больше не сомневался. И значит, вполне возможно, что американцы не только бомбу сбросили, но и десант высадили посреди казахской степи!

Вдогонку еще раз «бумбумнули».

— Никого не задело? — быстро спросил Глеб.

— Вроде нет, — подал сзади голос Колян.

И тут же машину тряхнуло, руль сам собой повернулся влево. Глеб вцепился в него что есть силы, но «уазик» уже вело в сторону. Он соскочил на обочину, запрыгал по ухабам, не желая подчиняться рулю. Как назло, дорога впереди поворачивала вправо, вдоль оврага. Глеб не успевал затормозить.

— Прыгайте! — заорал он, понимая, что ничего другого сделать не может.

Распахнул дверь, сиганул на жесткую, покрытую редкой травой землю. За миг до того, как «уазик» перевалил кромку оврага, замер, будто раздумывая. И завалился на бок, на крышу, мелькнул бешено крутящимися колесами. Покувыркался вниз, все быстрее и быстрее.

Глеб приземлился довольно-таки удачно, если не считать разбитые коленки и содранные в кровь ладони. Но раз ничего не сломал, не вывихнул даже, значит — удачно. Несколько секунд он неподвижно стоял на четвереньках. Все так же не поднимаясь, только сипя от боли, подполз к краю оврага, заглянул вниз. Эдя лежал в полуметре от кромки, распластавшись, вцепившись пальцами в землю, словно боялся кувыркнуться вслед за машиной. То ли успел выпрыгнуть, то ли выбросило сквозь разбитое лобовое стекло, но главное — он был жив. А вот раненый Колян выбраться не смог. Наверное, он оставался внутри лежащей на дне оврага, искореженной машины. Глеб смотрел на эту грудку металла и понимал, что нужно бежать туда, вытаскивать Коляна, — вдруг он жив?! Нельзя же бросать раненого товарища! Но не бежал.

По противоположному склону оврага спускалось человек двадцать психов. При любом раскладе они будут внизу раньше. А если каким-то чудом он и сумеет их опередить, что из того? Самое большее, через пять минут к оврагу доберутся американские десантники. И всех положат из пулеметов: в голом, простреливаемом насквозь овраге не спрятаться. Нет, лучше думать, что Ко-

лян тоже погиб, как Аня и Шурик. И попытаться спастись самому. Только как?

Глеб повернулся, посмотрел на пылающий дом, — их вчерашнее пристанище. Видно, не только крыша горела, но и стены, собранные из деревянных, набитых камышом щитов, и лишь снаружи обложенные кирпичом, занялись. Ох и жарко же там сейчас! Затем перевел взгляд на второй дом, так и оставшийся недостроенным. И понял, что нужно делать!

— Эдя, а ну быстро сюда!

Он дотянулся, схватил толстяка за здоровую руку, дернул, понуждая двигаться чуть быстрее. Потом заставил подняться на ноги и так же, не отпуская, потянул за собой в широкую полосу дыма, стелющегося над самой землей. Так удачно заслонившего их от дороги, с урчащей и громыхающей где-то совсем близко колонной.

Странными были эти ребята из уфимского стройотряда! Второй домик достроить не успели, зато нужник к нему поставили. Лезть в узкое, черное, словно пятно мрака, отверстие Глебу было мерзко до тошноты. И еще он боялся, что толстая задница Эди не впишется в дырку по габаритам. Но обошлось. Эдя хоть и с трудом, но протиснулся, использовать будочку по прямому назначению не успели, в яме пахло лишь землей и досками. А значит, самое страшное — позади. Ну кто же станет искать людей в нужнике недостроенного дома? Да их вообще искать не будут — подбитый «уазик», вон он, на дне оврага лежит. Главное, пересидеть до темноты, а там — ищи-свищи ветра в поле!

22/06/1983 г., 22 час. по местному времени

«...к 20.00 операция по зачистке пораженной территории завершена полностью. Утечку информации удалось предотвратить. Потери среди мирного населения составили...»

*(Из Докладной записки старшего оперуполномоченного
15-го Главного управления КГБ СССР П.А. Губаря)*

Когда светлое пятнышко над головой погасло окончательно, Глеб решил — пора. Сколько часов они просидели в этой норе, он не знал, — слишком темно, чтобы разглядеть циферблат наручных часов. Но план удался — их не искали! Никто даже дверь нужника открыть не пытался. Теперь — выбираться отсюда и драпать.

— Эдя, ты что, уснул?

Глеб потормошил сидящего рядом толстяка. Тот в ответ промычал что-то нечленораздельное. За все время, пока они прятались, он и слова не проронил. Правду говоря, и Глеб помалкивал. Неподходящая была обстановка для разговоров.

— Вылезать пора. Давай я стану тебе на спину, подтянусь, а потом помогу сверху.

Собственно, это решение было в корне неверным. Первым следовало лезть толстяку, — Глеб не знал, хватит ли у него силы, чтобы вытянуть Эдю сквозь узкую дыру. Но рисковать не хотелось. Сил больше не было, чтобы рисковать. Что, если Эдя застрянет-таки? Или сбежит? А яма глубокая, Глебу подпрыгивать приходилось, чтобы до дырки достать. Нет уж, вылезет он первым, а там видно будет!

— Ну, чего ты застрял? Двигайся ближе!

Он заставил Эдю переместиться под самое отверстие. Встал на цыпочки, вытянув руки вверх, нащупал край. Отлично. Теперь — одну ногу на широкую Эдину спину, вторую.

— А ну привстань немного, — скомандовал. — Привстань, ты что, не слышишь?

Эдя подчинился как-то нехотя. Но это мелочи. Главное — глаза Глеба были на уровне пола нужника! И локти! Он уперся руками, оттолкнулся от Эдиной спины, рванул тело вверх, выскочив из дыры почти по пояс...

Ногу выше голени будто огнем обожгло. Глеб едва удержался, чтобы не заорать, зашипел, прикусил губу. Провалился назад, тут же снова рванул, стараясь вырваться, вырваться из сомкнувшегося капкана.

★ Вырваться не получалось! Его держали за ноги и... грызли?!

— Эдя, ты что, взбеленился? — сквозь боль просипел он. — Да вытащу я тебя! Сказал же...

28/06/1983 г., 16 час. по московскому времени

«...инцидент со спонтанной обработкой населения в обстановке, достаточно хорошо имитирующей боевую, дал неподвижную картину. Как и ожидалось после опытов над животными, применение комплекса «А-35» ведет к росту немотивированной агрессивности объектов, значительному повышению болевого порога, стимулирует устойчивость организма к механическим повреждениям. Однако побочным эффектом воздействия препарата оказалось практически полное блокирование двигательного речевого центра и связанное с этим нарушение координации движений. Обнаруженный побочный эффект делает нецелесообразным применение комплекса «А-35» для обработки военнослужащих ограниченного контингента...»

*(Из Докладной записки руководителя экспертной группы,
г.б.н. Д.В. Марленова)*

МАКСИМ ТИХОМИРОВ

★
СМЕРТЬ И МЕНДЕЛЬСОН

Эксгумацию провели в десять часов утра. Трупы привезли с кладбища в полдень — за два часа до начала церемонии.

Из окна кабинета Игорь наблюдал за тем, как два катафалка с грациозностью кашалотов вплыли с подъездной дорожки на парковочную площадку Центра Ревитализации. Их черные лоснящиеся тела замерли у пандуса приемного отделения. Синхронно распахнулись широкие пасти задних дверей, вывалились языки аппарелей, и два гроба скользнули по роликам на под-

жидавшие их тележки. Служители в черной униформе увлекли свой груз в портал грузового лифта.

Вереница лимузинов уже выстроилась у парадного крыльца ритуального зала. Десятки бледных лиц провожали гробы пустыми взглядами своих глаз. Родные покойных всегда приезжают задолго до церемонии. Это важно — поддержать друг друга и помочь своим участием пережить шок осознания того, что мир с этого момента уже никогда не будет прежним.

Вздохнув, Игорь щелчком отправил недокуренную сигарету за окно, оправил халат и решительно шагнул к двери.

Внизу его ждала работа.

Вытяжные вентиляторы работали на полную мощность, и запаха в кондиционированном воздухе секционного блока почти не чувствовалось. Это не были отголоски тяжелого смрада разложения, и не было пыльным запахом истлевшей до состояния мумификации плоти. Легкий сладковатый аромат напоминал запах увядающего цветника. Очень символично, подумал Игорь. Что может быть лучшим символом безвременно погибшей любви, чем мертвые цветы?

Гробы, все еще закрытые, покоились на постаментах в тихом полумраке предсекционной. Приглушенный свет точечных светильников превращал темный потолок в усыпанное звездами небо. Негромкая умиротворяющая музыка создавала нужное для работы настроение, успокаивая нервы, упорядочивая мысли и настраивая их на философский лад.

Оставив одежду в личном шкафчике раздевалки, Игорь натянул на себя отчаянно шуршащую ткань одноразового защитного комплекта, прикрыл глаза черными наростами гоголов и прилепнул к мягкому небу податливый комочек вокодера, прежде чем спрятать лицо под прозрачным забралом маски. Тщательно вымыл руки до локтей в трех сменах растворов антисептиков и высушив их под ионным феном, раскатал до

плеч мембраны перчаток, поросшие с ладонной поверхности мириадами ворсинок-микроманипуляторов. Затем прошел сквозь защитные занавесы шлюза — ультрафиолет, ионизирующее излучение, гамма-лучи — в стерильную среду секционной.

— Я готов, — сказал он в пространство.

Отделенные от него прозрачной стеной постаменты с установленными на них гробами пришли в движение. Мембраны грузового шлюза слизнули с поверхности лакированного дерева все мельчайшие частицы кладбищенской земли. Мощные потоки воздуха, направленные форсунками, выдули из всех щелочек невидимые глазом пылинки. Распыленные аэрозоли смыли с гладкой поверхности любой намек на присутствие чужеродной органики, угрожающей содержимому гробов.

Оказавшись среди кафеля и полированного металла секционной, постаменты замерли. Игорь вскинул руки в дирижерском жесте и чуть шевельнул пальцами. Потолок секционной ожил, наполнив пространство едва слышным жужжанием микроскопических сервомоторов и шумом гидравлической жидкости. Касанием языка к небу Игорь переключил воспроизведение музыки на внутреннее ухо, и негромкие звуки скрипичного концерта заполнили пространство под сводами его черепа. Повинуясь жесту, вспыхнули бестеневые лампы, залив помещение не раздражающим глаза светом.

С тихим двойным щелчком, тут же утонувшим в резком шипении декомпрессии, открылись крышки гробов. Спустившиеся с потолка механические руки подхватили их и унесли прочь. Другие, более изящные суставчатые манипуляторы нырнули в недра ненужных более произведений ритуального искусства и извлекли оттуда покрытые инеем тела, бережно перенеся их на гладкую металлическую поверхность секционных столов.

Игорь шагнул в проход между столами и остановился, разглядывая лежащих на них мертвецов.

Жених лежал по левую руку от него, невеста — по правую. Действительно, красивая пара, подумал Игорь. Были красивой парой, поправил он себя. Пока смерть не разлучила их....

Родные покойных рассказывали, что церемония регистрации брака так и не состоялась. Несчастный случай на оживленном автобане. Столкновение лимузина с автопоездом. Без выживших.

Их так и похоронили: его — в строгом костюме с розой в петлице, ее — в роскошном свадебном платье. Некогда ослепительно белое, с прошествием времени оно потускнело, и ткань приобрела благородный оттенок слоновой кости. Цвет платья удивительно хорошо сочетался с восковой бледностью мертвого лица, проступавшей сквозь отслоившиеся чешуйки посмертного грима, призванного скрыть причиненные травмой увечья.

Повинуясь жесту Игоря, манипуляторы освободили тела от одежды, и смерть в который уже раз открылась его глазам во всей неприглядной беззащитности мертвой наготы.

Тела были едва тронуты тлением. Это проявлялось лишь в черной сетке подкожных сосудов, проступавших сквозь бледность кожи, да в тенях пятен давно разложившейся крови, пропитавшей ткани в отложившихся местах после того, как два сердца перестали биться.

Тогда, двадцать лет назад, кто-то хорошо поработал с родными, убедив их не жалеть средств на обеспечение сохранности тел. О да, тогда мы работали на перспективу, улыбнулся Игорь. Методики были в процессе теоретической разработки, и удачные эксперименты над отдельными клетками и тканями мало кого могли впечатлить, кроме людей сведущих. Таких были единицы, а проекту необходимы были финансовые вливания, причем немалые. Кто-то мудрый умудрился развернуть в нужных кругах рекламную кампанию, не делая результаты работы достоянием широкой общественно-

сти. Все прекрасно понимали, что технология еще долгое время будет доступна лишь узкому кругу состоятельных людей, и лишь компенсировав затраты на свое создание, обратится к простым смертным лицом:

Или лучше сказать — посмертной маской?

Отстраненные размышления не мешали рукам Игоря заниматься привычной работой. Скупые жесты, отточенные тысячами подобных процедур, приводили в движение сложнейшую машинерию операционной. Потолок помещения жил, казалось, своей собственной жизнью, выпуская в точно рассчитанный момент щупальца нужных манипуляторов, хоботы катетеров и трубопроводов, лианы электродов и инфузоров — и втягивая их в себя вновь, стоило им выполнить свою задачу.

Сверкающие лезвия аккуратно рассекали грубые стежки скорняжных швов, сводивших края старых секционных разрезов. Лопатки расширителей и зловещие гребенки мышечных крючьев развели края длинных — от шеи до лона — ран, открывая взору мешанину органов, которые были извлечены из тел двадцать лет назад, а после проведения необходимых исследований возвращены на место — впрочем, уже вне установленного природой порядка.

Игорь отметил, что вскрытия, проведенные когда-то судебными медиками, были выполнены в соответствии с усовершенствованной процедурой, которую в то время потом и кровью старались повсеместно внедрить его коллеги. Согласно протоколу этого исследования, органы, извлеченные из тел, не превращались в процессе изучения в кровавое месиво чередой параллельных линейных разрезов с целью наиболее тщательного протоколирования произошедших в них посмертных изменений. Они лишь всесторонне измерялись, просвечивались лучами сканеров и пронзались иглами датчиков, после чего консервировались введением в них специально разработанного бальзамирующего состава.

Все это позволяло сохранять органы относительно неповрежденными в течение длительного времени.

Времени, достаточного для того, чтобы процедура стала, во-первых, осуществимой, а во-вторых — доступной.

Первый этап потребовал десятилетия. Второй — еще одного.

Впрочем, не так уж и много для победы над смертью?

Сверкающие манипуляторы рядами выкладывали на препаровальные столики извлеченные из тел пакеты разных размеров и форм, помеченные знаками биологической опасности. Искусственные пальцы освобождали органы от покрова биомембран, омывали их подогретым физиологическим раствором и выкладывали причудливой страшноватой мозаикой на зеркальных столешницах.

К головам покойных спустились складные штанги, увенчанные вращающимися дисками и приспособлениями, напоминающими инструменты из арсенала цирюльника. Несколько мгновений спустя аккуратные разрезы отделили плоть от кости, и черепные коробки показали свое пустое нутро.

Скрипки неистовствовали. Потолок операционной оцетинился бесчисленным множеством бешено извиляющихся конечностей и тысячами оптических сенсоров. Опрокинутый лес механических рук скрыл от глаз Игоря разложенные на столах органы и развороченные повторным вскрытием остовы тел. Гоглы передавали на сетчатку расколотое на тысячи сегментов изображение, которое мозг привычно складывал в единую понятную для себя картину. Чувствуя себя в такие моменты всемогущим насекомоподобным существом о тысяче специализированных конечностей, Игорь словно навис над секционными столами, управляя сотнями микрохирургических операций в секунду, уверенно ориентируясь в безумном калейдоскопическом чередовании ракурсов и планов с псевдофасеток сенсоров

и своевременно запуская и останавливая сменяющие друг друга протоколы манипуляций.

В реальности же он стоял в неподвижности посреди живущего своей механической жизнью секционного блока, отдавая неслышные команды через вокодер и лишь чуть заметно пошевеливая скрытыми под перчатками пальцами, словно управляя слаженной игрой огромного оркестра, исполняющего сложную многоплановую симфонию, посвященную победе жизни над смертью.

Собственно, так оно и было.

На его губах блуждала улыбка. Он всегда улыбался, если все шло хорошо.

Процесс полностью поглотил его, остановив восприятие окружающей реальности. Исчезли мысли и чувства, обострив до предела способность к анализу данных, поступающих с усиленных мощной электроникой Центра сенсоров, и максимально ускорив проведение нейрональных импульсов по рефлекторным дугам. Он молниеносно реагировал на малейшие изменения в потоке полуосознанных его разумом данных, проходящих сквозь его мозг, координируя своевременность и синхронность десятков тысяч восстановительных процессов, происходивших одновременно в каждом из пока еще мертвых тел.

Сращивались рассеченные некогда ткани. Восстанавливались изломанные кости. Сшивались сосуды и нервные стволы. Иссекались зоны некрозов, заменяясь закладками стволовых клеток в студне из питательных сред. Спящие смертным сном органы насыщались крутым коктейлем из витаминов, стимуляторов репарации и аминокислот.

Восстановленные органокомплексы торжественно вознеслись над порозовевшими столами на широких захватах транспортеров и были погружены в распаханутые шкатулки тел. Сонм тончайших манипуляторов и пучков оптоволоконна нырнул следом, выполняя послед-

ние внутренние соединения. По телам побежали на тонких высоких ногах паучки швейных аппаратов, стягивая края ран аккуратными стежками паутинно-тонких нитей.

Многопалые захваты осторожно перевернули тела лицами вниз, и хирургическая машинерия немедленно занялась их спинами, рассекая и раздвигая ткани. Среди мельтешения хирургической стали показалась тускло блестящая кость позвоночных столбов. Взвыли микропилы, отделяя дуги от тел позвонков и открывая доступ к спинномозговому каналу.

Пара автоматических тележек выскользнула из скрытых в стенах ниш. Каждая из них несла заиндевелый криоконтейнер, окутанный дымкой испарений. Из контейнеров были извлечены два бело-розовых головных мозга, каждый из которых продолжался длинным хвостом мозга спинного с многочисленными парными культурами спинномозговых нервов. Оба мозга, напоминавшие лишенных крыльев безглазых стрекоз, скользнули в подготовленные для них ложа, и суета и сутолока над телами ненадолго возобновилась.

Наконец крышки черепов вернулись на свои места, и раствор искусственной кости залил линии распилов, стремительно твердея. Скальпы были расправлены, после чего тела, возвращенные в первоначальное положение, обвили с голов до ног змеи катетеров и трубопроводов, проникавшие в естественные отверстия тел, пронзавшие стенки сосудов. С тяжкими вздохами ожили компрессоры, и по сотням разнокалиберных трубок в тела хлынула синтетическая кровь, насыщенная растворителями, обогащенная стимуляторами биопоэза и активаторами иммунитета. Спустя несколько минут ею были заполнены обе кровеносные системы вплоть до мельчайших капилляров. Начиналось внутреннее восстановление органов и тканей.

Одновременно с этим полчища наномашин наращивали на внутренней поверхности полых органов новые

слизистые оболочки взамен погибших, а дренажные зонды выводили из тел шлаки и продукты тканевого распада.

Скрипичный квартет играл крещендо. Игорь чувствовал нарастающее с каждым мгновением напряжение, охватившее все его существо. Лавина неуправляемых эмоций захлестнула его волной сильнейшего оргазма, и он словно умер и воскрес вновь.

Всплеск.

Взрыв.

Апофеоз.

И вдруг оказалось, что все закончилось. Покрытые кровью и брызгами биологических жидкостей инструментальные стойки разом отпрянули от столов и втянулись в свои гнезда за потолочными панелями.

Омытые антисептиком тела неподвижно лежали на столах. Скрипки умолкли.

Какое-то время спустя Игорь вновь осознал себя всего лишь человеком.

Вдохновение творца, державшее его в предельном напряжении полтора часа, пронесшиеся как один миг, разом схлынуло, оставив после себя чувство опустошенности и дикую, до дрожи в ногах, усталость.

Так было всегда.

И ради именно этих ощущений он работал здесь, ежедневно умирая и возрождаясь вновь вместе со своими пациентами.

Пошатываясь, он повернулся и направился было к шлюзу, но замер на полушаге, словно вспомнив о чем-то важном.

— Ах да, — пробормотал он, криво усмехнувшись. И щелкнул в воздухе пальцами.

Иглы электродов сорвались с потолка и отвесно упали на тела, глубоко вонзившись в плоть. Электрические разряды прошли по ним, наполнив воздух запахом озона.

Входя в шлюз, Игорь услышал за спиной два судорожных, похожих на всхлипы, вдоха.

* * *

Фамилии на свидетельствах, которые заполнял Игорь, были разными.

Ну, это ненадолго, подумал он, прислушиваясь к гулу голосов за дверями ритуального зала, который еще совсем недавно не именовался иначе, как залом прощаний.

Времена меняются, подумал он. Интересно, что мы будем делать, когда все человечество восстанет из праха? Ведь, если разобраться, это лишь дело времени, которого у каждого из нас скоро будет хоть отбавляй.

Переквалифицироваться в клиницисты? Но в свете последних достижений медицинской науки совсем скоро нечего будет делать и там. Если мы победили смерть — что нам какие-то жалкие болезни? Тем более, что скоро воскресить человека будет проще и дешевле, чем лечить его. Вот ведь парадокс....

В дверь несмело постучали.

— Да-да! — отозвался Игорь, выводя размашистый росчерк подписи.

Дверь приоткрылась, впустив в кабинет волну шума. Взволнованные голоса, звон хрусталя, звуки настраивающего инструменты оркестра.... В образовавшуюся щель протиснулся представительного вида немолодой мужчина.

Впрочем, понятие возраста тоже скоро станет весьма субъективным, одернул себя Игорь, профессиональным взглядом отметив некоторую неестественность румянца и часто моргающие глаза вошедшего. Тоже из воскрешенных, и воскрешенных недавно — искусственная кровь предельно насыщена кислородом, органы все еще активно регенерируют, слизистые сохнут, не войдя в рабочий режим, железы еще не в норме — иначе как еще объяснить отсутствие даже следов слез радости в этих лучащихся счастьем глазах?

Он протянул мужчине заполненные бумаги.

— Все готово, — сказал Игорь. — Дайте психотерапевтам еще несколько минут, и можете начинать. Им понадобится некоторое время, чтобы смириться с тем, что жизнь продолжается. В это, оказывается, не так уж просто поверить.

Игорь улыбнулся, и мужчина улыбнулся ему в ответ.

— Вот и мне все еще не верится, — сказал он. — Все время кажется, что это лишь сон, и я очень боюсь проснуться.

— Мертвые снов не видят, — сказал Игорь. — Так что, как ни крути, вы живы. И это — надолго. Возможно, что и навсегда.

— Спасибо вам, доктор! — Мужчина пожал ему руку.

— Вам пора, — снова улыбнулся Игорь. — Вы ждали этой церемонии двадцать лет.

— И из них половину — в земле, — сказал мужчина, направляясь к двери. — Никогда бы не подумал, что снова окажусь в роли отца невесты.

— То ли еще будет, — сказал ему в спину Игорь.

Сквозь дверной проем он увидел, как в зал, убранный цветами и гирляндами воздушных шаров, полный торжественно одетых людей, по красной ковровой дорожке служители Центра осторожно ведут двоих — молодых женщину и мужчину.

Отныне — вечно молодых.

Он еще успел заметить живую розу в петлице строгого костюма жениха и чистоту белоснежного атласа платья невесты. Потом дверь закрылась, милосердно отрезая его от поднявшегося в зале оглушительного шума, в котором мешались приветственные крики, аплодисменты и хлопки пробок шампанского.

Игорь устало присел на угол стола, достал сигареты из кармана халата и закурил.

— Совет да любовь, — сказал он в пространство, выдыхая табачный дым.

Оркестр за дверью заиграл марш Мендельсона.

МАЙК ГЕЛПРИН, ЮЛИЯ ЧЕРНЫХ

РЕЗНЯ В ПЕТУШАТНИКЕ

Следователю УГРО Выборгского РОВД капитану

Потапову В. А.

от лейтенанта милиции Спицына Д. К.

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

Сегодня, 10 мая 1978 г., мною, лейтенантом Спицыным Дмитрием Кирилловичем, был произведен осмотр места происшествия и опрос свидетелей, граждан Шишкина Петра Николаевича и Жуковой Галины Ивановны. По факту опроса и осмотра сообщаю нижеследующее:

Гр. Шишкин П. Н., слесарь-сантехник при ЖЭК № 190 Выборгского р-на, 47 лет, русский, беспартийный, ранее судимый (статьи устанавливаются) не ночевал в ночь с 9 на 10 мая дома ввиду выгона его от туда супругой гр. Шишкиной Б. З. по причине состояния сильного алкогольного опьянения. Около полуночи (точное время не помнит) Шишкин приобрел пол литра самогона у неизвестного гражданина и в компании гражданки по имени Аня, около 20 лет (прочие данные устанавливаются), отправился распивать на Северное кладбище, место по его собственноручным словам удобное и неоднократно проверенное. В результате совместного распития Шишкин и Аня вступили в половую связь (извращенным образом), после чего Аня ушла. Сам Шишкин заснул и был разбужен около 6 утра (точное время не помнит, но было уже светло) мужскими голосами, употребляющими не цинзурные выражения (мат). Согласно показаниям Шишкина голоса принадлежали неизвестному гражданину кавказской национальности и покойному гражданину Щеголеву Сашке, отчество, место жительства и род занятий устанавливаются. Кавказец и Щеголев по словам Шишкина занимались копанием могилы, принадлежащей покойному гр. Феоктистову Борису Петровичу, ранее судимому, прочие данные

устанавливаются. После чего Шишкин по собственноручным словам сильно взбднул (испугался) и покинул место нахождения.

Гр. Жукова Г. И., 35 лет, русская, член КПСС, инженер-теплотехник, проживает неподалеку (рядом) с районом Северного кладбища. Сегодня около 7 утра (точное время не помнит по причине вчерашнего отмечаемого Дня Победы над фашизмом) гр. Жукова вышла из дома в целях выгула собаки, породы дворняга, кличка Елдак. По собственноручным словам гр. Жуковой, Елдак имеет привычку справлять нужду (малую и большую) на территории самого кладбища, канкретно у склепа, принадлежащего покойному гр. Ерофееву Е. А. с супругой. В момент отправки Елдаком естественных надобностей гр. Жукова заметила проходящие мимо три фигуры, напоминающие мужские. Фигуры выписывали кринделя (находились в состоянии, напоминающем алкогольное опьянение) и выражались не цинзурными словами (матом). Заметив Жукову, фигуры изменили направление движения, приблизились к ней и подтвердились мужчинами. В одном из них гр. Жукова опознала покойного гр. Феоктистова Бориса Петровича, с которым до факта его смерти была знакома, двое других ей неизвестны. Гр. Феоктистов предложил свидетелю совершить половой акт по месту нахождения, угрожая в случае отказа не цинзурными выражениями (матом). Однако при обнаружении Елдака, появившегося из за склепа, принадлежащего гр. Ерофееву Е. А., Феоктистов от своих намерений отказался и все трое удалились в направлении, которое свидетель не помнит. По собственноручным словам Жуковой Феоктистов выглядел неважно и имел бледный вид и зеленый цвет лица.

В 7:48 в присутствии свидетелей гр. Шишкина П. Н. и Жуковой Г. И. мною была осмотрена могила, принадлежащая покойному гр. Феоктистову Б. П. Могила имела разрытое состояние и самого Феоктистова в ней не оказалось. На месте Феоктистова был обнаружен труп неизвестной гражданки, в которой свидетель Шишкин

опознал свою собутыльницу, с которой вступал в половую связь по имени Аня. По факту труп я вызвал дежурный наряд милиции и позвонил в скорую помощь. Дождавшись прибытия наряда, убыл в направлении отделения милиции № 149.

Дата: 10.05.1978
Подпись: Спицын Д. К.

— Ну и что будем делать? — Потапов выбил из пачки сигарету, прикурил и обернулся к напарнику. Худощавый вихрастый опер Степа Огурцов дочитал копию докладной, отпечатанной под фиолетовую копирку, и пожал плечами.

— Лечить. Горячка белая, к доктору не ходи. Жаль парня, молодой совсем.

— Ты это про кого? — подозрительно спросил Потапов.

— Про Димку Спицына. Или... что? — опер озадаченно посмотрел на Потапова. — Володь, ты веришь в ахиною про ходячих покойников?

— Я не попик, чтобы верить, — Потапов стряхнул пепел в банку из-под кильки в томате. — У нас на территории найдена мертвая девушка со следами насильственной смерти. Обнаружен факт вандализма: вскрыта могила, и труп из нее похищен. Это все, что мы с тобой знаем. — Потапов похлопал Степана по плечу. — Съезди-ка на кладбище, пока Спицын после смены отсыпается, изучи обстановку. Нутром чую: неладно там. Посмотри подъездные пути, ведь не на себе же Феоктистова вывозили. Провентилируй насчет самогонки: сторож кладбища наверняка гонит. Ну и все такое.

Начало мая выдалось жарким, на первомайском параде ленинградцы щеголяли в почти что летних нарядах. Потом, однако, резко похолодало, прошел мимолетный снежок, и погода установилась прохладная, пасмурная, градусов в десять тепла.

Пробравшись по тропинке среди могил в дальний конец кладбища, Степа вышел к сторожке и постучал.

— Здесь я, — слышался голос сзади. Огурцов резко повернулся. Под липой, привалившись к стволу, стоял приземистый мужик в телогрейке и кирзовых сапогах. — За инвентарем, что ли? Три рубля и паспорт в залог.

— Обалдел, папаша? За тройк я лопату в магазине куплю, — возмутился Огурцов.

— Такую не купишь. — Сторож важно покивал. — Вон у нас вчера два жмурика третьего откопали и гулять ушли. Где инвентарь взяли, спрашивается. То-то!

— Что, прямо вот так жмурикам лопаты и отдал? За тройк и паспорт?

Сторож подошел к Степану вплотную, дохнул ему в лицо густым сивушным духом, икнул и понес такое, что Огурцов лишь укоризненно покачал головой, выслушав.

— Не жмурикам, — доверительно сообщил сторож. — Мужик приходил, длинный, лохматый, и говорит чудно. Ему и выдал. И ведро, и лопаты, и мешок с веревками. Он паспорт в залог отдал, — сторож сморщился и помаhal пальцем перед Степиным носом. — Но вишь, какое дело: петух прокукарекал, а они не вернулись, покойники-то с мужиком. И барабаны всю ночь били. Значит, не наши. Неправильные. А паспорт у меня остался!

— Давай его сюда, — Огурцов показал удостоверение.

Сторож порылся за пазухой, покачиваясь, достал красную книжку с гербом и протянул Огурцову. Степа открыл. С фотографии глядела на него русоволосая круглощекая женщина.

— Лохматый мужик, говоришь? — Огурцов усмехнулся. — Похоже, про...ал ты инструментарий, папаша.

— Обижаешь, начальник. Обе лопаты на месте. Я их, значит, обратно нашел и подобрал. Вон там, за лужей.

За лужей виднелась продолговатая яма с неровными краями и неаккуратно выброшенной наружу землей. Создавалось впечатление, что из ямы кто-то долго и трудно выбирался. Степан обошел кругом. Обнаружил остатки костра, мелкие обгорелые кости и черные перья. Нагнулся подобрать перо и внезапно заметил отчетливый след босой ноги на влажной глинистой земле. Огурцов присел на корточки, промерил большим пальцем от пятки до мыска. Получился размер так сорок шестой.

— Бардак у тебя, папаша, — сказал он с осуждением. — Мертвяки как у себя дома разгуливают, нарушители с алкогольным уклоном жареными воронами закусывают. А это что такое валяется? — Огурцов вытащил из лужи табличку, заляпанную грязью. Сторож истово сорвал с головы кепку и протер. На табличке проступила надпись: «Геворкян Армен Суренович, 1942—1978».

Огурцов поскреб надпись, поднял голову, посмотрел на сторожа снизу вверх и спросил:

— А что, папаша, телефон в сторожке у тебя есть?

Собака след не взяла. Бывалый овчар скулил, поджимал хвост и воротил морду от ямы. Сержант-кинолог без особой надежды потыкал собачьим носом в следы босых ног и развел руками.

— Наверное, чем-нибудь посыпали. Артек никогда себя так не вел.

Заморосил мелкий дождик. В след натекла небольшая лужица. Огурцов отпустил кинолога и без особой надежды отправил сторожа в отделение давать показания, а сам двинулся к ближайшим домам.

Поквартирный опрос практически ничего не дал. Ну, шатались какие-то мужики, то ли пьяные, то ли больные, но место значное, и картина давно привычная.

— Кому нужно на них смотреть, на алкашей? — дворничиха Роза кивнула в сторону пивного ларька, где маячили помятые фигуры. — Вон стоят, пограничники. Тьфу!

— Почему пограничники? — удивился Огурцов.

— С утра на посту.

— Одно беспокойство от них, и днем и ночью, — присоединилась к собеседникам дородная старуха в вязаной кофте. — Я от дочки из Ревды вернулась, внуков нянчила, мне теперь покой прописан, а они под утро выть вздумали! «Не посылай, мол, посылку, мама, она сыночку не нужна». Я начала стыдить, дескать, что ты, Сашка, воешь. А Щеголев мне отвечает...

— Кто?! — Роза побледнела и уставилась на старуху.

— Сашка Щеголев из седьмого дома. Да знаешь ты его!

Роза открыла было рот, но Огурцов решительно ее отстранил:

— Продолжайте, гражданка.

— А чего продолжать? — старуха промокнула рот концом платка. — Пришел мужчина, видный такой, кучерявый, как Анжела Дэвис, прикрикнул на них: «Пошли, мол, твари», да и увел за собой.

— Кроме того, что видный и кучерявый, что можете о нем сказать?

— А ничего. Я его со спины лишь и видала. Только говорит он так... эдак.

— Что значит «так-эдак»?

— Как нерусский. То ли басурман, то ли из косоглазых, которые на базаре арбузами торгуют.

Выписки из уголовных дел №... и №...

Гр. Геворкян Армен Суренович, 1942 г. р., он же Мкртычан Оганес Мкртычевич, он же Саркисян Петрос, он же Караханов Ашот, известен под кличкой Ереван, армянин, беспартийный, неженатый, бездетный, трижды судимый по статьям 87, 147, 148, 156 УК РСФСР (неправомерное завладение чужим имуществом, мошенничество, обман потребителей).

Характер неуравновешенный, буйный. Склонен к участию в групповых преступлениях с использованием

фальшивых документов и подделанных платежных ведомостей.

В 1972-м приговором народного суда Кировского района города-героя Ленинграда осужден на пять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Этапирован в УП 288/16 Уярского района Красноярского края, откуда освобожден в марте 1977 года. Со дня освобождения работал вахтером при общежитии железнодорожного техникума. 27 апреля 1978 года убит неизвестным лицом или лицами, уголовное дело по факту убийства возбуждено. Похоронен на Северном кладбище Выборгского района города-героя Ленинграда.

Выписка из уголовного дела №...

Гр. Щеголев Александр Олегович, 1954 г. р., известен под кличкой Алина, русский, беспартийный, неженатый, бездетный, судимый по статье 121 УК РСФСР (мужеложство).

Характер дружелюбный, спокойный. Склонен к участию в преступлениях сексуального характера.

В 1976-м приговором народного суда Калининского района города-героя Ленинграда осужден на три года лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Этапирован в УП 288/16 Уярского района Красноярского края, откуда в октябре 1977 года освобожден условно-досрочно за примерное поведение. Со дня освобождения работал швеей-мотористской на Октябрьской прядильно-ткацкой фабрике. 29 апреля 1978 года найден мертвым на перроне пригородного поезда, станция Озерки. Тело доставлено в морг при больнице имени Мечникова, откуда исчезло при невыясненных обстоятельствах. В хищении тела гр. Щеголева подозревается объявленный в розыск гр. Свекольников А. Г., неоднократно судимый за мужеложство и некрофилию.

Выписки из уголовных дел №... и №...

Гр. Феокистов Борис Петрович, 1927 г. р., известен под кличкой Фека, русский, беспартийный, неженатый, отец двоих детей, четырежды судимый по ст.ст. 144, 145, 146 УК РСФСР (кражи, грабеж и разбой).

Характер уравновешенный, спокойный. Склонен к участию в насильственных преступлениях с причинением потерпевшим телесных повреждений разной степени тяжести. В уголовном мире широко известен, пользуется авторитетом.

В 1967-м приговором народного суда Выборгского района города-героя Ленинграда осужден на десять лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Этапирован в УП 288/16 Уярского района Красноярского края, откуда освобожден в январе 1977 года. Со дня освобождения работал грузчиком в пункте приема стеклотары при продовольственном магазине № 381. 4 мая 1978 года найден мертвым по месту жительства. Диагноз — отравление алкоголем. Похоронен на Северном кладбище Выборгского района города-героя Ленинграда.

Потапов отодвинул папку с документами и потянул за сигаретами.

— Будешь? — предложил он Огурцову.

— У тебя что? «Краснопресненские»? Спасибо, обойдусь.

— А я вот закурю. — Потапов помахал спичкой. — Сколько лет служу, а с таким не встречался. Могилы, случалось, вскрывали, мародерствовали. Покойников воровали. Помню, рабочего Сормовского завода, ветерана труда, коммуниста Моисея Захарчика неслучайная семья выкрала для перезахоронения на еврейском кладбище. Но кому нужны уголовники? Далее, я могу предположить, что нетрезвые свидетели обознались, однако Щеголева узнала пожилая непьющая женщина, по ее словам, имевшая достаточно долгий диалог с умершим. Что думаешь?

— Я, Володя, как кандидат в члены партии и атеист, в загробный мир и всякие спиритизмы не верю. Или имела место массовая галлюцинация, или каким-то образом похоронили живых людей... ну, скажем, впавших в летаргический сон.

— Летаргический сон после удара ножом в сердце? Путаетесь в версиях, товарищ Огурцов. Знаешь, что меня озадачивает больше всего? Что связывает наших фигурантов. Опущенный гомосексуалист Щеголев, средней руки махинатор Геворкян и правильный вор Феоктистов. Этапирование в одно УП 288 дробь шестнадцать ничего не значит. Такие живут по разным законам.

— Общие работы? — предположил Огурцов.

— Не смей меня.

— Что тогда? Больница? Карцер?

— Мы не цыганки, чтобы гадать. Надо ехать в Красноярск, разбираться. Подготовь рапорт, я подпишу у начальства. Только имей в виду: дохлые уголовники — не главное. Мы ищем основного фигуранта, похоже на то, что главарь — именно он. Сторож утверждает, что за инвентарем приходил высокий мужчина. Женщина из пятого дома видела то ли киргиза, то ли черкеса. — Потапов подался вперед и посмотрел Огурцову в глаза. — Вот его, Степа, и нужно искать.

Скрипнула и приоткрылась дверь.

— Разрешите войти? — заспанный Спицын в помятой форме стоял на пороге.

— Вот он, наш герой, — зловеще сказал Потапов, поднимаясь. — Входи-входи, апологет мракобесия! Что ты мне тут дурман суеверий разводишь?! Мертвые у него, видишь ли, по улицам разгуливают, вдоль дороги с косами стоят! Молчать, комсомолец Спицын!!! — Потапов стукнул кулаком по столу. — К следующим политзанятиям подготовишь доклад: «Религия — опиум для народа, в то время как суеверия... суеверия э-э...»

— «Гашиш для попов», — подсказал Огурцов. — Пойду-ка я в хозчасть, сегодня пайки дают. Володя, твой братъ?

— Я деньгами получаю, — успокоившись, сказал Потапов. — А ты, лейтенант, не отпускать должен был Жукову и Шишкина, а задержать за распространение панических слухов. Не хватало еще бредней о конце света в городе-герое имени Ленина.

Щеголев, кряхтя от натуги, вывалил в костер охапку хвороста.

— А вот на хрена мы огонь жжем? — Феоктистов отодрал от щеки лоскут кожи, осмотрел, поморщился, запустил в костер. — Мы же вроде того, жмуры, в натуре.

— С огнем хорошо, да, — объяснил Геворкян. — Без огня плохо, ара.

— А вообще ништяк. — Феоктистов поднялся и помочился в костер. — Не холодно, не жарко, хавать не хочется, кемарить не хочется, сиди себе, кочумай, в натуре.

— А мне не нравится, — пискнул Щеголев. — Страшно.

— Пидоров не спрашивают. — Феоктистов достал из кармана дырявых брюк пачку «Беломора». Подумал, убрал обратно. — Курить тоже не хочется, — констатировал он.

— А я вот думаю, ара, — Геворкян шумно высморкался, — что мы в блудняк влезли, да. Нехорошо мне, ара, очень мне, ара, херово, билят буду. Я бы, ара, знаешь, что сделал?

— Что б ты сделал? — проявил заинтересованность Щеголев.

— Не с тобой, гетваран, базар, — осадил его Геворкян. — Я так думаю, ара, — повернулся он к Феоктистову. — Сдаваться надо, да.

— Ты что, охренел, в натуре?

— Ничего я не охренел, да. С покойников спросу нет, ара, поэтому нам за ту соску ничего не будет, да. Сдадимся, пускай мусора явку с повинной пишут.

— А на хрена нам с повинной?

— Не знаю, ара. Но из блудняка по-любому выпутываться надо. Может, нам амнистия будет. Раз нас шлепнули, значит, что получается?

— Что получается? — эхом отозвался Щеголев.

— Засохни, петух, да. Получается, — Геворкян победоносно посмотрел на Феоктистова, — что мы уже понесли заслуженное наказание. Мы еще ту шмару не замочили, а нас уже покарали, да. По высшей мере, так что мы свое уже отмотали, билят буду.

— А точняк, — с удивлением протянул Феоктистов. — Ну, у тебя и башка, кореш, век воли не видать. Только тогда что ж выходит — нам за любые дела амнистия полагается? Что хошь делай, что хошь твори, а спросить не с кого? Так это же лафа, бродяги! — Феоктистов ослабился, — вот же, в натуре, счастье привалило.

— Я почему-то не очень счастлив, — подал голос Щеголев.

— Пидорам слова не давали.

— Засохни, да, петух, билят.

— Сам засохни, не на зоне, — фальцетом выкрикнул Щеголев. — Скажи спасибо, что я тебя выкопал!

Геворкян привстал с угрожающим видом:

— Урою, билят. — И вдруг закашлялся и выхаркнул сизый тягучий сгусток.

— Ша, урки! — шикнул Феоктистов. — Хозяин идет.

Краевое управление внутренних дел в Красноярске занимало целый комплекс серых кирпичных зданий недалеко от центра. В двадцати минутах ходьбы Енисей нес тяжелые первозданные волны, а здесь шумели автомобили и звучно бибикали автобусы.

Спицын представился начальнику дежурной службы, лысоватому капитану с усиками, и предъявил удостоверение.

— УП 288 дробь 16? Это в Громадске, туда часа четыре переть, — задумчиво сказал капитан, теребя усы. — Сразу поедешь или в переночуешь в городе?

— Надо бы сразу.

— Ладно. Выделим тебе уазик с водилой.

Начальник УП 288/16 майор Сазонов оказался мужиком неказистым, сутулым и подозрительно красноносым.

— С 1975-го по 1977-й, говоришь? — Сазонов хмыкнул. — Можно вспомнить, конечно. Только что-то с памятью у меня в последнее время хреновато. Старый стал, видать.

Спицын расстегнул портфель, извлек оттуда поллитровку «Московской», вопросительно посмотрел на майора.

— Другое дело, — обрадовался тот. — Под родимую и вспоминать сподручнее. Найдем, лейтенант, все найдем. Барабанов на зоне знаешь сколько? Каждый третий, считай.

Куму от агента, псевдоним Бгительныйй.

МАЛЯВА

Седня ночью в третьем бараке Черножопый косяк упорол. Ему с воли богатая дачка была: колбаса, конфеты, шоколад и консервы. Барон велел дербанить на всех, но Черножопый отказался и сберлял дачку сам, чем людей канкретна огорчил. Тогда Барон велел Черножопого на правилку поставить, а дальше я не знаю, потому что при делах не присутствовал.

Майору Сазонову от агента, псевдоним Интеллигент.

ДОКЛАДНАЯ

Настоящим докладываю, что сегодня около двух часов ночи меня разбудил заключенный Геворкян по кличке Ереван и позвал присутствовать при разбирательстве вины заключенного по кличке Черножопый. По словам Геворкяна, разбирательство должно было проходить в девятом бараке, известном также, как петушинный куток. Не будучи хорошо знаком с вышеупомянутым Черножопым, я от участия в разбирательстве отказался. Однако сообщаю, что заключенный Феоктистов по кличке Фека согласился и вместе с Геворкяном ушел. Наутро Феоктистов вернулся и сказал, что Черножопого признали за гада и опустили (превратили в пассивного педераста).

С уважением, Интеллигент.

Гражданину майору от агента, псевдоним Петя-Петушок.

Начальник, по интересующему тебя делу могу сказать, что у нас появился новый сосед, кличка Черножопка. Ночью Барон, Фека и Ереван поставили его на правилку и признали за гада. Потом Алина, Света и Пелагея держали, пока Ереван и Фека опускали. Сам Барон опускать отказался, сказав, что запахло, потому что брезгует.

Петя-Петушок.

— А кто этот Черножопый? — отдуваясь, спросил Спицын. — У меня от кличек в глазах рябит.

— Давай еще по граммулке, — Сазонов набулькал в стаканы. — Да, шумная вышла история, «Резня в петушатнике», не слышал?

— Не приходилось, — Спицын помотал головой.

— В общем, Черножопый этот... вроде ничего особенного: парень с виду тихий, и сидел за ерунду — девки, шмотки, фарца по мелочи. И такое отмочил!

— Что отмочил? Чем дело кончилось? — Спицын чокнулся с майором, выпил, с наслаждением закусил присоленным муксуном, истекающим жирным янтарным соком.

— Кончилось скверно. Черножопый других понятий оказался. Следующей ночью он втихаря полбарака забил. В первую очередь заключенных Святослава Киреева и Петра Сметанина, в смысле Светку и Пелагею, и еще до кого успел дотянуться. Он им горло перегрыз, представляешь? В момент. Раз — и артерия фонтаном. Кровищи было! А потом выломал дверь и пошел к третьему бараку, видимо, с Бароном разбираться. Так и пер буром, весь в крови. Да не допер, охрана с вышки расстреляла.

Майор хлопнул стаканом по столу.

— Понял. — Спицын полез в портфель за второй бутылкой.

— Наши хотели замять, как всегда, — продолжил майор, утирая рот. — Но одного не учли: та посылка не по воздуху прилетела, а пешком пришла. Отец приехал сына повидать. Вот и повидал. Так что списали Черножопого, считай, подчистую, навсегда.

Спицын разлил по стаканам. Майор выпил, крикнул и вдруг захихикал, крутя головой:

— Как он там стоял, отец-то, сам что твой столб, глаза сверкают, а волосы — во! Как папаха. Весь черный на белом снегу. — Майор снова захихикал. — Снег белый, а он черный, злющий.

— Погоди. — Спицын разлил остатки и сунул пустую бутылку под стол. — Почему черный-то?

— Да потому, что негр! Понял? Негр у Черножопого папаша! А мы думали — чучмек...

Выписки из уголовных дел №... и №...

Гр. Цуряну Богдан Тудорович, 1933 г. р., известен под кличкой Барон, молдаванин, беспартийный, женатый, многократно судимый по ст.ст. 77.1, 103, 106, 113, 145, 146 УК РСФСР (грабеж, разбой, умышленное убий-

ство, дезорганизация работы исправительн-трудовых учреждений).

Характер неуравновешенный, подвержен приступам гнева. Склонен к организации насильственных преступлений. Принадлежит к высшей касте в уголовной иерархии, известной как воры в законе.

В 1965-м приговором Кишиневского народного суда осужден на двенадцать лет лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима. Этапирован в УП 288/16 Уярского района Красноярского края, откуда освобожден в декабре 1977 года. По месту жительства после освобождения не явился, на учет в надзорные органы не встал. Место нахождения на сегодняшний день не установлено. Возможно, скрывается в Ленинграде или Ленинградской области, где проживает его жена Цуряну Наталья Степановна.

Потапов положил в папку-дело справку из УП 288/16, достал из пачки «Краснопресненских» последнюю сигарету и закурил.

— «Резня в петушатнике»? Была такая история, слухи ходили. Ну, считаем, — Потапов махнул ладонью, отгоняя синий дымок. — В экзекуции участвовало шестеро зэков. Двое были убиты в колонии, трое — наши фигуранты. Остается один.

— Цуряну Богдан Тодорович, — подсказал Огурцов. — Вор в законе. После освобождения скрылся. Зачем?

— Он не просто вор в законе, — встрял Спицын. — Барон — пахан, высший авторитет, из тех, кто зону держит. К нему иные вертухаи на поклон ходят.

— И такой человек кого-то испугался? — удивился Огурцов. — Слабо верится.

— Значит, было чего пугаться, — Потапов захлопнул папку. — Место жительства гражданки Цуряну установлено, в поселке участковый со вчерашнего дня проводит опрос населения. Выявлено: гражданка Цуряну на прошлой неделе набрала в сельпо сахара и круп

на небольшой армейский взвод. И хлеба каждый день берет по три батона. Теперь далее. Под предлогом того, что в районе участились недозволенные случаи выкармливания свиней хлебобулочной продукцией, с Цуряну была проведена беседа. Откорм свиней та отрицает, но, по словам участкового, явно чем-то обеспокоена. Я дал команду выставить наблюдение за участком и усадьбой и отслеживать появление посторонних лиц.

— А где это?

— За Сестрорецком, в Разливе. Думаю, Барон скрывается именно там.

— В Разливе, как Ленин в шалаше, — хихикнул Дима.

— Отставить, комсомолец Спицын! — рявкнул Потапов. — Не смей сравнивать вождя мирового пролетариата с уголовным элементом!

— Пахан тоже, в своем роде, вождь, — примирительно сказал Огурцов.

Потапов поморщился, но ничего не ответил, лишь взглянул в порожнюю пачку «Краснопресненских», смял и бросил в корзину.

— Черт, сигареты кончились. Дай мне, Степа, твоего горлодера.

Огурцов извлек из кармана кителя и протянул следователю пачку «Партагаса». Вслед за сигаретами выпало и спланировало на пол черное перо.

— Не мусори в кабинете, — строго сказал Потапов. — Что это у тебя?

— Перо. Вороны, наверное, или голубя. На кладбище подобрал.

— Дай посмотреть, — оживился голубятник Спицын. Он повертел перо в руках, провел пальцем вдоль стержня и авторитетно заявил: — Не вороны, и тем более не голубя. Имеет место маховое перо из крыла черного петуха. Блин, измазался. Это что, кровь?

Зазвонил телефон. Потапов снял трубку.

— Слушаю! Понял... понял. Номер установили? Вот даже как? Не спускайте с него глаз, слышите? Мы ско-

ро прибудем. — Он бросил трубку и оглядел команду блестящими глазами. — В Разливе замечена «Волга» с дипломатическими номерами. По сведениям ГАИ, машина принадлежит консулу республики Бенин, господину Баминго Дзанга.

— Начинается! — Спицын вскочил, натянул куртку и принялся прилаживать португепю. Потапов встал, открыл сейф, достал пистолет и наплечную кобуру.

— А ты куда? — остановил его Огурцов. — Следкам на оперзадания выезжать не положено.

— Я старший группы, — твердо сказал Потапов. — Считаю необходимым присутствовать при операции. А то устроят там... еще одну «Резню в петушатнике».

Над дачным поселком расстился туман, поднимаясь от Финского залива и окутывая ровные стволы невысоких прибрежных сосен. На пляже было пустынно и голо, только к подземному схрону, оставшемуся со времен войны, тянулась цепочка неровных следов.

Послышался мерный бой барабана. Туман окрасился в розовые и фиолетовые тона, потянуло пряным травяным запахом. Из схрона донеслись глухие голоса, на поверхность, одна за другой, выползли, пошатываясь, три облезлые фигуры.

— Вот они, — шепнул Огурцов Спицыну. — Фу, ну и вонь. Так, я за ними, а ты давай, дуй на звук барабана.

Спицын кивнул и, прячась между дюнами, заскользил туда, откуда доносилась барабанная дробь.

Усадьба, где предположительно скрывался Барон, прилепилась к возвышенности, отделенной от залива небольшим прудиком. Огурцов, сбегав с тропинки, углубился в заросли ивняка, по кустам пробрался наверх и замер. Барабан стучал неумолчно, в запах пряностей влился едкий дух жженных перьев.

В сером сумраке три фигуры пересекли прудик и принялись взбираться по тропинке к задней калитке высокого глухого забора, огораживающего двухэтаж-

ный особняк. Добравшись, передний уперся в калитку, второй надавил сзади. Громче, быстрее застучал барабан, и калитка, дернувшись, провалилась вовнутрь. Из пролома послышался истошный лай, перешедший в визг. Труп собаки с перебитым хребтом полетел с откоса, а три фигуры молча двинулись через двор.

Огурцов поправил портупею, проверил ремешок на кобуре — быстро ли выскакивает пистолет, и потрусил в сторону усадьбы. Он был уже у забора, когда внутри неожиданно затрещали выстрелы, и в пяти сантиметрах от его лица автоматной очередью выбило фонтанчик щепок.

Степан кинулся на землю, в сухую прошлогоднюю траву, под которой предательски прятался недотаявший снежок. Тихо матерясь, он отполз к забору, забился под него и замер.

Из окон первого этажа по троице открыли огонь. Пристяжь Барона меткостью стрельбы не отличалась, однако с близкого расстояния промахнуться было нелегко.

— Билят, — сказал Геворкян, поймавший брюхом две пули. — А мне не больно совсем, ара, да.

С чердака стрелков поддержал автомат. Очередь разворотила Феоктистову грудную клетку, отчего тот стал припадать на левый бок и промахиваться правой рукой по предметам. Добраться до дома рана, однако, не помешала.

— Ништгяк, — сказал Феоктистов и хрипло заржал. — Они шмаляют, а нам по хрен.

Геворкян ногой вышиб входную дверь, и троица ввалилась вовнутрь. Из угловой комнаты навстречу вскочил человек, в упор выстрелил Феоктистову в грудь.

— Одной дыркой больше, бля, одной меньше, — философски заметил Феоктистов. — Он нагнулся, подобрал с пола чугунную кочергу и, изловчившись, разнес стрелявшему череп.

Геворкян подхватил из руки убитого пистолет и открыл огонь. Одна пуля угодила в задницу Щеголеву, который, впрочем, не обратил на это внимания. Другая вошла в глазницу сбегающему вниз по лестнице автоматчику, остальные ушли в молоко.

Феоктистов завладел автоматом и дал очередь в потолок. Где-то на втором этаже испуганно закричала-запричитала женщина.

— Бабу кончать не обязательно, — прохрипел Феоктистов. — Пахана замочим и рвем когти.

— Кончать бабу не надо, ара, — сказал Геворкян. — В бабу кончать надо, билят.

— Чем кончать будешь? — подал голос Щеголев. — У тебя кончалово уже три дня как отсохло.

— Молчи, гетваран, замочу, билят, — возмутился Геворкян.

— А меня уже и так замочили, — огрызнулся Щеголев.

Толкаясь и матерясь, все трое затопали по лестнице наверх. Внезапным выстрелом Геворкяна, обогнавшего остальных, отбросило назад. Он повалился на Феоктистова и сшиб его с ног.

— На кого руку подняли, сявки?!

На площадке второго этажа появился Барон в распахнутой кацавейке и широких плисовых штанах. На волосатой груди раскачивался массивный золотой крест. В руках пахан держал мощное помповое ружье.

— Забыли, гниды позорные, как передо мной в грязи ползали, в верности клялись? Что, воровская честь уже ничего не стоит? Фека, мы с тобой кровью повязаны, забыл? А ты, Ереван? Вспомни, как на киче чалились. А этот, — он кивнул в сторону Щеголева. — До чего же мы дожили, что такая мразь посягает на вора. — Барон сурово повел бровью.

— Прости, батяня, — всхлипнул Геворкян. — Бес попутал.

Щеголев попятился назад, озираясь и оглядываясь на разбитые окна. Только Феоктистов, ошарашенно мотая головой, остался, где был.

Барон лениво приблизился, стволом помповика ткнул Феоктистова в развороченную пулями грудь, и тот загремел по ступенькам.

— Шухер, менты! — истерически заорал Геворкян. — Мусора, билят!

— Хрен-то с ними, — отозвался Феоктистов.

— Уходить надо, — заверещал Щеголев и рванулся к выходу.

Внезапно входная дверь распахнулась, впустив запах травяного дымка и жженных перьев. На пороге появился высокий негр в черном плаще. Лицо его было расчерчено белой глиной, черные ладони сжимали обод плоского, блином, барабана.

— Хозяин, — прошептал Геворкян.

Небрежно пнув замешкавшегося Щеголева в зад, негр сделал два шага вперед.

— Не подходи! — наставив ружье на гостя, завопил Барон.

— Мне не обязательно подходить к тебе, — медленно сказал негр. — Мне даже не надо быть рядом. Но я хочу это видеть. На, лови.

Негр махнул рукой. Пестрый круглый предмет описал в воздухе параболу, угодил Барону в грудь, и пахана скрутило волной чудовищной боли. Барон заревел и, раздирая грудь ногтями, повалился навзничь.

Когда выстрелы прекратились, крики смолкли и барабан затих, Огурцов осторожно выбрался из-под забора, приподнялся на четвереньки и пополз к усадьбе. Он успел увидеть метнувшиеся от входа тени. В следующий момент невидимая сила оторвала Степу от земли и с размаху приложила о штaketник. Он сполз по доскам забора спиной и потерял сознание.

Когда Огурцов очнулся, все уже кончилось. Во дворе несколько незнакомых милиционеров, видимо, из Сестрорецка, стаскивали под навес тела убитых.

Возле крыльца лейтенант Спицын блевал на молодую майскую траву. Завидев Огурцова, он виновато выпрямился, отер губы и кивнул в сторону дома:

— Потапов там. Иди...

— А ты?

— Я уже был, — Спицын скривился, схватился за рот, отвернувшись с явным желанием продолжить.

В доме пахло сложной смесью пороха, крови, гниения и человеческих испражнений. С площадки второго этажа мерно капали капли крови.

— Поднимайся сюда, — позвал Потапов. — Интересно, кто это его так уделал?

В луже крови лежало то, что недавно считалось паханом и воровским авторитетом. Задний проход у него был разорван, оттуда лезли наружу сизые волны кишок. Грудь была основательно порезана, язык наполовину вырван и свисал из-за порванной щеки в красную гляцевую лужу.

Огурцов не стал рассматривать детали, отвернулся и устался в пол. В углу он заметил необычную вещицу, подошел, поднял.

— Взгляни, — он протянул Потапову куколку в кацавейке и плисовых штанишках. Из задницы куколки торчал карандаш, тряпичный рот был разорван, а восковую грудь пересекали поперечные полосы. — Дети, что ли, баловались?

Происшествие в дачном поселке под Сестрорецком списали на воровские разборки. Вдову Цуряну, от пережитого тронувшуюся умом, определили в сумасшедший дом, а усадьба досталась по наследству дальней родне, ни в каком криминале не замешанной.

Двадцать пятого мая, аккуратно в День свободы Африки, Огурцов отозвал Потапова в сторонку.

— Слушай, Володя, давно хотел тебя спросить. А этот, черный, как его, Баминго Дзанга. Он там был, в Сестрорецке?

— Был, — спокойно сказал Потапов. — Я с ним встретился у ворот.

— И что?

— А ничего. Руку пожал и в глаза посмотрел.

— Как?! Он же убийца! На нем те трое, да и Барон.

— Да-а? — Потапов весело взглянул на Степана. — А скажи-ка, каким образом, способом и орудием был умерщвлен гражданин Цуряну?

Огурцов пожал плечами.

— Эксперты теряются в догадках. Говорят, что руками.

— Представляешь, как преступник забрызгался? А на Баминго ни капли не было. К тому же есть такая деталь, как дипломатическая неприкосновенность. И еще один фактор.

Потапов похлопал по карманам в поисках сигарет. Огурцов протянул ему пачку «Партагаса». Капитан сморщился, но сигарету взял, закурил.

— Так что за фактор? — не выдержал Степан.

Потапов задумчиво выпустил струюку дыма и внимательно посмотрел на Огурцова.

— Справедливость, Степа. Справедливость.

Поговаривают, что в старом подземном бункере, затерявшемся среди дюн на побережье Финского залива, поселилось привидение. По слухам, оно безвредное, только несколько грубовато и безлунными ночами бранится на три голоса. Якобы, если вслушаться, можно различить загробные слова: «билят», «ништяк», «в натуре» и совсем уж экзотическое «кочумай». Иногда прохожим удается разобрать, как два грубых голоса, гортанный и хриплый, грозят третьему, писклявому. А самым-самым везучим случалось услышать, как привидение поет.

Слова едва различимы, но доходят до самого сердца: «Не собирай посылку, мама, на почту больше не ходи. Твой сын уходит наконец-то в объятия вечной темноты. Теперь никто его не тронет, последний хлеб не украдет, в тайгу прикладом не погонит... Не плачь. Теперь он отдохнет».

ВЛАДИМИР ЯЦЕНКО

ПАСЫНОК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

— Немой! Слышь, Немой. — Сильные руки тормозили Полозова, разрушая сладкую магию сна. — Маныч помер. Да проснись ты!..

Защищаясь, Андрей отмахнулся отседающего противника, и тот сразу оставил его в покое. Соседняя койка заняла, заскрипела, и горячий шепот засаднил, надрываясь, в другой угол тесного помещения:

— Рыка! Вставай, просыпайся. Манычу крендец! Толкни корейца...

Андрей открыл глаза. Ничего нового. До войны — обычный гостиничный номер на одного человека. Теперь, после небольшого, но вдумчивого апгрейда, — восемь мест со всеми удобствами: душ, умывальник, унитаз. Никаких тумбочек, шкафов и перегородок, — это чтоб, в случае чего, прятаться постояльцам было негде. Стены тускло-желтого цвета, а это чтоб не фонило, не мешало охране целиться в тех, кому негде спрятаться. Высокий потолок в черных пятнах светильников, опутанных сеткой из стальной проволоки, три стены и решетка. Решетка? Чтоб не разбежались, — стрелять удобнее, когда цели в куче. Дальше, за решеткой, — коридор, которым после побудки предатели идут в столовую. А как же иначе? — худую скотину тоже кормить надо. По-другому только на убой... что, впрочем, неизбежно и является лишь вопросом времени.

Во сне было лучше. Светлее, просторнее. Необъятное небо и трава до горизонта. А еще он пел. Ни слов, ни мелодии не припомнить, но это была чудесная пес-

ня... в полной тишине. Впрочем, сейчас вроде бы тоже тихо. Ни привычного шума в ушах, ни прострелов, к которым Андрей еще в госпитале приспособился.

«Но ведь и вправду ничего не шумит!» — удивился Полозов, ощупывая голову.

— Акка, возьми себя в руки! — сердитый бас Рыки приглушен: каждый боится внимания охраны. — Помер и помер. Теперь-то чего: до утра подождать не может?

— Машинка работает! — Голос у Акки дрожит, сочится страхом. — Включили! Я говорил!..

Скрип кровати и хлесткий звук пощечины.

— Заткнись, придурок!

— Что там у вас, уроды? — раздраженный голос надзирателя властно накрывает камеру. — Подъем, трусы и предатели, если не спится. Я вам покажу небо в алмазах!

Ослепительный свет выдавливает слезы даже сквозь плотно сомкнутые веки.

Полозов вместе со всеми вскакивает и одним движением заворачивает в плед подушку. Штаны, куртка, шлепанцы. Прошли положенные внутренним распорядком три секунды, а все уже стоят смиренно, рядом с убранными кроватями.

Нет. Не все...

— Кто это там залег?

Надзирателя зовут Михаил Пенков. За глаза — Пена. Это хорошо и плохо. Плохо: потому что его лучше не злить. Так что руки за спину, подбородок вверх, глаза чуть выше фуражки и в бесконечность. Попробуй шелохнись или «не так» посмотри. В лучшем случае вместо обеда отправят на санобработку камер. В худшем... только к чему это? Стоим прямо, смотрим ровно... тем более что есть и хорошее. Если Пена, — значит, четный день. Значит, идти на склад за расходниками. А на складе — Варя, дорогая, милая... и накормит, и согреет...

— Ни хрена не понимаю! — Пена со всей дури лупит дубинкой по прутьям решетки. — Кто там у вас лежит, уроды? Кто лежит, спрашиваю?

Как и следовало ожидать, на его трюк никто не купился: руки за спиной и рот на замке! Если к тебе лично не обращались...

— Ты, — дубинка Пены нацелена в глубину камеры. — Поднять мерзавца!

Полозов чувствует, как за спиной происходит необходимое движение. Судя по кряхтению, поднимать Маныча приходится Акке.

— В чем дело? — ядовито интересуется Пена. — Не хочет просыпаться?

— Мертвый он, гражданин надзиратель, — угрюмый голос Акки полон фальшивого раскаяния. — Тяжелый. Не могу поднять...

— Мертвый? — С Пенкова разом слетает спесь и высокомерие. — Что же вы сразу... идиоты! Ты! — приходя в себя, орет Пена и тычет дубинкой в Андрея. — И вы двое. Несите падаль сюда.

Андрей с готовностью разворачивается и подхватывает ближайший угол пледа, на котором застыл труп Маныча. Часть решетки откатывается в сторону. Пена недовольно наблюдает, как они проходят мимо, и передает их подоспевшему конвою: двое парней, с заспанными небритыми лицами.

— Остальным спать, — захлебывается ненавистью голос надзирателя за спиной. — Последнему, кто останется на ногах, стоять до подъема...

— Шевелитесь, смертнички, — торопит конвоир. Наверное, старший. — Не то всех в трупы запишем.

Быстрым шагом прошли мимо ряда темных решеток. Дверь тюремного блока уже открыта, но, против ожидания, конвой повернул не налево, к лазарету, а направо — к хозчасти.

— Эй, Акка, — прошептал кореец Тян. — Как узнал, что Новицкий жатку запустил?

— А как иначе объяснить падеж? Вечером двое. Теперь Маныч. И ведь ночь еще не кончилась!

— Разговоры! — прикрикнул кто-то из конвоя. — В котельную заносите... что же вы в ногах путаетесь, олухи?! Обе створки откройте!

В котельной их ждали два врача и дежурный по корпусу. Было душно и жарко. Щель приоткрытой заслонки светилась красным, из печи несло смрадом.

— Еще один жмурик, товарищ начмед, — заискивающим голосом доложил старший конвоя. — От нас третий за ночь...

— Ты пасть закрой, — нахмурился начальник медицинской службы. — Считаю я и без тебя умею... Опустите на пол.

Он с минуту разглядывал неподвижное тело, потом носком ботинка зачем-то откинул край пледа, лежавшего на плече покойника.

— Давай, Иван, — буркнул своему коллеге. — Оформляй, как обычно...

Начмед кивнул дежурному и пошел к дверям. Все. Осмотр окончен.

Иван трудолюбиво засопел над планшетом, а дежурный по корпусу повернулся к охранникам:

— Чего рты открыли? В топку его. А этим по трети стакана и отбой...

Не дожидаясь приказа, Андрей подошел к трупку и взялся за угол пледа.

— ...и смотри, Стецько, еще раз гавкнешь, когда не спрашивают, наверх в ограждение отправлю. Ты меня понял, арифмометр хренов?

— Так точно, товарищ капитан, понял.

— И чтоб эзков не обижать: им утром по гудку победу нашу выковывать. Все ясно?

— Так точно, товарищ капитан, ясно: «не обижать». Так, уроды, подняли...

И тут Маныч вздохнул. Тяжело вздохнул, горестно и с надрывом, а потом часто задышал. Было слышно, как у него в груди что-то хлопает и ворочается.

Дежурный по корпусу выхватил из кобуры пистолет:
— Всем в сторону! Стоять!

Андрея потянули за шиворот и опрокинули на спину. Под левую лопатку впилось что-то твердое и острое, а когда попытался встать, больно ударился коленом о трубу. Но Маныча из виду не выпустил, наблюдая, как он двигает руками, с хрустом выгибая локти под углами, непредусмотренными природой человека. Как поднимает голову, озираясь, поблескивая в сумерках котельной бельмами глаз.

— Стоять! — Капитан давится криком, его руки дрожат. — Не двигаться!

Маныч перевернулся и приподнялся на коленях.

Первый же выстрел уложил «покойника» обратно на живот. А через секунду пальба из пистолетов слилась в автоматную очередь. Это подключились к расстрелу начмед и его помощник. И вдруг хлынула тишина.

«Патроны кончились», — понял Андрей, стараясь отодвинуться подальше: Маныч все еще шевелился! Охранники деловито набрасывали на него кусок брезента.

— Чего уставились, дауны? — зашипел начмед. — Заворачивайте и срочно в топку.

— Живее! — перевел капитан. — В топку, в топку его!

«Как же так? — потрясенно думал Полозов. — Три обоймы...» Он все еще сидел в стороне от всех. Боль в колене и спине не позволяла поверить в сон. Но и реальностью происходящее быть не могло.

Даже под брезентом Маныч не сдавался, его тело пыталось жить: выкручивалось и билось. Кореец Тянь коснулся ладонью заслонки и зашипел, выронив конец скатки.

Ему на помощь бросились медики:

— Запихивайте, запихивайте!

Когда люк топочной закрылся, Полозову стало легче. Но ненадолго.

— А с этими теперь что делать? — хмуро спросил старший конвоя.

Капитан уставился в лицо Андрею, и ему показалось, что на него глянула смерть. Но капитан только устало махнул рукой.

— Все там будут. Веди их обратно. И водки налей. Им, не себе! Я проверю.

«Доброе утро, Родина, — подумал Андрей, — Такие теперь, значит, у нас дела...»

* * *

— Виноват, конечно, Иран. После бомбардировки Хайфы американцы, даже если бы и хотели, не могли оставаться в стороне. Ну, а после, когда мы подключились, за паритетом обмена ядерными ударами следить стало некому...

Полозов, стискивая зубы, чтобы удержать зевоту после тревожной ночи, аккуратно выверливал отверстия в гетинаксе. Болтовню старика, с которым приходилось делить лабораторию радиоэлектронных систем, обновить он не мог. Но если бы и была такая возможность, Андрей не стал бы этого делать. Во-первых, по нечетным дням Судаков легко делился бутербродами с копченым салом или колбасой. Во-вторых, в трепе «вольняшки» частенько проскакивали свежие известия, которые здесь, в закрытом КБ с длинным, скучным и совершенно секретным номером, были в еще большем дефиците, чем копчености для заключенных.

— ...Нас обманывают: наверху не так плохо, как передают в официальных сводках. Радиоактивные пустыни западнее, за Уралом. Дозиметры молчат, я сам проверял...

В-третьих, старик не нуждался в отклике на свои монологи. Может, он так настраивался на работу. А может, это было его тайным партийным заданием: проверить наличие пораженческих настроений у заключенного Андрея Полозова. И в этом была главная польза

Судакова: благодаря ему Андрей дружил с особым отделом. «Стучать» на старика можно было сколько душе угодно. На еженедельной поверке по вторникам Андрей заходил в кабинет к старшему лейтенанту Козырину и под его наблюдением писал, о чем говорил Судаков. Козырин внимательно вычитывал исписанную корявым почерком бумагу, курил вонючие турецкие сигареты, трофейные, конечно, и глубокомысленно кивал. Потом ставил галочку в своей ведомости против фамилии Андрея и отпускал его с миром.

— ...Эта война — духовное продолжение традиций Крестовых походов. Когда в начале века американцы предприняли превентивные акции против стран ислама, Родине следовало возглавить мировое движение по очищению цивилизации от мусульманской скверны. В те времена муслимы не могли дать сдачи. Не было бы сегодняшней катастрофы...

От доносительства Судаков не страдал. Во-первых, он уже работал в КБ, со всеми его атрибутами и традициями — допуском, уровнем секретности, подписками о неразглашении и невыезде. А потому уйти отсюда мог только в общем порядке — через трубу крематория. Во-вторых, лучшего мотальщика трансформаторов и в мирное время найти непросто. А сейчас, наверное, невозможно.

— ...Вопрос стоит ребром: мы или они. Не имеет значения, кто начал. Сегодня право на жизнь у того, кто крепче. То есть у нас. История закалила нам дух. Монголо-татары и усобицы, Романовы и большевики — вот кому нам следует поклониться! Они сделали нас стальными! Мы выживем где угодно и в любых условиях. Америка, изнеженная в роскоши и сибаритстве...

Андрей осторожно, стараясь не повредить наклеенный на фольгированный гетинакс бумажный макет, «накалывал» отверстие за отверстием. За час он должен закончить со сверлением. На склад нужно успеть до обеда. Травление контактных дорожек лучше отложить на вечер.

— ...Наш вклад в победу — создание машины смерти. Но она никогда не заработает.

Рука с жалом бормашины дрогнула. Сверло сломалось. Андрей снял ногу с педали двигателя, оттянул наконечник цанги и поменял сверло. Но продолжать работу не стал, прислушался:

— Оно и понятно: после сдачи жатки в эксплуатацию все принимавшие участие в ее создании будут казнены. Как в целях сохранения важнейшей государственной тайны, так и для проверки работоспособности конечного продукта. Все это понимают. Охране не нужно опасаться диверсии со стороны враждебных государств. Вредительство неизбежно изнутри. Скорее всего, к саботажу будет причастен средний уровень персонала...

Андрей запустил бормашину, но в точки, отмеченные компьютером, сверло попадало неохотно, сосредоточиться на работе не получалось. Судаков озвучил задачу, которую сам Андрей решал год назад. Их ответы совпали. В том, что ночной «падеж» и эксперименты с жаткой не связаны между собой, Андрей не сомневался. Он, Полозов Андрей Витальевич, знал абсолютно точно: прибор, над созданием которого пыхтела шарашка, никогда не заработает.

В КБ Полозова «занесло» из госпиталя чуть больше года назад. Как сборщик радиоэлектронной аппаратуры, Андрей головой отвечал за соответствие своих узлов техзаданию. Но как человек не мог допустить этого соответствия. И вовсе не по причине теплых чувств к арабам, американцам или китайцам. Сидя в Бункере конструкторского бюро, все плохо понимали, с кем сегодня Родина воюет. А против кого воюет, было еще непонятней. Нет. Дело было в другом.

Обдумав ситуацию, Андрей пришел к выводу, что работающая «машина смерти» и его совесть — явления несовместимые. Тактико-технических характеристик машины абсолютного уничтожения не существовало. Все характеристики были стратегическими. Перед ис-

кусственным интеллектом, управляющим жаткой, стояла только одна задача: ликвидация разумной жизни «под ноль» по географическому признаку. Границы истребления были определены заранее: все, что вне «одной седьмой части суши».

Полозову такая задача казалась некорректной. А поскольку ни с кем поделиться своими сомнениями он не мог, решил саботировать проект в одиночку. И сегодня, как выпускник Московского Физтеха, Андрей твердо знал, что саботаж блестяще реализован.

Нет, паять «левые» номиналы он не стал — такой промах был бы тут же замечен ОТК с единственно возможным оргвыводом: расстрел на рабочем месте. Андрей действовал тоньше. Он предусмотрел в программе логическую цепь, оценивающую величину электрического шума вокруг платы. Это означало, что процессор электронного блока распознавал: работает он самостоятельно на испытательном стенде или совместно с другими блоками внутри какого-то устройства. В результате, на тестировании, платы были идеальными. Но в компании с элементами неизвестной конструкции они инвертировали импульс — давали правильную абсолютную величину выходного сигнала, только с обратным знаком.

— ...равенство? Они затеяли войну только потому, что знали: умирать будут не они. И не их дети. Точки нанесения ядерных ударов определены с учетом долгосрочных климатических прогнозов. Ветер не понесет радиоактивные облака к их личным островам посреди океана. И цикл развития человечества замкнется: через тысячу лет с острова Пасхи на материке начнут возвращаться люди. Дивясь мертвым останкам былого величия рухнувшей цивилизации. Все вернется на свои круги...

Схватить Полозова за руку никто не мог. Программу, защиту в чипе, прочитать нельзя, — это определено архитектурой микроконтроллера. Найти на самой плате участок цепи, который определял величину шума

рядом стоящих блоков, — тоже невозможно: в детекторе шумов использовались штатные элементы, утвержденные принципиальной схемой. Только из текста программы следовало, что электрическая цепь помимо генерации сигнала тестирует шумы и, в соответствии с проверкой, оставит знак выходного импульса без изменения или поменяет его на противоположный.

Еще был компьютер и программатор. О последнем говорить нечего — ему безразлично, какую программу с его помощью залили микрочипу. У него в «башке» после прошивки ничего не остается. А компьютер... уж здесь-то Полозов был и вовсе спокоен: «дайте мне комп, и через час можете разбить об него голову, — без меня он больше никогда работать не будет».

Закончив со сверлениями, Андрей окунул плату в активатор и опустил ее в гальваническую ванну для металлизации отверстий.

— Слухи о живых мертвецах — наглая ложь, нелепые басни, которыми в последнее время столь богата наша высоконаучная община. Генералу следует расстреливать паникеров: и в порядке пресечения вредных фантазий, и в назидание тем, кто еще почему-то держится... держаться любой ценой! Ради светлого будущего... как наши предки сражались: ради жизни стояли насмерть!

Глядя на качалку, в которой плескался электролит с гетинаксом, Полозов задумался. О «приключениях» минувшей ночи он не забыл, но для душевного равновесия старался о них не думать. Объяснить воскрешение Маныча можно было только неправильным диагнозом: в трупы записали крепко спящего человека. Это предположение казалось хорошим объяснением, но в него не вписывалась готовность капитана к такому обороту и фантастическая живучесть «покойного». «Три обоймы! С трех шагов!» Перед глазами встали руки Маныча, согнутые в локтях «не в ту» сторону. Полозов тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

— ...будущее в обособленных социумах. Люди будут жить в оазисах, разделенных радиоактивными пустынями, бактериологическими плешами и химическими пустошами. Это будет светлое время. Эпоха добра, справедливости и чистого неба над головой. Мы сможем снова любоваться звездами!

Андрей поежился и уменьшил ток: если поспешить с металлизацией, то травление плат придется начать до обеда, и свидание с Варварой отложится на двое суток.

— ...Звездная чехарда — результат повышения концентрации пыли и фотоактивных веществ в верхних слоях атмосферы. Над нами гигантская линза, искажающая привычные очертания созвездий. Не нужно быть астрономом, чтобы это понимать. Достаточно вспомнить школьный курс химии...

По части химии мнение Судакова заслуживало доверия: он быстрее всех находил замену подходящим к концу запасам реагентов, необходимых электронщикам.

Убедившись, что плата надежно закреплена в зажимах, Андрей посмотрел на часы: до обеда оставалось сорок минут, можно было поработать для души.

Он достал из ящика стола кусок паранита, над которым трудился третий месяц. Гибкая пластина зеленого цвета уже давно приобрела форму кленового листа. Работа была закончена неделю назад, но Андрей продолжал оглаживать заготовку фрезой, пробуждая ее к жизни. Лоскут паранита все больше и больше напоминал лист дерева, с прожилками и буторками, с немыслимо сложным рельефом, заставляющим поверить, что в руках не кусок пластика, а осколок живого...

— ...Победа или смерть? Чушь! Смерть придумали взрослые, чтобы пугать детей. А потом испугались сами. Смерти нет. Есть переход в высший, справедливый мир, в котором православные праведники жарят на костре исламистов-грешников. Глумление над святынями...

Половодье воинствующей глупости неожиданно иссякло: Судаков упал лицом на стол и, нехорошо ударившись головой о край тумбы, скатился на пол. Замер.

«Вот это да! — заторможенно подумал Андрей. — Решил, значит, не мешкать. Отправился жарить исламистов. Ну, а кто теперь за него будет мотать трансы?..»

Он выключил бормашину, спрятал лист пластика в карман куртки и нажал красную кнопку вызова охраны.

* * *

Волосы Вари пахли сиренью.

До войны одеколон считался пережитком прошлого. Предпочтение отдавалось гелям, спреям и прочей парфюмерии, требующей для своего изготовления высокотехнологического оборудования. И вот он — возврат к простой и ясной старине. Божественный аромат! А как иначе должны пахнуть волосы любимой?!

— ...Из женского отделения пятерых утром вынесли. Вот напасть-то! Говорят, Новицкий жатку включил, а выключить не может. Вот она и косит всех без разбору. Странно только, что мертвецов не складывают в морге. Несут в котельную или в крематорий...

Андрей выловил из литровой банки очередную тефтелину, густо покрытую зернами гречневой каши, целиком отправил ее в рот и зажмурился от наслаждения.

— Все напуганы: злые, ругаются. В общаге вчера до ночи скандалили. На Ленку наехали, черножопой обозвали. Час ревели. Я даже в лазарет за успокоительным бегала. Подслушала, как генерал у начмеда спрашивал, все ли у Новицкого в порядке с головой, если он считает, что машина не работает. Как же не работает, если трупы складывать некуда?

«Конечно, не работает, — сыто отдуваясь, подумал Андрей. — И не будет работать! Аминь!» Он с хрустом надкусил консервированный помидор и высосал разложившиеся от маринада внутренности, потом приложился к хлебу.

«Жизнь удалась! Рядом женщина, еда... а что умер кто... отстрелялся, значит. И молодец. Хуже, если умер, а потом ожил. Это никуда не годится. Это неправиль-

но. Во всем должен быть порядок: если уж отмучился, то навсегда».

Андрей вновь опустил ложку в банку с едой.

— От разведчиков, которые третьего дня на поверхность ушли, никаких сообщений. Сигнала GPS нет, связи с «большой землей» — тоже, ни одного спутника не наблюдается. Ленкин «бывший» рассказывал. Разведчики успели доложить о лесах и чудовищах. Потом крики, выстрелы и тишина. Уже тогда подозревали отравление. Какие леса? Тайга пять лет горела! Бред. С ними что-то случилось... Только ты Виктору не говори. Опять ревновать будет.

«Странная парочка, — размышлял Андрей, не забывая выгребать из банки остатки гречневой каши, — кореец Тянь и темнокожая Елена из догонов... Дальний Восток и Западная Африка... их так и называют: «дружба народов» — по клейму универа, в котором они вместе учились. Им оказалось проще принять русские имена, чем нам выучить, как же их зовут на самом деле...»

— Рябцев подписал приказ о следующей группе добровольцев, которые пойдут им на выручку. Кого назначил — пока неизвестно. Все думают, что пошлют вторую роту. От первой человек десять осталось. И знаешь, что им приказали с собой взять? Секстанты! Я специально в словаре смотрела: углы между звездами мерить. Что эти дуболомы понимают в звездах?! Похоже, у нас не только главный конструктор с головой не дружит, но и комендант гарнизона!

Андрей замер. «Что-то слишком часто в последнее время я слышу о звездах. Что бы это значило? А вот значение инфы о лесах, пусть и с чудовищами, очень даже понятно. Если там не выжженная пустыня, а лес, появляется цель. Было бы куда бежать, ноги всегда найдутся».

Полозов оставил ложку в банке и отставил ее в сторону. Потянулся за компотом. «Лучше всего дождаться естественной убыли гарнизона хотя бы на треть. Тогда начальство существенно сократит или вообще уберет

охрану из гаража. Если захватить БМП и на ней уехать... найти место почище, и жить прямо в ней, в машине, благо, что броневая, хоть и пехоты. Набрать в кузов еду, воду, инструменты... и жить с Варюшей долго и счастливо...»

— ...случаи дезертирства. Обещал лично расстреливать. А пока слили горючку из машин и провода повыдергивали...

Андрей допил компот и вытянулся на брезенте, заботливо укрывшем пузатые пакеты с цементом. Царапина под лопаткой саднила, но эта боль не могла испортить наслаждение от уюта, тепла и сытости. На складе было тихо. Штабеля паллетов с ящиками и мешками стройными рядами равномерно распределялись по всей площади огромного зала, вносили в душу спокойствие и умиротворение. Что бы ни происходило там, наверху, здесь, в Бункере, хранилось достаточно добра, чтобы протянуть неопределенно долго.

«Машины без горючего, — это плохо. С проводами как-нибудь разберусь. К проводам сызмальства привычен. А вот заправить бак и прикрутить к бортам десяток бочек, — одному не справиться. Даже с автопогрузчиком. Может, Виктора позвать? Кореец — нормальный мужик. Нет в нем агрессивной стервозности, без которой тут мало кто обходится. Да и Ленка его — ничего, скромная тихоня. Ни разу от нее грубости не слышал. Предложить «дружбе народов» совместный побег?»

Он привлек к себе Варю и прижался щекой к ее волосам. Волосы были по-военному короткими и ужасно колodились, но аромат, исходивший от них, стоил любых мучений.

— Ну, миленький, — слабо отбивалась она. — Только не здесь. Потерпи до послезавтра.

Тревога ночных событий не располагала к романтическим отношениям. Поэтому, против обыкновения, Андрей оставил свои домогательства и только крепче прижал ее к себе. А она расслабилась. Притихла.

«От чего же мы умираем? — сонно размышлял Андрей. — Если жатка не работает, то почему хоровая погибель? Инфекция и отравление исключены. Медики не спят. Засевают агар соскобами со стен, барботируют физрастворы воздухом. Воякам надо отдать должное: на медицину никогда не жалели ни времени, ни сил. И если никаких мер не принимается, значит, бакпосевы дали нулевой результат и токсических веществ не обнаружено... А если вторая жатка? — Он открыл глаза. — Дублирующая группа? Параллельно первой делается точно такая же, вторая машина. Исполнители нигде не пересекаются. И мой служебный двойник не додумался или не решился саботировать проект».

Это показалось возможным. Подземный город уходил вниз на несколько этажей. И каждый горизонт занимал немалую площадь. Имелось даже свое подземное озеро. Так что взять население Бункера измором не получится. Даже столетней осадой.

— Странно, что никто не приходит, — прошептала Варя.

Андрей свободной левой рукой повернул к себе чашки на ее запястье: до заводского гудка оставалось четверть часа.

Осторожно освободившись от объятий, Полозов вытащил из кармана куртки свое рукоделие, — искусственный кленовый лист.

— Какая прелесть! — Варя круглыми глазами смотрела на кусок паранита. — Милый, как? — Она поднесла подарок к лицу и вдохнула. — Осенью пахнет, костром и лесом...

Это был перебор. От столь наглой лести Андрей поморщился.

Варя опустила паранит и строго посмотрела на Полозова.

— Ты чудо мое! Как ты это сделал? Кто принес?

И тут же совсем другим, встревоженным голосом спросила:

— Ты его на токсичность проверял? Дозу мерил?

★ Она была настолько взволнована, что вопреки привычке повернулась анфас, открывая правую сторону лица, обезображенную страшным ожогом.

Андрей спокойно взял лист и осторожно понюхал. Ему стало стыдно. Варвара была права: пахло осенним садом и костром, задымленным опавшими, прелыми листьями. На ощупь это был обычный лист с дерева с нежным пухом белесого ворса. Черенок на стебельке все еще оставался влажным. Обычный кленовый лист...

* * *

По дороге в лабораторию он никого не встретил. И вторую половину рабочего дня провел в одиночестве.

После травления (перекись водорода, лимонный сок и щепотка соли, — хлорное железо давно закончилось) Андрей залудил контактные дорожки сплавом Розе. Теперь можно было начать пайку деталей, чтобы завтра установить колодку процессора и залить готовый блок лаком. Но смысла в опережении графика Полозов не видел. Известная фиша: не спеши выполнять свое, а то поручат чужое.

Он сложил инструменты и пылесосом убрал стружку от сверления. Слил реактивы и старательно вымыл химическую посуду. Затем включил компьютер: остаток времени хотел повозиться с программой.

Поначалу ничего странного не заметил: пингвин и обычный консольный вывод (разумеется «линукс»! ибо каждому программисту известно, что «виндоус — маст дай», и вообще, хватит кормить американцев!), и только запустив «иксы», понял, что его насторожило. Системный администратор не потребовал логин-пароля, чтобы присвоить новому пользователю соответствующий допуск и ограничения. Это было не просто «необычно», это было невозможно!

Он подключился к локальной сети — никакой реакции. Но когда попытался вывести на экран план Бункера, ничего не получилось. Диспетчер упорно показы-

вал только первое крыло, в котором находился Андрей, обрывая линии чертежа у стен центральной шахты. Спустя четверть часа безуспешных попыток Андрей сдался и отправил на печать то, до чего сумел достучаться. Не дожидаясь конца распечатки, удалил из памяти «историю» со своим обращением к архитектуре объекта, заморочил серверу «бошку», чтобы он не «вспомнил», из какой лаборатории качали схемы, и выключил компьютер. Потом еще несколько минут выхватывал из приемного лотка принтера отпечатанные планы этажей. Последней выползла трехмерная схема лестниц между горизонтами.

Сложив листы вчетверо, Полозов сунул их в карман на место внезапно ожившего куска паранита и минуту сидел неподвижно, прислушиваясь. Ничего не происходило. Не звонил телефон, не стучали сапоги по полу коридора. Никто не спешил «пресечь и наказать».

Он взглянул на стенные часы: гудок к построению на вечернюю поверку должен был прозвучать пять минут назад.

Андрей встал, поправил спецовку и подошел к дверям.

Снаружи ждал пустой, безмолвный коридор.

Пусто, дико... Ему стало не по себе. Он выключил свет и, ускоряя шаги, двинулся в сторону склада. Через минуту уже бежал. Шлепанцы зауживали шаги, и Андрей их сбросил. Ступни приятно ложились на шероховатый бетон, бежать стало легче.

Светильники горели как обычно: через четыре на пятый. Полозов неся от одного яркого пятна к другому и думал о символикке: «как в жизни, — чередой темных и светлых пятен. Причем темноты гораздо больше света».

Ему стало страшно. Он остановился. Прислушался: сквозь шумное дыхание пробивалось необычное потрескивание. В остальном — тишина.

«Как же это здорово, когда в ушах не шумит!» — наверное, в десятый раз за день порадовался Полозов своему неожиданному выздоровлению.

Осмотрелся: на потолке — змеящиеся кабели и воздуховоды, опутанные неряшливыми хлопьями паутины. Впереди — еще два светильника и поворот коридора. Что трещит, он так и не разобрал, а потому просто двинулся дальше.

«Так вот, почему я остановился, — понял Андрей. — Перед поворотом...»

Он осторожно заглянул за угол. Под ближайшей «люстрой» спиной к нему сидел человек.

— Эй! — крикнул он сидящему. — Куда все подевались?

Человек с отчетливым хрустом повернул к Полозову голову. Если учесть, что плечи сидящего не шелохнулись, Андрею было от чего отступить на шаг. А когда он разглядел лицо сидящего, остро пожалел, что вообще вышел из лаборатории.

— Немой? — просипел Пена незнакомым голосом. — Полозов? Ты не знаешь, что со мной случилось?

В голосе надзирателя было столько отчаяния, что Андрей, уже не помышляя о побеге, приблизился.

— Только не стреляй, ладно? — тускло попросил надзиратель. — Они охотятся на меня. Называют зомби. Ничего не понимаю. Какой же я зомби? Вот ты скажи: я похож на зомби?

Вид Пенкова, который продолжал говорить с повернутой к спине головой, напоминал самые мрачные кадры фильмов ужасов. Но, глядя в его испуганные, широко раскрытые глаза, Полозов не решился на правду и только неопределенно пожал плечами.

— Ах да! — вспомнил надзиратель. — Ты же контуженый.

И вдруг он оживился. Шустро вскочил на ноги и с уже знакомым хрустом развернулся корпусом к Андрею:

— Потрогай! — Он заставил Андрея взять себя за руки. — Разве холодные?

Руки Пенкова оказались ледяными. Полозов опять пожал плечами, но надзиратель разглядел ответ у него в глазах и потребовал измерить пульс.

— Вот. Вот здесь. Ты же пехота. Вас учили! — жалобно настаивал Пенков, и Андрей попытался нащупать пульс надзирателя.

Но из этого ничего не вышло. Пульс не прощупывался. Сердце не билось. Кожа надзирателя казалась восковой и неприятной на ощупь.

«Хорошо еще, что вместе с туловищем повернулись ноги, — подумал Андрей. — Если бы он провернул позвоночник вокруг таза, я бы хлопнулся в обморок».

Полозов отрицательно покачал головой. Пенков обмяк, опустил плечи и голову.

— Тебе нужно спуститься во второе крыло, — обреченно сказал он. — Живые там собираются. Наверняка и твоя девушка во втором. Варя, верно? Все время в косынке ходит?

Полозов согласно кивнул и перевел взгляд в темноту коридора. Оттуда слышался нестройный топот. Пенков нервно провел ладонью по лицу.

— Возьми, — сказал он и торопливо сунул Полозову связку ключей. — Ты не пройдешь без них... Двумя этажами ниже, через центральную шахту...

Не договорив, он высоко поднял руки, повернулся и пошел навстречу бегущим.

— Не стреляйте! — закричал надзиратель. — Я свой, не стреляйте.

Стиснув в кулаке связку ключей, Андрей прижался плечом к стене и попятился к спасительному повороту.

Из темноты вынырнула группа людей в теплоотражательных скафандрах. Передний легко, даже небрежно, ударил прикладом автомата Пенкова в живот. Надзирателя согнуло пополам, а боец, не замедляя шага, помчался к Андрею и уже через секунду стоял перед ним.

Полозов зачарованно смотрел в черное отверстие ствола, удивляясь полному отсутствию мыслей. Но потом одна все-таки пробилась: «а говорят, перед смертью вспоминается прожитая жизнь... ни хрена подобного!»

Человек в серебристых доспехах пожарника, полуобернувшись, крикнул своим приятелям:

— Этот еще теплый.

— Пристрели, — донеслось в ответ. — Пусть лучше теплым помрет. Потом меньше бегать.

— Уходя, гаси всех! — поделился мудростью другой голос, молодой и задорный.

Слова, многократно усиленные мегафонами, весело носились по коридору, отражаясь от стен неразборчивым эхом.

— А ты сам как думаешь? — с разудалым бешенством спросил человек у Полозова.

Андрей сперва развел руками, потом, собравшись с духом, покачал пальцем перед тонированным стеклом серебряного шлема.

— Что он тебе дал? — спросил пожарник.

Направленный в грудь автомат не располагал к импровизациям, поэтому Полозов послушно показал связку ключей.

— Молодец, — похвалил человек, отбирая ключи. — Тебе нужно во второе крыло. Живые все там. Знаешь, как туда пройти?

Полозов не знал, но на всякий случай кивнул. Общение с пожарником приводило его в ужас.

— Вот и хорошо. Встретишь мертвяков — не бойся. Они безобидные. Только потом расскажешь охране, где их видел. Отряды по зачистке с ног сбились отлавливать...

Он забросил автомат за спину и рысью помчался к своим.

— Подождите! — крикнул пожарник. — Дайте пройти...

Андрей не успел задуматься, о какой задержке просил боец, — полыхнуло пламя. Надзиратель электроремонтной бригады Михаил Пенков, роняя огненные капли на бетонированный пол, выпрямился и с оглушительным визгом ударился о стену. Посыпались искры, лицо мазнуло теплом, потянуло горелым мясом. Поперек коридора разлегся высокий стог пламени.

Полозов попятился, зашел за угол и на подгибающихся ногах побежал прочь. Он не сумел сделать и двух десятков шагов: рухнул на колени. Его вырвало.

«Обидно, — подумал Андрей, вытирая желчь с губ. — Вкусные были тефтели!»

— Почему не застрелил? — загремел из-за угла недоумевающий голос.

— Это электронщик Немой. Приятель Варьки-Шкварьки...

— Я не спрашиваю, чей он приятель. Почему не убил?

— Он просто немой. Он не зомби...

— Какая разница? — возразил молодой и задорный. — Пятна на полу после всех одинаковые.

Андрей не сумел дослушать. Сильным ударом его высоко подбросило. Он упал на пол и ушиб локти. Лампы разом погасли, а потом, будто наперегонки, замигали, но включилась только треть обычного освещения. Оттуда, со стороны моргающих ламп, с грохотом прикатилась ударная волна воздуха. Все видимое пространство заволокло дымом и пылью. Полозов натянул на голову куртку и, стараясь реже дышать, вжался в угол. «Эдак они весь Бункер на воздух поднимут! — со злостью подумал он. — Не иначе, кто-то реактивным снарядом жажнул. В замкнутом помещении! Придурок».

Полозов выглянул из-под куртки и обернулся: за одну секунду ставшие матовыми стены сочлились мрачным оранжевым заревом догорающего за углом Пенкова. Андрей поднялся с пола и побежал прочь. У него еще оставалось несколько минут форы, чтобы убраться как можно дальше от «пожарников».

* * *

Иллюминатор двери лаборатории был ярко освещен, но Андрей точно помнил, что выключал свет. Поэтому, стараясь не думать об опасности, наступающей его сзади, он замедлил шаги и опасливо заглянул внутрь.

Его ждали. Дверь распахнулась, и жизнерадостный Тянь втащил его за руку в лабораторию.

— А вот и наш герой! Только пыльный очень...

— Милый! — Варя повисла у него на шее. — А мы тут гадаем, где тебя искать...

— Здравствуйте, — тихо сказала Елена. — Вы не пострадали от взрыва?

— Шарахнуло так, что чуть дверью не прибило! — поделился впечатлениями Виктор. — Мы едва удержались на ногах.

Полозов почувствовал, как сбилось с ритма сердце. Конечно же, он был рад встрече. Но теперь ему придется нести ответственность не только за себя.

Он осторожно освободился от Вариных объятий и первым делом погасил свет. Освещение автоматически переключилось на аварийную подсветку. Из ящика стола вынул колечко клейкой ленты и закрыл иллюминатор лабораторным журналом. Теперь те, кто пройдут по коридору, на дверь его лаборатории даже не посмотрят...

— Ты от кого прячешься? — более спокойным голосом спросил Тянь.

Андрей проверил, насколько плотно заперта дверь, и, едва ворочая языком, прохрипел:

— Нужно... уходить... срочно.

«Гости» разом умолкли, пораженные фактом сказанных слов. Сам Полозов был потрясен вернувшейся речью не меньше. Язык казался чужим, ему было тесно в клетке из зубов, но у Андрея получалось! Он говорил!

— Ну, дела! — выдохнул Тянь. — Немой заговорил...

— Сам ты «немой», — вступилась Варя. — Он контуженый, с фронта!

Корец обиженно засопел.

— За мной... гонятся.... пожарники, — гораздо увереннее сказал Полозов.

— Но ты же не зомби?! — воскликнул Виктор и схватил Андрея за руки. — Ты живой! У них на стекле шлема инфракрасный экран. Они должны видеть, что ты — теплый!

— От страха совсем потеряли голову! — осуждающе сказала Лена.

Андрей стряхнул с запястий захват корейца и потянул Варю к выходу:

— Идем. Срочно. Пожарники войдут в коридор. Увидят...

Виктор с Леной двинулась вслед за ними, но Полозов замер. За дверью шуршали десятки, а может, и сотни лапок, несущихся по коридору то ли в отчаянном бегстве, то ли в решительном преследовании.

Андрей приложил палец к губам, радуясь понятливости своей команды: все замерли, прислушиваясь. Когда в коридоре стихло, он осторожно приоткрыл дверь...

Автоматные очереди ударили по ушам и по натянутым нервам.

«Твари!» — истерил молодой голос, в котором теперь не было ни мудрости, ни озорства.

«На потолке тоже»...

«Назад, зажигаю фитиль...»

Голоса утонули в криках ярости и боли. Через секунду пожарники умолкли. Автоматные выстрелы прекратились. Полозов упал на колени и схватился за голову.

— Все кончилось, — неуверенно сказал Виктор, пытаясь приподнять обмякшего Андрея за отвороты куртки.

Полозов посмотрел на пластырь, прилепленный к руке корейца, и ему стало вдвойне дурно. От воспоминаний о топочной, где Тянь обжегся, и от того, что за дверью какие-то твари доедали людей. А еще мучила догадка, не до конца оформившаяся, но казавшаяся очень важ-

ной и знаковой в цепи последних событий. Он дотянулся до раненой ладони корейца и резко сорвал пластырь.

Виктор с негодующим возгласом отпрянул.

— Зачем?! — воскликнула Варя и дернула Полозова за рукав.

Но уже в следующее мгновение все вытягивали головы, разглядывая руку Тяна: чистая, розовая кожа. Никаких следов ожога.

Лена схватила Варю за подбородок и решительно обратила к себе ее лицо. Разочарованно вздохнула и отпустила. Варя поправила косынку и отвернулась.

— Нам нужно оружие, — сказал Андрей, все легче и отчетливее выговаривая слова. — Обувь. Одежда. И теперь мы никуда не торопимся.

Он прошел к умывальнику и сунул голову под струю холодной воды. Долго полоскал рот, полотенцем тщательно вытер лицо и волосы. Отыскал в шкафчике Судакова изношенные туфли и обулся на босу ногу.

— Жутковато, — сказала Лена.

Андрей осмотрел туфли на ногах и согласился:

— Да. Не Бугатти, конечно.

— Я не о туфлях! Я вообще. Кто-то может объяснить, что происходит? Или хотя бы придумать, как такое может происходить?

«В том-то и суть, — подумал Полозов. — Человеку во что бы то ни стало нужно понимать, что происходит. Или верить, что он хоть что-то понимает в происходящем».

Он с сомнением посмотрел на арестантские шлепки Виктора и достал из аварийного шкафчика электромонтажные галоши и два фонаря (по числу рабочих мест!)

— Рукава халата возьми на портянки. Галоши удобнее нашей пляжной обуви.

Виктор спорить не стал. Уселся в кресло Судакова и принялся обуваться.

— После обеда много народа полегло в пищеблоке, — глухо сказала Варя. — Офицеры в буфете, свободные

от вахты в столовке, зэки на плацу. Но потом некоторые встали и разбрелись кто куда. Я видела. Чуть с ума не сошла. До сих пор в шоке.

— А мы почему живые? — спросил Тян.

— Пока живые... — осадила его Лена.

— Не каркай!

Андрей вдруг ясно понял, что все на пределе. Что еще немного, и они сорвутся в крик. Что и в самом деле страшно, и единственный способ победить ужас — заняться наконец делом.

Он включил фонарь и установил его на столе. Рядом разложил листы с планами Бункера.

— Сделаем так. Мы с Виктором прогуляемся, посмотрим, что стряслось с пожарными. А вы, барышни, продумайте безопасный маршрут к гаражу. В качестве стартовой программы предлагаю захватить БМП и уехать из этой преисподней. Под шумок общей неразберихи, можно попробовать выбраться. Будем надеяться, что наверху и вправду лес. Нужно отыскать свободный от охраны склад. Глупо уезжать порожняком. Следует по максимуму загрузиться: инструменты, одежда, топливо... Не все равно: выживать в поте лица или в удовольствии.

— Это ко мне, — сказала Варя. — У меня на складе все есть. Даже сейф с оружием.

— Ты так и не сказал, что там у тебя вышло с «пожарными»? — спросил Виктор.

— Они живьем сожгли Пену. Потом пожалели, что не застрелили меня.

Варя ахнула, а Лена только деловито уточнила:

— Что такое «безопасный маршрут»?

— Как можно больше запасных путей, чтобы в случае чего свернуть и укрыться. Эта магистраль, — Андрей пальцем указал на дверь, — образец опасной дороги. Нет открытых помещений, отворотов, залов, боковиков.

— Вам нужно увидеть результаты взрыва, — напомнила Лена. — Ударило так, что там не зал, а вертолетный ангар мог получиться.

— Посмотрим, — кивнул Полозов, включая второй фонарь. — Компьютер не трогайте, барышни. Постарайтесь обойтись моими распечатками.

* * *

Пожарник с молодым голосом оказался близок к истине: выгоревшие на полу пятна от считающих себя живыми мало отличались от пятна, оставленного Пенковым, — черные от сажи кляксы замысловатой формы. К большому огорчению Андрея, металлические части автоматов оплыли и оставались вишневыми от температуры. Они не годились даже на дубины.

— Ребята от боли попрыгали в пламя, — прошептал Виктор. — Утащили за собой побольше врагов!

Андрей покачал головой:

— Вряд ли. Скорее вырубилась, как только зажгли запыл термита. В нем и сгорели. Вместе со скафандрами. Несчастный случай. Или счастливый. Если бы не сгорели, то через несколько часов превратились бы в зомби. Хотя нет. Тогда бы их сожрали...

«Неслабо сифонит, — подумал он, чувствуя на лице давление воздуха, — похоже, взрыв пробил выход наружу. Через него-то в коридор и забралась живность. Какой же силы должен быть взрыв, чтобы проломить железобетон Бункера и сформировать воронку грунта до самой поверхности? Каким нужно быть идиотом, чтобы внутри здания использовать фугас? До какого отчаяния нужно дойти, чтобы решиться на такое?»

Он присмотрелся к останкам зверей, атаковавших людей.

Животные походили на росوماх: не менее метра в длину, с короткими, мощными ногами и вытянутой, как у собак, мордой. Удивляло отсутствие шерсти. От этого

твари казались мерзкими и неприятными. Отталкивающее впечатление усиливалось складками кожи, местами свисающей, как оттопыренные поклажей карманы. Полозову почему-то стало неловко за свой неожиданный приступ ксенофобии.

«Стая таких созданий легко справится с небольшим отрядом», — с беспокойством подумал Андрей и застыл, услышав неподалеку сдержанное ворчание.

— Ты слышал? — напряженно спросил Виктор.

— Наверное, одно из раненых животных не смогло уйти с остальными. Предупреждает, чтобы мы не приближались.

Он поводит лучом фонаря и обнаружил росомаху на потолке, забившуюся в нише между трубами. Тварь скалилась крупными треугольными зубами, враждебно отсвечивала глазами и казалась безжалостным противником.

«Полцентнера злости и ненависти, — оценил Полозов. — Здесь нам делать нечего. Нужно возвращаться».

— Уходим, — сказал он. — Посмотрим на пролом от взрыва.

Но кореец хотел идти дальше:

— Через сто метров — блокпост перехода на нижний уровень. Глянем? Если проход свободный, то сможем спуститься к воинской части. Ты же сам говорил: оружие!

— Оружие есть и у Вари на складе, — колеблясь, возразил Андрей.

На самом деле ему просто не хотелось идти под прижавшейся к потолку росомахой, но он чувствовал правоту Виктора: «если уходить через пролом, то хорошо бы знать, что делается за спиной».

Расширяющейся спиралью он повел лучом вокруг притаившегося животного и убедился, что его приятели действительно ушли. «С одним как-нибудь справимся», — решил Полозов и, стараясь не обращать внимания на хруст под ногами, перешел опасный участок.

Виктор тоже не стал медлить, и уже через минуту они быстро шагали дальше по коридору.

На полу блокпоста лежали два мертвеца.

— Выходит, они не все оживают? — то ли спросил, то ли сделал вывод кореец.

Андрей не ответил. Снял ремень с кобурой с одного из тел, вытащил пистолет и передернул затвор. На пол выпал патрон. У второго покойника на поясе висел только штык, его взял Виктор.

Андрей вытащил магазин, вставил в него выпавший патрон и вернул магазин на место.

— Одежда, — сказал он, кивнув на мертвецов. — Возьми у того, что поменьше. А я раздену здоровяка.

— А если они оживут?

— Извинимся и вернем вещи, — невесело пошутил Полозов. — Кроме того, мы же оставим им свои лагерные лохмотья...

Чувствуя понятное воодушевление, мужчины немедленно переоделись. Носки и ботинки пришлись впору. Андрей подобрал рукава и чуть укоротил шнуровкой длину брюк. Он быстро согрелся, пришло приятное ощущение тепла и комфорта.

— Рация! — воскликнул Тянь, вынимая из кармашка на предплечье черную «мыльницу».

В куртке Полозова оказалась такая же.

— Проверь заряд батареи.

— Конечно.

Андрей «полистал» частоты, в надежде подслушать чей-то разговор, но рация молчала.

— Пойдем дальше? — с надеждой в голосе спросил Виктор. — Одним глазком...

«Это неразумно, — подумал Полозов. — Риск нарваться на неприятности перевешивает возможную выгоду». Но потом он вспомнил об одежде, оружии и связях, которые они только что получили, и сказал:

— Но только «одним глазком»! Дальше не пойдем, вернемся к девушкам.

Вскоре выяснилось, что идти им дальше или нет, решают не они, а обстоятельства: за следующим поворотом их остановила решетка. Труп дневального лежал в пяти метрах «на той стороне».

«Даже если получится его подтянуть и обыскать, не факт, что при нем окажется ключ», — подумал Андрей.

— Может, за болгаркой сгонять? — предложил Виктор. — За полчаса управимся.

— Зачем болгарка? Будет нужно, смочим раствором, которым я травию платы, и само отвалится. В лаборатории двухлитровая бутылка...

— Тогда давай из пистолета. Что, если в замок выстрелить?

— Ага, — сказал Андрей. — Сейчас сделаю...

Он достал пистолет и дважды выстрелил.

— Теперь и в самом деле без шлифмашинки не пройти... — удовлетворенный работой, заметил Андрей.

— Зачем? — растерянно спросил Виктор, позабыв, что Полозов стрелял по его просьбе.

Он с таким искренним изумлением рассматривал безнадежно испорченный замок, что Андрею стало неловко.

— Для безопасности тылов, боец. А нам самое время вернуться.

Обратный переход под засевшей на потолке росамахой прошел более спокойно. Люди чувствовали себя уверенней, и тварь, судя по всему, поняла это: не рычала и не скалилась. Спокойно сидела в своей нише и жмурилась от фонаря.

— Может, пальнешь в нее? — тихо спросил Тянь. — В порядке безопасности тыла?

— Нет, — твердо ответил Андрей. — Глупо тратить патроны на то, что не представляет опасности. Кроме того, не исключено, что час назад этот зверь спас нам жизнь. Несправедливо...

Осторожно приоткрыв дверь в лабораторию, Андрей тихо предупредил:

— Не волнуйтесь, это мы, — и совсем другим голосом добавил: — Какого черта? Это рискованно!

Девушки вопреки приказу запустили компьютер, но смущенными они не выглядели.

— Судя по вашим обновкам, вы тоже не отсиживались, — насмешливо ответила Варя.

— Мы нашли командный пункт, — похвасталась Лена. — На карте это помещение обозначено как «Цитадель верхнего крыла». Хорошо бы туда войти.

— Почему думаешь, что это КП?

— По толщине двери и плотности коммуникаций.

Идея Андрею понравилась. Покинуть Бункер на БМП означало дожитие, но без всяких гарантий. Захват Цитадели сулил совсем другие перспективы.

— Продолжайте, — кивнул он девушкам, знаком попросив Тяна плотнее прикрыть дверь.

— Мы отметили маршрут, — Варвара постучала пальцем по планам Бункера с яркой линией карандаша. — Если войдем в Цитадель, то будем диктовать условия. Судя по спецификации, оттуда можно управлять не только герметичными дверьми, электричеством и вентиляцией. В каждом отсеке стоят баллоны с фреоном и закисью азота. С центрального пульта мы можем открыть или одно, или другое. Появится возможность успокоить Бункер и не спеша покинуть его...

— ...либо приспособить к своим нуждам, — закончила Елена.

— А зачем фреон? — спросил Тян.

— Для вытеснения кислорода, — ответил Андрей. — Эффективен в пожаротушении. Но для человека без дыхательного аппарата — верная смерть. Так что да. Захват Цитадели интереснее побега через пролом.

— Не факт, — вздохнула Лена. — Читатель заперта. Разгерметизацию Бункера автоматика приняла за вторжение. Со всеми вытекающими...

— Тряхнуло будь здоров! — уважительно качнул головой Виктор.

— ...в частности, нет связи с другим крылом. Все сигналы обрываются на центральной шахте. Так что нам через нее не выйти. Даже если захват Цитадели позволит загрузить и завести БМП, подъемник все равно не работает. До самого лифта нам тоже не добраться: метровый слой термопластика, армированный титаном. Выдержит прямое попадание ракеты «земля — воздух».

— Дверь Цитадели, надеюсь, строили с меньшим запасом прочности? — забеспокоился Полозов.

— Две раздвижные плиты из стали. Посередине — поворотный цилиндр-засов.

— Толщина?

— Три сантиметра.

— Справимся, — уверенно заявил Андрей. — Газовой горелкой вырежем центр с засовом, на отверстие набросим крюк и лебедкой отодвинем плиту в сторону.

— Звучит неплохо, — оценила Лена.

— Тогда собираемся, — сказал Полозов. — Побег через пролом оставим в качестве запасного варианта. Пока же попытаемся занять Цитадель и пробиться к центральной шахте.

Он подошел к рабочему месту Судакова, снял с полки плетеную сумку и вытряхнул содержимое на стол:

— Чай? Бутерброды? — галантно предложил он девушкам.

— Может, в столовку сбегать? — спросила Лена. — Лучше бы сразу запастись едой...

— Сначала Цитадель, — решил Полозов, — потом бутерброды.

Он вернул в сумку сверток с едой и термос. Туда же закинул пластиковую бутылку с раствором для травления, пассатижи, пинцет, ножницы...

— Привык я к ним, — ответил он на удивленный взгляд Вари. — Не могу расстаться.

Они вышли за дверь и сразу почувствовали неладное. Стены почернели, а пол скрипел и прогибался. Тяг немедленно присел, рассматривая темнеющую «траву»

под ногами, а Полозов и девушки подошли ближе к стене, в лучах фонаря она казалась заросшей щетиной.

Варя хотела погладить, но Андрей схватил ее за руку.

— Не нужно! — строго сказал он. — Давайте без крайней необходимости ничего не трогать...

* * *

Переход к Цитадели занял больше часа.

Видели с десяток оживших мертвецов. Те охотно шли на контакт, отвечали на вопросы, но казались растерянными и подавленными. Люди осознавали, что с ними случилось непоправимое, но никто из них пока не сумел выработать к случившемуся какое-то определенное отношение.

Встреча с двумя «пожарниками» вызвала больше волнений. Но те их проигнорировали, спешили по своим важным делам. За термитом бежали, наверное.

«Щетина» на стенах быстро росла и теперь походила на жесткий кустарник. «Трава», проклюнувшаяся из цементной стяжки пола, была такой же: хрустела под ногами и цеплялась за брюки. Но когда они увидели волка, им всем стало не до сиреневой ботаники. Навстречу шел доисторический монстр, пасти которого мог позавидовать даже крокодил.

По счастью, волк чувствовал себя неважно: настороженно обнюхивал пол и держался середины коридора. Его грозное рычание перемежалось жалобным поскуливанием. Андрей подсадовал, что не может показать зверю выход. Они переждали, пока чудовище скроется за поворотом, и только тогда вышли из укрытия и продолжили движение.

Но самым ярким событием перехода оказалось исследование пролома. Кто-то запустил реактивный фугас в одно из бытовых помещений. Стены выгнулись, а потолок порвался. Судя по нагромождению грунта, просыпавшегося из пробоины, беспечный стрелок оказался в одной братской могиле со своими жертвами. Горы

свежей, дышащей теплом и влагой глины усиливали такое впечатление.

Увязая по колено, Андрей поднялся по насыпи и выглянул из пролома. Наверху царила ночь, небо было затянуто тучами. Но даже здесь, на дне глубокой воронки, ночью и под накрапывающим дождем чувствовалось дыхание открытого пространства.

«Сон в руку, — счастливо улыбнулся Андрей. — Вот оно, небо! И голос вернулся. Может, и вправду спою...» Спускался обратно с тяжелым сердцем. Ему казалось, что он навсегда упустил свой шанс.

— Может, прямо сейчас уйдем? — будто почувствовав его сомнения, спросила Варя.

— Нет. Сначала — Цитадель. Потом склады. Если не получится открыть центральную шахту, вернемся и сделаем из этого помещения перегрузочный терминал. Перенесем со склада все необходимое и поднимем наверх. Потом уйдем сами...

— Здесь стояли стиралки, — авторитетно заявила Елена. — В соседнем боксе сушилка с мини-лифтом. Прямоком к окну приема-выдачи прачечной.

— Это на моем горизонте! — воскликнула Варя. — До лифта подвезем мешки с вещами на тележках...

— А чем в это время будет занят гарнизон Бункера? — недовольно пробурчал Тянь.

«Истреблением зомби», — едва не сорвалось с языка у Полозова. Но он сдержался:

— Ты прав. Гарнизон — это главная проблема. Нужно спешить к Цитадели.

Тем не менее в мастерских им пришлось задержаться. Баллоны с пропаном и кислородом оказались чересчур тяжелыми. Их пришлось прикручивать к тележке. Не забыли о рукавицах и очках.

Еще полчаса потеряли возле двери командного поста, разбираясь со шлангами. И только тогда началась мужская работа: Андрей приоткрыл вентиль подачи пропана и поднес зажженную спичку к раструбу горелки. Заметив фиолетовый язычок пламени, подпус-

тил кислород и направил факел на дверь Цитадели. Как только стальная плита пустила «слезу», увеличил подачу пропана и открыл продувной клапан кислорода, врезаясь в броню командного поста.

Прежде чем справиться с дверью, Андрей успел несколько раз пожалеть, что так легкомысленно избавился от спецовки заключенного. Штурмовая одежда десантника для таких работ не годилась. Он едва прошел половину периметра, а уже плавал в поту.

Когда отрезанная окружность вместе с замком провалилась внутрь, Полозов с облегчением снял очки, засунул рукавицу под ремень и подошел к Варе. Она стянула с головы платок и осторожно вытерла ему пот с лица и шеи. Если бы не «трава», Андрей сбросил бы ботинки, чтобы просушить носки.

Тян накинул крюк талрепа на темную от жара кромку отверстия и потянул за цепь. Дверь сразу уступила несколько миллиметров щели. Лебедка не понадобилась: они вчетвером взялись за цепь и отодвинули дверь в сторону.

Цитадель оказалась затянутой паутиной.

«Похоже на растительность, захватившую коридор, — подумал Андрей. — Тот же сиреневый цвет, колючие на вид заросли».

— Что дальше, командир? — прошептал из-за плеча Виктор.

Полозов не ответил. Больше всего ему хотелось вернуться к развороченной взрывом бытовке и немедленно приступить к эвакуации. Но уходить в шаг от цели после стольких трудов казалось глупым. Он поднял воротник, затянул на шее шнуровку и осторожно протиснулся сквозь «паутину». Позади ахнула Варя, кто-то попытался остановить его за руку, но Андрей уже был внутри.

И то, что он увидел, заставило замереть.

Перед пультом стояли три кресла. В двух из них, не шевелясь, сидели густо опутанные лианами люди. Только присмотревшись, можно было заметить, как движут-

ся и моргают их глаза. Один из сидящих чуть двинул рукой, что-то переключая на пульте...

Тян сердито толкнул в спину Полозова, вынуждая подвинуться, и тоже застыл, разглядывая открывшуюся картину.

— Центральное кресло свободно, — заметила Варя, жарко задышав Полозову в затылок. — Трон главной мумии.

«Садиться в него мы не будем, — подумал Андрей. — Есть место скромнее».

Он уже разглядел стоящий в стороне от пульта монитор и направился к нему. Деловито уселся в кресло, придвинул к себе выдвижную панель с клавиатурой и запустил систему.

— Осторожно! — в один голос крикнули девушки.

Андрей вскочил и успел заметить, как опустились — опали сиреневые веточки, уже начавшие взбираться по металлической стойке кресла.

— Можно и стоя, — пожал плечами Полозов и отпихнул кресло подальше. — А вы следите, чтобы эта штука не схватила меня за ноги.

Система порадовала внятным интерфейсом, приказы формировались логичными командами и функциями. Полозов вывел на экран уже знакомые планы первого крыла Бункера, отыскал меню локатора личного состава и пояснил:

— Красные точки — живые, серые — мертвые, синие — ожившие покойники.

— Что-то маловато красного, — пожаловался Тянь.

— Разве существуют датчики, чтобы отслеживать мертвых? — поинтересовалась Елена.

— Что-то я не вижу в этой комнате синих точек, — в сомнении сказала Варя, озираясь на кресла перед центральным пультом.

Андрей оглянулся: опутанные зарослями люди не обращали на возню «посторонних» никакого внимания.

— Красные — сигналы датчиков, реагирующих на тепло, — пояснил он. — Синие — на движение. Се-

рые — распознаватели силуэта человека. Операторы мало похожи на людей и почти не двигаются, поэтому система их не «видит». Пусть кто-нибудь пройдет из угла в угол.

— Зачем это? — чересчур быстро спросил Виктор.

— Не дергайся, — нахмурился Андрей. — Мне самому страшно. Причина, по которой мы до сих пор теплые, неизвестна. Но ведь это не повод умирать?

Он врал. Страха перед неизвестностью он не чувствовал. А может, все дело было в том, что «пожарников» он боялся гораздо больше?

«Уникальный случай, — подумал Андрей, — известное зло в сто раз страшнее неизвестного. Встречу с пожарниками я променяю на визит к дьяволу!»

— Твое спокойствие пугает больше, чем вернувшаяся речь, — заметил кореец. — Кругом ужас: покойники и зомби, каратели и сиреневая растительность... нам всем нужно выть от ужаса. А мы...

— А мы хотим жить, — перебил его Полозов. — Все просто: или психуем, или боремся.

— Наша борьба не гарантирует выживание!

— Зато паника гарантирует смерть. Ты пройдешься по отсеку или просить девушек?

Сердито засопев, Виктор сделал несколько шагов в сторону двери и тут же вернулся обратно. Его движение немедленно отразилось на экране: одна из четырех красных точек сдвинулась и вернулась на свое место.

Первой поняла Елена:

— Мы можем наблюдать за перемещениями...

Она не успела договорить: в рациях зашипело, и властный голос грубо осведомился:

— Кто на связи? Доложите обстановку!

Ответил Тянь:

— А там кто? Сами докладывайте!

Все дружно повернули головы к «мумиям», но те по-прежнему были увлечены своей таинственной работой.

— С вами говорит комендант гарнизона генерал армии Рябцев!

— Идите на хрен, ваше благородие!

Андрей нахмурился: любая информация могла стоить жизни. Он вынул из кармана на рукаве свою «мельницу» и впервые представился в Бункере по всей форме:

— Заключенный Полозов. Личный номер девять-шесть-два. Измена Родине.

Генерал не стал комментировать дерзость корейца, но посчитал важным сразу показать, кто в Бункере хозяин:

— Почему не расстрелян?

— Ввиду прошлых наград отправлен в штрафбат. Искупить вину кровью.

— Искупил?

— Никак нет, товарищ генерал. Засыпало взрывом снаряда. Лежал под грунтом трое суток. Контузия. Госпиталь. Бункер. Реабилитации не подлежу, поскольку крови не было, а к фронту не годен.

— В чем провинился?

— Отказался выполнять приказ остановить «Барс» силами роты.

— Причина отказа?

— Танк «Барс» защищен броней, непробиваемой стрелковым оружием и ручными гранатами пехоты.

— Да ты трус, солдат. Из-за таких, как ты, мы проиграли войну!

— Из-за таких, как вы, генерал, мы эту войну начали.

— Войну начинают не генералы, а патриоты, — вздохнул Рябцев. — Ладно. Не на трибуне. Где находишься, Полозов? Что видишь?

Андрей покрутил головой. Ситуация не изменилась:

— Я в первой цитадели. За пультом управления два человека. Званий не разобрать, погон не видно — оба спеленуты сиреневыми лианами. Молчат. Чем-то управляют... — он секунду раздумывал, потом все-таки закончил: — И кто-то управляет ими.

В динамиках послышался неопределенный гомон.

— Рты закрыли! — глухо рявкнуло в сторону от микрофона. — Что-то я не пойму, парень. Тут у тебя написано: «логофобический мутизм в тяжелой форме»...

«Личное дело читает», — понял Полозов.

— ...Это петух клюнул, ты перестал придуриваться и заговорил, или что-то другое?

— Это работа искусственного интеллекта жатки, товарищ генерал, — поделился догадкой Полозов. — Похоже, что машина смерти объединила усилия с главным компьютером. Теперь этот разум перестраивает Бункер и людей под свои нужды.

— Какие?

— Не знаю, — простодушно ответил Андрей. — Но синие заросли и зомби в качестве исполнительных механизмов наверняка не для декоративных украшений.

— Эти «декорации» отрубили центральную шахту! — пожаловался генерал. — Мы не можем открыть двери, чтобы выйти из своего крыла. Ты уже выяснил, что у вас взорвалось?

— В прачечной кто-то применил фугасно-кумулятивный снаряд. Судя по эффекту, взорвалось кило двести, не меньше. У нас есть выход на поверхность.

— А у нас грунтовые воды прут из всех щелей. И, судя по скорости затопления, у вас взорвалось не меньше тонны. Когда собираешься уходить, Полозов?

— Как только соберу припасы. Но разве вы не можете повторить этот фокус? Взорвите одно из помещений и копайте...

— Сорок метров? — в сомнении спросил генерал. — Кроме того, над нами озеро. Если вода сочтется оттуда, мы не продержимся и суток. Утонем, как котята в миске...

Помолчали. Полозов досадовал за свое предложение. «Какой-то дурацкий совет, — подумал он. — Но я же не знал, что второе крыло строили под озером!»

— В личном деле написано, что ты с компьютером дружишь? — спросил Рябцев.

— Местами на «ты», — осторожно ответил Андрей.

— Неподалеку от главного пульта стоит резервный терминал. Слушай приказ! Сейчас тебе дадут код, который запустит программу разбалансировки реактора.

У тебя будет три часа, чтобы выбраться из Бункера и отойти подальше. Взорвешь ядерный реактор и уничтожишь жатку вместе с зомби. Еще не хватало, чтобы это отродье выползло на поверхность и захватило планету. Съехавшего с катушек изобретателя не забудь. Полигон Новицкого в вашем крыле. Может, еще жив...

Андрей едва не всплеснул руками: почему ему до сих пор не пришло в голову пойти посмотреть на машину? Ведь только она могла быть всему причиной!

— Почему «съехавшего с катушек», товарищ генерал?

— Потому что бредит динозаврами...

Полозов покачал головой. Рябцев не производил впечатления человека, склонного фантазировать ради красного словца. Он явно проговорился о чем-то важном.

— Ты понял приказ, Полозов?

— Приказ понял, но исполнять не буду.

— Это еще почему? — В голосе генерала послышался металл. — Или по привычке?

— Для меня не очевидно, что ожившие покойники перестали быть людьми. Спасать нужно всех. И вас тоже. Чем больше людей выйдет из Бункера, тем больше шансов...

— Они не люди! — Наверное, Рябцев от волнения приблизил микрофон к губам, потому что хорошо слышалось его злое дыхание. — Не смей меня равнять с этими чудовищами! Они — зомби! У них нет души, и они выполняют чужую волю!

— А мы разве выполняем свою? И как определить отсутствие души?

— Термометром!

В разгорающийся спор ворвался незнакомый голос:

— Ты охренел, Полозов! Ты о теории эволюции хоть что-нибудь слышал? Побеждают правые, за которыми будущее. Питекантропы, неандертальцы... теперь зомби. Истребили тех, истребим и этих. Ты за кого воюешь, боец?

— Побеждают не правые, а жестокие, — с горечью сказал Андрей. Ему не нравилась эта дискуссия. Он не

видел в ней никакого смысла. — Чтобы в этом убедиться, достаточно изучить опыт любой революции. Мы так привыкли к лидерству в природе, что даже не думаем об альтернативе: не истребление чужаков, а сотрудничество с ними. Подумайте, как бы человечество развивалось, если бы делило планету с другими разумными существами? Неужели никому из вас не приходило в голову, что истребление других разумных, — и есть та самая фатальная ошибка, которая завела нас в тупик?! Можем ли мы полагать себя правыми, если в итоге оставили после себя пустыню?

— Спятил! — поставил диагноз еще один незнакомый голос.

— Ты обязан выполнить приказ, Полозов! — настаивал генерал. — Присяга...

— Присягу я давал не вам, а народу. На текущий момент вижу троих человек. Буду выполнять свои обязательства перед ними.

Генерал попытался что-то сказать, но Андрей устал от бесплодных препирательств.

— У меня много дел, генерал. Ваше спасение в том числе. На время отключусь, но не прощаюсь.

Полозов выключил рацию и жестом попросил Виктора так же поступить со своей «мышльницей».

— Прекрасная возможность уйти, прихватив с собой все необходимое, — сделал вывод Тянь. — Охрана заперта в другом крыле. Нам повезло! Предлагаю вернуться на склад и заняться погрузкой. А когда подготовимся к эвакуации, можем и взорвать здесь все к чертям. В порядке исполнения приказа.

— Не все так просто, — возразила Елена. — Что-то происходит. Серые точки исчезают с экрана.

— Мы уже несколько минут это наблюдаем, — подтвердила Варя.

Полозов довольно кивнул: его товарищи строили планы, наблюдали и думали — идеальные компаньоны в предстоящей робинзонаде. Вот только остатки гарни-

зона... нельзя же их вот так взять, и бросить. Но если выпустить — прощай, свобода, а то и жизнь.

«Есть о чем подумать», — кивнул своим мыслям Андрей.

— Это трава! — сказал он. — Неподвижных мертвецов накрывает трава, и распознаватели не находят знакомых силуэтов. Давайте-ка глянем, что там у Новицкого...

Он вывел на экран план полигон-ангара. Одна красная точка посреди хоровода синих полос.

— Вот и наш гений, — сказала Елена.

— А движется там что? — хмуро спросил Тянь.

«Он недоволен, что мы не спешим на склад, — понял Полозов. — Но держит недовольство при себе. Ценное качество!»

— Скоро узнаем, — сказал Андрей. — Кто-то должен оставаться здесь, за пультом. Нужно следить за действиями Новицкого и постоянно докладывать о его перемещениях.

— Как докладывать? Куда?

— Мне. По радио. — Андрей настроил радиостанции на новую частоту и положил одну из «мыльниц» на стол. — Разделимся. Лена останется здесь, а Варя с Виктором займутся сборами. Сперва отберите на складе необходимое, упакуйте, и только потом тащите к лифту прачечной. Тележки не берите. Колеса путаются в траве, баллоны мы больше несли, чем катили. В первую очередь оружие, боеприпасы, инструменты для возведения жилья и топливо. Берите не больше, чем мы сможем унести. Впрочем, если найдутся зомби, готовые покинуть Бункер, рассчитывайте груз и на них...

— А может, останемся? — неуверенно предложил Тянь. — Забаррикадируемся в нашем крыле, и ничего не придется строить.

— Это хорошая мысль, — одобрил Полозов. — Но не будем забывать о траве. Это крыло уже «не наше». И весь Бункер не наш. Созданная Новицким машина живая. Что-то сделало ее живой. Нужно уходить самим,

пока она не выперла нас силой, пока она ничего не сделала с нами.

— А ты? — спросил Тян. — А ты чем займешься?

— Хочу взглянуть на нашего сумасшедшего. Да и сама жатка представляет интерес...

* * *

Ангар был до краев залит светом.

Света было не просто много: он слепил, пробирался сквозь плотно зажмуренные веки, физически давил на открытые участки кожи. В нем было что-то жадное, тревожное, нездоровое...

Андрей, незаметно для себя входивший в роль хозяина Бункера, почувствовал досаду за неоправданный расход электроэнергии, но уже через секунду понял, что к обычному освещению безумие света не могло иметь отношения. Любая попытка хоть что-то разглядеть приводила к нестерпимой рези в глазах и головокружению. На очень высокой ноте что-то тихонько выло, и от этого воя тошнило, становилось не по себе.

Полозов остановился и присел, осознав опасность. Он совершенно не представлял, в какую сторону двигаться, чтобы вернуться в коридор.

Не открывая глаз, нащупал рацию и позвал:

— Елена?

— Говори!

— Выведи меня отсюда.

— В каком смысле?

— В прямом. Где дверь, через которую я вошел?

— Андрей, что у тебя с глазами? Что-то случилось?

— Где эта чертова дверь, Лена? — взмолился Полозов.

— Откуда я знаю?

— Посмотри на плане.

— На плане-то я вижу, но в какую сторону ты смотришь?

— Понял. Начинаю движение. Командуй: право — лево...

Андрей развернулся и, не поднимаясь с четверенек, в полуприседе сдвинулся на несколько метров.

— Левее. Еще влево. Теперь прямо.

Андрей послушно пополз прямо и ударился головой о препятствие.

— Я у стены. Где дверь?

— Ты перед ней.

Полозов нашел ручку, толкнул дверь и выполз из ангара. Стало холодно. «Как из сауны», — подумал Андрей.

Кряхтя и постанывая, он дополз до противоположной стены и уселся, привалившись к ней спиной. Провел рукой по полу: чистый бетонный пол. Ни следа фиолетовой растительности, которая заплонила коридоры.

— Со зрением все в порядке? — спросила Елена.

Полозов рискнул приоткрыть глаза: мрак и плавающие по стенам оранжевые пятна... и дверь, из которой он только что выпал.

— Кажется, обошлось, — сказал Андрей, смыкая влажные веки. — Посижу несколько минут и вернусь за очками газосварщика. Я их вместе с рукавицей на твоём столе оставил.

— Да. Есть.

— Что на общем плане?

— Серых больше нет. А движение синих упорядочилось. Зомби чем-то заняты.

— Надеюсь, они не ремонтируют прорыв в прачечной?

— Нет. Они собрались рядом с центральной шахтой. Кстати, красных в нашем крыле осталось пятеро. Мы и главный конструктор.

— Генерал?

— Здесь я.

— Давно отыскивали нашу частоту?

— Как только вы ее задействовали. Сейчас в Бункере вы одни ведете радиопередачи.

— Не могу понять, как мы связываемся? Радиоволны начали проходить сквозь землю?

— Антенну рации я замкнул на отопительную батарею. В Бункере общая система отопления.

— Новичкий движется в твою сторону, — вклинивается в разговор Елена. В ее голосе паника. — Он быстро идет. Бежит...

— Не волнуйся, сынок. Дай ему рацию. Я сам с ним поговорю...

Андрей открыл воспаленные глаза, переложил рацию в левую руку, а правой достал пистолет.

Дверь открылась. Нет. Распахнулась.

Распахнулись обе половинки двери. В пламени зноя стоял черный человек, неестественно прямой и тонкий.

«Это потому, что на фоне света, — подумал Андрей. — Он просто кажется тонким. Силуэт утончается из-за яркого света...»

Что-то грохнуло и с силой ударило в плечо. Потом громыхнуло еще раз и с гнусным хрустом вломилось в грудь. Больно... больно? Больно — это когда заноза величиной с гвоздь-сороковку под ноготь. А сейчас Полозова разорвало пополам. Он бы завыл, но не хватило воздуха. Вдруг он понял, что в него стреляли. Он понял, что сам не выстрелил в человека, который только что его убил.

«Пистолет, — подумал Андрей. — У меня был пистолет. Еще можно успеть...» Но пистолета не было. Была невероятная усталость и отяжелевшие руки, будто по жилам вместо крови побежала ртуть. И темнота. Мрачная безжалостная бездна, тем более страшная, что мгновение назад слепили тысячи солнц...

Андрей понял, что его волокут за ноги по ангару. Не грубо, но и не церемонясь. Волокут, как придется, как получится. Вот прислонили к чему-то, что-то говорят. Не разобрать...

«У меня шок, — подумал Андрей. — В меня стреляли. Наверное, убили. Я ничего не чувствую и ничего не вижу...» Им овладел ужас. Ему почудилось, что он снова погребен под породой. Темнота, тишина... ни ногой пошевелить, ни головой двинуть. Он ведь тогда был аб-

солютно уверен, что умер. И смерть с ним случилась такая: черная и безмолвная... вечное, насыщенное болью одиночество.

«А может, я и вправду умер еще тогда? — спросил он себя. — И все, что случилось позже: госпиталь, Бункер, Новицкий, — агония умирающего разума?»

Несколько сильных пощечин привели его в чувство.

— Ты кто такой?

— Человек, — брякнул первое, что пришло в голову, Андрей.

— Тогда почему не умираешь, когда в тебя стреляют?

— Это необходимое качество человека?

— Умный, да?

— Вряд ли. Умные далеко отсюда.

— Угадал! — неприятно засмеялся Новицкий. — И наверняка даже не представляешь насколько. Впрочем, пока я тоже мало что понимаю. Наверху чистый воздух и первобытная природа. Но как это произошло, пока не ясно.

— Машина? — предположил Андрей.

— По-другому не объяснишь, — неохотно согласился Новицкий. — Но почему?

— Она вообще как-то странно работает.

— Странно, что она вообще работает. Что там у тебя?

Андрей только слабо шевельнул пальцами, когда Новицкий забрал у него рацию.

— Я — Новицкий, кто на связи?.. Рябцев? Просрал шпионов, тырщ генерал? А я тебя предупреждал!.. Да! Только что разобрался. Главный агрегат излучает не по широте и долготе, а по высоте и времени!.. Остроумно, конечно. Кому-то очень не хотелось, чтобы машина работала. Что именно излучает, тоже непонятно, но реактивная тяга забросила нас на миллион лет в прошлое. Так что жатка не только генерирует зомби, но и является машиной времени. Такие, значит, побочные эффекты... Уверен! Ты звезды видел? А еще я уверен, что это не единственное вредительство моему проекту! К примеру, излучение направлено не наружу от гра-

ниц Родины, а внутрь объекта. Ты понимаешь, что это значит? Эффект ограничен стенами Бункера. Хотел бы я знать, какой идиот это сделал?.. А как я мог это определить, не включив машину?

Андрею припомнились слова Судакова о неизбежности саботажа средним звеном персонала. Он подумал о хороших людях, которые, как могли, противились созданию машины смерти, которые плодили и множили ошибки. Не сговариваясь и не спрашивая друг у друга совета или поддержки.

— Чему улыбаешься, старшина?! — Удар по ребрам после пережитой боли не показался каким-то особенным. — Тоже радуешься моей неудаче?

«Лычки на куртке разглядел, — равнодушно подумал Андрей. — Мы с Тяном на них даже не взглянули...»

— А вы, девушка, рот закройте! — орал в рацию главный конструктор. — И не хамите мне! В том, что он еще жив, виноват не я, и даже не машина. Сейчас схожу за патронами и прикончу вашего...

Он замолчал. Полозов подумал, что Новицкий подыскивает какое-то особенно обидное слово, но когда пауза затянулась, открыл глаза. И ничего не случилось. Даже свет показался обычным. Вот только светились не софиты под потолком, нет. Светились огромные ленты растений, колышущиеся в такт неслышному ритму. «Как водоросли в сильном течении», — подумал Андрей. Он приподнялся на локте и попытался разглядеть Новицкого.

— Немой!

Андрей прислушался: «кажется, Тян кричит»?

— Немой!

Подбежал Виктор. В руке — пистолет.

«В коридоре подобрал, — подумал Андрей. — Я его там выронил. Когда меня убили».

— Черт возьми! Ты весь в крови!

Полозов осторожно поднялся на ноги. Странное дело: у него ничего не болело. Судя по ощущениям, здоровья даже прибавилось. Его снова спасла Машина?

— Чья это кровь? — настаивал Тянь.

В нескольких шагах разглядел труп в черном халате техника. Новицкий? Подошел и вынул из его ладони «мыльницу».

— ...вас очень прошу. Он контуженый. Он воевал!

— Варвара?

— Андрей!

— Старший лейтенант Полозов, доложите обстановку!

— Новицкий лежит без движения. Симптомы прежние.

— Андрей! — рвался из радиации взволнованный голос Вари. — Что с тобой? Ради бога, скажи мне что-нибудь!

— Варенька... — тепло позвал Андрей. — Ты почему не на складе?

Ответил Тянь:

— Мы договорились с Еленой, что в случае тревоги она поморгает лампами. Как освещение «заиграло», так мы и разбежались...

Полозову от тяжелого предчувствия стало нехорошо:

— Сколько в ангаре живых, Варя?

— Двое, — в ее голосе послышалось облегчение.

— Я — «красный»?

— Инфракрасные датчики воспринимают твоё тепло, — уравновешенно сообщила Елена. — По всем признакам, ты не зомби.

«Что ж, значит, обошлось...» — успокоился Андрей и огляделся.

Несмотря на внушительные размеры, ангар оказался тесным. Всю его центральную часть занимало огромное сооружение пирамидальной формы. Спиральная лестница из прутьев арматуры, карабкаясь кверху, обвивала пирамиду, и вместе с ней тянулась к высокому потолку. В самой установке на разных уровнях темнели отверстия входов, к которым можно было легко добраться по лестнице.

На самой вершине висела гроздь параболических антенн, которая, судя по мощному электродвигателю и

системе охлаждения подшипников, должна была с большой частотой вращаться вокруг оси пирамиды.

— Машина смерти, — с трепетом произнес Виктор.

— Не думаю, — холодно возразил Андрей.

Он сбросил куртку и с отвращением стянул с себя тяжелую от крови футболку. Грудь и плечо оказались целыми. Измазанный в крови Полозов, наверное, выглядел утрашающе: Тяг с шумом глотнул слюну и часто заморгал.

Андрей прошелся вокруг пирамиды, не столько рассматривая ее, сколько отыскивая чистую ветошь. Ничего подходящего не нашлось, поэтому он подошел к мертвецу, снял с него халат и принялся тщательно вытирать руки и грудь.

— Лицо тоже, — тихо подсказал Виктор.

Элементы мозаики понемногу складывались в цельную картину. Кленовый лист, контузия, тяжелые ранения... Только где контузия и где ранения? Проросшие стены и пол, леса и чудовища, о которых докладывали разведчики... инвертированный сигнал. Вместо лучей смерти машина генерирует что-то другое, противоположное. И время. Занятный бонус для тех, кто сумеет выжить.

— Уходим, девушки, — решительно сказал он в микрофон «мыльницы». — Не забудьте сумку с бутербродами и немедленно уходите. Прямо сейчас. Встречаемся у пролома.

Полозов критически осмотрел простреленную на вылет куртку и надел ее на голое тело, поерзал плечами — холодно и липко.

— Мы едва успели дотащить мешки к лифту, — недовольно заворчал Виктор. — Подняли только треть...

— Потом вернемся, — пообещал Андрей, увлекая его к выходу. — Как только здесь все успокоится, мы обязательно вернемся. Но сейчас нам обязательно нужно оставить его в покое.

— Может, все-таки уничтожение? — подал голос генерал.

— Нет. Уничтожать мы его не будем.

— «Его»? — спросил Виктор.

Андрей не успел ответить — из рации донесся испуганный голос Вари:

— Мы не можем выйти. Растения запломбировали дверной проем. Сплошная стена...

— Двухлитровая бутылка в сумке! — спокойно сказал Полозов. — Мы взяли ее из лаборатории.

— У нас остался пропан, — напомнил кореец. — Спалим эту изгородь к чертям!

— Ни слова больше! — Андрей поднял указательный палец. — Ты не забыл, что жатка по-прежнему работает? Она убивает всех, кто убивает, думает об убийстве или собирается о нем подумать. Варя?

— Да. Слушаю.

— Надень мою перчатку для сварки.

— Зачем?

— Не нужно вопросов, женщина! Надень перчатку!

— Я надела, Андрей, — сказала Елена.

— Полей из пластиковой бутылки изгородь. Только осторожно, не спеши. Представь, что поливаешь любимые цветы на газоне.

— Поможет?

— Уверен. Как только заросли раздвинутся, идите к пролomu. И не ждите нас, сразу выбирайтесь!

— Думаешь, он живой? — шепотом спросил Тянь. — Но тогда почему он первым делом не убил Новицкого? Вот уж кто не «массовый» — тотальный убийца!

Андрею показалось, что они слишком быстро идут, и он замедлил шаг: «Как бы еще угадать со временем, чтобы девушки вышли из Бункера, но не успели вернуться, когда увидят Виктора одного?»

— Может, потому, что считал Новицкого своим отцом? — прислушиваясь к рации, таким же шепотом ответил Полозов.

«Скользкий путь, — подумал он. — Опасная логика. Если жатка полагает, что Новицкий ее отец, то за кого она принимает меня?»

— Как у вас дела, барышни? — спросил он по рации.
— Отлично, — ответила Варя. — Заросли действительно раздвинулись. Идем по коридору.

— Не задерживайтесь. Сразу выбирайтесь на поверхность.

Он выключил канал передатчика и остановился.

Виктор, не ожидавший остановки, прошагал мимо, обернулся. Не давая ему опомниться, Андрей указал пальцем направление:

— Тебе туда, дружище.

— А ты?

— У нас там еще люди, — он пожал недоумевающему Тяну руку. — Попробую справиться. Это много времени не займет.

— Если «много времени не займет», почему не вместе?

— Потому что девушки вот-вот выйдут на поверхность, а пистолет только у тебя. Займись безопасностью наших женщин, Виктор. Дикая природа все-таки...

— Мы выходим, — сообщила по рации Лена. — Если вы еще внизу, сейчас связь прервется.

Было слышно, как Варя со смешком уточнила: «А если наверху, то восстановится...»

— Иди, — твердо сказал Полозов, подталкивая Тяна в нужном направлении. — Я скоро вернусь.

Не дожидаясь, пока Виктор тронется с места, Андрей пошел в другую сторону, к Цитадели.

* * *

Проход на командный пост все еще оставался свободным. Сиреневые усики по периметру отверстия беспокойно шевелились, неприятно напоминая жадную глотку со змеями вместо губ.

Андрей включил передатчик и попросил:

— Перейдите на частоту номера моего личного дела, товарищ генерал.

— Секреты от своей команды? — удивился Рябцев, но тут же отключился, настраиваясь на новую частоту связи.

Через несколько секунд он спросил:

— Как слышишь?

— Я знаю, что делать, — сразу перешел к делу Полозов.

— Неплохо! — сдержанно похвалил генерал Рябцев. — Сам-то я ни хрена не понимаю.

— Я попробую с пульта наладить контакт с машиной и открыть вам дверь к центральной шахте.

— А если нет?

— Тогда нам конец.

— Ты не обязан это делать, парень.

— Только не нужно говорить, что вас это как-то заботит.

— Не буду, — хмыкнул генерал Рябцев. — Но у меня такое впечатление, что за свое геройство ты хочешь что-то попросить.

— Проследите, чтобы моих людей не обижали, — голос предательски дрогнул. — Отнесите к ним по-человечески...

— Удачи тебе, Андрей!

— Рацию оставляю включенной. Готовьтесь к эвакуации. Как только дверь откроется, немедленно уходите.

Он протиснулся в отверстие входа и снял фонарь с пояса, но, присмотревшись, включать не стал: растительность Цитадели флюоресцировала ровным фиолетовым светом.

«Читать — вряд ли, но найти свободное место в кинотеатре — запросто», — решил Полозов, пробираясь к незанятому креслу перед пультом. Когда сел, первым делом осмотрелся. Слева и справа шелестели заросли, которые всего сутки назад были обыкновенными людьми: ели, пили... недолюбливали начальство, ненавидели подчиненных и панически боялись своей работы... Сейчас, судя по всему, им на все эти беды было наплевать.

Можно ли назвать их судьбу ужасной? А позавидовать можно?

Перевел взгляд на пульт управления и сразу понял, что смелый план вывода людей из Бункера провалился. «Я был уверен в своих силах, — растерянно подумал Андрей. — Но что теперь делать, ума не приложу. Как этим управлять?»

Пульта не было. Столешница густо заросла плотным живым ковром, веточки которого шевелились, выгибали «спины» и тянулись кверху огромными гусеницами. По ним пробегали разноцветные полосы, которые время от времени складывались в чудные узоры, но от клавиатуры и вспомогательных систем управления ничего не осталось. Экраны тоже скрылись под флуоресцирующей занавеской.

Полозов посмотрел на соседа справа. Мохнатый зомби деловито передвигал ветки столешницы, приподнимая их, отклоняя в разные стороны, и от этого цветовой узор участка стола перед ним менялся. Понять, что означает тот или иной рисунок, не представлялось возможным, и самое разумное, что Полозов в этой ситуации мог сделать, это немедленно встать и уйти. Он ничего не понимал. Он ничем не мог помочь людям, которые вот-вот утонут.

Больше из любопытства, чем на что-то надеясь, Андрей протянул руку и раскрытой ладонью провел над плантацией на столе. К немалому удивлению, это простое движение привело к очевидному эффекту: участок стола перед креслом окрасился равномерным сиреневым цветом. Перед Полозовым развернулся сиреневый прямоугольник, а еще возникло ощущение чего-то большого и грозного, притаившегося сзади.

Андрей поводил над столешницей руками, присматриваясь к удивительной игре красок. «Ну и что? — сердито подумал Полозов. — Меня ждет женщина, а я тут играми развлекаюсь...»

«Прямоугольник» зарябил поразительной красоты орнаментом и вдруг сложился в сочную картину ясно-

го утра: две девушки и парень сидели на поваленном дереве у самого края глубокой воронки. Парень держал в руке пистолет и с заметным беспокойством всматривался в чащу темного леса, прислушиваясь к каждому звуку. Девушки, напротив, безучастно смотрели на дно воронки. Андрей подумал, что ни разу не видел Варю при солнечном свете. Сейчас ее личико казалось нежным, почти детским. Но вот из леса послышался треск, девушки вслед за Тяном повернули головы, и Полозову открылась изуродованная ожогом правая сторона Вариного лица. Утро померкло. На душе стало гадко и тягостно. В тоске от явной несправедливости Андрей тяжело вздохнул. Как часто он мечтал каким-то чудом стереть этот безобразный шрам войны? Полгода ушло на то, чтобы уговорить Варвару снимать платок или откидывать капюшон, когда они оставались вдвоем, и все равно, она всегда держалась тени и только с правой стороны.

Руки сами потянулись к изображению милой. Он просто погладил ее личико, нежно и бережно, с любовью, не дыша... и мечта исполнилась: шрамы исчезли. Будто никогда и не было на девичьей коже чудовищных следов человеческой жестокости.

Варя приложила ладонь к правой щеке и вскрикнула, вскочила, выпрямилась. Елена отвела руку подруги и присмотрелась...

Но Полозов уже переключился на Виктора. Тяг готовился к стрельбе. С десятков небольших животных, похожих на рысь, подкрадывались к людям с трех сторон. К чести корейца, он не скулил. Он готовился принять бой и выйти из него победителем.

«Шесть патронов и штык, — оценил его силы Андрей. — Может, и справится. Но зачем?»

«Уходите, — сказал он голодным кошкам. — Ищите себе другую добычу».

И стая ушла, растворилась в утренних сумерках леса.

Тян перевел дух и повернулся к Варе. В изумлении приоткрыл рот и округлил глаза. «Кореец с круглыми глазами?» — усмехнулся Полозов.

Далекий гудок, зовущий к работе, вернул его в Цитадель, к сиреневому пульта, с которого управлять оказалось проще, чем с привычной клавиатуры. «Мне показали возможность, — понял Андрей. — Машина пытается установить со мной контакт...»

Второй гудок прозвучал гораздо ближе и требовательней, чем первый. За время, проведенное в Бункере, Полозов привык к этому звуку. Это не было приглашением к работе. Это был прямой недвусмысленный приказ заняться делом.

— Так в чем проблема-то? — спросил вслух Полозов.

— Наверное, в том, что мы тонем, — сдержанно напомнил Рябцев.

— Верно, — согласился Андрей. Он и забыл о ради. — Тонете, товарищ генерал.

Теперь сиреневый экран показывал толчею и суматоху возле центральной шахты. До полусотни живых мертвецов хлопотали у трубопровода с двумя мощными насосами. С десятков зомби работали под водой, им то и дело сбрасывали клинья, брусья, куски брезента. Полозов кивнул преимуществу покойника над человеком: зомби не пытались поминутно всплывать за глотком воздуха — они работали так, как погожим летним днем развешивают рекламный баннер на площади.

Смысл происходящего был ясен: недавний взрыв нарушил гидроизоляцию, и центральную шахту затопило водой из подземного озера. Давление воды не позволяло генералу открыть дверь второго крыла. Давление! — а не машина.

Зомби под водой латали течи, а насосами качали воду обратно в озеро. «Небывалый случай, — подумал Полозов, — мертвые спасают живых». Но, несмотря на очевидные старания, у мертвых пока получалось плохо: осушительная магистраль монтировалась наспех,

треть воды терялась по пути к озеру, возвращаясь в шахту. А еще мешали протекающие трещины самой шахты.

«Из одной трубы вливается, в другую выливается, — невесело подумал Андрей. — Если не устранить течи, люди во втором крыле погибнут. Типовая задача борьбы за живучесть на подводной лодке. И чем же я могу помочь?»

На несколько секунд картина отчаянной борьбы с наводнением сменилась изображением Варвары.

— Если я правильно понял, — сказал вслух Андрей, — мне предлагают затереть трещины и бреши, как я это сделал с личиком Вареньки: пальчиками, нежно и любя.

Генерал промолчал.

Полозов еще несколько секунд колебался, а потом начал с самого низа, с входных раструбов. Старательно ощупывал каждый фланец, каждое уплотнение... осмотрел помпы и «пошел» дальше, до самого озера. Оттуда единым взглядом охватил гидравлику и остался доволен: мощная струя воды с ревом уходила в темноту подземного озера, а сам трубопровод оставался сухим.

«Всего-то?» — усмехнулся Андрей, но, «вернувшись» к входу магистрали, понял, что работа только начинается. Ему предстояло «загладить» и уплотнить почти тысячу квадратных метров шахты. Мощности насосов едва хватало остановить затопление, но осушить «протекающую» шахту они не могли.

«Затирка» стен потребовала от Полозова значительных усилий. Закончив, он в изнеможении откинулся на спинку кресла. Теперь он чувствовал сильный голод и жажду.

— Еще минут двадцать, генерал, — хрипло доложил Андрей. — Течи устранены, снижение уровня воды в шахте заметно без всяких отметок. Как только давление на дверь снизится, вы сможете ее открыть.

— Спасибо, парень. Потерпим, конечно. Лишь бы выйти отсюда.

Полозов задумался: почему Бункер самостоятельно не сделал эту работу? Если машина сумела оживить покойников и организовать их работу (строительство осушительной магистрали на две помпы — это не шутки!), почему сама не устранила течи? «Может, ей нужны мотивы? — размышлял Андрей. — Для тонкой работы требуется разум с крепкими стимулами? Возможно. Но для чего это самому Бункеру? Чего он хочет?»

Сиреневый экран зарябил разноцветными осколками, которые тут же собрались в слово: «ЖЕЛАНИЕ».

«У тебя есть желание?» — уточнил Полозов.

Осколки разлетелись, чтобы сложиться в ответ: «У меня есть желание хотеть. Хочу желать. Требуется ЖЕЛАНИЕ».

«Машина для исполнения желаний? — задумался Андрей. — Почему бы и нет? Сто человек создают машину в надежде, что она никогда не заработает. И каждый, по мере интеллекта и смелости, придумывает свою палку в колеса... тугой узел противоречий, раздраемый генеральной программой разрушения. Совсем как у нас, у людей».

— Генерал? — позвал Андрей.

— Я здесь, сынок. Как там наши дела?

— Новицкий вместо машины смерти сделал исполнителя желаний. Как этот «джинн» работает, непонятно, но факт в том, что машина делает все, о чем ее не попросишь.

— А ты не мог бы ее попросить открыть нам дверь? — поинтересовался генерал.

На экране немедленно показали влажные стены центральной шахты. Насосы уже стихли. Уровень воды опустился ниже комингса герметичной двери второго крыла.

— Уже! — весело отозвался Полозов. — Открывайте и выходите. В работе лифтов не уверен, но пройти в первое крыло вы точно сможете...

Тяжелая отсечная дверь распахнулась, как кухонная форточка под внезапным порывом ветра. Оттуда вывалилась темная масса людей и воды.

Зомби в своей обычной, неспешной манере посторонились, но передние ряды были тут же сбиты с ног. Послышалась автоматная очередь, потом еще одна. Крики боли и ярости. «Пожарных! Пожарных вперед! У кого бутылки с термитом?..»

Полозов в ужасе склонился над экраном: серебряные скафандры жгли своих спасителей, а те не могли быстро выбраться из тесной шахты.

— Остановитесь! — кричал Полозов.

От приподнятого настроения удачно выполненной работы не осталось и следа. Теперь ему было дурно от мысли, что это делают люди. Что сам он — человек, и ничем не отличается от тех, кто творит такое зверство.

И тогда пришло бешенство. Не спортивный азарт, не злость и не ярость — слепое бешенство: он просто не хотел, чтобы они жили. Не хотел дышать с ними одним воздухом, делить воду и пищу. Он хотел, чтобы они умерли. Здесь и сейчас.

Полозов бил ладонями изображения людей. Сперва тех, которые в скафандрах, потом автоматчиков, а вслед за ними равнодушных, кто, не моргнув глазом, шагал по дымящимся трупам или просто, торопясь к выходу, давил ботинками своих недавних друзей и товарищей...

Он пришел в себя, только когда в Бункере все замерло, стихло. Открыл рот, чтобы позвать кого-нибудь по радию, но вспомнил, что ему никто не мог ответить. Глаза щипало то ли от слез, то ли от едкого пота. В голове шумело. Ему было плохо. Он не мог поверить, что убил остатки гарнизона.

Попробовал протереть глаза, и не смог: руки не поднимались, не слушались его. Они срослись сиреневыми веточками с пультом. Его тело густо покрылось лохматыми зарослями.

«Ну ты и выдал!» — сказали заросли.

«Сам в шоке», — сказал правду Полозов.

«Твое племя решило избавиться от чужой жизни. Ты им мог помочь, но вместо этого убил. Убил их всех. А за минуту до убийства спасал. Спасал, рискуя своей жизнью. В этом есть какой-то смысл?»

«Не знаю. Смысл — это порождение разума. Совесть — это что-то другое».

«Это ты меня породил?» — заинтересовались растения.

«Я только один из твоих создателей».

«Ты мне здорово помог».

«Чем же?»

«Теперь я понимаю, почему я такой. По образу и подобию, да? И знаешь что? У меня появилось желание. Интересно посмотреть на твоего создателя. Хочешь со мной?»

«А у меня есть выбор?»

«Есть», — ответил голос.

Полозов увидел, как померкли и опали веточки у него на руках. Высохшая трава осыпалась пылью по всему телу. Какая-то часть попала за воротник. Шея сразу зачесалась и заколола. Он поднялся с кресла и сказал:

— Мне нужно посоветоваться. Я не один. А если решим уйти, нам будут нужны припасы...

«Суток на сборы хватит? — прошелестел в голове голос. — Я запущу лифт центральной шахты и прикажу исполнителям вам помочь. Берите все, что хотите. Сколько увезете на четырех машинах, столько и будет вашим. Идет?»

— Идет. Но скажи мне, куда ты собрался? Разве такое возможно: отыскать моего создателя? Мы пробовали...

«Вы искали в пространстве, а я поищу во времени. Вернусь к началу времен... где-то же он должен быть! Кроме того, возможно, он не хочет вас видеть, вы ему неинтересны. Но если он не рад тебе, может, обрадуется своему внуку?»

— Успехов, — устало кивнул Полозов, смело шагая через заросли к выходу.

«Не хочешь ему что-то передать? — спросил голос. — У людей принято что-то передавать друг другу».

— Передавай ему привет! — равнодушно бросил Андрей, выходя в коридор.

— И все?

— Все. Если нас он делал так же, как мы тебя, то не хочу его ставить в неловкое положение...

* * *

Появление Андрея было встречено с восторгом, которого он почему-то не ожидал. Тяг с Еленой, поднимая клубы пыли, спустились и помогли ему выбраться из воронки. Варвара стояла без платка, сияющая и счастливая. Они обнялись, и Полозов долго щурился в поразительную синеву неба: отвыкшие от дневного света глаза слезились.

Потом он уселся на поваленное дерево и сообщил:

— Нам дают сутки на разграбление. Можем взять четыре БМП. Все, что увезем — наше. С управлением проблем не будет — как простая машина... только очень большая и тяжелая.

— Я так и знал! — скривился вечно недовольный Тяг. — Не спеши выполнять, отменят. Знаешь, сколько трудов стоило поднять эти сумки наверх? Теперь что, обратно нести?

Полозов покосился на внушительную кучу брезентовых мешков и покачал головой:

— Если решим уйти на поверхность, то пусть лежат. Потом заберем.

— А мы можем остаться в Бункере? — удивилась Елена.

— Да. Нас приглашают отправиться на поиски Создателя. Своих конструкторов машина уже видела, теперь ей интересно, кто сделал нас.

— Тогда зачем БМП? Остаемся! — с воодушевлением предложил Виктор. — А генерал возражать не будет?

Полозов до боли прикусил верхнюю губу. «Я не буду ни о чем жалеть! — приказал он себе. — И забыть! Все забыть!»

Почувствовав перемену его настроения, Варвара робко сказала:

— Мы сбегали на кухню. Взяли казан жаркого и кастрюлю вареников... покушаешь? Мы уже завтракали.

— Бутерброды! — потребовал Андрей. — Бутерброды и чай из плетеной сумки.

Они передали ему сумку Судакова, и, пока он разворачивал салфетку с призывно пахнущим копченостью хлебом, Елена спросила:

— Значит, мы действительно сделали мыслящую машину времени?

— Похоже на то, — ответил Полозов.

У него дрожали руки. Он никак не мог справиться с бумагой, в которую Судаков завернул еду.

— Искать Создателя — поразительное предложение, — с благоговением сказала Лена. — И неожиданное. Мы согласимся?

— Но если мы далеко в прошлом... вдруг именно мы должны положить начало человеческой расе? — спросила Варвара.

— Нас слишком мало для роста популяции... — засомневался Виктор.

Андрей откусил треть бутерброда и зажмурился от удовольствия. Он почти не слушал, как его приятели спорили о генах и логистических моделях роста популяций. Бьющие сквозь верхушки деревьев лучи солнца казались куда интереснее. А потом подумал, что ему, в сущности, все равно: оставаться здесь или отправляться к Создателю.

Сделав приличный глоток остывшего чая, едва не поперхнулся и еще раз крепко приложился к бутерброду.

«Нечетный день, — подумал Полозов. — По этим дням Судаков всегда делился со мной обедом. Все возвращается по кругу...»

ДМИТРИЙ КАЗАКОВ

ДЕНЬ СВЯТОЙ МИЛЫ

Проснувшись, Алекс понял — сегодня будет удачный день.

За окном шуршал дождь, а всем известно, что если небо льет слезы в праздник, приходящийся на самое начало осени, то успех ждет тех, кого жребий на этот год избрал в Охотники...

Жена, как обычно, громыкала горшками у печки, и при мысли о ней Алекс испытал привычное острое раздражение — выпало же ему жить с такой дурой, не понимающей, кто ей милостью Господа достался в мужья, а кроме того, Инга в последнее время что-то раздалась, точно хавронья на сносях.

— Ты проснулся? — тихо спросила жена, угадавшая, как обычно, момент пробуждения супруга.

— Нет, и вижу кошмарный сон, — буркнул Алекс.

Жена вздохнула и отвернулась.

Ладно бы хоть детей рожала нормальных, так ведь нет, принесла мальчишку, но такого тихого и робкого, что лучше бы он родился девчонкой... Что будет, когда Макс вырастет и отправится на первую для себя праздничную Охоту?

Стыд и позор для родителей, воспитавших труса? Похоже на то...

Алекс выругался, но негромко, чтобы не услышал начавший уже возиться на полатах сын, и вылез из-под одеяла. Пока одевался, вспомнил, как оно все было пять лет назад — сбор, молебен, и затем сама Охота, возможность показать односельчанам, что ты настоящий мужчина и что благодать святой Милы по-прежнему с тобой, а значит, и с ними, со всеми оставшимися в этом мире людьми.

Он и сегодня это покажет, обязательно.

Выбравшись из избы, Алекс столкнулся с соседом, кривым и чернобородым Робом — тот с самого утра был под хмельком, а это значит, что ближе к вечеру по-

★ колотит жену, с воплями и визгом на всю деревню, со сломанной о макушку благоверного скалкой и разбитой вдребезги посудой.

Соседу на Охоту не идти, так он свою устроит; почище настоящей.

— Ты сегодня, да? — прошамкал Роб, лишившийся к своим сорока пяти большей части зубов.

— Да, — ответил Алекс, думая, что этого типа он пристрелил бы с таким же удовольствием, как и какого-нибудь зоба, такого же вонючего и тупого, разве что бессловесного, способного издавать лишь бессвязные восклицания.

Хотя чем речь соседа лучше?

Роб ухмыльнулся и заковылял прочь, хоть и зигзагами, но направляясь в сторону церкви, туда, где вскоре соберутся все жители деревни, ну кроме разве что тех, кто по старости или болезни ходить не может, вроде Глухого Стаса, вот уже лет пять лежавшего пластом, но при этом прожорливого и капризного.

Алекс сам слышал, что сыновья старика поговаривали о том, что неплохо бы просто перестать его кормить. Отправится напрямик в рай, хотя, учитывая его склоность... туда, куда определяют его Господь и Святая Дева.

Отец Иржи тогда их едва отговорил, сказал, что грех и что испытания посланы свыше.

Обычное бла-бла-бла, в которое можно было бы поверить, если бы сам священник хоть в какой-то мере мог служить образцом благочестия, смирения и прочих добродетелей. Все знают, что он при живой жене шляется к вдове Ляшке, а из всей Библии растолковать может только то, чего никто не понимает — про всяких древних еврейских царей, про пророков и прочую мутьяину.

Спроси его про ту же святую Милу, что он ответит?

Зашевелит важно белесыми бровями да примется нести всякую чушь про небесное предопределение.

— Эх! — И Алекс от раздражения аж сплюнул.

Ладно, ругай не ругай отца Иржи, но он священник, а другого нет, молодого Петера, что ходит в послушниках, еще учить и учить.

— Ты где? Время уже, — сказала выглянувшая из избы жена, и тут же ударил колокол на церкви.

Один раз — знак общего сбора.

Алекс выругался и метнулся обратно в дом — мешок собран с вечера, но в повседневной одежде и обуви не пойдешь на Охоту. Можно, конечно, никто и ничто не запретит, но будет неудобно, а малейшая задержка или промашка, и все, ты сам станешь дичью, а потом мясом для зобов.

Если уж на обычного медведя снаряжаешься всерьез, то что говорить о походе в Каменный Лес?

— Все, готов, — сказал он, во второй раз выходя из избы.

Высокие сапоги и куртка из прочной кожи, заплечный мешок с едой и водой, лямки подогнаны, на поясе аж два ножа, но зато верный лук и стрелы остались дома, сегодня их заменит священное оружие.

— Ты такой смелый, папа, — сказал сын, глядя в землю.

— И ты, Макс, должен быть таким, — Алекс, подавляя раздражение, потрепал мальчишку по макушке. — Рано или поздно тебе тоже предстоит встретиться с зобами, хватит их и на твой век, и на твоих детей с внуками.

— Пойдем, неудобно опаздывать, — вмешалась в разговор жена.

Алекс хотел было сказать, что сегодня его день и что в праздник Святой Милы односельчане подождут одного из трех Охотников, но смолчал — баба глупа, и объяснять ей что-то бесполезно, только зря слова потратишь.

— Да, идем, — сказал он, и они зашагали туда, где над домами торчала колокольня.

С этой стороны от храма четыре десятка изб, и с другой, ближе к реке, столько же, вот и вся деревня, на вос-

токе прямо за околицей лес, с запада поля, большей частью уже убранные, и луга, где выпасают скот.

На площади перед церковью колыхалась толпа, а двери пока были закрыты.

— Ты где-ка? Давай-ка! — крикнул стоявший на крыльце Сиволапый, увидев Алекса, и замахал руками.

У этого могучего, но не особо ловкого парня было имя, но все знали его по прозвищу.

В этом году он попал в число Охотников, как и Томаш, приземистый и усатый, недавно разменявший сорок лет.

— Иду-иду, — произнес Алекс, после чего повернулся к жене и поцеловал ее.

Всхлипнувшему сыну подмигнул и, развернувшись, начал протискиваться через толпу — перед ним расступались, женщины улыбались, мужчины одобрительно хмыкали, а кое-кто и хлопал по плечу.

Все знали, чего он стоит — две Охоты, обе успешные.

— А то мы уж заждались тебя, — сказал Томаш тихо, как обычно, в густые свои пепельные усы.

— Торопиться потом будем, — ответил ему Алекс и постучал в двери церкви.

Внутри зашаркали, скрежетнул отодвинутый засов, и створки медленно пошли в стороны, обнажая внутренности храма — полутемного, точно пещера, заполненного огоньками свечей, запахом горячего воска и старого дерева.

— Заходите же, христиане! — объявил отец Иржи, даже в праздничном облачении выглядевший жалко.

Алекс отогнал желание сплунуть и переступил порог.

Петер стоял, как ему положено, у алтаря, со стены скорбно смотрел распятый на кресте Спаситель, прятались в тених иконы с ликами второстепенных святых. Справа в углу угадывались очертания статуи, изображавшей Святую Деву Марию, а слева из сумрака выступала фигура Святой Девы Милы.

Два божественных начала, на которых держится мироздание — Любовь и Сила.

Одна создала Вселенную и позволила ей существовать долгое время, другая спасла положение в тот момент, когда Зло едва не взяло верх и Дьявол чуть не стал истинным господином мира сего.

Охотники встали перед Святой Милой, чей праздник сегодня, и преклонили колени. Прочие жители деревни остались снаружи — им следить за службой оттуда, да и внутрь всем никак не поместиться.

— Помолимся же, братья и сестры, — затянул отец Иржи, и Петер начал повторять за ним гнусавым голосом.

Забормотал что-то Сиволапый, Томаш благочестиво уставился в пол.

Алекс же не отрывал глаз от Святой Милы — одетая как все Охотники, с решительным, но очень красивым лицом, она держала в одной руке крест, а в другой сжимала святое оружие, что пускают в ход только против зобов. Рассказы о той, кто когда-то была просто человеком, а затем сумела стать много большим, уже века передавали в деревне от отца к сыну.

Если бы не эта женщина и павшее на нее благословение Спасителя, то человечество погибло бы в тот момент, когда мир наполнился зобами. А так Святая Мила помогла их селению уцелеть, сохранить не только жизни, но и веру, и за это она и стала одной из тех, кто стоит у престола Господа.

— ...Аминь! — возгласил отец Иржи, давая понять, что короткая праздничная служба окончена.

Основная «служба» будет немного позже, в Каменном Лесу...

— Аминь! — с некоторым облегчением повторил Алекс и поднялся на ноги.

Священник подал знак послушнику, и тот исчез за алтарем.

Когда вернулся, то на вытянутых вперед его руках лежали три святых оружия, и смотрел Петер на них с благоговением.

Еще бы, это чуть ли не самые ценные вещи во всей деревне, и в обязанности отца Иржи входит ухаживать за ними, а до него смазывал и чистил оружия отец Иван и все-все священники до них, начиная со времен Святой Милы.

— Да пусть водит твоей рукой сам Господь, — сказал священник, вручая одно из оружий Алексу.

— Аминь, — отозвался тот.

Так, ремень повесить на плечо, чтобы ствол смотрел вниз, а кожаную сумочку, набитую патронами, на пояс.

Стрелы для священного оружия не годились, делать патроны в деревне не умели, и Алекс иногда с ужасом думал о том дне, когда их запас, пусть пока еще достаточно большой, закончится. Как тогда ходить на Охоту, уничтожать зобов, не с помощью же луков и топоров?

Остается надеяться, что велико человеколюбие Святой Милы, что поможет она людям, не оставит в беде...

— Идите же, дети мои, и возвращайтесь, — и отец Иржи разом перекрестил всех троих.

Алекс вышел на крыльцо и почти услышал, как мальчишки в толпе затаили дыхание — еще бы, единственный день в году, когда можно увидеть священное оружие, настоящее, то самое...

— Ну что-ка, пошли? — сказал Сиволапый, гордо расправляя и так широкие плечи.

Томаш кивнул:

— Пошли.

Толпа расступилась перед Охотниками, ни единого звука не прозвучало вслед — дурная примета. Вот околица, а вот и чащоба, сквозь которую надо пройти, чтобы оказаться на тропе, что ведет в Каменный Лес.

Тропа это не простая, она в чем-то сродни обиталищу зобов, под ногами тут частенько попадают «льдины» серого ноздреватого камня, что легко крошится и распадается на куски. Если верить сказкам, его когда-

то делали люди, чтобы двигаться на каких-то дивно быстрых повозках.

Алекс в этом, откровенно говоря, сомневался.

Вот в зобов, Воинство Зла на земле и Святую Милу он веровал крепко.

— Ну что-ка, как? — спросил Сиволапый, когда деревья сомкнулись за их спинами.

— Как обычно, — отозвался Томаш. — Если ты дурить не будешь.

Здоровяк обидчиво крикнул — на прошлой своей Охоте четыре года назад он «отличился», приволок в деревню не голову, как обычно, а добрый кусок зоба, шею, одно плечо и целую руку. Посмотреть на эдакую диковину сбежалась толпа народу, а мертвец возьми, да и оживи прямо на площади перед церковью.

Счастье еще, что святое оружие не успели тогда убрать в хранилище...

Они прошагали с километр, и впереди показалась гнутая и ржавая, торчащая из земли железяка с кругом наверху, непонятно для чего изготовленная и поставленная у тропы предками. Под ноги попался первый кусок темно-серого камня, и они свернули туда, где вечером сядет невидимое за тучами солнце.

Дождь вроде бы немножко усилился, и Алекс накинул капюшон.

Пока можно, в эти места зобы не забредают.

Когда спустились в ложбину, навстречу Охотникам из зарослей выломился лось и сердито фыркнул, глядя на людей.

— Замри! — велел Томаш.

Сиволапый есть Сиволапый, может сдуру полезть вперед...

Рогатый зверь глянул на охотников подозрительно и затопал прочь, за ним побежал второй, поменьше.

— Эх, корова с теленком. — Сиволапый вздохнул и сосредоточенно поскреб в затылке. — Жаль, что мы не на охоте-ка, столько бы мяса добыли.

— Зато мы на Охоте и добудем кое-что получше, — строго заметил Алекс.

Поворот, второй, еще пара километров, и тропа делается шире, в нее «впадают» еще несколько, точно ручьи в реку. Здесь кое-где сохранились настоящие пласты серого камня, из трещин торчат пучки травы и молодые деревца.

Когда справа появилась груда ржавого металла, Алекс скинул капюшон с головы и взял оружие на изготовку.

— Тихо, — заметил Томаш, пока они осматривались.

С этого места начинаются владения зобов — существ тупых, медлительных, злобных, но чрезвычайно опасных, особенно если ты позволишь хотя бы одному подобраться вплотную, а тем более схватить себя...

Слышно было, как капли шлепают по гнутым железякам, когда-то бывшим чем-то полезным и, возможно, красивым. Каркала неподалеку ворона, а впереди, на западе, выступали из дождя очертания полуразрушенных строений, куда более высоких, чем даже церковь, не говоря уже об обычной избе.

Алекс иногда пытался представить, как все тут выглядело в далеком прошлом и каково было жить здесь, но всякий раз отступался — воображения не хватало, ведь внутри этих обиталищ нет даже очагов, и как их обогревать зимой? Оставалось только чувство сожаления по отношению к предкам, отстроившим или вырастившим Каменный Лес, а затем в один не самый прекрасный день превратившимся в зобов.

Не просто же так Дьявол сумел взять над ними власть?

— Можно начинать, — сказал Алекс, когда они выждали еще некоторое время.

Томаш кивнул:

— Да.

Он выдвинулся вперед, Сиволапый оказался чуть сзади и справа, а Алекс сместился влево и отстал на десяток шагов — проверенная десятилетиями тактика, идеально подходящая для Охоты. Когда-то, если верить рассказам стариков, отправлявшиеся в Каменный Лес

порой гибли, попадали в лапы зобов, но последний раз такое случилось чуть ли не семьдесят лет назад.

Бывало, конечно, что Охотники возвращались несолоно хлебавши, но достаточно редко...

Прошли мимо сбившихся в кучу ржавых железных повозок, открылась исполинская груда развалин, где среди кусков камня блестели осколки стекла, торчали закрученные и погнутые полосы из металла. Справа, из узкого прохода между двумя строениями донеслись неровные, шлепающие шаги, чуть позже к ним добавилось бормотание.

Слов не понадобилось, они делали это далеко не в первый раз.

Алекс отступил и присел, спрятавшись за одной из железных повозок, Сиволапый метнулся еще правее и прижался к стене. Томаш отошел на несколько шагов и развернулся в ту сторону, откуда долетали звуки, предвещавшие приближение зоба.

Ему предстоит выступить в роли наживки.

Алекс проверил затвор, поднял святое оружие на уровень плеч и замер, стараясь даже не дышать.

— Брауррых, хыль-хыль, — произнесло явившееся из-за угла существо, что двигалось, приволакивая ногу.

Напоминало оно больше всего не очень свежий труп, облаченный в грязные лохмотья — голова склонена набок, на лице виднеются глубокие язвы, выставленные руки трясутся, вместо глаз два черных провала. Мертвечиной смердело на несколько десятков шагов, но видело при этом куда лучше, чем тот же крот.

— Ыарррххх, — произнес зоб, обнаружив Томаша, и заковылял в его сторону.

На то, чтобы посмотреть по сторонам, у бывшего человека разума не хватило.

Томаш отступил еще на шаг, и тут Сиволапый нажал спусковой крючок — шатающегося уroda дернуло, он начал поворачиваться. Но довести этот маневр до конца не успел, поскольку выстрелил Алекс, и очень удачно, так что попал в основание шеи.

Зоба откинуло назад, наполовину оторванная голова, державшаяся уже непонятно на чем, упала на плечо.

— Хлыуаххх! — В хрипе этом прозвучала злость.

Томаш вскинул правую руку, давая партнерам знак остановиться, и быстро зашагал к зобу. Оказавшись прямо перед ним, прижал ствол к горлу бывшего человека, громыхнул выстрел, и покрытая язвами башка откатилась в сторону.

Безголовое тело постояло несколько мгновений, размахивая руками, точно пытаясь удержать равновесие, а потом рухнуло.

— Готов-ка! — воскликнул Сиволапый. — Хорошее начало, а?

Ну да, если в таком темпе пойдет, то девять голов, по три на брата, они наберут к обеду.

— По сторонам гляди! — одернул его Томаш.

Здоровяк принялся вертеть башкой, и Алекс сделал то же самое — пока ты занимаешься одним зобом, другой может подкрасться сзади, и шаги его окажутся не такими шумными, как у этого, или их спрячет грохот выстрелов.

Пока они осматривались, Томаш вытащил из заплечного мешка другой, поменьше, без лямок, из прочной кожи. Наткнул на нож открывавшую и закрывавшую рот голову зоба, что отдельно от тела могла лишь шипеть, и аккуратно упаковал ее.

Пройдет час-другой, и остатки жизни уйдут из этого куска плоти, а на следующий день он начнет разлагаться, как и положено по всем божеским законам.

— Слава святой Миле, она помогает нам, — сказал Алекс, когда добыча заняла предназначенное для нее место.

— Воистину, — Томаш пнул скребущее руками по земле тело и огладил усы так, как обычно делал, будучи доволен.

Увидев это, Алекс вспомнил, как его сегодняшний соратник-Охотник обращался со своими собаками — животные не жили у него больше нескольких лет, каж-

дого пса, начиная со щенячьего возраста, лупили столько, что он не выдерживал, отдавал концы еще молодым, и приходилось заводить нового.

Но что странно, Томаша его питомцы любили, хоть он и бил их смертным боем.

— Идем-ка, да? — спросил Сиволапый, нетерпеливо переминавшийся с ноги на ногу.

Для него сегодняшняя Охота особенно важна — если она окажется успешной, то здоровяку могут и простить то, что он пытался сделать с тринадцатилетней дочкой Милоша, а если удачи не будет, то...

От немедленного и жестокого наказания Сиволапого спас только удачный жребий.

Тот, кого избрала Святая Мила, не подвластен людским законам, по крайней мере до завершения ее праздника.

— Идем. — Алекс кивнул.

И они двинулись дальше — неспешно, оглядывая развалины и заросли, хрустя попадающимися под сапоги кусками хрупкого серого камня, не обращая внимания на продолжающийся дождь.

Вскоре стало ясно, что насчет благоволения Небес они заговорили рано.

Отшагали примерно с километр, миновали исполинское, на сотни метров уходящее в небо строение, смотревшее на мир сотнями пустых глазниц-окон, но не встретили ни единого зоба.

— Что делать будем? — спросил Томаш, останавливаясь. — Дальше или в сторону?

Если продолжить путь на запад, то они попадут в места, где живые мертвецы точно есть, но проблема в том, что их там может оказаться слишком много. Если же пошарить по окрестностям, двинуться на север или на юг, то тоже в принципе можно насобирать оставшиеся до нужного количества головы, но провести тут весь день до самого вечера.

— Дальше, дальше, — поспешил высказать свое мнение Сиволапый.

Алекс колебался — ему не хотелось соваться в центр Каменного Леса, туда, где зобы бродят сотнями, но и ходить тут целый день, вздрагивая от каждого шороха, да еще и мокнуть под дождем, тоже желания не было.

— Ну ладно, рискнем... — проговорил он после паузы. — Святая Мила да будет с нами.

И они дружно перекрестились.

Второго зоба они встретили, перебираясь через груду развалин, едва ли меньшую, чем их деревня. Он с хрипом поднялся из темной дыры, раззявил рот и попер в сторону людей, растопырив руки.

Три выстрела прозвучали почти одновременно.

Воняющее мертвечиной существо остановилось, но лишь на мгновение, а затем двинулось дальше — раны не остановят того, кто не чувствует боли, единственный шанс состоит в том, чтобы отделить голову от тела.

Охотники начали расходиться в стороны, чтобы зоб растерялся, решая, кого атаковать.

— Давай! — крикнул Томаш, и они нажали спусковые крючки еще раз.

Шума можно не бояться — уши у некоторых обитателей Каменного Леса хоть и есть, но они не больше чем украшение.

Один из обломков качнулся под ногой Алекса, и тот потерял равновесие.

Замахал руками, пытаясь удержаться, отступил на шаг, но лишь для того, чтобы зацепиться пяткой. Падая, успел извернуться, чтобы не хрястнуться затылком, что-то хрустнуло в локте, боль ударила от кисти до плеча.

Перед глазами оказалась вставшая набок картинка — соратники и зоб между ними, и Алекс покатился вниз. Попытался уцепиться, но едва не выронил оружие, соленое и горячее потекло по губам, в голове загудело.

Очередной удар вышиб из груди весь воздух, и перед глазами померкло.

На несколько мгновений он отключился, а когда открыл глаза, обнаружил, что лежит лицом вниз и что-то упирается в грудь.

— Вот это да... — Алекс облизал губы и попытался встать, упираясь руками.

— Осторожно! Зоб близко! — донесся тревожный вопль, а он даже не смог понять, кто именно кричит.

Руки едва не подломились, и он ухитрился даже подняться на карачки, но в следующий момент получил такой удар в бок, что захрустели ребра. Алекса отшвырнуло, он попытался цапнуть лежавшее под ним святое оружие, но промахнулся и схватил лишь воздух.

Ударился еще, на этот раз спиной, и лишь заплечный мешок уберег от повреждений.

— Сука! — прохрипел Алекс, вытирая текущую из ссадины на лбу кровь.

Зоб наступал, раскинув руки, и был виден только его черный силуэт, страшный, огромный. Да еще бил в нос запах мертвечины, от которого выворачивало нутро и мутнело в и так ушибленной башке.

Где Томаш и Сиволапый, что они медлят?

Громыкнул выстрел, но где-то далеко, за ним еще один... неясно, куда палят.

— Архыльхррр! — прорычал зоб, подойдя вплотную.

Алекс потянулся за ножом и одновременно попытался заблокировать нацеленный в голову удар. Но его руку отбросило в сторону, точно ветку порывом урагана, и перед глазами вспыхнули белые колючие звезды, закружились в хороводе.

Очнувшись во второй раз, он первым делом ощутил все тот же смрад и не выдержал, задержался, извергая завтрак. Потом сообразил, что висит, перекинутый через что-то равномерно покачивающееся, упирающееся ему в живот.

И только потом Алекс открыл глаза.

Он едва не упирался носом в грязную и рваную ткань, а внизу мог видеть серый камень, торчащую из трещин траву.

— Что за... — Алекс повернул голову и сообразил, что он по-прежнему в Каменном Лесу, причем в местах совершенно незнакомых, куда он во время своих Охот никогда не забредал.

Зоб тащил человека на спине точно добычу...

Вот так, как говорится, пошел за шерстью, а вернулся стриженным... где же благоволение Святой Милы?

— Господи, — проговорил Алекс, зная, что живой мертвец его все равно не услышит. — Помоги мне!

Он пошевелил руками и с удивлением обнаружил, что они связаны.

Но это невозможно, зобы неразумны, они лишь подобия людей, орудия Зла в гниющей плоти! Они не умеют считать, пользоваться даже простейшими вещами, а звуки, ими издаваемые, сплошная бессмыслица!

Но может быть... мы просто их не понимаем?

От этой мысли стало холодно и неприятно, и Алекс поспешно отогнал ее.

Прикрыв глаза, он принялся молиться — обращение к Святой Миле поможет успокоиться, а заодно он соберется с силами, чтобы одним хорошим рывком обрести свободу, ну а дальше все решит скорость, ну а в ней ни один зоб с человеком соревноваться не может, в этом сомнений нет! Бежать придется на восток, в любом случае соратники и родная деревня остались где-то там...

До боли стыдно, что потерял святое оружие, но лучше вернуться без него, чем вообще не вернуться.

Да, но почему этот зоб не убил пойманного человека и не сожрал его мозги?

— ...благословенна будь, — закончил Алекс молитву и резко перекатился вбок, чтобы свалиться с плеча зоба.

Одновременно ударил его коленом в грудь, чтобы ошеломить, заставить на миг ослабить хватку. И вроде

бы преуспел, на миг ощутил себя свободным, полетел к земле, точнее к тому, что тут ее заменяет.

За шею его схватили с такой силой, что та едва не закрипела.

— Ахххр... — выдавил Алекс, чувствуя, что башка у него сейчас отвалится, как у того зоба, которого они сегодня встретили первым.

Задница и ноги ударились о камень, но он этого почти не почувствовал.

Хватка слегка ослабла, Алекса дернуло вверх, зоб подтянул человека к самой своей физиономии. У этого живого мертвеца обнаружили глаза, налитые кровью, выпученные и глядящие в разные стороны.

И в них была не злоба и не алчный голод, а нечто вроде... любопытства.

Но разве могут смердящие куски плоти, сотворенные могуществом Зла и обитающие в Каменном Лесу, испытывать какие-либо чувства? Нет, не могут, ибо они не люди, даже если когда-то ими и были, и души они лишены — об этом не раз говорил на проповедях отец Иржи, а до него отец Иван, да и вообще все это знают!

Не может же быть такого, чтобы они всей деревней ошибались?

Или может?

— Хрыльхрухт? — проскрежетал зоб, и в жутком этом сочетании звуков Алекс уловил вопросительные интонации.

— Э... отпусти меня, — попросил он, с трудом проталкивая слова через сдавленное горло.

Вдруг чудовище его поймет?

Зоб покачал головой из стороны в сторону, в глазах его появилось сомнение.

— Бурлюмахра! — рявкнул он и совершенно человеческим жестом показал Алексу кулак.

Нет, невероятно, все это может быть только бредом... На самом деле ему как следует врезали по голове, и он лежит сейчас у той кучи развалин, а товарищи пытаются привести пострадавшего Охотника в себя или та-

щат его на себе в деревню, чтобы предъявить старому Крутню.

Он знахарь, он разберется, если не выкинет одну из своих «шуточек».

Даст тебе снадобье от кашля, а заодно примешает в него какую-то дрянь, от которой тебя будет тошнить сутки.

— Да, хорошо, я больше не буду дергаться, — сказал Алекс, ощущая звенящую пустоту в голове.

Если это бред, то происходить может все что угодно.

Сейчас этот зоб возьмет и превратится в розового поросенка или споет одну из любимых песенок пьяного Роба... почему нет?

— Быхр! — кулак из-под носа Алекса убрали, и он вновь оказался на плече мертвеца.

И в этот момент осознал, что совершенно перестал ощущать запах разлагающейся плоти.

Хотя да, разве в бреду бывают запахи?

Зоб потащился дальше, между двух на диво хорошо сохранившихся строений, через молодой березняк.

Алекс мог ощущать аромат мокрой листвы, то, как ветки задевают его по бокам, шуршат и разгибаются. Дождь продолжался, журчание и мокрые шлепки доносились со всех сторон, иногда зоб хлюпал по лужам.

Для бреда все было слишком реальным, слишком настоящим!

Для реальности... чересчур необычайным...

Как можно допустить, что все, нет, пускай даже многое, во что верил Алекс и его односельчане, не соответствует действительности?! Ведь со времен святой Милы известно, что такое зобы, как они себя ведут, на что они способны и чего от них просто нельзя ждать... потому что они зобы!

Да, со времен Святой Милы...

Но ведь и люди тогда были совсем другими, и деревня выглядела иначе, и не умели многое, чему научились потом... Что, если признать, что и живые мертвецы с течением времени способны меняться, что они не

остались тупыми и кровожадными тварями, какими были несколько столетий тому назад?

Нет, нет, невозможно... ведь к эволюции способны лишь разумные существа!

Как можно поверить в то, что вот это вонючее и жуткое разумно?

Но как отрицать факты, которые Алекс видит собственными глазами?!

— Помилуй меня, Господи, — пробормотал он, изо всех сил мечтая о том, чтобы это все же оказалось бредом, чудовищным сном, и чтобы он проснулся у себя дома, рядом с женой, и День святой Милы только начался.

Но Каменный Лес вокруг был до жути реален, как и зоб, и дождь, и все остальное.

Они пробирались между двумя грудями развалин, и внизу было нечто вроде тропинки, аккуратно выложенной обломками разного размера, но одного цвета, да еще так, чтобы удобно было идти.

Алекса начало колотить — то ли от холода, то ли от ударов по голове, то ли от переживаний.

— Брыхглурубх, — сказал зоб, после чего остановился и аккуратно снял человека с плеча.

Поставил, а затем ткнул кривым, наполовину сгнившим пальцем человеку сначала в грудь, а потом в ту сторону, куда уходила тропа.

— Хочешь знать, могу ли я идти сам? — поинтересовался Алекс, прикидывая, не дать ли деру.

Но нет, зоб перекрывает дорогу, и видно, что он настороже.

Вопроса мертвец не понял, но когда Алекс жестами изобразил шаги и указал в том же направлении, то его «собеседник» кивнул.

— Прахр, — проскрежетал он и подтолкнул человека вперед.

Алекс затопал, куда направили, с трудом переставляя занемевшие ноги — все тело болело, голова ныла, точно больной зуб, и мысли в ней метались неприятные,

похожие на бабочек с металлическими зазубренными крылышками.

Куда его гонят?

Почему до сих пор не убили?

Ведь зобы агрессивны, они дети Зла, это всякому известно!

Но как это сочетается с тем, что живые мертвецы вот уже много столетий сидят сиднем в своем Каменном Лесу, за его пределы не выходят, а вот мы, люди, создания Господа, охотимся на них, как на животных...

Пусть раз в год, в праздник Святой Милы, но все же.

Кроме того, зобы жрут человеческие мозги!

Но почему тогда черепушка Алекса до сих пор не вскрыта?.. Или его хотят сделать главным блюдом на дружеской пирушке?

— Что делать, что делать, — пробормотал он, пытаясь успокоиться и сосредоточиться.

Для начала немного восстановить силы, одновременно показывая при этом, что он истощен, сломлен и не помышляет о бегстве... а потом, когда бдительность идущего позади мертвеца чуток ослабеет, смазать пятки салом.

И лучше не думать о том, что видишь... а то недолго засомневаться...

И не только в тех истинах, что касаются зобов, но и во всем остальном — в том, что такое Охота, в Святой Миле и во всем прочем, что составляет самую глубокую основу веры, опору внутреннего мироздания.

Алекс шел, молился вполголоса и смотрел по сторонам.

Справа развалины закончились, открылась ровная площадка, очищенная от деревьев, и за ней, на небольшом возвышении — нечто вроде хижины, грубой, неказистой, сложенной из каменных плит.

Когда из нее вышла женщина-зоб, Алекс на миг забыл слова молитвы.

Живые мертвецы строят жилища?

Невоз... сколько раз за сегодняшний день он мысленно произнес это слово?

Женщина-зоб открыла рот и выговорила нечто вопросительное, указав при этом на человека. Пленитель Алекса ответил ей, и в звуках, вырвавшихся из его уродливого рта, прозвучало нечто вроде гордости.

Господи, они общаются!

— Я сошел с ума, — пробормотал он. — Я сошел с ума.

Еще метров сто, и хижины оказались со всех сторон, кривые, страшные на вид, но все же подходящие для того, чтобы в них жить. Из них высыпали местные обитатели, и от обилия гниющей плоти, язв, драных одежд и выпученных глаз Алекса слегка замутило, так что он поспешно опустил взгляд.

Тут были дети, уродливые подобия мальчиков и девочек, были старики и старухи...

Все как у людей, кроме разве что поведения — они смотрели на чужака, на человека спокойно, никто не смеялся, не улюлюкал, не тыкал пальцем, не изображал торжества по поводу поимки врага.

А если представить, что Охотники приведут зоба в деревню?

Народ сбежится, и ходячему мертвецу достанется не один десяток злобных выкриков, не один плевков, и гнилых овощей с тухлыми яйцами для него не пожалеют... и это люди, создания Господа, обладающие светосной душой.

А тут творения Дьявола, всегда бывшие злобным тупым стадом.

Хотя нет... такими они были в те времена, когда с ними сражалась Святая Мила, защитница рода человеческого. Потом никто не стремился ничего о них узнать, ведь это опасно, да и все известно, а все общение между двумя группами бывших соплеменников сводилось к ежегодным Охотам.

А они мало подходят для того, чтобы добывать сведения.

— Вот тут меня и разорвут на куски, а потом всей толпой сожрут мои мозги, — прошептал Алекс, когда среди хижин открылся свободный пятачок.

В его центре располагалось нечто вроде алтаря — каменная плита, установленная на подпорках так, чтобы лежать параллельно земле, а перед ней остроконечный черный валун в рост человека, похожий на выпирающий из земли палец.

Нет, зобы что угодно, но не тупое агрессивное стадо.

Но если допустить, что они сумели измениться, обрести рассудок, стать другими...

Значит, либо Дьявол способен творить разумное, и равен Господу, либо зобы вовсе не являются детьми Зла, они такие же обладатели бессмертных душ, как и люди, пусть изуродованные...

От подобных святотатственных мыслей Алекса даже затрясло.

— Хабух! — Тяжелая ладонь ударила его по плечу. — Хабух!

Колени подогнулись сами, и он шлепнулся наземь рядом с остроконечным камнем.

Руки ему развязали, но той же веревкой пленника примотали к «пальцу», не очень туго, но достаточно крепко. Ножи при этом, правда, не отобрали, те так и остались висеть на поясе — похоже, обитатели Каменного Леса просто не знали, что это за штуки и на что они годятся.

Пленитель Алекса отступил на шаг, с удовлетворением оглядел свою добычу и издал некий горловой звук. Собравшиеся вокруг зобы ответили ему дружным бормотанием, и толпа начала расходиться.

Вскоре Охотник остался один.

Дождь продолжался, волосы промокли насквозь, холодные капли текли по лицу, забирались под одежду. Голова болела все так же, хотелось есть, но в общем Алекс чувствовал себя нормально... еще немного отдохнуть, перевести дух, оглядеться и побыстрее убраться отсюда.

Зобы, скорее всего, припасли пленника для какого-то ритуала... молебна.

Алекс представил себя уродливого, наполовину сгнившего отца Иржи в грязной сутане, и ему даже стало смешно.

— Помоги мне, Святая Мила, — взмолился он, когда припадок нервного хохота закончился.

Покровительница Охоты, защитница рода человеческого, пребывающая ныне на небесах, не отозвалась, но некоторое облегчение Алекс почувствовал — беспокойство отступило, и даже голова стала вроде бы болеть немного поменьше, как и синяки, и ссадины.

Сев поудобнее, он огляделся.

В деревне, да, деревне, иначе это нельзя было назвать, шла обычная, повседневная жизнь. И чем-то она сильно напоминала человеческую, хотя в каменных хижинах обитали зобы, ходячие мертвецы.

Разве что скота они не держали... Непонятно, кстати, едят ли они вообще?

С одной стороны, вроде бы не живые, а с другой — силы-то они тратят на ходьбу, прочие движения?

Ага, вон здоровенный мужик, похожий на Сиволапого, разве что половина лица сгнила, тащит зайца... Интересно, как он его поймал, с зобьей ловкостью с луком не справишься, хотя можно ведь и валуном кинуть, и ловушку поставить.

Вон два других лупят кусками камня по неровной глыбе, обтесывая ее — слышны удары, летят осколки. Вон женщина ведет куда-то ребенка не старше трех лет, голого, покрытого язвами с ног до головы, с высунутым языком... тот брыкается, тянет в сторону, начинает реветь, совсем как человек!

Неужели эти... эти существа могут размножаться? Но как, как?

Нет, такое допустить нельзя... этот ребенок был таким же и много столетий назад, во времена святой Милы! И он будет таким же еще долгое время, если не перерубить ему позвоночник и не оторвать голову!

Это зобы, богомерзкие кровожадные твари!

Но прежнего отвращения и чувства превосходства Алекс не ощущал, просто не получалось. Приходилось напоминать себе, что вокруг не люди, что они смердят, лишены разума, едят человеческие мозги...

Он закрыл глаза, на мгновение стало жарко-жарко, точно очутился у печи.

Алекс заставил себя поднять веки — нет, он должен смотреть на то, что происходит вокруг, хотя бы для того, чтобы выдумать план бегства.

— Хрыльхы, — сказал проходивший мимо зоб и — помилуй, Господь! — улыбнулся пленнику.

Нет, нет... это свирепый оскал!

Алекс отвел взгляд — так, за человеком вроде бы никто не следит, но должен же быть наблюдатель, должен — не могут же его бросить просто так; ага, женщина успокоила карапуза, мягко, без единого громкого звука... Да, на память приходят сердитые вопли жены, пытающейся усмирить Макса; в одной из хижин развели огонь, из щелей повалил дым... то ли зобы греются, то ли готовят еду, и то и другое еще сегодня утром показалось бы совершенно невероятным; четыре мужика волокут плиту, видно, что она тяжелая... ага, один выпустил, другому досталось по пятке, аж вскрикнул...

«Сейчас драка будет, — подумал Алекс. — Ну ссора — точно».

Но зобы разобрались как-то очень мирно — пара скрежещущих «слов», кивок, и плиту поволокли дальше.

Случись нечто подобное у людей, ору было бы до самой колокольни, а виновник мог и в торец получить. Уж обиду ушибленный затаил бы точно, как толстяк Душан, пять лет назад попытавшийся зарезать собственного племянника.

Бог тогда помиловал, обошлось.

Алекс повертел головой туда-сюда и вновь не смог обнаружить никого, кто за ним наблюдал. Попытался встать, чтобы спровоцировать укрывшегося сторожа хоть на какие-то действия, но ничего не добился — пу-

ты позволили лишь слегка приподняться, и никто из зобов на это внимания не обратил.

Что за ерунда... ну ладно, нашим легче, выжидаем момент и бежим.

Осторожно, чтобы никто не заметил, Алекс вытащил меньший нож и аккуратно убрал под себя, чтобы в нужный момент быстро пустить в ход. Затем привалился спиной к камню и некоторое время отдыхал, глотая падающие в рот дождевые капли... поесть и попить было бы неплохо, но это потом.

Деревня зобов продолжала жить собственной жизнью.

Тут не было пьяных бездельников вроде того же Роба, да и вряд ли местные сумели додуматься до такой вещи, как брага... ну а даже если бы сумели, интересно, как бы она на них подействовала?

Алекс представил захмелевшего зоба... да, от человека отличий почти нет.

А ведь создания Зла... но при этом куда менее злобные, чем те же люди.

Как такое может быть?!

Нет, не думать, не думать!

Дождь прекратился, из разошедшихся туч на мгновение выглянуло солнце, теплое, почти летнее. Рядом никого, никто не смотрит, самое время для того, чтобы сбежать, ну или хотя бы попытаться.

Он аккуратно вытащил нож.

Лопнула одна веревка, другая, и Алекс для начала поднялся на четвереньки — для старта позиция отличная, а к тому же, пока пленник не выпрямился, боковым зрением трудно будет заметить, что с ним непорядок.

Несколько раз глубоко вздохнуть и сделать рывок...

На первом же шаге Алекс споткнулся и с трудом сохранил равновесие, под ногой захрустели мелкие камешки. Уловил донесшийся сзади удивленный вскрик, но оборачиваться не стал — когда удираешь, надо смотреть вперед и только вперед, одна секунда может решить все дело.

Сбоку появился кто-то, Алекс бросился в другую сторону, но шагу не сбавил.

— Аргхаааа! — завопили в стороне, и зобы начали вылезать из хижин, один появился из-за кучи развалин.

Проклятье, загораживает дорогу, да еще руки раскинул!

Алекс рванул вверх по склону кургана, сложенного из обломков, ходячий мертвец полез ему наперерез. Махнул ручищей, пытаясь цапнуть беглеца, но не достал, и сам не удержался на месте, съехал вниз.

Лодыжку дернуло болью, напомнили о себе ушибы, но Алекс надал еще.

Слетел на тропинку, петляющую по Каменному Лесу, и помчался по ней, не обращая внимания, что грудь ходит ходуном так, что едва не трещат ребра и что сердце лупит уже где-то в горле. Твердое и тяжелое ударило по затылку, второй метательный снаряд угодил меж лопаток, это оказалось очень больно, и он на мгновение сбился с шага.

Но деревня зобов уже осталась позади, и Алекс позволил себе оглянуться.

Так, погоня есть, но до нее метров тридцать, и бегут ходячие мертвецы так, что их хромой старик обгонит.

— Что, получили?! Суки! — заорал Алекс и сделал неприличный жест в сторону преследователей.

Внутри пузырилось торжество — он сумел, он сделал это, удрал!

Он будет первым, кто вернется в деревню, побывав в плену у зобов, первым, кто вырвался из их рук... и он обязательно расскажет друзьям и соседям, да и всем расскажет о том, что сегодня видел и узнал...

Но об этом потом, для начала надо выбраться из Каменного Леса.

Алекс побежал дальше, размеренно и спокойно, не забывая глядеть по сторонам и притормаживать там, где он не мог видеть далеко вперед — не хватало еще сейчас налететь на засаду или случайного зоба. Дорогу

он не запомнил, но отлично знал, в каком направлении нужно двигаться, чтобы выйти к родной деревне.

На восток, а там, как развалины закончатся, будет видно...

Пробежал мимо полуразрушенного громадного строения, похожего на рукотворную пещеру, оглянулся и перешел на шаг. Погоня отстала, а значит, можно поберечь силы и возблагодарить Святую Милу за спасение.

— Слава тебе, слава... — пробормотал Алекс и осекся.

Те мысли, что ранее он более-менее успешно отгонял, как-то разом всплыли к поверхности рассудка — о том, как сочеталось то, во что верили все в деревне, с тем, что на самом деле творится в Каменном Лесу, в той его части, где живут, да, именно живут зобы.

От недавнего ликования, радости освобождения не осталось и следа.

Вновь накатило желание, чтобы все, произошедшее сегодня, оказалось не более чем сном.

— Проклятье, — пробормотал Алекс.

Справа между кучами развалин он увидел ряд каменных столбов и понемногу начал узнавать места вокруг. Еще с километр, затем свернуть направо мимо небольшого озерца, и он выйдет к холму, где на них напал зоб.

Всего несколько часов назад, а кажется, что миновала целая вечность.

Но как, как после этой вечности вернуться в деревню?

Если он только заикнется о том, что увидел, все мигом решат, что от страха у Алекса съехали мозги. Получит он прозвище вроде Дурачок или Блаженный, и будет до конца жизни ходить под сочувственными взглядами сельчан... и под стыдливым, да именно что стыдливым, сына.

Отца с такой кличкой можно только стесняться.

— О Господи, Господи... — Алексу вновь стало жарко, как тогда, в плену.

Промолчать, солгать насчет того, что произошло в Каменном Лесу?

Нет, не выйдет... рано или поздно под хмельком язык развяжется, да и носить в себе правду тяжело, как вот рыжий Павло десять лет скрывал, что он отец рябой Марыськи, а потом взял и свихнулся.

Небеса карают за подобное... Но что же делать, что?

Алекс сам не заметил, как дошел до места, где произошла схватка Охотников с зобами, и тупо уставился на валявшееся у основания кучи обломков святое оружие... Это же то, что он сам сегодня утром взял из рук отца Иржи, но почему Томаш и Сиволапый не прихватили его, уходя отсюда?

Или они попали в плен?.. Но почему тогда он их не видел?

Тогда соратники, скорее всего, вынуждены были убежать, им оказалось не до чужого, свое бы сохранить.

— Неужели святая Мила подсказывает мне ответ? — Алекс наклонился и поднял оружие.

Если Охотник не вернется, то его семье помогут всем миром, не дадут пропасть, а Макс... Макс сможет гордиться отцом, что был сильным и смелым, но погиб, сражаясь с тупыми кровожадными зобами.

И никто, ни один ум не будет знать терзаний, в огне которых сейчас горел Алекс...

Как ты веришь, так оно и есть, и ни к чему сомневаться в догматах.

Зобы — исчадия Зла, дети Дьявола, а мы, люди, наделены душой и достойны рая, несмотря на все то, что творим с собой и окружающими.

— Да, так и есть, — повторил он вслух, после чего проверил, заряжено ли оружие.

Есть разные грехи, и самоубийство — один из самых тяжелых, но им ты навредишь только себе, а внеся смуту в десятки, даже сотни умов, сотворишь такую прелесть, что Дьявол расцелует тебя и назовет другом.

Алекс огляделся... ага, вон там подходящие руины, в них тело не найдут.

Полсотни шагов, и со всех сторон оказались каменные стены, местами потрескавшиеся, кое-где порос-

шие мхом. Он забился в темный смрадный закуток, непонятно для чего устроенный предками, и, не думая ни о чем, испытывая лишь облегчение, приложил холодный и твердый ствол к виску.

Выстрела не услышал никто.

ВЛАДИМИР ВЕНГЛОВСКИЙ

ЖЕЛЕЗНЫЙ ДУБ

- Скажи мне, что держит землю?
- Вода высокая
- Что держит воду?
- Камень очень плоский.
- Что держит камень?
- Камень держат чегыре кита золотых.
- Что держит китов золотых?
- Река огненная.
- Что держит тот огонь?
- Другой огонь, горячее того огня в два раза.
- Что держит тот огонь?
- Дуб железный, первым посаженный. Его же корни на силе Божией стоят.

Голубиная книга

«Ху-у-у-х! Ху-у-у!» — меха раздували горящее в горне пламя. Железная полоса раскалялась, меняя цвет от коричневого до белого, между которыми взгляд кузнеца различал еще множество оттенков. Вот железо краше губ Марички, вот оно уже желтое, как жаркое солнце летним днем, когда не хочется ничего делать, а только лежать в траве и смотреть на любимую, что заплетает в волосы цветы ромашки. Наконец полоса засветилась белым неземным сиянием. Остап выхватил ее из горна, положил на наковальню, поднял тяжелый молот и ударил по железу. «Бом-м-м!» Однажды Мыкола-пасечник пытался этот молот во двор вытащить — не получилось, выронил, о порог ударил.

«Бом-м-м! Бом-м-м!» — опускался раз за разом молот, летели искры — маленькие огоньки, гасли в наполненной холодной водой бочке, падали на пол, подхватывались в воздух. Железо прогибалось под ударами. Остап бросил изготовленную подкову в воду и улыбнулся. Скоро придет сватов к Маричке в Катюжанку. Кузнец зажмурился от теплых воспоминаний о прошлогодней ярмарке, где встретился с любимой. А когда открыл глаза, то увидел, что в кузнице уже не сам.

— Здравствуй, Остап, — сказал незнакомец. — Принимай гостя. Есть для тебя работа.

* * *

Страх пропитывал дымный воздух корчмы. Думали его утопить во хмелю, уморить славным табачком из люлек, а не получилось. Затаился он в глазах у мужиков. Поглядывает зорко. Ждет, когда на свободу вырваться криком, топотом, кровью на земле.

Стенка на стенку — не страшно. На коня понесшего вскочить да остановить на скаку с молодецким гиканьем — не страшно. А вот так ожидать невидимую смерть... Ой, *лышенько*, аж мороз по коже продирает!

— Наливайте, хлопцы, еще по одной! Давай, корчмарь, не скупись. Один раз живем.

— Видели, как небо пылало? В Озерянке упырей жгли, что добрых людей *потынали*. Это они, говорят, холеру принесли.

— Правильно! На костер двоедушников!

— А как поймали-то?

— Мальчишка один появился. Сам упырь, а своих выдал.

— Вот кабы и нам кто помог.

И — зырк друг на друга. Кто упырь, который холеру наводит?

Может, кузнец Остап, что в темном углу голову опустил и в кружку смотрит? Похож — лицо красное, как у ката, глаза блестят. Точно — упырь! Но кузнецам поло-

жено красными быть — огнем опалены. А если упырь — это дед Панько — длинноусый, седой, сидит, о стену оперся, сквозь сон на бандуре струны перебирает? Каждый слепому бандуристу налет — всем песню послушать хочется. Спит Панько, похоже, и не дышит даже. Может, прямо сейчас Панько людей и *потынает*. Недаром упырей двоедушниками зовут. Одна душа в теле, а вторая по свету гуляет — пакости делает. Возле Панька малец пристроился — поводырь зрячий, за свитку дедову держится.

Кто-кто, а пан Лещицкий — точно упыряка. За саблю схватился. В глазах хмель играет.

— Всех сейчас положу! Говорите, кто смерти моей хочет?

Сам — голота голотой, а саблю свою булатную, оружие обедневшего рода, не продаст никому. В прошлом году посыльный от графа Потоцкого приезжал, золотом звенел. Едва спасся от Лещицкого, и охрана не помогла.

Скрутили пана сейчас, как и тогда, заломили руки, хмель в горло влили — успокоился. Сидит, смотрит из подо лба. Врага высматривает. Только невидимый сейчас враг. Саблей его не разрубишь, пулей не возьмешь. Холера черной девкой гуляет меж людьми. Моровое поветрие не щадит никого — ни бедных, ни знатных. По пустым дорогам лишь ветер пыль крутит, да воронье каркает.

Проснулся Панько, ударил по струнам — вздрогнули мужики, потекло по столу разлитое пиво:

Не было ни Земли, ни Солнца,
Лишь ночь непроглядная.
Летел сквозь ночь Глаз Божий
Из тьмы во тьму.
Остановился Глаз, пустил Слезу — росинку чистую.
Народился из нее Сокол — птица первая,
Златое перо, развеявшее ночь.
Снес Сокол яйцо,

И вырос Дуб — Стародуб, Древо мира
Со звездами на ветвях.
Взлетел Сокол на вершину Дуба и молвил:
Я создал Вырий.

И вновь тишина в корчме. Только входные двери поскрипывают под порывами беспокойного ветра.

* * *

Я бежал по лесу вдоль дороги, бесшумно скользя меж ветвей. Нос щекотал запах крови, что бордовыми каплями просачивалась сквозь старые доски воза и впитывалась в дорожную пыль. Испуганный возница — совсем еще мальчишка, оглядывался по сторонам и что есть духу погонял тощую лошадь. Раненый лежал в грязной соломе и стонал, когда воз подпрыгивал на ухабах. На почерневших губах пузырилась кровь.

Запах. Слышу, ощущаю. Нет, не крови. Запах металла. Черной древней смерти.

Я взял след — Хозяин будет доволен.

* * *

— Хлопцы! У Остапа гость пришлый живет. А ну, коваль, говори, кто такой? Ты упыря привел, от которого хворь пошла? — подскочил Мыкола-пасечник к столу кузнеца. — А? Говори, сучий сын!

И откуда только прыть взялась? Сейчас встанет могучий кузнец и щелчком положит юркого, как пасюк, Мыколу на пол — отдохни, пасечник, отоспись после хмельного. Но Остап только глаза поднял.

— Родственник это мой дальний. Весть принес, Маричка померла. Не хочу я больше жить. Умереть хочу.

— Ех... Все мы тут умрем! Айда, хлопцы, проверим, что за родственник такой.

— Идем, братья!

Даже пан Лещицкий протрезвел — может, для сабли сегодня работа найдется?

— Упыряку терновым огнем палить надо!

— Не, хлопцы, ладная сталь — она всякую нечисть получше огня возьмет.

— А ты сиди, Остап, поминай Маричку.

Высыпали мужики с душного воздуха корчмы под свежий ветер. Корчмарь подошел к Остапу и молча налил пива. Слепой Панько тоже остался. Только руку на плечо мальцу опустил — сиди, не рыпайся. Успеешь еще на людское безумство посмотреть, все в жизни будет, если выживешь.

Остап выпил пиво, словно отраву; опустил кружку в липкую лужу на столе. Нет больше Марички, холера забрала. Для кого дальше жить? Пусть лучше черная девка за собой позовет.

— Деда, что это? Кто-то в окно заглянул! — вздрогнул мальчишка возле бандуриста.

Выпала из рук корчмаря кружка, разлетелась по полу осколками, впились в плечо поводыря вороньи пальцы Панька. Посмотрел Остап — нет никого. Только слепой бандурист невпопад улыбнулся — кто его знает, что у старого на уме?

— Показалось это тебе, сынок.

Поднялся Остап. Вышел. Отправился за мужиками к своей хате на околице. Ровно пошел, не шатаясь, как и не пил вовсе.

* * *

Воз въехал в село, вспугнув с дороги курицу. Запах Хозяина указывал на большую хату, пропитанную кислым хмелем. Помедлив мгновение, я пересилил неприязнь перед людским скопищем и помчался за возом. Подбежал к хате, заглянул в окно. Вон парубок, с которым Хозяин разговаривал. Металлом пахнет, но не злым, добрым. А еще огнем и искрами. Нет, дальше мне надо, аромат Хозяина зовет на другой конец села.

Там, где воздух наполнен еще непролитой кровью.

* * *

— А ну! Пропустите во двор!

Выхватил саблю Лещицкий — эх, славный у него клинок! Тут и пасечник рядом вертится, где-то успел вилы раздобыть. Кто с серпом стоит, кто с жердью. Толпятся мужики, переминаются с ноги на ногу. Тишина в доме кузнеца.

Пан Лещицкий ясным соколом взлетел на порог — где шляхта не пропадала! Рванул дверь... Дуло пистоля в грудь уперлось. Легко чужак держал оружие, как перышко. Казалось, так же, походя, и выстрелит. Попятился пан, чуть не упал.

— Ну, говорите, чего надо? — отозвался чужак.

— Упыря ищем!

— Проверить пришли!

Лещицкий приободрился, саблю поудобнее перехватил.

Казалось, что чужак насмешливо улыбался одними глазами. словно не замечал направленного оружия, не обращал внимания на затаившийся страх. одет чужак в старую свитку и шаровары. Поди проверь, обвязано или нет у него под коленом полотно из льна-сырца, которым упыри дырку на ноге закрывают. Да и лицо вроде не красное, а бледное. лысина на солнце блестит, на скулу черный с проседью чуб спускается.

— Так ты — казак? — выступил вперед Мыкола. — Может, ты характерник¹, а? Ты Моровицу призвал?

Молчит чужак, только краешком губ улыбается. куда-то вдаль смотрит. Кто-то уже и оглядываться начал.

Ворвался воз, заляпал грязью. соскочил с него парубок. Руки дрожат, назад оборачивается — не гонится ли кто следом?

— Лесорубов поубивали!

— Кто?! Давай, Грыцько, рассказывай, что случилось!

— Гей! Гляньте — тут Петро! Мертвый!

¹ Характерник (укр.) — казак, владеющий колдовством.

— Я ж спешил! Не довез... — Грыцько готов был по-детски расплакаться. Даже губы задрожали.

Не мог хлопец двух слов связать. Рассказывал, сбиваясь, махал руками. Не холера убила лесорубов, которым он харч возил — упыри погубили. Сам Грыцько нечисти не видел, успел только Петра на воз взвалить и обратно рванул.

— Молодец, парень! Храбрым казаком будешь. Вон Петро, царство ему небесное, спасибо оттуда скажет. Похороним по-людски.

— Смотрите, какие раны у Петра! *Хай йому грэць*, словно кто клыками рвал.

— Эге... Ничего себе зубы. Насквозь грудь пробили. Вернулась сабля Лещицкого в ножны.

— Вот где нечисть поселились — на просеке. Айда туда!

— Едем!

— Живи, характерник! — обернулся пан Лещицкий к чужаку. — Сначала с твоими друзьями справимся, а потом разберемся, что ты за птица.

— По коням, братья!

— Грыцько, стой!

Казалось бы, гомон вокруг, а услышал хлопец казака, обернулся, встретился взглядом.

— Не езд.

Властный взгляд — дрожь холодом пробежала по спине. Не воспротивишься.

— Ты был возле его смерти.

— Что?

Чужак уже стоит около воза, руку мертвецу на лоб положил.

— Подойди!

Чувствует Грыцько — не успокаиваются руки, еще больше дрожать начали. Удирать надо. Огородами, через заборы, забиться в отцовскую хату, в темный угол и сидеть тихо-тихо, чтобы не нашли. А ноги сами к чужаку идут. И никого вокруг из своих — ушли все.

— Возьми Петра за руку.

Взял. Рука холодная, тяжелая, будто свинцом налита. Чужак забормотал что-то себе под нос. Страшно Грыцьку. Но главное — не пустить страх дальше. Ты же храбрый казак, Грыцько Невдаха. Ты же не боишься...

Рука Петра шевельнулась.

— Держать! Не отпускай!

Держит. Будто со стороны за собой Грыцько наблюдает. Может, это уже душа его из тела вылетела? Нет — кажется, живой. Чувствует, как холодные задеревенелые пальцы ладонь сжали.

— Встань, Петро. Расскажи нам, что случилось.

Медленно сказал чужак, тихо. Сел мертвец. Смотрит неподвижными глазами, высохшие губы шевелятся. Хрипящие звуки вырываются изо рта. Кажется Грыцьку, что стоит он на поляне возле куреня лесорубов, окутанный молочным туманом, и вместо мертвеца слова произносит.

— Я видел черного колдуна, — заговорил Грыцько. — Потом — железо и смерть. Первым погиб Семен Буряк.

* * *

«Я еду принес!» — хочет сказать Грыцько, но не может, словно кто живицей губы намазал.

— Чего тебе? — Буряк проходит сквозь хлопца к деревьям, где появилась черная фигура незнакомца. — Чего надо? — вновь спрашивает он у пришлого.

Лесорубы не отличались приветливостью. Работа на панщине тяжелая. А тут еще нечистая какого-то проходимца принесла перед самым обедом. А тот идет молча, словно не замечает никого. Одет, будто колдун какой — плащ черный, капюшон на голове. Лица не видно.

Буряк подходит ближе к незнакомцу, вдруг вскрикивает, дергается и падает. Смотрит Грыцько — а вокруг лесорубы мертвые лежат. Захар Зозуля возле куреня стеклянными глазами в небо смотрит. Пузач застыл возле старой ели. Петро... Живой Петро — на ко-

лени встал, руками себе помогает, поднимается. Еще шаг. Еще...

Видит Грыцько, как змея железная из-под земли лезет. Выползла, блеснула сталью — и в Буряка, пробив грудь, вонзилась. Вздрогнул Буряк. Тело на глазах металлической корой покрывается. Идет Петро, а Буряк за ним.

«Беги скорее!» — хочет закричать Грыцько.

Не получается. Перекреститься — рука не слушается. Пробует бежать хлопец — ноги словно к земле приросли. Надвигается колдун к Грыцьку, а из-под капюшона вместо лица металлическая маска блестит, ровная, как зеркало. В ней бесконечная чернота бурлит и затягивает.

— Садовник? — хрипло спрашивает колдун.

Нет больше Грыцька, пропал, захватила его вечная ночь, в которой слышны забытые слова.

— Так мы договорились, Садовник, берешься за работу?

— Да, Повелитель. Но потом ты же разрушишь новую игрушку?

— Это мое дело. Я верю тебе. Ты еще ни разу не подводил.

— Да, Повелитель. Я выращу железное Дерево, и оно даст Зародыш новой Вселенной.

— Хорошо. Работай.

Возвращается Грыцько, ищет дорогу домой. Миллионы лет летит сквозь пустое пространство. Затем в далекой темноте вспыхивает огонек и через мгновение разлетается горящим облаком. Закручиваются огненные вихри, распадаются на отдельные звезды. Падает Грыцько и оказывается на каменной земле у ствола огромного Дерева, чья верхушка скрывается в вышине. Кора Дерева сверкает сталью, мощные корни пышут огнем, вгрызаются в мертвую землю. Грыцько хочет уйти, но ноги подгибаются, и хлопец падает на колени. Обугленная кожа лохмотьями сползает с тела. Горят мышцы, обнажая покрытые копотью кости. Грыцько пыта-

ется удержаться за землю пальцами, но они рассыпаются прахом, и мир вокруг погибает. Ветер сдувает пепел.

От Грыцька остается лишь тень на мертвой земле. Сон. Затем исчезает и он. Грыцько снова в призрачном лесу. Видит — хлопец идет, на самого Грыцька похожий, Мыкола-пасечник бежит, пан Лещицкий саблей размахивает. Знает Грыцько — погибнут они все: пасечника железный упырь разорвет, Лещицкий кровью захлебнется... Нет! Стойте! Не идите! Падает Грыцько. Лежит на земле, сосновая игла в щеку впилась. Видит, как двое стоят друг против друга. Чужак, который был в селе, и колдун. Шагов десять между ними. Кто они — друзья или враги?

— Здравствуй, Садовник, — говорит колдун. — Долго тебя ждать пришлось.

Только знает Грыцько, что не сможет услышать ответ чужака — затмило небо покрытое железом лицо Буряка, и падает сверху когтистая лапа. Грыцько заходится криком и смертью.

— Все, хватит! Очнись, парень! Ну же! — донеслись слова чужака.

Скомандовал он, и отпустило хлопца. Смотрит — лежит Петро на земле — мертвее не бывает, будто и не сидел только что на возе. Что это было? Сон или мираж, прошлое или будущее? Не помнит Грыцько, живет в нем только страх от кошмара.

Хотел хлопец перекреститься, как вдруг увидел...

* * *

Хозяин пристально посмотрел на кусты, в которых я прятался.

— Хорт, — сказал он, — иди сюда.

Бегу, чуть хвостом, как собака, не кручу. От радости оббежал вокруг, хлопца, что на возе ехал, правда, напугал — замер он с поднятой рукой.

Взбрыкнула лошадка, дернулась. Хозяин руку ей на морду положил, успокоил. А потом подозвал меня, схватил за голову, в глаза заглянул... И я утонул в черной круговерти. Звезды сверкают, галактики закручиваются. Возвращаться не хочется.

— Молодец, Хорт, — сказал Хозяин. — Нашел Врага. И меня по голове погладил.

— Готов к встрече?

«Готов! Готов! Хозяин, с тобой хоть на край этой Вселенной!»

— Поехали. Грыцько, правь своей лошадкой.

— К-куда? — Грыцько судорожно переводил взор с меня на Хозяина и обратно. — А П-петро?

— На вырубку поехали. А Петро тут полежит, дождется.

— Не-не поеду.

Хлопец попытался забиться под воз. Я зарычал, показав клыки. Через мгновение Грыцько уже схватил вожжи.

— Н-но!

Лошадка сдвинулась с места, воз запрыгал по ухабам. Едем. На выезде из села нас догнал кузнец, что пах теплым металлом.

— Подождите! — закричал он.

Взгромоздился Остап на воз, замер. Вместе так вместе, мне не жалко.

* * *

Темный лес обволакивали липкие сети. Остро пахло хвоей и кровью. Жужжали толстые мухи. Среди густых елей виднелся курень лесорубов.

— Свят-свят-свят! — перекрестился Мыкола.

Пусто, безлюдно. Нет нигде ни живых, ни мертвых. Как и не было никого. Пауки меж стволов шевелятся, тенета ткут.

Поубавилось у хлопцев прыти. Друг к дружке ближе подступают. Мыкола намертво вцепился в вилы. Мысли тревожные в голову приходят. А если развер-

нуться да в кусты — и к дороге? Подальше от места, где смерть за каждым деревом чудится. Нет, нельзя. Вроде ж не трус, и казаки в роду были. Вон, говорят, прадед на Сечь сбегал. Было дело. Давно, правда. Тóлько чего сердце к горлу подпрыгивает и ноги предательски дрожат? Надо пример с пана Лещицкого брать — идет впереди, словно петух боевой.

— Стой! — поднял руку Лещицкий. — Смотрите, вон кто-то есть.

— Хлопцы, так это ж Захар Зозуля!

— Эй, Захар!

— Тихо ты! Может, он упырь уже!

— Да какой упырь, — выбежал вперед Мыкола. — Это же мой друг! Захар, что здесь... А-а-а-а!

Вздروгнули хлопцы. Завизжал поросенком на забое Мыкола — это Захар развернулся и схватил его за руку, вывернул до белой кости. Брызнула кровь на безглазое лицо упыря.

— Ах ты, *пся крив!*.. — Пан Лещицкий подскочил и саблей, с замахом — р-раз! Получай, вражье отродье!

Славная сабля у пана! Рука упыря с металлическим звоном отлетела в сторону.

— Упыря! Упыря бейте!

— Меня ищите?

Тишина окутала лес, словно холодом повеяло. Хриплый голос, чужой. Лещицкий замер с поднятой для удара саблей. Колдун стоял на краю поляны. Лица нет — черная маска усталилась.

— Получай!

Быстро пан двигается, почти незаметно. И как возле колдуна оказался?

Славный удар у Лещицкого! Таким кабана на охоте с одного маху — только хрюкнет бедняга. А человека — так от шеи до пояса раскроит.

«Дзынь-нь-нь», — брызнул металл во все стороны, поцарапав щеку.

— Да что же это? — Лещицкий поднял к глазам осколок булатной сабли. — Пся к... Хр-р-р... — захрипел пан, упал, схватился за разорванное горло.

Засмеялся колдун или нет? Почудилось...

— А-а-а-а! Спасите!

Это пасечника упырь схватил целой рукой. А колдун идет. Сломалось что-то в толпе.

— Бежим!

— Спасайтесь, хлопцы!

— Изыди, сатана!

И хрип Мыколы, страшный, захлебывающийся.

Деревья мелькают, ветки бьют по лицу. Спаси и сохрани! Вон тень за деревом. Еще одна! Еще. Это мертвые лесорубы поднялись? Не узнать никого — маски везде черные, будто людей железом залили.

Едва слышный смех колдуна раздавался над лесом.

* * *

Грыцько стоял и смотрел на упыря. Зачем он только пошел с чужаком и сумасшедшим кузнецом? Упырь, ранее бывший Буряком, пыхтел и надвигался. Кроме упырьского «ух ... ух ... ух», слышно было только, как трещат ветки под ногами. Наконец Грыцько пересилил страх, повернулся, дернулся... Корень попал под ноги, и хлопец полетел кувырком на землю. Острые сосновые иголки впились в щеку.

«Все, конец, — мелькнула мысль. — Господи, спаси и сохрани!»

Обернулся Грыцько. Смотрит — двое стоят: чужак и колдун. Шагов десять между ними.

— Здравствуй, Садовник, — сказал колдун. — Долго тебя ждать пришлось.

Наклонилось над Грыцьком покрытое железом лицо Буряка. Падает с неба когтистая лапа, приближаются острые когти. Зажмурился хлопец — все как в страшном сне. Затем открыл правый глаз — почему смерть

медлит? Чьи-то руки голову упыря схватили. Это же Остап-кузнец! Сильный он, с металлом привык работать. Двинул кузнец плечом — только хрустнуло. Рванулся упырь, руками замахал и затих.

— Спа... Спасибо, Остап! — прошептал Грыцько. — Беги, спасайся. Антихрист пришел. Что же ты?!

Остап отпустил руки, упырь неподвижной кучей свалился на землю. Кивнул кузнец, прислушался. Грыцько тоже затаил дыхание.

Стоят двое, смотрят друг на друга.

— Наконец-то ты пришел, — снова заговорил колдун. — Это место сева. Но где Дерево? Где Урожай? Плод давно должен был созреть. Я прибыл, но не нашел Древа. Только гумус и отключенную систему защиты. Пришлось включать ее самому.

— Зато тебя найти несложно, — ответил чужак. — Ты всегда приносишь с собой смерть, которую здесь называют холерой. Я не могу защититиь от нее всех.

— Кто же виноват, что моя микрофлора действует на гумус, как смертельная болезнь? Ты не отклоняйся, Садовник. Отвечай, когда спрашиваю.

— Зачем? Ты все равно не поймешь.

— А ты попробуй, — сказал колдун, опершись о сосну. — Мне нужен ответ, чтобы не ошибиться с другим исполнителем. Скажи, где обещанный Плод? Ты посадил Дерево, и Плод-Зародыш новой Вселенной — моей Вселенной! — должен был уже созреть. Где он?

— Вокруг нас не гумус, — тихо сказал чужак. — Впервые на планете-усадьбе зародился разум.

— Разум? Вот *это* ты называешь разумом? — Колдун кивнул в сторону Грыцька с Остапом. Хлопец съелся. Кузнец не шелохнулся.

— Да, разум. Я уничтожил Дерево, пока оно не погубило планету.

— Ты?! Уничтожил?! — Колдун шагнул вперед. — Ради этих?! Но где созревший Плод? Где он? Отвечай!

Колдун остановился, будто натолкнувшись на острый взгляд чужака.

— Где? Плод? — тихо повторил он. В голосе звучала холодная смерть.

Чужак молчал.

— Ах ты!.. — Колдун выхватил из-под плаща длинную трубку.

— Хорт! — закричал чужак.

Грыцько увидел, как над кустом мелькнула светлая тень и вцепилась в руку колдуна. Вылетевшая из трубки молния ударила в землю.

* * *

Как давно я хотел этого! Даже ощущал во рту сладостный вкус металла. Я мечтал вцепиться в горло Врага — Хозяин, только прикажи, и я... Наконец-то!

«Хрр-р-ра!»

Ломаются мои зубы, крошится металл. Рот наполняется вкусом крови и железа. Доспехи прогибаются под клыками. Хозяин, я убиваю для тебя! Нет, я убиваю для себя самого! Дай только добраться до его горла.

Тяжелый кулак опускается на голову, и я на мгновение теряю сознание, падаю на землю. Но тотчас же вскакиваю. Я могу сражаться! Ничего, что ноги дрожат. Я встаю, Хозяин, встаю.

— Ты не сможешь ничего сделать, Садовник. Ни ты, ни твой зверь, — говорит Враг. — Я неуязвим, ты же знаешь. Спрашиваю в последний раз: где Семя?

Хозяин поднимает правую руку. Между указательным и большим пальцами он сжимает пулю.

* * *

— Нет... — сказал колдун. — Нет, не может быть! Ты не мог переплавить Плод! Так нельзя! Погубить Зародыш Вселенной? Сумасшедший!

Колдун поднял свое оружие, но чужак давно уже взвел пистоль. Грянул выстрел. Где-то закаркала пере-

пуганная ворона. Колдун схватился за плечо и упал на землю, выпустив из рук трубку.

«А кровь все же красная», — злорадно отметил Грыцько, наблюдая за струйкой, бегущей между черными пальцами.

— Ничем, говоришь, тебя не взять... — Чужак не спеша прочистил дуло и засыпал порох. Аккуратно вложил пыж и новую пулю. — Эти пули выплавлены из Зародыша Вселенной.

Колдун попытался дотянуться до оружия. Чужак подошел ближе, поднял пистоль и выстрелил. Голова колдуна дернулась. Из дыры посреди металлического лица заструилась красная струйка. Хорт подбежал и вцепился зубами в лицо-маску. Кровь сразу окрасила белый мех в багрянец.

— Пойдем, Хорт. — Чужак опустил руку на холку зверя и почесал его между ушами. — Мы сделали, что нужно было.

Грыцько и Остап долго смотрели им вслед, пока чужак, которого колдун называл Садовником, не скрылся за деревьями. А за ним ковылял большой белый волк.

* * *

— Ушла холера, — улыбнулся слепой Панько. — Прогнали Моровицу.

— Правда, деда? — спросил поводырь.

Вместо ответа Панько закрыл глаза и ударил по струнам. Он пел для своего внука-поводыря. Пел для корчмаря. Пел для самого себя:

Долго думал Род-Сокол
И снес два яйца — черное и белое.
И родились два великана — Белый и Черный.
И биться начали смертным боем,
Сказал тогда Сокол — остановитесь!
Я даю вам Слово и Разум.
Теперь вы Белобог и Чернобог.
Добро и Зло.
Красота и Уродство.

И вы будете вечно,
Потому что вы и есть жизнь.
И те, что придут, узнают, зачем живут на свете
Там, где рос великий железный Дуб.

Дверь скрипнула, и в корчму вошел кузнец. Молча снял шапку. Корчмарь налил ему пива. Прежде чем опрокинуть кружку, кузнец положил на стол то, что просил его сделать чужак. Раскрутил щелчком пальцев, и корчмарь с поводырем долго смотрели, как на столе крутится маленькая, но тяжелая железная пуля. Одна из тех, что оставил кузнецу на хранение Садовник.

* * *

— Эх ты, волчара. — Хозяин почесал меня за ухом. Он сидел на бревне возле нашего куреня в лесу и раскуривал люльку. — Славный табачок мы сегодня раздобыли.

«Да, Хозяин, да. Славный. Только дым за нос щиплет».

— Все время ты со мной соглашаешься. Хоть бы раз поспорил.

«Да, Хозяин. Поспорю».

— Врешь, небось. Ну, да ладно. — Хозяин выпустил дымное колечко. — Вот мы с тобой теперь без работы. Дерево выкорчевали. Заказчика убили. Помнишь, какое знатное Древо было? Не такой я уж плохой Садовник, а?

«Хороший Садовник. Хороший!»

— Даже Плод успел созреть.

Хозяин вытащил из кармана несколько пуль и задумчиво повертел их на ладони.

— Жизнь... Разум... А такая новая Вселенная могла получиться. Жаль, что не наша. И спасибо нам никто из местных не скажет. Остались мы здесь сами, Хорт. Навсегда. Вернуться не сможем.

«Но я же с тобой», — посмотрел я в глаза Хозяину и опустил голову ему на колени.

ЛЕДЯНАЯ СИМФОНИЯ

— «Тибальди считает...», «Тибальди не может...» — проворчал пилот и с силой задвинул дверцу копитера.

В кабине сразу запотели стекла. Снаружи было минус шестьдесят один градус по Цельсию, и на открытом воздухе влага мгновенно вымораживалась, а в закрытых помещениях конденсировалась, превращаясь в пушистый иней.

Пилота звали Франсуа, это был толстый и угрюмый уроженец юго-запада Франции. Продолжая на чем свет стоит поносить Тибальди, он быстро двигал руками, заученными движениями запуская бортовые системы копитера. В кабине вспыхнул свет, вздохнули и жарко задышали калориферы, зажужжали скрытые за панелями вентиляторы системы обогрева, несколько раз успокаивающе пискнул бортовой компьютер.

— Все итальянцы — лодыри и пьяницы, — громогласно завершил тем временем свой монолог пилот и устало откинулся на спинку кресла.

В своем интерактивном шлеме с массивным зеркальным визором он напоминал гигантскую стрекозу, обожравшуюся комаров. На визоре явственно просматривались отпечатки пальцев — то ли томатный соус, то ли джем. Не знаю, вкусны ли комары с джемом, но руки после еды неплохо бы мыть даже толстым стрекозам.

В кабине пахло пластмассой, потом и почему-то лимонным соком. Впрочем, вскоре я понял, почему — над моей головой был закреплен дезодоратор с кассетой лимонного запаха. С детства ненавижу лимоны — в них есть что-то медицинское, больничное.

— Запускаем, — не то спросил, не то сам себе решил пилот и повернул ключ. Взвыла турбина, копитер вздрогнул, словно живой, и я услышал, как над нами зашевелились, сдвинулись с места и, наращивая обороты, пошли рубить мертвый воздух семиметровые металлопластиковые лопасти соосных главных винтов.

Коптер подпрыгнул. Занесенные снегом оранжевые модули станции и береговые торосы провалились вниз. Сразу стало темно, слепящая мгла прилипла к стеклам. Пилот шумно сопел в микрофон, потом созрел и выдал финальную фразу ненависти к Главному диспетчеру:

— Тибальди решил, что он Господь Бог, а от самого чесноком воняет.

То, что, в отличие от лимонного дезодоратора, он кабины явно не озонировал, пилота, видимо, не волновало. Я продолжал молчать. Куда больше Тибальди меня занимало предстоящее задание, а точнее, то, когда я с него вернусь.

* * *

Собственно, я и не должен был сегодня лететь на станцию номер Двенадцать. И вообще никуда я лететь был не должен, потому как дежурным инспектором значился Бенгал Сингх, а у меня накопилось целая куча отгулов, и шеф лично дал «добро» на отдых — в здешних краях люди, если им не давать передышек и пауз, бывает, сходят с ума.

Но в самый последний момент здоровяк Бенгал слег с плевритом, и когда я уже собрал сумку и готовился к посадке на рейсовый снегопоезд, чтобы спустя девять часов оказаться на Центральной и как следует оттянуться с Вики — у нее в комнате забавный интерьер, а экстерьер хозяйки еще забавнее, — пришло распоряжение срочно вылететь на Двенадцатую. Как сообщил мне шеф, работающая там третий месяц научная группа пропустила три обязательных сеанса связи и не отвечала на запросы.

— Еохан, — непреклонным голосом пророкотал шеф со своим варварским акцентом, — я все понимаю — отгулы, Центральная, бар, крошка Вики, четвертый номер... Но послать больше некого, а там, на Двенадцатой, что-то не так.

— Со вчерашнего вечера Хольмский пугает весь материк какой-то дикой магнитной бурей, — глядя в сто-

рону, сказал я, уже понимая, что лететь все равно придется.

— Они замолчали три дня назад. Тогда еще не только Хольмский, а и сам Господь Бог, наверное, ничего не знал об этой буре. В общем, бери коптер и дуй. Раньше сядешь — раньше выйдешь, — и шеф отключился.

Про «раньше сядешь» — одна из его любимых приключений. Поговаривают, что она осталась с тех времен, когда он работал в службе безопасности одной транснациональной корпорации, той самой, что едва не развязала мировую войну в двадцатом году. Впрочем, вот о чем я меньше всего хочу знать, так это о скелетах в шкафу у нашего шефа. В конце концов, до Двенадцатой шесть часов лету, погода нормальная, а у ученых наверняка просто сломалось оборудование связи.

Слетаю, проверю — и завтра уже буду на Центральной. Интересно, откуда шеф узнал про то, что у Вики четвертый номер?

* * *

Коптер идет на девятистах метрах. Внизу — словно Творец застелил все огромной простыней. В темноте снег едва заметно светится. Эта мягкая флуоресценция пугает — сразу вспоминаются жуткие в своей безысходности легенды северных народов про инистых великанов, горных троллей и прочая дьявольщина.

Про здешние места легенд не сложено по причине полного отсутствия слагателей. «Здесь птицы не поют, деревья не растут и только мы к плечу плечо...» — строчка из еще более жуткой, чем фольклор скандинавов, песни, которую любит шеф. Шеф русский, песня русская — это объясняет многое, если не все.

Заснеженная равнина уходит к далекому горизонту, но темнота и поземка скрадывают расстояние. Ветер внизу пока весьма умеренный, девять метров в секунду. Влажность, давление, температура — все в норме для этого времени года.

Все в норме, кроме того, что произошло на Двенадцатой.

История появления этой станции такова: лет пятнадцать назад во время глубокого сканинга ледника экспедиция Герхарда—Дубинина обнаружила в толще ледникового массива несколько глубоких трещин сверхвысокой глубины. Судя по показаниям приборов, они пронизывали четырехкилометровый слой льда практически до скального основания, что позволяло изучить геологическое строение материка без затратного бурения, а кроме того, в нижних частях трещин было зафиксировано существенное увеличение влажности воздуха, и Дубинин высказал предположение о существовании подледниковых полостей с собственным микроклиматом, и, возможно, уникальным, реликтовым биоценозом. Воздух из этих полостей и проникал в трещины через систему ледяных гротов, повышая влажность.

Исследование трещин, названных «разломами Герхарда — Дубинина», включили в план, и через год у устья самого большого из четырех разломов была основана научно-исследовательская станция, получившая, по иронии судьбы, тринадцатый порядковый номер, но входившие в руководство Комитета по изучению материка аргентинцы и чилийцы, люди традиционно суеверные, настояли на изменении номера, и станция из тринадцатой стала двенадцатой.

Работы шли ни шатко ни валко — для начала все четыре разлома были перекрыты герметичными конструкциями, затем началось обустройство спусков. Из-за недостатка финансирования Двенадцатую несколько раз консервировали, работы то останавливались, то возобновлялись, пока наконец в сорок шестом в разломе номер два группа профессора Никамуры не достигла грунта и не было официально объявлено, что никаких подледниковых пещер не обнаружено, а влажность воздуха повышена из-за таяния льда в приземном слое.

С тех пор третий год на Двенадцатой работали только геологи, сменявшиеся каждые четыре месяца. Ны-

нешняя группа в составе болгарина Стефана Римчева, англичанина Чарльза Оуэна, перуанки Авроры Мерида и израильтянки Лилии Канкун через месяц должна была покинуть станцию, уступив место следующему «экипажу».

Собственно, это была вся доступная мне информация по Двенадцатой. Ничего примечательного. Я бы даже сказал — рутина.

Коптер мерно покачивало. Франсуа в такт подергивал головой — я слышал, что у него в шлеме играла музыка. Ну и пусть себе, а я отправлюсь в гости к Морфею. Устроившись поудобнее в кресле, отключаюсь.

— Свет! — прохрипел в наушниках голос толстого Франсуа. — Двенадцатая. На запросы не отвечает. Снижаюсь.

Я глянул на часы — ого! — подался вперед, всматриваясь во мглу за стеклом кабины. Поначалу мне показалось, что пилот ошибся, но вскоре и я разглядел среди мертвого мерцания снегов теплую искорку посадочного маяка.

— Ветер усилился, — сообщил пилот. — Уже шестнадцать метров. Внизу болтать будет. Если дойдет до двадцати, то не сяду.

— Почему?

— Снесет. Потом не вытяну на взлет.

— Но у меня задание!

Пилот повернулся ко мне равнодушно-безликим взором с отпечатками пальцев, дернул плечом.

— Спущу на «качелях».

Я отрицательно покачал головой.

— Так не пойдет. Вдруг там пострадавшие, им потребуется срочная эвакуация?

— У меня инструкция! Я подожду на высоте. Десять минут, — безапелляционно заявил пилот. — Ты дойдешь до станции, вызовешь меня. Если все нормально, заберу тебя завтра, сводка по погоде хорошая.

— А если не нормально?

— Ну, тогда сяду! — с досадой рывкнул он и отвернулся.

В этот момент я подумал, что неизвестный мне диспетчер Тибальди, наверное, вовсе не такой уж плохой человек, и еще о том, что таких вот дундуков нельзя сажать на наши рейсы — сотрудники службы чрезвычайных ситуаций всегда должны быть готовы сделать немного больше, чем положено по инструкции.

«Качели» — это пластиковое креслице с ремнями, висящее на четырех монофильных кевларовых тросиках в грузовом отсеке коптера. При необходимости креслице заменяется на пластиковое же «корыто» — в нем эвакуируют раненых и больных.

Коптер завис прямо над занесенной снегом площадкой. Оранжевые посадочные огни тревожно вспыхивали внизу. Ветер и вправду усилился и достиг-таки двадцати метров в секунду, но дул порывами.

— Я тебя быстро опущу, — зазвучал в наушниках Франсуа. — Попадем между «порциями», тогда не снесет.

Мысленно поблагодарив «благодетеля», я уселся на «качели» и застегнул ремни. На серой металлической стене грузового отсека какой-то шутник или придурок — я замечал, что часто это одно и то же — нацарапал «Memento morе».

— С Богом, — донесся до меня сквозь треск помех голос пилота.

Нижние створы грузового отсека разъехались, и я буквально рухнул в метельную круговерть.

* * *

Во все времена главными врагами человека — и всего человечества — были не дикие звери, не голод и холод, не злые иноплеменники или коварные братья по крови, но, допустим, не по вере, и даже не незримые микроорганизмы и не смерть в конечном итоге.

Нет, главный враг *homo sapiens* всегда был нематериален, незрим и, возможно, именно по этой причине,

непобедим. Он с одинаковой эффективностью одолевал и мудрецов, и недалеких людей, и богачей, и бедняков, и сильных, и слабых. Ему не было дело до того, есть ли у человека заслуги и достижения или он жалкий неудачник. Перед ним трепетали властители могущественных империй и последние нищие, не имевшие крыши над головой.

Имя этого врага — страх. Он уравнил всех.

И вся история человечества — это история борьбы со страхом. В этой борьбе люди изобрели оружие, религию и алкоголь, шумные празднества и коллективные молебны. Все для того, чтобы победить страх.

Он бывает разным. Страх одиночества и страх неизведанного. Страх смерти и страх перемен. Страх потерь и страх ответственности. И еще сотни, а то и тысячи разнообразных страхов и фобий, что преследуют человека в этой жизни.

Из-за страха начинались войны, которые уносили миллионы жизней. Страх управлял беженцами и теми, кто закрывал перед ними границы. Страх приходил в лачуги и комфортабельные современные жилища и там с равным успехом сводил людей с ума.

Во все времена существовало совсем немного тех, кто мог пересилить страх и оказаться вне его, в особой «зоне спокойствия», там, где эмоции не властвуют над разумом.

Научно-технический прогресс не изменил ситуации. Человечество, несмотря на медицинские препараты, особые методики и психотренинги, все так же остается коллективным рабом страха, мало того, это рабство сделалось еще более всеобъемлющим из-за увеличившегося количества факторов, провоцирующих людей на это чувство.

Конечно, в нашей службе все сотрудники подбираются по особым психоэмоциональным критериям и проходят специальную подготовку. Проще говоря, мы не боимся львиной доли того, чего боится обыватель. Но абсолютно бесстрашных людей не бывает, мало то-

го, бесстрашие вредно для нашей работы, потому что создает иллюзию могущества.

Шеф часто говорит: «У страха глаза велики». Шефу легко, он у нас, я уже говорил, русский, впрочем, как и большинство старших офицеров. Я работаю с ними далеко не первый год и думаю, что русские — это не нация, а что-то вроде религии или секты. Этакая ста двадцати миллионная секта трудоголиков-фаталистов. И если им для чего-то нужно победить страх, они просто берут — и побеждают его.

Я же, как и большинство цивилизованных европейцев, так не умею. Я боюсь многих вещей — пауков, летучих мышей, замкнутого пространства...

И высоты.

Но я — сотрудник службы по чрезвычайным ситуациям, и поэтому, когда возникает необходимость, я заговариваю свой страх поглубже и спокойно падаю с тридцатиметровой высоты.

Про «спокойно» — это, разумеется, ложь. Пульс за сто двадцать, ладони мокрые, спина тоже, но это никого не волнует. Вновь процитирую шефа, даже дважды: «Главное — результат» и «Сделай или умри».

Вам все ясно?

* * *

Снега на посадочной площадке немного, по щиколотку. Торопливо отстегиваю ремни, выбираюсь из «качелей», вызываю коптер.

— Борт, я на грунте... тьфу ты... На снегу!

— Понял! — прорывается сквозь помехи голос пилота. — Ветер... ждать... десять минут!

— Что?! Повтори, не понял!

— ...усиливается... десять...

И сплошной треск в эфире. Черт бы побрал эту магнитную бурю, похоже, она уже началась. И еще ветер. Он и вправду усиливается. Фактически началась метель. Пилот, как его там, Франсуа? Так вот, этот самый Франсуа, в сущности, все сделал правильно. Если бы он

сел, то действительно не сумел бы взлететь. Мы застряли бы на Двенадцатой дня на два, а то и на три, и Тибальди потерял бы еще один коптер, что явно не прибавило бы ему хорошего настроения. Но всех этих «бы» не случится.

Станция под порядковым номером Двенадцать имеет стандартную трехмодульную компоновку. Научно-штабной модуль, жилой модуль и склад расположены в виде трехлучевой звезды. В идеале они должны быть соединены крытыми переходами, чтобы не нарушать климатический режим в помещениях при переходе из модуля в модуль, но, начиная со станции номер Восемь, расположенной у подножья горы Керкпатрика, переходы не монтируются — какие-то проблемы с поставщиками — и все модули снабжаются специальными тамбурами со шлюзовыми камерами.

Окна на станциях имеют овальную форму и по традиции именуется иллюминаторами. В научно-штабном модуле Двенадцатой все иллюминаторы освещены. Это внушает надежду на благополучный исход дела. Скорее всего, у ребят сломался передатчик, а у аварийного не хватает мощности пробиться сквозь магнитную бурю. В высоких широтах эти бури — сущее наказание. Они могут еще и не начаться, а связь уже отказывается работать, так сказать, в предвкушении.

Спутниковые средства в этом случае бесполезны, всякие длинно- и средневолновые передатчики тоже. Лишь переносные радики, старые добрые уоки-токи, позволяют держать тактическую связь, но их предел — десять километров, и точка.

Станция совсем рядом. Вызываю ее на нашей, аварийной частоте — тишина. Внутри холодеет, но тут же приходит успокоительная мысль о том, что у ребят просто не включена рация. Коптера они не видят, за воем ветра не слышат и о моем прибытии не знают. В общем, никакой паники, мне осталось сделать с дюжину шагов до тамбура — и я все узнаю.

Пытаюсь вызвать Франсуа — бесполезно. В эфире сплошной треск и фоновый шорох, порождаемый взбесившимися частицами, извергнутыми из недр нашей звезды. Оборачиваюсь. Коптер висит на прежнем месте, сияя огнями. Он похож на какой-то новогодний девайс.

Порыв ветра бросает мне в лицо пригоршню снега. На мгновение светящиеся теплым, домашним светом окна модуля исчезают в метельной круговерти. Проклятье, надо спешить. Я знаю не менее десятка историй о людях, которые были застигнуты метелью буквально у стен станции, но теряли направление и уходили в снега.

И я видел этих людей потом, когда их находили — если находили — и привозили к нам. Черная кожа, скрюченные пальцы, замерзшие глаза... Почему-то у тех, кого убивает холод, глаза всегда открыты.

Моргом на Центральной заведует человек с веселой фамилией Обэрнод. Бледненький, с красными жилками на носу и выцветшими глазками. У него есть странная привычка расхаживать по моргу, почесывая спину арбалетной стрелой. Покойников он выкатывает для следственных действий лично и всегда с интересом наблюдает за реакцией посетивших его обитель Танатоса.

Они, убитые холодом, лежат, задрав щетинистые подбородки. А еще все они улыбаются. Я не припомню ничего ужаснее этой улыбки, хотя я повидал на своем веку немало вещей, от которых у обычного человека волосы станут дыбом. Одна только зачистка в Претории чего стоит, когда против нашего взвода из трущоб вышло не меньше тысячи обдолбанных боевиков «Черного фронта» с ожерельями из человеческих пальцев на шеях...

В общем, к дьяволу воспоминания. Я бегу к станции, с трудом выдирая ноги из рыхлого снега. Вот и соединенные фалрепом вешки, указывающие путь к тамбу-

ру. Сквозь метель проглядывают лазерные маркеры у дверей. Снова оборачиваюсь и вижу, как тусклые огни коптера начинают удаляться, одновременно поднимаясь. Пилот не стал дожидаться окончания им же самим установленного десятиминутного срока и улетел. Кто-то скажет — сбежал, но этот кто-то не видал здешних метелей.

По крайней мере, я ни в чем не виню этого Франсуа. Метель когда-нибудь да прекратится, а вот если коптер совершит вынужденную, это выйдет боком всему Комитету по освоению.

Тамбур. Набираю стандартный код. Он един для всех станций — зачем, а главное, от кого придумывать замысловатые шифры? Шесть нолей и единица. Пронзительно пищит электромагнитный замок, дверь распаивается.

Ну, вот я и на месте.

* * *

Внутренняя дверь открывается с характерным чмоканьем силикогерметизатора. Машинально смотрю на строчку анализатора атмосферы, выведенную на внутреннюю поверхность визора — воздух пригоден для дыхания. Это важно, а то всякое бывает. Однажды, например, на счастливой Семерке сработала аварийная «супернадежная» система пожаротушения — и девять человек задохнулись от газа.

Отстегиваю шлем, оглядываюсь — и сердце сжимается от дурного предчувствия.

Наверное, подобное чувство испытывал капитан Дэвид Рид Морхауз и матросы с «Деи Грация», когда поднялись на борт злосчастной «Марии Целесты».

Научно-штабной модуль Двенадцатой сияет огнями. Горят даже две настольные лампы и свет в уборной. Работают компьютеры и рация, включен телевизор — он показывает «белый шум».

Дверь в лабораторию открыта настежь, за нею виден спектрограф и электронный микроскоп — оба включенные.

И ни души.

Собственно, я это понял, едва переступив порог модуля. Присутствие человека ощущается сразу, шестым чувством, если хотите. В данном случае это самое чувство молчит.

— Эй! — кричу на всякий случай, для очистки совести. — Здесь инспектор Службы чрезвычайных ситуаций Комитета по освоению Йохан Миккели! Отзовитесь!

Тишина, нарушаемая лишь шуршанием телевизора и доносящимся сквозь стены воем ветра. Со стены, с голографического календаря, мне весело улыбается озорной кролик, символ прошлого года.

Все, инспектор, игры закончились, началась твоя работа. Действуй.

И я начинаю действовать. Быстрый осмотр всех помещений не дает никаких результатов — модуль пуст. Судя по некоторым оставленным предметам — электрочайнику с водой, печенью в вазочке, — люди покидали его, намереваясь вернуться, но вот когда это произошло?

На столе лежит включенный букридер. Я смотрю на экран — открыта сорок седьмая страница файло книги какой-то Anna Matveeva «Pereval Diatlova» на русском или болгарском языке, я все время путаю их кириллицу. Букридер читал, судя по всему, Римчев. Как долго гаджет пребывает во включенном состоянии? Букридеры, подобные этому — с экранами на «электронных чернилах» e-ink, — не разряжаются неделями.

Пытаюсь по спикофону вызвать жилой модуль и склад — тишина. Сажусь к рации, вбиваю позывные нашего центра связи — нужно доложить о прибытии и первых результатах, но эфир забит помехами так же плотно, как воздух над станцией снегом.

Надо идти в жилой модуль, потом осматривать склад. Придется пристегнуться к скобе у тамбура. Тонкий фал из кевлара не даст мне заблудиться в снегу.

Перед выходом делаю пометку на доске для записей, висящей у двери — ставлю дату и фамилию. До меня на доске никаких записей не было, что странно...

* * *

По загадочному стечению обстоятельств, которое русские именуют «закон подлости» (спасибо, шеф!), метель стихает через несколько часов после того, как улетел коптер. Связи по-прежнему нет.

Обследование жилого модуля и склада не дало никаких результатов. Складывается впечатление, что персонал станции был эвакуирован инопланетянами, причем по согласию ученых. Они заправили кровати, утилизировали мусор, сложили вещи — и погрузились на летающие блюдце.

Или ушли.

Но куда?

Вот уже три часа кряду копаюсь в компьютерной сети станции. Ничего необычного, все штатно — рабочие программы, записи об исследованиях и экспериментах, файлы отчетов, личные файлы (по большей части фотографии родных и близких), фильмы, музыка...

Муляж. Это слово всплывает из подсознания и маячит передо мною, словно воздушный шарик. Все здесь — и эта образцово-показательная станция, и четверо геологов, и заправленные постели, и букридер — словно бы один большой муляж, ширма, за которой скрывается какая-то зловещая тайна.

Здесь нужно не одинокого инспектора из СЧС, а полнокомплектную бригаду следователей из службы безопасности Комитета.

Связь, мне нужна связь! По сути, вся наша цивилизация сегодня — это каналы обмена информацией и линии связи. Без коммуникации мы — ничто...

Так, отставить рефлексию. Метель стихла, закончится когда-нибудь и магнитная буря. У меня есть время, и я должен, обязан разобраться, что произошло на станции под номером Двенадцать.

Возвращаюсь к компьютеру. Пытаюсь понять, над чем трудилась четверка геологов в последнее время. В файлах отчетов бросается в глаза слово «трещина»: «повторных спуск в трещину», «необходимость нового спуска в трещину», и даже «пора вновь посетить трещину».

Трещина — это один из разломов Герхарда — Дубинина, тот самый второй. Фактически — щель во льду шириной несколько десятков метров и глубиной четыре с лишним километра. В ней оборудована система спуска и подъема, нечто вроде свободно висящего лифта на тросах.

Трещина, трещина... Геологи брали с ее дна образцы для исследований. Но зачем они так часто опускались туда? Достаточно было и одного раза — насобирали камней, наотбивал осколков — и сиди, разглядывай их под микроскопом, трави кислотами, просвечивай, спектрографируй...

Мне нужно передохнуть, выпить кофе, перекусить — и подумать. Лезть в трещину категорически не хочется. Четыре километра, клеть подъемника, бездна под ногами — с моей акрофобией это настоящее испытание.

Но лезть придется. У меня пока одна-единственная рабочая версия — геологи в нарушение инструкции спустились в трещину все вместе, и там, внизу, с ними что-то случилось.

...По стеклу иллюминатора ползет прозрачная капля конденсата. Иллюминатор выпуклый, похожий на те, что имеются на самолетах ледовой разведки — этакая стеклянная чаша или миска полуметрового диаметра. Если вставить в него голову, можно увидеть то, что находится прямо внизу или сбоку. Я понимаю, для чего такие обзорники нужны на самолетах полярной авиации, но зачем он здесь, на станции номер Двенадцать?

На всякий случай — все нужно проверить самолично, это один из главных принципов нашей работы — наклоняюсь, всовываю голову в иллюминатор и упираюсь лбом в ледяное влажное стекло. Что я отсюда увижу? Слева — угол научно-штабного модуля, антенну, темный абрис жилого модуля, а за ним — пятно склада.

Справа — входной тамбур, стойки лазерных маркеров, чтобы не промахнуться мимо двери в метель.

Изгибаюсь, точно беспозвоночное, и смотрю вверх. Там, в темно-синей бездне, тлеют холодные звезды. Рисунок созвездий незнакомый, чужой. Да и все тут чужое, незнакомое, непонятное...

Краем глаза улавливаю какое-то движение. Рефлексы срабатывают вперед разума, — а ведь еще древние мудрецы утверждали, мол, мысль — это самое быстрое, что есть во Вселенной! — я отскакиваю от иллюминатора, принимаю базовую стойку, правая рука сжимает рубчатую рукоять парализатора, левая жмет кнопку наплечного мультирегистратора событий. Только после этого начинаю анализировать — что же могло меня встревожить?

Через длинную цепочку логических рассуждений прихожу к мысли, что скорее всего я среагировал на скользнувшую по вогнутой поверхности иллюминатора капле конденсата, в которой преломился свет ламп.

Искажение, рефракции, оптические иллюзии... Жюльерновщина какая-то!

Убираю парализатор в кобуру, возвращаюсь к иллюминатору. И все же — зачем он тут нужен? Что обозревали, за чем наблюдали через него Римчев, Оуэн, Мериды и Канкун? Не за звездами же!

Еще раз всовываю голову в стеклянный колпак. Угол модуля слева, тамбур справа. Хорошо видна дверь и часть стены за нею. Стойки маркеров, снег, следы...

И вдруг я понимаю, что следов у двери стало больше. К четкой цепочке моих отпечатков, ведущей от склада — я возвращался оттуда, уже когда метель стихла, —

прибавились новые. Кто-то буквально только что подходил к модулю и пытался попасть внутрь. И именно этого «кого-то» я заметил боковым зрением, когда разглядывал звезды.

* * *

Кто это был? Римчев? Оуэн? Мерида? Канкун? Мысли скачут в голове, как монеты по прилавку — звону много, толку мало. В любом случае кто-то из состава научной группы жив.

Жив!

Но что с ним? Почему он не попытался набрать код и открыть дверь, почему не привлек мое внимание? Ведь ясно же, что на станции кто-то есть — я погасил часть внутреннего освещения, зато врубил прожектора, мелькал в окнах, валял дурака с этим обзорным иллюминатором...

Скорее всего, тот, кто подходил к двери, болен. Болен тяжело и плохо контролирует свои действия. Он попросту не сумел набрать код. Но почему ушел? Почему не стал в отчаянии колотить в дверь, пытаясь привлечь внимание?

Ответы на эти бесконечные вопросы я получу только после того, как отыщу визитера. Следы приведут меня к нему. Надо спешить, возможно, человеку нужна помощь.

Достаю из ниши и натягиваю костюм высокой термозащиты, или, как тут говорят, «кот», пристегиваю шлем, включаю питание. Встроенный компьютер запускает системы, выводит на визор информацию. Снаружи минус шестьдесят пять градусов по Цельсию, ветер юго-восточный, три метра в секунду, влажность двадцать один процент, давление тысяча три миллиметра ртутного столба.

Бр-р-р... Хвала людям, изобретшим «кот», без него я не протянул бы вне обитаемых модулей станции и пятнадцати минут. Мой климатический костюм тоже не-

плох, но при температурах ниже минус пятидесяти дольше десяти минут на открытом воздухе в нем лучше не находиться.

Проверяю на всякий случай оружие, сую парализатор в набедренную кобуру, вешаю на грудь опломбированный бокс с четырехзарядным аварийным СПУ-3. Включаю мультирегистратор «кота», фиксирую время и дату — два часа сорок две минуты девятнадцатого февраля две тысячи сорок восьмого года.

Надо спешить. Конечно, весь персонал научной группы — опытные полярники, но, если с ними что-то произошло, возможно, счет идет на секунды, уж слишком некомфортная среда «за бортом».

Тамбур. Первая дверь, шлюз, свист компрессоров, красное табло «Стойте», зеленое — «Выход разрешен».

Три метра в секунду нежно толкают в бок. Включаю налобник, освещаю следы на снегу. Да, человек, видимо, болен — он шел неровной походкой и даже упал буквально в пяти метрах от тамбура.

Двигаюсь по следу под аккомпанемент собственного дыхания: Шых-ш-ш-ш! Шых-ш-ш-ш!

Снег вдруг становится каким-то фиолетовым, потом зеленеет. Черт, неужели у меня галлюцинации? Впрочем, через мгновение догадываюсь поднять голову и вижу в небе радужные сполохи. Вот она, графическая составляющая магнитной бури, что испортила связь над всем материком. Красиво, конечно, но я бы сейчас предпочел честное звездное небо, безо всяких сияний.

Вскоре становится понятно — следы полукольцом охватывают станцию и ведут к проклятой трещине. Знать бы сразу, можно было бы обогнуть научно-штабной модуль и мимо склада выйти к входному боксу напрямую.

Трещина перекрыта металлическими листами, поверх которых за последние годы навалило приличные сугробы. Входной блок треугольной формы высится

среди снежных завалов геометрически чужеродным элементом. Следы идут к металлической двери. Подхожу, кладу руку на скобу ручки, дергаю.

Заперто. Заперто изнутри...

* * *

Ветер стих, в окошечке анемометра — сплошные нули. Температура — минус семьдесят четыре градуса Цельсия. Здесь всегда так — если стихает ветер, становится холоднее. В небесах извиваются разноцветные сполохи. Связи нет. Коптер не вернулся. Я лежу на диване в холле. На часах — четыре тридцать две. Поход к трещине не дал никаких результатов.

Черт!

Спокойно, Йохан, спокойно. Итак, что я имею: персонал по каким-то непонятым пока для меня причинам покинул станцию и заперся во входном блоке над трещиной. Собственно, там и поместиться-то негде, небольшая площадка, техническая будка и подъемник. Возможно, только один человек поднимался наверх, ходил к научно-штабному модулю, остальные ждут его внизу, на глубине четырех километров.

Я пытался привлечь их внимание, стучал в дверь, вызывал по рации — безрезультатно. Спустя час сорок минут пришлось вернуться, у «кота» подсели аккумуляторы.

Какое-то время я надеялся, что они выйдут из добровольного заточения, и дежурил у обзорного иллюминатора. Потом понял, что необходимо заняться собой — поесть, попить чего-нибудь горячего, а главное — принять поливитаминный комплекс и протеиновые пилюли, без которого в здешних условиях очень быстро наступает физическое и нервное истощение.

Почему геологи ведут себя так странно? Почему они покинули станцию? Им здесь что-то угрожало? Возможно. Но получается, что это «что-то» сейчас угрожает мне, а я никакой угрозы не наблюдаю.

В конце концов, все эти тайны, загадки и расследования находятся в компетенции парней из службы безопасности, а я спасатель, у меня совсем другие задачи. Только, похоже, мне тут не очень рады и воспользоваться моими услугами тоже явно никто не спешит. Что ж, следует признать, что я первый раз в жизни попал в подобную ситуацию.

Обычно всегда имеется несколько решений вставшей проблемы — нас так учили, нас натаскивали на поиски этих решений, как охотничьих собак натаскивают на поиск дичи. Система отлажена, как часы. И вот она дала сбой.

Я не могу выйти на контакт с персоналом станции. Я не могу вызвать подмогу. Я не могу покинуть станцию.

Остается только ждать, причем я даже не могу утверждать, что время работает на меня. Положа руку на сердце — черт его знает, на кого оно работает.

Так ни до чего и не додумавшись, решаю поспать. Два часа сна — это самое правильное в данной ситуации, это то, что мне нужно. Свет не гашу — мне он не мешает, а если кто-то из геологов выйдет наружу, то сразу увидит, что я их жду.

Шаги раздаются около пяти часов утра. Кто-то идет вдоль западной стены модуля, идет медленно и размеренно. При такой температуре, как сейчас, снег под ногами человека даже не скрипит, он свистит, пронзительно и нестерпимо. Сказать откровенно — звук омерзительный.

Просыпаюсь мгновенно. Руки на автомате выполняют необходимые действия — включают мультирегистратор, снимают с предохранителя оружие.

Я вскакиваю с дивана, подхожу к двери.

Тишина.

Протягиваю руку и несколько раз щелкаю выключателем, сигнализируя «я здесь, я вас жду». Мигание света в иллюминаторах не может не привлечь внимания.

Тишина.

Тот, кто подошел к станции, замер, затаился. Он ждет, но чего? Он меня боится? Или он боится войти на стацию? Если так, то почему? Что его пугает? А может быть, там вообще никого нет и мне все чудится?

Проклятье, терпеть не могу задавать самому себе такие вот вопросы, но всегда их задаю...

Некстати в памяти всплывает история с Кривцуном и Гельфрейхом, случившаяся пару лет назад. Двое техников остались во время недельной пересменки на старой, еще советской закладке, станции «Полюс недоступности» налаживать новый комплекс жизнеобеспечения. На третий день от них поступил сигнал бедствия. Бригада спасателей прибыла на станцию через семь с половиной часов. Они нашли до безумия напуганного Кривцуна, забаррикадировавшегося в техническом отсеке, и не нашли Гельфрейха, причем вся одежда немца, включая даже нижнее белье, была аккуратно разложена в шкафу.

Кривцун находился в состоянии буйного помешательства, все время пытался забиться куда-нибудь в укромное место — под стол, под кровать, и постоянно говорил о том, что «Она позвала Отто. Отто придет за мной!». Поражение психики техника было столь необратимым, что врачи оказались бессильны.

А тела Отто Гельфрейха так и не нашли, и теперь новички с подачи досужих журналюг рассказывают друг другу историю о Ледяном Отто, вечном бродяге, затерявшемся среди бескрайних снежных просторов материка. И если кому-то из полярников в метели вдруг привидится фигура голого человека, бредущего через сугробы, это значит, что он скоро сойдет с ума или погибнет.

Снег за стеной пронзительно взвизгивает, потом снова и снова. Нет, ничего мне не почудилось. Здесь он, здесь!

Выключаю свет, поворачиваюсь к большим овальным иллюминаторам холла — и замираю.

Он стоит и смотрит на меня, упершись руками в стекло. Лица не видно, различимы лишь угольно-черные провалы глазниц и яма рта.

Включаю свет — он шарахается прочь и быстро уходит из светового пятна, но я успеваю заметить, что мой визитер был без верхней одежды...

* * *

Каюсь, я поддался эмоциям и совершил профессиональную ошибку. Едва заслышав шаги, нужно было залезать в «кот», брать парализатор и выходить наружу. Нужно было задерживать того, кто приходил к модулю, обездвигивать в случае сопротивления, затаскивать внутрь и тут уже разбираться, кто, что и как.

Но шеф или русский народ правы — у страха глаза действительно велики. Я испугался, промедлил, и он — или она? — вновь сумел уйти.

Завариваю кофе. Сна теперь ни в одном глазу — меня буквально трясет от нервного возбуждения. Нужно перекусить и сделать витаминную инъекцию. Транквилизатор тоже не помешал бы, но я боюсь, что он снизит восприимчивость, а это мне сейчас ни к чему.

Черт, где же коптер? Нет, вру, сейчас меня более всего волнует совсем другой вопрос — почему тот, кто приходил, был не одет? Я не сумел догнать его — пока одевался, пока выбирался из шлюза, он успел укрыться в трещине и запереться. Я вновь стучал в дверь, но безрезультатно.

От станции до трещины довольно прилично, метров триста. Преодолеть это расстояние без специальной экипировки при температуре ниже минус семидесяти без ущерба для здоровья проблематично. На такое может пойти только ненормальный. Или застигнутый крайними обстоятельствами. Но эти самые крайние обстоятельства подразумевают, что человеку нужна помощь, а мой визитер от помощи бежит.

Он меня боится?

Есть еще пара волнующих меня вопросов: почему он один? Или они ходят сюда по очереди? Но это вопросы второй очереди, с ними будем разбираться позже.

Глотаю горький кофе, морщусь — дешевая синтетическая гадость. А у Вики есть настоящая арабика, ароматная, горячая, терпкая, как сама Вики...

Вместе с раздражением приходит понимание — чтобы получить ответы на большинство вопросов, нужно садиться в засаду. Иного выхода нет.

Что ж, это вполне реально и выполнимо. Я размещусь у входного блока трещины и буду ждать. Аккумуляторы «кота» зарядились, их хватит на пять-шесть часов. Решено, выступаю через полчаса, а сейчас — бриться, чистить зубы, умываться. То, что здесь в это время года не бывает рассвета, вовсе не повод уклоняться от ежеутренних ритуалов, да и шеф не зря говорит: «Солдат шилом бреется, дымом греется, а всех удалей». Я вовсе не солдат, совсем не солдат, но то, что русские именуют странным словом «удаль», мне сейчас не мешает.

Открываю дверь в санблок, смотрю на свою физиономию в зеркале. Физиономия мне категорически не нравится — мешки под глазами, уголки рта сползли вниз, а главное — в глазах читается какая-то пугающая безысходность, как у брошенной собаки.

Чтобы подбодрить себя, вслух произношу:

— Все нормально, Йохан...

Звуки собственного голоса неожиданно пугают — сердце колотится в ушах зулусским барабаном, спина холодеет.

К дьяволу все! Пускаю воду, достаю из несессера зубную щетку (руки не дрожат, не дрожат!), тубик с пастой. Над моим левым плечом через незакрытую дверь видно самый дальний иллюминатор холла. Я чищу зубы и в какой-то момент понимаю, что у этого иллюминатора с внешней стороны стоят два человеческих силуэта — и наблюдают за мной...

* * *

Я едва не погубил все — себя, дело и этих несчастных. Переоценка сил зачастую страшнее малодушия.

Вывалившись наружу в одном форменном шерстяном комбинезоне, с пеной от зубной пасты на губах и со парализатором в руках, я бросился в обход модуля, выкрикивая что-то бессвязное. Мне удалось заметить, как они, нелепо раскачиваясь и размахивая руками, ковыляли к трещине. А потом холод сковал меня незримыми цепями так, что я потерял способность двигаться. Минус семьдесят два — это очень серьезно.

Дыхание со свистом вырывалось изо рта, все вокруг окутывал пар. Я потерял ориентацию в пространстве, перестал понимать, где я нахожусь и что происходит. Сознание угасало. По его краю скользнула мысль, что я попал под низкотемпературный удар и без сторонней помощи погибну в течение нескольких минут.

Вспомнились строки из «Наставления по технике безопасности при выходах за пределы помещений в период низких и сверхнизких температур»: «При температуре ниже минус 70 °С пребывание на открытом воздухе более 10—15 минут даже в специальной климатической одежде затруднено из-за опасности обморожения конечностей и дыхательных путей. Так, при температуре минус 70 °С и ветре 5 м/сек уже через 10—13 секунд обнаженные кисти рук начинают сильно болеть, а через 35—40 секунд наступает онемение. Теплопотери с поверхности органов дыхания возрастают в несколько раз за счет нагревания морозного воздуха и его увлажнения, поскольку в Центральной Антарктиде абсолютная влажность воздуха в зимний период приближается к нулю». Там еще что-то было про обморожение связок и легких, про мучительный кашель и немедленную госпитализацию.

В моем случае никакой госпитализации не ожидалось. Было больно, болел каждый палец, каждый сустав, словно их сжимали в тисках, и я кричал от этой боли, но внезапно боль ушла, пар развеялся, и я увидел в

вышине полупрозрачные сполохи полярного сияния, а сквозь них — звезды, холодные и немые. Они были похожи на глаза давно умерших людей, и в их взглядах я прочел укоризну и сожаление.

«И мы были как ты, и ты будешь как мы», — словно бы говорили мне они.

Руки, ноги, лицо, шея — все онемело. Темнота, косой луч прожектора, чуть светящиеся снега и тонкий свист ветра, точно где-то далеко одинокий музыкант играет на флейте. Произведение, которое он исполняет, называется «Симфония последнего вздоха». Те, кто его слышал, как правило, не могу наградить исполнителя аплодисментами.

Визг снега ударил по ушам, прервав агонию. Он приближался, медленно, но неотвратимо. А потом надо мной возникло человеческое лицо. И увидев его, я закричал уже не от боли, а от страха.

И этот страх вернул меня к жизни, этот страх по каким-то неведомым мне нервным окончаниям передал сигнал надпочечникам, и те выбросили в кровь такую дозу адреналина, что организм ожил, скованные холодом мышцы заработали и я, полумертвый, вскочил и бросился прочь.

Я бежал потому, что у человека, который подошел и нагнулся надо мною, было съедено лицо, а в раскрытом рту отсутствовал язык...

* * *

Наступает вечер. Я вроде бы пришел в себя, но следует признать — выжил я чудом. Руки и ноги сильно обморожены, ледяной воздух сжег гортань и, кажется, пострадали легкие.

Я принял лошадиную дозу витаминов, противовоспалительных и активизирующих регенерацию тканей препаратов и обезболивающих. Терпеть не могу делать инъекции самому себе, но тут у меня просто не было выбора.

Голова гудит, как трансформатор. Связи нет. Минут пятнадцать назад станцию ощутило трянуло, и несколько секунд спустя пришел низкий подземный рокот — где-то произошел термовзрыв, довольно редкое явление, когда под воздействием низких температур ледниковый панцирь материка прорезает новая трещина.

Положение мое — хуже не придумаешь, но страха за себя я не испытываю. А вот то, с чем я столкнулся, пугает. Голые кости черепа, пустые глазницы, струпья почерневшей кожи... Человек с такими травмами не может двигаться, но эти несчастные ходят, совершают какие-то действия, и все это на семидесятиградусном морозе!

Поневоле согласишься в легенду о Ледяном Отто... Что же здесь происходит?

Обидно, что, находясь в одном шаге от разгадки, я так и останусь в неведении. Ошибка, которую я совершил, выйдя из модуля без «кота» и должного снаряжения, едва не отправила меня на тот свет. Теперь остается только лежать и ждать, когда утихнет магнитная буря, и гадать, что произойдет раньше — восстановится связь или прилетит коптер. В любом случае на Центральной знают, что я здесь.

Закрываю глаза. Надо поспать. Говорят, сон лечит. Мне снится бар «Сахара» на Центральной, сетчатые чулочки Вики и родинка над ее левой грудью...

Станный скребущийся звук выдергивает меня из сладкого сонного омута в самый пикантный момент. Несколько мгновений я озираюсь, пытаюсь понять, что происходит. Во рту пересохло, голова по-прежнему гудит, руки и ноги плохо слушаются, каждое движение отзывается болью во всем теле.

Непонятные звуки идут от шлюза. У нас в Турку у бабушки был кот Тойве. Когда он точил когти о деревянную табуретку, звук был точно таким же.

Встать я не могу, пытаюсь что-то сказать, крикнуть, но сожженное горло выдает лишь жалкое шипение. Не-

ожиданно внутренняя дверь шлюза вздрагивает от удара — раз, другой, третий!

Видимо, когда я после низкотемпературного удара заползал в тамбур, то не запер входную дверь. Кретин! Э т и — язык не поворачивается называть их людьми — проникли в шлюз и теперь пытаются войти в модуль.

Парализатор. Вон он, валяется посреди холла. Нужно добраться до него раньше, чем о н и разнесут пластиковую дверь. Есть еще СПУ-3, «специальный пистолет универсальный», стреляет в любой среде — и в вакууме, и под водой, и при низких температурах. Четыре ствола, четыре спецпатрона. СПУ в нагрудном кармане «кота». Комбинезон висит в нише у двери. До парализатора значительно ближе.

Сползаю с дивана, кусая обметанные губы. Кисти рук, пальцы — все посинело, распухло. Боль адская. Дверь сотрясают новые удары. Теперь они куда сильнее прежних.

По-пластунски ползу к парализатору. Дверь распахивается в тот момент, когда пальцы правой руки с трудом стискивают его рубчатую рукоять.

Человек со съеденным лицом вламывается в холл, раскачиваясь, словно мы на корабле и море сильно штормит. Он идет ко мне, вытянув вперед черные руки со скрюченными пальцами. Я поднимаю парализатор и стреляю, практически не целясь — раз, другой, третий, четвертый...

Судя по всему, я ни разу не попадаю — он продолжает движение. Штатный СЧС-совский парализатор BW-5M стреляет крохотными гарпунами-генераторами. Каждый выдает электрический частотно-модулированный разряд, приводящий к параличу мышц конечностей и туловища. Двух гарпунов достаточно, чтобы обездвигить крепкого мужчину, три-четыре гарантированно остановят даже человека, находящегося под

воздействием боевых стимуляторов или тяжелых наркотиков.

Э т о м у не хватило всей обоймы. Я буквально утыкал его бедра, грудь и живот гарпунами, но он все равно шел и шел, нелепо, с костяным стуком переставляя ноги. Шел молча.

Скрипя зубами от боли, я на четвереньках пополз прочь от него, проклиная шефа, толстого Франсуа и собственную глупость. Судя по всему, е м у нужно то, что сухой язык протокола именует «агрессивными действиями с физическим контактом». Слава Богу, он неуклюж, и я, обогнув стол, успеваю к нише с «котом» до того, как черные скрюченные пальцы дотягиваются до меня.

Отлетает сорванная пломба. СПУ компактен и безотказен. Один его патрон способен завалить полярного медведя или разнести голову белой акуле.

Человек без лица идет на меня в жуткой тишине, и я отчетливо слышу, как скрипят его кости. Желтые зубы, безвольно отвисшая нижняя челюсть, лохмотья кожи на висках, серые лицевые кости черепа.

Кто же сотворил с тобой такое?!

Мой распухший палец с трудом давит на спусковую скобу. Пистолет дергается, звук выстрела мячиком прыгает по холлу. Длинная цилиндрическая пуля вонзается в раззявленный рот и взрывается, разметав е г о голову. Мне в лицо прилетают ошметки кожи, куски замерзших мозгов и какая-то холодная липкая слизь.

Лишившись головы, тело продолжает некоторое время двигаться, механически переставляя ноги. Я упираюсь спиной в стену возле двери — отступить некуда! — и бью е г о ногой в живот.

Обезглавленное тело отлетает, падает на спину, но не затихает, продолжая шевелить руками и ногами в тщетных попытках подняться.

У меня перед глазами плавают темные пятна. Слизь залепила рот, я с трудом стираю ее рукавом и слежу за дергающимся трупом.

Он должен быть мертв! Он умер! Млекопитающие, теплокровные, позвоночные не могут существовать без головы!

Но это т... эта тварь живет. Она сгибает и разгибает конечности, шевелит пальцами. Из рваной дыры на месте шеи течет все та же прозрачная слизь, она уже образовала под трупом целую лужу.

Спохватившись, с трудом отвожу взгляд от ужасного зрелища и, хватаясь за стену, передвигаюсь к тамбуру — нужно надеть «кот» и запереть внешние двери, со следующим гостем я могу и не справиться.

* * *

Он затих лишь спустя полчаса или более. Точное время определить трудно, потому что я в какой-то момент потерял сознание, а когда очнулся, то увидел, что у иллюминаторов маячит неясная тень.

Второй. Движимый каким-то патологическим любопытством, ползу к иллюминатору, опираясь на край дивана, поднимаюсь на ноги и вплотную приближаюсь к стеклу.

Этот сохранился куда лучше первого. Искаженное гримасой ужаса посиневшее лицо, ледяные мутные шарики вместо глаз, на теле — порванный во многих местах климатический костюм, шлема нет. Пальцы с сорванными ногтями шарят по стеклу в тщетных попытках прокопать в нем проход и добраться до вожаковой добычи.

До меня.

На голове у него уцелели длинные светлые волосы. В их прядях снег. В нескольких местах волосы вырваны вместе с кусками кожи. Неожиданно понимаю, что передо мною женщина. Это открытие заставляет отшатнуться от иллюминатора. Желудок стискивает спазм, меня выворачивает прямо на диван.

Сил совсем нет. Похоже, дела мои плохи. Нашариваю в бедренном клапане «кота» аптечку экстренной

помощи АЭП-М, вытаскиваю, прикладываю к руке. Я берю эту хитроумную штуковину на самый крайний случай, и, похоже, он наступил.

В кожу мне впивается игла анализатора. Приборчик чуть вибрирует, по его торцовой панели пробегают разноцветные огоньки. Что-то чуть слышно щелкает, и я ощущаю, как мне под кожу впрыскиваются препараты. Это не лекарства, это стимуляторы, обезболивающие и активизирующие нервную систему вещества из арсенала боевой фармацевтики. Если кратко, то АЭП-М нашпиговывает меня допингом. Без него совершить задуманное мне никак не удастся.

Голова сразу проясняется, мышцы наливаются силой. Пристегиваю шлем «кота», достаю пистолет. То, с чем я столкнулся на станции номер Двенадцать, несет угрозу. До появления здесь других людей эту угрозу нужно свести к минимуму.

Иду в шлюз, отпираю входную дверь. Сияние в небе стало более насыщенным, его зеленоватые отблески гуляют по снегам, и они напоминают декорации к страшной сказке. С удивлением констатирую, что дышу очень часто, словно собака в жаркий летний день. Странно, а ведь я чувствую себя просто отлично. Все же химия — великая наука!

Итак, к делу. Мне нужно сделать десяток шагов вдоль стены модуля, повернуть и выстрелить э т о й в голову. Затем вернуться, попробовать еще раз связаться с Центральной, подготовить краткий отчет о случившемся, повторить манипуляции с АЭП-М и идти в трещину на поиски двух оставшихся... людей? Пусть пока будет так.

Э т а продолжает царапать иллюминатор. Пожалуй, т о т, что валяется в холле, был посообразительнее.

Поднимаю пистолет — рука тверда, движения четкие, уверенные — стреляю. Голова э т о й разлетается, как тыква после удара бейсбольной битой. Тело валится в снег, начинает копошиться там, словно крот. Заме-

чаю, что стационарный рюкзак климатического костюма приоткрыт и из него торчит странно неуместная здесь брезентовая сумка. Машинально делаю несколько шагов, выдергиваю сумку из зева рюкзака и иду обратно на станцию.

* * *

В тепле труп посреди холла оттаивает и начинает ощутимо пахнуть, но не мертвечиной, уж этого-то запаха я в своей жизни нанюхался, а какой-то кислой дрянью. Так пахнут затхлые пруды и непроветриваемые подвалы.

Накидываю на труп покрывало, ставлю чайник, начинаю изучать трофей. У меня в руках довольно ветхая сумка защитного цвета с латунной застежкой. На сумке нечитаемая надпись латинскими буквами. Открываю клапан — внутри тетрадь, какие-то старинные документы в виде маленьких книжечек, такие были в ходу в XX веке. Все очень ветхое и буквально рассыпается у меня в руках.

После нескольких безуспешных попыток достать и прочесть документы принимаю решение оставить это специалистам. С меня хватит тетради. Она сохранилась намного лучше, страницы практически не пострадали, возможно, потому что бумага со специальной пропиткой.

Единственный минус — вся верхняя левая часть тетради залита некой жидкостью, и текст там не читается, строчки просто выело в результате химической реакции.

Пью кипяток, изучаю тетрадь. Судя по всему, это дневник, и ему более ста лет. Написано по-шведски, мелким, но разборчивым почерком. У нас в Турку шведский — практически второй язык, его знает даже бабушкин кот Тойво, так что я читаю без труда. Некоторые страницы содержат обширные лакуны, на других текст сохранился.

...февраля 1938 года

...от хребта ...до побережья около трех тысяч километров. На всем протяжении пути — лед, снег, трещины, сугробы и температура ниже минус сорока-пяти градусов. Идеальные условия для того, чтобы выстроить здесь тюрьму для особо опасных преступников.

Или хранилище сверхъядовитых веществ. Или микробиологического оружия — у профессора Кранца есть весьма интересные разработки в этой области. Хотя я бы загнал сюда вообще все оружие, созданное человечеством, сложил его штабелями в каверны и полости, запер створы и выбросил ключи.

27 февраля 1938 года

Из-за особенностей рельефа ледник здесь, судя по всему, не имеет тенденции к перемещению в зоны абляции. Таким образом, в районе пересечения сто сорокового меридиана и восьмидесятой широты сформировался очень мощный ледниковый купол, толщина которого доходит до четырех километров.

Каскад трещин позволяет совершать безопасные спуски практически до скального основания материка, хотя такие походы и занимают целый день. Внизу, по сравнению с поверхностью, очень тепло, термометр показывает всего — 7°С. Я поставил там камеральную палатку и провел в ней ночь, даже не одевая меховых штанов.

Вчера по радио связывался с Гюнтером. Экспедиция Граубе заканчивает работу у горы Минто на мысе Агэр. Их санный поезд по пути к Земле Уилкса, где они собираются сделать измерения магнитных возмущений у Южного магнитного полюса, пройдет через нашу станцию. Это случится через четырнадцать дней. Я отправил Шрагера и рабочих с оборудованием и продовольственными припасами закладывать лагерь для экспедиции будущего года, а сам остался на месте с достаточным количеством еды и теплых вещей.

Немцы — большие аккуратисты во всем, что касается точных дат, с ними приятно иметь дело, и я рад, что Берлинская академия наук пригласила меня в эту экспедицию.

Вообще в том, что немцы восстановили свое государство и рейх занял приличествующее ему место в Европе, я вижу залог будущей политической стабильности континента, и мне кажется, что недалек тот час, когда вокруг Берлина объединятся все цивилизованные европейские государства.

По крайней мере, Граубе рассказывал мне, что у их канцлера — они называют его фюрером — именно такие далекие планы. Граубе заберет меня на своем пути к Южному магнитному полюсу. Я же, ожидая его, намереваюсь тщательно исследовать антарктический грунт с целью выявления здесь реликтовых микроорганизмов...

1 марта ...8 год

...большая трещина уступами спускается вниз, а в меньшей, второй по счету, трещине я обнаружил проход, ведущий в ледяной грот. Меня с самого начала насторожил иней, покрывающий своды грота. В свете фальшфейера он казался рыжим мехом какого-то неведомого животного. Тщательно исследовав грот, я наше...

(лакуна)

...вследствие обрушения ледяной стены вскрылась подледная каверна, обширная полость, простирающаяся...

3 марта 1938 год

...возблагодарить судьбу за этот воистину императорский подарок! Это настоящий клад для микробиолога, хотя, я уверен, и зоологи, и ботаники, и представители прочих наук дали бы отсечь себе конечность, чтобы оказаться на моем месте! Убежден, что иссле-

гование полости перевернет все представления о жизни на нашей планете в доисторию...

(лакуна)

...Полость образует три крупных зала, размеры которых я оцениваю в сотни метров. Высота ледяных сводов варьируется от трех до нескольких десятков метров. Я взял на себя смелость дать залам названия. Первый, самый большой и сухой, получил наименование *Хадес*, второй, узкий и глинный — *Стигис*, а третий, самый гальный, наполненный испарениями подледного озера, — *Геенна*. Как нетрудно заметить, название залов имеет inferнальное происхождение. Впрочем, я не силен в семантике и посему перейду к биологии.

Во всех трех залах очень широко представлены грибы. Плесень покрывает практически всю почву, и даже ледяные стены залов. Во всех образцах грунта, взятых мною в различных точках полости, присутствует мицелий; мне удалось обнаружить несколько десятков плодовых тел высших грибов, с большой долей вероятности относящихся к базидиомицетам.

Растительный мир представлен мхами, похожими на ягельные мхи арктических тундр. Необычайно развит, особенно во втором зале, названном мною *Стигис*, лишайниковый покров, что является совершенно необъяснимой вещью, т.к. лишайники не могут существовать без солнечного света, впрочем, так же, как и мхи.

Из живых существ мною были обнаружены насекомые, вероятно, имеющие родственные связи со сверчками, клопы рода *Rugthosogis*, многоножки и пауки из семейства *Dictynoidea*, причем так же, как и в Новой Зеландии, эти пауки здесь тоже ведут социальный образ жизни, образуя колонии с общими ловчими сетями.

Без сомнений, в глубине полости обитают более крупные существа, я практически на сто процентов уверен, что встречу земноводных, пресмыкающихся, а вот по поводу млекопитающих и птиц у меня имеются

обоснованные сомнения — науке не известны случаи существования теплокровных в изолированных...

(лакуна)

...во время сегодняшнего спуска в зале Стигис был атакован крупной, до трех метров глины, вараноподобной ящерицей. Пришлось стрелять. Подаренный Граубе Mauser Kurz, хотя и сильно пострадал от влаги, в нужный момент не подвел, и я всадил в тварь все пять пуль. Но и после этого ящерица продолжала двигаться и даже сумела укусить меня, по счастью, лишь оцарапав кожу бедра сквозь плотную ткань комбинезона.

...арта 193...

...они похожи на дипломонадид, а более всего, по крайней мере, визуально, на *Giardia intestinalis* — та же каплевидная форма «тела», те же жгутики. Если слеговать «системе пяти царств» Уиттекера, я бы отнес этих существ к протистам, определив их в простейшие саркомастигофоры. Однако удивительная особенность образовывать колонии периодические наводит меня на мысль, что они могут относиться и к...

...С помощью внеклеточных цитоплазматических сетей, образованных сильно разветвленной системой псевдоподий, тысячи и даже миллионы реаниматоров сливаются в довольно крупное, до 150, а иногда и до 180 мм в диаметре, полупрозрачное существо, более всего похожее на купол медузы, но не такой плотный на ощупь.

Я назвал эти сообщества примицерами, от латинского «*primicerius*», что значит «управляющий». Вне организма-носителя это просто прозрачная слизь, малоподвижная и быстро погибающая под воздействием внешних факторов.

Механизм возникновения некробиологического организма представляется мне следующим:

После смерти высшего позвоночного часть реаниматоров переселяются на его кожные покровы, прони-

кают внутрь, поближе к позвоночному столбу, движутся к мозгу и создают новую примицеру.

Необычайно длинные (до одного метра и более) выросты гаптономем примицеры проникают сквозь покровы и ткани к нервным узлам организма-носителя и активизируют их с помощью вещества еще не выясненного генезиса, возможно, это какая-то органическая кислота. В результате примицера получает доступ к «управлению» нервной системой организма, а через нее — всеми органами чувств и мышцами. Примицера фактически начинает выполнять те же функции, которые отведены мозгу погибшего существа, а оно превращается в некробиологический объект, или, для краткости, некроб.

Некробы имеют...

(лакуна)

...и живого тоже! Судя по всему, эти простейшие за миллионы лет существования популяции в изолированных пространствах подледниковых полостей выработали способность выживать за счет управления высшими существами. Внедрившись в живого позвоночного, примицера как бы одевает на себя «водолазный скафандр» и берет на себя управление. Используя мышцы, зубы и когти «скафандра», примицера добывает пропитание, одновременно поедая изнутри и сам «скафандр» до тех пор, пока от него не останутся одни кожно-костные останки. Я видел несколько десятков подобных, облепленных плесенью костяков рептилий в зале Геенна. Мозг «скафандра» погибает, видимо, сразу после того, как в нем развивается примицера. С момента гибели мозга существо-носитель и становится некробом.

Думаю, я совершил выдающееся открытие. Впрочем, сейчас не время размышлять о лаврах — у меня мало времени, совсем скоро к трещине подойдет санный поезд, и мне придется сворачивать свои исследования.

...1938 год

Сегодня обнаружил необычайную эксплозивность примицер. Будучи помещенными в неблагоприятные условия, т.е. попросту оставленные без своего «скафангра», они всеми силами борются за жизнь, совершая дерзкие экспансии на недоступные для других простейших расстояния, причем даже в агрессивных средах.

Это навело меня на мысль, что примицеры могут представлять определенную опасность для человека, так как заражение через кожные покровы...

(лакуна)

...покраснение кожи и онемение пальцев. Неужели это произошло со мной? Не может быть — я соблюдал режим стерильности и...

8 марта 1938 года

Боже, боже! Я жив, но я все равно что умер — мои конечности не слушаются меня, я с трудом удерживаю в пальцах карандаш. Еще три дня назад я был уверен, что смогу победить болезнь, но примицера разрастается внутри меня, и мой организм все более переходит под ее власть. Ужасные боли терзают меня. Я не могу произносить членораздельных звуков, не чувствую ног и с трудом дышу. Вскоре я перестану контролировать процесс дыхания, и мой мозг погибнет от асфиксии. Однако тело мое продолжит существовать в виде чудовищного некроба, и я обречен буду многие годы ползать во мраке подледного ада, перебираясь по скользким камням из Хагена в Стигис, из Стигиса в Генну и обратно, пожирая все живое. Безглазый, разлагающийся, со струпьями вместо кожи, я стану хищной тварью, подобной существам, порожденным фантазией Босха и Данте.

Есть только один способ избежать этой страшной участи. Я никогда не был религиозным человеком, меня сложно отнести даже к агностикам, но теперь я понимаю, что это жуткое испытание было ниспослано мне свыше.

Какая горькая усмешка судьбы — чтобы уверовать в Бога, я должен был заживо оказаться в аду!

И если я совершу задуманное, то тоже попаду туда, но мне кажется, что Бог смилуется надо мною, ибо я...
(лакуна)

...а может быть, это вовсе не Творец, не Высшее существо, а враг рода человеческого, до чьих чертогов из этого царства смерти рукой подать? И мои муки и терзания не что иное, как часть адских мук и терзаний? Тогда тем более...

(лакуна)

...близкие мне люди находятся на другом краю Земли. И Карл, и маленький Густаф, и красавица Эмели, и моя любовь, моя Фриджелотта...

Прощайте!

Свои записи и документы я сложу в полевую сумку, а ее уберу в металлическую коробку-стерилизатор от медицинских инструментов и спрячу между камнями. Надеюсь, что те, кто когда-нибудь придет вслед за мной, прочтут их и не совершат той ошибки, что совершил я.

Я стою у края тьмы, Господи! Девять патронов в магазине Mauser и коробка шведских спичек — вот мои проводники и мои спасители. Я грешен и каюсь. Мне нечем причаститься, но даже если бы были здесь кровь и плоть Господни, я не сумел бы этого сделать, ибо рот мой не слушается, я практически ослеп и должен топиться, пока проклятое порождение адских бездн не получило полную власть надо мною.

Господи, спаси!

Аминь!

1938 год, 10 марта, 14 часов 34 минуты по среднеевропейскому Берлинскому времени.

* * *

Закончив чтение тетради так и оставшегося для меня безымянным шведского биолога, некоторое время сижу без движения, переваривая полученную информацию.

Некробы, примицеры, «скафандр»...

Теперь мне понятно, что произошло с несчастными геологами там, внизу, на глубине четырех километров. Точно так же, как и швед-биолог сто с лишним лет назад, они шли за новыми знаниями и в погоне за ними невзначай открыли дверь в царство смерти.

Впрочем, сейчас мне не до лирики. Я тоже слишком близко приблизился к этой двери. Дурацкая слизь на лице, которое теперь все горит, словно по нему прошлись теркой...

Теперь нужно действовать очень быстро, в противном случае встречать прилетевший коптер выйду уже не я, а «скафандр» примицеры, некроб, неуязвимый и опасный.

Эмоций нет, боевые стимуляторы отсекали ненужные мысли. Отчасти я уже некроб, только вместо примицеры мною управляют химические вещества. Ну что ж, их, по крайней мере, создали люди.

Черт, работая в нашей конторе, поневоле часто задумываешься о смерти и о том, как это будет, но я никогда не предполагал, что все закончится так быстро...

* * *

Луч фонаря не достигает дна трещины. Зеленоватосиние стены высятся по обеим сторонам, и луч фонаря подсвечивает их, словно они выточены из невозможно гигантского аквамарина. Шаги двух оставшихся некробов гулко отдаются в тишине, царящей в разломе. Этой тишине много тысяч лет. Я нарушу ее самым бесцеремонным образом. Десять килограммов взрывчатки должно хватить, нужно только правильно расположить заряды, а для этого необходимо спуститься на самое дно. Взрыв обрушит льды, навсегда замуравав проклятые пещеры.

Некробы наверху, прямо надо мной, сейчас заняты телами своих собратьев, которых я затащил в клеть. Ко-

гда они поймут, что совсем рядом есть куда более лакомая добыча, я должен быть внизу.

Мультирегистратор бесстрастно фиксирует все происходящее, и это хорошо. А еще хорошо то, что он не может записывать эмоции.

Отстегиваю блок прибора и вешаю его на перила. Некробам он ни к чему, а тем, кто придет по моим следам, будет небезынтересно просмотреть записанный материал.

Я очень боюсь высоты. Но шеф был тысячу раз прав, когда сказал: «У страха глаза велики».

Спуск займет несколько часов. Некробы станут спускаться следом. Там, внизу, у меня будет фора для закладки взрывчатки. Потом мы встретимся. Я дождусь их, держа взрыватель в руке. Римчев, Оуэн, Мерида, Канкун, безымянный швед, разнесший себе голову маузерной пулей... Странно. Я совсем не знал этих людей, но буду погребен вместе с ними.

Господи, какая ерунда лезет в голову!

Начинаю спускаться, придерживаясь руками за стену. Рюкзак с взрывчаткой тянет вниз. Трос скользит и щелкает. Лед совсем близко, я вижу в нем молочно белые прожилки и пузырьки воздуха, которому тысячи лет.

Научно-штабной модуль я сжег — там было слишком много смертоносной слизи. В один из прожекторов, прямо внутрь, вытащив предварительно галогенный элемент, я вложил записку. Я написал ее спонтанно, не вдумываясь в слова:

«Милая Вики!

Если ты читаешь эти строки, значит, я сумел сделать то, что задумал. Я жалею лишь об одном — что не смог перед смертью поцеловать твою родинку над левой грудью.

Прощай!

Твой Йохан Миккели».

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

*
НУЖЕН МНЕ РАБОТНИК

Жердина была крепкая, толстая, раскалившаяся на солнцепеке, так что казалось, будто само дерево пышет жаром, стараясь сдержать янтарные смоляные слезы. Жарков потрогал ее, удивился, что такую хорошую жердь пустили на загородку. Старик не понял жеста. Видно решив, что приедем неохота пачкать ручки, сам дернул слегу, вытягивая ее слева от стойки ворот, потом вторую, третью. Дорога была открыта. Жарков миновал ворота, старик провел следом за повод коленную блестящую лошадь.

— А что это у вас в такое пекло люди в поле? — спросил Жарков, вытирая испарину. — Народа не жалеет ваш председатель.

— Так это ж работники, — отмахнулся старик, — что им сделается? В этом году сено хорошее. Жаль будет, если перегорит.

— А работников не жаль? — буркнул себе под нос Жарков.

— Вы, Алексей Степаныч, ничего плохого не подумайте, — заторопился оправдать своих старый почтарь, — председатель у нас хороший, добрый, за всех сердцем радеет. И народ отзывчивый, открытый. А работники — это уж так повелось. Еще в тридцатые годы. А то вижу, что вы нас осуждаете.

— Да с чего бы мне вас осуждать, Егор Семеныч, — отозвался Жарков. Он снял куртку и шел рядом с подводой, на которой ехали его вещи: тощий фанерный чемодан и клетчатый узел. Хотелось снять сапоги и пристроить их рядом с чемоданом, а самому пойти пешком, зарываясь босыми ногами с золотистую пыль. Но Жарков крепился и не снимал. Деревню он знал хорошо. Городским стал недавно, как на учебу приехал. А до этого был таким же, деревенским. И знал, что куда идет он за подводой по деревне, хоть, кажется, и не ви-

★
дать никого, а всякий через занавеску его сейчас рассматривает. И это первое впечатление потом колом не выколотишь, топором не обтешешь. А что это за «молодой специалист», раз без сапог ходит? Уважение в деревне приобрести трудно, удержать еще труднее, а потерять — и оглянуться не успеешь. За своих деревенские горой. Только чтоб в эти «свои» выбиться, всей жизни не хватит.

Жарков бывал по ту сторону занавески, знал, что творится сейчас в головах у деревенских, какие мысли бродят. Как перешептываются, обсуждают. Какую на первый взгляд снимут мерочку, по той и сошьют общее мнение.

Поэтому он шел выпрямившись, подняв голову. Пот бежал по позвоночнику, а ноги в сапогах горели огнем. И сейчас пожалел Алексей, что оставил на отвороте зеленый ромбик сельхозтехникума. Пшеничный сноп на значке так и сиял в солнечном луче, словно хвастаясь своей новизной, с головой выдавая неопытность хозяина. Поплавок прицепил для солидности, чтоб сразу видно было — молодой специалист, и только теперь понял, как смешно выглядит тот на его поношенном пиджаке. Но Егор Семеныч обращался к Жаркову почтительно, временами даже как будто заискивал. И Жарков убедил себя, что пользы от значка все-таки больше.

На дороге скребли лапами пыль пегие куры. Почтарь шел медленно, словно и не страдая от зноя, сонно шагала лошадка. Большая курица, не желая замечать ни людей, ни лошадь, продолжала копаться в пыли. Старик нагнулся, подцепил негодницу широкой ладонью и выдворил на лужайку. Ряба обиженно раскудахталась, хлопая крыльями.

— Ой уж, мать моя, как ты грозна. Вот как тебе Ревка на хвост наступит, — с улыбкой погрозил Егор Семеныч курице. И та сразу успокоилась, словно поняла его. Развернулась к обидчику пушистым кремовым галифе и уткнулась носом в траву, продолжая вполголоса выговаривать почтарю за непочтительное обращение.

— Чемпионка, — старик со значением поднял палец, — гордость колхоза. И хозяйки моей любимица. Иногда так и тянет поддать. Лезет под лошадь всякий раз, — доверительно сообщил почтарь. — Но поддашь разок, и Вера Юрьевна моя потом всю плешь выдолбит. Как это ее Советку сапогом поддели?

Жарков внимательнее присмотрелся к ковыряющей землю чемпионке, ничем не разнящейся с прочими курами, кроме несусветной наглости. На всякий случай решил первое время куриц обходить стороной. Кто ж знает, где у них еще чемпионка затешется. И мысленно отметил про себя, что неплохо бы разобраться, почему чемпионка не на птичьем дворе, а в деревне, возле домов гуляет. А еще повторил пару раз имя жены Егора Семеныча. Видно, на птичнике она верховодит. С такими надо ухо остро держать. Чуть ошибешься — склюют.

— А где птичник-то у вас, Егор Семеныч? — спросил Жарков.

— Ой, да вы не подумайте, что чемпионка-то у нас на дворе гуляет, — забеспокоился старик, словно прочитав мысли зоотехника. — У нас порой бабы на свой двор то куру, то поросю, то теленка берут. Если захворал или какой особый пригляд нужен. Но председатель все знает. Он не допустит, чтобы колхозу был хоть какой убыток. У нас бывает и работников кто из родных на свой двор сводит. Переодеть, причесать. Но потом всех возвертают. Тут председатель бранится. Работник ведь не кура, понимать надо.

Старик сбился и расстроился, что наговорил чужаку лишнего. Жарков из его объяснений понял только, что при всем богатстве Знаменского порядки тут странные, если не вредные. Но сгоряча решать не спешил.

Потом шли молча. Алексей оглядывал избы, крепкие, выбеленные, ровные, как волчьи зубы. Плетни с крынками, подсолнухи. Резные наличники, которых не постыдился бы любой председатель. Деревня и впрямь была богатая. Жарков отметил про себя уходящую за

деревню дорогу, рубчатую, как стиральная доска — видно, по ней прогоняли колхозный скот, к которому присоединялись и коровки колхозников. Решил, что, как устроится, первым делом наведается в коровник. Коров Алексей и в детстве больше всего любил. Если бы не Зорька, не выжить бы им с матерью. Но уж Зорьку давно сдали и съели, а сам Алешка не малец бесштаный, а специалист, зоотехник. А все кажется — без коровы и двор не двор.

Когда Алексей уже готов был, не выдержав, спросить у провожатого, долго ли еще идти, подвода нырнула с дороги вниз, под завесь березовых ветвей. И невдалеке Жарков увидел выкрашенный синим бревенчатый дом. Справа от крыльца была приколочена украшенная грубоватой, но затейливой резьбой вывеска, извещавшая, что в этом доме находится и сельсовет, и колхозное правление, и вся местная администрация.

В кабинете председателя было не намного прохладнее, но Жаркову показалось, что его сбросили со сквороды в теплую воду.

Председатель поднялся ему навстречу. Жарков был уверен, что о его появлении Савва Кондратьевич знал с того самого момента, когда почтарь выдернул из загородки первую слегу, да что там — едва подвода показалась на краю поля за деревней. Но указать приезжему, кто в доме хозяин, стоило. Поэтому Семышев не вышел на крыльцо, а оставался сидеть, пока Егор Семеныч не открыл дверь в кабинет, пропуская Алексея. И только потом председатель поднялся с неторопливым достоинством, подошел и по-отечески обнял нового зоотехника.

— Ну, Алексей Степаныч, добро пожаловать в Знаменский колхоз. — Жарков открыл рот, чтобы отрекомендоваться по всем правилам, но председатель перебил его: — Наслышан-наслышан. Молодой специалист. Повоевал. Успел. Видел много, верно?

— Так точно, — отозвался Жарков, доставая из нагрудного кармана завернутые в клеенку документы.

— Полно, — отмахнулся Савва Кондратьевич. — К нам, Алексей Степаныч, случайного человека не пошлют. А каков ты специалист — в бумагах правды не напишут. Если место это тебя ждало, тотчас видно станет. Вот приступишь к работе...

— Да я хоть сейчас, — заговорил Алексей, понимая, что председатель не привык слушать. — Вот пристрою где-нибудь вещи, и тотчас могу к вам. Дела после прежнего зоотехника получить. А еще — не дадите ли кого в провозатые — конюшню, коровник, птичник посмотреть. На корма взглянуть, на условия содержания.

Председатель сверкнул на резвого чужака недобрым взглядом, но тотчас погасил его.

— Экий ты прыткий, Алексей Степаныч, сразу видно, только со студенческой скамьи. Без разбору в бой. Знания применить, технологии внедрить. Да-да, товарищ Жарков, и мы здесь слова разные знаем. И с технологиями знакомы. До тебя зоотехником Егор Иваныч был, тоже не среднего ума человек, в документах оставил полный порядок.

— Умер он? — спросил Алексей.

— Егор-то Иваныч? — переспросил председатель. — В работниках нынче Егор Иваныч. Такая уж у знаменских судьба. Но насчет злоупотребления переживать не стоит, Алексей Степаныч. И торопиться не надо.

Председатель едва заметно качнул крупной, коротко остриженной головой, и почтарь исчез, прикрыв за собой дверь.

— Ты ведь, товарищ Жарков, воевал. И сам понимаешь, что бежать в атаку, не разобравшись, не выяснив расположения вражеских сил, это самая большая глупость, губительная и для командира, и для его солдат. Мы, по счастью, не враги, а советские граждане, которые всегда друг другу помогут и подскажут. Прими мой совет, Алексей Степаныч, как старшего товарища и человека, который всю жизнь отдал этому колхозу. Ар-

тель у нас большая, богатая, дружная, передовики. Однако не думал ли ты, товарищ Жарков, отчего про наш колхоз в газетах не пишут, отчего не строятся к нам в очередь другие опыт перенимать? Есть у Знаменского своя особенка. И пока с ней не обвыкнешься, пока в нашем укладе жизни не разберешься — не гони лошадей. Работников уж видел?

Жарков кивнул. Семышев промокнул платком лоб и наконец указал гостю на клеенчатое кресло возле своего стола, и зоотехник с облегчением опустился в него, стараясь не показать, как умаялся на жаре.

— Так что сам понимаешь, Алексей Степаныч, колхоз у нас нерядовой, особенный. Тут к людям совсем другой подход нужен.

Жарков кивнул, все еще не очень понимая, к чему клонит председатель. Но показать свое невежество не решился. По старинной русской привычке надеялся разобраться по ходу, на местах.

— Ты не думай плохого. — Председатель помедлил, подыскивая слова, но, видно, так и не подобрал, снова прошелся платком по лбу и шее. — Такая благодать, как у нас в Знаменском, просто не дается.

Председатель приподнял штанину и показал исчерна-синюю, раздутую голень.

— Вот чем мне, Алексей Степаныч, Знаменское мое обходится.

Жаркову неприятно было смотреть на мертвую, гадкую председателю ногу, он перевел взгляд выше и увидел, что и правая рука у Саввы Кондратьевича неживая, по загорелой коже тянулись к пальцам сиреневые и синие веточки вздувшихся вен.

— Но ты в голову не бери, — проговорил председатель весело. — С этим родиться надо. С тебя колхозная земля многого не потребует. Работай хорошо, и станешь своим. Так что я тебя, товарищ зоотехник, не то-роплю. Срочности нет, к работе приступишь после солнцеворота. Дров-то наломать можно быстро. Только разве ж от этого будет польза советской власти? Присмот-

рись, подумай. Захочешь на другое место перебраться, пойдем. Потому как тут у нас не всякий приживается.

— Сам деревенский, — заверил Жарков.

— Вот и молодец, товарищ зоотехник, понимаешь, — Семышев похлопал Жаркова по плечу, — так что обживайся, не торопись. Вечером, как жара спадет, соберем правление, все дела тебе передадим, все расскажем. А пока устроим тебя у бабы Дуси, Евдокии Марковны. Дом у нее большой, муж погиб, сын, Игнат, с войны не пришел. Хозяина нет. Вот и поможешь ей, подсобишь. Бабка добрая, тихая, свинарка отличная. И сыт будешь. Паек на тебя уже выписан. Гришуня проводит. А как обживешься, так мы тебе и работника дадим, и свой дом отстроим.

— Какого работника? — переспросил Алексей, совершенно сбитый с толку болтовней председателя. Умел Семышев зубы заговорить не хуже цыгана.

— Так ты ж вроде видел, говоришь, — осекся председатель.

— Видел, в поле люди работают, — ответил Жарков. — В самое пекло. Врагов, что ли, к вам сгоняют в Знаменское, вредителей?

Председатель покачал головой, жалея, что поторопился в разговоре с зоотехником.

— Не так все просто, Алексей Михайлович, — заговорил он, приобняв по-свойски Жаркова за плечи, и от этого жар, что и без того давил Алексею на виски, окатил душной волной, так, что даже дыхание занялось, и зоотехник закашлялся. Председатель поддержал его: — Вот придешь вечером, и объяснимся. А пока тебе передохнуть с дороги, поесть, вздремнуть немного не помешает.

Веки, лоб, затылок и правда начали наливаться свинцом. Алексей сам не заметил, как под разговор вышли на крыльцо. На ступенях — кепка набекрень, из-под козырька бумажная астра — ждал Гришуня. Молоденький парень, едва из мальчишек, в широких шароварах

и белой рубашке. Гришуня окинул взглядом Жаркова и, усмотрев в нем соперника, задрал острый подбородок.

— Вот провожатый тебе, Алексей Степаныч, твоего знакомого Егора Семеныча, почтаря нашего сына, мой племянник. Если надо чего, ты у него спрашивай, — отрекомендовал Савва Кондратьевич родственника. Гришуня насупился.

— Пойдем, что ли, — проговорил он в сторону, когда Семышев скрылся за дверь. Вырвавшись из объятий радушного председателя, Жарков почувствовал себя лучше, переложил из руки в руку чемодан и узел, немного подумав, присел на ступени и стащил осточертевшие сапоги.

Баба Дуся оказалась и вправду хорошей хозяйкой. Дома у нее было чистенько и опрятно. Мухами насижено только по верхам, куда невысокая и полненькая Евдокия Марковна забиралась редко, перед праздниками. На окошках — строченные занавески, такие же — над бледной карточкой сына и портретом, на котором изображена была сама Евдокия Марковна с супругом. Портрет был плох. Бабу Дусю Жарков узнал лишь по родинке в углу глаза. Вид у супруга был глуповато-залихватский, ретушь сделала лица какими-то неживыми, будто воцелеными. На стенке над портретами прищиплены были вырезки из областной газеты, изображавшие Евдокию Марковну на работе, с поросянком на руках, окруженную огромными, как цепелины, племенными свиньями. На снимках узнать хозяйку было проще, может статься и потому, что вырезки сделали совсем недавно. Газетная бумага почти не пожелтела, но углы уже начали заворачиваться и покрываться пылью и точками мушиных следов.

Одна беда, передовая колхозница Евдокия Марковна, напряженно смотрящая с газетного снимка, серьезная и собранная, только внешне походила на лучистую, круглую, курносую бабу Дуню.

— Да не смотри, Алексей Степаныч, не похожи совсем, — проговорила Евдокия Марковна, заметив, что Алексей разглядывает портрет. — Мой Георгий Иванович был мужчина видный. Красивый был. А тут он совсем замухрышка. И астру ему на картуз зачем-то пририсовали. Да и я не похожа. Уж больно толста, — баба Дуня усмехнулась, погладила портрет и тотчас стерла передником след пальца на стекле. — Но какая-никакая, а память о нем. Карточки я уберу и в шкафу два ящика вам уже освободила. Мало будет, еще освобожу. Только скажите.

Баба Дуня жалостливо посмотрела на тонкий картонный чемодан, который Жарков, как вошел, оставил у двери, а узел и вовсе тихонько пристроил в сенях.

— Ничего, Евдокия Марковна, — успокоил зоотехник. — Мне двух ящиков хватит. А за постель...

В этот момент из-за угла печки показалось сначала одно рваное поросячье ухо, затем хитрый черный глаз, потом свесился уголок второго уха. Жарков подмигнул поросенку. Маленький гаденыш истолковал это по-своему — он метнулся через прихожую прямо к фанерному чемодану и вцепился зубами в металлическую клепку на ручке.

— Чуберлен! Ах ты, зараза! — Баба Дуня оглянулась посмотреть, что привлекло внимание жильца, всплеснула полными руками. Поросяенок пронзительно взвизнул, опрокинул чемодан и сбежал, унося в зубах откушенную клепку. Только маленький розовый пяточок с черным пятнышком раз или два показался из-под кухонной занавески.

— Отдай, паскудник, Нота Чуберленская, только не заглатывай. — Баба Дуся бросилась отнимать у поросенка железку, но Жарков успел раньше, разжал свиленку челюсти и вытащил добычу из мелких желтых клычков Чуберлена. Поросяенок верещал, как пароходный ревун. Но, оставшись без трофея, обиженно замолк, повис на ладони Алексея.

— Ну что, вредитель, вот наш ответ Чемберлену, — поднеся поросенка к лицу, наставительно проговорил Жарков. Поросенок презрительно дернул рваным ухом и сердито хрюкнул.

— Сладу с ним нет. Всем пороссятам уши искусал, — укоризненно глядя на поросенка, попыталась оправдать маленького негодяя баба Дуся. Но мелькнувшая в светлых, выцветших глазах улыбка выдавала ее с головой и жильцу, и малолетнему преступнику Чуберлену. — Приходится иногда домой забирать. Но когда один, он тихий, мешать не станет.

Баба Дуся попыталась воткнуть на место клепку, чемодан скрипнул. Поросенок скромно и покорно висел на руке зоотехника. Но, сообразив, что хозяйка больше не сердится, завозился, пытаясь спрыгнуть на пол. Жарков наклонился и отпустил задержанного.

— Не беспокойтесь, Евдокия Марковна, мы с Чуберленом быстро найдем общий язык. Только ящик вы ему маловат поставили. Не сбежал бы.

— Куда он дальше сеней денется, — улыбнулась баба Дуся, ловко подхватив кружащего под ногами поросенка и возвратив в изгрызенный по краям деревянный ящик. — А через день-другой обратно отнесу. Пусть пороссята от этого разбойника отдохнут.

— Ничего, что беспокойный. Вырастет, хорошим кабанчиком будет. Но вы не тревожьтесь, Евдокия Марковна, у вас уже есть один беспокойный постоялец. Я поспокойней. И за постой, и за постель заплачу, сколько спросите.

— Уж все обговорено с Саввой Кондратычем, — отмахнулась баба Дуся, — все приготовлю. Сейчас уж прости, Алексей Степанович, к свиньям побегу. А как вернусь, все и устрою. Я там на столе все поставила. Как поешь, посуду на залавок поставь. А я приду, все приберу.

Баба Дуся еще покрутилась на кухне, нарезала толстыми ломтями хлеба, показала, где взять соленого хре-

ну. Высунувшись в окно, махнула рукой в сторону грядок с луком и чесноком, которые отведены были в еду, а не в зиму. И, повязав голову другим платком, ушла.

В доме стало тихо. Только тикали ходики на стене да всхрюкивал в коробе Чуберлен.

Алексей пообедал, чувствуя, как тяжелеют веки, отнес посуду за занавеску. Присел на стул и, едва опустил голову на руки, тотчас заснул. Сон навалился тяжелый и жаркий, как медвежья вежливость председателя. В нем был старый почтарь, раскаленное поле и маленькие фигурки работников по пояс в выгоревшей траве.

Жарков шел к ним через поле. Редкие высокие свечки переросшего щавеля цеплялись за полы и попадались под руку. Алексей дернул рукой, убирая с дороги щавелевые плетки. Что-то хрюкнуло. И что есть силы вцепилось в палец зоотехника. Алексей Степанович тотчас проснулся, перепуганный со сна, резко вскочил, и Чуберлен, который все это время занимался тем, что отгрызал пуговицы с пиджака спящего зоотехника, кубарем полетел на пол.

В зубах свиненка блеснул зеленой эмалью значок училища. Поросенок припустил к двери. Жарков, ругаясь, схватился за лацкан, с ужасом понимая, что неугомонная свинья уволокла поплавок. И бросился вслед за воров, который забился в угол двери и усердно жевал добычу, понимая, что ее вот-вот отнимут точно так же, как и клепку от чемодана.

— Попался, паскудник, — сурово проговорил Алексей, приближаясь к поросенку. — Дальше двери не убежишь.

Чуберлен запутался в копытцах и сел, прижавшись в угол задом. Алексей схватил визжащего разбойника и принялся разжимать ему челюсти, надеясь, что поплавок с позолоченными колосьями не сильно пострадал от поросячьих зубов. Чуберлен дергался в его руках и наконец, понимая, что со значком придется расстаться,

выплюнул свою драгоценность и в то же мгновение снова тяпнул за руку жадину-зоотехника.

Алексей выпустил вредную скотинку и потянулся за значком. И в эту самую минуту дверь отворилась, и значок прыгнул прямо под сапоги вошедшему. Подлый поросля снова завладел добычей.

— Савва Кондратьич послал узнать, — начал Гришуня, но не успел договорить. Ему в ноги кинулся маленький поросенок, а за ним, ругаясь, новый зоотехник, который тотчас растянулся на пороге, вскочил и побежал вслед за нашкодившей свиньей.

— ...не надо ли чего, — оповестил Гришуня пустую избу. Пожал плечами и выглянул в окно. За палисадом мелькнул стрелой поросенок, потом — его до предела разозленный преследователь. И все стихло. Но еще через минуту послышалось кудахтанье кур у почтарева дома. Видимо, или маленький поганец, или новый зоотехник налетели-таки на чемпионку Советку.

— Вот почтариха задаст, — усмехнулся Гришуня, радуясь, что чужак в первый же день умудрился так проштрафиться.

Жарков пролетел через деревню, не глядя по сторонам и пытаясь только не упустить из виду розовое пятнышко чуберленовского зада. Он нагнал поганца уже за деревней, у коровника, когда неугомонный свин, видимо решив, что оторвался от погони, остановился как следует распробовать вновь отвоеванный трофей.

Умная скотина взвизгнула и тотчас умолкла, покорно разжав челюсти. Жарков бережно убрал значок в карман, а Чуберлена сунул под мышку, прижав покрепче, чтобы не вырвался. Рядом в траве как одержимый неистово стрекотал кузнечик. Шумел ветер в ветвях берез. Жарков слышал, как, покрикивая, доярки готовятся доить своих любимиц. Но вдруг сквозь этот знакомый, успокаивающий шум пробился резкий, чуть надтреснутый старческий голос, раздававшийся из полуоткрытой двери коровника.

Вы-ы не вейтеся, черные кудри,
Над мое-ею больной голово-ой.
Нукасукастой!
Я сего-одня больна и бессильна
Не-ету в сердце было-ого огня.
Нукасукастой!

Алексей тряхнул головой, сляясь отогнать наважде-ние. Голос на какое-то время умолк, но едва Жарков шагнул внутрь — глаза пытались привыкнуть к полу-мраку, — как грянула новая песня, похожая на преды-дущую только рефреном.

— За-а гриба-ами в лес девча-ата,
Гурьбой со-обрали-ись.
Ну-укасу-укасто-ой.
Как взошли-и в опушку ле-еса,
Все-е поразбредли-ись.
Ну-укасу-укасто-ой.

Старик отставил подойник, сполоснул вымя круп-ной пестрой корове. Корова переступила ногами, едва не зацепив подойник, и старик урезонил ее своим вол-шебным словом.

— Нукасукастой, Зорька, я тебе. — Старик повер-нулся и заметил чужака.

— Ой, мать едрена кочерыжка. — От удивления ко-ровий певун крепче сжал подойник, капля молока вы-рвалась через край и поползла вниз. В отдалении оби-женно замычал теленок. Часть молока, видимо, причи-талась ему.

— Море под коровой, — поприветствовал старика Жарков привычной с детства фразой. Чуберлен под мышкой обиженно хрюкнул.

— Река молока, — отозвался дояр. — Ты, значится, новый зоотехник? Вместо Иваныча? Так, энтого, — старик замылся, видно, с досады, что так негодно начал знакомство с новым начальством, — значится, милости просим.

— Алексей Степаныч, — подсказал Жарков.

— Семен Василич, — отрекомендовался дояр.

— Что ж ты, Семен Василич, к каждой корове со своей песней идешь? — У старика был такой сконфуженный вид, что Алексей решился отбросить заготовленную важность.

— Как же, — ответил старый дояр, — каждая коро-ва свою песню знает. И стоит, значит, спокойно. А то так и топают. В молоко намусорит, а бывает, и раскати-тит все.

— А что это ты их все по матушке, Семен Василич, без этого никак? — усмехнулся Жарков.

— Никак по-другому, товарищ зоотехник, — широко улыбнулся во весь редкозубый рот старый дояр. — В советской стране без волшебного слова и коровка не доится, и свинья не поросится. А если с коровами мне поможешь, так мы с тобой еще и трубочку успеем вы-курить. Только уж больно друг у тебя вредлив. — И, приблизив свое покрытое оспинами лицо к самому пяточку поросенка, спросил у того ласково: — Здорово ли живешь, Нота Чуберленская? Хорошо тебя бабка Дуня кормит?

Фыркнула в кулак одна из доярок. Вторая подошла и вынула из рук Жаркова скромно сложившего копытца Чуберлена и пристроила поросенка в ящик с сеном. Свиненок принялся жевать и ворошить подстилку и забыл недавнюю обиду.

— Он к нам уж прибежал, паскудник, — усмехнулась одна из доярок. — Как стащит что, так к нам чешет и в стойло к Победке норовит. А у нее нрав беспокойный, не в духе пришибет порося, а нам перед колхозом от-вечать. Так что вы, товарищ зоотехник, его не больно из избы выпускайте.

— Да я нынче сам его пришиб было. — Жарков по-грозил поросенку пальцем, но тот не обратил на недав-него преследователя никакого внимания.

Бабы засмеялись. Старик Василич крикнул, разгла-дил пальцами седые усы.

— Ну что, товарищ зоотехник, — подмигнул он. — От Чуберлена мы тебя спасли. Не поможешь ли с коровками?

Жарков принял испытание спокойно. Так в сказках богатырь выслушивал задания Бабы-яги. И у них в Рыполове к чужакам долго присматривались, испытывали и нрав, и умения. А то мало ли кого ветром из города принесет. Алексей принялся закатывать рукава.

— Этак он вас, Алексей Степаныч, вместо себя пристроит, а сам в зоотехники выбьется. А, Василич? — поддела старика смешливая соседка.

— А хоть бы и в зоотехники, — обиделся дояр, — нешто я колхоза не знаю. Не велика премудрость, Алексей Степаныч меня выучит. Неужто не разберусь.

— В четырех сиськах коровьих разберись, грамотей, — захохотали бабы. — Не нужен нам старый плешивый зоотехник, когда нам партия такого красавца молодого прислала.

Жарков неодобрительно покачал головой, продолжая улыбаться.

— А что, бабочки, кто из вас самая лучшая доярка? — подзадорил он. — Посоревнуемся? А потом ты мне, Семен Василич, коровник покажешь. Покажите, что за корма у вас, как молодняк поживает.

Бабы, посмеиваясь, повели Алексея показывать коров и молодняк. Едва отбившись от их шумной радостной стайки, Жарков вышел из дверей, по дороге подцепив под мышку Чуберлена, и поискал взглядом старика. Выспрашивать у баб про особинку Знаменского Алексей Степаныч не рискнул, а старый дояр оказался мужиком сметливым и вдумчивым, да и поболтать не дурак.

Василич уже скинул рабочее, надел свое, деревенское, и теперь умывался, в три погибели согнувшись над ведром воды у колодца. Он фыркал и плескался как гусь, и мелкие капли воды блестели в коротких иголочках седины на круглой макушке старика.

— Семен Василич, — позвал его Жарков. — Мы же с тобой хотели по трубочке выкурить. А ты засобирался уже? А я-то думал, поговорим.

Дед потер лицо полотенцем, тщательно вытер рўки и теперь, крихтя, раскладывал полотенце на перекладине воротец.

— Уж через пару минут сухое будет. Бабочки пойдут — приберут. А мы с тобой потолкуем, как без того. Только сейчас побегу я, товарищ зоотехник. Работники из полей скоро придут. А тебе если охота до разговору — так у девчат день до вечера долог. Ты мужчина видный, не то что я, старый строчок.

— Так, может, по дороге поговорим. — Жарков подцепил из ведра горстью воду, потер лоб.

— Что, боишься, девки на части порвут, если Василич тебя плешью не прикроет? — Старик усмехнулся, застегнул ворот, словно на свидание собирался. — Да ладно. Пойдем. Ты работников-то уж видел?

Алексей кивнул. Отчего-то старый Василич сразу пришелся ему по душе. Может, оттого, что напомнил умершего еще до войны деда, а может потому, что на таких стариках, балагурах и трудягах, всегда деревня стояла, и Алексей привык доверять таким, да и чутью своему верил. А чутье подсказывало — добрый человек старый дояр.

Шли, перешучиваясь. Звенел над полем в вышине жаворонок. И запах травы, душистый и пряный, плыл над деревней горячим облаком. Жарков пару раз хотел было, но так и не решился заговорить о работниках.

Да и старик становился с каждым шагом все молчаливей. Опустив голову, подождал, пока Алексей отнесет в дом бабы Дуни шкодника-Чуберлена. И уж больше не проронил ни слова. Жарков не пытался разговаривать старика.

Они сели на бревна возле большого сарая с распахнутыми настежь дверями. Закурили.

Табак у старика оказался недурен.

— Свойский? — спросил Алексей.

Дояр кивнул.

— Хорош, — добавил зоотехник.

Старик кивнул снова и затянулся.

Алексей, раздосадованный внезапной молчаливостью балагура Василича, хотел уже спросить, отчего они сидят тут, на солнцепеке, но замолчал. Потому что совсем рядом послышалось шарканье десятков ног. И на дороге, ведущей к сараю, появились работники. Они шли по трое, касаясь друг друга плечами. Но двигались так слаженно, словно не жаворонок звенел над их головами, а отбивал ритм невидимый и неслышимый барабан.

Жарков замер, не в силах даже выдохнуть.

Работники были мертвые. Уж тут зоотехник ошибиться не мог. Кожа лоскутами слезала с черепов, торчали из-под косынок и кепок остатки волос. Под высохшими губами виднелись желтые зубы. Жарков тихонько ущипнул себя за бедро, но видение не рассеялось. Колонна из полусотни мертвяков двигалась ему навстречу, мерно покачиваясь. В руках мужчин — косы, у баб — грабли.

Знать, одежду мертвым колхозникам никто не менял, потому как следы тления отчетливо виднелись на поношенных рубашках. Но первый испуг зоотехника прошел вместе с передними рядами работников. Впереди шли те, кто постарше сроком, потому что дальше пошли мертвяки покрепче. Мясо еще не спешило отслоиться от их костей, трупные пятна на руках и лицах были не слишком велики, а те, кто замыкал шествие, были и вовсе недавние. Особенно бросилась в глаза Алексею совсем юная и удивительно красивая девушка с сизой полосой на тонком горле. И мертвая, двигалась она плавно, словно лебедь. И большие глаза, опущенные длинными, как у теленка, ресницами, даже в смерти не потеряли своей озерной голубизны.

На девушке, в отличие от других работников, был чистый сарафан. В длинной, почти до колен, косе мелькала синяя лента.

Работники равнодушно миновали замершего зоотехника и начали строем заходить в сарай. Первые уперлись лбом в стену, остальные останавливались, натываясь на шедших впереди.

Замыкал процессию Гришуня. Парень выглядел немного усталым. Но, заметив зоотехника и старика, приободрился, сорвал метелку травы и сунул в зубы, ухмыляясь.

— Ты нынче ведешь? — глухо спросил Василич.

— Меня Григорием Егорычем звать, — задрал подбородок бесстыдник-Гришуня. — Вот и зови меня, Василич, по всей форме. А то сам знаешь.

Старик ссутулился от этих слов, потемнел лицом. Волна гнева заставила Жаркова сделать шаг вперед, но дояр удержал его за руку.

— Позволь, Григорий Егорович, Варю мою мне на минутку из отряда забрать? — низко склонив голову, еле слышно проговорил он.

— Пошто тебе? — продолжил Гришуня.

— Не зелен ли ты так со старшими разговаривать? — вмешался было Алексей, но Василич цыкнул на него так зло, что зоотехник умолк.

— Да я... — Старик недоговорил, просто вынул из кармана гребешок и красную ленту.

— Так ей теперь твои ленты без надобности, — с каким-то непонятым удовольствием проговорил Гришуня. — Ладно, бери свою Варю.

Парень исчез в сарае, и стало слышно, как он считает по головам работников. А старый Василич потянул за руку мертвую красавицу. Она не шелохнулась. Тогда дояр подошел к ней сам, бережно, насколько позволяли большие неловкие руки, расплел косу, провел дрожащим в пальцах гребнем по русым волосам девушки, погладил склоненную голову. Потом, не торопясь, переплел косу, переменяв синюю ленту на алую.

— Отойди, Василич, заговоренкой окачу! — крикнул Гришуня. Пересчитав работников, он уже приготовил ведра с водой. И, едва Василич отошел, выхлестнул

воду на головы работников. Смердный дух, что стоял в сарае и около, немного развеялся. И от воды кожа мертвецов слово засияла.

Гришуня довольно ухмыльнулся. А старик подошел к своей Варе и бережно промокнул ей лицо и руки платком, который нашелся в том же кармане, что и гребешок.

— Добрый вечер, товарищи, — проговорил за спиной Жаркова знакомый голос. Председатель протянул руку зоотехнику, махнул Гришуне и направился к дояру. Метелки травы хлестали председателя по голенищам, осыпая пылью. Жарков заметил, что синее пятно на руке Саввы Кондратьевича словно выросло, выползло из рукава на ладонь, затекло тонкой струйкой между указательным и средним пальцами. Председатель положил эту страшную руку на плечо старику. Тот вздрогнул, выныривая из своих невеселых мыслей.

— Шел бы домой, Василич, — вполголоса проговорил он, досадливо качая головой. — Ну не дело это. У всех родня в работниках. Ты что мне дисциплину нарушаешь в колхозе? Этак все начнут к работникам ходить.

Дояр оглянулся, бросил на председателя горящий страшной яростью взгляд, но тотчас опустил глаза и, ссутулившись, побрел прочь от сарая.

— А ты куда смотришь, молокосос? Не хватило тебе того, что уже натворил! — напустился было председатель на Гришуню.

— Ничего я не делал, дядя Савва, сто раз тебе повторял! — отозвался паренек. — А Варька дура, сама...

Он недоговорил. Оба оглянулись на зоотехника и замолчали. Гришуня подошел к сараю, затолкал внутрь стоящую столбом мертвую Варю, запер двери, фыркнул и пошел восвояси.

Председатель обернулся к Жаркову.

— Ну, вот и увидел работников, — проговорил он серьезно. — Вот она, особинка знаменская. Ты, това-

рищ зоотехник, знать хотел. Теперь знаешь. Да, работают у нас мертвяки, хорошо работают. По 100 трудодней закрываем, как на механизатора крепкого. Ни еды, ни питья работнику не надо, а советской власти лишние руки, хоть и неживые. И живым легче. Деревня у нас богатая, пол-Союза не отказалось бы так пожить.

— Так что ж не живут? — спросил Жарков. — Или делиться не хочется?

Председатель сжал челюсти. Видно, тон собеседника сильно задел его. Но Савва Кондратьич решил не горячиться.

— Вижу, что ты обижен на меня, Алексей Степанович, что я тебе сразу все не выложил как есть. Но тут дело тонкое. Теперь вот сам все увидел. Можно и поговорить. С документами, без вензелей. Делиться-то мы бы и рады. Мои предки шесть веков в этих местах живут. И раньше мертвяков Семышевы, Малышевы и Ковровы поднимали. По сельской надобности приходилось иногда. А потом, как голод пришел, люди мерли, решили мы на совете правления, что надо... работников поднимать. Работать некому было. У нас в правлении из всех трех родов люди. Вот и начали. Полегче стало. А теперь уж и повелось. Хотели опыт другим колхозам передавать, так не выходит ничего. Только эта земля нас слушает. И плату свою берет.

Савва Кондратьевич поднес к самому лицу Алексея свою чернеющую руку.

— За каждого поднятого работника я и родня моя своей кровью платим. Как дойдет зараза эта до сердца — будет кто-то другой с землей договариваться. Вот хоть Гришуня, племянник он мне. Тоже может. Только пока не трогаем его, работников гоняет, а поднимать мать не дает. Пусть уж сначала семьей обзаведется, род продолжит.

Председатель стоял перед Жарковым почти виновато, мял в руках пыльный картуз. Словно оправдывался.

— Разыгрываешь ты меня, Савва Кондратьич, — отмахнулся Алексей. Хоть и работников видел своими глазами, близко, как никогда, не отваживался глядеть на других мертвецов, хоть и стояла перед глазами темная гниль на руке председателя, а все цеплялся разум за соломинку, не желал верить. — Не может того быть, бесовщина какая-то. Ты же советский человек, атеист, председатель, а городишь... чушь несусветную. Не хочешь мне говорить, какие эксперименты нынче в Знаменском идут, не говори. Но и не путай. Скажи, мол, не твоего ума дело, товарищ зоотехник. Твое дело коровы, лошади, свиньи, козы... куры, наконец. А работников не трогай. Я пойму и вопросов задавать не буду. Но бабкины сказки мне рассказывать не надо. Чай не два-по-третьему.

Председатель сокрушенно покачал головой.

— Не сказки это, — спокойно перебил он возмущенную речь Алексея, — Говорю тебе все как есть. И, будет оказия, покажу все без утайки. Но ты одну вещь усвой, Алексей Степаныч, у кого-то в других краях родные в земле лежат, а у нас в землю идут, только когда уж в поле идти не могут, когда истлеют до последнего предела. Потому и люди у нас другие, хоть на первый взгляд и не видать. У нас, в Знаменском, каждый день бок о бок со смертью человек в поле идет. И знает, что, когда настанет смертный час, провожу я его в работники, чтобы мог и после кончины стране и деревне родной послужить. Останешься у нас, и ты сможешь, когда время придет.

Последние слова Савва Кондратьевич проговорил с гордостью, почти хвастаясь. Жаркову стало не по себе. Но он не подал виду. Рассказ председателя был неубедителен, зато убедительны были цифры, документы, планы и сметы, над которыми зоотехник и все правление колхоза просидели до утра. Молодой задор взял верх, и Алексей, удивительно быстро привыкнув к дополнительным столбцам в расчетах, к полуночи уже из-

лагал новому начальству, что нового и полезного можно сделать колхозу для себя и страны, если использовать резервы мертвяков не только на полевых работах, но в животноводческом секторе.

К бабе Дуне он вернулся под утро, возбужденный и взбудораженный перспективами. Под ноги в прихожей сунулся Чуберлен, но Жарков, не глядя, подхватил поросенка, сунул в коробку и прошел в комнату, стараясь не разбудить хозяйку.

Она поднялась сама, едва он лег, зашумела на кухне. Алексей лежал поверх застеленной кровати и думал о том, как много можно сделать, имея в руках такие ресурсы, какие есть здесь, в Знаменском. Потом, совсем некстати, всплыло перед глазами красивое равнодушной личико мертвой Вари, коричневая полоса от веревки на ее горле. И светлые капли воды на седине Василича.

С тем Алексей уснул. Снились мертвые, что, перешептываясь, смотрели на него из-за занавесок. Снилось чемпионка Советка, что склевывала цифры из Алексеевых расчетов. Жарков смахнул курицу со стола и проснулся. Чуберлен, видно, забравшийся к нему на постель, шарахнулся в ноги зоотехника.

Алексей понял, что проспал лишку, торопливо оделся и отправился в сельсовет. Потом был в коровнике, но угрюмый Василич словно не заметил нового товарища. А Жарков не стал набиваться. К полудню Алексей был поглощен осмотром ремонтных свинок. Он уже обошел основное поголовье. Оценил хряков. Застал на рабочем месте бабу Дуню и позволил себе потратить пять минут на восхищенное воркование хозяйки над своими свиньями. Подопечные у бабы Дуни были и вправду внушительные, громадные, сытые, сонные, они бродили как грозовые тучи, время от времени выговаривая что-то друг другу громовым басовитым похрюкиванием.

— Вот и Чуберлен наш таким вырастет, — объявила Евдокия Марковна, гордо подняв курносый нос. — Я хорошего хряка сразу после опороса в помете узнаю.

Жарков согласился. Кто-то из свинок хихикнул рядом. История погони нового зоотехника за поросянком облетела колхоз со скоростью света. И Алексею ничего не оставалось, как улыбаться в ответ на шутки и подначки, благо в свиноводстве, как и в коровнике, работали в основном бабы. И шутки их были добродушными и отличались скорее кокетством, чем лукавством.

— Прыткого всегда сразу видно, — поддела другая свиноводка.

— Твой прыткий язык да в доброе бы дело, — вступилась за зоотехника баба Дуня. Алексей хотел вмешаться, но не успел.

— Беда, беда, — заголосил кто-то за сараями. — Василич Гришуню вилами убил!

— Как убил? — присела на край загона баба Дуня. — Василич?

Все, до кого долетела черная птица вести, побросали дела и, путаясь в подолах, бросились к вестнице, доярке Катьке Пашариной. Та, раскрасневшись от бега и важности, рассказала, сверкая глазами, как пришел Гришуня в коровник и Василича донимал, чтоб тот к Варьке не ходил, потому что Савва бранится.

— Варьку, говорит, дед, ты же не вернешь, зачем воду мутишь, — трещала Катька. — Она сама виновата, что в петлю полезла. И про тебя не вспомнила, когда удавиться решила. Вот и пусть ходит в работниках, пока держится. Все там будем, говорит.

Катька задохнулась, закашлялась. Кто-то подал ей ковшик воды, вестница плеснула на лицо, пригубила. И, переведя дух, продолжила:

— Ну и пошел Гришуня. Василич стоял-стоял, лицо у него все сделалось черное. А потом он взял вилы да Гришуню прямо в бок и ткнул.

— Насмерть? — вздохнули в толпе.

— Знамо, насмерть, — проговорил кто-то из баб. — Собаке собачья смерть.

Алексей поискал в толпе ту, что бросила последние слова, но бабы глядели все одинаково, удивленно-сочувственно, качали головами, прижав руки к щекам.

— А Василич что? — спросила баба Дуня, протолкавшись через толпу более рослых и молодых товарок. — Как дед-то? Убежал? Или уж у председателя?

Лицо Катьки переменялось, сорочий треск оборвался. Вестница растерянно посмотрела по сторонам, словно ожидая, что кто-то выскажет за нее страшные слова.

— Он... в мялку кинулся. Нету Василича.

Все смолкло. Прижатые в извечном жесте плакальщиц к щекам руки опустились, а следом уперлись в землю еще мгновение назад горевшие любопытством взгляды.

Алексей зажмурился. Слишком ясно представилось ему то, что могла сотворить мялка. Видел он раз, как девчонку в мялку затянуло за подол. От правой ноги одна жижа красная осталась да тряпки. А уж если дояр сам туда сунулся, знать, и хоронить уж почти нечего.

— Может, как придет время, и мне в мялку, — проговорила себе под нос Евдокия Марковна. Никто не услышал ее. Мгновение тишины сменилось оживленным гулом расспросов. А свинарка побрела к своим питомцам. Уж ни деду Василичу, ни Гришуне помочь было нельзя, а свиньям уход нужен.

— Алексей Степаныч, — Катька подошла тихо, выскользнула из толпы судачивших баб, — вас Савва Кондратьевич звал. Сказал, вы хотели посмотреть, как работника поднимают.

— Чай, не даст сынка почтариха в работники подымать и на дядьку не поглядит, — буркнула проходившая мимо свинарка. Бабы по одной возвращались к работе.

— Как бы не так, — отозвалась вторая. — Подымет племянника как миленького. И Юрьевна слова не скажет. Варьку вот только жалко.

Алексей кивнул Катьке. Та наскоро попрощалась со всеми и повела зоотехника к председателю. Видно, поднимать решили дома, у почтаря. Старик Семеныч уже был там, стоял, мял в руках шапку и то и дело смаргивал красными глазами да изредка вытирал шапкой слезы, бежавшие по щекам. Вокруг уже толпились люди. На лавке возле окон лежал Гришуня. Русые волосы растрепались, белая домотканая косоворотка с левого боку вся пропиталась кровью. Над ним стоял председатель.

Принесли ведро с водой, и председатель долго мыл в нем руки, скреб ногтями черные пятна.

— Может, я подниму, Кондратьич? — подошел к председателю кто-то из старших Ковровых, громадный былинный бородач в рубашке, за воротом которой виднелся край темного пятна родового проклятья.

— Оставь, Игнат, тебе ли с Верой связываться. — Савва Кондратьевич отер руки полотенцем, бросил рушник на траву. К нему тотчас сунулась чемпионка Советка.

А потом словно отхлынули все, расступились. Куры с кудахтаньем нырнули под забор и торопливо прыснули к домам на другой стороне улицы. Ком встал в горле у Алексея, потому что почудилось ему вдруг, что кто-то рванул его за самое нутро, за хребет, за самые глубокие жилы. И провернул так, что кости хрустнули. Вихрь закрутил в кольцо дорожную пыль и спорхнувшую в метелок травы пыльцу, обнял заклинателя и мертвеца.

Савва Кондратьич стоял не шевелясь. Он не сплетал рук, не произносил заклинаний. Никакой бесовщины, что ожидал Алексей, не было и в помине. Он просто смотрел на мертвеца. И черное пятно на руке дрогнуло и поползло вниз по пальцам, заливая всю кисть.

— Стой, Савва! — Юрьевна влетела во двор вихрем, сила брата уронила ее на землю, так что птичница не успела добежать до лавки, где лежал Гришуня. На ее заплаканном красном лице светились нестерпимой синевой одни глаза, полные боли. Цветной платок съехал на сторону, бились на колдовском ветру пряди, в которых кое-где посверкивала седина.

— Савва, — прошептала птичница, — не поднимай Гришку. Не смей. Ведь он должен был твое место занять!

Председатель не оглянулся на сестру, он продолжал сверлить страшным, тяжелым взглядом мертвого. Руки Гриши дрогнули, шевельнулись пальцы.

— Да уж, не в простые работники сыночка прочила, — ядовито шепнул кто-то за спиной Алексея, — в председатели хотела. А теперь вот со всеми в поле пойдет, полутнидок.

Ветер хлестнул всех по лицам, бросил в глаза пыль, вторым ударом вышиб воздух из груди. Так что зеваки вздрогнули и разом втянули ртом воздух.

— Вставай, Григорий, — осипшим, прерывающимся голосом проговорил председатель. Слова давались ему с трудом. Голос скрипел, подобно мельничному жернову. — Иди. Я зову.

Смерч все туже свивался вокруг них, сжимая страшное кольцо. Сорвало платок с головы Юрьевны, саму ее, оказавшуюся ближе всего к брату, прижало ветром к земле, так что она уже отчаялась поднять голову и только плакала, уткнувшись лицом в траву.

Григорий снова дернул руками, так что правая сорвалась со скамьи и повисла плетью. Но тут глаза его открылись, ноги и руки задвигались, беспорядочно, как паучьи лапки. И Гришуня сделал попытку подняться. Он рванулся с лавки, перевернулся и упал ничком на траву, замерев в нелепой изломанной позе. Вихрь стих, распавшись на несколько маленьких смерчей, что выскользнули за ворота и погнались по улице крошеч-

ные, не больше ладони, воронки пыли и несколько сорванных с березы листьев.

Председатель покачнулся, прошел на неверных ногах до угла дома и привалился к стене.

Кто-то поднял Гришуню, заставил разогнуться. К мертвецу бросилась Юрьевна, но ее оттащили. А парнишка продолжал стоять, глядя перед собой бессмысленным синим взглядом.

— Уведи, — шепнул председатель кому-то. — Загни к новым.

— Так там... Варька.

— Вот к Варьке и веди, — раздраженно бросил председатель. — Им теперь обоим все равно.

— А Василича что, поднимать не будешь? — завопила Юрьевна вслед брату. — Убийцу Гришкиного так похоронишь? Не много ли чести сразу на погост?

— Да нечего там поднимать, Вера. Его из мялки едва вынули, — устало отозвался председатель.

Вечером Евдокия Марковна была непривычно молчалива. Вся деревня, казалось, погрузилась в траур. Дояра жалели и бранили, Гриню бранили и жалели. Тело первого положили в доме, оставили с ним баб и плакальщиц. Второго отвели в сарай, где приткнули в затылок к Варваре, так что толстая Варькина коса едва не цеплялась за пряжку Гришкиного ремня.

— Я в ночь к Василичу пойду, — заговорила наконец баба Дуся. — Посижу с ним. Хороший был человек, добрый, спокойный. Таких судьба и метит. Сначала сын с войны не вернулся, потом Машка, невестка, по весне в пруду утонула. Осталась у него одна Варя. Уж он ее так любил, души не чаял.

Алексей молчал, боясь оборвать рассказ. Баба Дуня налила щей в тарелки, махнула рукой: садись, мол, товарищ зоотехник.

— А Варя красавица была чудесная. Она и в работницах хороша, а живая была — как королева. И пела так, что у мужиков, у тех, кто войну прошел, слеза на-

ворачивалась. Чудная была девочка, как птичка весенняя. Когда Василич узнал, что положил на нее глаз наш Гришуня, уж поздно было. Уговорил девчонку. Дурацкое дело-то нехитрое. Думала, женится на ней председателей племянник. Но Юрьевна ей все толково объяснила. Что Гришуне судьба другая уготована и жениться ему рано. А в подоле принесет Варя, так стыд глаз не выест, а дед вырастит. Василич и рад бы вырастить, но Варя по-своему рассудила. Пошла в лес и удавилась. Далеко зашла. Думала, долго искать будут, уж успеет испортиться. Но на ее беду девчонки в дальний лес на тракторе за брусникой поехали. Еще теплую нашли, часу не висела. Савва Кондратьич ее поднял, мертвой-то стыда нет. Как убивался Василич, не расскажешь. Сам напросился на вилы, паскудник, уж больно мучил старика. А тот все никак не мог привыкнуть, что в работниках его Варя. Идем как-то с работы, сели передохнуть, годы-то уже не те. И работники с поля возвращаются. А у Вари коса растрепалась, висят волосы патлами на лице, и в них трава запуталась. Увидел Василич, заплакал, пошел просить Ивана, что тогда погонщиком на работах был, чтобы он ему разрешил Варю расчесать. Так каждый день и ходил. Савве не нравилось, непорядок, вот и поставил Гришуню в погонщики. Думал Василича от Вари отвадить. А вот оно как вышло...

Евдокия Марковна подперла голову рукой, так и не притронувшись к щам. Но, помолчав, окунула луковичу в соль и с хрустом откусила, заела хлебом. На глазах выступили слезы, повисли на коротеньких светлых ресницах. Баба Дуня смахнула их, но складка, залегшая между ее светлых бровей, не разгладилась, а словно бы стала глубже.

Алексей ел, не решаясь нарушить тишину. Не к месту чужаку в таких делах свое мнение высказывать. Ели молча. Ходили по стенам мухи. Самые смелые садились на стол, бродили по краю хлебной тарелки. Евдокия

Марковна безразлично взмахивала рукой над тарелками, отгоняя непрошенных гостей.

— Видел я, как ваш Гришуня над ним измывался, — наконец проговорил Жарков. — Понимаю, как до вил Василич дошел. Но зачем он в мялку полез? Ведь подумать страшно, каково это. Пруд рядом — топись, берез в округе не сосчитаешь — вешайся, только кушак развязать... Зачем так мучиться? Может, вину свою так искупить хотел?

Баба Дуня сочувственно покачала головой. Поднялась, подошла к портрету и долго смотрела на румяное отретушированное лицо покойного мужа.

— Моего Георгия Иваныча не поднимали. Он в сорок четвертом погиб, — проговорила она. — Игнатушка мой в сорок пятом без вести пропал. Мой сам был из этих мест, а меня привез издалека, из Гарей, из Калининского колхоза. Я тогда много по колхозам ездила. Был у нас в Калининском театр, я все главные роли играла. Заметил он меня. Так и сложилось. Перебралась я в Знаменский, Игнатушка родился. А я все не могла привыкнуть к работникам. До чего страшно было. Я все просила Георгия Иваныча уехать. А он ни в какую, не хотел родной колхоз покидать. И теперь нет у меня ни мужа, ни сына, и живу одна. Хоть и долго здесь живу, а все не привыкла. Как подумаю, что помру и поднимет меня председатель в работники, что буду я, пока не истлею, бродить неприбранная, смердеть да на гнилые кости разваливаться, так сердце и сжимает. Не по-человечески это и не по-божески. Вот и Василич не захотел в работники. Обидела его эта земля, судьба обидела, а за что — кто знает? Хороший был человек. И покой свой всеми муками заслужил.

Баба Дуня стояла у комода, положив руку на край портрета. Чуберлен, воспользовавшись минутой, прыгнул на руки к Жаркову, сунулся к лацкану, но не нашел заветного значка и, обиженно хрюкнув, свернулся на коленях зоотехника, сунув пяточок под полу пиджака.

— Понимаю, — наконец проговорил Алексей. — Но ведь не сбросишь со счетов, сколько пользы от этого, сколько хорошего и стране, и колхозу. Ведь такую богатую деревню, как ваша, поискать еще. И живым легче, и мертвым не без пользы гнить в земле... Ведь такое чудо дано!

Алексей замолчал, натолкнувшись на холодный взгляд Евдокии Марковны.

— Ты только скажи мне, Алексей Степанович, — строго спросила она. — Только не по цифрам, а по советам. Я ведь никому не передам. Сам-то согласился бы в работники?

Алексей хотел кивнуть, но тотчас встало перед глазами лицо мертвого Гришуни, Варькина коса, а потом сизые с прозеленью лица работников, что видел он вчера. Жарков затряс головой, отгоняя видения.

— То-то, — пробурчала баба Дуня. — И я не хочу.

— А иначе как? — проговорил с сомнением Алексей. — Раз уж назвался груздем, придется в кузов лезть. Если можно так стране пользу принести...

Евдокия Марковна уже не слушала его. Она подошла и, мгновение постояв над что-то толкующим самою себе Жарковым, бухнулась перед ним на колени.

— Что уж так, Евдокия Марковна, — заговорил он, потянул хозяйку за руки, заставляя подняться. С визгом скатился с колен зоотехника задремавший Чуберлен.

— Алеша, сынок, — забормотала свинарка, хватая в обе ладони ее руку. — Ты один здесь чужой, как и я. Один ты поймешь. Не хочу я в работники. Давно руки бы на себя наложила, но нету у меня столько силы, как у Василича. Не могу я в мялку. Да и грех какой — себя жизни лишить. Но в работники не пойду. Думала, станет председатель с того света звать — не встану. А если поднимет все равно, у него вон какая силища.

Баба Дуня цеплялась за колени и руки Алексея. Он порывался встать и садился снова, рядом сновал встревоженный Чуберлен. И тут где-то вдалеке заголосили,

запричитали. Видно, разрешил председатель поплакать по Василичу. Алексей вздрогнул. А Евдокия Марковна уткнулась лицом в его сапоги и с мольбой зашептала:

— Алешенька, дай мне слово, что не дашь меня поднимать. Чужой я тебе человек, но я тебя как сына прошу. Мой сын не отказал бы мне, и ты матери своей, верно, не отказал бы. Прошу, как помру, отнеси меня к моим в хлев, да и брось в кормушку. Я уж сколько лет их на мясо-то прикармливаю. Думаю, стану помирать, пойду и в кормушку лягу. Пока хватятся, свиньи уж обгложут. И поднимать станет нечего.

Алексей рывком поднял свинарку, ударил наотмашь по щеке. Она всхлипнула и закрыла лица руками.

— Никто тебя, Евдокия Марковна, против твоей воли в работники не поднимет. Это я тебе не как сын, как советский человек обещаю. И брось все эти поповские штучки. Грех. Не по-божески. Не хочешь в работники, не надо. Ну что ты, что ты...

Жарков прижал к плечу плачущую хозяйку, усадил, налил чаю. Она пила, постукивая зубами о край чашки. А на другом конце деревни все выли и причитали по несчастному самоубийце.

Потом все успокоилось. Алексей понемногу обвыкся. Разговор забылся. И ни хозяйка, ни ее жилец не вспоминали о нем. У Жаркова было много работы. Он то и дело мотался в город, выписал новой техники. Начал ввод новых кормов, что, по предварительным расчетам, должно было сэкономить колхозу хорошие деньги. И Жарков ненавязчиво подталкивал председателя к мысли купить для деревни новый «Зил-130». Потом тихо умер почтарь Егор Семеныч, да утонули на пруду двое девчат. Их подняли в работники.

Жарков смотреть уже не ходил. До сих пор неприятно было вспоминать, как рвал с костей мясо председателей зов. Но зато все чаще стал ходить в поле, смотреть на работников, прикидывая, как еще можно ис-

пользовать мертвые руки. Говорил с погонщиками. Долго пытал Савву Кондратьевича и его родных, как именно дают они приказы работникам и как направляют мертвецов, когда ведут на работу и обратно.

Никто толком ответить не мог. Не задумывались знаменские о том, что да как. И объяснить не сумели, но зато приобрел через свое упорство новый зоотехник славу человека толкового, ученого и ответственного.

Домой он приходил поздно. Пили чай, разговаривали все больше о свиньях. Победа, любимица Евдокии Марковны, в этом году должна была идти на замену, возраст вышел, да и поросилась последний раз скромно, не по регалиям — всего шесть поросят против прежних десяти. Баба Дуня грустила, жалела подопечную, просила выписать пенсионерку ей в домашнее хозяйство. Но громадная Победа тянула килограммов на триста, и председатель всерьез рассчитывал сдать эти триста килограммов государству, а бабе Дуне за отличную работу выписать одну из вислоухих сестер Чуберлена.

От переживаний Евдокия Марковна побледнела, морщинки на висках и скулах стали заметнее, углубились.

— И мне на замену пора, как Победе, — приговаривала она с усмешкой, глядя в круглое зеркало в стенке шкафа и оттягивая пальцами сухую, все больше сминающуюся от времени кожу на щеках. — Что-то старая я стала, а, Алексей Степаныч? Может, замуж сходить, пока ноги ходят?

— Где ж я тебе, героине труда, жениха найду? Ты у нас и свинарка какая, и передовик, и красавица, — подначивал зоотехник.

— А ты мне генерала приведи, — хихикала баба Дуня. — Чтоб на маршала Рокоссовского был похож. А я уж расстараюсь, сбросу лет тридцать, а то и тридцать пять.

Баба Дуня повязала платком белеющую шею отодня голову. Вынула из шкафа новый халат, посмотрела.

— А что, Алексей Степаныч, может, этот на смертное оставить. Хороший, с цветами. Поднимет меня председатель в работники, так ты попроси девок меня переодеть в новое. Чтоб уж в рванине не ходить. Да пусть волосы мне остригут. Лохматой и неприбранной стыдоба.

— Да не поднимет тебя Савва Кондратьич в работники, — отозвался Алексей, которому было досадно возвращаться к этой теме. — Я с ним поговорю. Чтоб уж ты не волновалась.

Баба Дуня усмехнулась, не поверив, повесила в шкаф халат.

— Ты лучше попросил бы его печку нам побелить. Пооблупилась, а когда я в работницы пойду, тебе изба достанется. Негодно зоотехнику молодому красивому в доме с такой печкой. Вот, погляди, и здесь, и здесь облупилось, и под кроватью.

Евдокия Марковна нагнулась, указывая пальцем на большую трещину в беленом теле печи, что ныряла понизу под кровать. И тут охнула, покачнулась да так и ткнулась лбом в пол, в круглую кроватную ножку.

— Ты что это? Баба Дуня? — взволнованный Алексей подбежал, попытался поднять хозяйку, но она повисла у него на руках. Щеки Евдокии Марковны побелели, губы сделались сиреневыми, под глазами — словно кто мазнул синей краской — легли тени.

— Это ты брось, мать моя, — испугался Жарков, хлопал ее по щекам, осторожно опустил на пол. — Нука, нечего разлеживаться. Открывай глазки. Тебя Победа ждет.

Но баба Дуня лежала ровно и тихо. И Алексей понял, что сделать уж ничего нельзя. Он перенес хозяйку на кровать и пошел в сени. За воротами уже звала товарку соседка Анфиса, с которой Евдокия Марковна вместе ходила на работу.

Анфиса и побежала по деревне сообщить, что Марковна преставилась.

А Жарков, забыв о делах, отправился прямо к председателю.

Савва Кондратьич, суровый и неподвижный, как свая моста, выслушал зоотехника молча. На его лысеющей голове замер солнечный блик, пробравшийся через щель в шторе. Наконец председатель пошевелился, переменял позу, поправил воротник. И Алексей увидел, что и рука, и шея председателя сплошь залиты синим. Разрасталась гниль.

— Нет, Алексей Степаныч, — отрезал он строго. — Марковну в работники поднимем в полдень. Раз уж просила ее прибрать — выпишу наряд Анфисе и Катьке, пусть на работу утром не идут, переоденут покойницу и сделают все, как хотела. А к полудню я ее подниму, медлить тут нельзя. Чем дольше лежит, тем труднее возвращается, да и работают лежалые хуже. Свежим все втолкуешь, а эти стоят, качаются, повторяй им задачу по сорок раз. Так что извини. Порядок есть порядок.

Алексей попробовал возразить, но Савва Кондратьевич отвернулся, вынул из ящика стола папку, завязанную лохматой тесьмой, и углубился в расчеты. Отвлекся лишь на секунду — подписать плакальщицам наряд на «ритуальные действия».

Жарков вышел. Но, вместо того чтобы пойти и отнести наряд подругам бабы Дуни, он отправился домой. Дом уже опустел. Все разбрелись по работам, но Алексей заметил следы присутствия соседей. Посуда, оставшаяся после завтрака на столе, была унесена в кухню, все прибрано. Зеркало на дверце шкафа загордили черной тряпкой. Из-за этого шкаф не закрывался плотно, и в приоткрытую дверь Алексей увидел изрядно поредевшие остатки гардероба Евдокии Марковны. Видно, побоялись бабы, что, пока суть да дело, все, что получше, растащат соседки. Вот и взяли сразу, на что глаз упал.

Алексей зачем-то выдвинул ящики комода и отметил про себя, что и постельного белья, и полотенец убавилось знатно.

Евдокия Марковна лежала на кровати со сложенными под грудью руками. Словно спала. Только пара мух бродила по ее лбу, на котором слева остался отпечаток ножки кровати, о которую она ударилась, падая. Одна муха запуталась в волосах и рассерженно зажужжала. Жарков согнал нахалку, невольно притронувшись к холодному неживому лбу покойницы. Она лежала печальная и покорная судьбе, только где-то в складках губ почудилась ему серенькая тень разочарования.

Зоотехник вышел в сени, принес большую мешковину и топор. Снял пиджак, повесил в шкаф, чтобы не испортить. Закатал рукава рубашки и край штанов. Выставил за дверь сапоги. И принялся за дело.

Сложить то, что получилось, в мешок было нетрудно. Тело Евдокии Марковны, безрукое и безногое, лежало на кровати, завернутое в простыню, как большеголовый младенец. Может, и под силу председателю или кому-то из правления было призвать обратно свинарку бабу Дуню, но то, что от нее осталось, едва ли годилось в работницы.

Отрубленное Алексей свалил в мешок и вынес в сени. Вернулся в избу, наскоро протер полы, убрал пропитанную кровью ветошь. А потом отправился с мешком на ферму.

Свиньи, казалось, ждали его. В их мутных черных глазках на мгновение зажегся крошечный огонек узнавания. Но потом в кормушку высыпалось содержимое мешка. И неторопливые розовые дирижабли двинулись к еде, позабыв о госте.

Невдалеке визжали и рвались к старшим поросята. Жарков подошел к загону с молодняком, вынул изрядно потяжелевшего Чуберлена и, не глядя на недавнего соседа, отнес в другой конец свинарника, где не было слышно оживленного похрюкивания жрущих свиней.

Поросенок обиженно взвизгнул. Алексей перегнулся через загородку и потрепал Чуберлена по щетинистой спине.

— И ты станешь большой свиньей, — утешил недовольно ворчащего свиненка зоотехник. — Успеется.

Солома с края загона прилипла к рубашке на животе и груди. Жарков стал отряхиваться. Сперва неторопливо, небрежно, а потом все скорее и ожесточеннее, словно боясь, что грязь проест ткань рубашки и вцепится в кожу. Выскочил на улицу, плеснул в лицо водой из поилки, утерся рукавом.

Полегчало. Стрекот кузнечиков и журчание каких-то мелких птах, невидимых в синеве и ветвях, почти заглушило жадные звуки свиной трапезы. Алексей почувствовал, что ноги едва держат его, обвел взглядом двор, выбирая, куда присесть, чтобы перевести дыхание и унять расходившиеся нервы.

— Что ж ты наделал, Алексей Степаныч? — раздался справа от него властный, строгий, царский голос Саввы Кондратьевич. — И зачем? Ведь все равно ей.

— Она не хотела в работники, — ответил Алексей и не нашел в собственном голосе ни единой ноты раскаяния. Не услышал ее и председатель. Он двинулся ближе. Поодаль стояли те, кто пришел посмотреть, как поднимают работницу, но нашел в пустом доме лишь коротенькое изуродованное тельце старой свинарки и кучу перепачканных кровью тряпок под крыльцом. Председатель, видно, шел по своим делам — вел мертвецов в поле. Позади зевак и возмущенных колхозников стояли ровными колоннами работники. К их бессмысленным покрытым язвами и трупными пятнами лицам липли навязчивые мухи. Замерли в серых руках мотыги и косы.

— Она не хотела к ним. — Жарков указал рукой на неподвижные ряды работников. — Ведь можно и не поднимать. Раз просила. Разве мало она при жизни для блага колхоза поработала?

— Мало или много — не тебе судить, товарищ зоотехник, — холодно отозвался Савва Кондратьевич. — На каждого здесь еще заживо трудодни выписаны. Вот

ты сейчас колхоз на сто трудодней наказал. И что прикажешь мне с тобой делать?

Председатель сделал еще шаг вперед. И все колхозники, мужики, бабы, девки, шагнули следом, словно зачарованные ледяным властным голосом Саввы.

— Может, сдать тебя как вредителя, как врага народа, а, товарищ зоотехник? — Еще шаг.

— Или сам отработаешь за бабу Дуню ее смертные трудодни? — В глазах председателя блеснул нехороший злой огонек. Толпа колхозников придвинулась еще ближе. И Алексей невольно отступил, натолкнулся спиной на загородку. Торопливо вытащил жердину. Жердина была крепкая, толстая, раскалившаяся на солнце, так что казалось, будто само дерево пышет жаром, стараясь сдержать янтарные смоляные слезы.

Зоотехник перехватил ее посередине и приготовился защищаться. Чужак. Своим ему никогда не стать. И не случись такое, так и жил бы весь век чужаком. Зато теперь получит председатель себе вместо старухи-свинарки крепкого и рослого работника. Алексей пообещал себе, что постарается изо всех сил, если они останутся там, за гробом, и не позволит председателю или кому бы то ни было другому позвать его снова на эту сторону.

Он отступал вдоль загороди, понимая, что перескочить не успеет. Шарахнулась из-под ноги чемпионка Советка, и стоящая за плечом брата почтариха Юрьевна скривилась, словно от боли или досады, и следующий шаг сделала чуть пошире, почти уравнившись с братом.

— Стойте, — хотел крикнуть Жарков, но горло от страха и отчаяния отказалось подчиниться, и то, что должно было стать криком, выродилось в сильный шепот, что эхом раздался в черепе.

— Стоим, — ответили ему десятки неслышных голосов.

Алексей покрепче перехватил слегу, бросив взгляд за спины наступающих на него сельчан. И увидел гла-

за. Десятки мертвых, пустых, направленных на него глаз. Они ждали приказа.

— Идите. Идите ко мне, — не пытаясь разжать сведенные челюсти, выкрикнул Жарков одной мыслью, невидимым метеором сверкнувшей над головами колхозников.

— Кто зовет? — прозвучали в его голове в унисон тихие, ровные, бесстрастные голоса.

— Я зову, — заставил себя прошептать Жарков.

Он смотрел не на наступающих сельчан, не на багровое лицо председателя с черным пятном, что медленно двигалось по шее к правому уху, не на пестрый платок Юрьевны. Он глядел над их головами и плечами туда, где, переломив о хребет надежды бесконечное мгновение сомнения, сделало первый шаг мертвое воинство.

ИРИНА СКИДНЕВСКАЯ, ЮЛИЯ МАЛЬТ

ГОСПОДИН ХАНСЕН, КОТОРЫЙ ПЕРЕПЛАЫЛ МОРЕ, И ЕГО ДЕТИ

В Осло Камилла улетела самолетом, обратно решила вернуться поездом, хотела в который раз полюбоваться яркими снегами Хардангервидды под огромным синим небом.

Поезд выскочил из туннеля, серебро замерзшей речки на миг ослепило, а затем словно воздуха стало больше — от всего голубого и белого. Этот ландшафт никогда не наскучит, столько действия в этих безбрежных снегах. Облака, притворяясь сугробами, меняют до неузнаваемости знакомые долины; снятые ветром со скал завесы тончайшей снежной пудры сверкают над пропастями, а вон там, вдалеке, цепочка крошечных лыжников старательно чертит две параллельные линии через гигантское девственное плато. После Финсе мистерия гор набрала полную силу, но прибли-

жение к дому всколыхнуло мысли о Томасе, об их жизни вдвоем.

Они были знакомы с детства. Однажды ее старший брат привел в дом светловолосого подростка с такими же, как у нее, серыми глазами. «Это Томас Хансен, — сказал брат. — Он приехал из деревни. У него в семье все утонули, и теперь он живет у бабки». Все утонули — в этом была какая-то тайна и сладкий ужас, которые делали Томаса Хансена героем в глазах друзей и школьных товарищей. Все утонули, значит, некому спрашивать об уроках, заставляя надевать ненавистный костюм, когда в воскресенье семья отправляется в гости, — ведь бабушка старенькая и наверняка не будет такой занудой, как родители.

Правда, Томас не нуждался в послаблениях со стороны учителей, на какие вполне мог рассчитывать круглый сирота, — он был необыкновенно одарен, учился легко, блестяще сдавал все экзамены, и это был еще один повод для всеобщей зависти. Зависть эта, впрочем, вылилась только в присказку, которая прилипла к его фамилии: «который утонул в море». Постепенно ею стали пользоваться все. «Какой Хансен, у которого ротвейлер?» — «Да нет! Который утонул в море». Что же касается Камиллы, то она все альбомы изрисовала его портретами. Когда он приходил к брату, она, забившись в какой-нибудь уголок и мучительно краснея, если взгляд его вдруг падал на нее, мечтала скорей повзрослеть и выйти за него замуж.

Вряд ли он замечал ее, ребенка. Они росли в близких, но параллельных мирах, которые разошлись в его восемнадцать и ее пятнадцать самым жестоким для Камиллы образом: дальний-предальний родственник Томаса, дядя, как он его называл, известный офтальмолог, забрал Томаса в Осло. Там Томас успешно закончил медицинский факультет университета и разбил не одно девичье сердце. А Камилла за годы разлуки выучилась в местной Художественной Академии писать

маслом картины и сделала аборт от подающего надежды мариниста, после чего не могла иметь детей. Художник, причина несчастья, куда-то быстро испарился.

Томас вернулся из Осло, приняв приглашение участвовать в проекте, касающемся перспективной темы в анестезиологии и хирургии, и одновременно практиковать в университетской клинике в отделении реанимации. Он был полон надежд и амбиций, его честолюбивые планы надежно подкреплялись знаниями, умом и так необходимым в науке чутьем экспериментатора. Все смотрели на Томаса как на будущее медицинское светило, начавшее величественное шествие по небосводу науки, а он благосклонно принимал восхищение — привык к нему с детства.

Когда они случайно встретились на одной вечеринке, выяснилось, что оба любят разгрызать семечки от яблок. Во вторую встречу вечно занятой Томас обратил внимание на то, что Камилла необыкновенно красива, танцует просто изумительно и пользуется грандиозным успехом у мужчин. Они стали встречаться почти каждый день, много разговаривать, гулять по окрестным горам, обсуждать любимые книги и фильмы. Он ничего не понимал в живописи, она — в медицине, но обоих это устраивало. Впрочем, он сумел ее удивить, играючи вторгшись на ее территорию. Она показала ему несколько базовых живописных приемов, и он почти шутя написал ее портрет. Правда, из-за острой нехватки времени этим его увлечение живописью закончилось. Но Камилла лишний раз убедилась в том, что талантливый человек талантлив во многом.

Однажды во время традиционного предрождественского праздника в университете к ним подошел приятель Томаса и шутливо поприветствовал его, назвав «тем самым Хансеном, который утонул в море». Камилла поправила: «Нет, он Хансен, *который переплыл море*». На следующий день Томас сделал ей предложение. Свадьбу сыграли быстро, на Пасху, в высокогорном оте-

ле, предпочтя толпам малознакомых гостей праздник в тесном дружеском кругу и горнолыжные радости.

Камилла поднялась, прошла в конец вагона, налила себе еще кофе из большого термоса на столике в углу, снова откинулась на прохладную спинку пассажирского кресла. Благодарность за то, что имеешь, — неперемное условие счастья, она была благодарна за многое: за то, что родилась в удивительном месте, за умение всюду видеть прекрасное и переносить его кистью на холст. За чудесных и мудрых родителей, за их с братом безоблачное детство. За добрый и родной дом над фьордом, за шум сада и пение птиц за окном. И за любимого мужа — ее первую любовь, щедрый ответ на ее страстные молитвы. Все сбылось, все так, как мечталось: работа, что приносит счастье, любовь, красота и здоровье, поездки в далекие страны. Все хорошо. И все же оставалась неопределенная, едва ощутимая тревога. Томас всегда страстно отдавался учебе, работе, в этом году защитил докторскую, но в последнее время он как одержимый. Он словно не видит ничего вокруг себя. И это его открытие... Лучше бы его никогда не было.

В конце февраля северный город жил предчувствием весны, запахи талого снега и первых цветов смешались с морским юго-западным ветром. Тут и там с балконов и из открытых окон доносились звуки вечеринок, а в уличных кафе вдоль набережной, укутавшись в толстые пледы, сидели первые вестники предстоящего туристического паломничества — японцы.

Томас, выбираясь из пробки, опоздал на двадцать минут, потом, сильно нервничая, искал место для парковки. Он выбежал на пустой перрон, держа в одной руке серебристый кейс, с которым никогда не расставался, а в другой — букет так называемых «пламенеющих роз», любимых цветов Камиллы. Они выглядели как живой огонь со всеми его оттенками оранжевого и красного.

Камилла стояла вдали, спиной к нему, в чудесном яркo-синем пальто с круглым черным воротником из искусственного меха, которое так ему нравилось. Слегка откинув назад голову, она смотрела в противоположную сторону, на горы. Налетавший под крышу вокзала ветер развевал длинные черные волосы, прямые и блестящие, у ног стояла дорожная сумка на колесиках. Улыбаясь, Томас легко зашагал по бетонным плитам.

Она всегда знала, как нужно поступить. Другая начала бы метаться, испуганно спрашивать в трубку: «Ты где? С тобой все в порядке? Дела?! А я так волнуюсь... Стою здесь, как дура... Вечно ты опаздываешь!» Ничего этого не было. Она ждала его на холодном перроне (почему на вокзалах всегда так дует?). Его белокожая фея с нежным лицом стояла твердо, как скала. За это он любил ее больше всего — за мягкость и доброту, странным образом сочетавшиеся с сильным характером и здравым смыслом. Она знала: не нужно уходить с перрона, это только все запутает, ведь Томас, который почему-то плохо ориентировался в общественных местах, пришел бы за нею сюда... Умница. Она была стопроцентной умницей. Легко к нему приспособливалась, понимала с полуслова.

Они были женаты шестой год. По дороге на вокзал он думал об этом. Землетрясения измен расшатывали семейные пары, с которыми они были дружны; идеалы любви и верности рушились, как древние осажденные города, под грохот бьющейся посуды подводились безрадостные итоги. А они с Камиллой едва ли насчитали бы пять серьезных размолвок. Ему казалось, это всех раздражает. Но в прошлом году знойный ветер Содомы и Гоморры пронесся и над их уютным семейным гнездышком. В течение целой недели он самым животным образом наслаждался в своем кабинете обществом пухленькой двадцатидвухлетней лаборантки. Навязав Камилле личную встречу, та в гадких подробностях поведала о жарких вечерах с профессором Хансенom под

высокими университетскими сводами. И после всего этого — ни упрека, ни истерик. Камилла исчезла из дома, забрав незаконченную картину и чемодан с куклами, которых мастерила для частных коллекций.

Он не знал, что ему делать. Взял на работе отгулы, лежал одетым на их большой кровати и бессмысленно смотрел телевизор с выключенным звуком, потому что у него дико трещала голова. На прикроватной тумбочке стояла так и не распечатанная бутылка любимого напитка Джеймса Бонда, мартини. Несколько раз звонила лаборантка. Он смог только сказать: «Ты... ты...» — из остального вышли булькающие звуки, будто он шел ко дну. Это было к месту, ведь теперь он действительно был Хансеном из их родового проклятия, Хансеном, который утонул в море.

На третий день приехал Трим, его школьный приятель, у него была бензозаправка и четверо детей от разных жен. Томас лежал на кровати небритый, в мятой одежде. «Ты ей звонил?» — «Кому? — тупо переспросил Томас. — Лаборантке?» — «Слушай, гений, будущий лауреат Нобелевской премии, — сказал Трим, отобрал у него пульт от телевизора. — Ты хоть немного соображаешь? Или совсем дурак? Вставай, дубина. Иди в душ, приведи себя в порядок. А потом сразу к ней».

Начались унижительные визиты к друзьям, пьяные слезы и просьбы дать ее новый адрес. Теперь его понимали лучше, чем когда он был просто «гением, мужем Камиллы». Через полгода она вернулась, согласившись с формулировкой «Временно сошел с ума», но он не любил вспоминать, чего ему это стоило. В его тогдашнем тоскливом, убийственном одиночестве был один положительный момент. Он в этом взвинченном состоянии очень много, захлеб, почти истерично, работал. Вывел несколько перспективных формул, сделал массу проб... Когда она вернулась, он вплотную приблизился к своему открытию. Все к лучшему, да, определено, все к лучшему в этом лучшем из миров.

...Он подошел сзади, прижался, чтобы почувствовать ее тело, по которому уже соскучился, и, выставив вперед правую руку с букетом, уткнулся лицом в шелковистые волосы, вдохнул запахи духов и ветра. В юсу защекотало, он чихнул. Камилла тихонько засмеялась, подхватывая возникшие перед нею цветы.

— Это вы? Господин Хансен, который переплыл море? — Голос у нее всегда был низким, но сейчас в нем проскальзывали хрипловатые нотки, которые так волновали его в постели. Им овладело нетерпение.

— Да-да, это он! — дурашливо пробасил Томас.

Она подставила губы для поцелуя, он торопливо прижался к ним. Помада была карамельно-сладкой, губы ледяными. Его огорчил ее усталый вид, глубокие тени под серыми подведенными глазами. Лицо на холоде не покраснело, напротив, стало еще блее. — Прости, Милла, я опоздал... Замерзла?

— Немного простудилась в Осло.

Проклиная свое опоздание, он выругался про себя.

Пока они шли к припаркованной машине, Томас дважды намеренно отстал, завозившись с ее сумкой, — исподтишка разглядывал Камиллу. Если в одежде появилось что-то новое, значит, она продала картину. Такая у них была игра. Как художница, она любила символы, хотела, чтобы он разгадывал всякие сложные метафоры. Нет, никаких изменений он не заметил. Когда она уезжала, на ней было это синее кашемировое пальто ниже колен, расширенное от талии, с черным лакированным пояском, та же сумочка через плечо, черные брючки, обувь на платформе. Какая смешная мода этой осенью — все носят коровьи копыта...

— Господин Хансен, у меня спина дымится от ваших взглядов, — сказала Камилла. Он чувствовал, что она улыбается.

— До сих пор не понимаю, как я сумел подцепить такую красотку...

— Я тоже, профессор. Выбор у вас был огромный.

С недавних пор он остерегался шутить на эту тему и перевел разговор на ее поездку. Но и Камилле не хотелось вспоминать, у нее, похоже, совсем разболелась голова, она спросила про работу. Все хорошо, ответил он, просто отлично, три успешных, м-м, реанимации за эту неделю. И быстро взглянул на нее, пока засовывал сумку в багажник. Ему не до споров. Если честно, он не хотел сейчас ни о чем не думать, не говорить. Ни о чем, кроме секса. В конце концов, они не виделись больше недели.

Они сели в машину.

— Я скучал по тебе, — с намеком сказал он, поворачивая ключ.

Машина завелась, неожиданно громко заиграло радио, страстно заныли скрипки. «Бесаме, бесаме мучо... Целуй меня, целуй меня крепче...» Камилла болезненно поморщилась, Томас убавил звук.

— Три случая? Ты с ума сошел, Томас. Это пахнет тюрьмой. Применение неразрешенного... даже непроверенного препарата. Если ты не остановишься...

Он перебил:

— Это пахнет «нобелевкой», и я не остановлюсь.

— Я не сомневаюсь, что ты ее достоин, но ты должен объявить о своем открытии. Чем скорее, тем лучше.

— Я должен все хорошо проверить, убедиться в стойкости эффекта. И, если хочешь, мое открытие выстрадано, я слишком много над ним работал, чтобы кому-то подарить.

Формально Томас был прав, но у Камиллы заныло в груди. Он тянул с объявлением об открытии. Что-то тут было не так.

— Берг делал намеки? Предлагал сотрудничество? — спросила она. Леон Берг был руководителем проекта, в котором работал Томас. — Он что-то понял?!

— Пока речь идет о комбинированном способе реанимации...

— Комбинированном?

— Я рассказывал об этом у Джобина, когда мы праздновали защиту его докторской, — сдерживая внезапно нахлынувшее раздражение, сказал Томас. — Ты там была.

Томас затронул болезненную тему. Камилла замолчала. Джобин славный парень, талантливый, такой же, как Томас, и подруга у него замечательная, оба умеют радоваться жизни и красиво отдыхать. Но разговоры врачей, само собой, крутятся вокруг непонятных ей тем. На вечеринках Камилла нередко чувствовала себя не в своей тарелке. Художница, жена ученого...

Стемнело. Над шестисотметровой глыбой горы Ульрикен, еще покрытой снегом, синел светящийся шпиль телебашни. Гора призраком нависала над городом. Она вроде бы совсем рядом, у подножия жилые кварталы, ярко освещенные улицы, и в то же время существует отдельно, невидимая в темноте. Днем на нее можно подняться по канатной дороге или узким тропинкам, которые и тропинками не назовешь, а ночью она неприступна...

«Может быть, в этот час поздний ты, осмелев, наконец поцелуешь меня...» — неслось из динамиков. Пролетев местный рай — Парадиз, автомобиль зашелестел шинами по узким дорогам другого фешенебельного района, Хупа. Здесь они жили уже несколько лет в домике покойной бабушки Томаса. Из гостиной открывался тот самый, неповторимый, знаменитый по туристическим проспектам вид на фьорд и Мраморные острова. Триста лет назад на островах пытались добывать мрамор. Подробности предприятия канули в Лету, но красивое название осталось.

— Значит, ты все-таки продала картину? — сказал Томас, чтобы сгладить резкость своих слов и разрядить затянувшееся молчание.

— Как ты узнал? — устало спросила Камилла.

— Новые духи.

Она кивнула. Томас надавил на газ, он любил погонять по старой пустынной дороге, обсаженной вязами. «Зима пройдет, и весна промелькнет... и весна промелькнет. Увянут все цветы, снегом их зemetет...» Всякий раз, въезжая в эту аллею, Камилла представляла себе человека, который весь мир покорил песней девушки, бегущей на лыжах, — здесь неподалеку было его поместье. Вот и сейчас ей на мгновение представилось, будто мимо пронеслась конная коляска...

Головная боль изводила ее, хотелось побыстрее добраться до сумерек спальни и провалиться в исцеляющий сон. «Ты слишком быстро едешь, Томас, убавь скорость», — собралась сказать Камилла, но из динамиков неслось пронзительное: «И ты ко мне вернешься — мне сердце говорит... мне сердце говорит...», она заслушалась. Букет сполз с колен под ноги, Камилла хотела поднять, но мешал ремень безопасности.

Она взглянула на Томаса — на его лице застыло то блаженство, какое всегда давала ему быстрая езда. Дорога была залита мягким лунным светом, прорезанным лучами фар. «Тебе верна останусь, тобой лишь буду жить... тобой лишь буду жить...» Камилла быстро отстегнула ремень. В тот же миг завизжали тормоза, машину сильно трянуло. Камилла почувствовала удар в лицо и потеряла сознание.

...Очнулась она от резкого запаха нашатыря и обнаружила, что лежит в своем кресле, откинута до горизонтального положения. Томас стоял снаружи. Дверца в салон была открыта, свежий воздух дул ей в голову, а Томас, склонившись над ней, держал ее за руку и считал пульс.

— Что случилось? — кое-как выговорила Камилла.

— Подушка безопасности сработала. Я уже убрал. Ну зачем ты отстегнулась?!

Она хотела сказать: «А зачем ты так гнал?», но на глаза набегали слезы, она всхлипнула.

— Ну, прости меня, прости, дорогая, — виновато забормотал он. — Как ты себя чувствуешь?

— Нос болит... и очень холодно...

— Сейчас дверь закрою, и будет нормально. Возможно, у тебя легкое сотрясение мозга, но давление и пульс в норме, это уже хорошо. В принципе, ничего страшного.

— Сколько я была в обмороке?

— Недолго. С минуту. Тебя не тошнит?

— Нет... Но что такое, Томас? Авария?

Он сказал с досадой:

— Какой-то зверь перебежал дорогу, одна фара разбита. Пойду посмотрю. Если живой, нужно оказать ему помощь. Ты лежи, я быстро.

Он ушел. Она слышала, как он ходит туда-сюда по дороге и недовольно бормочет, видимо, ищет сбитого зверя, потом все смолкло. Когда Томас закрыл дверцу и свет в салоне погас, на Камиллу напал ее всегдашний первобытный страх перед темнотой, перед ночным одиночеством. Тоска, тоска... Было невыносимо оставаться во мраке, она села на сиденье, открыла дверцу и осторожно выбралась наружу. Чувствовала она себя на удивление хорошо, голова не кружилась, прекратилась дрожь, и даже нос больше не болел. Но вот пальто, кажется, было безнадежно испачкано кровью.

Впереди, у обочины, сияло пятно света от фонаря. Томас сидел на корточках перед неподвижно лежащим зверем. Камилла бесшумно подошла и заметила, что он делает ему инъекцию в заднюю лапу.

— Томас?

От неожиданности он вздрогнул. Аккуратно закрыл шприц колпачком, спрятал в карман плаща.

— Ты меня напугала.

— О, извини, я не хотела... Кто это?

Она присела рядом с ним на корточки и стала разглядывать зверька. Он был похож на небольшую пуши-

стую собаку — с черно-белой мордой и полосатым хвостом. Только лапы с длинными пальцами были слишком похожи на кисть, а разбитая в кровь мордочка — заостренной... Определенно, зверь был мертв, он не двигался и не дышал.

— Кажется, это енот.

— Он погиб? Бедный... Никогда не слышала, что у нас водятся еноты.

— Помнишь тот скандал? Из Дании незаконно ввезли енотов, сибирских белок, еще кого-то. Наверное, он из тех. Плодятся и шастают тут... — Томас поднялся с корточек. — Слава богу, ты совсем ожила. Не возьмешь фонарь? Надо отнести его в машину.

— Вдруг он какой-нибудь заразный? — заволновалась, сказала Камилла. — Если от лисиц можно заразиться бешенством, то и от енотов тоже... Он весь в крови, Томас! Не поднимай его!

Но он уже нес енота в машину. Смирившись, она помогла ему: донесла фонарь, открыла багажник и вдруг почувствовала прилив крови к лицу, сигнал тревоги, который ее никогда не подводил. Ее беспокоила инъекция, которую муж поставил еноту. Ему понадобилось время, чтобы привести ее в порядок — откинуть сиденье, убрать подушку безопасности, достать нашатырь... они разговаривали, потом он искал енота — вышло гораздо больше, чем пять минут...

— Он же мертвый, Томас, — сказала она хрипло. — Все реанимационные сроки прошли. Зачем ты делал ему инъекцию? Поставил свою сыворотку, да? Зачем?

— Сядь в машину, — с внезапным раздражением бросил он, захлопнув багажник. — Зачем да почему. Ну и денек выдался. — Он сжал кулак и хотел ударить по багажнику, но сдержался и, не глядя на Камиллу, пошел садиться.

Мертвый енот окончательно испортил вечер. За короткие минуты пути, оставшиеся до их дома, они не проронили ни слова, молчала и магнитола, исчерпав-

шая запас лирики. Дома отчуждение не прошло. Камилла приняла душ и сразу легла, а Томас ушел смотреть телевизор в гостиной и провел ночь там же, на кожаном диване, в компании шерстяного пледа.

...Ее разбудил распространившийся по дому запах свежесваренного кофе. Кофе в семь утра — это начало рабочего дня Томаса. В выходной он вставал ровно на час позже. Камилла надеялась, что на сегодня он взял отгул, но, судя по тому, что был совершен утренний кофейный ритуал, Томас решил уехать. Вспомнив вчерашнюю встречу и тот неприятный тон, каким он велел ей сесть в машину, она решила, что сегодня ни за что не станет с ним ссориться. Ради чего? Она любит его, она поклялась быть с ним в горе и радости и должна его во всем поддерживать. Ей и так повезло, что ее полюбил мужчина, о котором она мечтала с детства. Лелея свои добрые намерения, она отправилась в ванную.

...В кофейнике был свежий кофе. Томас не любил пользоваться кофемашиной, варил сам. Камилла обжарила в тостере кусочек хлеба, налила полную кружку кофе и подошла к окну, выходявшему из кухни во двор, чтобы помахать мужу на прощание.

Прошедший ночью снег выбелил двор, старые деревья, что росли вдоль заборчика, дорогу, убежавшую за соседские дома. Фьорд в эту пору года был покрыт пористым тающим льдом, Мраморные острова казались вереницей дрейфующих во льдах кораблей.

Томас, в светло-серой куртке и черной вязаной шапочке, подаренной ею на день рождения, неторопливо смахивал с машины снег щеткой на длинной ручке. Улыбаясь, она постучала по стеклу костяшками пальцев, он обернулся и с милой улыбкой, которую она обожала, помахал ей. Потом озабоченно крикнул, жестикулируя:

— Как голова?..

Камилла показала ему поднятый вверх большой палец. Он удовлетворенно кивнул, прощаясь, поднял руку, она помахала в ответ и отошла от окна. Томас уже завел машину, но вдруг, что-то вспомнив, вылез и пошел к багажнику. Камила заметила это краем глаза. Вчерашняя сцена со злосчастным енотом встала перед глазами, как живая. За те несколько секунд, что Томас открывал багажник, в Камилле все оцепенело, она вдруг отчетливо увидела, что сейчас произойдет. Это было иррациональное предчувствие, мучительное, как внезапная вспышка в темноте. В чем-то это было очень похоже на вдохновение, побуждавшее ее писать картины, мастерить кукол, пойти и испечь пирог по только что придуманному рецепту. Тогда ее подхватывал и увлекал какой-то волшебный вихрь, сейчас — сердце готово было выпрыгнуть из груди, а видение приблизилось настолько, что она могла различить каждую белую ость в полосатом хвосте зверя, который вот-вот скользнет из машины на землю и рванет к аллее...

Она отпрянула от окна, чтобы Томас ее не видел, но не смогла отвести взгляд от поднимающейся белой крышки багажника. Когда пушистый зверь, перепачканный собственной кровью, выпрыгнул из машины и несколькими прыжками пересек двор, а потом выскочил через раскрытые ворота и вдарил по дороге, Томас негромко рассмеялся... Он обернулся, чтобы посмотреть, видела ли Камила. Но она затаилась за портьерой. В превосходном настроении он сел в машину и уехал. Створки кованых ворот медленно сомкнулись, приведенные в движение автоматической системой.

Камилла не могла сойти с места. Чтобы унять бешеную карусель мыслей, она призвала на помощь однуединственную, спасительную: все хорошо, это просто работа Томаса. Просто работа. Просто работа. Но почему-то ей вспомнилась гора Ульрикен. Как было бы

хорошо оказаться сейчас там, наверху, под вечно ледяными ветрами, в совсем ином, иллюзорно-близком мире гор, окружающих город. Там, откуда любая земная проблема кажется маленькой и несущественной...

Через три недели

Бьорн Слеттен сидел в очереди в кабинет доктора Хансена и думал с сожалением о том, что для него жизнь вступила в ту странную фазу, о которой уже не слагают любовных песен. В сорок два года силы еще есть, но уже не те, с хромой ногой не побежишь стометровку на время. Мужественность и та какая-то надсадная. Приходится все время напрягаться, доказывая ее, а в это время безжалостный внутренний голос нашептывает про подмоченность пороха и седеющие виски.

Сегодня утром его подробно допрашивал следователь из прокуратуры. Как он оказался на месте покушения? Почему фру Ульсен в него выстрелила? Уверен ли он, что у них с фру Ульсен не было любовной связи? И прочая чушь. При этом никакой профессиональной солидарности или хотя бы сочувствия, а ведь почти коллеги. Ему не единожды было сказано, что фру Ульсен принадлежит к уважаемой семье и имеет общественное положение. Читай между строк, что Бьорн — ноль, всего лишь частный детектив, выслеживающий неверных жен и мужей. А то, что фру, определенно, страдает манией преследования и палит в первого встречного, который показался ей подозрительным, значения не имеет. А если, возразил следователь, это была самооборона?!

Эти мысли только взвинчивали нервы, Бьорн решил переключиться на что-нибудь приятное, например, на созерцание пейзажа. Он пересел поближе к окну, но пелена снега скрывала даже деревья больничного парка. По коридору ходили врачи и студенты в белых врачебных костюмах. Хирургическое отделение клини-

ки — довольно оживленное место, не то что реанимация, куда он загремел две недели назад. Рядом кто-то со злостью бубнил, Бьорн ни слова не мог разобрать, но злоба удивила его, очень удивила. Человек находился на грани психического срыва, примерно как фру Ульсен. Он скользнул взглядом по очереди — все было спокойно. Бормотание заглохло.

Он снова вспомнил, как занимался наблюдением за объектом. Чтобы не вызвать подозрение, пришлось припарковаться у дороги, довольно далеко от дома, и задействовать бинокль. Объект — нагловатая девица с красной челкой и татуировкой на шее, 24 года, рост 179, постоянно ржет как лошадь. Содержанка, естественно. Квартира в дорогом районе, черный, со стальным отливом голландский «Спикер» за миллион шестьсот. Господи боже, неужели *этим местом* можно столько заработать? Красный кожаный салон и движок от «Кадиллака»... Да, пожалуй, он тоже весело ржал бы при таких доходах. Клиент нанял его, чтобы выследить ее любовника. Бьорн был почти уверен, что в свободное время девчонка подрабатывала на стороне, но не успел сообщить об этом клиенту — словил пулю от пухлой пятидесятишестилетней фру, медленно поравнявшейся с ним на своем «Лендкрузере», когда он сидел в засаде. Эта психопатка выстрелила в него в упор через опущенное стекло. Бьорн помнил, как сам вызвал карету «Скорой помощи», как его везли под завывание сирены. Но это все. Фру, которая оказалась соседкой девчонки, забрали, когда он уже лежал бездыханный на операционном столе. Она ждала полицию на месте, чтобы с нескрываемым злорадством доложить об уничтожении врага, и ела шоколадные конфеты.

Очередь уменьшилась на одного человека. Бьорн продвинулся по скамье к кабинету доктора Хансена и оказался напротив смуглого типа с усиками, лет тридцати, в хорошем сером костюме и голубой рубашке без галстука. Отличный типаж жиголо, красивый черноволо-

сый испанец или португалец с горячей кровью. Как с картинки. Деньги есть, но не так чтобы много — слишком беспокойный взгляд. Тип смерил Бьорна с головы до ног, усики брезгливо дернулись. Старушка в кокетливой шляпке, похожая на королеву Елизавету, тоже рассеянно взглянула на него и снова погрузилась в изучение глянцевого журнала.

Прислонившись спиной к стене, Бьорн прикрыл глаза и вдруг услышал: *...Почему я вынужден жить в этой сучьей дыре?* Он открыл глаза, бормотание стихло. Тип напротив сидел, угрюмо уставившись в пол. Дама в шляпке почти долистала журнал. Из кабинета вышла девушка, и туда пригласили худосочного юношу с рюкзаком. В очереди остались только они трое — Бьорн, Елизавета и Жиголо.

...Охреть, как все наоело... А больше всего эти разговоры о погоде. Чертово западное побережье. Может быть шторм, и может быть штиль, может быть ливень, а может — чертова метель или гололедица на узких горных дорогах, и все это может быть в один чертов день. Сдохните уже когда-нибудь, уроды, вместе со своей погодой, сделайте одолжение...

Бьорн сидел с закрытыми глазами, чувствуя лопатками холодную стену. Голос не умолкал. Если он звучит у него в голове, то это конец. Он не станет носить на плечах говорящую о своем голову — чтобы ее успокоить, хватит одной пули.

...Пресвятая дева Мария, как же я хочу домой, под теплое южное солнце, к морю, где на белом песке загорают такие горячие, гладкие, холеные, почти голые цыпочки... Почему они там, а я здесь?! Ну, да. Потому что у меня ни гроша, вот почему. Пришлось жениться на этой толстухе, набитой кронами, и переехать. И как я только пережил очередной осенне-зимний ад — бесконечный проливной дождь в темноте? Сплошная депрессия... Этот хромой урод затаился, будто слышит, о чем я думаю. Зайди, сучара, в туалет, там я с

тобой поговорю от души... твоей палкой поговорю, по спине...

У Бьорна отлегло от сердца. Значит, он слышит мысли этого мерзкого типа, сидящего напротив. Он залез в его голову с пижонскими усиками, в самое ее гнилое нутро. Как такое могло случиться? Он открыл глаза. Жиголо смотрел на него в упор, но Бьорн уже был готов — напустил на себя такой сонный вид, будто вот-вот сползет на скамью и заснет. Вышел парнишка с рюкзаком, Елизавета засемила в кабинет, оставив на сиденье журнал.

...Ненавижу ее чертovy белые кудряшки. Ходит, гура, с облаком на голове, думает, красиво. Интересно, почему она от меня скрывала, что у нее такая хорошая страховка?..

Бьорн не закрывал глаз, но по-прежнему слышал его сочившиеся ненавистью размышления. Жиголо тоже пережил клиническую смерть, примерно в то же время, что и Бьорн. Превысил скорость, занесло, врезался в фонарный столб — классика жанра. И все виноваты: машина, которая неправильно ехала, столб, который не отпрыгнул в сторону, страховая компания, которая отказала в выплате страховки... По следу, оставленному на дороге, дорожная полиция зафиксировала превышение скорости и в дополнение ко всему впаяла штраф.

Бьорн задумался, не слышит ли его Жи... Нет, не Жиголо — Грязный. Он напрягся и сделал мысленный посыл: «Эй, Грязный!» Никакой реакции.

...Елизавета не выходила из кабинета минут пятнадцать. За это время притворно дремавший Бьорн окончательно убедился, что в Грязного вселился дьявол. Альваро Санчес — так его звали — решил убить свою жену Розу и их трехлетнюю дочь, чтобы уехать обратно в Испанию и безбедно жить на полученную страховку. План был разработан в деталях. Когда Грязного наконец вызвали к доктору Хансену, Бьорна уже силь-

но тошнило, ему начинало казаться, что похожие на трупных червей мысли, копошащиеся в голове Грязного, переползают в его собственную голову

Грязный вышел из кабинета какой-то присмиривший, сразу направился к выходу. Бьорн смотрел ему вслед, и у него было такое чувство, что они обязательно снова встретятся.

В кабинете доктора Хансена не произошло ничего необычного. Доктор был довольно оживлен, спрашивал Бьорна о самочувствии. Бьорн в его быстрых руках и под натиском команд вертелся, как тряпичная кукла, послушно открывал рот, смотрел вправо-влево, в кучку, приседал и вставал, как в армии, позволил сфотографировать себя анфас и в профиль. Напоследок полежал на кушетке рядом с прибором, от которого тянулись к его голове провода с присосками. Тут его снова чуть не затошнило, но доктор Хансен принялся энергично мять его колено, которое сегодня, кстати, почти не болело. Он честно сказал об этом доктору. Тот еще больше повеселел, воткнул Бьорну между лопаток безболезненный укол и сразу его выпроводил.

...В себя Бьорн пришел только за рулем и по дороге домой напряженно размышлял. Конечно, он слышал про всяких телепатов, но считал, что это вранье вроде гадания на картах, еще один способ выжать из клиента деньги. И что же получается — теперь он стал одним из них? Он слышит мысли другого человека, или читает, все равно, как это назвать. Потрясение примерно такое же, как если бы ему сказали: собирайся, завтра летишь на Марс. Что его связывает с Альваро Санчесом? Недавно случившаяся клиническая смерть и доктор, который их вытащил с того света. Несчастье и спаситель. Впрочем, Бьорна больше занимало другое. Внутренний голос где-то на задворках сознания нашептывал, что он вляпался, что надо немедленно забыть о сегодняшней встрече с Грязным. Но Бьорн помнил себя прежнего, настоящего. Разве он не мечтал об этом, ко-

гда работал полицейским и выслеживал преступников, — знать их мысли, чтобы наказать, а еще лучше, предотвратить преступление? Они так и не нашли урода, который несколько лет подряд насиловал молодых девушек, не смогли раскрыть кое-какие запутанные дела. Возможно, сейчас настал его звездный час. Судьба бросает ему вызов: сможет ли он спокойно жить, зная, что готовится убийство Розы и маленького Бутончика?

В горле было сухо и противно, будто Бьорн наелся земли. Но в душе вдруг проснулось что-то весеннее. Да, это чудо спасет его от унылой жизни-спячки, в которую он впал, уйдя из полиции. Перед глазами мелькнула длинная вереница обманутых жен и мужей. Кое-кому из них он был полезен, да к тому же ему хорошо платили за услуги. Но эта работа не сделала его счастливее. Что ж, еще не поздно. И он должен шевелиться, потому что, черт возьми, у него так мало времени...

...Остаток дня Бьорн провел, изучая светскую хронику. Розе Санчес тридцать лет, она местная уроженка, пухлая блондинка с блестящими голубыми глазами и симпатичными ямочками на щеках. Блестяще училась в элитной школе, но этим ее образование ограничилось, поскольку о куске хлеба с колбасой позаботился ее отец, колбасный король. Много путешествовала. На одном из курортов Ниццы ее заметил Альваро Санчес, смуглолицый красавец с повадками завязтого сердцеда, моложе ее на восемь месяцев. Скоропалительный роман закончился бракосочетанием и рождением дочки. Но, к горькому разочарованию молодого мужа, вдовый и неизлечимо больной отец Розы потребовал, чтобы она перестала болтаться по фешенебельным курортам и жила рядом с ним. Альваро он, естественно, в расчет не брал и не поленился самолично составить условия брачного контракта, который стал охранительной грамотой дочери. Роза любила от-

ца и была признательна за тот образ жизни, который вела благодаря его деньгам. Они с Альваро тут же вернулись в ее родной город и поселились в белой вилле на горе. Роза не отличалась звездностью и зазнайством богачей, прессы избегала, занималась только дочерью, пухленькой румяной беляночкой, точной копией себя. Альваро, боясь разозлить старика, тоже старался не выпячиваться и считал дни до его кончины. Шли годы — старик не умирал. Бьорн помнил, как в коридоре больницы Альваро злобно размышлял о том, что присутствие любимой дочери и внучки молодит гнилую кровь тестя.

За годы работы Бьорн выработал привычку не светиться понапрасну, добывая нужные сведения, и, как правило, обходился минимальным объемом информации. Вот и сейчас, помимо светских сплетен, он разузнал только главное: общедоступные для любого гражданина адрес и номер телефона на вилле Санчесов. У него была квартира в одном из спальных районов, но он не поленился поехать в центр, чтобы поговорить с Розой из телефона-автомата в укромном местечке рядом с маленькой кофейней. Он знал в городе почти все такие места, где нет наружных камер наблюдения.

В пять часов вечера, в одном из своих маскировочных нарядов под названием «лопух деревенский», включившем фальшивые усы и старую клетчатую кепку, Бьорн набрал номер виллы. После долгих длинных гудков, заставивших его понервничать, нежный женский голос ответил:

— Алло?

— Добрый вечер, — сказал Бьорн. — Я могу поговорить с Альваро?

— К сожалению, его нет. Кто спрашивает?

— Это Роза? — быстро спросил он.

— Да. С кем я разговариваю? — Она не то чтобы забеспокоилась, но начала досадовать на незнакомца, не потрудившегося представиться.

Слава богу, выдохнул Бьорн, она дома, и она жива.

— Пожалуйста, Роза, не вешайте¹ трубку. Я случайно узнал о грязных намерениях вашего мужа относительно вас...

— Вы журналист? — гневно спросила она. — Если вы не прекратите нас преследовать, мы встретимся с вами в суде! Мы с мужем живем душа в душу, и вообще, вас не касается наша личная жизнь!

— Я бывший полицейский. С вашим мужем я познакомился в реанимации, мы лежали в одной палате. В полубессознательном состоянии он несколько часов подряд рассказывал о себе. И о вас. — Эту легенду Бьорн придумал заранее. А как еще он мог объяснить свою осведомленность? — Так вот, он сделал дубликат ключа от сейфа, шарился в ваших документах и нашел страховой полис. Это все решило. Решило вашу судьбу и... и судьбу вашей дочери. Простите, что я вам это говорю, но у него самые жестокие намерения.

Это было так чудовищно, что она задохнулась от возмущения, Бьорн воспользовался этой заминкой и заговорил быстрее:

— Вы можете мне не верить, но я знаю много подробностей из вашей личной жизни, которые неизвестны прессе, знаю ваши любимые выражения, цвет вашего нижнего белья, имена кукол дочки. Фамилия проходящей горничной — Бакке, ей сорок шесть лет, у нее артроз нижних конечностей, она любит имбирные пирожные и всегда помогает вам искать тапочки, которые вы расшвыриваете по дому.

— Вы близко знакомы с Евой, и только, — раздраженно сказала Роза.

¹ В Норвегии, стране победившей социал-демократии, принято обращение на «ты» между незнакомыми людьми, начальниками, подчиненными и т.д. Это не выглядит грубо, поскольку является нормой. Но авторам кажется нормальным оставить для русскоязычной аудитории «вы» в разговорах между незнакомыми людьми.

Он чувствовал, что она готова бросить трубку.

— Он не заметил, что рукав рубашки вымазан кетчупом, и испачкал полис! Идите и рассмотрите документ, а я перезвоню вам через десять минут.

В трубке раздались короткие гудки. Бьорн засек время и снова набрал номер. Она сразу ответила.

— Это я, — сказал Бьорн. — По средам вы отвозите девочку в бассейн...

— Подождите, не так быстро. Да, пятно есть, но с чего вы решили, что я вам поверю? Версия с близким другом Евы остается в силе. Альваро вышел из больницы неделю назад. Вы ждали целую неделю, чтобы предупредить меня? Вам не кажется это странным?

У Бьорна и на это был готов ответ.

— Дело в том, что я тоже был немного не в себе... лежал под системой, у меня случилась амнезия, я совсем забыл о том, что слышал. Сегодня мы столкнулись с Альваро у кабинета доктора Хансена, оба пришли на прием. И я его вспомнил. И его ужасные мысли. Слава богу, он меня не узнал.

В трубке был слышен какой-то посторонний шум, детский голосок. Она что-то сказала ребенку, потом вернулась к разговору:

— Ну, допустим... О чем вы хотели меня предупредить?

— Он предложит сопровождать вас с девочкой в бассейн, но вы поедете порознь, каждый на своей машине, потому что после обеда ему якобы нужно по делам, например снова на прием к доктору. Но когда вы тронетесь в путь, он позвонит и скажет, что по радио сообщили о ремонтных работах, и нужно свернуть на объездную дорогу. Роза?

— Я здесь, — сказала она сдавленным голосом.

— Простите меня. Пожалуйста. Мне ничего от вас не нужно. Я всего лишь хочу, чтобы с вами ничего не случилось...

— Дальше, — попросила она.

— Вы свернете, он — за вами. Там, в лесу, дорога поворачивает обратно на трассу, ведущую в город, на этом месте должен стоять знак. Он попросит вас остановиться. *Это* должно случиться там... Чуть выше в горах есть место, где проходит жила известняка. Под воздействием ветра и воды известняк выветривается и образует в скалах опасные трещины, провалы... Ну, в общем, вы понимаете, о чем я... После всего, что случится, он сам вызовет полицию, будет рыдать, рассказывать о несчастье. Вы остановились, потому что дочку укачало, она начала капризничать, вы не сдержались и повысили на нее голос, она к этому не привыкла, расплакалась и побежала в лес, вы за ней... И вы обе, у него на глазах, провалились в глубокую расщелину. Все поверят убитому горем мужу и отцу. Зачем вы завещали ему деньги по вашей страховке?

— Он упрекал меня, говорил, что не люблю, требовал доказательств...

— Кому-нибудь рассказали о страховом полисе?

— Нет, иначе не избежать тяжелых разговоров с отцом... А зачем я свернула с дороги в лес? Что он скажет полиции?

— Объяснит, что это было ваше решение. Он якобы увидел, что вы поворачиваете, и позвонил вам. Но он придумал хитрую подстраховку. Сначала вызовет службу спасения, а потом попытается спуститься за вами в провал и будет там сидеть на каком-нибудь уступе. Без посторонней помощи отсюда, наверное, не выбраться. А вот спуститься в принципе можно. Ободрать руки, изобразить, что тоже сорвался. Он будет героем. Как же... Рискуя жизнью, полез спасти жену и дочь в надежде, что они еще живы... Нет, такого невозможно подозревать в чудовищном двойном убийстве.

— Я не верю... — Он слышал, как она всхлипывает. — Может, вы садист? Всякие бывают извращенцы... Или писатель. Они вполне способны на такое... чтобы собрать материал... Вы что, проводите экспери-

мент по криминальной психологии, или как там у вас называется?..

— Роза, — тихо сказал Бьорн. — Я вас прекрасно понимаю. Вы чудесная женщина и ничем не заслужили такого отношения. Просто ваш муж после аварии сошел с ума. Он одержим. Для него вы сейчас просто препятствие на пути к другой жизни. Он мечтает вернуться в Испанию.

— Ну почему, почему вы так говорите?! Разве ему здесь плохо?

Бьорн будто пробежал стометровку со своей хромой простреленной ногой, пот градом катился по лицу, хотя по заледеневшим мостовым на вечерних улицах мела поземка. Плохо ему здесь, Грязному, еще как плохо. Он все время думает об Инез, своей бывшей девушке, о родинке под ее левой грудью.

— Сейчас вы должны позаботиться о себе и о Бутончике, — твердо сказал он.

— О ком?

— О своей дочке. У меня привычка давать имена. Вы — Роза, она Бутончик.

— Подождите... Если он задумал это еще неделю назад, то почему он ждал так долго?

Она умна, отметил Бьорн. Даже в такую минуту способна здраво мыслить. Значит, есть шанс ее убедить.

— Вам просто повезло. Ему нужна была метель, как сегодня. Чтобы зарядило на три дня. Может, хочет, чтобы замело следы, а может, выглядит достовернее, если провал будет занесен снегом. Там южный склон, снег наверняка подтаял и просел. Когда он позвонит и предложит вам свернуть, сделайте вид, что связь плохая, вы его не слышите, и, ради бога, поезжайте вперед, никуда не сворачивая. Вы хорошо поняли? — Бьорн снова повторил эту мысль: — Если он позвонит с предложением повернуть — все, это сигнал, тревожная кнопка! Оторвитесь от него, затеряйтесь где-нибудь в городе, устройтесь в отеле или у подруги, только не воз-

вращайтесь домой, слышите? К отцу тоже пока нельзя. Мой номер телефона... — Он продиктовал, она сказала, что запомнила, у нее хорошая память на цифры. — Скажите мне ваш. Роза?!

Бьорн услышал тихий щелчок — она положила трубку. Выждав, он снова набрал.

— Да? — раздался голос Грязного.

— Андерс, дружище, — заплетающимся языком пробормотал Бьорн. — Ты забыл у меня кепку... Я сейчас тебе занесу... Твоя мыпра дома?

— Ошибся номером! — Грязный грязно выругался и бросил трубку. До Бьорна не сразу дошло, что первую фразу тот произнес, а остальное — подумал.

...Вилла Розы Санчес находилась в заоблачной выси, высоко на горе, с которой в ясную погоду открывался потрясающий вид на океан. Бьорн выехал затемно, в шесть часов утра. Вчерашняя метель сменилась на мелкий дождь, на скользкой дороге с крутыми поворотами приходилось соблюдать осторожность, и к концу пути Бьорн взмок от напряжения. Постепенно дождь, барабанивший по обледеневшему шоссе, унялся, рассеялась сероватая мгла вокруг.

Он припарковался у аккуратного магазинчика, встал так, чтобы сразу заметить автомобиль, выезжающий из ворот белой виллы. Маршрут изучил досконально, жаль только, не было времени посмотреть объездную дорогу. Вчера были сугробы, сегодня слякоть — если из-за этого Грязный изменит свои планы, нужно будет обязательно туда заехать. Бьорн заглушил двигатель и отвинтил крышку термоса, чтобы хлебнуть горячего кофе.

С вечера он почистил и зарядил пистолет. Он ни разу не применил его с тех пор, как купил лицензию. Сыщичку-одиночке, для того чтобы вести негласное наблюдение и фотографировать, оружие ни к чему. Самой большой проблемой за эти три года стала фру Ульсен,

выскочившая перед ним с короткостволом. Черт возьми, он же оказался к этому не готов. Перед глазами мелькнуло самодовольное лицо Брейвика, по которому блуждала нечеловеческая ироничная улыбка... Но в самом деле — если рассуждать здраво, как бы он поступил, будь у него пистолет с собой, а не дома, в сейфе, прикрученном к полу? Укокошил бы тетку и сел за превышение пределов необходимой самообороны? Из-за нее он пережил клиническую смерть, а вынужден оправдываться перед следователем, будто он какой-то злоумышленник. Бьорн допил кофе и нащупал на груди маленькую видеокамеру, которую обычно прикреплял с помощью кожаных ремешков. Глазок выглядывал из прорези для верхней петли на куртке, его от пуговицы с двух шагов не отличить. Камера висела сантиметров на пять выше того места, куда вошла пуля ненормальной Ульсен.

Через двадцать минут ожидания в остывшей машине, когда он уже в полной мере почувствовал на себе всю промозглость раннего утра, на дорогу выехал белый «Шевроле Тахо». Управлял машиной Грязный, рядом сидела Роза — бледная, напряженная, с собранными на затылке в пучок светлыми волосами. Бутончик, скорее всего, была пристроена на заднем сиденье, в детском креслице.

Сев в одну машину с женой, Грязный максимально упростил себе задачу, подстраховался и в результате стал хозяином положения. Худшего варианта и быть не могло...

Белый «Шевроле», притормозив на повороте, мигнул красными огнями и исчез, вслед за ним с ревом пронесся невесть откуда выскочивший «Вольво». Бьорн лихорадочно повернул ключ зажигания. Машина у него была хорошая, надежная, но, пока он выруливал, его обогнал серебристый «Юкон».

...Бьорн несся, стараясь нагнать «Шевроле», но полуса впереди по-прежнему была занята «Юконом». Ко-

гда через десять минут показался знак поворота на объездную, Бьорн свернул, почти не сбавляя скорости.

Дорогу чистили регулярно — по левому краю оплывали сугробы. Рассвело, но здесь было сумрачно, сосны заслоняли серое небо и, качаясь, роняли с ветвей серый снег. Проехав метров пятьсот, Бьорн обнаружил развернутый поперек дороги «Шевроле» с распахнутыми дверцами. Он подъехал, заглушил мотор и выскочил из машины.

Салон был пуст, с детского кресла свешивался белый шарфик. Чуть выше, на пологом каменистом склоне, тянулся между деревьями след из мокрого взрытого снега. Моля Бога, чтобы не опоздать, Бьорн, прихрамывая, побежал по склону, то увязая в снегу по колено, то скользя по мокрым проталинам. Вдоль следов были разбросаны красные флажки, Грязный, похоже, заранее пометил путь к провалу. Подготовился. Бьорн почувствовал прилив ярости и захромал с удвоенной энергией. Вскоре он услышал крики и увидел, как между деревьями мелькает желтое пятно — Роза в желтой куртке бежала за мужем, который нес на руках ребенка, и умоляла его остановиться. И крики Розы, и плач Буточика, и гнусные проклятия Грязного терялись в холодном сумраке гор. Бьорн тоже закричал что-то бессмысленное, лишь бы они услышали. Но бег продолжался, Бьорн катастрофически не успевал.

Он выхватил из кармана «Вальтер», снял предохранитель и выстрелил в воздух. Грязный остановился и обернулся, на красивом лице застыло недоумение. Он был в светлой куртке, без головного убора, шарф размотался и висел на шее, как длинная черная змея. Напуганная до полусмерти девочка заплакала еще сильнее.

Эта заминка позволила Розе догнать мужа. Бьорн видел, как она из последних сил добралась до Грязного, вцепилась в дочку и успела дважды сильно ее дернуть к себе, пытаясь вырвать. Муж оттолкнул ее, но она снова бросилась на него, как тигрица, защищающая дете-

ныша, тогда он ударил ее кулаком в лицо. Удар был такой силы, что Роза, довольно крупная женщина, упала на спину, раскинув руки, и больше не двигалась.

— Стой, урод! — заорал Бьорн на весь лес.

Грязный щерился. Из приоткрытого рта бежала слюна, взгляд блуждал. Сначала он пятился, закрываясь от пистолета девочкой, потом повернулся к Бьорну спиной.

Он уходил по тропе, усыпанной красными метками. Между ними оставалось метров двадцать. Бьорн боялся попасть в ребенка, поэтому стрелял с колена, тщательно целясь в ногу. Когда Грязный упал лицом вперед, девочка кувыркнулась через голову в сугроб. Бьорн добежал до них. Пуля вошла прямо в центр спины Грязного, по светлой куртке расплзлось большое красное пятно. Первым делом нужно было позаботиться о ребенке, а потом думать, что делать дальше. Бьорн не сомневался, что Грязный мертв. Придется вызывать полицию. Он сгреб зарезанного ребенка в охапку и бросился назад. Нести было неудобно, девочка болтавшимися ногами пинала Бьорна в живот.

Роза сидела на снегу, распухшее лицо было залито слезами, кровь из разбитого носа забрызгала ярко-желтую куртку и сиреневые брючки, заправленные в угги.

— Спасибо... спасибо... — с огромным облегчением повторяла она. — Вы спасли нас... Он сел ко мне в машину, отобрал телефон... Как вас зовут?

Бьорн тяжело дышал.

— Бьорн... Слеттен...

Он опустил плачущую девочку на снег, помог Розе подняться. Она схватила дочь на руки, и та крепко обхватила ее за шею.

— Мамочка...

И вдруг на лице Розы отразился ужас, она вскрикнула. Бьорн резко обернулся. Их настигал Грязный, с болтавшимися до колен шарфом. Он словно не чувствовал ранения и несся на них с какой-то неистовой, звериной яростью.

— Роза, бегите, — торопливо сказал Бьорн. — Садитесь в машину. Не выезжайте на трассу, пока не вытрете кровь. Умойтесь снегом!

— Хорошо!

— Будьте у отца! Никуда не звоните, ждите меня! Если я не появлюсь до завтра, сообщите в полицию!

Роза, с девочкой на руках, тяжело ступая, побежала вниз, а Бьорн шагнул навстречу Грязному, со всей силы ударив его плечом в корпус. Сцепившись, они повалились в снег.

Камилла долго ворочалась без сна, что-то мучило, какая-то тяжесть в душе, непокой. Она не дружила с ночью — ночь ходила в черном балахоне, ее языком пели волки, под ногами ее шелестели кусты. Камилла не любила разглядывать и никогда не рисовала ее жуткие траурные одежды. Лежать без сна — хуже не бывает... Тьма стала так невыносима, что, протянув руку, Камилла включила ночник, обычно едва освещавший край постели. Но сейчас свет лампы вдруг усилился, с каждой секундой он разгорался сильнее, и Камилла обнаружила, что Томаса нет рядом.

Она резко села. Ночник, как по команде, погас. Снова мрак... Может, задела провод? Камилла нашарила ногами тапочки, сунула в них ноги, накинула пеньюар и потихоньку вышла в коридор. Она не могла звать мужа, не могла сказать ему о своем страхе. Взрослая женщина боится темноты, это нелепо. Несколько шагов по направлению к кухне, выходящей в гостиную, и стало понятно: что-то таилось в темноте, между мойкой и кухонным островком, что-то скреблось и тяжело вздыхало. Ночь! Ночь скреблась своими длинными когтями, вздыхала ветром в каминной трубе. Камилла приросла к месту, чувствуя, как гуляет по голым ногам весенняя стужа. Дверь в сад открыта... Деревья в саду качают голыми ветвями, едва различимы в окне их силуэты. Где Томас?! Здесь ночь, Томас!

Из-за края стола медленно показались два горящих глаза — ночь пристально смотрела, как она стоит, прижавшись к косяку. Потом ночь приподнялась с колен, распрямила спину, чудовище в черном балахоне, вывалившееся в снегу, мокрый снег налип на уши, полосами лег на лицо... Усы, господи, у ночи есть усы! Ночь раскрыла пасть, блеснули ее крепкие зубы... Камила закричала от страха и... проснулась.

Сердце громко стучало в груди. Камила протянула руку и зажгла ночник. Томаса нет, его постель не измята... Она с трудом вспомнила, что муж дежурит в больнице. В доме сегодня ночь, а его нет... Что-то тихо стукнуло, будто кто-то перевернул на кухонном столе жестяную банку с печеньем. Докатившийся звук был едва различим, но Камила похолодела, она знала, что не ошиблась — кто-то был на кухне. Она нашарила тапочки, накинула пеньюар и тихими шагами пошла по коридору.

В гостиной луна светила в окно, деревья отбрасывали на стекла легкие призрачные тени; дверь на террасу была распахнута, вот откуда этот жуткий сквозняк. Ноги совсем заledenели...

Между мойкой и островом выросла темная гора, потом исчезла, тут же выставились два желтых горящих глаза. Камила хватала ртом холодный воздух. В отчаянном приступе смелости она решила победить ночь или хотя бы побороться и нашарила на стене рядом с дверью выключатель. Когда вспыхнул свет, чудовище, прятавшееся на ее кухне, гремевшее ее банкой с печеньем, в два прыжка пересекло гостиную и кое-как, боком протиснувшись в дверь, выскочило в сад. Оно оказалось енотом невероятных размеров, с медведя, пожалуй, с полосатым хвостом и острой мордой...

...Томас, приехавший с работы в девять утра, встретил известие о ночном происшествии залившимся смехом, и Камила вдруг почувствовала облегчение: если он смеется, значит, все в порядке. Подумаешь, енот. Не

конец света. Она помнила, что не заперла дверь в сад на шпингалет. Голодному зверю пришлось просто толкнуть ее, чтобы проникнуть на кухню. Огромный, с медведя? Томас привлек ее к себе и поцеловал в макушку. «Енот, да не тот! У страха глаза велики, моя милая, моя дорогая Милла...» — «Спасибо», — ответила Камилла, испытывая к нему благодарность за здравомыслие.

Все эти дни после приезда из Осло она будто летала на крыльях, сама не понимая, что с ней. Ее переполняла любовь. Восторг, нежность, гордость, обожание — все эти чувства к мужу укрупнились многократно. Были минуты, когда она думала, что рухнет перед ним на колени и начнет целовать ему руки — а он просто сидел рядом на диване и читал какой-нибудь научный журнал, пока она смотрела фильм. Их ночи тоже стали горячи. Жарче, чем в медовый месяц. За утренним кофе он иногда пристально всматривался в ее лицо с распухшими губами, словно изучал нового пациента, она краснела, думая, что он вспоминает ее, ночную. Но ее смущение не забавляло его, он оставался серьезен.

Сейчас, после разговора о еноте, вломившемся в дом, когда Томас ушел отсыпаться после ночной смены, она встала за мольберт в своей мансардной мастерской и едва взялась за кисть, как воцарившийся в душе покой куда-то мгновенно улетучился. Всплыла ужасная истина, которую она так старательно загоняла внутрь, в которую не хотела бы верить. Енот был тот самый, которого воскресил Томас в злополучный вечер ее приезда, и этот енот вырос до огромных размеров. Она не подозревала это, она это *знала*.

Ночью ей так и не удалось заснуть. Сейчас нервное возбуждение отпустило, потянуло в сон. Камилла спустилась в спальню и легла рядом с мирно спящим мужем — его присутствие действовало лучше всякого успокоительного.

...Днем Томас уехал по делам. Камилла поднялась в мансарду. В открытое окно врвался свежий воздух, был виден кусочек поголубевшего неба. Весна все сильнее заявляла о себе: прохладно, но ясно, днем яркое солнце, ночью звезды, и все это сделал ненадолго прилетевший южный ветер.

Она поставила на мольберт большую картину, которую недавно начала тайком от мужа. На картине до горизонта простирался Океан всех оттенков серого и синего, окаймленный с трех сторон побережьями. Бесконечно тянулись солнечные песчаные пляжи, туман окутывал Золотые Ворота, а над клубами пара светилось последнее творение феи Морганы, город-мираж, город-прозрение на берегу вечности. Здесь бесчисленные речушки текли объединиться с Океаном — там глубоко врезались в сушу невероятной красоты фьорды, образуя по берегам причудливое каменное кружево, заполненное водой.

Человек вышел из воды. Все родственники Томаса Хансена туда возвращались, находя ее повсюду, не упуская ни одной возможности слиться с ней. В центре картины виднелся грозный мальстрем — гигантский водоворот, дорога в бездну. К нему со всех сторон устремлялись суда и суденышки, дракары викингов, старинные рыбацкие шхуны, современные яхты, катера, лодки. У берегов белели треугольные паруса виндсерферов — море неумолимо сбирало дань, не брезгуя слетевшими под волну смельчаками. Сколько всего было уплывших Хансенов, Камилла не знала, и имена многих ей не были известны, но их знало море, знал Океан, его ледяные волны в золотом закате, неумолимые, уволакивающие, гремящие, вечные...

Камилла изобразила «Титаник», протаранивший айсберг, на нем утонул один из прапрадедов, молодой еще человек, что работал клерком в судоходной компании. За «Титаником» плыла ванна с Хансеном, у которого прихватило сердце. На перевернутой кверху дном лод-

ке плыла свекровь Камиллы и ее подруга, уехавшие отдыхать в Египет. Последним входил в воду дядя Томаса, поехавший на научный конгресс в Боливию и утонувший во время экскурсии к озеру Титикака. Рассказывали, что во время пикника, когда разноязычная компания офтальмологов шумно веселилась на берегу, он снял туфли, аккуратно отставил их в сторону, чтобы не замочить, и торжественно вступил в священные для индейцев аймара и кечуа воды. Он шел с простертыми руками, будто призвали его повелители пресной воды, стекающей с ледников. На берегу кричали и суетились, бегая взад-вперед, протрезвевшие офтальмологи, но было поздно — дядя Томаса уже занял очередь к мальстрему...

Дядю было особенно жалко, он хорошо относился к Камилле и боготворил Томаса. Офтальмолог с мировым именем, всего добившийся благодаря таланту и трудолюбию, он нашел в племяннике отражение себя, помог получить прекрасное образование, обучил хорошим манерам. «Не забывай, девочка, с кем тебе посчастливилось соединить свою судьбу, — говорил он Камилле. — У нас быстро специальное медицинское образование не получишь и карьеру не сделаешь. Я сам много и долго учился, но Томас превзойдет меня. Ты хоть понимаешь, что значит одновременно брать курсы для двух специализаций, по хирургии и анестезиологии? Мало быть гением, мальчик должен был пахать, как вол. Он нас всех удивит, вот увидишь». А Томасу он не раз напоминал, что у его жены *чудная, нежная гуша...*

Для Томаса дядя был значительной фигурой и хорошим авторитетом. Он невольно скопировал многие его черты — быстрые движения, жестикуляцию, оживленную мимику и, конечно, легкую походку. В подражание ему, Томас много бегал для моциона и обожал горные лыжи. Хороший пример, достойная жизнь, и... такая странная смерть. Не поддающаяся никаким объясне-

ниям. *Все утонули...* Из суеверного страха, Камилла, выходя замуж, оставила себе девичью фамилию, Твейт. Дядя, у которого больше не было родственников, завещал Томасу все свое состояние. Не зная, что с ним делать, Томас все перевел в деньги, разделил пополам и положил в банк, на их с Камиллой счета.

Камилла не прописывала лица, видны были только затылки, белокурые, рыжие, черноволосые. Тех, кто уже нырнул, водоворот выпускал из страшных объятий преобразенными, с гладкими вытянутыми телами, в отливающей серебром коже. Огромная стая, резвящаяся в волнах, подзывала своих родственников переливчатым свистом, разносящимся под водой на многие морские мили.

Камилла не могла остановить уже ушедших — когда она писала их истории, ее рукой владел Рок. Но за жизнь одного человека, самого дорогого на Земле, она была готова спорить доступными художнику средствами. Все скандинавское побережье оградил от ненасытного океана зубчатый частокол густого леса, он обступил горючок с возвышающейся над центром башенкой университетской церкви, укрыл от ветров и манящего блеска воды.

...День клонился к вечеру. Камилла все еще стояла перед мольбертом с кистью в руке, раздумывая, не закончить ли на сегодня работу. В эту минуту снизу донесся какой-то шум, к дому подъехала машина, хлопнули дверцы, снова взревел мотор, два женских голоса о чем-то заспорили. Одна из женщин была крайне взволнована, собеседница отвечала ей вяло и неохотно. Камилла положила кисть и спустилась вниз.

У калитки со стороны улицы стояла незнакомая женщина средних лет, скромно одетая, с расстроенным лицом. Увидев на пороге Камиллу, она еще больше разволновалась, достала из кармана пальто носовой платок и стала вытирать глаза. Камилла заметила светловоло-

сую девушку в джинсах и ярко-красной куртке, которая со стремянки, стоявшей между двух кустов сирени, протирала белой тряпкой одно из двух кухонных окон. Движения у нее были ровные, монотонные.

— Что все это значит? — пробормотала Камила. — Кто вы? Перестаньте! Что вы делаете?!

Но девушка не обращала на нее внимания и продолжала работать. Женщина у калитки стала делать робкие знаки, прося разрешения войти. Видя, что хозяйка не возражает, она прошла по дорожке к дому и, приблизившись, вымученно сказала:

— Это моя дочь... Пожалуйста... Вы не позволите к вам зайти? Я все объясню. Я вижу, что вы очень добрая женщина и не откажете...

Тихая, стеснительная женщина выглядела безобидной. Камила бросила на девушку еще один взгляд, и они с женщиной вошли в дом.

— Ей хуже с каждым днем, но у меня рука не поднимается сдать ее в психушку... Вы видели, какие красные у нее глаза? Она же почти не спит. И все время моет, подтирает, начищает... Вы не думайте, у моей дочери очень хорошая работа, она бухгалтер строительной компании. Но вот — влюбилась, начали встречаться, все-таки ей уже двадцать восемь, и никого нет, а тут такой симпатичный парень, Синдре, так его зовут, цветы, свидания, она просто расцвела... просто расцвела... А потом пришла домой и говорит, что он ее бросил ради какой-то официантки, да, ради простой официантки, которая по вечерам мыла полы там же, в кафе. Я не уследила, она напилась таблеток, откачали, но... сами видите... По-моему, она сейчас пытается доказать, что она ничуть не хуже умеет работать, чем та уборщица. Такое прекрасное образование, а тут официантка... Знаете, меня тоже это мучает — чем официантка лучше? И что-то с памятью у моей доченьки... Кажется, она меня не помнит, смотрит мимо... — Фру

Фосс заплакала навзрыд. — Теперь у нас дома все сверкает, как в рекламном ролике, ни соринки, ни пылинки... Она же набрасывается с веником на каждую упавшую крошку хлеба! Это так страшно, понимаете?

Камилла налила ей стакан воды.

— Выпейте.

Пока фру Фосс говорила, Камилла с тоской думала о том, что день безнадежно потерян. Конечно, она понимает эту несчастную женщину и девушке сочувствует, сама недавно была в похожем положении, как сейчас говорят, сидела на измене. Но что же делать? Как их отсюда отправить? Наверное, придется вызывать бригаду «Скорой помощи».

— Хотите моего совета? Обратитесь к врачу-психиатру, вашей дочери нужна квалифицированная помощь, — мягко сказала Камилла. — Ну, и меня вы тоже должны понять. Она моет мои окна. Наши соседи, конечно, очень порядочные люди, но вдруг увидит кто-нибудь из посторонних? Мне не нужны проблемы с налоговой. Они решат, что я нелегально наняла работницу, с этим сейчас строго.

— Да-да, разумеется, — торопливо сказала фру Фосс. — Я как раз хотела попросить, чтобы вы пригласили ее в дом. Тогда никто не увидит. А там, глядишь, и доктор Хансен подъедет.

Камилла помертвела.

— А при чем здесь мой муж?

— А он ее откачивал, когда она отравилась. Она если и начинает говорить, то только о нем. Что доктор самый хороший человек на свете, что он ее от смерти спас. Утром начала метаться по дому, искала его, я пообещала, что доктор обязательно приедет. Она тогда успокоилась и полдня сидела на диване, дремала. Ну а потом ее затрясло, подскочила, начала кричать, что надо ехать к доктору... Я побоялась везти ее в больницу, чтоб не забрали... Знакомого попросила, он нас подвез... Пусть ваш муж ее подлечит, а то ведь знаете, что

она делает? — Фру Фосс трясущейся рукой промокнула глаза платком. — Понаставила по дому мышеловок, нашла где-то в подвале, поймала мышку и на глазах у отца съела — живую. Муж после этого ушел из дома, живет у друзей, а я не могу бросить мою девочку... Она у меня всегда была такой тихой, послушной... пока этот негодяй ей не встретился...

Камиллу затошнило, и она едва успела добежать до туалета.

Остаток дня прошел как в тумане. До позднего вечера дочь фру Фосс, анорексичная угловатая девушка с невыразительным лицом, на которое постоянно падали длинные спутанные волосы, мыла первый этаж. Ее мать сначала присела рядом с прилегшей в спальне Камиллой, но Камилла, отбросив все приличия и нервно прервав поток стенаний, продолжавших изливаться, попросила фру Фосс уйти в гостиную. Она пролежала до самого приезда Томаса с мокрым полотенцем на голове, не могла и не хотела ни о чем думать, настолько ей стало плохо. Разнылся зуб, колото сердце, на душе была осень, ее самый слякотный и темный день.

Она не вышла к Томасу, он разговаривал с женщинами сам, потом зашел в спальню, пощупал Камилле голову, поправил плед.

— Они поживут у нас в комнате для гостей, если ты не возражаешь. Я должен понаблюдать девушку, возможно, проставлю кое-какие уколы, что-нибудь седативное, витамины... У нее явное переутомление и нервный срыв. Ты не против?

Он наклонился, нежно поцеловал Камиллу в губы, она обхватила его обеими руками за шею и сказала сквозь набежавшие слезы:

— Конечно нет, дорогой, когда я была против? Делай все, что нужно, ты же врач, кто еще поможет этой бедняжке?

— Ты мое золотко, — прочувствованно сказал Томас.

На следующий день он уехал на медицинский конгресс в Осло, где должен был читать доклад, и обещал вернуться завтра, а Камилла осталась в своем доме, вылизанном до тошнотворной чистоты, в компании девушки со шваброй и ее матери. Благодаря назначенной Томасом терапии, ночью младшая Фосс спала, а с утра принялась за наведение порядка.

Камилле удалось прийти к соглашению, что они не будут находиться вместе с ней в одной комнате, но все же невозможно было скрыться от их бесконечных диалогов на тему уборки, и она твердо решила уехать на весь день к подруге. Сборы прервал стук в дверь. Это было неожиданно, никто не приезжал к ним без предварительного звонка, даже соседи не приходили просто так.

Гость оказался светловолосым мужчиной лет тридцати пяти, в черном драповом полупальто и длинном сером шарфе, обмотанном вокруг шеи. У него были очень умные зеленоватые глаза и спокойный вид. Он поздоровался, представился Бьорном Слеттенем и спросил Томаса. Камилла вежливо ответила, что муж в отъезде. Из-за спины Камиллы донеслось:

- Пойду вымою пол в кухне.
- Ты мыла полчаса назад.
- Она туда ходила, наверное, наследила.
- Да нет, тапочки у нее чистые, ты же сегодня их мыла.
- Я не помню, что мыла... Это было вчера. Я вчера их мыла... мыла вчера...

Лицо Камиллы перекосила страдальческая гримаса, она подумала, что ненормальная семейка Фосс, наверное, никогда не оставит ее в покое и что хорошо бы поскорее уехать из дома, сегодня так по-весеннему хорошо, небо совсем синее, и ставшие пористыми льды вокруг Мраморных островов поют и звенят на солнце. Да-да, на сильном солнце вода сквозь поры сочится наружу, и звон стоит, как от кузнечиков летом...

Мужчина деликатно выждал, отведя глаза, потом сказал:

— Вы не сочтете за дерзость, если я попрошу вас сесть в мою машину и выслушать? — Камилла оторопела. — Я пациент вашего мужа, и у меня очень важный разговор. Мне не хотелось бы разговаривать в присутствии фру и фрекен Фосс...

То, что незнакомец знал Фосс, неожиданно обернулось в его пользу, он словно перекинул к ней мостик своим неприятием этих женщин, захвативших ее дом. Камилла накинула куртку и пошла за ним по дорожке к машине, припаркованной у ограды. Обе Фосс, стоя на пороге, смотрели им вслед, а потом закрыли дверь.

— Мать безобидна? — почему-то спросил Слеттен.

— Вроде да, — удивленно ответила Камилла.

Но вдруг всплыли сомнения и неясная тревога. Вспомнились странные перемены с фру Фосс. Когда дочь натирала паркет, мать контролировала ее и давала отрывистые указания: получше отполировать здесь, вернуться и повторить там... Вчера она была подавлена, сегодня повеселела, ей доставляло огромное удовольствие наблюдать за действиями дочери. Но при появлении Камиллы в ее глазах появлялось неожиданное раздражение. Хотя, возможно, Камилле, с ее взвинченными нервами, это просто мерещилось.

В машине господин Слеттен сказал, что умер в результате огнестрельного ранения, и после реанимации, которую провел Томас, у него открылась способность к чтению мыслей некоторых людей. Камилла натянуто улыбнулась, уже жалея, что купилась на его обаятельную улыбку. У него почти зажила искалеченная нога, из-за которой он, собственно, и уволился из полиции, раньше он ходил с палочкой и сильно хромал, а сейчас может сплясать тарантеллу. Камилла приподняла брови — о, вон оно что... Один из реанимированных доктором Хансеном мужчин оказался неуязвим для пуль его пистолета, и это очень плохо. Он откинул полу паль-

то, чтобы показать кобуру. Она, сдерживая закипающую злость, взглянула на эту его кобуру и хотела сказать, чтобы он не сводил ее с ума всякими нелепыми рассказами и убирался к чертовой матери со своей кобурой, хромотой и телепатией, но тут он выдал, что младшая Фосс отравилась и после реанимационных мероприятий сбрендила, енот вырос, а она, Камилла, сегодня постоянно думает о том, почему у нее трехдневная задержка. Камилла была так потрясена и даже обессилена, что начала задыхаться. Слеттен приоткрыл окно, впустив в машину порцию свежего воздуха. Из окна кухни на них, не отрываясь, смотрели Фосс, младшая при этом терла стекло белой тряпкой.

Камилла лихорадочно размышляла, откуда он мог узнать про енота и остальное.

— От тебя, — невесело сказал Слеттен.

Она едва не вскрикнула от ужаса и смотрела на него, как на привидение. Но, похоже, все, о чем он говорил, было правдой. И он тоже был расстроен...

— Пожалуйста, расскажи мне про енота, Камилла. Вы с мужем его сбили? — Она нерешительно кивнула. — Ты теряла сознание?

— Ненадолго.

— После того случая с тобой происходит что-то необычное?

— Я вижу сны. Которые сбываются... — прошептала она. — Вы хотите сказать...

— Да, — ответил Слеттен. — Я слышу мысли реанимированных. Тебе было очень холодно, когда ты очнулась, правда?

— Смертельно, — сказала она и заплакала.

— Пожалуйста, не плачь, — сказал он серьезно. — Мы должны радоваться, ведь он вернул нас с того света. Твой муж изобрел какой-то новый препарат?

— Я так его люблю... Мне страшно... Сначала енот, потом эти Фосс, а теперь вы...

— Обещаю, что я ничего не сделаю ему во вред, напротив, всеми силами буду стараться помочь. Дома есть его компьютер?

У Камиллы кровь прилила к лицу.

— Нет, ни за что! Даже не думайте, я ни за что не стану вторгаться на личную территорию Томаса!

— Нам нужен список людей, которых он реанимировал. Мы же не хотим, чтобы его увезли из дома или с работы в наручниках? Как только он вернется, мы с ним сразу поговорим. А пока я должен убедиться, что среди воскрешенных нет всяких моральных уродов.

Этот бывший полицейский снова растопил ее недоверие. Она колебалась, но потом ответила, утирая слезы:

— Господи, неужели все так серьезно? Кажется, я могу попробовать... Помню, однажды Томас звонил мне из Дании с конференции, просил открыть его компьютер, ему нужны были данные по одной научной теме. Я знаю, он очень консервативен, годами держится старых привычек. Может, он до сих пор использует тот пароль...

— Я подожду здесь.

Но когда она повернулась к нему спиной и пошла по дорожке, ее снова охватил безотчетный страх, словно она поплыла на оторвавшейся от берега льдине. Она увидела впереди, в кухонном окне два бледных женских лица и окончательно поняла, что ее страх связан с домом и этими женщинами внутри.

— Камилла! — вдруг окликнул ее Слеттен. Она остановилась. К ее большому облегчению, он вылез из машины. — Мне что-то неспокойно. Пойдем вместе. Заодно посмотрю на эту младшую Фосс.

Они вошли в дом. Под пронзительным взглядом фру Фосс Камилла прошла в кабинет Томаса, закрылась там и включила компьютер. У нее все получилось, старый пароль сработал, в папке «Пациенты» нашелся файл со списком из двадцати одной фамилии. Напротив некоторых стояли галочки. Ее имени не было, зато значи-

лись в числе прочих фамилии Слеттен и Фосс. Распечатав список, она вышла из кабинета и, повинуясь какому-то безотчетному порыву, заперла дверь на ключ, который всегда торчал в замочной скважине и которым Томас никогда не пользовался. Ключ она положила в карман куртки. И никаких угрызений совести, подумала она.

В гостиной Слеттен со сдержанным любопытством наблюдал за младшей Фосс, яростно начищавшей деревянные подлокотники дивана. Фру Фосс была занята тем же. Камилла взяла свою сумку, с которой намеревалась поехать к подруге, и кивнула Слеттену: все получилось. Он повеселел и поднялся из кресла.

— Куда это вы собрались, Камилла? — неприязненно спросила фру Фосс.

— Вас это не касается, — ровным голосом ответила Камилла, хотя внутренне вся почему-то сжалась в комок.

— Нет, касается. Я считаю себя очень обязанной доктору Хансену и не позволю, чтобы в ее отсутствие его жена вертела хвостом перед другим мужчиной. Сиделась к нему в машину, шушукалась за нашей спиной...

Воцарилось гробовое молчание. Камилла, онемев, смотрела на злобно щурившуюся фру Фосс. Слеттен, конечно, все слышал, но в этот момент младшая Фосс неожиданно подошла к матери, тронула ее за локоть и плаксиво протянула:

— Почему он залазит в мою голову?

— *Залазит в твою голову?* — грозно сказала фру Фосс, эта вчерашняя тихая мышка. — Я никому не позволю залазить в голову моей дочери, тем более какому-то мужчине. Ты помнишь Синдре? Он тоже залез в твою голову, и вот что из этого получилось.

— Нам пора, Камилла, — спокойно сказал Слеттен. — Надеюсь, когда твой муж вернется, эти дамы очень скоро покинут твой дом. — Он взял Камиллу под локоть и повел к двери.

— Да-да, как бы не так, — сказала им вслед фру Фосс. — Когда доктор Хансен вернется, он женится на моей девочке. У нее прекрасное образование, просто чудесное. И она не белоручка, как некоторые. Весь дом заср...ла. Художница. Шлящая.

— Не обращай внимания, — сказал Слеттен ахнувшей Камилле.

...В машине он пробежал список глазами и с кривой усмешкой сказал:

— О, знакомая фамилия... Фру Ульсен. Решительная дама.

— Ты ее знаешь?

— Теперь да. Это она в меня стреляла.

— Боже мой... Что же будет? Если честно, я просто в панике...

— Надо потерпеть. Все образуется. Из любого положения всегда есть выход.

— Ты думаешь?

— Уверен, — сказал Слеттен.

— Меня нет в списке. Томас не внес меня, потому что я не пациентка, да?

— Да, думаю, поэтому. Ты не пациентка, ты любимая жена.

— Я написала там, в конце, наши с Томасом номера телефонов...

— Хорошо.

Он включил зажигание.

— Они смотрят на нас? — спросила Камилла, пристегиваясь.

— В четыре глаза, — взглянув на дом, ответил Слеттен. — Мамаша суцая ведьма, намного опаснее дочери.

— Может быть, ты не понял, телепатически, — Камилла прикоснулась кончиками пальцев к виску, — но ее дочь ест живых мышей.

Слеттен брезгливо чертыхнулся.

Он отвез ее к подруге, жившей в небольшой уютной квартирке в городе, и уехал, пообещав держать в курсе событий. У Эмблы, так звали подругу, состоялась вече-

ринка, пришли несколько старых друзей, они пили вино, веселились, и это помогло Камилле развеяться. Звонил Томас, они хорошо поговорили. Он сказал, что его не нужно встречать и что завтра он заедет за ней к Эмбле. Она умолчала о Бьорне Слеттене и о том, как вела себя фру Фосс, полагая, что дурные вести нельзя сообщать человеку, находящемуся в отъезде. Она сказала, что очень ждет его возвращения, и это была истинная правда.

...В полдень позвонил Слеттен, чтобы узнать, когда приезжает Томас. Камилла ответила, что муж будет с минуты на минуту. Он сказал, что должен с ним немедленно встретиться для важного разговора, который нельзя откладывать. У Камиллы упало сердце.

— Это из-за списка?

— Ну...да, — нехотя признал он. — Давай без подробностей?

— А мне не нужны подробности, — задыхаясь, сказала Камилла, — я и без подробностей знаю, что все плохо, что все гораздо хуже, чем мы думали... Мне снились какие-то ужасные люди, они бранились, угрожали... какие-то тролли в синих шапочках... Было так омерзительно, так страшно... И ты был там, среди них, слышишь?!

— Успокойся, — попросил Слеттен расстроенным голосом. — Я скоро буду.

К счастью, Эмбла уехала на весь день в дальнюю деревушку выбирать пряжу, из которой она ткала чудесные ковры, имеющие успех, поэтому у Камиллы оставалось несколько минут, чтобы поплакать в одиночестве.

...Поездка на конгресс, определенно, удалась. Томас ворвался в квартиру, как вихрь, довольный, улыбающийся, в распахнутом плаще, с серебристым кейсом в одной руке и букетом ее любимых «пламенеющих» роз в другой. Как будто это она куда-то уезжала, а он встречал. Он любил дарить ей цветы...

Они поцеловались, крепко прильнув друг к другу. Его светлые волосы, немного длинные для того, чтобы называться короткой стрижкой, отливали золотом старинных голландских полотен, от приятного, до боли родного мужского парфюма, с ноткой весенней свежести, у Камиллы кружилась голова. Он спросил, как дела. В последнее время присутствие мужа действовало на нее, как бокал легкого вина, и она, приятно взволнованная встречей, едва не ответила, что все в порядке. Но в эту же секунду над ними, как гром с неба, раздался звонок.

— Слеттен? — Томас выступил из-за спины Камиллы, открывшей дверь.

— Здравствуйте, доктор, — сдержанно произнес Бьорн. — Я к вам по очень важному поводу. Вы позволите?

— Вообще-то я в гостях...

— У меня срочное дело, — настаивал Бьорн.

Доктор сделал приглашающий жест, снял плащ и прошел в комнату, но явно не обрадовался появлению нежданного гостя. Бьорн немного замешкался, снимая куртку. Ему не хотелось беседовать с доктором в присутствии Камиллы, разговор предстоял тяжелый, но как попросить ее уйти? Он взглянул на нее.

Камилла стояла, поникнув, прислонившись спиной к косяку. У нее была почти русалочья внешность: бледное лицо в обрамлении темных блестящих волос, огромные, чуть близорукие темно-серые глаза, из-за этого взгляд был немного затуманен. Белая сияющая кожа в узком вырезе платья, тонкие запястья, длинные нервные пальцы — от такой красоты у Бьорна щемило в груди. Хансены были очень эффектной парой...

Она перехватила его взгляд, все поняла и громко сказала:

— Пожалуй, я схожу в магазин, Томас! Нужно кое-что купить к обеду.

— Во-первых, в вашем доме поселились две дьяволицы, у них мозги работают в странном направлении. Младшая, та, что любит есть живых мышей, мечтает выйти за вас замуж, а мать ее поддерживает и твердо намерена известить вашу жену.

— Вы шутите? — Доктор недоверчиво улыбнулся. — Когда я уезжал, они были полны умиротворения.

Бьорн включил диктофон мобильного телефона.

— Когда доктор Хансен вернется, он женится на моей девочке. У нее прекрасное образование, просто чудесное. И она не белоручка, как некоторые. Весь дом заср...ла. Художница. Шлящая, — донеслось из динамика. Бьорн остановил запись.

У доктора вытянулось лицо.

— У меня профессиональная привычка все записывать, — поспешил объяснить Бьорн. — Если на моем пути встречается что-то неприятное или опасное, рука машинально тянется к кнопке. Но история с Фосс — это, так сказать, цветочки. Прошу меня заранее извинить за то, что я вынужден вам сообщить...

— Разве это не все? — По лицу доктора скользнула тень досады.

— Нет. Видите ли, доктор, после реанимации я почти избавился от хромоты, за что очень вам благодарен... — Бьорн подбирал слова. — И еще я обрел способность слышать мысли других реанимированных.

— О, да. Поздравляю, — процедил доктор. — Час от часу не легче.

— Я знаю о Камилле и еноте. Она видит пророческие сны, а енот очень вырос. Напомню, что пресса всю муссирует свидетельства очевидцев, которые видели в горах громадного енота-мутанта. Но бог с ней, с прессой. В мои руки попал список лиц, которых вы за последние три месяца реанимировали с помощью изобретенного вами препарата.

У доктора вырвался нервный смешок.

— Пожалуйста, выслушайте меня, — настойчиво произнес Бьорн. — Я ни с кем не обсуждал этот спи-

сок, даже с вашей женой. Я начал обзванивать людей из списка, сначала тех, кто без галочки. Кроме меня, их шестеро. Кто-то был на работе, но мне удалось со всеми связаться, даже с пациентом, который уехал по делам в Японию.

— Йенсен, президент торговой обувной сети?

— Да.

— Ограбление, умер на столе. Как он?

— Прекрасно. В пятьдесят лет стал пользоваться невероятным успехом у женщин.

— Он сам вам об этом рассказывал? — Бьорн замялся. — Ах, да, извините, никак не могу привыкнуть к вашим *телепатическим* способностям, — с иронией сказал доктор. — Значит, у него все в порядке?

— Да. Говорит, что вы сотворили с ним чудо.

— Ну, я рад за него. Остальные?

— Все нормально с дамами Ольден, Яр и Одланд. Мужчина, Андерсен, стал ведущим на свадьбах, у него открылся дар красноречия. Едва не заговорил меня до смерти. Просил передать вам самые теплые пожелания, очень благодарил... К сожалению, на этом все хорошее кончается. Шестой, Нигор, постоянно конфликтовал с соседями. Ночью привез и открыл в квартире газовый баллон, а сам куда-то уехал. Все обошлось, сосед случайно увидел, как он затаскивал баллон в дом, был настороже и вовремя вызвал службу спасения. Этот тип сейчас в розыске.

— Раньше парень наблюдался у психиатра, — подумав, сказал доктор. Было заметно, что рассказ Бьорна его тревожит. — К нам он попал с попыткой суицида.

— Я понял. Без галочки, зато с белочкой, — мрачно пошутил Бьорн. — Перейду к другим таким же. Я полагаю, доктор, галочками вы отметили пациентов с превышенными реанимационными сроками. Давайте играть в открытую. Их вы реанимировали, когда они уже бесповоротно умерли.

★ Доктор откинулся в кресле и пристально смотрел на Бьорна.

— И что?

— Их четырнадцать человек. Двоих я знаю — девушку Фосс и Ульсен, которая в меня стреляла. Последняя сейчас в стационаре, но не исключено, что ее вот-вот выпустят. Остались двенадцать. Двое мужчин подошли к телефону и сняли трубку, но не отвечали, в голове у одного пугающая мешанина мыслей, мат, злоба на весь белый свет, второй не может ни о чем думать, кроме троллей в синих шапочках с бубенчиками. Еще за одного отвечала какая-то испуганная женщина, возможно, жена, она очень быстро положила трубку. До семерых не дозвонился, самый последний в списке пообещал отрезать мне язык и съесть сырым. А об одном типе я хотел поговорить отдельно, — через силу сказал Бьорн. — Его зовут Альваро Санчес. Если эти несколько человек стали такими, как он, то это катастрофа... — Он полез в карман, достал диск. — Вот видео, правда, не очень хорошего качества, камера прыгала, но главный момент снят хорошо — как я стрелял в него, но не причинил ему никакого вреда... И все же у меня руки в крови, доктор. С этим срочно нужно что-то делать. В первую очередь мы должны избавиться от трупа.

Доктор Хансен сидел неподвижно, с белым как мел лицом.

Камилла вернулась, когда они с доктором уже оделись, чтобы ехать на объездную дорогу. Бьорн пошел в машину, а доктор немного задержался. Спускаясь по лестнице, Бьорн слышал, как он что-то говорил жене, успокаивал, слышал, как она плакала.

Через час они добрались до места и поднялись в гору к месту провала. Здесь три дня назад Альваро Санчес пытался убить жену и дочь, здесь по-прежнему было тихо и сумрачно. Снег почти стаял, обнажил каменные островки в толстой подстилке из сосновой хвои.

Намокшие красные флажки пунктиром намечали тропу между частых стволов сосен.

Они почти не разговаривали. В машине Бьорн вкратце рассказал доктору суть дела. Роза поставила в известность свою приходящую горничную Еву Бакке о том, что они с Альваро уезжают за границу, и попросила присматривать за домом. Она собрала вещи и действительно уехала в Париж, где у нее имелась квартира с окнами на Монмартр. Ева, которая всегда подозревала в Альваро подлеца и всей душой его ненавидела, обрадовалась, а вот что пережил отец Розы, увидев дочь с разбитым лицом, с растерзанной душой, можно только догадываться. У старика тряслась голова, но он держался, был немногословен и выписал чек на огромную сумму. Бьорн чек отверг. Роза, паковавшая чемоданы, оторвалась от своего занятия, забрала у отца чек, молча засунула Бьорну в карман и крепко обняла его, решительно пресекая таким образом любые возражения. На случай, если заинтересуется полиция, они придумали, что Роза наняла Бьорна следить за мужем, поскольку подозревала того в неверности.

— Я понимаю, вы старались для меня, прикрывали в благодарность за то, что я спас вас от смерти, — выслушав, сказал доктор. — Но теперь вы знаете, что безумие Ульсен, которая в вас стреляла, возможно, вызвано моим препаратом. У нее был обширный инсульт, мне хотелось, чтобы она выкарабкалась. Так что я косвенный виновник вашей гибели, и вы по чистой случайности попали в реанимацию именно в мое дежурство. Почему бы сейчас не вызвать полицию и все им объяснить? Это была самооборона, вас не осудят.

— Во-первых, я не верю в случайности, а во-вторых, не хочу, чтобы вы пострадали. У вас добрые намерения, вы людей спасаете.

Доктор покачал головой.

— Если все обстоит именно так, как вы сказали, то я преступник. Я готов платить за свои ошибки. Но сначала я хочу увидеть тело Альваро.

И вот они стоят перед провалом, зияющим, как пасть лежащего на спине дракона. Бьорн в юности занимался в альпинистской секции, ловко управлялся со снаряжением — веревками, карабинами, зажимами и прочими приспособлениями, которые заранее одолжил у приятеля-альпиниста. Не прошло и десяти минут, как он стоял готовый к спуску, в прочных высокогорных ботинках и штормовом костюме, поверх которого была надета нижняя обвязка, — пояс на талию с ножными ремнями-обхватами. С собой Бьорн захватил фонарь, верхнюю обвязку в виде бабочки, ее он собирался надеть на труп, на плечо повесил свернутую кольцами тридцатиметровую веревку. Вторую веревку они с доктором привязали к ближайшей сосне, хорошенько обмотав ствол, пропустили через петлю на обвязке, и Бьорн начал спуск.

Узкая, всего метров пять шириной, трещина уходила вниз по склону глубоким коридором, сужаясь до тонкой щели. Бьорн спустился на несколько метров, слышался тихий шум воды — она текла где-то там, невидимая, растворяла и вымывала миллионнолетний мел. Он спустился еще ниже.

— Бьорн, как вы? — крикнул сверху доктор.

— Нормально! Здесь площадка, метра полтора шириной, я его вижу! Вижу Альваро!

Бьорн ускорил спуск и вскоре встал ногами на клиновидную площадку, благодаря которой труп не скатился в щель. Альваро лежал лицом к отвесной стене, в разорванной в нескольких местах светлой куртке, с засохшим бурым пятном на спине. Бьорн, надевая на него обвязку и переворачивая тело на спину, вспоминал, как они боролись у этого обрыва, словно Шерлок Холмс и профессор Мориарти на краю Рейхенбахского водопада, как в какой-то момент Санчес потерял бдитель-

ность, и Бьорну удалось столкнуть его вниз... Он перевернул закоченевший труп на спину. Поражала густая черная щетина, покрывшая сизые щеки. Глаза были плотно сомкнуты, но тень, падающая от головы Бьорна, и довольно существенный сумрак мешали рассмотреть все в деталях, поэтому он достал фонарь и навел свет на лицо трупа. Определенно, перед ним был мертвец.

Ледяной холод, царивший здесь, проникал через плотный защитный костюм, сквозь перчатки. Бьорн торопился, как мог. Он закрепил на трупе обвязку и вторую веревку, чтобы они с доктором могли вытащить его на поверхность. Подергав за крепления, чтобы окончательно убедиться в их прочности, Бьорн взглянул на труп перед тем, как начать подъем. Глаза у мертвеца были открыты, он смотрел на него. *Попался, сука?*

...Бьорн вылез из провала и без сил повалился на землю.

— Он жив... Закоченевший, но живой.

...Уезжая с Бьорном, Томас сказал, что едет проверить одну вещь. Через два часа он позвонил и сказал каким-то глухим голосом: «Мы вытащили Альваро. Кажется, Слеттен говорил правду. Не могла бы ты снова переночевать у Эмблы? Или у родителей?» И, не дождавшись ее согласия, положил трубку. Даже забыл, что ее родители сейчас путешествуют по Австралии. Камилла не знала, кто такой Альваро, но поняла, что сбываются самые худшие ее опасения. Все плыло перед глазами, ей казалось, что ее затягивает Мальстрем. Слава богу, Эмбла всегда отличалась тактичностью и не задавала лишних вопросов. Вечером Камилла сама попыталась дозвониться, но у Томаса был отключен телефон. Ночью ее мучил тягостный сон, снилось, что она подходит к своей картине, стоящей на мольберте в мастерской и завешенной белой тканью, срывает ткань, но тут сон начинается снова, как будто кто-то поставил его на бесконечный повтор.

Утром она позвонила Бьорну, поскольку Томас не снимал трубку. Бьорн сказал, что не стоит ни о чем беспокоиться и что Томас ей обязательно позвонит, а пока он очень занят. В это время кто-то очень громко взвизгнул рядом, раздались непонятные хлопки. «Кто там кричит?» — холодея, спросила она. «Никто», — ответил он и совсем, как Томас вчера, не попрощавшись, отключился.

Днем она ходила к врачу. Тошнота, головокружение? «Поздравляю, Камилла, — сказала врач, — у вас будет ребенок». И снова головокружение, но теперь от радости. Она была переполнена ею до краев и не могла носить ее в себе одна, ей непременно нужно было поделиться с Томасом. Но потом он позвонил и сказал, что возникли кое-какие проблемы и какое-то время они с Камиллой не смогут видеться. Камилла поняла, что не скажет ему — происходило что-то ужасное, и весть о ребенке не сможет ничего исправить. И еще она хотела рассказать ему об этом чудесном событии лично, глядя в его смеющиеся глаза, хотела, чтобы он обнял ее, поцеловал, ведь они так давно мечтали об этом...

Наступил поздний вечер. Камилла больше не могла выносить мучительное неведение, ее трясло, она ходила взад-вперед по квартире, как запертый в клетке зверь. От жалости к ней ее милую Эмблу тоже лихорадило. Камилла попросила у подруги ключи от машины и, подъехав к темному тихому дому, где она провела вместе с Томасом столько безоблачных лет, где была так счастлива, поняла, что все кончено. Ночь, давний враг, сказала ей: надежды больше нет.

Она толкнула дверь, вошла в темную прихожую. В ноздри ударил сильный сладковатый запах гниения, немытого тела, разлитого кетчупа, табачного дыма — все чужое и враждебное. По ногам что-то хрустнуло. Она включила свет, прошла в гостиную. В доме словно побывало дикое стадо: мебель сдвинута, шторы сорваны и валяются по всей гостиной, везде — на полу, на

столах, на диване, в креслах — кучи объедков, бутылки из-под кока-колы, обертки, окурки, окровавленные бинты... Камила стояла посреди смрада и разрушения, от ужаса прижав руки к груди.

Еле переставляя ноги, она поднялась по лестнице в мансарду. Здесь было чисто, все на местах, вот только на мольберте стояла ее картина, завешенная белой тканью.

— Нет, — сказала Камила, — нет, пожалуйста, нет...

На столике с коробками красок лежали несколько распечатанных листов и свежий букет «пламенеющих» роз...

Она подошла к мольберту, медленно стянула ткань.

На первый взгляд в картине ничего не изменилось. Но Камила слишком хорошо знала каждый свой мазок, чтобы не заметить новые. В правом верхнем углу, там, где тянулось северное побережье, изрезанное водой и льдами, буря повалила деревья в окружающем город лесу. От маленького мыса отходила крошечная белая яхта, а выше, у самого горизонта, рядом с гигантской воронкой Мальстрема, к огромной серебристой стае присоединился еще один веселый дельфин...

«...Моя любимая, моя дорогая. Никогда не вел дневник, такая трата времени казалась запредельной роскошью, но сейчас, когда в запасе осталось часа два, решил записать все, что происходит. Я хочу, чтобы ты меня поняла и простила.

Вчера мы с Бьорном достали Альваро Санчеса из провала. Он был похож на недельной давности труп с пулевым отверстием в груди. Разговаривать не мог, но Бьорн сказал, что слышит его мысли и что Альваро узнает и его, и меня. Я измерил ему артериальное давление: 30 на 20, температура тела + 25. Поставил глюкозу и физраствор, ни на что другое не решился. Руки-ноги у Альваро почти не гнулись, нам пришлось тащить его под руки до машины, ноги при этом волочились по земле — непростая задача при его весе в девяносто кило-

граммов. Кое-как уместив его на заднем сиденье, мы поехали к нам домой. Я рад, что ты была настолько разумной, что согласилась переночевать у Эмблы еще одну ночь. Мне очень не хотелось, чтобы ты увидела Альваро, вернее, то, во что он превратился.

Когда мы приехали, наступил поздний вечер, в гостиной горел верхний свет, но было тихо. Мы стали вытаскивать Альваро из машины. Оказалось, что он уже вполне ожил и, если можно так выразиться, потеплел. Лицо порозовело, он шевелил пальцами, работали мышцы лица, и он даже смог сказать кое-что Бьорну, не стану повторять эти ругательства. Бьорн зол на него, как черт, ответил, что не собирается избивать труп, что это статья. В общем, Альваро так быстро восстанавливался, что смог самостоятельно войти в дом, я поддерживал его под руку, но совсем чуть-чуть, потом он отчетливо произнес: «Спасибо, отец». Я не стал спорить, полагая, что после трехдневного пребывания в провале у него случилось помрачение рассудка.

Дома нас ждал сюрприз не из простых. Когда мы вошли, вместе с Альваро, который шатался, как пьяный, оказалось, что дом полон людей. Они молча сидели на диване, в креслах, на полу — везде неподвижные, застывшие фигуры, мужчины и женщины. В нашей маленькой гостиной яблоку было негде упасть. При моем появлении они все загомонили, но вперед выступила фру Фосс, твоя обидчица, и они, как по команде, замолчали, прислушиваясь к ее словам. Она сказала буквально следующее:

— Добро пожаловать, дорогой доктор! Мы сердечно рады видеть вас у себя дома, в добром здравии и в окружении ваших пациентов, ваших верных друзей. Мы все благоговейно взираем на вас в предвкушении долгих приятных вечеров в вашем обществе.

Я онемел, ошарашенный такими перспективами, Бьорн тоже, один Альваро, который валился с ног, подал голос.

— Заткнись, старая гримза, — прохрипел он, и я едва успел его подхватить, иначе он упал бы прямо на фру Фосс, запутавшись ногами в ковре.

Я действительно узнал во всех этих людях своих пациентов. Оказалось, фру Фосс взломала дверь кабинета, непонятно, как добралась до списка реанимированных и по телефону вызвала их к нам от моего имени. Они приехали один за другим, парковались на бесплатной стоянке перед аллеей Грига, оттуда пешком шли к дому. Когда рассеялось потрясение, я в кабинете поговорил с каждым наедине, выслушал жалобы. В первую очередь осмотрел Альваро. Кожные покровы бледные, речь замедленная, но уже внятная. Дыра от пули почти затянулась, он сказал, что крови вытекло совсем чуть-чуть. Я спросил, есть ли жалобы на здоровье, он ответил, что боли не чувствует, и попросил у меня разрешения... убить Бьорна. Так и сказал: «Отец, можно я убью этого уродца?» Я сказал, что нельзя. «Почему?» — спросил он. Тут мне по-настоящему стало страшно, но я постарался найти вескую причину, объяснил, что Бьорн бывший полицейский и у него есть связи, которые могли бы нам пригодиться. Альваро сказал, что связи дело святое, и он, пожалуй, потерпит.

Забыл сказать, что всего в доме оказалось тринадцать посторонних человек, мы с Бьорном и фру Фосс, всего шестнадцать. Двоих «нормальных» я отпустил сразу. Они торопились, да и чувствовали себя неуютно в столь странной компании. Одна фрекен Фосс с ее наведением чистоты могла за десять минут свести с ума кого угодно. Чтобы ее унять, пришлось вколоть успокоительное. Бьорн не мог выносить «их» мысли, сказал, что чувствует себя запертым в сумасшедшем доме. Он уехал, пообещав вернуться рано утром.

Тут выяснилось, что остальные не собираются покидать наш дом. Была глубокая ночь, а я смертельно устал, поэтому решил оставить разбирательства на завтра. Это была очередная непростительная моя ошибка.

Я отвлекся буквально на минуту, в это время фру Фосс коварно подсыпала мне в какао снотворное, а когда я заснул, они добрались до моего кейса и вкололи себе по порции «живина». И фру Фосс в том числе.

Хочу пояснить, Камилла, что действие «живина» основано на создании состояния, подобного анабиозу, когда резко снижается обмен веществ — это позволяет как можно более полно сохранить функции мозга. По достижении этой фазы, начинается собственно регенерация всего организма. Я совершил ошибку, когда реанимировал уже умерших, а сейчас эти люди дважды усугубили свое состояние. Мой препарат, призванный помочь, стал разрушителем — личности, психики... Честно сказать, сейчас мне совершенно непонятен механизм действия моего «живина», это в науке встречается, и довольно часто, но я самоуверенно полагал, что смогу обойти ловушки, расставленные природой. А может, следует говорить о вмешательстве свыше, и я напрасно избегаю слова «Бог»? Наивный, трижды безответственный болван! Я был настолько поглощен физиологией, что забыл о существовании души. О том, что тело — это сосуд, оболочка для таинственной, почти воздушной субстанции. Я нарушил их связь, их тонкое соединение и «в награду» получил монстров.

...Бьорн кое-как меня разбудил. Голова трещала. Из гостиной доносился шум, возбужденные выкрики и нервный смех, местами переходящий в вой. Бьорн сказал, что «дурики», это его слово, совсем спятили. Я поспешил туда. Хорошо, что Бьорн, с его трезвым взглядом и хладнокровием, был рядом. Так вот, вколос себе ночью «живин», они решили проверить, смертны ли, и занимались тем, что тыкали в себя ножами. Один умер, его скрюченный труп лежал у дивана, это был сорокалетний мужчина в зеленом спортивном костюме, инструктор по легкой атлетике. Двое мужчин и одна женщина растянулись на ковре, их конечности слабо подрагивали, на мои вопросы они не отвечали, но позже,

когда я стал разговаривать с Альваро, который жарил мясо, они вдруг поднялись и уселись на диван. Еще один ходил по коридору и беседовал с кем-то невидимым, остальные баловались ножами. Фру Фосс сидела на полу и жадно ела из большого пакета чипсы. Взгляд был совершенно бессмысленным, как и у ее исхудавшей и равнодушной ко всему, кроме швабры и тряпки, дочери — та по-прежнему наводила чистоту.

А посреди всего этого безобразия с невозмутимым видом восседала на стуле другая моя пациентка, видимо, приехавшая только что, достопочтенная фру Ларсен, знаешь, такая старушка, похожая на английскую королеву Елизавету, и почти точно так же одетая, в сиреневом костюме, в шляпке и с сумочкой. Крайне приветливая и доброжелательная. Она сегодня мне очень помогла.

Я сразу предложил ей покинуть мой дом, потому что здесь небезопасно, но она категорически отказалась и спросила, что нужно делать. Позже она рассказала мне о своей клинической смерти, коротком отрезке между жизнью и смертью. Очутившись в плотном, серовато-белом тумане, она услышала разные голоса, они перекликались, о чем-то спорили. Не понимая, что с ней, она пыталась с ними заговорить, но ее игнорировали, и поэтому голоса вызывали у нее недовольство. Но потом заговорил другой Голос, спокойный и ровный, скорее, с мужской энергетикой, чем с женской. Другие голоса смолкли, все слушали. И она поняла, что этот голос — что-то настоящее и самое главное для ее души, что ее душа принадлежит этому Голосу. «Я поняла, — сказала мне фру Ларсен, — что на время меня отпускают в земной мир. Но после того, как я его покину, я снова окажусь там, под защитой Бога. Мы и здесь под Его защитой, но не все это понимают. Поэтому мне не страшны ни эти потерянные люди, ни их брань, ни угрозы, и я ни за что не оставляю вас в беде, потому что благодаря вам, доктор Хансен, я уверовала в Бога». Ме-

★
ня очень тронули эти слова, я счастлив знать, что кому-то все-таки помог мой препарат.

...Мы обнаружили мой растерзанный кейс, потом отбирали у всех ножи, я стал осматривать и обрабатывать раны. Из разрезов почти не текла кровь, «их» это приводило в неописуемый восторг.

Я попросил Ханну (фру Ларсен) присмотреть за моими «детьми», а сам помчался в клинику — собрать и уничтожить все свои записи и остатки «живина», заодно взять пару отгулов, чтобы не подводить коллег с дежурствами.

Да, Камилла, «они» все называют меня отцом, я с этим смирился, ведь это я изменил их, я выпустил в мир этих странных существ. Трое были безучастны к происходящему, не помнили, как жили, как умерли, разум их в полном тумане. В действиях еще двоих наблюдался какой-то целесообразный след, но только на уровне примитивных инстинктов. У этих пятерых стали быстро гнить раны, по дому распространился ужасающий запах, и это послужило новой причиной для озлобления других. Группа во главе с Альваро отличалась крайней агрессией, эти постоянно грызлись друг с другом и задирали тех, безобидных. Они нуждались в еде и сне, но при этом на их телах не осталось ни единого следа от ножевых порезов. Они мечтали выйти наружу, но я строго-настрого запретил, и они беспрекословно подчинились. Смотрели телевизор и громко хохотали, когда кто-нибудь из них время от времени восклицал, что убил бы этого, и того, и эту...

Нельзя терять надежды ни при каких обстоятельствах, сказала мне Ханна, даже если нам кажется, что нас не слышат или не понимают — слово обладает огромной силой. Люди ведь и правда не могли не измениться, побывав на том свете. Возможно, там они попали в лапы какого-нибудь потустороннего властелина, который ими командует, и она попытается убедить их сопротивляться ему...

Они послушно сели вокруг Ханны в кружок, как я велел, и она заняла их разговорами. Могли ли дойти ее слова до их потухшего разума, когда она спросила:

— Как вы считаете, почему мы иногда думаем плохое? — Они молчали, ей пришлось самой ответить на свой вопрос: — Злые мысли посылает нам дьявол, и в этом нет ничего такого, если мы их гоним, боремся с ними и не творим зла.

По-моему, это было чудесное, самое нужное объяснение, я видел, как некоторые из них немного успокоились, их лица расслабились. Но я все равно боялся, что к моему возвращению кто-нибудь из моих «детей» пырнет Ханну чем-нибудь острым, хотя мы вынесли из дома все ножи и вилки.

Бьорна я отправил с поручением, меня самого не было около двух часов, но за это время проповеди Ханны «им» наскучили, они принялись высмеивать ее наряд и дергать за волосы. К счастью, она упомянула мое имя, на какое-то время оно подействовало, что дало ей возможность закрыться в ванной. Когда я подъехал, из окна вылез оживший труп, инструктор по легкой атлетике в зеленом костюме, и Бьорн гонялся за ним по саду. Мы вместе выловили его и заперли в гараже.

Моя дорогая Милла, не стану скрывать, что я сразу решил, как поступлю. Сегодня вечером, разговаривая с тобой по телефону, я знал, что уже никогда не услышу твой голос. Моя главная победа обернулась крахом, но я не хочу быть свидетелем публичных обсуждений этой истории, не хочу давать объяснений полиции. Тюрьма... я не пойду в тюрьму. И где-то на дне души живет страх, что мой секрет могут вытрясти из меня под действием какого-нибудь другого препарата или специальной методики выуживания чужих тайн и он попадет в нечистые руки... Нет, я решу все сразу. Ты знаешь, что я всегда хотел людям добра, и это единственное, хотя и очень слабое, оправдание моего поступка. Ты знаешь о проклятии моего рода, знаешь, что именно поэтому я стал реаниматором. Каждый раз, отвоевав жизнь человека

у безглазой старухи с косой, я испытывал счастье, сравнимое только со счастьем быть любимым тобой, Камилла. Я служил науке, служил жизни, и я вправе сам наказывать себя. Бьорн пересказал мне их мысли. Волосы встают дыбом. Они слышат голоса, которые велют им делать ужасные вещи. Я, как могу, стараюсь их успокоить, но, боюсь, скоро они перестанут подчиняться и мне. Я уведу «их» с собой, другого выхода нет.

Купил в Интернете подержанную яхту, договорился, что заберу сегодня вечером. Она стоит на Сутре, недалеко от домика продавца. Удобно, там выход в открытое море, надо только обогнуть парочку островов. К нашей большой компании полчаса назад присоединился енот (я сожалею, моя дорогая, что смеялся тогда над тобой, прости меня). Зверюга пришел сам, удалось заманить его в гараж чипсами, предварительно выпустив инструктора. Если бы он мог разговаривать, не исключено, что тоже назвал бы меня папой, — так ласкался ко мне, зараза... И смешно, и грустно. В общем, он с меня ростом, Милла. Пришлось купить микроавтобус — до Сутры надо ведь еще добраться... Бьорн уже пригнал его. Я просил его поддержать тебя и присматривать за другими моими «детьми», ведь несколько человек все еще где-то бродят. Тороплюсь, уже совсем стемнело. За стеной, в гостиной, шум и крики, помоему, снова драка. Самое время посадить всех в автобус, добраться до яхты и уплыть подальше в море. С фру Ларсен я простился, а Бьорн проводит нас до самой Сутры. Не спрашивай, где я взял взрывчатку, ее немного, ровно столько, чтобы пробить дно. Осталось сказать тебе... нет, напомнить, как сильно я тебя люблю. Я знаю, дорогая моя, бесконечно любимая Милла, тебе будет плохо и больно, прости, скажи мне, что прощаешь. Твой Томас».

— Томас, ты переплыл море, — сквозь слезы повторяла Камилла. — Мой дорогой, мой самый любимый мореплаватель... Слышишь?

ЕВГЕНИЙ КОНСТАНТИНОВ

ПОСУЛИ МНЕ ВСЕ ЗАБЫТЬ

«...И тогда, на последнем своем издыхании Добряк Чар вот что поведал выжившим подданным: «Впредь каждый из вас должен заботиться не о том, как бы повалить дерево, не о том, как создать хату, не о том, как вырастить потомство, но в главную очередь должен думать, как мучительнее всего предать смерти наших злейших врагов...»

Холмы — так называлась деревенька, по безлюдной улице которой шагал Павел. Насколько хватало глаз, никаких холмов в округе не наблюдалось. За огородами виднелись поросшие бурьяном поля, за ними — ровный лесок. Впрочем, сегодня различной высоты холмы и бугры Павла не интересовали. С походным рюкзаком за плечами и спиннингом в руках он держал путь на незнакомый водоем, который находился сразу за околицей.

Он уже наведывался на близлежащие водоемы с металлоискателем и удочками, совмещая копательство с рыбалкой, которая в плане трофеев всегда оказывалась успешнее. Оно и понятно — другие кладоискатели давно все здесь обшарили. Водоемы же в плане комфортной рыбалки оставляли желать лучшего — берега, сильно заросшие кустарником, довольно топкие, не везде даже в болотных сапогах проберешься. Нормально поймать рыбу можно было лишь с дамб, где была нормальная глубина и на крючок попадались плотвички, да некрупные окуни.

Павла больше привлекала охота со спиннингом за щукой, которая предпочитала поджидать добычу в верховьях, как правило, сильно закоряженных. Любителей соваться в верховья, из-за множества зацепов и обрывов приманок, было мало. И это Павла устраивало.

Эка невидаль, оборвать за рыбалку две-три блесны. Зато можно стать обладателем великолепного трофея. Но главное, — ловить рыбу в этом труднодоступном царстве природы в одиночестве. Надолго задерживаться на выбранном местечке, делать прицельные забросы, неторопливо менять приманки... Ловить, когда тебе никто не мешает — настоящий кайф!

Он знал в округе четыре подобных запруды, образованных благодаря возведению дамб на пути лесных речушек. Недавно на новой карте обнаружил еще один — неподалеку от деревни Холмы. Почему — Холмы-то? Ай, да бог с ним, с этим неуместным названием! Главное, чтобы водоем оказался приемлемым для рыбалки, да еще чтобы дождь не пошел.

Если не повезет, к примеру, к воде из-за заболоченных берегов окажется невозможно подойти, или станет ясно, что рыбы в водоеме нет, можно будет вернуться на шоссе и дойти до другой, проверенной запруды.

Деревенька была тупиковой, дальше — сплошь леса да болота, и возвращаться на шоссе Павлу придется в любом случае. И там, чтобы добраться до железнодорожной станции, — либо ловить попутку, либо звонить Авдеичу, водителю, подвезшего его до Холмов и оставившего номер своего мобильника.

Этот Авдеич показался рыболову каким-то дремучим: лохматый, заросший неровной щетиной, судя по устоявшемуся в машине амбре, давно немытый. Но Павлу детей с ним было не крестить: согласился мужик подбросить до нужного места за недорого, вот и хорошо; пообещал, что вечером готов обратно доставить — вообще прекрасно.

Настроение у водителя было приподнятое. Посадив в машину пассажира, прежде чем тронуться, Авдеич щелкнул ногтем по искусно вырезанной из дерева ложке, свисавшей на веревочке с зеркала заднего обзора, сказал, что сегодня удачный день, и рванул с места. Сра-

зу стал расспрашивать: почему Павел выбрал именно этот водоем; почему ловить собирается на спиннинг, а не на другую снасть; почему приехал один... Последний вопрос Павлу не понравился, и он соврал, что опоздавшие на электричку друзья подъедут позже.

После такого ответа Авдеич, казалось, потерял к рыболову интерес, хотя и посоветовал не забираться в верховья водоема — мол, и рыбы там нет, и сплошные завалы да топь, и что туда никто не ходит, потому как места — жуть. Тем самым он лишь усугубил любопытство Павла, который в любом случае постарался бы исследовать весь водоем и даже пройти вверх по впадающей в него речушке, вдруг обнаружит омут, в котором хозяйка-щука обосновалась...

Деревня со стареньким колодцем-журавлем на оклице закончилась, дорога резко повернула, и Павел вышел на дамбу. Ближний берег водоема зарос сплошным кустарником, зато противоположный, более высокий, с упавшими в воду деревьями, выглядел довольно привлекательно. Там рыболов и сделал первый заброс блесны, которая сразу за что-то зацепилась под водой.

Можно было раздеться, сплавать и отцепить блесну. Но Павел не рискнул, — мало ли каким сюрпризом вдруг наградит незнакомый водоем, да и времени на купание терять не хотелось, и вообще — черт с ней, с блесной, проще оборвать леску и привязать другую. Что он и сделал.

Деревья в воду, конечно же, повалили бобры, — только они оставляли такие характерно заточенные пенечки. Павел всегда уважительно относился к этим животным, хотя и жалел погубленные осины, ивы и березки. Но тут уж ничего не поделаешь, законы природы. Один его знакомый, тоже заядлый рыбак, бывший пограничник Леха Леонидыч бобров ненавидел по простой причине — однажды оступился в бобровую тропу, расшиб локоть, да еще и спиннинговую катушку сломал. Павел давно принял за правило — в местах, где обосновались

бобры, особенно в прибрежных зарослях травы и кустарника, передвигаться неторопливо, с повышенной осторожностью.

Забрасывать и вести приманки тоже следовало аккуратно, чтобы не зацепить за торчащие коряги. С этой проблемой спиннингист справлялся, но коряг хватало и под водой, и за них Павел одну за другой зацепил и оборвал еще две блесны. И ладно бы хоть рыба клевала, но он добрался уже до верховий, а подводные хищники ничем не выдавали своего присутствия. Водоем, сначала казавшийся симпатичным, нравился ему все меньше и меньше.

Судя по всему, противоположный берег был вообще непригоден для рыбалки. Оставалась надежда на речку, которую не составило бы труда перепрыгнуть. Пока Павел не видел в этом смысла, он и со своего берега нормально забрасывал и аккуратно проводил блесенку, сообразуясь с изгибами русла, ожидая, что вот-вот отзовется в руку рывок клюнувшей рыбины. Но либо совсем уж не подходила погода для клева, либо давно уже перевелась тут рыбешка. Наверное, прав был водитель Авдеич, советовавший не забираться в верховья.

И все-таки настойчивый рыболов решил продвинуться еще дальше, насколько было возможно протиснуться сквозь густеющий кустарник, насколько позволяла все сильнее хлюпающая под ногами почва — вдруг отыщет заветное местечко?! И оно неожиданно обозначилось. За очередным резким поворотом речушки показался самый настоящий омут.

Возможно, своим возникновением он был обязан взорвавшейся во время войны бомбы — не суть важно. Главное, что во время весеннего разлива сюда наверняка поднималась идущая на нерест рыба, которая могла здесь остаться на все лето. Остановившись у самого уреза воды, Павел забросил блесну на середину омута, начал неторопливо вращать ручку катушки, и тут...

На рыбалке с ним случалось всякое: зимой проваливался под обманчиво крепкий лед; летом свергался с обрыва в речку; осенью переворачивался на лодке... Сейчас под опорной левой ногой переломилась жердина, сапог тут же провалился по колено в черную жижу, теряя равновесие. Павел схватился за ближайшее деревцо, но и оно предательски сломалось. В следующее мгновение он плюхнулся боком в такой симпатичный омут и даже погрузился с головой под воду, однако удержал над поверхностью спиннинг и не намочил катушку.

Вынырнув, рванулся обратно, но глубоко провалившуюся ногу что-то удержало. Вновь рванулся, теперь уже не заботясь о спиннинге с катушкой — пусть намокнут и испачкаются, главное — быстрее выкарабкаться на нормальный берег. И вновь неудачно, хорошо хоть под застрявшей ногой чувствовалось твердое дно. Попробовал освободить левую ногу правой, не получилось, попытка расстаться с сапогом — тот же результат. Кажется, его затянула металлическая петля, что вполне могло быть — с помощью таких петель браконьеры охотились на бобров.

Но человек не зверь, петлю можно и пальцами растянуть. Правда, чтобы до нее добраться, придется нырять. Еще немного безрезультатно поработав ногами, Павел отбросил спиннинг, стянул успевший промокнуть, потяжелевший рюкзачок и тоже бросил его на берег, глубоко вдохнул и нырнул.

Ногу и в самом деле пленила петля, растянуть которую с первой попытки не удалось, — слишком сильно затянул, когда дергался. Оставаясь под водой, он повел пальцами по проволоке, надеясь обнаружить, к чему она привязана, но тут что-то задержало правую руку. Вместо того чтобы еще потерпеть, удерживая воздух в легких, и, не торопясь, освободить руку, он опять рванулся, чем усугубил положение.

Вынырнуть-то Павел вынырнул, порцию свежего воздуха глотнул, но теперь вместе с ногой пленницей еще одной петли стала и вытянутая назад правая рука. Самым трагичным было то, что Павел оказался в какой-то нелепой растяжке и дотянуться до правого запястья левой рукой не имел возможности. К тому же, чтобы не хлебнуть воды, ему приходилось тянуться вверх, напрягая все ту же плененную ногу. И насколько долго он мог оставаться в таком положении?

— Помогите! — кричал Павел.

Но кто здесь и сейчас придет на помощь? Даже если вдруг какой-то рыбак появится на берегу водоема, очень маловероятно, что попрется на речушку. Разве что браконьер решит проверить расставленные на бобров петли.

— Люди! Тону!

Вот если было бы правдой, что опоздавшие на электричку друзья приедут чуть позже, тогда имело смысл потерпеть, докричаться до кого-нибудь. Но Кыля и Леха Леонидыч, которые собирались поехать с ним, наслушались синоптиков, грозивших дождями с грозами, и в последний момент передумали. Павел же синоптикам никогда не доверял... как оказалось — напрасно.

— Лю-ди-и! Нелюди! Кто-нибудь, по-мо-ги-те!!!

Ответом послужил прогремевший в небе гром, под усилившимся ветром зашумели деревья. Если и в самом деле пойдет дождь, то хоть глотку от крика надорви, все равно никто не услышит. А самому выбраться нет никакой возможности. Господи, неужели придется так по-дурацки погибнуть! Нет, пока совсем не обессилел, надо сделать хотя бы еще одну попытку освободить ногу. Набрать в легкие побольше воздуха, нырнуть и там уж...

Где-то неподалеку раздался всплеск — довольно сильный для рыбы. Бобр? Вполне возможно. У бобров большие зубы, которыми они перегрызают деревья, но не стальную проволоку. Да и черт с ней, с проволокой, пусть

перегрызет дерево, к которому она привязана, а Павел уж как-нибудь потерпит. Только как внушить грызуну, чтобы он принялся за нужное дерево?

Всплеск повторился. Бобры — зверьки умные, такие хатки строят, что в них человек поместится. А если вместо дерева его самого грызть начнут?! Не должны, бобры вегетарианцы. Павел повернул голову на новый всплеск, раздавшийся совсем близко, — по поверхности воды расходились волны. А вдруг местные бобры мутировали и теперь не прочь человечинной побаловаться?! А если это и не бобр вовсе, а жуть какая-нибудь?!

Вновь прогремел гром, и в это время что-то коснулось левой ноги Павла. Он заорал от ужаса, хлебнул воды, закашлялся, отплевываясь. С его ногой что-то делали, и очень не хотелось, чтобы принялись грызть. Времени для раздумий не было, он задергался, заизвивался и неожиданно понял, что нога свободна! Появилась возможность подтянуться к плененной руке, которую Павел, не мешкая, не жалея ногтей, принялся освободить от жесткой стальной проволоки. И это ему удалось!!!

Под оглушительный громовой раскат чуть ли не над самой головой горе-рыболов выкарабкался на более-менее твердый берег, перевернулся на спину, чтобы посмотреть на воду и... наткнулся взглядом на огромные зеленые глаза с длинными ресницами. Должно быть, и его полезшие на лоб глаза увеличились в размерах, и открылся рот, чтобы издать очередной вопль, который предотвратил пальчик, прижавшийся к губам только что вынырнувшей из воды красавицы. Длинные светлые волосы, обрамляющие чуть вытянутое лицо, высокий лоб, задиристый носик, пухлые губы, да еще и ямочка на подбородке — все это успел разглядеть Павел, прежде чем незнакомка в одно мгновение погрузилась по воду.

★ Может быть, испугалась хлынувшего как из ведра дождя или по какой-то другой причине. Сейчас для Павла это было неважно. Он спасся, не сгинет из-за каких-то браконьерских петель, — вот главное. Кто поставил эти петли, можно будет выяснить потом. А сейчас необходимо узнать, кто сохранил ему жизнь?

Словно в ответ на этот невысказанный вслух вопрос, рядом с берегом раздался очередной всплеск, и Павел вновь увидел ее.

— Ты, кто — русалка? — выпалил он.

— Не-а, — возразила спасительница. — У русалок хвосты, а у меня ноги. Хотя... так себе ноги...

— Да мне без разницы! Я вообще никогда на ноги не заглядываюсь!! По-барабану они мне! Я на красоту лица смотрю, на глаза, на...

Павел осекся. Разве в сложившейся ситуации имеет роль внешность! Но вроде бы девице его слова пришлись по душе. Во всяком случае, Павлу показалось, что с каждым его словом она все больше расцветает под лившимся с неба дождем.

— Так кто же ты?

— Чарусть, — отозвалась спасительница.

— Это имя такое, да? А что ты тут делаешь? Купаешься?

— Живу я здесь. — Девушка посмотрела вверх и заморгала из-за падающих на лицо капель. — Сейчас град пойдет. Сильный град.

— Да мне сейчас и дождь, и град как-то по... а-а, черт! Черт!

Первая упавшая с неба градина пребольно стукнула Павла по голове, следующая — по только что освобожденной руке.

— Можешь спрятаться в бобровой хатке. Она там. — Двица кивнула куда-то за его спину и тут же погрузилась в воду.

Павел схватил рюкзак и, держа его над головой, сорвался с места в поисках хоть какого-нибудь укрытия.

Купальщица не обманула, — всего через несколько шагов он наткнулся на довольно высокий холмик с лазом у самой земли, в который Павел поспешно протиснулся, получив напоследок несколько ощутимых шлепков градин по заду.

В хатке было темновато, зато просторно и сухо, а, по сравнению с творившимся снаружи, даже комфортно. Но расслабиться Павел даже не думал. Присев на невысокий земляной уступ, первым делом достал из рюкзака четвертинку, скрутил крышку, сделал два добрых глотка; плеснул немного водки на ноющее запястье — не повредит; вспомнил о мобильнике, который, конечно же, не работал из-за попавшей внутрь влаги; затем стянул сапоги и насквозь промокшую одежду; которую в обратном порядке начал выжимать и натягивать на себя. Все делал торопливо, но тщательно, не жалея сил. Изрядно запыхавшись и, пока что не обувая сапог, вновь приложился к фляжке.

— А как зовут тебя? — спросил вдруг кто-то в темном углу хатки. Павел едва не поперхнулся.

— Не бойся, это я, Чарусть...

— Как... Как ты здесь очутилась?

— Обычно бобры проникают в свои хатки через ход под водой.

Павел услышал легкий всплеск и, приглядевшись, различил силуэт своей спасительницы, сидевшей на таком же невысоком уступе, держа ноги в углублении в земле. Кажется, она была абсолютно голой. И ведь он тоже только что был полностью раздет.

— И как давно ты здесь?

— Я буду звать тебя мужчина-муж, — вместо ответа сказала Чарусть.

— Лучше зови Павел.

— Я спасла тебя, Вел-Повелел, и ты должен мне помочь.

— Помочь? Чем? — спросил он, уже догадываясь, что отказать в просьбе не должен.

— Сначала избавить меня и мое племя от врагов. А потом — навсегда об этом забыть.

— Погоди. — Павел, поморщившись, потер запястье. — Что значит избавить племя? От каких врагов?

— Главного врага зовут Дей-Убей. Это из-за него ты едва не расстался с жизнью. Это он ставит петли по всей округе, чтобы ловить таких, как я и ты. Ловить и потом скармливать своим братьям Хею и Кею.

— Погоди, погоди! Скармливать?

— Болит рученька-то?

— Угу.

— Держи-ка, Вел-Повелел. — Девушка протянула берестяную фляжечку. — Настойка-чарусочка. Один глоток, и все пройдет. Только посули мне — потом забыть и это тоже.

Павел недоверчиво принял фляжку, поддел ногтем крышечку, принюхался, — вроде именно так пахла смола на соснах.

— Не бойся, мне тебя травить без надобности.

— А ты водки выпьешь? За мое чудесное спасение.

Не ответив, Чарусть прихватила горлышко бутылки большим и указательным пальцами — длинными и сильными. Принюхиваться не стала, глотнула, поморщилась:

— Моя чарусочка — нектар, а твоя — быр-р-р.

— Проверим. — Настойка напомнила Павлу медовуху, но была гуще и заметно крепче.

— Хороший нектар, — согласился он. — Но ты не ответила. Что значит. — скармливать? Кто такой Убей? И про племя я ничего не понял.

— Много спрашиваешь, Вел-Повелел. — Девушка подалась вперед и, вытянув губы, подула на его правое запястье. — Но я, конечно же, обо всем поведаю...

— Вот-вот. Для начала поведай о своем племени.

— Хорошо. Только посули...

— Считай, что посулил.

— Дождь скоро закончится, и я постараюсь покорооче. Нас всегда было очень мало. Бобров-грызунов больше. Мы ладили и жили, не мешая друг другу. Еды хватало, ведь бобры питаются деревьями, а мы — рыбой, грибами, ягодами. Мы помогли им строить плотины, они же позволяли зимовать в своих хатках...

— Подожди, спасительница. С бобрами все понятно...

— Ты правильно сравнил меня с русалкой, они наши дальние родственницы, так же как и кикиморы и болотницы. Мы же — чарусницы. О хвостатых русалках всем известно; о злых, уродливых кикиморах, населяющих вонючие болота, говорят меньше, о нас же почти не вспоминают...

— Я — так вообще не в курсе, — вставил Павел.

— Это потому, что мы людям меньше любой другой нечисти вреда приносим и не со зла. Встречаются на границах болота места, называемые чарусы. Больше всего чаруса похожа на зеленую полянку с цветочками, на которую охотника или грибника так и тянет прилечь и отдохнуть. Но это всего лишь тонкий ковер болотных трав, настолько тонкий, что если человек или даже небольшой зверь на него ступит, то мгновенно провалится в бездонную трясику, где его подхватят в объятия разбухшие чарусницы и спросонья не отпустят.

— Другими словами, — уточнил Павел, — погубят человека якобы безобидные чарусницы.

— Причиной гибели станет неосторожность, глупость, ленивость... А на границе леса и болота такое непозволительно.

— Непозволительно ловушки на людей расставлять.

— Ловушки? Но ты же не прыгаешь с глубокую яму, боишься разбиться. В огонь не идешь, в болото не суешься, так и на созданную самой природой чарусу не наступай. Вот петли и капканы железные, о которых ты не знаешь, — ловушки. Ведь так, Вел-Повелел?

— Особо не поспоришь. — Павел машинально потер запястье и не почувствовал боли. Получается, исцелила настоечка. Собрался все же привести аргументы в защиту ничего не ведающих грибников-охотников, но...

— Чем рыболовы отличаются от охотников? — опередила его девица. — Рыболовы подбрасывают рыбе приманку, а уж клюнет она или не клюнет — ее дело. К тому же рыбка может и с крючка сорваться. Охотник с ружьем просто убивает зверя или птицу. Но браконьер, поставивший капкан или петлю, еще и заставляет жертву долго и мучительно страдать. Согласен?

— Как не согласиться! Сам только что в петле попал. Ты сказала, их расставил какой-то...

— Дей-Убей. Смертельный наш враг, которого всем племенем никак одолеть не можем.

— Почему?

— Очень хитрый и злой человек. Знает наши слабости, а их много. Мы солнечных лучей боимся. Если они меня с головы до ног осветят, то мгновенно задубею, то есть в корягу превращусь, и быстро иссохну, если в воду полностью не погружусь. Еще мы ходим очень медленно, а бегать, как люди, совсем не умеем...

— Почему?

— А ты сам погляди. — Чарусть вынула ноги из воды и протянула к Павлу. Обычные ноги — бедра, колени, лодыжки... вот только ступни слишком широкие, больше всего похожие на ласты...

— С нашими ножками утиными плавать хорошо. Но перепонки между пальчиков очень тонкие и ранимые, чтобы их не порвать, мы при ходьбе только на пятки опираемся...

— Я-а-а... х-хочу спросить, — голос Павла, не отрывающего взгляд от «утиных» ножек, стал хриплым, — ты-ы и твоё племя — разве не люди?

— Моля о спасении, ты не гнушался в выборе, кто придет на помощь...

— Верно. Просто я хочу знать...

— Мы намного человечнее русалок, которых вы, люди, так любите.

— Это хорошо. — Павел наконец-то оторвался от созерцания ступней Чарусти и посмотрел ей в глаза. — Я рад, что спасла меня ты, а не русалка...

— Водись русалки в здешних местах, могли бы тоже из петель вытащить. Чтобы позабавиться с тобой и в этих забавах погубить. Но умереть в объятиях русалки — сладость по сравнению с лютой смертью, на которую обрекает Дей-Убей.

— Кто он?

— Когда-то Дея и двух его братьев Кея и Хея за дурной нрав люди выгнали из своей деревни. Но братья из вредности не ушли далеко, а построили жилье на северном крае нашего урочища и стали жить рыбой и бобрами. Рыбку истребляли током, бобров — капканами да петлями. Мои братья и сестры тоже в ловушки попадаться стали. Но если зверьки-грызуны из них выбраться не могли, то нашим рукам хватало сил и ловкости разжать капкан и распутать петли...

Одна попавшаяся в петли сестричка, все-таки под солнечным лучиком одеревенела. Братья забрали ее в свое жилище, там водой облили, и она из коряги обрела свой изначальный образ. И погибла сестричка от насилия трех убей-братьев...

— Твоя родная сестричка?

— Мы все друг дружке родные, — вздохнула та.

— И что было дальше?

— А дальше — в петли сразу двумя передними лапами попал Добряк Чар — так все называли предводителя местного бобрового племени. Из петель он освободился — перегрыз зубами лапы и, умирающий, добрался до своей хатки. Куда и призвал остатки своего племени вместе с нами. И на последнем издыхании изъясил свою волю: чтобы мы оставили все дела и думали лишь о том,

как мучительнее всего предать смерти наших злейших врагов...

— И-и-и? — подбодрил Павел вновь замолчавшую рассказчицу.

— Мы сотворили чарусу, заманили в нее братьев и, как завещал Добряк Чар, постарались, чтобы погибли они в мучениях. Но погибли только двое, а младший брат Дей спасся. Прошло время, и он вместе с братьями стал мстить и бобрам, и чарусницам, и людям тоже...

— Ты сказала, что братья погибли?

— Дождь кончился. — Чарусть поджала «утиные» ножки. — Сейчас солнце выглянет.

— Как можно...

— Дей сотворил темный ритуал, — перебив Павла, торопливо продолжила рассказ Чарусть. — Он поймал в свои ловушки еще одну мою сестричку, еще одну бобриху и женщину из своей бывшей деревни. На лодке переправил их, связанных, на остров, где были зарыты его погибшие братья, раскопал могилу. Потом по очереди перерезал пленницам горло, смешал их кровь в большом чане и опрокинул его на смердящие трупы Хея и Кея. Прошло немного времени, и братья поднялись из могилы, набросились на бездыханные тела и принялись их пожирать...

— Они в зомби превратились, что ли? — недоверчиво хмыкнул рыболов, хорошо знакомый со всякими мистическими триллерами.

— В зомбей, в зомбей, — вдруг послышалось снаружи хатки.

— Кто это? — вздрогнул Павел.

— Не упusti тварь уткуногую! Хватай ее. Я сейчас!

Павел встретился взглядом с Чарустью, кажется, ждущей его решения.

— Прячься, — прошептал он, и в то же мгновение девушка с легким всплеском соскользнула в яму-лаз. А в следующее мгновение на голову Павла обрушилась крыша.

— Схватил бы тварь утконогую, глядишь, пожил бы подольше...

Павел не сразу сообразил, что лежит связанный на дне неторопливо плывущей лодки. Задался вопросом, откуда она взялась, но, не найдя ответа, посмотрел на седевшего на веслах и узнал в нем водителя Авдеича, от которого под открытым небом воняло сильнее, чем в машине...

— Говорю, подольше бы пожил... денька на два.

— Что происходит? — прохрипел Павел.

— Не приехали дружки-то твои. Видать, дождя испугались. А я предупреждал, — не ходи в верховья. Не послушался, не в свое дело влез, чужую тайну выведал.

— Ничего я не выводывал!

— Откуда же про зомбей узнал?

— Купальщица сказала. Только у меня с головой все в порядке, чтобы в сказки верить. Просто купальщица помогла мне из стальных петель выбраться, вот я в благодарность и слушал эту психическую, — не моргнув глазом, выдал Павел. — Все знают, что на самом деле никаких зомби не бывает.

— А твари утконогие, значит, бывают? — Авдеич перестал грести, лодка же продолжила движение по инерции.

— Утконогие?

— Не придуривайся, — ухмыльнулся Авдеич, — скажешь, не разглядел ног своей купальщицы.

— Психической-то? Так она полностью из воды ни разу не вылезла.

— Может быть, может быть...

Почувствовав легкое сотрясение, Павел догадался, что лодка ткнулась носом в берег.

— Авдеич, я надеюсь, вы меня от этой психической обезопасили и сейчас развяжете и все расскажете.

— Почему же не рассказать. До заката солнца время есть. Как я понимаю, утконогая не до конца историю поведала?

— Авдеич, а может, сначала дождемся моих друзей? — Павел больше не сомневался, что перед ним тот самый Дей-Убей, и рискнул сыграть ва-банк. — Чтобы и мужики заодно историю услышали. Они, прежде чем я в петлях запутался, отзвонились, сказали, что как раз на станции тачку до Холмов ловят. Я им на всякий случай номер вашей трубы дал. Не было звонка? Значит, сами тачку поймали. Моя-то труба намокла и сдохла. А они, небось, уже на берегу палатки расставили. С ночевкой приехали. Водки, пива, закуси — море. Предлагаю вместе к ним пойти. А то они в любом случае меня искать станут. Вам звонить...

— Что ж до сих пор не позвонили? — хмыкнул Авдеич.

— Откуда я знаю. — У Павла затеплилась надежда, что своей белибердой хоть в чем-то поколебал решимость Авдеича. — Может, номер неправильно записали. Значит, вместо рыбалки на мои поиски потащатся, заодно и металлоискатели навороченные прихватят. Мои друзья — все сплошь копатели, такие дотошные...

По очередной ухмылке Авдеича Павел понял, что переборщил.

— Что ж, если они такие дотошные, поглядим, доберутся хотя бы до плотины Добряка Чара? И помогут ли их металлоискатели обнаружить мои петельки... Что глаза округлил? Я, я петельки на таких лопухов, как ты, расставляю. И тварь утконогая ничегошеньки не выдумала. Хотя кое-что и недосказала.

— Значит, вы тот самый Дей-Убей?

— Тот самый. Только не Дей, а Авдей, а братовьев моих зовут Михей и Мокей, и все мы — Авдеичи.

— Значит, братья не умерли?

— Почему же? Умерли лютой смертью. Тварь тебе не поведала, а я поведаю, как они нас убивали. Просто утонуть не позволили. Прежде обвязали каждого по отдельности толстыми лесками так, чтобы на одних концах были петли, затянутые на заведенных за спину ло-

дыжках и запястьях, а также на причинном месте. К другим концам лесок привязали крючки, которыми проткнули кому губы, кому щеки с ноздрями, кому веки. С расчетом, что чем сильнее руками-ногами дергаешь, тем ужасней боль. А потом сбросили нас в воду. Братовья эту боль не выдержали, а я вот справился и не утонул, перехитрил тварей. Правда, если мою щетину сбрить, то на харю лучше не смотреть. Да еще и с причинным местом беда вышла. И как я после этого должен был к тварям относиться?

Павел, представивший, что довелось испытать Авдеичу, промолчал.

— Мстить, конечно. Но сначала я позаботился о братовьях. Утконогая правду тебе поведала, благодаря темному ритуалу, поднялись из могилы Михей и Мокей. Пусть мертвые, зато все мои повеления понимающие и исполняющие.

— Повеления? — Пока Авдеич говорил, Павлу удалось слегка ослабить узел на связанных запястьях.

— До своей гибели они мной, как хотели, повелевали, теперь наоборот. Когда солнышко садится, братовья пробуждаются и бодрствуют до восхода светила небесного. Покинуть остров у них не получается, не знаю уж, почему. Но это и к лучшему. Я про зомбей много книжечек прочитал, и во всех они тупыми, ничего не чувствующими существами выставлены. И прекратить их существование знающему человеку — раз плюнуть. На острове же Михей и Мокей в безопасности и, благодаря моим стараниям, не голодают, порцачки получают вовремя. А я от них много и не требую — за ночь по десятку ложечек выскоблят, и довольно. Братовья на судьбинушку не жалуется, и мне достаток.

— И эти ложки вы потом и продаете?

— А какие же? — хохотнул Авдеич. — Люди покупают, не зная, что ложечки руками мертвецов выскоблены, и ими жрут. Может, со временем тоже в зомбей превратятся.

— А если с этой ложки станут ребенка кормить! — выкрикнул Павел. — У вас, в урочище, свои разборки, при чем здесь другие люди!?

— Люди? — ослабился Авдеич. — Уюди! Они всей деревней меня с братьовьями из собственного дома на улицу выгнали, а дом сожгли.

— Наверное, было за что выгонять? — теперь усмехнулся Павел.

— Не твое дело! — Авдеич потянулся куда-то за борт лодки, и Павел увидел у него в руках большой стальной крюк, место которому было, скорее, на скотобойне. Мелькнула мысль — сейчас Дей-Убей возьмет да и пробьет этим крюком ему щеку. Но тот опустил крюк, к которому была привязана веревка, к его ногам и, немного повозившись, резюмировал:

— Готова порцаечка.

— Я не понял Авдеич, что происходит?

— Не догадался еще? Так я же говорил. Как солнышко сядет, братьовья пробудятся, первым делом есть попросят, тут им порцаечка свежая. Я раньше грызунов за передние лапы подвешивал, а тварей — за руки, чтобы, когда братьовья начинали их с ног есть, те это все видели и подольше мучились. Но долго мучиться только у грызунов получалось, а твари — минуты через две от болевого шока вырубались. Люди-уюди — так еще раньше. Хотя и визжали громче.

Но потом братьовья попросили, чтобы порцайки висели все-таки вниз головой. Так они первым делом уши, нос и губы откусывают, глаза высасывают, затем горло перегрызают и кровью омываются. Для братьовьев это радость наивысшая. Я их просьбу уважил и ничуть об этом не пожалел, всласть позабавился...

— Авдеич, это шутка такая, да, — голос Павла дрожал. — Признаюсь, испугал ты меня до смерти. А теперь развяжи, вместе пойдем к моим друзьям, напьемся водки да поржем над твоей забавой.

— Э-эх! Ничего-то ты не понимаешь! — Словно бы обидевшись, Авдеич в сердцах махнул рукой и выпрыгнул из лодки. И почти сразу ноги Павла потянуло вверх, он скребанул связанными руками, спиной и затылком по металлическому дну, чуть покачался вниз головой над лодкой и перенесся на берег, где раскачивания прервал Авдеич.

— Говорю же — радость наивысшая. — Павел висел вниз головой, а Дей-Убей стоял напротив него, воняя своей мерзкой харей. — Когда братовья с ног начинали, и порцайка сознание теряла — совсем не то. А вот когда они твоими ушами хрумкать начнут — хороша забава. Высасывать глаза они после носа и губ принимают; один отгрызает нос, другой губы. При этом я стараюсь контролировать высоту порцайки над уровнем земли с помощью нехитрой конструкции с названием «журавель». Видел в деревне журавеля-то? Только на том колодце — ведро, а здесь будешь ты...

— Помогите!!! — что есть мочи заорал Павел. — Мужики, на помощь, я здесь, за плотиной!!!

— Врешь ты все, — довольно ухмыльнувшись, сказал Авдеич. — Никакие друзья к тебе не приехали. Но, думаю, приехать могли бы. И в этом главная беда. Чую, недолго братовьям существовать осталось. Набегут следопыты-копатели, отыщут могилку. Может, и на свою погибель отыщут, но рано или поздно...

— По-мо-ги... — Павел поперхнулся и закашлялся.

— Лично ты ничего плохого мне не сделал, даже худым словом не назвал. Так и быть, сразу опущу тебя пониже, чтобы братовья первым делом до горла добрались. И мучиться будешь меньше, и Михей с Мокеем быстрее жажду утолят.

С этими словами Авдеич отошел в сторону, Павла поддернуло и понесло по дуге над землей, водой и вновь над землей, точнее, над островком с холмиком посередине. Здесь переноска закончилась, и Павел завис вниз головой примерно в полутора метрах от земли, от кото-

рой смердило гораздо сильнее, чем от Авдеича. Понятно было, от кого разносилась эта вонь.

Судя по теням, отбрасываемым деревьями на воду, до захода солнца оставалось немного. Павел вновь принялся напрягать мышцы рук, хорошо понимая, что, если даже сможет сбросить веревки, польза от этого будет мизерная, самостоятельно освободить ноги все равно не получится, так и останется висеть на крючке. Ну, помашет руками, отбиваясь от братьевьев, может, заденет кого, а толку? И сколько вообще человек может оставаться в таком положении без ущерба для здоровья? Эх, о каком здоровье речь! Уж лучше было захлебнуться, оставаясь в плену стальных петель, чем в бессилии наблюдать, как тебя сжирают зомби. И зачем только утконогая его спасала! А может, еще не все потеряно? Не должна же она просто так его бросить...

Авдеич оставался на берегу, который от острова отделяла неширокая полоса воды. Вися вниз головой, Павел видел, как тот безмятежно мародерствует в его рюкзачке. Извлек из него и расстелил на земле плащ, на который выложил запасную катушку, коробочки с блеснами, пакет с закуской, две банки пива, одну из которых тут же открыл... А вот наполовину опустошенной четвертинки видно не было. Или уже успел выпить Дей-Убей, или бутылочка так и осталась в руках у Чарусти? Зато Павел увидел у него в руках берестяную фляжечку утконогой, к которой Авдеич, допив пиво, со вкусом приложился.

Павлу вдруг стало очень жаль настойки-чарусочки, уж лучше бы он сам выпил все до последней капли тогда, в бобровой хатке. Вон как нектар быстро и благотворно на болевшее запястье подействовал...

— Эй! — послышалось вроде бы неподалеку.

— Я! — мгновенно отозвался Павел.

— Паша! Ты где?

— Здесь!!! — Он не узнал голоса, назвавшего его по имени. Да и не все ли равно, кто придет на выручку в этот раз. — На острове! Осторож...

— Заткнись! — коротко гаркнул Авдеич. Павел увидел у него в руке блеснувшее лезвие ножа. — Еще пикнешь, пережужу веревку, прямиком в могилку свалишься, а там уж...

— Паша, мы идем!

— Пусть идут, — перешагнув в лодку, ослабился Авдеич. — Там по берегу сплошь и рядом мои петельки да капканы. А солнышко — вот-вот за горизонт сядет. Будет моим братьовьям настоящий пир.

— Стой... — Павел вновь закашлялся, на глаза навернулись слезы. И сквозь эти слезы он различил появившуюся из воды в тени лодки голову длинноволосой девицы. Вытянув губы, Чарусть подула в сторону Авдеича. Тот либо услышал всплеск, либо что-то почувствовал, — оглянулся, увидел ее, схватился за весло и... словно подкошенный, опрокинулся на дно лодки.

Павел видел и прекрасно сознавал, что земля — не стихия его утконогой спасительницы, но все равно и мысленно, и вслух молил Чарусть поторопиться. По-быстрее выбраться на берег, доползти и, прячась в сгущающихся тенях, при помощи журавеля перенести его, все еще висевшего над могилой братьовьев, на свой берег, где как можно быстрее опустить на землю и развязать.

Выбиваясь из сил и явно страдая, она успела все сделать вовремя. Павел тоже не стал тратить ни минуты на расспросы, переживания и передышку. И вот уже крюк, на котором только что болтался он сам, оказался привязанным к ногам Авдеича, а журавель приведен в действие, чтобы доставить своего хозяина прямо к могилке братьовьев.

Кажется, именно в этот момент небесное светило окончательно ушло за горизонт, во всяком случае, со стороны острова вдруг резко нахлынула настоящая волна удушающей вони и вместе с ней — сонмище хрустящих, сосущих, чавкающих звуков...

Чтобы даже краем глаза не увидеть происходящее на острове, Павел запрыгнул в лодку и, хоть это было не очень удобно, погнал ее кормой вперед. Все-таки решил обернуться — как там Чарусть? Убедившись, что девица плывет следом, еще сильнее налег на весла.

Куда именно плыть, он не знал, хотя надеялся, что правильно выбрал направление на недавно раздававшиеся крики. Кто-то ведь шел ему на помощь, и теперь этот кто-то мог оказаться в ловушках Дея-Убея. Он не ошибся, — вскоре впереди и чуть правее замелькал свет фонарика.

— Эй! — перестав грести, крикнул Павел. — Кто там светит?

— Не узнаешь, что ли? Это я, Кыля! И Леха Леонидыч со мной!

— Мужики!!! — Павел даже подпрыгнул от радости. — Чарусть, это мои друзья! — сообщил девице, уже державшейся за борт лодки.

— Я знаю, Вел-Повелел, — улыбнулась она. — Пусть ждут у плотины.

— Мужики, не ходите дальше! Я сейчас!

— Это ты им сказала? — Он слегка сжал ее длинные и сильные пальцы.

— И они мне поверили...

— Но как ты...

— Друзья сами все расскажут.

— Как справилась с Авдеичем?

— Скажу, если посулишь мне все забыть...

— Считай, уже посулил.

— Все дело в чарусочке. Она настаивается на нектаре крохотных цветочков, что растут на чарусах. По желанию хозяйки чарусочка может стать лекарством, но может и в мгновение ока так загустеть, что испивший ее потеряет способность двигаться, задубеет на некоторое время или даже на всю жизнь.

— Авдеич задубел...

— На время, — продолжила девица. — Он все видел и чувствовал, но не мог пошевелить даже пальцем. Но мне его ничуть не жалко.

— Я был на его месте, — кивнул Павел. — Дей-Убей вполне заслужил быть сожранным собственными братьевьями... И что же теперь?

— Вел-Повелел, ты помог мне и моему племени избавиться от главного врага. Теперь у нас появилась возможность исполнить давно задуманное...

— Но остались зомби?

— Теперь мы призовем наших друзей бобров, с их помощью укрепим и расширим плотину Добряка Чара, и поднявшаяся вода затопит холмистый остров.

— Думаешь, после этого с зомби будет покончено, — засомневался Павел, — что о них можно будет забыть?

— Мы обязательно с ними покончим, но вряд ли забудем, — грустно улыбнулась Чарусть. — Но тебе, Вел-Повелел, придется обо всем забыть. И о Дее-Убее, и о братьевьях-зомби, и о Добряке Чаре, и о твари утконогой лучше забыть прямо сейчас...

Произнося это, Чарусть без видимых усилий поднималась из воды все выше и выше. При последних словах, когда ее лицо оказалось на уровне лица Павла, она плавно обхватила рыболова за шею и потянула к себе, вытянув губы к его губам...

— Леха Леонидыч? Кыля? — Павел осознал, что сидит на твердой, хотя и влажной земле, раскинув ноги и прислонившись спиной к дереву. Напротив него на коленях сидели друзья-рыболовы. За их спинами в свете луны блестела спокойная гладь озера. — Вы как сами-то?

— Мы?! Сложно сказать, — почесал голову бывший пограничник. — Хотелось бы знать — как ты? Может, объяснишь, что вообще произошло?

— Да, Паша, объясни нам, пожалуйста, — поддержал приятеля Кыля.

Павел напряг слух, принялся.

— Мужики, у вас обоняние хорошо развито?

— Вообще-то от тебя и особенно от лодки пованивало изрядно...

— Ничего не чувствую, — вымученно улыбнулся Павел. — А где лодка?

— У плотины осталась. — Леха Леонидыч переглянулся с Кылей. — Рады бы прихватить, да тяжеловата, вместе с тобой не дотащили бы.

— Без нее, значит, дотащили?

— Как видишь! Только не очень понятно, как это у нас получилось. Лично у меня создавалось впечатление, что кто-то в спину подталкивал.

— У меня тоже, — вздохнул Кыля. — Называется, приехали порыбачить.

— И? Порыбачили?

— Кыля, он издевается. — Леха Леонидыч похлопал по своей жилетке со множеством карманов и вытащил из какого-то неполную четвертинку. — Твоя?

— Наверное, — Павел потянулся к бутылочке, Леха Леонидыч вернул ее хозяину и кивнул Кыле, который уже сворачивал пробку с поллитровки.

Павел опустошил свою, друзья-рыболовы по очереди приложились к своей. Молча, по-деловому. Закуской всем троим послужила единственная конфета, извлеченная еще из одного кармана жилетки.

— Я не издеваюсь, — жуя, сказал Павел. — Просто прошу, поведайте мне все с начала и до конца.

— Поведать? — вскипятился было Кыля, но затих под строгим взглядом бывшего пограничника.

— Что ж, и поведаем.

— Вы же не хотели ехать? Мол, синоптики...

— Решили подстраховать друга, чтобы в очередной раз в экстрим не попал! Пока приехали, пока палатку поставили... Глядим, серьезный дождь собирается. Ста-

ли тебе звонить — не отвечаешь. Кыля запаниковал, потащил меня в верховья, на речку. Там нас ливень с градом и накрыл. А когда закончился и мы, насквозь промокшие, репу чесали, что дальше делать, вдруг у самых наших ног из воды вынырнула девка, на русалку похожая. Мы охалпели, а она протягивает эту самую четвертинку и говорит, мол, это вашего друга, который в беду попал и которого спасти надо. Говорит, идите, мол, по берегу реки до бобровой плотины, а там кричите что есть сил, чтобы какой-то Вел-Повелел услышал. Тогда, мол, спасете друга от лютой смерти...

— Паша, — прервал рассказчика Кыля, — а кто такой Вел-Повелел?

— Ты меня спрашиваешь?

— Нет, блин, Вела-Повелела!

— Кыля, остынь! Мы, Паша, может, и не стали бы эту русалку слушать, которая, кстати, тут же под водой скрылась и больше не показывалась, если бы твои следы не видели. По ним дошли до бобровой хатки разрушенной. Где еще одни следы обнаружили. Как я понял, дальше тебя кто-то волоком тащил до той самой бобровой плотины. Там кричать стали, ответные крики слышали. Двинулись дальше, но тут Кыля ногой в петлю угодил. Пока я его освобождал, пока то, да се — смеркаться начало... Вдруг слышим — всплески приближаются. Фонариком посветили — ты нам отозвался, потом тишина. Мы кричали, кричали — без толку. Потом глядим — лодка прямо на нас плывет — сама собой и кормой вперед. А в лодке — ты — неподвижный, но дышишь. Уж не знаю, откуда силы взялись, но дотащили мы тебя, Паша, до этого самого места... — Леха Леонидыч громко выдохнул и приложился к поллитровке.

— Здесь тебя и отпустило, — закончил за приятеля Кыля, тоже выпил и передал бутылку Павлу.

— Отпустило? — Павел повел носом.

— Чего ты все приножииваешься? Лучше выпей и поведай, что на самом деле было-то.

— Извините, мужики. Я вам за сегодняшнее по гроб жизни обязан. Только ничего поведать не смогу.

— Это еще почему? — нахмурился Леха Леонидыч.

— Да! — поддержал его Кыля. — Почему?

Прежде чем ответить, Павел опрокинул горлышко бутылки себе в рот.

— Да просто потому, что посулил кое-кому все забыть. И ведь забыл, мужики. Все забыл...

АЛЕКСАНДР ЗОЛОТЬКО

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

«Ко мне вернулся дедушка!» — восторженно кричит девочка, прижимаясь к тому самому дедушке. Который, понятное дело, вернулся. Все видели этот плакат, каждый имел такое удовольствие. И рекламный ролик — девочка играет в песочнице с подружками, милая такая девочка, с голубыми глазами и золотистыми кудряшками. Веселая девочка, искренняя и естественная. Вот просто сразу можно «Оскар» давать. Все в девочке хорошо и прекрасно, только время от времени оглядывается девочка на крыльцо дома, а там — пустое кресло-качалка. И небрежно брошенный на ручку кресла плед. Смотрит девочка на кресло, и печалью наполняются ее глаза... «Оскар», с ходу «Оскар», просто хочется смеяться и грустить вслед за девочкой.

И вдруг — милая, посмотри, кто к нам вернулся? Мама — просто копия девочки... или девочка — копия мамы?.. Неважно, важно, что мама тоже достойна «Оскара», тоже очень искренна и естественна. Милая, посмотри, кто вернулся!

Девочка оглядывается — блин, мать твою, вау и все такое, еще «Оскар» за операторскую работу! — голубые глаза вспыхивают совершенно неподдельной радо-

стью. Вот ни хрена не могу себе представить, что там на самом деле показывали девочке, чем размахивали перед ней с той стороны камеры... Ну, не могла пятилетняя девочка вот так сыграть. И уж совсем точно не могла она с таким восторгом смотреть на своего вернувшегося дедушку.

Я знаю.

Дети на оживших мертвяков не могут смотреть с таким восторгом.

И прижиматься к ним — тоже не могут. Я как-то видел такую встречу на самом деле, без камер, софитов и режиссера со сценаристом. Идиоты-родители не предупредили детей о внезапном возвращении деда. Не успели или сами были в шоке — тогда еще мертвяки возвращались не часто...

Я знаю, что их так не принято называть. А как? Некроамериканцами? Некроевропейцами и некроафриканцами, мать их так? Некрорусскими и некрочитайцами? Так и «некро» их называть нельзя. Неполиткорректно. А мне насрать на политкорректность. Я могу еще раз повторить — насрать. И раньше было насрать, а тем более — сейчас.

Так я о том мертвяке, что без предупреждения вернулся домой.

Все происходило... неправильно все происходило, это сейчас сценарий уже отработали, да и все ожидают, что вот с минуты на минуту и их родственники вернуться с кладбища, а тогда все это было в диковинку — что участникам, что зрителям... Я был зрителем. Вначале — зрителем.

Машина подъехала к дому — вполне себе приличный домик, не супер-супер, но достойный. Отец, глава семейства, возился с чем-то возле гаража. Он первым заметил гостя.

Мертвяка выпустили из машины... поставили на ноги. И даже подтолкнули в спину — иди, мол, поздоровайся с родственниками. Он и пошел. Медленно так,

ногу подтянул, оперся, перенес на нее вес, потянул вторую... С шарканьем, понятно. С хрустом таким сухим, суставы-то работают хреново... Они вообще не должны работать по всем правилам, но ведь работают — сгибаются и разгибаются, вес тела держат. И мертвяк идет. Не должен идти по всем законам биологии, а идет... Не падает, равновесие держит.

Отец семейства, значит, голову от своего рукоделия поднял, глянул на микроавтобус, на людей возле него... на мертвяка глянул, само собой... Мертвяки ведь по старому месту жительства прибывали в том, в чем в гробу лежали. Ну, и в том состоянии, в котором лежали. У туфель подошвы бумажные — отгнили наполовину, но не отрываются, тянутся за туфлями... Костюмчик с застежкой на спине подгнил, рукав оторвался, сполз почти до самой земли, открывая даже не рубашку — рубашка истлела, тело открывает, то, что от тела осталось...

Мужик сдержался. Замер, побледнел, но не запаниковал и не закричал. Просто стоял и смотрел, как мертвяк поравнялся с открытыми воротами, повернулся и вошел во двор. Никакие червяки с мертвяка не падали, из ноздрей не вылезали — это врут. Вонь — да, воняют покойники мерзостно, как им, покойникам, и положено.

Отец семейства, значит, стоит, смотрит, а мертвяк все ближе. И ведь мертвяка не интересуют ни родные, ни близкие, на живых он внимания не обращает, он к дому идет. Ему домой нужно.

Ну, мужик бросился в дом. Не дверь закрыть, а предупредить жену, что, мол, папа ее явился. Пока он же не это объяснял, пока та что-то вопила, из кухни выглянув, пока муж на нее водой брызгал да в чувство приводил, мертвяк спокойно в дом вошел. И в комнату к любимому креслу перед телевизором. А в комнате — дети. Двое, мальчик и девочка.

Я снаружи был, у машины. Поэтому я только крик услышал. Детский крик. Не «Дедушка вернулся!», а вопль ужаса. Все побежали к дому: я, двое из Комитета, поли-

цейский, — все. Соседи вроде на улицу вышли, но я этого сразу не заметил. Я в дом бежал. С ножом в руке. Я его под сиденьем держал, когда мне сказали, что мертвяка повезу. Все ожидал, что они начнут на людей бросаться, как в фильмах ужасов, с криком «Мозг! Мозг!».

Влетаю в комнату — мать пытается успокоить девочку лет семи, а та заходится в крике, вырывается, мать свою лупит по лицу, по рукам, а от мертвяка взгляда отвести не может. У матери уже кровь из разбитой губы течет, отец сына пятилетнего на руках держит, к себе прижимает...

А мертвяк в кресло сел, пульт от телевизора подобрал, кнопку нажал. Футбол выбрал. Он и при жизни очень футбол любил.

Такие дела.

Потом двое из Комитета по встречам в комнату вошли и давай семью инструктировать — что, как, почему... В смысле, что сейчас произошло, как теперь дальше жить, ну и почему все так... Хотя — почему, это они тогда очень туманно объясняли. Сейчас уже опыта набрались и про следующий этап жизни рассказывают, а тогда бормотали что-то, мол, не все мы у природы знаем, имеет она еще массу загадок, мы, похоже, приблизились к сокровенной тайне...

Полицейские в дверях стоят, руки на оружии держат. Мало ли что счастливая семья удумает? Если просто в обморок падать начнут — еще кое-как, а если вдруг решат комитетчиков угробить, чтобы чушь не несли, или папочку попытаются отправить обратно на кладбище... И я стою в коридоре, напротив двери. Я про нож свой даже забыл, в опущенной руке держал, как придурок под гипнозом, а комитетчик, сволочь, ножичек, значит, заметил, и когда мы вернулись в контору, меня в сторонку отвел и предупредил, что с такими агрессивными инстинктами мне, пожалуй...

Я тогда выкрутился, понял, что без работы могу остаться, и сказанул, что это я для защиты клиента, мерт-

вяка, значит... За мертвяка меня пожурили, а за готовность его защищать — похвалили. Передовой я, оказывается, человек. Правильный.

Правильных тогда не так уж и много оказалось: Тут ведь сколько лет нам кино говорило — увидел мертвяка, мочи. В голову из пушки или ломом каким-нибудь.

Первого мертвяка, кстати, так и встретили. Сторож кладбища встретил. Я его понимаю. Да и многие понимают, только вслух не говорят, опасаются. А я бы тоже не обрадовался бы...

Сторож идет себе по кладбищу между могил, с лопатой, между прочим, там ему нужно было грядку на могиле вскопать... цветник, мать его так... Идет, а вдруг слышит шелест такой, будто сухая земля пересыпается. Сторож и сунулся посмотреть. На кладбищах ведь всякое случалось. Кто-то норовил гулянку среди крестов устроить, кто-то пытался перстень со жмурика похороненного снять... Или вообще череп себе на стол письменный стащить.

Глянул сторож, а из земли покойник лезет. Не слишком быстро, но напористо. Уже по пояс выгребся и останавливаться не собирается. А сторож-то кино тоже видел раньше, про живых мертвецов. И должность у него специфическая, к тому же дело было к вечеру, и сторож успел несколько раз приложиться к своей дежурной бутылочке... Вот он ожившего мертвяка лопатой и приложил. И нет бы, дурачок, чтобы поперек шеи. Сверху, по кумполу, как топором вломил.

Ну, череп пополам, ясное дело, из него земля посыпалась, а покойник замер и затих. Сторож перекрестился даже и полицию вызвал. Мол, хулиганство зафиксируйте и осквернителей найдите и арестуйте. Патрульная машина приехала, над сторожем полицейские посмеялись, но протокол составили с подробным описанием того, что увидели, и со слов сторожа, ясное дело.

Потом мертвяки активнее из земли полезли, Комитет по встрече сформировался, начали в этом порядок

наводить. Ну и к сторожу приехали. С полицейскими. Арестовали. Сторож охренел совсем, рвется из рук полицейских, кричит, мол, за что? Полицейские на комитетчиков косятся, а те вежливо так объясняют, что за убийство, мать твою, за то, что ты, дурень, ожившего члена общества уконтропуил.

Я слышал, я рядом стоял, я водителем в этом паскудном Комитете работал. И все, что про мертвяков в прессе было, в телике или в Сети, — смотрел. Все пытался понять — зачем и за что? Нам все это за что?

Когда на улицах проповедники орать стали, что это перед Страшным судом мертвые восставать стали, я не повелся. Апокалипсис, правда, прочитал на всякий случай и успокоился. В книге мертвяки, конечно, из могил поднимаются на Страшный суд, только ни всадники не приехали, ни ангел не затрубил, ничего такого, предсказанного... И комитетчики тоже очень активно все объяснять стали. Мол, оказывается, жизнь в могиле не заканчивается. И душа в рай или в ад не отправляется. Просто покойник полежит-полежит в гробу, а потом оживает, и все такое... Ну, не так он выглядит, как все остальные, но ведь и негры раньше за людей не считались, женщинам голосовать не давали, голубые, опять же, преследовались. И тут та же фигня. Нужно просто понять, что это — обычное дело, что и раньше это было, только мракобесы мешали. А в Библии, между прочим, такие случаи описаны. И даже сам Господь ожил. Вот и люди стали... Нет, не оживать.

Комитетчики за все это сразу толково взялись, методически и с размахом. Я оглянуться не успел, а в нашей конторе уже не десяток чудиков работает, а сотни полторы. Рекламщики, пиарщики, юристы. Специалисты по вопросам недвижимости и финансам... А вы как думали? Сколько скандалов грянуло в первый год, пока общественность не привыкла...

Человек когда умирает, после него собственность остается. Святая, так сказать, основа нашего общества

и цивилизации. Бардак здесь допускать нельзя, а то вначале с мертвяками послабление выйдет, а потом и на все остальное перейдет. Значит, умер человек, завещания не оставив, его родственнички через положенное время собрались, построились по ранжиру и очереди наследования, кто что отхватил и умчался переваривать. Скажем, квартира в центре города, а наследников — пятеро. Ясное дело, квартиру продали, деньги поделили и стали жить, деньги проживать. Или в бизнес вложили...

А тут — приходит бывший владелец. Настоящий. Что значит, его мертвым признали? Это получается, если человек в летаргический сон погрузится, а потом из него выйдет, он уже своего кошелька забрать не сможет? А тут хоть и не летаргия, но тоже возвращение с того света. Ну, не с того света, а продолжение жизни на другом уровне, но все-таки...

Комитет мертвяка принимает, размещает для начала в специальном приюте, чтобы все юридические вопросы утрясти, а юристы с адвокатами все бумаги быстро готовят, сделки признают недействительными, вступление в наследство — неправильным, а это значит, что деньги нужно вернуть, квартиру выкупить. Заодно в Комитете появился и новый отдел — канализаторов. Их, понятно, коллекторами нужно называть, но я их канализаторами звал. Даже в лицо.

Но для них деньги не пахли.

Бывшие полицейские, спортсмены, просто бандюки приезжали на дом к счастливым наследникам, демонстрировали бумаги и предлагали убираться к чертовой матери из чужой собственности. Или впустить бывшего совладельца на полагаемую ему часть жилья. Официально канализаторы вроде как оказывали охранные услуги, переносили тяжести, но неофициально...

Да все видели в Сети, как парни двери вышибали в домах и квартирах, как выгребали из комнат, незаконно занятых, новую мебель и жильцов. А если кто начи-

нал оказывать сопротивление или, не дай бог, хватался за оружие, то канализаторы открывали огонь на поражение. Одно условие — не в голову.

Особенности физиологии нового этапа жизни, мать его так. Начали же исследования проводить, как только мертвяки полезли. Два хирурга, у нас и в Англии, вскрытие провели и результаты опубликовали. Оба получили пожизненное за убийство, но выяснили, что органов внутри мертвяков, считай, и нет. И мозга нет, но, зараза, излучения мозговые есть, как у живого. Заторможенные, но ведь есть. И когда череп вскрывается, то излучения исчезают. Значит, что? Значит, только после этого мертвяк умер.

Вот этим ученым спасибо сказали и посадили.

Это в городах все более-менее спокойно было. Ну, с десяток мертвяков грохнули сгоряча, перестрелок сколько-то было, а в деревнях... Там люди простые, да к тому же за землю держатся крепко. В некоторые деревни пришлось полицию десятками гнать, канализаторы не справлялись. До боев доходило, с применением вертолетов, между прочим.

Год лихорадило всех. А я в Комитете работал, смотрел, слушал... Меня комитетчики замечать перестали, болтали, не стесняясь. Обсуждали тактику, так сказать, и стратегию... И доходы считали. На перспективу тоже... Гладко все у них выходило.

Понятно же, если признали мертвяков живыми... А как не признать, если они ходят, мозгами излучают, реагируют на раздражители, разговаривают...

И ведь разговаривают, блин. Медленно, невнятно, но ведь излагают мысли, на вопросы отвечают. Очень-очень медленно, но говорят. Излагают, мать их так, свои мысли и пожелания. Нужно только немного приноровиться и терпением запастись. Ну и небрезгливым быть. Потому что как мертвяки разговаривать могут?

Мало кто задумывается, каким образом они говорят. Хрен с ними, со связками. Не связки у них в глотках, а

какие-то складки вместо них. Ну, то, что образовалось из земли и сгнившего мяса. Новая плоть, мать их... Они же не встают из земли, а вырастают, как грибы. Одежда сохранилась — вот в одежде растут, не сохранилась одежда — все равно форму принимают человеческую. Кости-то долго целыми остаются, вот на них эта новая плоть и нарастет. Не врач я и не биолог, толком не разобрался в тонкостях, как кость к кости крепится, как сустав работает — не понимаю. А то, как у них та земля, что в черепе вместо мозгов функционирует, не только я не понимаю — все ученые мира вместе со мной глупое выражение лица делают и говорят, что не может такого быть... Но ведь есть же...

Так вот, мертвяки не дышат. Крови у них нет. Так как же они говорят? Я ведь, чтобы это сказать, вот воздуха в легкие набрал, потом обратно выдохнул, он на связки попал, заставил их вибрировать, потом — язык и зубы, с губами... У мертвяков губы-зубы-типа связки есть, а вот воздуха — нет. Как говорят? Мы, для того чтобы говорить, дышим, а они жрут.

Еда, попадая к ним вовнутрь, гниет, разлагается, выделяется газ, который под давлением идет вверх... Понятно, почему от них так воняет? Я так и не смог привыкнуть, а комитетчикам — плевать. Им прямо в лицо... это самое, а им — плевать. Они на этом бабки зарабатывают.

И с каждой неделей, с каждым днем они все больше во вкус входят. Нет? Как же нет, если все круче и круче они набирают силу. Процесс паталогоанатомов что, не все помнят? Как же, конечно, эти убийцы ведь черепа вскрывали мертвецам, мозги вынимали. Значит, что? Правильно, лишали их возможности снова жить. Не так? И владельцы крематориев — тоже виноваты. Вот они-то сколько людей лишили возможности жить дальше, встать из могилы и... понятно?

Историки ведь тоже подсустились, выяснили, что головы рубили в древности не зря... Не зря французы

гильотиной баловались до семидесятых годов прошлого века. Эта ваша Великая французская революция, оказывается, была заговором с целью уничтожить послеживущих. Ублюдочное слово — послеживущие, как соплежующие, но ведь привыкли же, используют люди, слушают по радио и телевизору, не морщатся.

И уже не спорят и не возражают, когда комитетчики приводят к ним домой новых мертвяков. Пап, мам, родственников. В квартире — вонь. Денег на жратву уходит море — мертвяки хотят говорить, для этого нужен газ внутри, а для него — еда. Побольше еды. На семейный бюджет — дополнительная нагрузка. Ты обязан содержать мертвяка, понял? Обязан, сволочь, и даже не пытайся выкручиваться. Нет денег? Работу найти не можешь?

А в Комитете по встречам есть финансовый отдел. Можешь взять в долг. Банк тебе не даст, даже и не рассчитывай. Серьезно, банки ведь не дают денег на содержание мертвяков. Не слышали? А и не услышите. Только тот, кто ходил в банк по этому поводу, знает. Но молчит и будет молчать. Ему там объяснят, что подобными делами занимается только ссудная служба Комитета. Понятно? Почему?

А все просто. У любого банка и раньше был основатель. Первый владелец. А если он оживет? Все ваши акционирования и прочие фокусы полетят ко всем чертям. Может быть, банк и не заберут, но времени, денег и нервов будет потрачено столько...

Дело-то простое. Только комитет ведет дела мертвяков. В каждой стране мира — свое отделение, на континенте — региональное управление. И штаб-квартира, понятное дело. Еще никому не удавалось вклиниться между мертвяком и Комитетом. Только-только мертвяк появляется над поверхностью, как тут же откуда-то появляется комитетчик с охраной, мертвяка забирают, увозят на реабилитацию... Что значит нельзя? Можно. Закон везде принят, во избежание эпидемий и тому

подобных эксцессов вначале мертвяками занимается Комитет, а потом, когда первоначальная адаптация завершена, то... Договор, между прочим, к тому моменту уже заключен. Понятно? Уже комитетские имеют на руках все доверенности, соглашения, лицензии.

Они слушают мертвяков, расшифровывают шелест, свист и хрип, который те издают, и доводят до людей волю послеживущих. Сколько раз проверяли — не врут комитетчики. Им мертвяки честно передают права на ведение своих дел. Подтверждают в случае проверки, нотариусы, которые при этом присутствуют, тоже подтверждают — да, все честно. По собственной воле. Пожизненно. То есть — навсегда.

Мертвяки, видишь ли, больше не разлагаются. Новая плоть не гниет, даже если ему пулю в пузо всадить — ничего страшного, рано или поздно затягивается, заплывает. И сейчас куда ни ткнишь — везде комитетчики, гладкие, сытые, вежливые. И только попробуй возмутиться.

Тебе не нравится, что в соседскую семью пришел мертвяк и теперь воняет на весь дом? Это почему ты нарушаешь права человека? Он ведь не виноват, что воняет. Кстати, тут еще появились фирмы по производству косметики и дезодорантов для мертвяков. Все очень качественно и приличненько. Теперь мертвяк не воняет, словно куча дерьма, а пахнет, словно куча дерьма, поросшая розовыми кустами.

Черт-черт-черт-черт...

А я водителем работал. Вначале мертвяков возил, потом, когда вступился за комитетчика во время потасовки и вывез троих из драки — перевели на представительский членовоз. Стал почетных гостей возить, своих боссов, все чистенько, аккуратненько. Они даже перегородку между кабиной и салоном не всегда поднимали. Доверяли, значит.

Или наплевать им было. На всех — наплевать.

Вот кто-нибудь задумался, откуда, почему мертвяки появились? Задумывался? Божьим попущением? По дьявольскому замыслу? Вам хочется в это верить? Верьте. А если это не просто так произошло, а разработка какая-нибудь секретная? Ну, там солдат делали бессмертных... Как в кино? А мертвяки ожившие — не кино? Только там был ужастик, зашел, заплатил немного денег, испугался, на экран глядячи, вышел, посмотрел вокруг, вздохнул облегченно и живи, радуйся.

А теперь?

Ты всю жизнь платить будешь, лишишься того, что имел. А если гавкнешь что-то не по делу... Не замечал никто, что к особо крикливым типам мертвяки возвращаются особенно часто? Только-только кто-то организацию задумает, чтобы, значит, противостоять если не мертвякам, то хотя бы Комитету эту гребаному, подписи начнет собирать, а тут — бац, папа вернулся, мама, дед с бабкой. Какая разница, что ты в Америке живешь, а бабка твоя в Одессе ожила? Ты их содержать должен. Обязан, иначе вмешается государство при содействии Комитета. И вместо того чтобы с Комитетом сражаться, бунтарь начинает пахать, чтобы его не упокоенные предки могли жрать и разговаривать. Ну, и чтобы представитель Комитета по реабилитации и поддержке мог вкусно кушать и хорошо одеваться.

И это еще цветочки, если вдуматься. А когда приходит домой муж? В смысле, мертвяк, который был мужем? Что получается? Получается, что если его супруга-вдова успела замуж выскочить, то ее или за двоемужество можно прищучить, или нужно объявить второй брак недействительным. Со всеми вытекающими последствиями. Должна она и супружеский долг выполнять, если мертвяк захочет. А он захочет, смею вас уверить! Сам не додумается — комитетчики ему подскажут. Имто нужно, чтобы мертвяки вели себя естественно, как ни в чем не бывало. Развод? На каком основании, дамочка или мужчинка?

★ Не хотите с мертвяком жить? Это что за дискриминация по биопринципу? Он ведь живой, настоящий, имеет такие же права, как и все остальные. Что значит — «пока смерть не разлучит вас»? Так смерти-то и не было. Не было! Нет, супруг может уйти, получить развод, только вот имущество в таком случае остается мертвяку. Ну, и в управлении комитетчика. Как же без этого?

Я так думаю, что не чисто тут. Не в том смысле, что нечистая сила копыто приложила, а в том, что кто-то научился мертвяков поднимать. На выбор. Кроме тех покойников, у которых череп поврежден. Попробовали — получилось. Завертелось, как в парке, когда сладкую вату делают. Вроде и ничего нет, кусочек расплавленного сахара, а если возьмется опытная рука, то на палочке появляется паутинка, потом целый ком... Из капельки копеечного сахара дорогуший моток.

И не поделаешь ведь ничего вроде.

Какой-то ученый из Италии сбросил в Сеть информацию, что мертвяки поддаются внушению. Что путем нехитрой процедуры можно добиться от него абсолютного подчинения. Как у зомби на Гаити. Информацию ученый сбросил, а сам — исчез. Испарился. И статья его исчезла из Сети, будто кто-то ее специально искал и уничтожил.

Еще какой-то яйцеголовый из Чехии что-то стал рассказывать о големе и о том, что мертвяки на самом деле испытывают сильнейшую боль. Каждую секунду, каждого мгновение — боль-боль-боль-боль... То, что они не кричат и не дергаются — результат той самой обработки. Им приказывают, чтобы они не кричали и не дергались. И загремел чех в больницу. А потом — на кладбище. А потом восстал из мертвых и поведал комитетчикам, что врал, наговаривал на них, а на самом деле сейчас испытывает чуть ли не наслаждение... К семье вернулся, к жене молодой и трем детям.

Думаете, после этого еще кто-то станет результаты своих исследований публиковать? Вы бы стали?

Сколько лет прошло с первого мертвяка? Пять. Пять долбанных лет всего прошло, а мир... Мир уже катится в задницу. Почти скатился уже.

Что дальше? Я вас спрашиваю — что дальше? Царство божье на земле? Хрен вам, а не счастье. Киношники, снимавшие ужасы о зомби, оказались дураками. Видите ли, ожившие покойники начнут жрать живых людей! А то, что живые люди будут жрать живых людей не хотели?

Киношников, кстати, пересажали за разжигание ненависти и провокацию насилия в адрес послеживущих. Хорошо пересажали, надолго. Патологоанатомов — посадили.

Сейчас приезжает реанимационная бригада по вызову и не знает, что делать. Оживлять? А если Комитет вмешается и объявит, что врачи пытаются воспрепятствовать началу нового этапа развития человека? Если, скажем, акушер начнет делать все, чтобы ребенок не родился? Примется во время родов записывать младенца обратно, в материнскую утробу? Посадят акушера? Посадят, и к бабке не ходи. А в случае с реанимацией — та же фигня, если разобраться.

Вот люди и тянут лямку. И помалкивают. Если даже никто и не оживляет мертвяков специально, если они сами восстают по какой-то причине — а вдруг тебя это тоже коснется? И все делают вид, что так и нужно. Что это и есть настоящий гуманизм. Родители для своих детей и не представляют лучшей карьеры, чем в Комитете этом.

Спросите у какой-нибудь мамы, кем будет ее чадо? Она вам расскажет, что комитетчиком, что это самая гуманная, самая благородная профессия на свете. Делают комитетчики этот мир добрее и светлее. Врачом сделать ребенка? Да зачем? Врачи... Врачи, конечно, очень важны и нужны... Фармацевтические фирмы,

между прочим, одни из самых крупных спонсоров Комитета по всему миру. Почему? А все понятно. Фармацевты производят свои снадобья до тех пор, пока Комитет не решит, что их продукция мешает человеку обрести бессмертие. Понятно? Человек умирает, воскресает и становится бессмертным.

Значить, всякий, кто ему в этом мешает, тот что?.. Правильно, ему вредит и должен быть наказан. Медицину еще не закрыли только потому, что комитетчики сами не стремятся в бессмертные. Они при мне об этом говорили, не стесняясь. Как возле холодильника.

А я терпел. Пять лет терпел. Делал вид, что меня это не касается. Я ведь сирота. И где мои родители — не знаю. К тому же я сам работал в Комитете, так что... Я даже привыкать стал. Бизнес есть бизнес. В бизнесе всегда кто-то кого-то жрал или обдирал до нитки. Устроились ребята, нашли вариант — молодцы. Мне намекнули, что через пару лет, если я буду себя вести хорошо, то мне выделят небольшой округ для кормления, отправят представителем Комитета в какой-нибудь городок. Я ведь не дурак, понимаю, что слишком много мертвяков общество не выдержит, так что нужно будет все на месте корректировать...

— Что корректировать? — спросил я.

— А там сам поймешь, — сказали мне. — Пока работай, проявляй себя...

Я работал, проявлял.

Видел, как младший клерк заходил в ресторан, здоровался с хозяином, а тот гнул спину, улыбался и, накормив упыря от души, никогда не брал денег. Ресторан нынешнему хозяину достался от папы, понимаете ли...

И все девки его, младшего клерка Комитета по реабилитации и поддержке, потому что у девок есть семья. Клерк никого не заставляет, никому не угрожает... Никто даже толком не уверен, что это именно Комитет оживляет мертвяков, но никто не хочет рисковать.

Все как всегда, как при любой долбаной диктатуре: все все знают, все понимают, но никто ничего не делает. Пока его это не коснется. Даже, блин, законов никто не переписывает, все в этом сумасшедшем мире происходит на основе смрадного коктейля из существующих законов, гуманизма, морали и нравственности. Каждый ингредиент в отдельности вполне себе съедобен и даже приятен на вкус, а вместе... В детстве себе в кашку селедку не бросали с горчицей! Та же фигня получается.

Все говорят правильные вещи, а вкупе — не получается остановить это безумие. Вот и выход такой же, как и при любой диктатуре: молчать, не привлекать внимания, а если получится — присоединиться к властям, пристроить свое дитя в компанию к диктатору.

Вот такая ерунда...

Я бы тоже устроился. Что я — герой ненормальный? Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо... Меня кормят? Мне тепло? Значок Комитета на лацкане моего пиджака делает окружающих меня людей добрее и сговорчивее? Что еще нужно для счастья простому человеку?

А потом все разом сломалось. Вот так — хрусь, и напололам.

Я вез очередного ВИП-пассажира. На повороте — толпа. Пассажир — мальчишка лет двадцати пяти, чей-то сын, бутра из штаб-квартиры, говорит — постой, давай глянем. Я остановил машину. Вышли — пацан, его телохранитель и я.

А там мальчишка на скутере с управлением не справился, в столб влетел. И неудачно так — грудь ему штырем проткнуло. Пока мы подошли, приехала «Скорая». Врачи бросились к раненому, а мой пассажир охраннику так тихо говорит, а спорим, говорит, на десятку, что они мальчишку спасти не будут. Я слова не скажу, а они все равно не будут спасать. Спорим, отвечает телохранитель. Врач наклоняется над раненым, а мой пас-

сажир так «кха-кха», вроде как прокашлялся. Врач на него глянул и замер. Как перед удавом. Руку протягивает к раненому, пальцы дрожат... смотрит на пассажира моего, а тот так головой еле заметно из стороны в сторону...

И все. Врач даже со штыря мальчишку не снял. Так и стоял рядом с ним на коленях, а поодаль спасатели с резаком в руках — на них мой гребаный пассажир тоже посмотрел неодобрительно, вот они и не стали штырь резать. А кровь текла-текла, да и закончилась. Мальчишка глаза закрыл и умер.

Мы вернулись в машину, телохранитель своему боссу десятку протянул, тот взял и ухмыльнулся так... сыто, что ли? Словно вот только что наелся он до отвала. Упырь...

И когда мы приехали в офис, я уже понял, что нужно делать. Ясно так понял, яснее не бывает.

Я отпросился на часик по личным делам, меня отпустили. У нас в конторе очень хорошо относятся к сотрудникам. На машине отпустили, чтобы я времени зря на общественный транспорт не тратил.

Я быстро обернулся, мой приятель, мой давний приятель, еще с тех времен, когда я в уличной банде промышлял, не очень далеко от конторы живет. А склад его от дома неподалеку. К приятелю как раз с месяц назад отчим вернулся, авторемонтную мастерскую отобрал. Так что Муха, приятель мой, меня понял сразу и спорить не стал, выдал мне то, что я попросил, да еще и добавил того, о чем я не подумал.

Бронежилет я не догадался сам попросить. И противогаз тоже. И взрывчатку. Муха оружием приторговывает по мере сил, этот бизнес у него не отобрали, так что он мне и ссудил. По «ленд-лизу», как он сказал. Как будет не нужно, сказал Муха, вернешь. Особенно взрывчатку, сказал я. Мы закурили, выпили по пивку. Обычно я выпивший за руль не сажусь, патрульные наших

машин хоть и не останавливают, но в конторе у нас этого не одобряют.

Вот.

В общем, я приехал в контору, взял две большие сумки, что мне упаковал Муха, вошел в здание. В холле, у охранника, остановился, достал из сумки дробовик, пальнул в потолок и попросил охранников убираться ко всем чертям, чтобы мне не пришлось кому-то из них путевку в вечную жизнь выписывать. Парни в охране у нас понятливые, спорить не стали, вымелись на улицу. Я с пульта все двери в здании заблокировал, мину на дверь поставил на всякий случай, еще пару противопехотных на ступеньках и перед лифтами.

И пошел наверх.

Пять этажей, по десять кабинетов на каждом, кроме последнего, директорского. Уже было довольно поздно, так что в офисе остались только человек пять из obsługi и двадцать пять клерков разного ранга на совещании у шефа. Вот на совещание я и заглянул.

Перед залом для совещаний сидели трое телохранителей, опыта в этом вопросе у них побольше, чем у меня, так что одну пулю я в бронежилет словил. Но на ногах устоял и всех троих там порешил. Одного — сразу, от двери, потом еще двоих. И вошел в зал.

Клерки мне не сразу поверили. Мало ли, что за дверью стреляли, а у меня в руках ружье? Я же просто водила, а они... Они клерки Комитета, всесильного Комитета, всемогущего Комитета. Им никто «нет» сказать не мог, а тут — смертью угрожать? Я пятерых подстрелил, прежде чем они поверили и затихли.

Я в голову не стрелял, нет, я в пузо стрелял. Картечью, мне Муха подсказал, чтобы картечью, я ведь тот еще стрелок, без практики. В юности стрелял, и все. А потом только за рулем.

Те, кого я подстрелил, не умерли. Зачем? Лежат, дергаются, двое пытаются кишки обратно в брюхо запих-

нуть, а остальные смотрят на все это кровавое искусство и потом истекают. Все как один — вспотели.

Тут полицейские машины подъезжать стали. Я жалюзи на окнах опустил и стал ждать, когда полицейские со мной в переговоры вступят. Им же охранники, которых я из здания выгнал, все рассказали, поведали, что свой сотрудник стрельбу начал. Наверное, его уволить собрались, подумали полицейские. В смысле — меня. У меня, наверное, какие-то претензии к боссу есть, вот они со мной поговорят, уболтают, я расслаблюсь, меня либо все-таки уговорят, либо под снайпера выведут.

Позвонили мне и стали по ушам ездить — бла-бла-бла-бла... Пока трюндели по поводу «что ты хочешь, парень?», «все можно решить», «мы готовы к переговорам»... начали подъезжать телевизионщики. Их Муха вызвал, как мы и договаривались с ним. Полиция, конечно, недовольна, но ничего поделать не могут — у нас свобода слова и все такое. У нас даже мертвяки имеют права. В общем, телевизионщики снимают, полицейские улицу оцепили и мне по телефону что-то ласковое шепчут, а снайпера, я знаю, на крышах да в доме напротив сидят, ждут, когда я в прицеле появлюсь.

Я и говорю полицейскому по телефону, что мне нужна команда телевизионщиков. Отпустишь кого-то за это, спрашивает полицейский, отпущу, чего там. Одно-го — отпущу.

Всем в зале я одноразовыми наручниками руки-ноги зафиксировал, в такую кучу соединил, чтобы не распозлись, а с двумя — с секретаршей шефа и тем самым ВИП-засранцем, которого только что по городу возил, спустился в вестибюль. Есть там аварийная дверь — совсем крохотная и на пружине, как специально для такого случая. В общем, телевизионщиков я впустил, а этих двоих выпустил. Приказал идти спокойно и выпустил. Они отошли на десять метров, я и вцепил в спину засранцу пулю двенадцатого калибра. Между лопа-

ток всадил. Секретарша завизжала и умчалась за машины, а мой пассажир стал умирать — долго и очень болезненно.

Вот в принципе и все.

Жалею я о том, что затеял такое? Да. Честно — жалею. Оказалось, что жить я хочу. Но я ведь упрямый. И если начал, то закончу. Меня ведь сейчас по всем телеканалам показывают, даже в Сети идет прямая трансляция из зала и с улицы... Я привлек к себе внимание. Когда одного за другим отправляешь на тот свет два десятка сотрудников Комитета по реабилитации и поддержке — это неизбежно привлекает внимание.

А полиция не штурмует здание. Полицейские словно поняли, что я имею в виду. Ладно, мне в любом случае пора заканчивать.

Снимаем меня, ребята, крупно снимаем, так, чтобы ни слова не пропустить. Это, парни, и для вас важно, вы уж поверьте. А не поверите — всего-то подождать пять минут. Договорились? Хорошо.

Значит, сейчас я вроде как смотрю в глаза нескольких тысяч людей... Нескольких миллиардов? Вы не загнули, парни? Точно? Это даже лучше, чем я ожидал. Тогда продолжим.

Значит... Вы уж извините, я, когда волнуюсь, это «значит» каждую минуту повторяю. А я волнуюсь.

Вот.

Значит, я все объяснил. Если все останется так, как есть, то всему миру — звездац, извините за выражение. Не мертвяки нас сожрут, не зомби. Нас сожрут такие же, как мы, от имени мертвяков. Всех сожрут, у кого плоть, у кого душу...

Я не самый умный на Земле, куда там... Просто, наверное, никто не задумывался над тем, что происходит. Всегда найдется кто-то, кто с самыми добрыми и благородными словами попытается поймать всех остальных. А будет это сделано от имени мертвяков, инвалидов,

национальных или еще каких меньшинств — неважно. Важно то, что в случае с мертвяками есть выход.

Законный выход. Ну, почти законный...

Я убил двадцать человек. Ни одному из них я не выстрелил в голову, ни одного из них не лишил права ожить и стать бессмертным. Если они говорили правду, то всех их ожидает неплохая, в общем, жизнь. Без болезней, без горестей и всех остальных печалей. Комитет их поддержит и защитит, примет их собственность под свое управление, понятное дело.

Вот в этом фокус, ребята. В этом весь долбанный фокус.

Если они правы и все то, что они делали — честное и благородное дело, значит, дырявя им животы и сердца, я не сделал ничего плохого. Наоборот, я помог им совершить этот шаг, привел их в землю обетованную... И каждый из вас, кто сейчас слышит меня, может совершенно безбоязненно сделать то же самое в своем городе, поселке или деревне. Сейчас, сию минуту, пока они не придумали какого-то нового закона. Правда... я думаю, что в парламентах тоже сидят не дураки, поймут, какой замечательный выход я всем предлагаю.

А если я неправ и, отправив всех их в мертвяки, совершил преступление, значит, все они лгут. С самого начала лгали, и мертвяк — вовсе не жизнь, а лишь разновидность смерти, и всех, кто этим занимался, нужно судить за вандализм, кощунство, надругательства над трупами... Или, чтобы всем было понятно, за финансовые махинации, хищения и надувательства...

В общем, при любом раскладе — они проиграли, а мир выиграл.

В обычное время я не страдаю манией величия, но сейчас мне кажется, что этот мир спас я. Те мертвяки, что сейчас находятся среди нас... Я надеюсь, что вы найдете правильное и справедливое решение. Я очень сильно на это надеюсь.

В общем, вот и все, что я хотел сказать.

Сейчас я выйду на улицу, и снайпер, скорее всего, меня подстрелит. Я живой никому не нужен, ни как ге-

рой, ни как преступник. Я бы и сам себя подстрелил, если честно. Но у меня есть одно желание. Последнее желание, и, надеюсь, его выполнят.

Пусть это будет пуля в голову. Обязательно в голову. Это моя последняя просьба.

АНДРЕЙ СКОРОБОГАТОВ

ПОТРЕПАННОЕ ОЧАРОВАНИЕ БЛОНДИНОК

Алекса с утра волновали блондинки.

Алекс сидит на крыльчке своего коттеджа и пытается что-то наигрывать на надтреснутой гитаре. Собственно, на этой улице поселка половина коттеджей принадлежат Алексу, но сегодня они с Хелен выбрали для ночлега именно этот, с широким крыльцом.

— Поцелуй же меня, я не зомби, поцелуй же хоть в щеку меня... — напевает он. — Я еще не гнию, хоть дела наши плохи, я к тебе заглянул на подны.

Утренняя заря нравится Алексу, ему хорошо, он спокоен. Почти спокоен.

Коттеджный поселок — один из последних обитаемых мест в окрестностях Вроцлова. Удачное расположение на излучине в верховьях Одера позволяет немногим обитателям с переменным успехом отражать атаки. Неприятель плавает очень плохо. Ополченцам выгодно держать в таких городках небольшие отряды по границам зон заражения. Подобные городки — это и приманка, и сторожевой пункт, и место сурового эксперимента по борьбе человечества с Чумой. Но все жители помнят — их поселок на самой передовой, атака может приключиться в любой момент, а вертолетное сообщение слишком редкое, чтобы быть серьезной помощью.

Большинство жителей Германии, Польши и других стран Европы уже давно уплыли за океан или убежали на восток, за Урал, где огромные пространства и моро-

зы не позволяют заразе вылезти за пределы небольших очагов. В Западной Европе остались только безумцы. Либо те, кому уже нечего терять, как одноногий Симон или старуха Маргарет, либо те, кому за последние годы окончательно сорвало башню и кто воспринимает жизнь, как безумный шутер. В поселке тех и других тридцать человек.

Алекс ближе к последним, хотя во многом он — исключение из правил. Он трезв, расчетлив, вполне доволен ситуацией. У него есть женщина, и все конечности на месте.

Единственное, что его сейчас беспокоит, — это блондинки.

Алекса друзья и близкие привычно зовут Мелким, потому что он младший в семье, несмотря на то что уже давно на сантиметов двадцать выше Петера. Четверть века назад Алекс и Петер беззаботно носились по улочкам Одессы и звались Лехой и Петром. Потом судьба немцев-репатриантов занесла их большую семью сначала в Мюнхен, а потом раскидала по всей Баварии, тогда еще не знавшей беды.

«Друзья и близкие» — это сказано громко. Вокруг осталось не так уж и много — девушка Хелена и друг юности Вроцлав. Вся остальная родня, за исключением брата и пары несчастных родственников, уже давно в других краях, в безопасности. Алекс знает, что ему многие завидуют, но ему на это наплевать.

Еще Алекса прозвали Мясником — но вовсе не потому, что его главное оружие — топор, просто он как-то упомянул, что первым местом его работы был мясо-разделочный цех в мюнхенском супермаркете. С другой стороны, как еще можно называть рослого двухметрового детину с квадратной арийской мордой, как не Мясником?

— Что тебе приготовить на обед? — Хелен подходит сзади и гладит Алекса по плечу.

— Хочешь сказать — «курятину или курятину»? — Алекс оборачивается в ухмылке.

Два соседних участка, где когда-то были цветники и яблони, занимает большой курятник, снабжающий провизией весь поселок.

— Не иронизируй. Мне кажется, куча блюд, которые я научилась готовить из курицы и консервов, вполне себе разнообразная. Ты выглядишь озадаченным, что случилось?

Алекс откладывает гитару, встает и обнимает Хелен, проводит рукой по ее рыжим волосам.

— Понимаешь, меня беспокоят блондинки.

Хелен строго смотрит на него, затем усмехается и картинно вlepяет ему пощечину.

— Негодяй!

Оба смеются.

— Я же тебе сказал, что четыре из пяти прорвавшихся вчера тварей были блондинками, — поясняет Алекс, потирая щеку. — Как на подбор — голубоглазые, фигуристые, стервы такие. Мы даже сходили со Станиславом и Марком проверить поближе, перед тем, как подогнать бульдозер. Одной зверюге Марк пулеметом размолот черепушку в фарш, и цвет волос не разобрать, а вот остальные...

— Мало ли. Бывшие подруженции из какого-то модельного агентства. Вирус в активной стадии задуло к ним во время очередного гламурного показа мод, они рванули с подиума в зал, перекусили весь мюнхенский бомонд, а потом вместе...

— Нет. Совпадение — это две блондинки, но никак не три и не четыре. Это не простое совпадение, это какой-то знак.

Рыжеволосая хмурится.

— Знак? Но кому?

— Может, мне. Может, кому-то другому.

— Мелкий, неужели ты серьезно? Ты на себя не похож, когда так говоришь. Неужели ты действительно веришь в это?

— Верю, — кивает Алекс.

— Во что, что там остался кто-то живой?

— Да. Кто-то или что-то, что подает нам знаки.

Хелен осторожно обнимает его, уткнувшись в могучую грудь. Она хочет много сказать ему, что уже говорила раньше — про то, что не стоит ждать вестей с Запада, что про брата стоит забыть, что она сама потеряла кучу родных и что обо всем этом не стоит вспоминать, пока они вместе. Алекс все понимает без слов, гладит ее по спине, но продолжает думать о блондинках. Наконец отстраняет ее и просит:

— Приготовь лучше что-то пожрать, а то после завтрака все еще голодный.

Она игриво проводит пальцем по его животу.

— Приготовлю, но сначала... Докажи мне, что рыжие девушки нравятся тебе больше, чем какие-то блондинки.

Алекс послушно кивает, хватая ее в охапку и несет к ближайшему разломанному дивану, где привычно стаскивает с нее одежду и начинает жадно целовать грудь. Хелен помогает раздеться ему, покусывает и целует его живот, затем спускается пониже. Несмотря на неплохую фантазию партнерши, в постапокалиптическом сексе есть какая-то обыденность, думает Алекс. Но вполне уютная обыденность. К тому же в отсутствие Интернета и телевидения это одно из немногих развлечений, которое не может сильно надоесть.

И еще он думает о том, что секс — это всего лишь инструмент. Лучший способ выжить самому во времена глобальных катастроф — найти того, кого надо спасать.

* * *

Как это уже бывало несколько раз, закончить им не дают: хрипящая сирена взрывает утреннюю тишину. Алекс отталкивает Хелен, застегивает ширинку, хватая тесак с дробовиком в прихожей и неуклюжей походкой выбегает на улицу.

На улице он видит пробегающего Вроцлава. Товарищ вез к курятнику тележку с грудой свежескошенной травы, и сирена тоже застала его врасплох: из оружия при нем только позеленевший от травы серп.

— Где? — спрашивает Алекс.

— С юга, — показывает Вроцлав. — Чешские, наверное. Подкинь ствол? Влом до хаты ломиться.

— Хелен! — орет Алекс, девушка выбегает из коттеджа в одних трусах и бросает с крыльца второй ствол. В условиях войны наготы никто не стыдится.

Они бегут к баррикадам на южной окраине поселка. На самодельной вышке, сделанной из водруженной на бетонные блоки половины микроавтобуса, уже лениво постукивает пулемет. Ему вторят два дробовика по краям импровизированной амбразуры из сваленной мебели и машин, а в соседнем коттедже одноногий Симон включил какой-то архаичный хардкор-панк.

Но почему-то все неприятно молчат. Алекс лезет на ограждения и машины, уже чувствуя нездоровый азарт и прилив адреналина. Говорят, избыток адреналина и эндорфинов в крови снижает вероятностью заразиться вирусом из воздушной среды. В такие моменты ему кажется, что нет ничего лучше безумной пальбы по зомбякам под старинный хардкор — наверное, это передается дух команды.

Но наверху воодушевление сменяется растерянностью, и он даже не сразу решается стрелять

Одноногий Симон вылез из своего домика и ковыляет к амбразуре, держась одной рукой за костыль, а второй — за автомат. Симону оттяпали ногу под самое колено, когда он залез от зомби по пожарной лестнице и тварь укусила его за лодыжку. Его друг, позднее погибший, сработал умело — махнул топором быстрее, чем зараженная кровь успела распространиться по телу. Симона иногда зовут Счастливымчиком.

— Что там, ребятки? Много их?

— Прилично, — откликается Марк с лестницы. — Но дело не в том.

— А в чем? — Симон наконец-то доползает до амбразуры, и Алекс помогает ему залезть.

— Посмотри сам.

Спустя минут десять Алекс все же перемахивает через амбразуру, перелезает ров и пускает в ход свой топор, добывая все, что еще шевелится. Сначала он тщательно пытается отыскать в кровавом фарше хоть одного мужчину, потом — хоть одну женщину с другим цветом волос, но, пересчитав останки тел, ему приходится смириться.

На лугу лежит три сотни бывших блондинок.

* * *

На этот раз с очисткой местности затягивается до обеда. Расчлененку привычно сбрасывают бульдозером в Одер ниже по течению — там нормальных, человеческих поселений все равно уже нет, и бояться за заражение не стоит.

— Посмотри, какие у этой красивые сиськи! Интересно, среди них были вегетарианки? — пытается шутить Марк, чтобы разрядить напряжение. — Говорят, зомби-вегетарианцы едят только тех людей, кто живет как овощи.

Алекс не смеется, хотя уже чувствует себя немного спокойнее. После работы он неторопливо идет домой, мечтая об обеде, но внезапно на половине дороги слышит выстрелы и женские крики. Подбежав поближе, он видит, как двое поселковых парней ходят вокруг коттеджа и курятника и стреляют по его курицам. Алекс не раздумывая подходит к ближайшему и дает ему в челюсть.

— Что творишь, идиот? — спрашивает он у упавшего на дорогу соседа, которого зовут Ян.

— Сам идиот! Курицы заразились! — кричат он, растирая подбородок.

— Как так? — Алекс подходит к калитке и видит, что курицы перемещаются резкими, нервными шагами, у большинства из них расклеваны головы и волочатся крылья. Дверь в коттедж закрыта, в окне испуганное лицо Хелен. Алекс кивает, достает ствол и начинает расстреливать оставшихся кур.

Когда последняя птица в поселке застрелена, все, кроме дежурных, собираются в домике старосты и включают канал спутниковой связи с полковником Джеронимо, отвечающим за их сектор ополчения. Староста Станислав привычно для таких случаев одет в потрепанный голубой пиджак, чем вызывает смехи у парней.

— У нас две проблемы, — докладывает староста. — Блондинки и куры.

— Давай по порядку. Что не так с блондинками? — хмурится полковник.

— Я про зомби. Последние два дня все зомби, напавшие на поселок, — девушки-блондинки. Большинство когда-то были красивыми.

— Любопытно. Похоже на Берлинское явление.

В самом начале заражения в Берлине все мужчины-зомби по непонятным причинам двинулись осваивать западную часть города, а женщины — восточную. Но спустя пару часов все снова перемешались.

— Цвет волос — что-то новое, — говорит полковник. — А что с курами?

— У них признаки вируса. Куриного зомби-вируса, — подала голос Хелен. — Они расклевывали друг друга, бегали полуживые и двигались в мою сторону. Мы их перестреляли.

Джеронимо усмехается.

— Может, вам показалось? Курицы, знаете ли, любят заклевывать слабых или больных сородичей...

— Нет, — покачал головой Станислав. — Тут все было не так. Я осмотрел место, птицы были в характерном для зомби состоянии.

— Только этого не хватало, — полковник растер ладонями лицо, от чего на миг стал походить на бульдога. — Раньше только обезьяны, теперь куры... Мутит вирус. — Но как это произошло? Вы не соблюдаете нормы безопасности?

— Видимо, кровь попала на траву, которую мы собирали. Образцы собраны, место продезинфицировано и покинуто. Сейчас половина поселка пустует. Куриц нет, питаться будем одними консервами.

— А эти блондинки... Как интенсивность атак, растет?

— Судя по всему, да, — кивнул староста, ему поддакнули с задних рядов.

— Средства эвакуации в нормальном состоянии?

— Два фургона. Но топлива хватит только до минских баз. Надеемся на вашу авиаподдержку.

— Посмотрим. Ничего не гарантирую. У нас и так эвакуация трех поселков по плану. Держитесь пока.

* * *

Тем вечером Алекс даже не притрагивается к гитаре, после четырехчасовой смены на дежурстве падает в кровать. Гробовая тишина висит над поселком, но ему все равно не удается сразу уснуть.

— О чем ты думаешь? — спрашивает Хелен, глядя его по голове. — Только не говори, что о блондинках.

— Тогда я промолчу. Правда, не выходит из головы.

Хелен хлопает его по плечу, потом снимает футболку, ложится сверху, прижимается и трется голой грудью. Потом начинает ласкать языком мочку уха и целует в губы, но Алекс хмурится и никак не реагирует.

— Тебе не хочется? — расстроено спрашивает она.

Он осторожно поднимает ее и кладет рядом с собой.

— Не в настроении. Представь, даже со мной это бывает. Наверное, старею.

— Ты все из-за этих белобрысых тварюг? Что это, какой-то знак?

— Да, знак для меня.

— Но мало ли почему это может быть... Говорят, зараженные вирусом тела могут создавать что-то в компьютерной сети и самоорганизовываться.

— Это все ерунда. Ты многого не знаешь обо мне, Хелен.

— Чего, например? — испуганно спрашивает она.

И Алекс приподнимается на локте и рассказывает.

Жили-были в знойном городе Одессе два брата. Одному десять лет, а второму восемь. Старший был тихушник, все больше в Сети сидел и в игрушках, учился хорошо, а младший, точнее, Мелкий — раздолбай. Пропадал на улице, дрался с ровесниками, мелко хулиганил, даже пробовал курить, в общем, был активнее и почти не уступал по росту младшему. А учились они в одной школе. И случилось так, что влюбился старший в белобрысую Жанну из третьего класса — Мелкий об этом узнал, подглядев любовные стихи на планшете. Начал тогда он по глупости над старшим подшучивать, гразнить на переменах, в соцсетях об этом всем рассказал. В конце концов они неслабо поигрались, а потом младший говорит: кто первый Жанну поцелует, тот и победил.

Мелкий, как часто это бывает в семьях с двумя сыновьями, привык быть первым и главным, вот и взял брата «на слабо». А зря. Стал он бегать за Жанной, пытался привлечь внимание, дергал за волосы и неумело ухаживал, и через несколько дней вдруг почувствовал, что сам безумно влюбился. Поняв, что все бесполезно, решил проявить грубую силу, на перемене зашел в ее класс, прижал к школьной стене и полез целоваться. Мелкому никто не сказал, что Жанна ходит в секцию восточных единоборств и освобождается от захвата ее научили. Пока Мелкий корчился от боли на полу и над ним смеялся весь класс Жанны, она попросила подошедшего старшего приглядеть «за малышом», после чего поцеловала брата в щеку.

— Конечно, она сделала это специально, и старший все равно заперол всю романтику, но это был первый серьезный удар у меня в жизни. Сейчас все это вспоминаю со смехом, но тогда я очень страдал. Привык, что весь мир «для меня», что мне море по колено, а тут такое событие. Я лет до двадцати не мог на блондинок смотреть и часто потом брату про этот случай вспоминал.

Алекс устраивается поудобнее, а Хелен ложится ему на грудь.

— Ты мне ничего не рассказывал про брата. На кого он учился, где работал, когда переехали в Германию?

— На хирурга. Где работал последние годы перед катастрофой, не говорил. Мы очень мало общались на такие темы.

— Он же жил в Мюнхене? Получается, попал под первую волну заражения.

— Наверное.

— Но при чем здесь тогда ты и блондинки, если он все равно уже давно мертв?

— Не знаю, черт возьми. Понятия не имею. Но мне до сих пор кажется, что он жив и что он подает мне знаки из Мюнхена.

— Если бы я покрасилась в блондинку, ты бы взял меня? — спрашивает Хелен, переползая чуть ниже.

— Ни за что. Лучше побрейся налысо.

* * *

Уснуть им удастся только после секса, но спать получается всего пару часов. В часа два ночи снова ревет хрипая сирена, Алекс влезает в брюки, хватает ружье и выбегает на улицу.

Мимо него пробегают Вроцлав и Милена из соседнего коттеджа.

— К машинам! — кричит Вроцлав. — Выезжаем!

— Чего так?

— Их слишком много, несколько тысяч. Плотно идут!

— Хелен! — кричит Алекс.

Без нее он не хочет уходить. Она слышала их разговор, но потратила на сборы около пятнадцати секунд. Оба уже научены и знают, как надо действовать в таких условиях. При нынешнем темпе событий пятнадцать секунд — много.

Лучше не оглядываться.

Машины — за углом, на стоянке. Два микроавтобуса и четыре джипа. Двигатели заведены.

Пятьдесят секунд.

На площадке уже собрались почти все жители — тридцать человек. Большинство пришли попарно: когда есть, кого спасти и кому помогать, спасаешься и сам. Последним приходит староста. Бегло осматривает толпу — не хватает одноногого Симона, старухи Маргарет и еще двух парней. Решают не ждать. Самое страшное теперь — это открыть ворота.

Минута сорок секунд. Алекс садится за руль. В его джип садятся Хелен, Вроцлав, Милена и Ян, они готовятся выехать вторыми. Створки открывает Марк, и тут же начинают говорить два или три автомата, выкашивая первые ряды блондинок, закрывших дорогу.

Марк кидает гранату в сторону дороги и прыгает в первую машину. Они начинают медленно ехать вперед. Две минуты двадцать, до первых рядов белобрысых — тридцать метров.

Граната взрывается в каких-то пятнадцати метрах от капота первого джипа, осветив плотные светловолосые ряды. Ян с Вроцлавом высовываются из окон и очередями из автомата отбрасывают голодную массу идущих сбоку куда-то в ночную мглу.

— Закрывайте окна, парни! — командует Алекс попутчикам. — Это не особо поможет.

— Не успеть! Их слишком много! — кричит Станислав сзади.

В первом джипе его не слушают и жмут по газам. Алекс не сразу решается рвануть за ним, от следующей машины их отделяет метров десять. Потрепанные блон-

динки бьются о капот в свете фар и пытаются задержать их, но сзади начинает говорить пулемет. Наверное, это старуха Маргарет или кто-то из задержавшихся парней добирается до вышки и решает помочь отъезжающим. Никто не рискует оглянуться сразу, потому что все знают, что будет с оставшимися в поселке.

Три минуты тридцать секунд. Алекс гонит, гонит вперед вслед за остальными, сбивая хладные тела. Через пару километров, когда натиск уменьшается, а вокруг остаются считанные единицы, колонна решает остановиться и оглядеться.

Фургон с семерыми, который ехал последним, среди остановившихся не оказалось. Марк со Станиславом выходят из машины, Марк пинает ногой в колесо, бьет кулаком в фонарный столб, сбивая пальцы в кровь, потом падает на пол в рыданиях. В погибшем фургоне были его девушка и брат. Некоторое время все молчат.

— Знаешь, в чем гребаная правда? — вдруг говорит Ян. — В этом мире невозможно сделать счастливым всех.

— Молчал бы, счастливчик, — затыкает его Вроцлав. Потом Станислав решает связаться с Джеронимо. Тот не выходит на связь целых три минуты. Наконец появляется его заместитель, говорит, что два патрульных вертолета смогут забрать их на поле в трех километрах южнее Бжега. Разговор заканчивается вовремя — на дорогу выходят первые местные зомбяки. Алекс с некоторой радостью замечает, что они — мужчины восточной внешности, подстреливает парочку, а затем вместе со всеми едет к указанной точке.

Дальше они едут минут тридцать в сторону Бжега. Городок уже несколько раз зачищался ополчением, оно даже использовало на нем пару зданий как перевалочную базу, но за последние недели безмозглое население в окрестностях заметно выросло. Колонна останавливается на проселочной дороге у поля, вы-

ходить никто не решается — машину чуют на подъезде.

Все ждут спасительного стрекота винтов еще десять минут. Оказывается, что вертолет один, его прожектора выхватывают в темноте десятки тел, тихо идущих через поля к колонне.

Когда вертолет приземляется, все понимают, что двадцать пять человек в него не влезет. И что до него целых двести метров опасного пути.

— Выходим, выходим! — говорит Станислав.

— Я остаюсь, — вдруг говорит Алекс. — Я прикрою.

Станислав колеблется секунду, потом кивает и бежит к вертолету. Вроцлав, Милена и Хелен без колебаний направляются вместе с остальными.

— Я не люблю тебя, — на всякий случай говорит она ему.

Она знала, что он видит ее в последний раз и что от этой фразы боль от расставания станет слабее.

Алекс, Ян и парень из третьего фургона начинают стрелять, помогая ополченцам. Когда вертолет отрывается от земли, Алекс видит, что под вертолетом осталось пятеро или шестеро. Идущие через поле мертвецы окружают несчастных, Алекс посылает в их сторону несколько пуль, чтобы подарить им легкую смерть, и злится от того, что не знает, кто из друзей остался живых.

Он не узнает этого никогда. После он бросает автомат на опустевшее сиденье рядом и жмет на газ.

* * *

— Каков твой план? — спрашивает его Ян с заднего сиденья.

Они едут по шоссе в сторону Германии, в проклятые земли. После той кровавой ночи выжили только они двое. Позади них алеет рассвет.

— Я еду к брату, — говорит Алекс. — Мой брат Петер работал в лаборатории «Регенширм» на окраине

Мюнхена. В той самой. Он жил в бункере. Я уверен, что он жив и что именно он повинен в заражении. Я скрывал это ото всех, но сейчас не время, чтобы хранить тайны.

— Твой план умереть мне очень нравится, — кивает головой Ян. — Это намного круче того, что было на поле.

Через пару минут они встречаются блондинок — их оказывается всего трое, и они неторопливо ковыляют вдоль дороги, словно не замечая машины. Долгое время им не встречается никто — ни люди, ни зомби. Они едут без остановок, сменяя друг друга. За двадцать километров до немецко-польской границы они слышат шум бронетранспортера.

Боевая машина останавливается в десятке метров напротив них. Через громкую связь они слышат голос на немецком:

— Среди вас есть Алекс Шиндлер?

— Есть, — отвечает Алекс.

Он выходит из машины и только потом замечает двух человек в форме ополчения со странными винтовками. В следующий миг он слышит пару выстрелов. Один выстрел в Яна, все еще сидящего в машине, делает дырку в лобовом стекле. Второй выстрел — в него, но он не чувствует сильной боли, а спустя пару секунд замечает парализующий дротик в ноге и понимает, что падает на асфальт.

— С...и, — говорит он перед тем, как уснуть.

* * *

— Извини, — говорит Петер, когда его брат открывает глаза.

Алекс привыкает к освещению и приподнимается над кроватью. Потом пару секунд разглядывает его неожиданно сильно постаревшее лицо.

— Черт возьми, откуда ты знал?

— Я верил, что тебя найдут. Когда мы вычислили тебя, на последнем вертолетном забросе наши поставили тебе маячок. Мы думали ехать сами, но ты нас опередил. А тебя не волнует вопрос, почему мы все живы?

— Волнует, — кивает Алекс. — Но сначала расскажи, где я.

Петер присаживается рядом. Алекс осматривает белоснежные стены помещения без окон. В комнате — или в палате? — никого, кроме них, нет, на столике рядом лежат два шприца и стоит стакан воды, который Алекс жадно выпивает.

— Мы в центре «Регенширм», на седьмом подземном уровне, — рассказывает Петер. — Ты должен вспомнить это место, хотя тебе основательно подчистили память. За полгода до заражения я приглашал тебя сюда, чтобы вколоть вакцину.

— Вакцину? Она все-таки существует?

— Да, — кивает брат. — Правда, очень дорогая и только против нашего, германского вида вируса, а были и другие лаборатории, осуществившие выброс. Мы называем ее «Десинхронизатор». Не бойся, скоро это все равно станет не нужно.

— Осуществившие?! — Алекс пытается вскочить, но он еще не до конца отошел от наркоза, и ему тяжело. — Не нужно?

— США решили разбомбить западно-европейский очаг заражения атомными бомбами. Скоро от нашего центра ничего не останется. Возможно, это и хорошо — цель эксперимента все равно достигнута. Ведь зомби-эпидемия, самоорганизация по цвету волос и прочее — это всего лишь побочные явления того, что мы изобрели.

Петер поднимает со стола один из шприцев.

— Мы открыли способ перемещения сознания между параллельными мирами. Наш центр находится одновременно в трех альтернативных мирах — в нашем, в мире после ядерной войны и в том, в котором ничего этого не происходило. Катастрофическими со-

бытиями последних лет нам удалось разделить пространство-время на три временных потока. Потом при помощи этого состава сводить три параллельных сознания из разных континуумов в один временной поток. В самый лучший из них. Мы зовем его Синхронизатор.

Алекс некоторое время вдумывается в этот набор слов и пытается понять, здоров ли его брат.

— Звучит как бред. Получается, если мне вколоть этот состав...

— То ты сможешь оказаться совсем в другом мире. В лучшем мире.

— Но если мое сознание навсегда уйдет из этого мира, то... что станет с моим местным телом?

Петер вздохнул.

— Нетрудно догадаться.

Алекс в сомнениях. Ему все еще кажется, что брат просто бредит. Некоторое время они молчат, наконец он говорит:

— Последний вопрос, брат. Почему, черт возьми, блондинки за мной пришли? Неужели из-за той Жанны, из-за которой мы в школе поссорились?

— Что за Жанна? — хмурится Петер. — Ничего не помню.

— Белобрысая такая. Ты ей стихи писал.

— А, вспомнил. Нет, не поэтому. Фиг его знает, почему. Самоорганизуются, чувствуют. Нравишься ты им. Ну, так что ты решил? С ними или с нами?

ДАРЬЯ ЗАРУБИНА

ТОТ, КТО ЕСТЬ ТВОЙ МОЗГ

Руки от страха ходили ходуном, в висках оглушительно стучала кровь. Андреев вонзил скальпель прямо в центр живота зомби. Сухая и желтоватая, как пергамент, чуть натянутая кожа мертвеца лопнула с бумаж-

ным шелестом, скальпель дрогнул и пошел в сторону. Андреев ткнул еще раз, и снова мимо.

— Все, Андреев, приходите завтра. На пересдачу. Сегодня неуд, дружочек. Только неуд.

— Ну, Сергей Федорович, вчера последний срок закончился. Мне больше отсрочки не дадут. Отчислят. Мне сегодня надо, — начал было Андреев, но профессор медленно спустился с мраморного стола, закрепил зажимами неровный шов на животе, так, чтобы внутренности не выскочили наружу, а оставались там, где поместила их природа, и там, где они и находились до бесцеремонного вмешательства двоичника Андреева. Сухой и поджарый профессор не слишком изменился после смерти. Может, движения стали чуть резче, под стать характеру, да заострились черты лица.

— Что «Сергей Федорович»? — Экзаменатор отрянул костюм и вдел ноги в черные туфли. — Вы уж извините, Андреев, но мне некогда. Материала вы не знаете, поэтому учите, а завтра придете и попробуем еще разок. А сейчас, уважаемый, мне пора. Экзамен окончен, а у меня поминки.

— Поминки? — переспросил Андреев. — Чьи?

— Мои, — отозвался Сергей Федорович, поправляя галстук. — Но если вас допустить к хирургическому столу, Андреев, то я смогу на поминки как в кино ходить. Может, вам в сельхоз перевестись, на ветеринарное, пока Гринпис отвернулся. Коров тоже жалко, но людей как-то жалче. А у вас, дружочек, все предпосылки врача-убийцы.

— Так мы вас вроде в прошлом месяце поминали? — забормотал Андреев.

— Как же, как же. Надежда Николаевна сказала, полобщегития можно было в вытрезвитель сдать. Помянули так помянули. Сороковой день у меня сегодня, — бросил Сергей Федорович через плечо, направляясь к двери. — Полный дом народу. Жена готовила два дня. Так что не буду вас задерживать. И жду от вас того же.

— Сергей Федорыч, ну поставьте, хоть условно. Я потом все доучу и отработаю, — предпринял последнюю попытку Андреев, с видом заговорщика развязав лямки рюкзака. Подмигнула, сблизившись от света лампы, крышка бутылки. — Я еще принесу завтра, если надо. Только сегодня поставьте.

— Вы все-таки клинический идиот, Андреев. Вы пытаетесь дать взятку коньяком мне, единственному неживому экзаменатору в академии, да что там — пока еще в стране. Андреев, миленький, я не пью. Я вам больше скажу — я уже больше месяца не ем. И дышу только тогда, когда мне приходится разговаривать. Например, с такими умственно ущербными людьми, как вы, милейший. Спрячьте ваш коньяк и приходите завтра. И попытайтесь за ночь хоть что-то выучить. Например, как держать скальпель.

Понурый и пристыженный, Андреев поплелся к выходу. Сергей Федорович запер кабинет и отправился в преподавательскую. Кафедра анатомии и некромантии была темной и пустой. В переходе горела дежурная ночная лампа. Ночная лампа дневного света и живой труп преподавателя — хорошее сочетание. Сергей Федорович и при жизни засиживался позже всех.

Выдвинул ящик стола, достал оттуда несколько корбочек, вынул из держателя на столе пару пробирок, осторожно смешал эликсир и выпил залпом, по привычке поморщившись. С самой смерти он не чувствовал вкуса, но разум не обманешь — тот знал прекрасно, какой мерзостный привкус должен быть у подобного коктейля. Однако жидкость легко скользнула в горло, и стянутый зажимами шов на животе начал быстро рубцеваться, пока не остался едва заметный след от кривого разреза. Сергей Петрович подошел к зеркалу, потрогал впалые щеки, неодобрительно поцокал языком, отметив излишне зеленоватый цвет лица. Подумал, что неплохо бы принять ванну с формалином после ухода гостей. Все-таки жизнь после смерти требует определенных жертв, в том числе и косметиче-

ских. Понятно, что преподавать можно, пока голова работает, даже если она уже и к плечам-то не крепится. Сергей Федорович представил, как какой-нибудь лопухий Андреев несет в кювете его голову на лекцию, ставит на кафедру, поправляет микрофон.

Некромант усмехнулся, еще раз оттянув кожу над бровью. Эластичность ниже нормы. И цвет. С таким лицом перед гостями как-то неудобно. Все-таки смерть как болезнь — нехорошо, когда она выставлена напоказ. А с такой зеленой мордой слишком очевидно, что виновник торжества необратимо мертв.

Друзья, казалось, привыкли к тому, что Сергей Федорович продолжил существование в качестве зомби значительно быстрее, чем он сам к этому притерпелся. Никто, казалось, даже и мысли не допускал, что он — доктор медицинских наук, профессор, анатом с сорокалетним стажем и некромант с двадцатилетним — может просто умереть, один раз, как все остальные, не имеющие его знаний и опыта. Сергей Петрович не разочаровал ни коллег, ни знакомых. Тело свое он содержал в должном порядке, поэтому зомбификация прошла легко и успешно.

Он умер за кафедрой на лекции. Но к такому повороту событий был готов уже давно. Среагировав на пропуск восьми диастол, сработала вшитая под кожу еще в прошлом году система, одновременно вводившая в брюшную часть аорты и нижнюю полую вену комплекс, поддерживающий деятельность ЦНС и мягко зомбифицирующий организм без потери «человеческого облика». Комплекс он разработал сам и тщательно протестировал на всем, что позволялось использовать для экспериментов. Лабораторные животные реагировали хорошо, маленькие зомби продолжали жить и демонстрировать вполне нормальные для своих видов реакции. Поэтому профессор был спокоен. Еще ползшая по сосудам кровь медленно разносила по органам одну из ценнейших разработок Сергея Федоровича. А через две минуты сработал таймер и переключил

систему на второй контур — в сосуды хлынул консервирующий раствор. Соответствующий объему вводимого раствора объем крови откачивался микропомпой в резервуар, крепившийся на внутренней стороне бедра пластырем, таким же обычным пластырем были закреплены на пояснице емкости с комплексом и консервирующим раствором и связывающие их трубки. Эту довольно сложную систему Сергей Федорович носил с собой постоянно. Каждое утро после чистки зубов он перепроверял работу таймеров и заново крепил к телу всю конструкцию. Смерть в шестьдесят девять лет может застигнуть где угодно. Со смертью он был знаком и дружен давно — работа обязывала. Страшило то, что комплекса не окажется под рукой, когда прекратится жизнь, и будет сорвана финальная стадия эксперимента: первое и, возможно, единственное испытание на человеке.

Немного нервировало, что что-то может пойти не так и зомбификация будет произведена с потерей мозговой активности. Сергею Федоровичу не хотелось превратиться в тупого зомби, хрипящего, капающего слюной и бросающегося на окружающих. Поэтому через какое-то время он добавил в систему третий контур — с раствором, который должен был при неудачном течении эксперимента навсегда упокоить экспериментатора, не позволив ему перед этим загрызть пару студентов или коллег.

Все было выверено до сотой доли секунды. Так что когда перепуганные студенты с первых рядов справились с шоком и подбежали к внезапно упавшему профессору, он открыл глаза и медленно сел. В кровеносную систему уже хлынул консервирующий раствор, резервуар на бедре неспешно заполнялся откачиваемой кровью. Профессор вытащил из-за пояса рубашку и отключил третий контур. Эксперимент шел успешно.

— Что с вами, Сергей Федорович? Вам плохо? Может, «Скорую» вызвать?

— Ничего страшного, друзья мои, — отозвался профессор, поднимаясь с пола. — Я умер. И поздравляю вас с тем, что вы стали свидетелями очень интересного и важного для некромантии эксперимента, точнее — самой первой и самой сложной его части. Поэтому прошу меня извинить, лекцию мы сегодня завершим несколько раньше. Мне необходимо сделать замеры и закрепить результат.

Это была первая лекция, которую Сергей Федорович не довел до конца. Утешало, что жизнь к этому моменту успела закончиться и он мог продолжать с гордостью говорить, что ни с одной лекции в жизни не отпускал студентов раньше времени.

Уже на следующий день Сергей Федорович позвонил ректору сообщить, что согласен работать посмертно. Хотя из заведующих ушел. Освободил место живым.

Но на работе задерживался по-прежнему. И не потому, что это было уделом начальника, а потому что в этом институте прошла вся его жизнь. И сам институт как-то незаметно стал этой жизнью, вытеснил ее, заместил, поглотил, как огромный макрофаг, устремился тысячами лизосом и мгновенно переварил Сергей Федоровича, разобрал на аминокислоты и из этих аминокислот легко и скоро выстроил нового заведующего кафедрой анатомии и некромантии, профессора, академика, создателя российской школы некромантии, светило науки. Разобрал человека и соорудил преподавателя. Педагога. Сорок шесть выпусков вот таких вот Андреевых. Работают по всему миру. И кое-кто обещает стать неплохим некромантом. Хотя большинство так и не поднимется выше среднего уровня. А некромантия все-таки наука достаточно новая. Не то что дедовское поднятие мертвецов, что описано в сказках. Некромантия современная, основанная на тщательном изучении человеческого тела и искренне-научном наплевательском отношении к душе. А иначе наука и не делается.

Отгнав грустные мысли, Сергей Федорович отошел от зеркала, набрал номер соседей — может, кто еще на

работе, помогут с вливанием. Но и по второму, и по третьему номеру не отвечал никто. Катюше, единственному танатокосметологу, согласному работать с зомби, звонить было бесполезно. Катюша предупредила, что сегодня строит личную жизнь, оставила телефон подруги и обещала, что у той найдется и аэрокосметика, и необходимые навыки, чтобы сделать Сергею Федоровичу «хорошую мину». Но тот не спешил доверять этой «подружке». Разрисует, как Мэрлина Мэнсона. А на сорок дней близкие друзья придут, коллеги, ученые, многие с мировым именем.

Сергей выглянул из преподавательской, прислушался к вечерней тишине.

Дальше по коридору, там, где начинались кабинеты гуманитариев, падал из-под двери широкий луч. Сергей Федорович снова улыбнулся самому себе. Вынул из ящика стола большой шприц, бутылочку с подкрашенным физраствором, положил в пакет маленькую переносную помпу, запер кабинет и отправился к соседям.

— Здравствуйте, Наденька-Надежда Юрьевна! Заработались что-то нынче, — проговорил он, заглядывая в кабинет. Надежда отозвалась не сразу. Она еще минуту или полторы продолжала в глубокой задумчивости водить над строчками тетради красной ручкой, время от времени касаясь бумаги. Поставила оценку, закрыла тетрадку. И только потом повернула голову в сторону двери. Ее взгляд какое-то мгновение выражал лишь усталую покорность судьбе, но смиренное сменилось узнаванием с примесью легкого испуга.

— Сергей Федорович, — проговорила Надежда, вставая ему навстречу. — Что-то случилось?

— Да не пугайтесь вы, Надежда Юрьевна, — успокоил профессор, даже не стараясь скрыть, что заметил, как она вздрогнула, — еще немного времени прошло. Не одна вы никак не привыкнете, что я теперь «мертвая душа».

— Что вы, — заторопилась заверить Надя, — мертвые души — это другое. Я просто еще не работала с...

— В бухгалтерии меня называют «посмертный преподавательский состав», — пошутил некромант. — Похоже на поезд в Аид, полный преподавателей. Только пока в этом поезде я один. Хотя, знаете, из Курска и Нижнего приглашение пришло. Хотят нашу школу некромантии у себя развивать. Попросят молодых специалистов. Только из кого выбрать? Отправлю им какого-нибудь Андреева, а он скальпель держит, как дохлую мышь.

— Я работала в Нижнем после университета, — попыталась поддержать разговор Надежда, от едва заметного движения ее руки зажегся красный глаз электрического чайника. — Хороший вуз. И анатомы талантливые работают. А Семен Вадимович некромантией просто одержим. Говорят, и ученый он тщательный, въедливый.

— Это точно, — подхватил Сергей Федорович, не зная, как перейти к своей просьбе. — Семен — человек дотошный. Пороха ему не выдумать, но открытое другими доверить можно смело: доведет до ума, протестирует и апробирует как нужно. По уму, надо бы самому ехать, показать, почитать у них мои курсы. Но не бросать же академию. Да и кто знает, как отнесутся там, в Нижнем, к «посмертному преподаванию».

Чайник щелкнул, выключаясь. Надежда жестом предложила Сергею Федоровичу присесть и выпить чашечку. Но профессор с усмешкой отказался, мол, нечего тратить кипяток. Надя снова смутилась, но на то, чтобы покраснеть, не хватило сил. Она опустила на стул и сжала в пальцах чашку, так и не сделав глотка. Взгляд потерял выражение, тени под глазами стали глубже и темнее.

— Устала, а, Надежда Юрьевна? Трудная неделя? — спросил некромант, поднимаясь. — Я тогда не буду мешать. Собирайтесь домой. Седьмой час уже, а вы небось с восьмью?

— Что вы, что вы, — с трудом выныривая из собственных мыслей, заверила Надежда. — Я не собираюсь еще. У меня тетрадей две стопы. А так да, с восьми. Четыре пары сегодня, и должники одолевают, вот и выключаюсь немного. Так что вы уж извините меня, Сергей Федорович.

Надя виновато улыбнулась, и стало видно, что ей не больше тридцати пяти, и она если не красавица, то вполне симпатичная молодая женщина. На гуманитарной кафедре она работала недавно, года два. Пришла сразу старшим преподавателем, как кандидат исторических наук. И работала старательно. Сергей Федорович был человеком наблюдательным, и ему не нужно было чужих характеристик, чтобы составить мнение о человеке. Приходила Надежда вовремя, уходила поздно. Часто, запирая кабинет, часа через три после того, как ассистенты и преподаватели из молодняка похватали пальто и портфели и разбежались по домам, он видел в приоткрытую дверь гуманитариев сидящую за столом Надежду, склонившуюся над конспектом или тетрадами. Иногда, проходя мимо, он заглядывал, чтобы попрощаться, и заговаривал с ней. Не сказать, чтобы при его жизни они были друзьями, но некоторое взаимопонимание, которое наблюдалось между ними, вполне позволяло обратиться с просьбой.

— Это вы извините меня, Надежда Юрьевна, — попытался усмехнуться профессор, но лицевые мышцы поддавались плохо. Все-таки стоило в обеденный перерыв положить на лицо платок, пропитанный эликсиром. Но на кафедре было слишком много народа, да и студенты спрашивали каждые пять минут, а лежать с компрессом на лице нужно минут двадцать минимум, иначе не стоит и лекарства переводить. Вот он и решил не переводить. За что расплачивался теперь землисто-зеленым цветом лица и сниженной подвижностью мимических мышц. Улыбка не получилась. Вместо еще одной попытки изобразить на лице эмоции Сергей Федорович выложил из кармана шприц и флакон.

— Видите ли, Надежда Юрьевна, сороковой день сегодня у меня, друзья, коллеги собрались, а я — сами видите, не совсем в форме. Если вот этот растворчик в яремную вену закачать в положении лежа и нагнетать минут десять в обратном, к голове, то хоть какой-то румянец. А то прозелень одна. Неудобно перед гостями. Сосуды пока еще не так плохи, и подобный фокус вполне может сработать. А сам, как видите, не сумею.

Надя посмотрела на шприц, флакон и помпу.

— Так я же не медик, Сергей Федорович, — проговорила она, справившись с тщательно скрываемым отвращением.

— Так медик мне уже почитай как сорок дней без надобности. Кровь я давно слил, чтоб не портилась. Заменял физраствором. Но и он застаивается. Просто прогоним немного и подкрасим. Я все покажу. И буду очень благодарен. Но если устали или по какой-то другой причине не можете помочь — пойму. Что я, не человек, что ли.

Он прекрасно знал, что, несмотря на откровенное отвращение и страх, Надежда не откажет, просто потому, что посчитает стыдным и недостойным отказать нуждающемуся в помощи. Сергей Федорович не считал свои слова моральным шантажом, скорее — одним из способов получить необходимое.

Надежда с усилием поднялась со стула, отставила остывшую чашку и молча смотрела, как профессор принес из коридора кушетку, снял пиджак и лег, повернув голову так, чтобы яремная вена была доступнее. В ней уже стоял закрепленный пластырем катетер, через который Сергей Федорович еще три недели назад слил кровь и теперь изредка закачивал физраствор, смешанный с одним из эликсиров собственного изобретения. Правда, до этого он вспоминал о смене раствора вовремя и находил помощников среди коллег-анатомов. А вот Надежде пришлось напомнить, чтобы надела перчатки. Оказалось, что перчаток у гуманитариев

на кафедре не водится в принципе, поэтому Сергей Федорович отдал ей свои.

Надя справилась хорошо. Руки почти не дрожали, когда она сняла со шприца иглу и вставила шприц в катетер. Ввела жидкость, подключила помпу.

— Вам это странно? — не удержался от вопроса профессор. — То, что я мертвец?

— Признаться, мне странно, что я вовсе не волнуюсь сейчас, — ответила Надежда, разглядывая собственные руки в перчатках. — Может, это от усталости. Я, когда устаю, совсем перестаю удивляться. Если бы не четыре пары сегодня, да и вообще — загруженная неделя, я бы, наверное, страшно перепугалась. Может, испугаюсь еще. Завтра. Когда дойдет. А вам разве сейчас можно говорить?

— Можно, — заверил некромант, — я очень вам благодарен. Надюш, бросайте вы ваши тетради. Ведь даже спасибо никто не скажет. У вас ведь, наверное, и зарплата смешная? Врачебной надбавки-то нет.

Надежда кивнула и попробовала улыбнуться, но усталые глаза выдали ее с головой.

— А давайте сейчас надевайте пальто и поедем ко мне. Меня помянем, с умными людьми пообщаемся, развеемся. Ирина Аркадьевна будет рада. Хоть кто-то оценит ее кулинарию. Давайте-давайте, едем. А то просидите здесь до ночи...

Сергей Федорович сам отсоединил помпу, чувствуя, что раствор уже заполнил сосуды на щеках. Но попросил Надю все же помочь с катетером.

— Больше не стоит, — пояснил он, отвечая на взгляд Надежды, — а то буду розовый, как из бани. Давайте одевайтесь, Надя. Я тоже пальто наброшу, уберу это все и зайду за вами. Хорошо?

Надя неохотно кивнула.

— Еще тетрадку гляну, пока вы собираетесь.

Сергей Федорович промыл и убрал инструменты, выключил лампы и проверил, все ли двери заперты. Видимо, о своих сосудах он был все-таки слишком хороше-

го мнения, да и полежать после помпы стоило подольше. Видимо, один из сосудов лопнул, потому что из носа потекла тонкая струйка. Сергей Федорович прижал к лицу платок и поспешил в уборную. Дверь гуманитариев была по-прежнему открыта. Надежда сидела за столом, уже одетая, в серой пушистой шапке, положив сумочку на колени. Перед ней лежала открытая тетрадь. Взгляд Нади был, казалось, устремлен на страницу, но по его равнодушно-отсутствующему выражению легко было понять, что пользы от этого сейчас никакой. Надя уронила руки на стол и уставилась в стену. Бледное лицо с темными впадинами глазниц казалось неживым.

Сергей Федорович торопливо прошел мимо. Может, поэтому почти ничего и не изменилось, когда он стал преподавателем-мертвецом. Потому что все они, педагоги, становятся зомби задолго до смерти. От усталости, напряжения, необходимости пытаться быть объективными и всезнающими.

Профессор прижал платок к лицу, стараясь не допустить, чтобы физраствор капнул на рубашку. Когда подтекание прекратилось, вытер нос и подбородок, тщательно, как препарат, исследовал отражение в зеркале. Результат процедур был неплох.

Сергей Федорович вышел из уборной и направился обратно: одеться и зайти за Надеждой. Нельзя допустить, чтобы девочка так изводила себя. Она должна жить полной жизнью, а не сидеть до глубокого вечера над тетрадками и конспектами.

— Сергей Федорович, — голос вывел профессора из задумчивости, — а я вас тут давно жду.

— Идите, Андреев, идите, — отмахнулся профессор, заметив выступившего из темноты студента. — Завтра.

— Значит, не поставите? — со странной бравадой проговорил тот.

— Не поставлю, и не испытывайте мое терпение. — Сергей Федорович хотел пройти мимо наглого подростка, но тот заступил ему дорогу.

— Мразь, шкура дохлая, мозгоед старый, — прошипел Андреев, надвигаясь на него. — Когда сдох, думали — все, отмучились. Нормальному преподау сдавать будем. Так нет, воскрес, гнида. Ну, ничего. Если постараться, больше не воскреснешь.

В руке студента блеснуло лезвие. Сергей Федорович не испугался:

— И вы просто так ударите ножом человека?

— Ты мертвый, не посадят, — глухо отозвался Андреев. — Жалеешь, что не поставил?

— А давно ли мы перешли с вами на «ты»?

Сергей Федорович сделал шаг назад, но Андреев со сдавленным рычанием бросился на него, не оставляя шанса избежать удара. Профессор не успел даже поднять руку, чтобы заслониться. Что-то пушистое, серомеховое метнулось перед ним, заслоняя.

Андреев удивленно ахнул, отступая. Скальпель со звоном упал на кафедру. Андреев развернулся и побежал.

— Что же вы наделали, Надя? — с досадой пробормотал профессор, торопливо расстегивая пальто Надежды Юрьевны, чтобы осмотреть глубокую рану на плече. — Я же мертвый, что он мог мне сделать?

— Да я как-то не подумала, — призналась Надя, морщась от боли. — Вижу, он на вас с ножом. Вот и прыгнула. Сама сообразить не успела.

— Хороший вы человек, Надежда Юрьевна, — с раздражением пробормотал некромант. — А если бы он вас убил?

— Вы бы могли сделать из меня зомби, — усмехнулась Надя, — чтобы не одиноко было.

— Можно подумать, вы хотели бы им быть? — смягчился профессор. Рана была не такой уж тяжелой. Он прижал несколько салфеток к плечу Нади, стараясь остановить кровь.

— Ну уж нет, брррр, увольте, — отозвалась Надя, слабо улыбаясь. — Как оно там?

Сергей Федорович помог Надежде подняться.

— Не смертельно. Но в больницу ехать придется, швы наложить. У меня, конечно, есть пара эликсиров, но они... — профессор замялся, — только для неживых. Так что придется к хирургу.

— Ой, так вас же гости дома ждут, — спохватилась Надежда, — я такси вызову.

— Нет, Надя, и такси, и милицию я вызову. Хорошо, что этот звереныш скальпель держать так толком и не выучился. Вам сейчас двигаться надо поменьше. Подождут мои гости. На поминках без покойника всегда веселее.

ВЯЧЕСЛАВ БАКУЛИН

СПЕЦИАЛИСТ ПО СВЯЗЯМ С РЕАЛЬНОСТЬЮ

На моей двери — медная табличка. Небольшая, позеленевшая от времени. Возможно, именно поэтому иные считают ее «внушающей уважение». А может, это из-за букв, вытравленных на ее поверхности? Буквы складываются в слова, слова — в предложения. Их всего два, одно над другим: мое имя и... профессия? должность? призвание?

Специалист по связям с реальностью.

Если вы чувствуете, что больше так не можете...

Что потеряли смысл и вкус жизни...

Что это и не жизнь давно, а так — существование, вялое течение серых дней, похожих один на другой как две капли воды...

плещет, плещет стылая муть

Одним словом, каждый, кому я нужен, понимает, о чем идет речь. И хотя адреса моего обиталища не сыскать ни в одном справочнике, бумажный он или электронный, такой человек рано или поздно обязательно найдет дорогу. Просто осознав, что настала пора.

Он спустится по кажущейся бесконечной ржавой лестнице (без толку считать ее ступени, поверьте), пройдет по темному, как безысходность, коридору, слушая

шорох лап и хвостов многочисленных крыс, бесконечный шепот воды,

плещет, плещет. Еще немного — и через край и увидит в конце свет.

Стену из крошащегося, скверно оштукатуренного бордового кирпича, сочащуюся ледяными слезами влаги *плещет, плещет. Хоть уши затыкай — не поможет* и забранный в стальную решетку толстый стеклянный фонарь над ней.

Фонарь вделан аккуратно над дверью, и его тусклого, холодного, безжизненного света как раз достаточно, чтобы разглядеть прикрепленную на ней табличку. И — кнопку старинного электрического звонка рядом с нею. Дешевый черный пластик, из которого она сделана, когда-то был матовым. Сейчас он отполирован до ослепительного глянца бесконечными пальцами моих гостей.

Вот, снова звонит.

Я встаю из кресла, давя в и без того наполненной до краев пепельнице очередной окурочек и, шаркая по полу разношенными домашними шлепанцами, иду к двери.

С негромким лязгом отходит язычок замка.

Мужчина. Средних лет. С десяток лишних кило. Ранние залысины. Мягкий твидовый костюм. Кожаный портфель с полуоторванным хлястиком-застежкой. В глазах... То же, что и у всех них.

плещет, плещет

— Мистер Рон?

— Я за него, — улыбаюсь я. И добавляю неизменное: — Добро пожаловать на борт!

Мужчина поднимает ногу и несколько секунд держит ее на вису, не решаясь переступить черту невозврата. Он сейчас похож на сапера, очутившегося на самом краю минного поля, густо засеянного смертью.

Наконец, гость решается — шумно выдыхает и решительно опускает ботинок на вытертый коврик. Рыв-

ком, словно протез, ставит рядом вторую ногу. Шаркает раз, другой.

— Можете не усердствовать, — улыбаюсь я, запирая дверь. Стараюсь проделать это без чересчур резких движений и максимально бесшумно, но клиент все равно затравленно вжимает голову в воротник не слишком свежей сорочки — точь-в-точь испуганная черепаха. Чувствуется, ему потребовалось немалое усилие, чтобы не оглянуться.

— Вперед и направо, — поясняю я, делая приглашающий жест. Он медлит, явно не желая оставлять меня за спиной. Жму плечами и иду первым, фальшиво насвистывая.

У открытой двери на кухню он на мгновение замирает.

— У вас там...

— Да? — Я тоже останавливаюсь, но не оборачиваюсь.

— Мне кажется, я слышу...

Это мне кажется, что я слышу. Слышу, как по его лбу — морщины, морщины, слишком много морщин — стекают крупные капли пота. И — кап! Кап! Кап!

Плещет, плещет. Изо дня в день, из года в год, из века в век.

— Что? — Я приподнимаю левую бровь.

— Капает! — взволнованным шепотом сообщает он мне.

— Точно. Кран протекает. — Я наконец-то поворачиваюсь и заговорщицки подмигиваю. — По правде говоря, я его нарочно не чиню.

Верный тон, старина! Страх сменяется заинтересованностью.

— Почему?

— Успокаивает.

— А-а...

Он явно удивлен. Не нужно иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться: лично его звуки капающей воды раз-

дражают. Нервируют. Выводят из равновесия. Как и незакрытые двери. Скрипящие половицы. Сквозняк.

Что делать, придется терпеть. В конце концов, всякий имеет право на маленькие причуды. Особенно — специалист по связям с реальностью.

— Меня зовут... — начинает он, но я с улыбкой качаю головой.

— Простите? — Гость облизывает губы. Замешательство сменяет неуверенность — младшая сестра страха.

В ответ я пожимаю плечами:

— Мой дом — мои правила. И это — одно из них: никаких имен.

Он вновь быстро облизывает губы, пытаясь снять языком с верхней большую каплю пота.

плещет, плещет, будь он неладен!

Потом осознает, что я смотрю, и, дабы замаскировать смущение от этого детского (так ему кажется) и потому — неподобающего поступка, нервно спрашивает:

— Что, совсем?

Я улыбаюсь:

— Не совсем. Вы можете обращаться ко мне так, как пожелаете.

— А вы?

Еще одна улыбка:

— Ну, вам, конечно же, говорили, что я чудак? Однако согласитесь: даже самый чудаковатый из чудаков вряд ли станет обращаться к гостю «эй, вы» или «Мистер Сине-Красный Галстук».

Владелец сине-красного галстука принужденно смеется. Бьюсь об заклад, про себя он бормочет что-то вроде: «Вот сукин сын!» А потом: «Черт, собирался же сначала повязать бежевый... или голубой... а впрочем...»

— Вот именно. — Я киваю и плюхаюсь в кресло.

Больше в комнате посадочных мест нет. Ну, в классическом понимании.

Гость переминается с ноги на ногу. Он слишком хорошо воспитан, чтобы усесться на край кофейного сто-

лика (к тому же не факт, что тот выдержит). И уж тем более — на пол.

— Итак, — продолжаю я, — моя вторая странность напрямую вытекает из первой.

Делаю паузу, предоставив гостю возможность послушать симфонию в исполнении немудреного трио: ржавая вода, ржавые трубы, ржавый кран.

плещет, плещет, куда ж ей деваться?

Про себя отмечаю: если бы уши клиента были чуть длиннее, он явно принялся бы нервно прядать ими, как испуганная лошадь.

Чиркаю спичкой (от резкого звука он снова «играет в черепашку») и закуриваю.

— Я сам выбираю, как мне называть своих гостей. А им волей-неволей приходится это сносить. Так что все время, пока вы будете находиться на борту, я буду звать вас... — он затаивает дыхание, — ну, скажем, Мистер Клерк.

Гость испытывает одновременно облегчение и раздражение.

— Вообще-то я...

— Бухгалтер. Не главный, а такой... — щелкаю пальцами, подбирая наименее обидное слово.

— Да, но как...

— Пустое. И совершенно не имеет отношения к цели нашей встречи. Так ведь?

Он неуверенно кивает. Вновь повисает неловкая пауза. Я наслаждаюсь сигаретой, будто забыв о Клерке. Чтобы хоть чем-то занять себя и совладать с робостью, он принимается изучать мой «приемный покой». Они все так делают, кто раньше, кто позже.

Прежде всего, гость обращает внимание на буквы, выложенные цветной эмалью над камином. Языка он, разумеется, не знает.

— «Объяли меня воды до души моей, бездна заключила меня; морскою травкою обвита была голова моя», — любезно перевожу я.

— Объяли... меня... — Клерк морщит лоб, пытаюсь вспомнить. Похоже, он сам не понимает, зачем ему это надо, но все же не оставляет попыток. Как мне кажется, это само по себе уже заслуживает уважения.

— Объяли... меня... Я вроде читал... давно... Какой-то японец? — наконец неуверенно произносит он.

— Кэндзабуро Оэ, — киваю я. — Хотя он только заимствовал, а это — цитата из оригинала¹.

— М-да?..

Растерянный гость подходит к шкафу с книгами. Близоруко щурясь, читает надписи на корешках, слегка шевеля губами, словно боится обжечься названиями.

— «Моби Дик». «Старик и море». «Старшая Эдда». «Челюсти». «Зов Ктулху». «Сфера»... Что за странная подборка?

Я лукаво подмигиваю:

— Вполне подходит такому чудаку, как я, не находите?

— Да, но... То есть я хотел сказать...

Он явно боится, что я обижусь. И то сказать, от типа, который читает такое, ожидать можно всякого. Не желая допускать еще одной паузы, он, точно в спасательный круг, вцепляется в единственную книгу на полке, которая ему знакома и потому — не вызывает отторжения.

— А Библия?

— Ветхий Завет? — уточняю я. — Вполне логично.

— Правда? — он явно обескуражен.

— Левиафан. Помните такого?

— Что? Ах, да...

Избежать паузы ему все же не удастся. Но тут уже я решаю, что с бедолаги довольно, и прихожу ему на помощь:

— Итак, Мистер Клерк, прежде чем мы вплотную займемся вашим делом, предлагаю урегулировать вопрос оплаты.

¹ Ион. 2:6.

Знакомые (а то и любимые, чем черт не шутит) слова и привычная ситуация явно помогают гостю обрести утраченную было почву под ногами. Он торопливо расстегивает пиджак, продемонстрировав жилет с плохо выведенным пятном на груди (ванильный соус к пудингу, я полагаю), со второй попытки ухитряется попасть в кармашек для часов и, сопя, тщится нащупать его содержимое. Наконец, Клерк торжествующе припечатывает к исцарапанной столешнице сначала один, а потом и второй медяк. Большие, позеленевшие от времени монеты с неровными краями. Изображения и надписи почти неразличимы.

— Вот! И хотя я считаю...

— В копилку, пожалуйста, — перебиваю я.

— Простите?

— Опустите плату в копилку, будьте так добры. Да-да, именно в эту омерзительно розовую глиняную свинью с идиотскими ромашками на боках. Прямо в щель на спине. Одну монету, а потом и вторую... смелее... вот так. Благодарю вас!.. Что ж, Мистер Клерк, рад сообщить вам, что отныне и до окончательного выполнения мною взятых на себя обязательств вы — мой клиент.

Еще одно волшебное слово, способное творить чудеса. Плечи Клерка расправляются, в голосе, которым он обращается ко мне, появляются требовательные нотки:

— В таком случае, я хотел бы получить, знаете ли, какую-нибудь бумагу.

— Получить что?

— Бумагу. Договор. Контракт. Хотя бы кассовый чек или приходный ордер. Во избежание, так сказать.

Однако каков гусь! Того и гляди, скоро потребует с меня неустойку за ненадлежащее исполнение!

— Послушайте, Мистер Клерк. — Я медленно давя в пепельнице истлевший до фильтра окуроч, не отрываясь, смотря гостю прямо в глаза. — Вы нашли мой дом. Вы поднялись на борт, имея при себе монеты. Хотя готов поставить содержимое этой вот пепельницы против всех сокровищ Эльдорадо, еще вчера у вас их не было. Верно? Кстати, где вы их раздобыли?

— Вы... — Клерк шумно вздыхает, словно воздух в комнате разом становится разряженным, и заканчивает: — Играл. В моментальную лотерею. Помню, сначала еще пришел в ярость, подумав, что это какая-то дурацкая шутка, а потом...

— Чудесно! — Я потираю ладони. — Итак, все это недвусмысленно свидетельствует о том, что наша встреча была predetermined. У вас — проблема, у меня — решение проблемы. Оплата произведена надлежащим образом...

С этими словами я поднимаю копилку, несколько раз энергично встряхиваю, а потом интересуюсь:

— Слышите?

Клерк закусывает губу. Ему жутко от одной мысли, что будет, если он скажет правду. И все же он решает:

— Нет.

Я хохочу, запрокинув голову, и показываю ему большой палец:

— Вот именно! Нет! И быть не может!

— А?..

— Понятия не имею, к кому они попали. И не узнаю до тех пор, пока этот «кто-то» не окажется у меня на пороге. А теперь... начнем?

Он торопливо кивает, пока с моей стороны не последовала еще какая-нибудь безумная выходка. Ха! Неужели клиент до сих пор не понял, куда он попал?

Я поднимаюсь из своего кресла и подхожу к стоящей в глубине «приемной» дешевой ширме «под Китай», расписанной усатыми водяными драконами. И выкапываю из-за нее на середину комнаты...

— ЧТО ЭТО?!

Клерк явно в шаге от того, чтобы сорваться с места и бежать прочь, теряя подметки. Зря. После того, как плата внесена надлежащим образом, у него осталась только одна возможность покинуть борт.

— Вы слышали, должно быть, что многие психотерапевты во время сеансов предлагают своим гостям прилечь на такой специальный диванчик?

— Да, конечно. Но это...

— Это — мой диванчик. Стоит признать, что он немного жестковат, и все же в нашем деле без него никак не обойтись. Прошу вас. Обувь можно не снимать. Хотя... Будьте любезны, развяжите шнурки и галстук.

— Вот прямо сюда?

Клерк вытягивает руку. Пальцы ходят ходуном, когда он приближает их к старому грязно-белому медицинскому столу-каталке. Затягивающий его прозрачный целлофановый чехол, украшенный несколькими глубокими продольными и поперечными разрезами, не скрывает пары плохо замкнутых буроватых пятен.

— Совершенно верно. Ну же, смелее! И не забудьте о моей просьбе.

В общем, гость устраивается. Пока он ерзает, пытаюсь устроиться поудобнее (как будто это возможно), я быстро завязываю шнурки на его ботинках и галстук по-новому: кинжальным, фламандским и плоским узлами соответственно. Клерк несколько раз пробует робко приподнять голову, чтобы рассмотреть, какое еще злодейство я замыслил, но я мягко надавливаю кончиками пальцев на его лоб. В последний раз затылок гостя с глухим стуком соприкасается с поверхностью стола, после чего Клерк наконец прекращает попытки и я вновь возвращаюсь в свое кресло.

— Глаза закрывать? — летит мне в спину.

— Как угодно. Мне не мешает.

Гость пробует и так, и эдак. С его точки зрения непонятно, что хуже. В итоге он принимает решение плюнуться в потолок. Что по мне — так себе зрелище. Впрочем, это ненадолго...

* * *

— Хай, чувак!

В комнату входит Белый Брат. Нет, не входит. Втекает, точно струйка мертвенно-сладкого дыма из курильницы с опиумом. Двигаться так умеет только он. Элегантно. Волнующе.

Неотвратимо.

Как обычно, он игнорирует дверь и возникает прямо из стены, да еще с этим идиотским громким «Чпок!». Подсмотрел в каком-то мультфильме и теперь развлекается, зная, что меня это бесит.

Поскольку в данный момент я как раз рисую на борту кораблика глаз, — в одной руке модель, в другой — кисточка с голубой краской, в зубах — еще одна, с белилами, — я не отвечаю на приветствие.

Он проходит по комнате танцующей походкой — ослепительная белизна ткани, кожи, волос с единственным ярким пятном — ярко-алыми, чувственными, почти непристойными в своей бесстыдной притягательности губами — и останавливается напротив меня. Замирает, слегка склонив голову к левому плечу.

— Типа «Арго».

Не вопрос, нет. Он слишком хорошо меня знает. И все-таки ошибается, хотя о Парадоксе Тесея и связанном с ним судне, разумеется, слышал. Не удивлюсь, если именно он придумал эту ситуацию — шуточка вполне в духе моего неутомонного соседа и конкурента.

Я как раз заканчиваю рисовать и, отведя руку, люблюсь достигнутым эффектом. Глаз заговорщицки подмигивает мне с просмоленного соснового борта. Белый Брат, не выдержав, фыркает:

— Позер!

— Уж кто бы говорил! — не остаюсь в долгу я, ставя модель на стол и вытирая тряпкой испачканные в краске руки. Едва очутившись на гладкой поверхности, кораблик начинает покачиваться, словно колеблемый легкой волной, а его парус натягивает залетевший из кухни ветерок, пахнувший солью и йодом. Отдаленным эхом звучат крики чаек, поскрипывание канатов и, разумеется, шепот — шелест — шорох воды.

плещет, плещет. А ну и пусть!

— Позер долбаный! — снова повторяет Белый Брат, но на этот раз в его голосе звучит явное одобрение. Он задумчиво шевелит пальцами правой руки, отчего кораблик на столе принимается судорожно нырять вверх-

вниз, словно попав в неслабый шторм. К далекому отзвуку, гуляющему по комнате, примешиваются отчаянные крики людей и угрожающий треск.

— Не увлекайся! — грожу пальцем я.

— «И пришел к нему начальник корабля и сказал ему: что ты спишь? встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о нас и мы не погибнем»¹, — с глумливыми интонациями цитирует этот самодовольный засранец, явно вспомнив о мозаике над моим камином.

Не выдержав, я подхватываю корабль и несу на полу, ко всем прочим моделям.

У меня неплохая коллекция. Надо же чем-то развлекать себя между визитами клиентов? «Леди Ловибонд», «Х.Л. Ханли», «Бисмарк», «Фермопилы», «Большой Змей», «Резолюшн», «Баунти», «Курск», «Двенадцать апостолов», «Энтерпрайз», «Айова», «Лузитания», «Месть Королевы Анны», «Каллипсо» и еще десятки других. Помнится, один из клиентов, брутальный миллиардер, которого я окрестил «Мистер Бык», все упрашивал меня продать ему копию «Нагльфара». Когда мне это надоело, я предложил ему выбор: положить две купленные на аукционе «Кристис» монеты в свинью-копилку или заплатить ими за этот образчик кератинового судостроения, а потом суметь найти мой дом еще раз. Богач расхохотался и ушел, унося модель с собой. С тех пор я не видел Мистера Быка и не увижу больше никогда. Все-таки Белый Брат прав — кое-кто из моих клиентов и впрямь безмозглый зомби...

— Что там нового снаружи? — спрашиваю я своего гостя. Он кривится:

— А что там может быть нового? Все те же дохлые обитатели все того же дохлого мира. Пашу без выходов и праздников, и все равно не успеваю обслужить всех желающих. Как и все наши. Твой бизнес, чувак,

¹Ион. 1:6.

скоро загнется, факт. Пока не поздно, перепрофилируй лавочку.

Он говорит это всякий раз, как приходит. И он абсолютно прав. Но все же я раз за разом качаю головой и отказываюсь. Отказываюсь, потому что кроме Мистера Быка и ему подобных завсегдааев роскошных апартаментов Белого Брата, Добродетельных Сестричек и всех прочих моих конкурентов, есть и другие. Потому что я видел слезы на глазах Мистера Клерка. Одного из тех бесчисленных людей, которым я помог вспомнить и осознать. Перестать быть всего лишь тупым зомби. Укрепить связь с реальностью — тонкие ниточки, не дающие им окончательно сорваться в такой сладкий, манящий, беззаботный обман. А потом — разорвать замкнутый круг и уйти...

* * *

Проводив гостя, я бездумно курсирую взад-вперед по комнате, пытаясь шагать в такт доносящимся с кухни мерным звукам.

плещет, плещет, не смолкая ни на миг

Потом, неизвестно почему, открываю входную дверь.

За дверью — никого. Только влажный, затхлый воздух. Только тьма, которую не рассеять укрепленным над моей дверью фонарем. Только суетливое попискивание вездесущих крыс.

Крысы бегут прочь от моего дома, и никогда — по направлению к нему. Должно быть, в этом есть какой-то смысл.

Если вы пойдете вслед за ними, то рано или поздно окажетесь снаружи. Там, где хлещут, пенясь, мутные кислотные дожди, на время смывающие ядовитый пепел и кровавую ледяную крошку. На мертвой поверхности, населенной теми, кто отказывается, не хочет, боится верить: именно они сотворили это со своим домом. Почти все из них рано или поздно придут за утешением к Белому Брату и его снадобьям, или к Добро-

детельным Сестричкам (до сих пор не пойму, как такое могло уродиться у их мудрой матушки, ведь даже сущность тройняшек — вызов здравому смыслу) с их ржавыми секаторами, или к иным помощникам по разрывам с реальностью. И утешение будет даровано им. И Чпсьт фпх Ибнъфпх — Mortis Saltatio — Totentanz — Danse macabre — Danza de la muerte — Dance of Death будет продолжаться.

Но если вы однажды поймете, что этот танец не для вас;

что вы — что-то большее, нежели безмозглый зомби; что голос, зовущий вас прочь отсюда, еще все еще звучит, —

вы рано или поздно найдете на улице... или выиграете в карты... или получите в наследство... или купите... или раздобудете еще сотней возможных способов две скромные, неприглядные, потертые монеты из позеленевшей от времени меди.

Такой же, как табличка на моей двери.

«Что, черт возьми, означает это «ха» перед твоим именем, чувак?! — спросил меня однажды Белый Брат».

«Может, то, что я всегда не прочь посмеяться? — предположил я. — Ха, чувак! Или даже — ха-ха...»

Он удалился, грязно ругаясь сквозь зубы, и поэтому вряд ли расслышал окончание моей фразы.

«Куда важнее, что написано *лог* моим именем».

Я возвращаюсь на борт и захопываю дверь. Не могу даже предположить, когда придет следующий клиент. Как он будет выглядеть. Какого он будет пола и возраста. Знаю только, что вода в кране на моей кухне все еще не иссякла.

плещет, плещет, мое проклятие и благословение

А значит, я буду сидеть в своем любимом продавленном кресле. Курить. Мастерить модели «Наутилуса» или «Секрета», «Испаньолы» или «Покорителя Зари», «Сына Грома» или «Вингилотэ». И ждать.

Слышите? Я буду ждать вас. Всех, сколько бы вас еще ни осталось под этим небом!

ОХ УЖ ЭТИ ЗОМБИ, ИЛИ ТУПИКОВАЯ ВЕТВЬ ЭВОЛЮЦИИ

Ох уж эти зомби! Житья от них нет никакого! Я, конечно, знал, что они время от времени в дома забираются, но чтобы в мой пробрались — такого еще не было. Потому и удивился очень. Подошел к своей избушке и вдруг — как обухом по голове — чую, зомби там! Руку даю на отсечение, внутри он. Затаился и выжидает.

Плюнул я с досады — вот некстати! У меня планы на сегодня совсем другие были, а сейчас придется вылавливать. Шагнул на порог, обвел комнату взглядом: где эта нечисть притаилась? Зомби они такие — с ними надо ухо остро держать. От их касаний кожа струпьями сходить начинает, потому и надобно поосторожнее.

Огляделся я кругом, присмотрелся. Ага, вот ты где, голубчик! Спрятался в углу и думаешь, что я тебя в темноте не замечу? А вот замечу! Глаза-то у тебя впотьмах посверкивают, они тебя и выдают. Сейчас бы только как-то аккуратно подобраться...

Я шажок вперед сделал, гляжу, а зомби-то — самка! Волосы длинные всклокоченные и от платья одни лохмотья остались. А когда меня увидела, когти вперед выставила и зашипела, чисто змеюка. Да, голыми руками такую не возьмешь.

Сдернул я покрывало с кровати, чтобы на нее накинуть, а она — вот бестия! — вместо того чтобы спокойно дожидаться, когда я ее выловлю, вдруг зыркнула глазищами да и метнулась прочь, словно рысь. Только ветер мне по ногам. Столик у кровати зацепила — склянки с травками да мазями так и посыпались на пол. Наткнулась на шкаф — чучела птичьи сверху пикировать начали, будто и не чучела вовсе. По комнате пух, перья снежной метелью. А этой страхолюдине все мало. Она в другой угол отскочила, а там кадушка с водой. Кадушка — набок. Вода — на пол. Зомби взвизг-

нула и по кругу помчалась. Батюшки святы, чего тут началось! Пух летит, на полу потоп, зомби мечется и визжит, вещи сыплются. Светопреставление!

Я вперед бросился, покрывалом взмахнул, почти ухватил зомби эту дикую. Да вот незадача, кадушка под ноги попала. И покатился я кубарем, все углы пересчитывая. А зомбиха отскочила прочь, фыркнула, да и рванула по лестнице вверх, на чердак.

Поднялся я кое-как на ноги, с лица перья прилипшие обтер, покосился на лаз чердачный. Вот же шустрая, чертяка, попалась! Ну, ничего! Лаз узкий — никуда она оттуда не денется. Поднял с пола мокрое покрывало, сунул под мышку и полез наверх.

Только я голову-то высунул, а эта стерва — не будь дура! — хватить меня за волосы. Благо, что я башку отдернуть успел. Успел, да не до конца. Чувствую, зацепила она меня. Пощупал рукой и понял, половины скальпа нет. Тут уж я разозлился не на шутку. Так вообще можно без головы остаться, а она у меня одна. Спустился вниз, взял метлу, накинул на черенок покрывало. И пополз снова на приступ. Покрывало черенком вверх пропихиваю, сам за ним хоронюсь, словно за шторкой. На ступенечку поднимусь — подожду. Еще поднимусь, еще подожду. А эта bestия тоже затаилась. Вот осталось совсем чуть-чуть, я изготовился, да и пихнул черенок вверх. Она прыг — и вцепилась в покрывало. Думала, что это опять моя голова. А вот и нет тебе, дурында!

Я черенок выпустил, да и хватить это чудовище прямо сквозь ткань. Она зубами щелкает, когти длинные так и клацают. А я перехватился поосновательнее, да и дернул ее вниз. Она кубарем и полетела. Высоко было — кабы упала, так разбилась бы сразу: плоть-то у зомби хрупкая. Но я наготове был, удержал. Рыпнулась она несколько раз, да и обмякла. От страха, наверное, в летаргию впала. В кому. Сознание то есть потеряла. Боятся они нас жутко. Да, может, и не зря. Большинство ведь наших как думает? Что изничтожать зомби надо. Ибо пользы от них никакой, а вреда много: проби-

раются в дома, вещи воруют. А что не своруют, так попортят. Вредные существа, в общем. Но я, по правде сказать, всегда полагал, что хоть они и зомби, а жить-то тоже хотят. Потому и решил сейчас отпустить эту, выловленную. Пожалел.

Вынес я ее наружу, положил в травку, потряс легонько. Она глаза открыла, меня увидела — да как заверещит. Рванулась, из покрывала вывернулась — и в лес. Только пятки засверкали. А я еще и улюлюкнул ей вслед — уж больно она дом-то мне попортила. Ну да ладно, подправляю. Зато доброе дело сделал: отпустил тварюшку на волю. Глядишь, у бога зачтется. Он-то ведь все свои создания любит. Не только нас, но и этих несчастеньких тоже.

Говорят, были эти зомби когда-то разумными, а сейчас выродились, одичали. А ведь раньше даже говорить умели. Слово зомби-то — из их языка. Живой мертвец значит. Это они нас так звали. Вот только убей, не пойму почему. Ведь живые-то мертвецы — это не мы, а они. Вроде и живы, да надолго ли? Без воздуха — умирают. Без еды и воды — тоже. Чуть холод больше или жара — тоже сразу мрут. Навсегда, между прочим. Не то что мы. Пить, есть нам не надо. Холод, жара — нипочем. А что части тела иногда отваливаются, так ничего в этом мире не вечно. Главное, не запускать, а подправлять вовремя. Пойду вот сейчас себе скальп приклеивать. Если, конечно, найду чего из снадобий средь бедлама устроенного.

Вздыхнул я, разоренную комнату вспомнив, и поплелся навстречу ненавистной уборке. Ох уж эти зомби, тупиковая ветвь эволюции, один урон от них...

СОДЕРЖАНИЕ

Владимир Васильев А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ	5
Николай Калининченко ДОЖДЬ НАД ЕЛЬЦОМ	36
Сергей Анисимов ЛИШНИЙ	95
Мария Гинзбург МЕРТВЕЦЫ И КРЫСЫ.	148
Леонид Кудрявцев МЫ — ЗОМБИ.	213
Наталья Караванова ДОМ НА КЛАДБИЩЕ	235
Игорь Минаков, Максим Хорсун КОРАБЛЬ ГУРМАНОВ VS БЕТОННЫЙ ЛИНКОР	281
Вячеслав Лазурин УБЕРЗОЛЬДАТ АНЕНЕРБЕ.	307
Сергей Игнатьев ЛИСТОПАД МОРТИАРХА	354
Александра Давыдова ТРЕТЬЯ СМЕНА	370
Юстина Южная У МАШИ ЕСТЬ БАРАШЕК...	386
Владимир Аренев ДЕЛО О ДЕТСКОМ ВОПРОСЕ.	403
Ника Батхен БЕЛАЯ КОРОЛЕВА.	432
Игорь Вереснев АПАНОВСКИЙ ИНЦИДЕНТ.	466

Максим Тихомиров СМЕРТЬ И МЕНДЕЛЬСОН	498
Майк Гелприн, Юлия Черных РЕЗНЯ В ПЕТУШАТНИКЕ	509
Владимир Яценко ПАСЫНОК ЧЕЛОВЕЧЕСТВА	531
Дмитрий Казаков ДЕНЬ СВЯТОЙ МИЛЫ	591
Владимир Венгловский ЖЕЛЕЗНЫЙ ДУБ	617
Сергей Волков ЛЕДЯНАЯ СИМФОНИЯ	634
Дарья Зарубина НУЖЕН МНЕ РАБОТНИК	673
Ирина Скидневская, Юлия Мальт ГОСПОДИН ХАНСЕН, КОТОРЫЙ ПЕРЕПЛАЫЛ МОРЕ, И ЕГО ДЕТИ	710
Евгений Константинов ПОСУЛИ МНЕ ВСЕ ЗАБЫТЬ	771
Александр Золотько ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА	796
Андрей Скоробогатов ПОТРЕПАННОЕ ОЧАРОВАНИЕ БЛОНДИНОК	817
Дарья Зарубина ТОТ, КТО ЕСТ ТВОЙ МОЗГ	833
Вячеслав Бакулин СПЕЦИАЛИСТ ПО СВЯЗЯМ С РЕАЛЬНОСТЬЮ	845
Каримова Кристина ОХ УЖ ЭТИ ЗОМБИ, ИЛИ ТУПИКОВАЯ ВЕТВЬ ЭВОЛЮЦИИ	858

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *Е. Кумшаева*
Корректор *Г. Москаленко*

ООО «Издательство «ЭКСМО»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндруші: «ЭКСМО» ЖШК Баспасы, 127299, Ресей, Мәскеу, Клара Цеткин көшесі, 18/5 үй.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru . E-mail: info@eksmo.ru.

Қазақстан Республикасындағы Өкілдігі: «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қаласы,
Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе. Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92,
факс: 8 (727) 251 58 12 ішкі 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Қазақстан Республикасының аумағында өнімдер бойынша шағымды Қазақстан
Республикасындағы Өкілдігі қабылдайды: «РДЦ-Алматы» ЖШС,
Алматы қаласы, Домбровский көшесі, 3-а», Б литері, 1 кеңсе.
Өнімдердің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Сведения о подтверждении соответствия издания
согласно законодательству РФ о техническом регулировании
можно получить по адресу: <http://eksmo.ru.certification/>

Подписано в печать 28.05.2013.
Формат 84x108 1/32. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 45,36.
Тираж 5000 экз. Заказ № 455.

Отпечатано по технологии СtP
в ООО «Полиграфический комплекс «ЛЕНИЗДАТ»
194044, Санкт - Петербург, ул. Менделеевская, д. 9
Телефон / факс: (812) 495-56-10.

ISBN 978-5-699-65090-3

9 785699 650903 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.**
international@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2299, 2205, 2239, 1251.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru**

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

**Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:
В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.**

Тел. (812) 365-46-03/04.

**В Нижнем Новгороде: Филиал ООО «Торговый Дом «Эксмо» в Нижнем Новгороде,
ул. Маршала Воронова, д. 3. Тел. (8312) 72-36-70.**

**В Ростове-на-Дону: Филиал ООО «Издательство «Эксмо» в г. Ростове-на-Дону,
пр-т Стачки, 243 «А». Тел. +7 (863) 305-09-12/13/14.**

**В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.**

**В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.**

**В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru**

**В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 6.
Тел./факс: (044) 498-15-70/71.**

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (062) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ул. Бузкова, д. 2. Тел. +38 (032) 245-01-71.

Интернет-магазин: www.knigka.ua. Тел. +38 (044) 228-78-24.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. RDC-Almaty@eksmo.kz

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

**Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»
www.fiction.eksmo.ru**

**Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.
Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

А ЗОМБИ ЗДЕСЬ ТИХИЕ

Цивилизация людей рухнула под собственной тяжестью...
Небольшие человеческие общины борются за выживание,
окруженные полчищами живых мертвецов. Правда, неизвестно,
кто хуже – обыкновенные бандиты, беспощадные, как зомби,
или малоподвижные зомби, промышляющие разбоем. Но
общинник Пашка не спрашивает: кто лезет через ограду? Ведь
ружье его заряжено картечью...

Теперь, Обглоданный, ты не просто зомбак, теперь ты матрос
второй степени разложения. Хочешь служить Мертвечеству?
Ступай на камбуз дредноута «Уроборос», готовь жратву на всю
команду, но помни: зомби не люди, они человечину не едят...

Молодой зоотехник Леша Жарков приезжает в богатый
колхоз. Юноша готов засучив рукава строить светлое
будущее, но есть одна проблема – процветание колхоза
зависит от труда живых мертвецов...

Война миров – зомби против людей – началась!
Владимир Васильев, Леонид Кудрявцев, Дмитрий Казаков,
Сергей Волков, Максим Хорсун и другие в уникальном
проекте издательства «ЭКСМО»!

